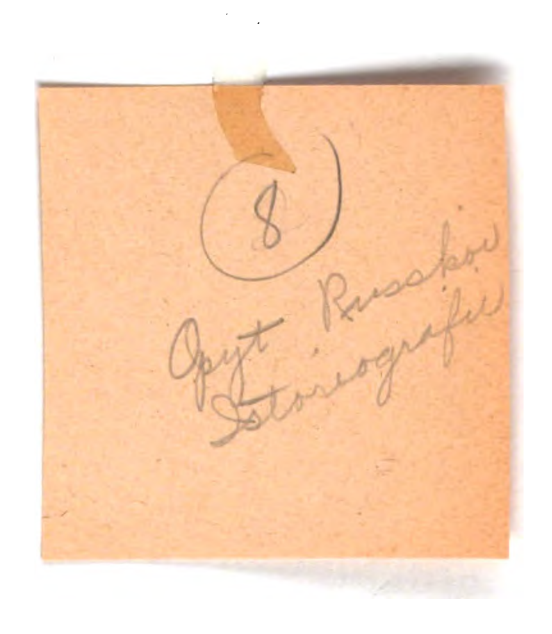
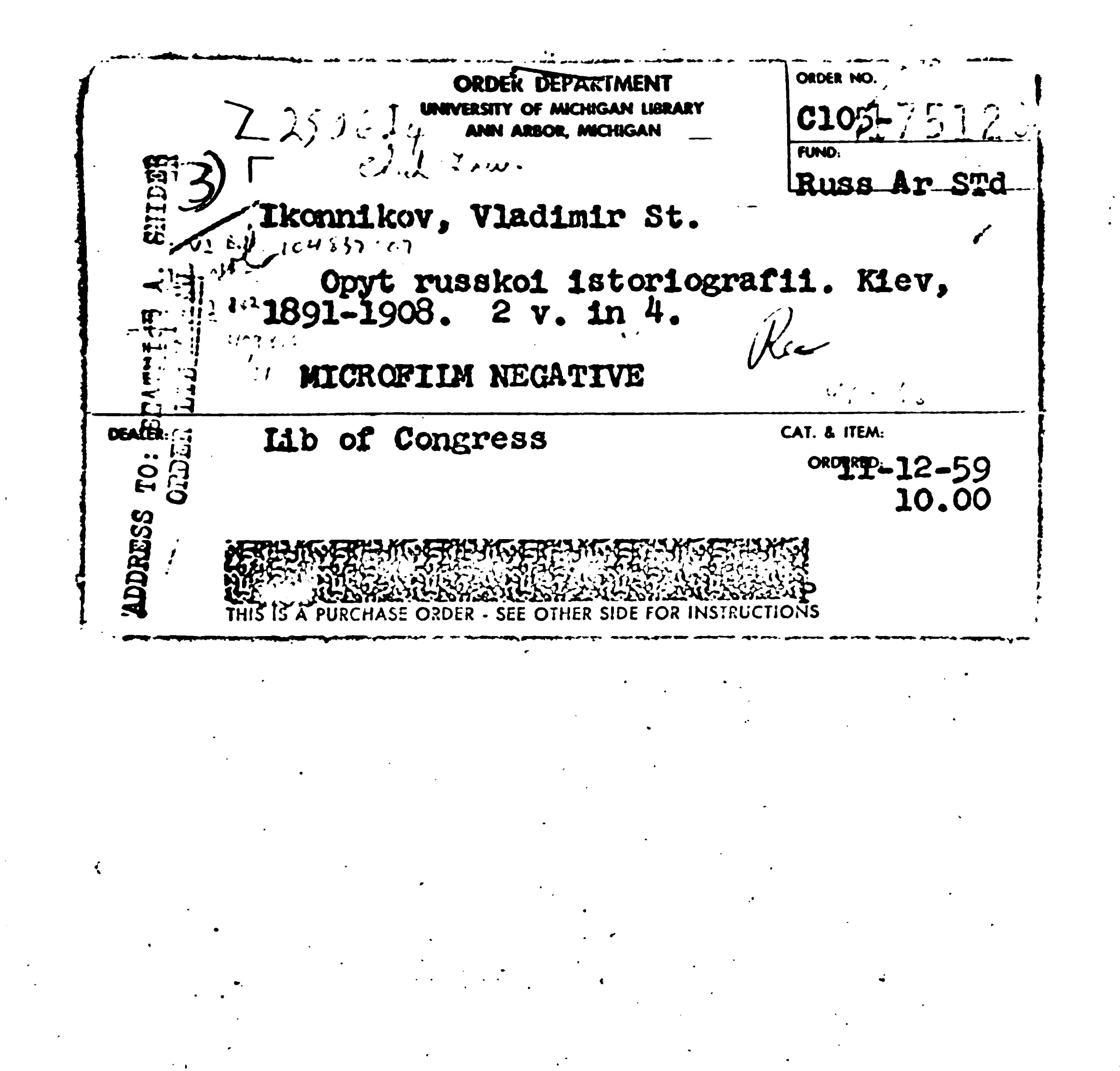

8
Opyt Russkoi
Istoriografii



ORDER DEPARTMENT
UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY
ANN ARBOR, MICHIGAN

ORDER NO. C105-7512
FUND: Russ Ar STd

Ikonnikov, Vladimir St.

Opyt russkoi istoriografii. Kiev, 1891-1908. 2 v. in 4.

MICROFILM NEGATIVE

DEALER: Lib of Congress

CAT. & ITEM:
ORDERED: 11-12-59
10.00

ADDRESS TO:
ORDER

[redacted]

THIS IS A PURCHASE ORDER - SEE OTHER SIDE FOR INSTRUCTIONS

Opyt

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

Ikonnikov, Vladimir Stepanovich

В. С. ИКОННИКОВА,

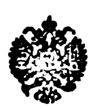
профессора Университета св. Владиміра.

Т. 1.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

кн. 1.

КНИГА ПЕРВАЯ.



КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра В. Завадзкаго.
Большая-Васильковская ул., д. №№ 29—31.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта университета св. Владиміра.
Ректоръ *Ѳ. Фортинскій.*

Приложеніе къ Университетскимъ Извѣстіямъ 1884—91 гг.

ИМПЕРАТОРСКОМУ

УНИВЕРСИТЕТУ СВ. ВЛАДИМІРА,

въ память его пятидесятилѣтія,

посвящаетъ авторъ этотъ трудъ.

...„Jeder wäre dann gut zum Historiker; so wie jeder meint leben zu können, so wäre dann auch, weil die Geschichte nur der Abdruck des Lebens ist, jeder fähig über Geschichte zu urtheilen und Geschichte zu schreiben“.

G. G. Gervinus: Grundzüge der Historik, Leipz. 1837, S. 32.

„Vielleicht keine Wissenschaft hat mehr von dem Dilettantismus zu leiden, als die Geschichte“.

G. Waitz: Falsche Richtungen (Histor. Zeitschr. 1859, I, 20).

„Der Bestand der historischen wie jeder andern Wissenschaft reicht genau so weit wie die Anerkennung des herrschenden Gesetzes“.

H. v. Sybel: Ueber die Gesetze des historischen Wissens, Bonn, 1864, S. 17.

„Родъ человѣческій вездѣ и по вселенной единакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко единакіе способы“.

Екатерина II, въ предисл. къ I-й ч. „Записокъ касательно рос. исторіи“.

„Сей трудъ весьма несовершенъ, но каковъ есть, много подастъ свѣдѣній до нынѣ малому числу людей извѣстныхъ; дополнить же и исправить легче, нежели собрать изъ нѣсколькихъ десятковъ книгъ“.

Екатерина II, въ эпигр. къ I-й ч. „Записокъ касательно рос. исторіи“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ОТДѢЛЪ II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ теченіе своей преподавательской дѣятельности автору неоднократно приходилось излагать курсъ *исторіографіи* или спеціальные отдѣлы его. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ интересомъ библіографа онъ слѣдилъ за текущей литературой своего предмета; а во время поѣздокъ на археологическіе съѣзды (до 1881 г.) ему удалось собрать и не мало библіографическихъ рѣдкостей или мѣстныхъ изданій, не всегда проникающихъ въ другіе концы Россіи. Такъ, постепенно составился тотъ матеріалъ, который послужилъ основаніемъ для настоящаго труда. Въ этомъ отношеніи автору приходилось работать еще въ то время, когда значительная часть новѣйшихъ библіографическихъ изданій и описаній архивовъ и библіотекъ не появлялась въ свѣтъ. Впрочемъ, заботясь о библіографической полнотѣ, онъ далекъ былъ отъ мысли придавать своему труду подобное значеніе и вовсе не думаетъ замѣнять имъ необходимость въ другихъ библіографическихъ справкахъ. Такое исключительное значеніе настоящаго труда и немыслимо было бы даже по самому положенію его автора. Хотя онъ могъ располагать довольно полными отдѣлами старинной литературы, которыми богата мѣстная университетская библіотека, и не менѣе систематически подобранной собственной библіотекой, но все таки нерѣдко онъ не въ состояніи былъ воспользоваться своевременно справками въ томъ или другомъ изданіи, а иногда вынужденъ былъ и вовсе отказываться отъ нихъ, не находя необходимыхъ пособій на мѣстѣ, а

въ слѣдствіе этого ему приходилось замедлять свою работу или подвергать ее разнымъ другимъ неудобствамъ. При существованіи въ Петербургѣ такихъ библіотекъ, какъ Императорская Публичная и Академическая, а въ Москвѣ—Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, указанныя неудобства легко устраняются.

Съ другой стороны, служебныя, литературныя и т. п. обязанности постоянно отвлекали автора отъ главнаго предмета его занятій. Прочитавъ вновь вышедшее изслѣдованіе, въ особенности по вопросу его интересовавшему, авторъ не всегда могъ остаться на столько равнодушнымъ, чтобы не высказаться по поводу его, а получивъ любопытное собраніе матеріаловъ,—не составить иной разъ монографіи или очерка. Впрочемъ, такое отвлеченіе въ сторону являлось иногда даже потребностью для него среди однообразія и тягостей настоящей работы. А между тѣмъ, благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, ему приходилось нерѣдко оставлять эту послѣднюю на нѣсколько мѣсяцевъ и ожидать болѣе или менѣе благопріятнаго настроенія, которое такъ необходимо въ ученой работѣ, но которое, какъ часто бываетъ, уже не возвращалось къ нему (см. Эристика, А. Шопенгауэра, стр. VIII).

Такимъ образомъ явилась надобность въ *дополненіяхъ*, помѣщенныхъ въ концѣ каждой части, въ которыя авторъ внесъ потомъ и нѣкоторыя другія подробности. Быть можетъ, еслибы онъ предвидѣлъ всѣ эти трудности, то и не рѣшился предпринять настоящій свой трудъ, а занялся бы другими вопросами, болѣе или менѣе имъ обработанными, предоставивъ собранные имъ матеріалы болѣе счастливому изслѣдователю. Вотъ почему авторъ предпочелъ назвать этотъ трудъ только „опытомъ"; даже болѣе: онъ готовъ считать его лишь „матеріалами" для будущей историографіи. Тѣмъ не менѣе онъ позволяетъ себѣ думать, что трудъ его можетъ имѣть еще и другое значеніе, помимо чисто библіографическаго интереса. При внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи, на основаніи его можно составить сводъ данныхъ о многихъ малоизвѣстныхъ памятникахъ, о переводной русской литературѣ въ древній и новой періоды нашей письменности, или установить принадлежность нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ извѣстнымъ писателямъ. Точно также, на основаніи сообщаемыхъ данныхъ можно прослѣдить, какіе умственные интересы господствовали въ русскомъ

обществѣ въ ту или другую эпоху и какіе умственные или литературные вкусы существовали въ средѣ его представителей и общественныхъ дѣятелей. Но, предлагая въ своей книгѣ библіографическія указанія по тому или другому вопросу, о томъ или другомъ памятникѣ, авторъ считалъ уже излишнимъ сообщать перечень всѣхъ сочиненій и статей, если они указаны въ одномъ изъ позднѣйшихъ изслѣдованій, приведенныхъ у него. Къ сожалѣнію авторъ не могъ приложить, сверхъ именнаго и географическаго указателей, указателя предметовъ, который онъ успѣлъ составить лишь для перваго отдѣла настоящаго тома.

Да проститъ читатель за это отступленіе! Оно вызвано не самомнѣніемъ автора, отъ котораго онъ далекъ, а, напротивъ, тѣми недостатками, которыми преисполнена его книга. Къ его труду, какъ думаетъ авторъ, болѣе чѣмъ ко всякому другому, вполнѣ примѣнимы слова древняго лѣтописца, съ которыми послѣдній обращается къ своимъ читателямъ: „радуется книжный списатель, дошедъ конца книгамъ.... И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените“.... (Лаврент. лѣт., въ концѣ). Авторъ желалъ бы, чтобы къ его труду были предъявляемы тѣ условныя требованія, которыя примѣнимы вообще къ исторической работѣ, а тѣмъ болѣе столь сложной, какъ настоящая (см. стр. 12, 32—33 его книги).

При всемъ томъ авторъ рѣшается выпустить въ свѣтъ свою книгу и въ такомъ несовершенномъ видѣ, слѣдуя въ данномъ случаѣ лишь словамъ другаго древняго писателя: „Forsan et haec olim meminisse juvabit“ (Virg. Aen., lib. I, v. 203).

Еще одно замѣчаніе. Читателямъ настоящаго труда безъ сомнѣнія хорошо извѣстна вся трудность библіографическихъ работъ и ихъ печатанія, а потому авторъ проситъ ихъ прежде всего обратить вниманіе на исправленія и измѣненія, сдѣланныя имъ въ дополненіяхъ, поправкахъ и перечнѣ опечатокъ.

Въ заключеніе онъ считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность всѣмъ тѣмъ, кто сообщилъ ему письменныя данныя и другія указанія или оказалъ содѣйствіе въ изданіи его труда. Означенныя сообщенія отмѣчены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Обширный указатель составленъ женою автора и только въ

главныхъ частяхъ просмотрѣнъ имъ. Наконецъ, и что́ самое главное, настоящее изданіе никогда не могло бы появиться въ свѣтъ безъ матеріальнаго содѣйствія университета св. Владиміра, которому авторъ и посвятилъ свой трудъ въ 1884 г., въ память его пятидесятилѣтія (Юбилейный актъ Императорскаго университета св. Владиміра, К. 1885, стр. 191).

Второй томъ предпринятаго изданія составятъ: систематическій обзоръ источниковъ и исторія разработки русской исторіи, отдѣльныя части которыхъ уже обработаны авторомъ, но приступить къ печатанію этого продолженія онъ въ состояніи будетъ только послѣ нѣкотораго и быть можетъ продолжительнаго отдыха.

20 іюля
1891 г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

Введеніе.—Предметъ исторіи.—Взгляды на нее въ разныя эпохи.—Отношеніе къ историческому матеріалу.—Общій ходъ исторической критики.—Положеніе исторіи въ ряду другихъ наукъ.—Оцѣнка свидѣтельствъ. Относительное значеніе источниковъ.—Преданія и миѳы.—Значеніе скептицизма.—Условія разработки русской исторіи.

Преданія представляютъ первоначальный источникъ историческаго знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый элементъ исторіи, но сами по себѣ они не составляютъ этой послѣдней. Чѣмъ долѣе преданія остаются предметомъ устной передачи, тѣмъ болѣе они подвергаются постороннимъ дополненіямъ и произвольнымъ измѣненіямъ. Только съ возникновеніемъ письменности становится возможнымъ сохраненіе историческихъ свѣдѣній въ ихъ первоначальномъ видѣ, хотя это условіе не обезпечиваетъ вполнѣ отъ искаженія фактовъ; нерѣдко оно даже способствуетъ утвержденію невѣрныхъ представленій объ историческихъ событіяхъ и лицахъ. Часто поэзія и исторія бываютъ перемѣшаны между собою такъ, что ихъ трудно отдѣлить другъ отъ друга[1]). „Вымыслы столь похожи на факты, и, на-

---

[1]) Вико выражается, что всѣ первобытные народы мыслятъ посредствомъ поэтическихъ образовъ, и потому предполагаетъ, что въ основаніи важнѣйшихъ преданій лежатъ „великія общественныя (историческія) истины". „Но и самый вымыселъ, говоритъ Ранке, имѣетъ свою истину, по-

оборотъ, факты столь похожи на вымыслы, что, относительно многихъ въ высшей степени интересныхъ подробностей, мы не можемъ ни вѣрить, ни отрицать, и остаемся въ непріятномъ и нескончаемомъ недоумѣніи. Мы знаемъ, что тутъ есть истина, но не можемъ точно опредѣлить, гдѣ она находится“ [1]).

Исторія имѣетъ дѣло съ фактами и явленіями. Факты, составляющіе матеріалъ исторіи это τὰ πράγματα, дѣла, въ смыслѣ дѣйствій и событій; отсюда въ латинскомъ языкѣ выраженія res gestae и historia rerum gestarum; у западныхъ славянъ, поляковъ и чеховъ, исторія называется дѣями (dzieje, děje, dějiny), какъ и у насъ въ старину говорили „дѣянія“ вмѣсто „исторія“ [2]). Съ понятіемъ же объ

скольку онъ представляетъ древнюю традицію. Есть періоды, въ которыхъ традиція и исторія нераздѣльно сочетаются другъ съ другомъ“ (Weltgeschichte, II, 1, S. 79). „Вообще очень трудно опредѣлить, какъ далеко простирается въ исторіи преданіе.... Обширные періоды прошлаго остаются совершенно для насъ пусты. Въ нашихъ дѣтскихъ сказкахъ сохранились отголоски древнѣйшей старины....; и мы не только научаемся отсюда цѣнить, какъ далеко идетъ непрослѣдимая живучесть преданія, но и замѣчаемъ, что здѣсь, какъ и во всѣхъ вообще развалинахъ, не всегда сохранилось самое крупное, прочное и связное, но что въ совершенно различныхъ образованіяхъ позднѣйшихъ народовъ могутъ быть разсѣяны отдѣльные и странные въ своемъ одиночествѣ обломки того, что́ было прежде общимъ достояніемъ человѣчества“ (Лотце, Микрокозмъ, III, 104—105).

Вообще, подъ *традиціей* принято разумѣть и памятники образовательнаго искусства историческаго характера, и устныя преданія, и письменныя свидѣтельства разнаго рода (Droysen, Historik, 1882, § 20; Bernheim, S. 155—157).

[1]) Маколей, Полн. собр. сочин., XIII (Объ исторіи, 329—330).

[2]) Н. Карѣевъ, Основные вопросы философіи исторіи, II, 308—309. Екатерина II выражается такъ: „Исторія есть слово греческое; оно значитъ *дѣи* или *дѣянія*. Исторія есть описаніе дѣй или дѣяній.... Описаніемъ, дѣла и дѣянія былыя намъ представляются такъ, какъ будто мы сами то видѣли“ (Записки касательно россійской исторіи, I, с. 1—2). По Тарду, единственные факторы исторіи суть человѣческіе поступки (Revue philosophique 1882, sept., 266). По Курно, „исторія есть наука фактовъ“ (Cournot, Considération sur la marche des idées et des événements dans les temps modernes, P. 1872).

исторіи (ἡ ἱστορία) обыкновенно соединяется представленіе о *разысканіи* или *изслѣдованіи* фактовъ, о достовѣрной передачѣ того, что было предметомъ личнаго наблюденія или изученія [1]). Такія требованія въ отношеніи къ историческимъ даннымъ были прекрасно выражены еще Θукидидомъ, котораго обыкновенно признають отцемъ прагматической исторіи, раздѣляющимъ эту честь вмѣстѣ съ Полибіемъ [2]). „Что касается совершившихся (въ теченіе войны) событій, говоритъ онъ, то я не считалъ себя въ правѣ записывать то, что узнавалъ отъ перваго встрѣчнаго, или то, что только казалось мнѣ, но записывалъ событія, *свидѣтелемъ* которыхъ былъ самъ, или тѣ, о которыхъ слышалъ отъ другихъ, но каждый разъ *послѣ возможно точной провѣрки* съ помощью разспросовъ. Изысканія были трудны, потому что очевидцы различныхъ событій передавали объ одномъ и томъ же неодинаково, такъ какъ каждый могъ, по силѣ сочувствія той или другой сторонѣ или по памяти. Быть можетъ, изложеніе мое, *чуждое басенъ*, покажется менѣе пріятнымъ для слуха, за то найдутъ его полезнымъ всѣ тѣ, кто захочетъ поразмыслить о прошломъ, возстановленномъ достовѣрно и могущемъ, по свойству человѣческой природы, повториться когда-либо въ будущемъ въ томъ самомъ или подобномъ видѣ; а этого для меня достаточно. Составленный мною трудъ не столько предметъ состязанія для временныхъ слушателей, сколько достояніе навсегда.... Пускай читатель знаетъ, что мною возстановлены событія съ помощью наиболѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ настолько удовлетворительно, насколько это позволяетъ древность ихъ“ [3]). Греческій историкъ рѣшительно высказывается какъ противъ поэтовъ, воспѣвающихъ ихъ съ преувеличеніями и прикрасами, такъ и противъ прозаиковъ, „сложившихъ свои разсказы, заботясь не столько объ истинѣ, сколько о пріятномъ впечатлѣніи для слуха, ибо ими разсказываются событія, ничѣмъ не подтвержденныя и *за давностію времени* превратившіяся большею частію въ нѣчто

---

[1]) Ἵστωρ—свѣдущій, свидѣтель (εἰδέναι); ἱστορία—разысканіе, дознанное черезъ достовѣрное изслѣдованіе, повѣствованіе о томъ, что мы сами видѣли; ἱστορικός—дѣеписатель; ср. ἴστος—точный, истый.

[2]) Ernst Bernheim: Lehrbuch der historischen Methode, Leipzig 1889, S. 16—17.

[3]) Пелопоннесская война, I, 21, 22.

невѣроятное и сказочное" [1]). Не менѣе рѣзко разграничиваетъ эти двѣ области и Аристотель: „историкъ и поэтъ, говоритъ онъ, различаются, между собою не тѣмъ, что одинъ пишетъ стихами, а другой прозою; но поэтъ отличается отъ историка тѣмъ, что одинъ повѣствуетъ о дѣйствительно приключившемся, а другой обо всемъ возможномъ" [2]).

Тѣмъ не менѣе древніе смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Задача тогдашняго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. Исторію называли наставницею жизни, къ ней обращались за совѣтомъ даже правители [3]). При господствѣ такихъ воззрѣній, произведенія древней исторіи не могли походить на ученыя сочиненія новаго времени, носящія на себѣ болѣе или менѣе печать кабинетной работы. Лучшія произведенія древнихъ историковъ представляютъ монографіи, обнимающія одно какое нибудь великое событіе или рядъ явленій, тѣсно связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ [4]). Въ самомъ распредѣленіи матеріала и выборѣ фактовъ писателями руководили природная, укрѣпленная навыкомъ, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Изслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ, почти не существовали [5]). Такимъ образомъ тотъ же Ѳукидидъ въ

---

[1]) Пелопоннесская война 21.

[2]) Поэтика, глава 9.

[3]) Полибій, I, 1.

[4]) Въ какихъ бы размѣрахъ древнѣйшіе лѣтописцы ни дополняли изъ устнаго и поэтическаго преданія сухой перечень фактовъ, сохранившійся въ оффиціальной лѣтописи, главное значеніе этихъ писателей лежитъ въ изложеніи событій современной имъ эпохи и ближайшаго прошедшаго (В. Пироговъ, Изслѣд. по римской исторіи, 166). Новые историки даютъ слишкомъ много мѣста наукѣ и частнымъ подробностямъ (Тэнъ, Титъ Ливій, 389).

[5]) О современ. знач. всемір. ист. Грановскаго (Собр. соч. I, 5—7). Hérodote et la conception moderne de l'histoire, par Alfr. Croiset (R. des deux mondes, 1-er mai 1890, 1-re livraison, 173—202).

свой разсказъ вставляетъ цѣлыя рѣчи современныхъ дѣятелей, которыя онъ слышалъ иногда отъ другихъ, или которыя, по его словамъ, должны были быть произнесены *сообразно* обстоятельствамъ [1]).

Исторія среднихъ вѣковъ, по своей формѣ, переходитъ въ лѣтопись, а это указываетъ на измѣненіе въ духѣ и направленіи исторіографіи [2]). Преобладаніе религіозныхъ интересовъ и легковѣріе, свойственное эпохѣ, въ свою очередь отражаются на изложеніи и содержаніи историческаго матеріала. Принципъ авторитета, безусловно господствовавшій въ одной сферѣ, одинаково примѣнялся и въ другой, противоположной. Между идеальной и фактической, поэтической и исторической истиной почти не полагалось различія. Въ героическихъ стихахъ видѣли высокую и истинную исторію, а исторія становилась на мѣсто этической, новеллистической и легендар-

[1]) Пелопоннесская война, I, 22. Критическій взглядъ на рѣчи Өукидида, Синайскаго (Учен. записки Казан. универ. 1840, IV). Очеркъ изслѣд. вопроса о рѣчахъ Өукидида въ иностран. литературѣ, В. Г. (Русскій Вѣст. 1884, № 11, сс. 323—333). Современная критика приходитъ къ тому заключенію, что къ числу историковъ, произвольно сочинявшихъ рѣчи, принадлежатъ прежде всего Геродотъ и Ливій, а за ними и цѣлая фаланга второстепенныхъ историческихъ писателей, тогда какъ наибольшею добросовѣстностію въ воспроизведеніи дѣйствительно произнесенныхъ рѣчей отличается только Өукидидъ, съ которымъ въ этомъ отношеніи можно сравнить развѣ лишь Полибія, Саллюстія и Тацита.

[2]) Послѣдніе римскіе историки, Лампридій, Вопискъ, Аврелій Викторъ, Евтропій, даже Амміанъ Марцеллинъ, чистые лѣтописцы. Лѣтопись была послѣднею формою проявленія исторіи въ свѣтской литературѣ древности. Исторія въ великомъ смыслѣ этого слова, поэтическая, политическая и философская, исторія Тита Ливія, Полибія и Тацита исчезла; теперь умѣли вести только *запись*, болѣе или менѣе точную, болѣе или менѣе полную, событіямъ и людямъ, не слѣдя за ихъ сцѣпленіемъ и нравственнымъ характеромъ, не ставя ихъ въ связь съ жизнію государства, не отыскивая въ нихъ ощущеній драмы или эпопеи, ставшихъ дѣйствительностью. Однимъ словомъ исторія была *хроникой*, не болѣе. Въ той же формѣ появляется она снова въ зарождающейся христіанской литературѣ; первые христіанскіе лѣтописцы, Григорій Турскій между прочимъ, только копируютъ и продолжаютъ своихъ языческихъ предшественниковъ (Гизо, Ист. цивилиз. во Франціи, II, 39—40).

ной поэзіи. Никто не задумывался надъ тѣмъ, что существующимъ явленіямъ жизни придавалась санкція почтенной древности съ помощью вымышленныхъ исторій и памятниковъ. Одинъ анналистъ списывалъ другаго съ такимъ простодушіемъ, что не замѣчалъ выраженій разсказчика, относящихся къ событіямъ за нѣсколько сотъ лѣтъ и никому не казалось предосудительнымъ, что компиляторъ занесъ въ свою книгу съ полною беззаботностью извѣстія, другъ другу противорѣчащія. Въ это время чрезвычайно рѣдко высказывалась склонность къ пониманію предметовъ въ ихъ внутренней связи и къ отысканію какого либо правила ихъ сцѣпленія или закона развитія. За то тѣмъ сильнѣе была страсть ко всему особенному, странному и чудесному, одинаково господствовавшая и въ естествознаніи, и въ географіи, и въ исторіи. Масса баснословныхъ сказаній и апокрифическихъ произведеній, распространенныхъ въ средніе вѣка, служитъ наглядною характеристикой господствовавшихъ понятій самой эпохи. Только съ возникновеніемъ новаго, научнаго движенія замѣчается переломъ и въ области историческаго изложенія. Съ возрожденіемъ наукъ и въ исторіи появляется наклонность подражать древнимъ писателямъ—въ слогѣ, способѣ выраженій и разсказѣ. Лучшіе писатели XVI и XVII вв. были собственно ихъ учениками. И даже въ Германіи, гдѣ въ послѣднее столѣтіе историческая наука сдѣлала такіе громадные успѣхи, историческія произведенія мало еще отличались отъ средневѣковыхъ хроникъ, а въ университетахъ исторія не имѣла самостоятельнаго значенія и была присоединяема то къ каѳедрѣ краснорѣчія, то (съ XVIII в.) къ государственному праву [1]).

---

[1]) Самое изложеніе всемірной исторіи по системѣ четырехъ монархій, наслѣдованное отъ средневѣковыхъ хроникъ, впервые было оставлено Гаттереромъ (во 2-й половинѣ XVIII в.).

Характеристику нѣмецкой исторіографіи см. у Везендонка: Die Begründung der neueren deutschen Geschichtsschreibung, Leipz. 1876, 1—57 стр. Португальскіе историки XVI—XVII в., по поводу предложенія Колумба, приводятъ рѣчи въ госуд. совѣтѣ, совершенно во вкусѣ Т. Ливія, которыя не имѣютъ никакого историческаго значенія (Оскаръ Пешель, Исторія эпохи открытій, 78). Въ извѣстныхъ подложныхъ запискахъ Ил. Пѣльгржимовскаго рѣчи, составленныя въ духѣ классическихъ писателей, влагаются въ уста бояр. Годунова и окольничаго Клешнина (см. Библіогр. Зап.

Съ другой стороны, широкое развитіе философіи въ этотъ періодъ вноситъ постепенно въ историческое знаніе общія начала, старается придать смыслъ отдѣльнымъ фактамъ и значительно способствуетъ возникновенію научной обработки исторіи, хотя въ самомъ обращеніи писателей этого направленія съ матеріаломъ было весьма много субъективнаго и произвольнаго. Направленіе это имѣло рядъ блестящихъ представителей во всѣхъ странахъ (Вико, Вольтеръ, Гердеръ, Болингброкъ, Юмъ, Гиббонъ и др.) и въ свое время оказало существенное вліяніе на возникновеніе исторической критики [1]). Переходъ отъ религіознаго и философскаго скептицизма къ скептицизму въ области политики и исторіи былъ вполнѣ естественъ. Такъ, Болингброкъ въ своихъ „Письмахъ объ изученіи исторіи" рѣзко осмѣиваетъ обычай прежнихъ историковъ слишкомъ довѣряться извѣстіямъ о древнѣйшихъ временахъ, онъ съ презрѣніемъ относится къ восточнымъ преданіямъ и даже не вѣритъ въ эпическіе разсказы Геродота; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявляетъ о необходимости *критики источниковъ*. Съ такой же отрицательной точки зрѣнія на средневѣковыя хроники смотрѣлъ и Вольтеръ, провозгласившій въ своемъ знаменитомъ произведеніи „Essai sur les moeurs et l'ésprit des nations" (1756), что основаніемъ исторической критики долженъ быть *здравый смыслъ* [2]). Однако примѣръ самого автора этого положенія лучше всего показываетъ, какъ произвольно относился онъ къ источникамъ и фактамъ исторіи. Такъ, когда при Елисаветѣ Петровнѣ, по ходатайству И. И. Шувалова, были сообщены ему матеріалы, извлеченные изъ архивовъ, и драгоцѣнная коллекція русскихъ медалей, для исторіи царствованія Петра В., то онъ ровно чрезъ годъ (1761 г.), вмѣсто ожидаемой отъ него подробной исторіи Петра В., прислалъ небольшую книжку (Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand), исполненную ошибокъ и неправильныхъ выво-

---

1858, I, 735—736). Записки напеч. въ Сѣв. Арх. 1825, № 21; С. Отеч. 1834, ч. CLXIV; 1847, III; Чт. въ Об. ист. и древн. 1858, II; о нихъ см. нашу моногр. „Новыя изслѣд. по ист. смут. врем.", с. 25 и ниже, с. 1238, примѣч.

[1]) „Писать исторію слѣдуетъ только философу", говоритъ Вольтеръ въ письмѣ къ Дюкло, 1745 г. (Геттнеръ, Франц. литер. въ XVIII в., 165).

[2]) Историческое чутье Вольтера наглядно выразилось между прочимъ въ его критикѣ Тацита (Морлей, 266).

довъ, а на вопросъ И. И. Шувалова, почему онъ не воспользовался сообщенными ему матеріалами, исказивъ притомъ почти всѣ собственныя имена, онъ отвѣчалъ: „я не привыкъ слѣпо списывать со всего, что мнѣ присылаютъ; *у меня есть свой взглядъ и свои достовѣрные матеріалы;* что же касается до упрека въ искаженіи собственныхъ именъ, то, кажется, его дѣлаетъ мнѣ какой нибудь нѣмецъ: je lui souhaite plus d'esprit et moins de consonnes“ [1]).

Но всякое знаніе, по мѣткому выраженію Милля, начинается скептицизмомъ. Отсюда же получила свое начало новѣйшая историческая критика. Первыя критическія изслѣдованія по древней исторіи имѣли чисто отрицательный характеръ [2]). И даже Шлецеръ, которому современная критика приписываетъ значеніе реформатора въ области исторіографіи [3]), признаетъ, что Вольтеръ оказалъ на его историческія воззрѣнія просвѣтительное вліяніе [4]). Будучи вѣренъ этому направленію, Шлецеръ исключаетъ изъ исторіи всѣ баснословные разсказы, въ какихъ бы священныхъ книгахъ они ни находились, а исторію каждаго народа онъ считаетъ возможнымъ начинать только со времени появленія *письменныхъ извѣстій* о немъ [5]).

---

[1]) Какіе матеріалы были сообщены Вольтеру и какъ онъ пользовался ими, можно видѣть въ Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie, III, 195. Ср. Устрялова, Ист. цар. Петра В. I. xxxix—xl. Примѣчанія на исторію Петра В. Вольтера были написаны Миллеромъ (Пекарскій, Ист. Ак. Н., I, 382) и Каченовскимъ (Вѣст. Евр. 1809, ч. XLVIII, № 21). О судьбѣ означенныхъ матеріаловъ см. ниже, стр. 1506.

[2]) Напр. трактатъ Beaufort'a „Sur l'incertitude des premiers siècles de l'histoire Romaine“, относящійся къ 1738 г. Нибуръ выражается, что соч. Бофора послужило основою для всего, что въ послѣдствіи писалось по этому предмету (Лекціи, I, сс. 3 и 72).

[3]) Die Begründung der neueren deutschen Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer, v. D-r Herm. Wesendonck. Leipz. 1876. S. 54—57. Также Ф. Вегеле: Gesch. der deutschen Historiographie, Münch. u. Leipz. 1885, S. 797; статья Бюдингера (Zeitschr. Зибеля 1862, B. VII); Бернгеймъ, (Lehrbuch der historischen Methode, Leipz. 1889, S. 144—145). Ср. рецензію соч. Везендонка, Ѳ. Я. Фортинскаго (Универ. Изв. 1877, № 4).

[4]) Шлоссеръ, Ист. восемнадц. стол., II, 331.

[5]) Такъ, по поводу лѣтописи Нестора, Шлецеръ выражается: „Несторъ, монахъ XI в., подобный всѣмъ европейскимъ монахамъ своего вре-

Онъ не удовлетворяется уже однимъ толкованіемъ текста и оцѣнкою извѣстій на основаніи ихъ вѣроятности, но старается прослѣдить каждое извѣстіе, по возможности, до его первоначальнаго источника и ставитъ вопросъ, могъ ли знать самъ авторъ о томъ, о чемъ онъ разсказываетъ? Но, какъ ученикъ Михаэлиса и Геснера, Шлецеръ обращаетъ больше вниманіе на критику текста, а его изслѣдованіе о Несторѣ показываетъ, что критика историческихъ источниковъ въ современной нѣмецкой литературѣ занимала уже видное мѣсто [1]).

„Все до сихъ поръ мною сдѣланное, говоритъ Шлецеръ въ своемъ „Несторѣ", состояло только въ предначертаніи и теоріи, въ „Несторѣ"—я привожу свою теорію въ исполненіе". Этотъ трудъ онъ называетъ основаніемъ, которое должно послужить образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ ученыхъ [2]). Принимая лѣтопись Нестора за первый и единственный источникъ для древнѣйшей русской исторіи, Шлецеръ заявляетъ о необходимости *своднаго текста*, а не изданія отдѣльныхъ списковъ. Разнорѣчія лѣтописи, по его мнѣнію, произошли отъ переписчиковъ, которые искажали, измѣняли и дополняли простой разсказъ древняго лѣтописца изъ византійскихъ писателей. Такимъ образомъ цѣлью своего изданія Шлецеръ поставилъ возстановленіе *текста Нестора*. Отсюда трудъ его распадает-

---

мени: неученъ, какъ и византійскіе его учители; наполненъ *предразсудками и монашескимъ легковѣріемъ, противнымъ здравому разсудку 18-го столѣтія*" (Несторъ, I, 397).

[1]) Свѣдѣнія о критическихъ пріемахъ Шлецера можно почерпнуть въ Periculum 1764, въ предисловіи къ изданію кёнигсбергскаго списка Несторовой лѣт. (1767 г.), въ Probe russischer Annalen (Göttingen, 1768), Allgemeine nordische Geschichte (Halle, 1771) и „Несторѣ" (нѣмец. изд. Göttingen 1802—809, I—V vv.; рус. переводъ Д. И. Языкова, I—III тт., Спб. 1809—19). Извлеченія почти всѣхъ мѣстъ, касающихся исторической критики, см. у Везендонка (250—280). Въ предисл. къ изд. древней лѣтописи по кёнигсб. сп. изложенъ очеркъ трудовъ по изданію историческихъ матеріаловъ въ разныхъ государствахъ Европы. Документы признаются здѣсь какъ главный источникъ въ ряду историческихъ данныхъ. Предисловіе принадлежитъ Шлецеру. Д. В. Полѣновъ выражаетъ болѣе благосклонный отзывъ объ этомъ изданіи, чѣмъ другіе (Библіогр. обозр. рус. лѣтоп., с. 26).

[2]) Несторъ, I, прибавл. 2, с. 394; предувѣдомл., IX.

ся на двѣ части: на сличеніе всѣхъ списковъ лѣтописи или *сводъ* и на *возстановленіе* первоначальнаго ея текста [1]). Чтобы очистить древнюю лѣтопись отъ позднѣйшихъ вставокъ, слѣдуетъ взять за основаніе одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ, а варіанты внести въ примѣчанія, но, при сличеніи ихъ, *не слѣдуетъ держаться правила, что древнѣйшая рукопись непремѣнно лучшая, часто бываетъ наоборотъ* [2]). Чѣмъ же руководствовался Шлецеръ въ своемъ выборѣ очищеннаго текста?

Историческую критику онъ раздѣляетъ на *низшую* или *критику словъ* и *высшую* или *критику событій*. На основаніи первой рѣшается вопросъ, что изъ выраженій въ лѣтописи принадлежитъ Нестору и что внесено переписчиками, или составляетъ позднѣйшую вставку. Но большую часть грубыхъ ошибокъ нельзя исправить безъ знанія иностранной исторіи. Прежде, по незнанію, приписывали простому монаху много ложнаго, особенно о началѣ государства. *Высшая критика* разсматриваетъ правильна-ли мысль самого лѣтописца, на сколько правильно событіе, о которомъ онъ говоритъ, а именно составляетъ ли оно историческое событіе или сказку, а для этого опять необходимо близкое знакомство съ иностранной исторіей. Шлецеръ заявляетъ, что его правила критики не имъ изобрѣтены, а заимствованы у другихъ писателей, но онъ приспособилъ ихъ къ русской исторіи [3]).

---

[1]) Несторъ, I, прибавл. 2, § 3 и 5, сс. 394—497 и 409—416. Иначе поступилъ проф. Моск. универ. Р. Ѳ. Тимковскій, слѣдуя наставленіямъ филолога Гейне, преемника Геснера. Положивъ въ основаніе древнѣйшій списокъ, онъ съ точностью передавалъ чтеніе своего подлинника, объясняя и исправляя его отъ ошибокъ переписчиковъ посредствомъ варіантовъ. Лѣт. Нестора по древнѣйш. списку, мниха Лаврентія, изд. проф. Тимковскаго, напечатан. при Общ. ист. и древн. рос. М. 1824. Другіе критическіе его труды напечатаны въ изданіяхъ того же Общества. О немъ см. ст. П. М. Леонтьева (Біографич. словарь проф. Моск. унив., II, 486—498) и К. Ѳ. Калайдавича (О трудахъ проф. Тимковскаго по части русской исторіи, Вѣст. Евр. 1820, ч. CX, № 6).

[2]) Несторъ, I, 410—412; предувѣд., сс. xiii—xiv, xviii - xx.

[3]) Ibid. I, предв. напом., 5; 395—96; предувѣдомл., xxxix (отзывъ Шпиттлера). Они основывались „на классической и библейской критикѣ" новѣйшихъ временъ (ib. xiii—xvi; введеніе, пѕ; 411—416).

Въ молодости Шлецеръ съ большимъ усердіемъ занимался естественными науками и медициной, языкознаніемъ и богословіемъ. Въ своихъ литературныхъ трудахъ онъ выступилъ на поприщѣ политики, статистики, педагогіи, филологіи, публицистики. Эта широта его научной подготовки вполнѣ выразилась въ его историческихъ трудахъ и критическихъ пріемахъ. При пользованіи отечественными памятниками (monumenta domestica), онъ указываетъ на троякое ихъ изученіе: *критическое, грамматическое* и *историческое*. Критическое изученіе источниковъ состоитъ въ собираніи и сличеніи рукописей для установленія прочнаго текста; грамматическое — въ изученіи формъ языка, а историческое въ сведеніи всѣхъ данныхъ объ одномъ событіи въ одно цѣлое. Обращаясь къ studium monumentorum extrarium, онъ ссылается на связь русской исторіи съ иностранной, на необходимость дополнить ее данными изъ исторіи славянъ, финновъ и Византіи [1]). Послѣдующіе историки считали автора „Нестора" своимъ учителемъ и сопоставляли его трудъ съ знаменитыми изданіями Библіи и древнихъ классиковъ. По временамъ появлялись сильные критическіе умы, какъ Винкельманъ, Арнольдъ, Пуфендорфъ, Масковъ, но вліяніе ихъ было не велико. Только Шлецеръ и другой его извѣстный современникъ—Гаттереръ вызвали на свѣтъ цѣлую школу исторической критики и положили прочныя основанія позднѣйшему развитію исторіографіи. По силѣ вліянія Шлецера, его сравниваютъ съ Болингброкомъ въ Англіи, съ Вольтеромъ во Франціи. Какъ и они, Шлецеръ боролся противъ теократическаго пониманія исторіи, стоялъ за свободомысліе и раціонализмъ. Поэтому въ нѣмецкихъ исторіографическихъ трудахъ новый періодъ исторіографіи стали вести отъ Шлецера, а не отъ Нибура и Ранке [2]).

Общій характеръ критики Шлецера—скептическій, отрицательный. „Да простятъ мнѣ, говоритъ онъ, что я болѣе разрушаю, нежели созидаю, болѣе навожу сомнѣній, нежели разрѣшаю, болѣе ис-

---

[1]) На его Probe обращено было вниманіе не только въ Götting. gelehr. Anzeigen, но и въ лонд. журналѣ „Selections from the most celebrated foreign literary journals and other periodical papers" (1798), гдѣ были напечатаны отрывки изъ этого труда.

[2]) Везендонкъ, Вегеле.

кореняю басенъ, нежели предлагаю истинъ. Prima lex historiae, ne quid falsi dicat. Въ области наукъ не столько ли важно открытіе заблужденія, какъ и обрѣтеніе истины"? Цѣлью исторической критики должна быть одна истина: „*ignorare malo, quam commenta credere*". Исторія—это „неподкупное судилище". Поэтому *ничей авторитетъ* самъ по себѣ не служитъ ручательствомъ за истинность. „Не вѣрь вообще ничьему слову, слѣдовательно *и моему*. Не надобно совершенно ни на комъ утверждаться, а необходимо *испытывать и доказывать*.... Истинный историкъ долженъ все *самъ изслѣдовать, самъ разыскивать*" [1]). Понятно, что всею силою своего скептицизма Шлецеръ вооружается уже противъ значенія традиціи и вымысловъ фантазіи. Во всѣхъ народныхъ преданіяхъ, во всѣхъ поэтическихъ образахъ (пѣсни, саги, преданія) онъ видѣлъ одну ложь и спѣшилъ очистить отъ нихъ поле исторіи; а для того, чтобы установить несомнѣнную истину, онъ совѣтуетъ вникать возможно тщательнѣе въ суть факта и стараться отыскать его связь съ цѣлымъ періодомъ, проникнуться тогдашними понятіями для объясненія происхожденія подобныхъ явленій [2]). Для раскрытія истины онъ предлагаетъ употреблять *сравнительный методъ* [3]).

Историкъ долженъ быть раціоналистомъ. Онъ долженъ строго разграничивать религію и церковь. Нерѣдко ложныя показанія, вымышленныя чудеса выдаются за догматы и вызываютъ общее поклоненіе. Исторія должна смѣло стоять за правду, разоблачать выдумки, обличать суевѣрія. Точно также вреденъ ложно понятый патріотизмъ [4]). Если Миллеру запрещаютъ произнесеніе рѣчи о варягахъ потому лишь, что тамъ варяги выводятся изъ Швеціи, если для Россіи считаютъ униженіемъ то, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были морскими разбойниками, то никакой прогрессъ въ исторіографіи невозможенъ [5]). Самъ Шлецеръ отличался чисто космополитическими мнѣніями и съ такимъ же безпристрастіемъ относился онъ къ уста-

---

1) Несторъ, I, предувѣд., с. xxix; введ., ик; 427—428; Nord. Gesch. 259; 278.

2) Nord. Gesch. 97, 225, 260.

3) Ibid. 34, 45—46.

4) Несторъ, I, 431—432.

5) Несторъ, I, 430.

новившимся взглядамъ своихъ соотечественниковъ. Такъ, въ „Несторѣ“ (II, 423) Шлецеръ признается, что германцы вовсе не старожилы восточной Германіи и что задолго до нихъ здѣсь жили славяне. Нападая на страсть современныхъ историковъ къ филологическимъ сближеніямъ, основаннымъ на одномъ внѣшнемъ сходствѣ словъ, Шлецеръ съ своей стороны даетъ рядъ примѣровъ, какъ слѣдуетъ пользоваться подобнымъ матеріаломъ[1]).

Въ своемъ обзорѣ источниковъ („Несторъ“) Шлецеръ представляетъ обстоятельный сводъ этихъ послѣднихъ, начиная съ юридическихъ матеріаловъ и кончая надписями и вещественными памятниками; только къ пѣснямъ и сагамъ онъ относится крайне скептически. Его сводъ иностранныхъ извѣстій о Россіи, начиная съ древнихъ грековъ и римлянъ и кончая позднѣйшими писателями, отличается обстоятельностію и полнотою[2]). При этомъ онъ постоянно указываетъ на пользу и важность для изученія русской исторіи— византійскихъ писателей[3]). Комментируя Нестора, Шлецеръ представляетъ рѣшеніе массы вопросовъ—хронологическихъ, топо- и этнографическихъ, юридическихъ, археологическихъ и собственно историческихъ—о дѣйствительности разныхъ событій и т. д.

Заслуга Шлецера въ дѣлѣ обработки исторіи еще болѣе возрастаетъ если прибавить къ этому, что онъ постоянно обращаетъ вниманіе на культурную сторону народной жизни, на значеніе языкознанія, этнографическаго элемента, сравнительнаго метода[4]). Его труды по статистикѣ и государствовѣдѣнію вообще служатъ дополненіемъ этой широкой задачи историка; а его публицистическая дѣ-

---

1) Nordische Gesch., S. 106—108; Везендонкъ, 253—261, 264; Несторъ, I, 60—62, 150, 182, 428—29; II, 114—116, 398—399; III, 100.

2) Несторъ I, введ., ркѳ—рѳа; 359—370; III, 393—472. Благодаря его совѣтамъ и побужденію появилось извѣстное собраніе Стриттера „Memoriae populorum“ (Несторъ I, введ., рна).

3) Нѣкоторые выражали еще недавно желаніе, чтобы „исторія русской исторіи“ Шлецера была вновь пополнена и доведена до нашихъ временъ (Мухановъ, Что желательно для рус. исторіи, с. 30).

4) Онъ предложилъ синхронистически-этнографическій методъ изложенія и способствовалъ установленію хронологіи отъ Р. Х., какъ для новой, такъ и для древней исторіи.

ятельность показываетъ, насколько онъ былъ чутокъ къ современнымъ событіямъ [1]) „Писатель, говоритъ Шлецеръ,—это непризнанный, неоплачиваемый слуга гражданскаго общества, добровольный совѣтникъ народа. Если другіе чиновники всегда сохраняютъ свою власть, хотя бы и потеряли разумъ, то писатель силенъ лишь тогда, когда разсудокъ при немъ. Страшны не писатели, не журналисты, которые вносятъ свѣтъ въ мрачные области ханжества, нетерпимости, тайнаго порабощенія; но страшна публичность, которую они вызываютъ". „Письма" имѣли громадное значеніе въ то время; поэтому Цермело справедливо сравниваетъ ихъ съ знаменитой „Areopagitica" Мильтона, направленной противъ цензурныхъ стѣсненій [2]).

На взгляды Шлецера, какъ историка и политика, несомнѣнно повліяли современные историческіе и политическіе писатели Англіи и Франціи, а соч. Мабли „О способѣ писать исторію" онъ перевелъ даже на нѣмецкій языкъ и снабдилъ его своимъ предисловіемъ [3]). Сообразно съ мнѣніемъ Мабли объ историкѣ и художникѣ, Шлецеръ различаетъ четыре категоріи историковъ: историковъ собирателей, изслѣдователей, ученыхъ и художниковъ (Geschichts-sammler, Geschichts-forscher, Geschichts-schreiber und Geschichts-maler), причемъ художественная исторія является результатомъ трудовъ всѣхъ предшествовавшихъ историковъ, исполняющихъ эти подготовительныя работы [4]).

---

[1]) Briefwechsel и Staatsanzeigen.

[2]) „Первый, опредѣленно высказавшійся о необходимости особой науки объ обществѣ (Wissenschaft von der Gesellschaft), былъ Шлецеръ въ к. XVIII в.: до этого времени понятія общества и государства большею частію совпадали или же наука объ обществѣ сводилась къ экономической точкѣ зрѣнія, напр. у физіократовъ" (Н. Карѣевъ: Основные вопросы философіи исторіи, II, 13—14). Соч. его озаглавлено: Staatsgelehrtheit nach ihren Haupttheilen und Zusammenhang. I. Allgemeines Staatsrecht und Verfussungslehre, Götting. 1793. II. Theorie der Statistik, 1804.

[3]) „Гиббонъ первый далъ превосходный опытъ всесторонняго изученія историческаго матеріала", говоритъ Кудрявцевъ (О современ. задачахъ исторіи, Сочин. П. Н. Кудрявцева, I, 46).

[4]) Автобіографія Шлецера (Сборн. отд. рус. яз. и словесн. Ак. Наукъ, т. XIII съ приложеніями къ біографіи; Ch. Schlözer: A. L. v. Schlözers öffentliches und Privatleben, 1828, 2 Bde.; А. Г. Геерeнъ: Августъ Людв. Шлецеръ

Дальнѣйшимъ развитіемъ критическихъ пріемовъ Шлецера является критика Б. Г. Нибура, образовавшагося на аналитическомъ методѣ Канта и въ строгой филологической школѣ Германіи конца прошлаго столѣтія. Историческая наука до сихъ поръ признаетъ, что Нибуръ болѣе всякаго другаго въ настоящемъ столѣтіи повліялъ на примѣненіе критическихъ пріемовъ къ исторіи и на развитіе исторической науки вообще [1]). По его мнѣнію памятники древнѣйшей римской исторіи, содержавшіе въ себѣ самыя положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, подвергались измѣненіямъ и порчѣ подъ перомъ позднѣйшихъ римскихъ писателей. Такимъ образомъ задача критики должна состоять въ разложеніи риторическихъ разсказовъ Ливія на ихъ простѣйшія составныя части и въ возстановленіи первобытныхъ источниковъ, и хотя такая цѣль не могла быть достигнута вполнѣ, но Нибуръ указалъ путь, по которому слѣдовало идти въ этомъ направленіи и какъ пользоваться самыми источниками [2]).

(перевед. въ Моск. Вѣст. 1827, № 15); Ad. Bock: Schlözer. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts, Han. 1844; H. Döring: Leben A. L. v. Schlözers. Zeitz, 1836; А. Л. Шлецеръ, жизнь и труды его, Г. Головачева (Отеч. Зап. 1844, т. XXXV); Wesendonck (см. выше); Шлецеръ, разсужденіе о русской исторіографія, А. Н. Попова (Моск. Сборн. 1847, 399—483); А. Л. Шлецеръ, С. М. Соловьева (Рус. Вѣст. 1856, II, 489—503); Шлецеръ и анти-историч. направленіе, его же (ibid. 1857, VIII, 431—480); по поводу этой статьи: замѣчанія П. А. Безсонова, К. С. Аксакова, Ю. Ѳ. Самарина, А. С. Хомякова (Р. Бес. 1857, III, 73—158). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: Біографіи и характеристики, Спб. 1882 (А. Л. Шлецеръ, сс. 177—203); Th. Zermelo: A. L. Schlözer, ein Publicist im alten Reich, Berl. 1875; А. Л. Шлецеръ и его историч. критика, Н. Лятошинскаго, К. 1884 (Ун. Изв. № 8); Ю. Янсонъ: Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ, Спб. 1879, с. 20—40; также II-й томъ Ист. госуд. наукъ Моля.

[1]) П. Кудрявцевъ, реценз. на соч. Грановскаго (Отеч. Зап. 1853, т. LXXXVII, № 4, отд. IV, 41; Собраніе сочиненій, т. I, 45; Зибель, Законы историч. знанія. „У Нибура можно найти зародыши всѣхъ направленій, господствующихъ въ современной наукѣ" (Изслѣд. по римской исторіи, В. Пирогова, сс. 2 и 142).

[2]) Точно также Нибуръ отнесся скептически и къ историческому значенію Нибелунговъ (Лекціи, I, 29, 85, 214).

Нибуръ впервые высказалъ мысль, что главная задача историка должна состоять не въ томъ, чтобы доставить своимъ читателямъ художественное наслажденіе и не въ какой либо практической цѣли, а въ изысканіи научной истины. По его мнѣнію, первымъ долгомъ историка должна быть критика историческихъ свидѣтельствъ и источниковъ, а по свойству этихъ послѣднихъ по крайней мѣрѣ древняя и средневѣковая исторія должна опираться на филологію [1]). Но, по прекрасному выраженію Тэна, Нибуръ разрушаетъ только для того, чтобы вновь воздвигнуть.... Возсоздавши былины, онъ пытается возстановить истину.... Онъ понимаетъ, что въ человѣческихъ учрежденіяхъ ничто не является внезапно; что, подобно ходу вещей въ физическомъ мірѣ, и учрежденія имѣютъ слабые зачатки; что всякая перемѣна, будучи постепенной и подготовленной, является не по случайному мановенію чьей нибудь воли, но въ силу обстоятельствъ, и что поэтому нужно отыскать ея темное происхожденіе; что, по этой же причинѣ, учрежденія никогда не остаются въ одномъ положеніи; что учрежденія неизбѣжно и постоянно видоизмѣняются, потому что самъ человѣкъ каждую минуту измѣняется; что исторія ничто иное, какъ повѣствованіе *о движеніи и развитіи*. Это проникновеніе въ человѣческую природу и это неисчерпаемое знаніе фактовъ у Нибура выражаютъ собою особенность геніальнаго историка новаго времени [2]).

---

[1]) Въ русской литературѣ о Нибурѣ см. Москов. Телеграфъ 1829, №№ 8 и 9 (изъ англ. журн.); Сочин. Грановскаго, т. II; Петровъ, Новѣйш. національн. исторіогр., Харьк. 1861: Герье, Очеркъ разв. историч. науки, М. 1866; Пироговъ (см. выше). „Въ лицѣ Нибура филологія въ первый разъ встрѣтилась рѣшительно, лицомъ къ лицу, съ исторіей, узнала въ ея интересахъ свои собственные и подала руку на тѣсный и разумный союзъ съ нею. Плоды были прекрасны" (Кудрявцевъ, Сочин., I, с. 11—12).

[2]) Титъ Ливій. Критич. изслѣд., стр. 118, 122, 127—128. Ср. Сочин. Кудрявцева, I, с. 16—18: „Нѣтъ сомнѣнія, что Нибуръ владѣлъ глубокимъ и рѣзкимъ анализомъ, но силою этого анализа онъ только расчищалъ историческую почву отъ накопившихся въ ней мечтательныхъ построеній и подготовлялъ ее для новыхъ болѣе прочныхъ созиданій". О предшественникахъ Нибура по обработкѣ римской исторіи во Франціи (Bernheim, 133, 139, 141—142). Нибуръ отдаетъ должное признаніе и труду Бофора (см. выше, стр. 8, прим. 2).

Между тѣмъ, политическое и національное движеніе, пробудившееся въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вызвало въ Германіи широкую разработку отечественной исторіи и изданіе ея памятниковъ (Monumenta Germaniae Historica Г. Пертца), возникшее по иниціативѣ извѣстнаго Г. Ф. К. Штейна, ученика Шлецера[1]); а, спустя тринадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ Римской исторіи Нибура, появляется сочиненіе Ранке, посвященное критикѣ новыхъ историческихъ писателей[2]), въ которомъ были приложены къ дѣлу пріемы его учителя. Своими трудами и историческою семинаріею Ранке создалъ рядъ учениковъ, носящихъ имя его школы и распространившихъ ея вліяніе не только на Германію, но и въ другихъ странахъ. Они же оказали наиболѣе дѣятельную поддержку изданію Пертца. Независимо отъ того, подъ вліяніемъ и при участіи его учениковъ появился рядъ историческихъ памятниковъ въ Германіи, Италіи и даже въ Россіи (такъ, онъ содѣйствовалъ А. Старчевскому въ его изданіи иностранныхъ писателей о Россіи XVI в.).

Историческій скептицизмъ, направленный противъ преувеличенныхъ представленій о древнѣйшихъ періодахъ цивилизаціи и степени ея развитія[3]); мнѣніе объ относительномъ значеніи историче-

---

[1]) Съ этого изданія новѣйшая нѣмецкая исторіографія ведетъ даже свое начало (Гизебрехтъ, Entwicklung der deutschen Geschichtswissenschaft, Zeitschr. Зибеля 1859, I, 15—16; Ueber die Zukunft der Monum. G. H., v. G. Waitz (ibid. 1873, XXX).

[2]) Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber, 1824. Zweite Aufl. Leipz. 1874. По тонкости критическаго анализа, этотъ разборъ напоминаетъ критику Тита Ливія—Нибура. Своими учителями Ранке называетъ: Θукидида, Нибура, Лютера и Фихте (Bernheim, 144—145; Рѣчь его по поводу 50-лѣт. юбилея, В. Европы 1867, I, педаг. хроника, 15—16). Въ предисловіи къ своей древней исторіи Ранке говоритъ, что только исторія, основанная на критически изслѣдованныхъ источникахъ, можетъ быть названа настоящей исторіей. И онъ дѣлаетъ строгую оцѣнку всѣхъ источниковъ древней исторіи, не обращая вниманія на ихъ догматическое или документальное происхожденіе.

[3]) Онъ высказался съ одинаковымъ характеромъ въ нѣмецкой (Несторъ Шлецера) и французской литературѣ (Гизо, Исторія цив. во Франціи, лекціи 7-я и 9-я, между прочимъ по поводу книги Рогге о судебной системѣ германцевъ, Галле, 1820).

скихъ сказаній и лѣтописей, привели къ предпочтенію другаго рода историческихъ матеріаловъ—актовъ или юридическихъ и оффиціальныхъ данныхъ. Ранке для своихъ изслѣдованій воспользовался почти нетронутою до него массою архивнаго матеріала въ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи, а потому понятно, что этотъ матеріалъ выступаетъ у него на первый планъ; хотя это не мѣшало ему сдѣлать открытія въ области поэзіи (въ его изслѣдованіи объ итальянской поэзіи) и пользоваться подобнымъ матеріаломъ въ своихъ историческихъ трудахъ (исторія Сербіи [1]). Но быть можетъ никто не высказался такъ опредѣленно объ этомъ направленіи, какъ Маколей, одинъ изъ видныхъ представителей художественной школы.

„Исторія, говоритъ Маколей, по крайней мѣрѣ въ ея идеально-совершенномъ видѣ, состоитъ изъ поэзіи и философіи" [2]), и онъ весьма сожалѣетъ, что эти два способа повѣствованія тщательно раздѣляются историками. „Произведенія классическихъ историковъ, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, могутъ быть названы романами, основанными на фактахъ.... Методъ позднѣйшихъ временъ иной. Писатель сообщаетъ разсказъ болѣе точный. Сомнительно, однако, точнѣе ли становятся отъ этого свѣдѣнія читателя. Лучшіе портреты едва ли не тѣ, въ которыхъ есть легкая примѣсь карриватуры, и мы не увѣрены, что лучшія исторіи не тѣ, въ которыхъ съ толкомъ употреблена даже прикраса вымышленнаго повѣствованія" [3]). Почти также смотритъ на этотъ вопросъ Костомаровъ, сказавшій въ одномъ мѣстѣ, что для него, какъ историка народной жизни, не важенъ никакой законъ и никакой литературный памятникъ, если онъ не выражаетъ народной мысли и той силы, которая пробуждаетъ эту мысль, въ противномъ случаѣ для исторіи гораздо важнѣе народная пѣсня, даже полная анахронизмовъ въ изложеніи внѣшняго

[1]) О значеніи оффиціальныхъ и архивныхъ данныхъ для исторіи см. у Вайца: Zur Würdigung von Ranke's historicher Kritik (Zeitschr. Зибеля, VI, 350—352).

[2]) Опытъ о Галламѣ (1828), въ Собран. соч. (I, 110—111).

[3]) Опытъ о Макіавелли (т. I) и статья Объ исторіи (т. XIII).—Возраженіе Гизебрехта на этотъ взглядъ въ статьѣ: Die Entwicklung der deutsch. Geschichtswissenschaft (Zeitschrift Зибеля 1859, I, стр. 7). Гипотеза Нибура о происхожденіи древнѣйшей римской исторіи, напротивъ, вдохновила Маколея написать „Пѣсни древняго Рима" (біогр. очеркъ, Соч. I, LXVIII; т. XV).

событія [1]). Съ своей стороны нѣмецкая критика даже въ лучшей части исторіи Англіи Маколея (его Вильгельмѣ III) указала обиліе поэтическихъ чертъ (Гейссеръ), точно такъ же, какъ наша скептическая школа и ея сторонники отмѣтили ихъ въ Иванѣ Грозномъ и нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ исторіи Карамзина (Каченовскій, Арцыбашевъ); а защитники объективнаго изложенія иначе уже отнеслись къ обработкѣ источниковъ означеннаго царствованія (Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ [2]).

Воззрѣнія Шлецера и Нибура нашли у насъ полное сочувствіе въ скептической школѣ. Въ журналѣ Каченовскаго, по поводу появленія исторіи Нибура, было сказано: „Для науки нѣтъ ничего приличнѣе какъ скептицизмъ, не поверхностный и легкомысленный, но основанный на сравненіи текстовъ, на критикѣ свидѣтельствъ". Вслѣдъ за Шлецеромъ, и онъ разсматриваетъ вопросы о первоначальныхъ источникахъ русской лѣтописи, о степени ея достовѣрности, о баснословномъ характерѣ древнѣйшихъ извѣстій, вошедшихъ въ нее. А послѣ знакомства съ критикою Нибура Каченовскій выразилъ даже сомнѣніе въ возможности появленія въ то время такого памятника, какъ древняя лѣтопись, и заподозрѣлъ достовѣрность другихъ историческихъ памятниковъ (договоровъ, Русской Правды), относя появленіе ихъ къ болѣе позднему періоду (см. подробнѣе въ нашемъ очеркѣ: „Скептическая школа", Кіевъ 1871 г.). Скептическая школа также склонна была отдавать преимущество оффиціальнымъ источникамъ передъ всѣми прочими [3]). Извѣстный польскій историкъ, І. Лелевель, въ своихъ возраженіяхъ противъ Карамзина, замѣчаетъ: „Изъ числа историческихъ источниковъ мы рѣдко осмѣлились бы предпочесть лѣтописи актамъ и грамотамъ" [4]).

---

[1]) Вступительная лекція (Рус. Слово 1859, № 12, стр. VII).

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, О характ. Іоанна Грознаго (Заря 1871, № 3).

[3]) О пользѣ изученія рос. исторія въ связи съ всеобщею, С. М. Строева (Уч. зап. Моск. ун., т. II). „Будемъ дорожить лѣтописями, за неимѣніемъ иныхъ источниковъ, но современемъ благоразумная критика ограничитъ безотчетное къ нимъ довѣріе", говоритъ П. М. Строевъ (Барсуковъ, 397—398). Н. А. Полевой посвятилъ свою „Исторію Русскаго народа" — „Б. Г. Нибуру, первому историку нашего вѣка".

[4]) Р. Стар. 1878, XVIII, 76. Отзывъ Надеждина (Библ. д. Чт., XX, 109).

Вотъ какъ формулировалъ требованія строгой объективности Барантъ: „*Мы живемъ въ эпоху сомнѣній*, говоритъ онъ (въ 1824 г.) въ своей „Исторіи бургундскихъ герцоговъ“.... Никто уже не думаетъ болѣе заимствовать изъ исторіи основанія и мотивы для политическихъ системъ. *Не хотятъ болѣе сужденій, а хотятъ фактовъ*“. Почти также высказался у насъ Н. С. Арцыбашевъ, авторъ не лишеннаго своихъ достоинствъ „Повѣствованія о Россіи“ (3 т. по 1700 г., М. 1838). „Я сличалъ, говоритъ онъ, слово въ слово, а иногда буква въ букву, всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть, сопоставлялъ ихъ, дополняя одну другою и такимъ образомъ составлялъ изложеніе; вычищалъ отъ всего лѣтописнаго или занимательнаго только для современниковъ, но совсѣмъ не нужнаго для потомства, и отъ лишесловія, свойственнаго тогдашнему образу сочиненій и, наконецъ, переводилъ оставшееся на нынѣшній русскій языкъ, какъ возможно буквальнѣе, соображалъ мой переводъ съ древними чужеземными и архивными памятниками, дополнялъ ими лѣтописи и помѣщалъ иногда слова тѣхъ источниковъ въ изложеніи“.

Крайности скептическаго направленія вызвали и у насъ, въ свою очередь, возраженія. По группировкѣ и полнотѣ этихъ возраженій слѣдуетъ отдать преимущество статьямъ Н. И. Надеждина: „*Объ историческихъ трудахъ въ Россіи*“ и „*Объ исторической истинѣ и достовѣрности*“[1]). Авторъ не одобряетъ крайняго скептицизма Шлецера и его послѣдователей—русскихъ скептиковъ. Онъ говоритъ: „Шлецеръ и его школа не были послѣдовательны и строго вѣрны своимъ собственнымъ началамъ. Если три брата новгородскіе быль, отчего же три брата кіевскіе не быль? Если преданіе о Вадимѣ храбромъ миѳъ, почему же не миѳъ щитъ Олега, прибитый къ воротамъ Константинополя? Внѣшнія критическія ручательства одни и тѣ-же. Истина и тамъ, и здѣсь представляется намъ въ одинаковомъ баснословномъ полусвѣтѣ. Этотъ полусвѣтъ неужели не имѣетъ никакой исторической истины и вовсе не доступенъ для критическаго проясненія? Тутъ должно припомнить что есть два рода критики: *формальная или буквенная и существенная*. Для критики формальной все, что не обезпечено *дипломатически*, есть басня, не до-

---

1) Библіот. для Чтенія 1837, т. XX, №№ 1 и 2, сс. 93—136, 137—174.

стойная исторіи. Критика существенная, основывающаяся *на исторической вѣроятности* самыхъ фактовъ, снисходительнѣе къ этому полусвѣту, которымъ обыкновенно бываютъ подернуты древнѣйшія сказанія народовъ. Въ немъ она различаетъ истину, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ миѳическихъ переливовъ преданія. Пусть древнія наши лѣтописи состоятъ изъ миѳовъ. Отъ этого исторія наша не пострадаетъ ни въ формѣ, ни въ содержаніи.... То, что называется *миѳомъ*, не есть важное историческое повѣствованіе, но не есть также и вранье, сказка. Въ миѳѣ даже восточномъ, образовавшемся подъ раскаленнымъ небомъ, въ горячей и необузданной фантазіи, всегда бываетъ основаніемъ истина; тѣмъ болѣе въ баснословныхъ сказаніяхъ нашихъ лѣтописцевъ, гдѣ истина могла быть только распространена и преувеличена молвою.... Отъ этой снисходительности къ миѳическимъ преданіямъ исторія ничего не потеряетъ въ формѣ, характерѣ, въ достоинствѣ: она получила бы предосудительный, баснословный цвѣтъ, если-бы приняла ихъ въ свой составъ цѣликомъ, безъ оцѣнки, безъ изслѣдованія и объясненія. Да и какъ иначе составляется теперь современная исторія.... Изъ однихъ ли *дипломатическихъ документовъ?* Не принимаетъ-ли она въ свой составъ и живыхъ слуховъ, нигдѣ не записанныхъ или по крайней мѣрѣ не имѣющихъ дипломатической скрѣпы.... Въ этомъ отношеніи другіе европейскіе народы уже измѣнили прежній исключительный образъ мыслей, рожденный школьною критикою. Они тщательно собираютъ *всѣ* свои неписанныя преданія, очищаютъ ихъ и возстановляютъ. Тѣ исландскія бредни, которыя Шлецеръ гналъ съ такимъ ожесточеніемъ, въ которыхъ онъ видѣлъ крайній предѣлъ позора и уничиженія исторіи, теперь составляютъ предметъ особеннаго вниманія для ученаго Общества Сѣверныхъ антикваріевъ, и это вниманіе находитъ вездѣ участіе и одобреніе. Пора и намъ взяться за это важное, еще не тронутое поле. Самъ Шлецеръ, разсуждая объ источникахъ русской исторіи, кромѣ своихъ любимыхъ *временниковъ и другихъ дипломатическихъ памятниковъ*, упоминаетъ также о церковныхъ и надгробныхъ надписяхъ, образахъ, старинныхъ картинахъ, съ которыхъ вѣрно сняты нынѣшнія лубочныя, *даже о пѣсняхъ* прибавляя только, что онъ не знаетъ есть-ли изъ нихъ такія, которыя на что нибудь годятся" (130—133).

Для изслѣдованія памятниковъ искусства Надеждинъ считалъ необходимымъ образовать особую археографическую экспедицію; онъ настаивалъ на собираніи памятниковъ устной словесности (пословицъ, сказокъ, которыя онъ считаетъ большею частью заимствованными) и особенно пѣсенъ—„этого сокровища, которымъ славянскія племена имѣютъ полное право гордиться" (134, 136). Надеждинъ высказывается какъ противъ философіи исторіи, „которая всѣ явленія исторической дѣйствительности выводитъ изъ одной общей идеи черезъ логическое построеніе, такъ и противъ того способа, который собираетъ только преданія и остатки минувшей дѣйствительности, какъ бы эти преданія ни были многочисленны и подробны; эти остатки любопытны и поучительны, но это только приготовленіе матеріаловъ для исторіи. Искусство возстановлять и разбирать смыслъ свидѣтельствъ, говоритъ онъ, называется въ школахъ особымъ именемъ *герменевтики*; искусство открывать въ нихъ истину я назову *діагностикой*. Это двѣ существенныя части исторической критики.... *Подлинность* (authenticitas) и *цѣлость* (integritas) суть конечно внѣшнія, но тѣмъ не менѣе важныя условія достовѣрности свидѣтельствъ.

„Критика, называемая *низшею*, доказываетъ ихъ, или изобличаетъ подлогъ и порчу разсмотрѣніемъ матеріальной ихъ формы,—вещества, очертанія и разныхъ другихъ внѣшнихъ принадлежностей; сличеніемъ съ другими экземплярами памятника или текста, если они есть; сравненіемъ съ другими свидѣтельствами, неоспоримо принадлежащими тому же лицу или той же эпохѣ. Все это приведено отчасти въ опредѣленныя правила, изъ которыхъ составлены даже особыя науки, подъ именами археологіи, палеографіи, дипломатики, эпиграфики, нумизматики, сфрагистики, геральдики и т. д. Но гораздо важнѣе и плодотворнѣе критика, называемая *высшею*, которая оцѣниваетъ достовѣрность по примѣтамъ нравственнымъ. Здѣсь входятъ въ разсмотрѣніе тѣ же два внѣшнія условія: *лицо* и *время*, которымъ принадлежитъ свидѣтельство.... Въ разсужденіе лица берутъ во вниманіе степень его образованія, общественное положеніе, точку зрѣнія, личныя отношенія, однимъ словомъ всѣ обстоятельства, которыя могли имѣть вліяніе на свидѣтельствующаго, по которымъ можно заключить зналъ-ли онъ истину, и, если зналъ, могъ-ли и хотѣлъ-ли высказать всю ее искренно. Въ разсужденіе времени обращается вниманіе на духъ и обстоятельства эпохи: благопріятство-

вали-ли они гласности событій, дозволяютъ-ли предполагать знаніе и правдивость въ свидѣтеляхъ, искренность и безпристрастіе въ памятникахъ.... Вообще критика отдаетъ предпочтеніе публичнымъ, оффиціальнымъ документамъ передъ частными свидѣтельствами; и въ этомъ случаѣ она часто ошибается самымъ жалкимъ образомъ. Конечно, въ отношеніи къ времени свидѣтельствующаго событія, оффиціальный документъ имѣетъ несомнѣнную достовѣрность; но, относительно смысла и духа, часто нѣтъ ничего наглѣе, какъ эти пышныя надписи на аркахъ, храмахъ и статуяхъ, эти хвастливыя легенды медалей, эти грамоты и дипломы, которыми наполнены древніе архивы. При разсматриваніи частныхъ свидѣтельствъ, личныя отношенія свидѣтельствующихъ конечно много значатъ. Но, во первыхъ, часто истина невольно проговаривается, при всемъ предубѣжденіи, при всемъ пристрастіи, тогда какъ, съ другой стороны, самый непредубѣжденный, самый безпристрастный свидѣтель вовлекается въ невольное заблужденіе или недостаточностью свѣдѣній, или минутнымъ увлеченіемъ. Во вторыхъ, часто случается встрѣчать двухъ совершенно противоположныхъ свидѣтелей объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, которые очевидно увлекались противоположными страстями: оба, слѣдовательно, не имѣютъ правъ на довѣріе.... Наконецъ самое безпристрастіе свидѣтелей есть такой тонкій, щекотливый пунктъ, что онъ рѣдко уловимъ для потомства. Вообще должно еще сказать, что, при всѣхъ своихъ выводахъ, такъ называемая высшая критика впадаетъ въ извѣстный логическій порокъ, называемый кругомъ въ умозаключеніи (circulus in demonstrando). Она опредѣляетъ достоинства свидѣтельствъ по характеру эпохи и лицъ, тогда какъ эта эпоха и эти лица сами узнаются и оцѣниваются не иначе, какъ изъ тѣхъ же свидѣтельствъ. Слѣдовательно въ изысканіяхъ своихъ она принимаетъ за основаніе то, что должно быть ихъ заключеніемъ. Такимъ образомъ *критика низшая* и *высшая*, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ заключаютъ ее нынѣ, совсѣмъ *недостаточна* для произведенія полнаго убѣжденія, для достиженія несомнѣнной исторической достовѣрности.

„По моему мнѣнію этотъ недостатокъ состоитъ именно въ томъ, что критика до сихъ поръ ограничивалась только разборомъ свидѣтельствъ, а не содержащихся въ нихъ фактовъ, или яснѣе, что она основывала всю достовѣрность фактовъ на достовѣрности свидѣ-

тельствъ.... Безспорно достовѣрность свидѣтельства есть вещь важная: она даетъ факту внѣшнее условіе историческаго бытія, котораго отсутствіе или присутствіе иногда равняется очевидности. Такъ, жестокости Іоанна Грознаго не подлежатъ никакому сомнѣнію, потому что его собственныя письма содержатъ откровенное въ нихъ сознаніе. Но это условіе не имѣетъ ни отрицательной, ни положительной необходимости, раждающей непремѣнное убѣжденіе во всѣхъ случаяхъ. Всякій фактъ самъ въ себѣ имѣетъ внутреннія условія достовѣрности, которыя гораздо важнѣе и выше, которыя часто не зависятъ нисколько отъ достовѣрности свидѣтельствъ, напротивъ даютъ имъ достовѣрность. Эти внутреннія условія составляютъ историческую возможность факта, не отрицательную только, заключающуюся въ отсутствіи противорѣчія, но положительную, состоящую въ полномъ согласіи его съ законами историческаго развитія жизни. Никакой древній манускриптъ, никакой извѣстный авторитетъ, выдержавшій всю пытку обыкновенной критики, не убѣдитъ меня въ подлинности факта, если онъ представляетъ рѣшительное противорѣчіе съ этими законами; напротивъ, полное согласіе съ ними внушаетъ довѣренность къ факту, хотя бы онъ опирался на преданіяхъ, не удовлетворяющихъ требованіямъ нынѣшней критики. И эти условія до сихъ поръ упускаются изъ виду, по крайней мѣрѣ не обращаютъ на себя должнаго вниманія при критическихъ изслѣдованіяхъ; а они-то и должны бы составлять область критики, въ собственномъ смыслѣ *высшей*. Такъ какъ это послѣднее слово уже имѣетъ на ученомъ языкѣ свое собственное значеніе, то недостающую нынѣшней критикѣ часть, критику собственно фактовъ, я назову *критикою реальною*, тогда какъ существующей нынѣ критикѣ, критикѣ собственно свидѣтельствъ, и высшей и низшей, по всѣмъ правиламъ должно принадлежать имя *критики формальной*".

Такими условіями „исторической возможности" авторъ признаетъ „согласіе съ общими законами человѣческой природы", „этнографическія особенности", „послѣдовательное развитіе жизни въ каждомъ народѣ", „внѣшнія вліянія". Признакъ истины есть *достовѣрность*. „Въ исторіи достовѣрность получается черезъ соединеніе критики формальной съ критикою реальной, или чрезъ совокупное, строгое и основательное изслѣдованіе исторической возможности фактовъ, сохраненныхъ преданіемъ". Однако онъ тутъ-же сознается, что „всякое

съ нашей стороны усовершенствованіе знанія есть только приближеніе къ истинѣ и что всякая достовѣрность, получаемая нами, есть только относительная" (140—174). Многія изъ этихъ замѣчаній Надеждина не утратили своей цѣны до сихъ поръ; другія наводятъ на новые вопросы, такъ или иначе рѣшаемые современною критикою. Съ другой стороны, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ скептическаго направленія, подымался новый вопросъ—*достовѣрнѣе-ли* становится вообще исторія, не смотря на усовершенствованіе способовъ сохраненія историческихъ данныхъ, со времени книгопечатанія, и на успѣхи позднѣйшей критики [1]), въ подтвержденіе чего ссылались тогда на отрицательные результаты критики Вольфа и Нибура, въ концѣ концовъ не вычеркнувшей изъ исторіи отдаленной древности баснословныхъ преданій; на исторію реформаціи и революціи, такъ противоположно описанныхъ въ трудахъ разныхъ ученыхъ, не смотря на относительную близость этихъ эпохъ къ нашему времени. Въ то же время если древняя исторія можетъ сѣтовать на недостатокъ данныхъ, то новая исторія, напротивъ, должна тяготиться обиліемъ своихъ источниковъ. Подобное положеніе вещей какъ будто угрожаетъ сдѣлаться непреодолимымъ, когда, благодаря тисненію, количество книгъ съ одной стороны увеличится въ ужасающемъ объемѣ, а съ другой—духъ сомнѣнія, скептицизмъ, обращенный въ систему, рѣшительно завладѣетъ всѣми вѣтвями знаній человѣческихъ и станетъ верховнымъ закономъ, послѣднимъ словомъ разумѣнія. Но сомнѣнія эти вызвали въ свое время отпоръ даже со стороны защитниковъ научнаго скептицизма [2]). Возражая же на мнѣніе гр. Уварова, Кудрявцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ энергически отстаиваетъ положительные выводы критики Нибура.

Историческій скептицизмъ привелъ къ извѣстнымъ положительнымъ результатамъ. Современная историческая критика ведетъ свое

---

[1]) Такъ, Сисмонди выразился даже, что печатаніе отрицательно повліяло на историческую достовѣрность (L'histoire et les istoriens, par L. Bourdeau, p. 276).

[2]) Мемуаръ гр. С. С. Уварова, представленный въ 1850 г. въ Акад. наукъ и напечатанный въ Москвитянинѣ (1851 г., № 1 и вторично въ томъ же журналѣ) и Современникѣ (1851, № 1). Возраженіе П. Кудрявцева (Отеч. Зап., т. LXXVIII, 1851, № 9, сс. 1—28; Сочиненія, I, сс. 1—32).

начало отъ его представителей; а въ исторической наукѣ все болѣе утверждается мнѣніе, что исторія должна стремиться къ тому, чтобы стать точнымъ знаніемъ и что прочность ея выводовъ, какъ и всякой другой науки, находится въ зависимости отъ признанія въ ходѣ историческаго развитія—общихъ, постоянно дѣйствующихъ законовъ. Въ свою очередь, требованія отрицательной критики вызвали всестороннее изученіе источниковъ. И въ Россіи значительно усилившаяся разработка и изданіе архивныхъ матеріаловъ (преимущественно дѣятельность Археографической коммиссіи) возбудили особенный интересъ къ этимъ послѣднимъ. Точно также и Соловьевъ, вслѣдъ за Ранке, признавалъ архивные источники преобладающимъ родомъ историческихъ матеріаловъ [1]).

И въ прежнее время неоднократно поднимались голоса противъ недостатковъ историческаго изложенія [2]), исходившіе притомъ отъ разныхъ направленій; въ послѣднее время удары направляются главнымъ образомъ противъ содержанія исторіи, какъ предмета. Въ этихъ требованіяхъ высказывается стремленіе исключить изъ области ея всю массу фактовъ, находившихся до сихъ поръ въ обращеніи, и замѣнить ихъ явленіями исключительно культурнаго характера или подчинить историческія явленія требованіямъ статистическаго метода [3]).

---

[1]) Въ пользу преимущественнаго значенія документальныхъ источниковъ высказались тогда же: Я. И. Бередниковъ (Строевъ Барсукова, с. 367, со ссылкою на Ранке), А. Ѳ. Бычковъ (Историч. замѣтки, Чт. М. О. ист. 1846, № 4), Н. Г. Устряловъ и др. Въ послѣднее время безусловнымъ защитникомъ оффиціальныхъ источниковъ передъ всѣми прочими является Карповъ, въ своемъ разборѣ записки Брикнера: „Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи“ (Журн. М. Н. Пр., ч. CXCVI; Лѣт. занятій Арх. ком., в. VII, 109—126). Напротивъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ: „Мы не можемъ вполнѣ согласиться, съ тѣмъ мнѣніемъ, которое, держась авторитета Ранке и примѣра Соловьева, считаетъ архивные источники если не исключительнымъ, то преобладающимъ родомъ источниковъ“ (Рус. исторія, I, 107—108).

[2]) Маколей (IV, 408—409); Gervinus (Grundris der Historik, 31, 42); Кудрявцевъ (Сочин., I, 231); Грановскій (Соч. I, 30).

[3]) Les lois de l'istoire, par Louis Benloev, Paris 1881 (рец. этого соч. въ Загранич. Вѣст. 1881, I); L'istoire et les historiens, par. L. Bourdeau, P.

Разсмотрѣнію этихъ мнѣній, въ связи съ другими теоретическими вопросами, будутъ посвящены нами нѣкоторыя изъ послѣдующихъ страницъ, а пока обратимся къ изученію собственно историческаго матеріала.

Еще Кантъ замѣтилъ, что потомкамъ столь дѣятельныхъ собирателей историческихъ данныхъ, какими были его современники, едва ли будетъ возможно совладать съ такимъ громаднымъ матеріаломъ, какимъ располагала уже тогда исторія [1]). Между тѣмъ историческій матеріалъ расширяется нетолько въ слѣдствіе накопленія новыхъ данныхъ, но и въ слѣдствіе развитія самой идеи и содержанія исторіи. „Большинство людей думаетъ, писалъ въ 1824 г. Маколей, что перечисленіе общественныхъ дѣлъ—осадъ, измѣненій въ администраціи, трактатовъ, заговоровъ, возстаній—составляетъ всю исторію. Различія въ опредѣленіи словъ теоретически не важны; но на практикѣ они имѣютъ иногда огромное значеніе. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Почти всѣ безъ исключенія историки ограничились общественными дѣлами и предоставили область, по крайней мѣрѣ столь же обширную и важную, небрежному вѣдѣнію беллетристики.... Поэтому странно, что тѣ, дѣло которыхъ—представлять государственнымъ людямъ примѣры и предостереженія, опускаютъ, какъ недостойныя исторіи, нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія самое обширное вліяніе на положеніе государства. Вообще, нижній слой потока жизни человѣческой течетъ своимъ порядкомъ, не нарушаемый бурями, волнующими поверхность. Довольство большинства всегда почти зависитъ отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ побѣдами и пораженіями, съ революціями и реставраціями,—отъ причинъ, которыхъ нельзя регулировать никакими законами и которыхъ никакъ не сдашь въ архивъ. Знаніе этихъ-то причинъ и составляетъ для насъ предметъ особенной важности, а не повѣсть о томъ, какъ была разбита лакедемонская фаланга при Левктрахъ, или изслѣдованіе о томъ, отъ чего умеръ Александръ— отъ яду или отъ болѣзни. Безъ этого исторія—скорлупа безъ ядра, и

1888; Исторія и методъ, А. Стронина, Спб. 1869. Авторы статистическаго метода любятъ опираться на книгу Кетле „Соціальная система“.

[1]) Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht (1784).

танована она почти всюду. Жалкія стычки и заговоры передаются съ нелѣпой и безполезной мелочностью; но самыя важныя улучшенія въ удобствахъ жизни человѣческой успѣваютъ распространиться по всему свѣту, проникнуть въ каждую хижину прежде, нежели лѣтописецъ позволитъ себѣ снизойти отъ толковъ о генералахъ и посланникахъ до простаго указанія на эти усовершенствованія. Такъ, успѣхи самыхъ благодѣтельныхъ изобрѣтеній и открытій покрыты непроницаемой тайной; человѣчество лишено самой полезной отрасли знаній, а благодѣтели его—своей заслуженной славы. И въ то же время всякій ребенокъ знаетъ наизусть хронологію и приключенія длиннаго ряда варварскихъ королей. Исторія націй въ томъ смыслѣ, въ какомъ я принимаю это слово, часто лучше всего изучается въ сочиненіяхъ, не считающихъ себя историческими" [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, пока исторія ограничивалась политическою жизнію народовъ, она могла довольствоваться лѣтописями и дипломатическими актами; но постепенно въ область исторіи стали входить: литература, искусство, юридическій и домашній бытъ, культура вообще [2]), а въ связи съ этимъ расширилась и область историческихъ источниковъ [3]).

Извѣстно, какъ много измѣнилась исторія Востока, Греціи и Рима со времени открытія массы надписей и вещественныхъ памятниковъ, представляющихъ какъ для возстановленія внутренняго ихъ быта, такъ и для повѣрки и дополненія хронологическихъ, генеалогическихъ и историческихъ данныхъ, такой богатый матеріалъ, какого не могли дать одни лѣтописные источники и свидѣтельства современныхъ писателей. Разработкою этого матеріала исторіографія

---

[1]) Объ исторіи Греціи (Пол. собр. сочин., IV, 408—409).

[2]) См. напр. программу исторіи у Спенсера (Умств., физич. и нравст. воспит., с. 45—47); соч. Генне-амъ-Рина, Кольба, Рау, Лекки и др. Уже Вольтеръ весьма широко намѣтилъ рамки культурной исторіи (письмо къ И. И. Шувалову, Вѣст. Евр. 1830, №№ 17 и 18, с. 104—107 и его Essai), а нѣкоторые ведутъ отъ него и самое начало этой послѣдней (Шлоссеръ, Геттнеръ, Морлей и др.).

[3]) „Листокъ современной газеты, говорилъ Грановскій, такъ же дорогъ для историка, какъ хартія лѣтописи" (Бестужевъ-Рюминъ, Біографіи и характеристики, Спб. 1882, с. 257).

означенныхъ странъ обязана отчасти XVIII, но главнымъ образомъ XIX столѣтію. Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сравненія между требованіями современной исторической критики и тѣми слабыми ея зачатками, которыми въ свое время довольствовалась древняя и новая исторіографія [1]). Съ другой стороны мы ушли настолько впередъ, чтобы лучше древнихъ понимать требованія науки, хотя бы дѣло касалось даже ихъ собственной исторіи [2]). И величайшій знатокъ средневѣковой исторіографіи Ваттенбахъ замѣчаетъ, что легко можно было бы написать всю исторію среднихъ вѣковъ и притомъ по источникамъ, въ которой вовсе не было бы исторической правды, а всѣ событія и лица являлись бы въ совершенно искаженномъ видѣ и въ ложномъ освѣщеніи. Для новаго историка не меньше трудностей представляетъ обширная литература мемуаровъ, обыкновенно претендующихъ на объясненіе и освѣщеніе историческихъ фактовъ и характера дѣятелей. Такимъ образомъ громадность матеріала, о которой говоритъ Кантъ, не исчерпывается однимъ его количествомъ, но включаетъ въ себѣ и все разнообразіе содержащихся въ немъ данныхъ. А между тѣмъ изъ всѣхъ наукъ исторія наименѣе способна вынести какое нибудь принужденіе; какъ нельзя связать ее никакою системою, такъ нельзя заставить ее служить одной цѣли. Составляя неистощимый матеріалъ для изслѣдованія, для мысли, она, въ цѣломъ своемъ объемѣ, несравненно шире всякаго индивидуальнаго воззрѣнія, и нѣтъ еще столь обширной философской идеи, которая бы въ состояніи была однимъ разомъ обнять все разнообразіе ея содержанія.... Напротивъ, чѣмъ болѣе разрабатываются *отдѣльныя части, подробности*, самыя *мелочи*, тѣмъ болѣе выясняется общее, угадывается *цѣлое* [3])....

Но если вполнѣ справедливо замѣчаніе, что историческій матеріалъ въ количественномъ отношеніи все возрастаетъ, то, съ другой стороны, нельзя не признать и того несомнѣннаго факта, что раздѣленіе труда въ изданіи и обработкѣ памятниковъ все болѣе расширяется. Пра-

---

[1]) Bernheim, предисловіе.

[2]) Кудрявцевъ, Сочин. I, 107. Исторія Рима въ императорскій періодъ иначе понимается въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ Stahr'a, Sievers'a, Merivale'я, Герм. Шиллера, чѣмъ въ представленіи современныхъ римскихъ писателей.

[3]) Сочин. Кудрявцева, I, 66—67.

вительственныя коммиссіи, частныя общества и изданія идутъ рука объ руку въ дѣлѣ обнародованія матеріаловъ и это стремленіе не ограничивается уже одними отдаленными вѣками, а захватываетъ и болѣе позднія, новѣйшія времена. При этомъ самыя изданія, обставленныя необходимыми научными средствами, значительно облегчаютъ пользованіе источниками. И число изслѣдованій, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ историческаго знанія, въ свою очередь, растетъ и тѣмъ самымъ облегчаетъ правильное пониманіе и представленіе общаго хода историческихъ явленій. Само собою понятно, что историкъ не можетъ ограничиваться изученіемъ одной лишь категоріи фактовъ или народности, если не желаетъ впасть въ односторонность. „Исторія европейскихъ государствъ христіанской эпохи, по справедливому замѣчанію Гервинуса, составляетъ такое же общее цѣлое, какое въ древности представляла исторія группы государствъ греческаго полуострова и ихъ колоній“ [1]).

Съ неменьшимъ вниманіемъ и трудолюбіемъ разработываются цѣлыя группы историческихъ фактовъ, составляющихъ предметъ отдѣльныхъ наукъ (какъ исторія церкви, права, войнъ, культуры и т. п.), обработка которыхъ, конечно, представляетъ необходимое и важное подспорье для историка. Вполнѣ однако вѣрно, что изученіе исторіи во всѣхъ мелочахъ совершенно невозможно; это значило бы возсоздать всю дѣятельность всѣхъ людей со всѣми ея причинами и слѣдствіями. Историку приходится поэтому ограничиться господствующими линіями, существенными направленіями, наиболѣе важными узлами, подобно тому, какъ географъ изучаетъ не всѣ неровности на земной поверхности, а только тѣ, которыя достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ [2]). Совершенно и абсолютно истинной исторіи нельзя быть, говоритъ Маколей. Для того, чтобы быть абсолютно истинной, она должна записывать всѣ мельчайшія подробности незначительныхъ происшествій, всѣ дѣла, всѣ слова, сказанныя въ теченіе времени, о которомъ она ведетъ рѣчь. Пропускъ одного обстоятельства, какъ бы ничтожно оно ни было, будетъ уже недостаткомъ. Еслибъ исторія писалась такимъ образомъ, то и Бодлеянской библіотеки было бы

---

[1]) Введ. въ ист. XIX вѣка, с. 9.

[2]) Н. Карѣевъ, Сущность историческаго процесса, Спб. 1890, с. 340.

недостаточно для описанія событій одной недѣли. То, что сказано въ полнѣйшихъ и самыхъ точныхъ лѣтописяхъ, безконечно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что осталось незаписаннымъ. Различіе между обширнымъ трудомъ Кларендона и описаніемъ гражданскихъ войнъ въ сокращеніи Гольдсмита изчезаетъ, когда сопоставимъ ихъ съ громадной массой фактовъ, о которыхъ они оба одинаково умалчиваютъ. Слѣдовательно ни картина, ни исторія не могутъ представить намъ полной истины: лучшія картины и лучшія исторіи изображаютъ тѣ части истины, которыя возможно ближе передаютъ намъ цѣлое [1]).

И, не смотря на сѣдую древность именно исторіи [2]), историкамъ нерѣдко приходилось и приходится сѣтовать на то, что мы доселѣ не имѣемъ идеальной исторіи, въ слѣдствіе отсутствія *строгаго метода* и не довольно яснаго сознанія настоящихъ цѣлей нашей на-

---

[1]) Сочин., т. XIII (Объ исторіи, с. 336). „Хроника совершенно умѣстна, когда исторія еще преждевременна" (Тэнъ, Титъ Ливій, 172).

[2]) Исторія начинается вмѣстѣ съ *письменностію* (Шлецеръ). „Для историка важно только фактическое различіе *некультурнаго* и *культурнаго* состоянія. То, что предшествовало культурному состоянію, не принадлежитъ области его занятій. Некультурные народы, жизнь которыхъ опредѣляется окружающей ихъ природой, не имѣютъ исторіи" (Веберъ, Всеоб. исторія, I, 16 и 18). „Исторія такъ тѣсно связана *съ образованіемъ,* что и зарождается лишь при его начинающемся свѣтѣ. Пока не занялась заря его, народъ существуетъ въ потьмахъ, остается внѣ исторіи" (Сочин. Кудрявцева, I, 147). „Объ исторіи, обнимающей все человѣчество, для прошлаго не можетъ быть и рѣчи...; въ небольшой лишь частицѣ человѣческаго рода совершилась та связная въ себѣ череда событій, которую, неосновательно ее обобщая, мы зовемъ то исторіей человѣчества, то всемірной исторіей" (Лотце, III, 146). По Гегелю, историческія дѣянія и традиція о нихъ появляются одновременно, ибо основа обоихъ одна и та же (Philosophie der Geschichte, 75); по Литтре, исторія собственно начинается только тогда, когда люди нашли способъ отмѣчать въ памятникахъ послѣдовательный переходъ свой отъ одного состоянія къ другому и записали то что потомство могло бы прочесть (La science au point de vue philosophique, P. 1873, c. 387; Карѣевъ, Основные вопросы философіи исторіи, II, 7). К. Ф. Германъ замѣчаетъ: „Историческое существованіе начинается для народа съ того момента, какъ у него является сознаніе своей національной индивидуальности въ противоположности къ другой" (Griech. Staatsalterthümer).

уки"[1]); что при современномъ состояніи науки, все еще приходится разбирать элементарные вопросы, на которые не стоитъ терять труда въ другихъ сферахъ знанія[2]); что исторія, *какъ наука*, еще не опредѣлилась окончательно, т. е. не успѣла выработать ни твердо установившагося *метода*, ни точно опредѣленныхъ, неизмѣнныхъ и общихъ *законовъ*, управляющихъ исторической жизнью человѣчества[3]); что настоящей такъ наз. *теоріи исторіи* даже нѣтъ[4]). Поэтому идеалъ исторіи нѣкоторые отодвигаютъ въ болѣе или менѣе отдаленное будущее[5]). Такимъ образомъ, здѣсь получаетъ полное оправданіе мысль О. Конта, что соціологія, и слѣд. и исторія, есть, самая сложная, а потому и наименѣе разработанная изъ наукъ. Подобное положеніе дѣла естественно приводитъ иногда къ самымъ скептическимъ взглядамъ относительно историческаго знанія вообще[6]).

На самомъ дѣлѣ различіе между достовѣрностію другихъ наукъ и историческою, по замѣчанію Фримана, состоитъ только въ степени, а не въ родѣ. Полная достовѣрность доступна не многимъ, а иные полагаютъ даже, что она никому недоступна. Такимъ образомъ во всѣхъ наукахъ, за исключеніемъ развѣ только математики, мы имѣемъ дѣло не съ достовѣрностью, а съ большею или меньшею вѣроятностью. Конечно событія нравственнаго міра болѣе представляютъ колебаній, чѣмъ явленія міра вещественнаго, такъ какъ источникъ ихъ—*человѣческая воля*, но, съ другой стороны, безсознательно сущность воли доступна намъ болѣе, чѣмъ понятіе *силы*, которое только приличный способъ выразить наше невѣжество объ основной причинѣ. Поэтому, говоритъ Фриманъ, достовѣрность исторіи нисколько не уступаетъ досто-

---

[1]) Грановскій, О соврем. сост. и знач. всеоб. исторіи (Соч., I, 10).

[2]) П. М—овъ, Научные основы исторіи цивилизаціи (Знаніе, 1872, с. 86).

[3]) М. Н. Петровъ, Лекціи по всемірной исторіи, I, с. 9 (пропедевтика).

[4]) Н. Карѣевъ, Сущность историч. процесса, с. 247. „Наша наука еще не установила своей теоріи и системы" (Die Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft, v. Joh. Droysen, Zeitschr. 1863, IX).

[5]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Отеч. Зап. 1865, сент., с. 246).

[6]) W. Vischer, Ueber die Grenzen des historischen Wissens (Preuss. Jahrbücher 1880, XLVI, S. 67).

вѣрности другихъ областей знанія [1]). Въ исторіи, какъ и въ другихъ наукахъ, мы должны иногда довольствоваться *вѣроятностью*, а иногда только *возможностью* [2]).

Есть еще одна черта въ исторіи, которая дѣлаетъ ее часто предметомъ нападокъ, легкомысленнаго сужденія и произвольныхъ построеній—это ея общедоступность [3]). Такимъ образомъ каждый, путемъ наслышки, знаетъ что нибудь изъ исторіи. Этимъ путемъ часто образуются предразсудки, съ которыми трудно бываетъ бороться даже спеціалистамъ. Одною же изъ главныхъ причинъ распространеннаго убѣжденія въ легкости изученія исторіи является отсутствіе въ историческихъ сочиненіяхъ техническаго [illegible]. (юридическая терминологія, употребляемая историками, не обширна). Наконецъ исторія кажется *легкою* и потому, что писатель историческій болѣе или менѣе обязанъ заботиться объ изяществѣ разсказа, такъ какъ историческія книги по большей части имѣютъ повѣствовательный характеръ [4]). Поэтому вполнѣ справедливо замѣчаніе, что быть можетъ ни одна наука не склонна такъ легко впадать въ диллетантизмъ, какъ исторія [5]). Благодаря этимъ своимъ качествамъ, исторія то и дѣло, что становится предметомъ всевозможныхъ экспериментовъ со стороны представителей разныхъ наукъ и даже просто любителей. Одни хотѣли бы свести ее на простую часть зоологіи (Fouillée [6]);

---

[1]) The Methods of Historical Study, by Edw. A. Freeman, Lond. 1886 (лекція 3-я). О недостаточности наблюденій и въ слѣдствіе этого неправильности выводовъ въ наукахъ опытныхъ см. замѣч. Сѣверцова (Р. Арх. 1874, I, 294).

„Я всегда доискивался истины, говоритъ Гиббонъ, хотя я до сихъ поръ находилъ лишь *правдоподобіе*“ (I, с. xvii—xviii). „Въ исторіи вѣроятное представляетъ собою истинное“ (Тэнъ, 96); ср. Смедтъ, 62.

[2]) Bernheim, 114—115. „Wether such evidence is enough to make history a science or the pathway to a science, is really a question of words and nothing else“ (Фриманъ, 152).

[3]) Bernheim, 95—100.

[4]) Фриманъ, лекція 2-я.

[5]) Hist. Zeitschr., I, 20 (Вэйцъ); Фриманъ, стр. 92 и д.; Ern. Bernheim, 100.

[6]) Основные вопросы философіи исторіи, II, 36.

а другіе обратить въ чистую статистику (Бурдо). И не смотря на то, что всѣ философическія построенія исторіи оказались неудачными [1]), все таки является увѣренность въ возможности установить содержаніе исторіи путемъ діалектическимъ [2]). Шопенгауэръ прямо объявляетъ: „Одна исторія не можетъ войти въ рядъ наукъ, ибо ей недостаетъ основнаго характера науки, субординаціи познаннаго, вмѣсто которой она ограничивается простой его координаціей. Потому и нѣтъ системы исторіи, какъ другихъ наукъ. Это *знаніе*, а *не наука*. Науки, какъ системы понятій, говорятъ постоянно о родахъ, исторія—*объ индивидуумахъ;* науки имѣютъ въ виду то, что есть всегда, исторія *то, что было разъ и чего болѣе ужъ нѣтъ*. Все общее въ исторіи таково субъективно, а не объективно; даже историческіе періоды и главныя событія вполнѣ *индивидуальны:* отдѣльное относится къ нимъ, какъ часть къ цѣлому, а не какъ случай къ правилу". Онъ сѣтуетъ на то, что историки все еще пресмыкаются въ области фактовъ, и историческія изслѣдованія больше расползаются въ длину и ширину, нежели углубляются [3]). Если необходимо признать въ этихъ замѣчаніяхъ значительную долю правды, то едва ли не основательнѣе требованія такихъ авторитетовъ, какъ Кантъ, который заявляетъ, что философъ, напротивъ, долженъ быть знатокомъ эмпирической исторіи [4]), или В. ф. Гумбольдтъ, признающій, что исторической вѣрности вообще грозитъ большая опасность со стороны именно философской обработки исторіи. По его мнѣнію, идеи должны не вноситься въ исторію, но составлять ея собственную сущность, и самую задачу философа исторіи онъ готовъ возложить именно на историка [5]).

Исторія имѣетъ свой кругъ данныхъ—это совершившееся въ дѣйствительности (Geschichte), т. е. факты случившагося, прошлаго, въ предѣлахъ человѣческихъ отношеній. „Къ исторической истинѣ ведутъ, говоритъ В. Гумбольдтъ, безпристрастное, критическое конста-

---

[1]) Bona Meyer, Neue Versuche einer Philosophie der Geschichte (Hist. Zeitschr., 1871 XXV, 303—378).

[2]) Mehring, Die philosophisch-kritischen Grundzätze, 1877.

[3]) Werke, III, 501—505; Карѣевъ, I, 29—30, 116.

[4]) Idee zu einer allgem. Geschichte in weltbürglicher Absicht, 1784.

[5]) Ueber die Aufgabe des Geschichtsschreibers (Werke, B. I).

тированіе случившагося и соединеніе изслѣдованнаго въ одно цѣлое". Обладая своимъ особымъ кругомъ данныхъ, исторія руководится въ изслѣдованіи ихъ извѣстными пріемами, отчасти общими всѣмъ, сроднымъ ей политическимъ наукамъ, а отчасти исключительно ей принадлежащими. Пріемы эти вообще просты и элементарны. Въ основѣ ихъ лежитъ *здравый смыслъ*, который составляетъ основаніе критики и всякой другой науки[1]); но примѣненіе означенныхъ пріемовъ или правилъ требуетъ извѣстной опытности, искусства и благоразумія. Руководясь исключительно здравымъ смысломъ, не имѣя понятія о правилахъ исторической критики, составляли свои труды знаменитые историки древности и среднихъ вѣковъ. Историческій смыслъ и инстинктъ свойственъ сравнительно очень немногимъ; лица же, обладающія обыкновенными способностями, могутъ принесть пользу своими историческими изысканіями въ томъ лишь случаѣ, если имъ будутъ указаны пути и пріемы исторической критики; иначе они или будутъ увлекаться каждымъ новымъ мнѣніемъ и отбрасывать старыя, какъ ненужныя, или же, сталкиваясь съ противорѣчивыми воззрѣніями историковъ и не умѣя разобраться въ нихъ, придутъ къ убѣжденію въ безсиліи самой исторіи, какъ науки. Для того, чтобы придти въ подобныхъ случаяхъ къ какому нибудь положительному заключенію, историкъ прежде всего долженъ настойчиво стремиться *къ открытію истины* и все подвергать критической оцѣнкѣ, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями, опасеніями и предубѣжденіями. Онъ долженъ отрѣшиться отъ предвзятыхъ идей и заключеній a priori и основываться въ своихъ выводахъ исключительно на фактахъ, почерпнутыхъ, по возможности, изъ *первоначальныхъ источниковъ*[2]). Изученіе трудовъ предшественниковъ помогаетъ историку избѣгать ошибокъ, давно опровергнутыхъ,

---

[1]) Джонъ Гершель, Философія естествознанія, с. 117.

[2]) Смедтъ, 46—47. Нибуръ по этому поводу даетъ совѣтъ молодому ученому, чтобы онъ не дѣлалъ никакой ссылки изъ вторыхъ рукъ, даже самымъ тщательнымъ образомъ свѣренной, не указывая на непосредственный источникъ, изъ котораго она заимствована (Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr aus Briefen desselben etc.; B. II, Hamb. 1838, 200 u. w.). Тексты для историка тоже, что опыты и наблюденія въ наукахъ опытныхъ (Смедтъ, 41—45).

и предохраняетъ его отъ увлеченія видѣть въ себѣ человѣка, открывшаго новый міръ. При изученіи чужихъ работъ не слѣдуетъ, однако, ничего принимать въ нихъ *на вѣру*, а все подвергать внимательному пересмотру съ цѣлью убѣдиться, въ чемъ предшественники были совершенно правы и гдѣ они ошибались, а вовсе не съ тѣмъ, чтобы непремѣнно опровергнуть высказанныя ими воззрѣнія и замѣнять ихъ своими собственными, оригинальными. Стремленіе къ оригинальности, свойственное преимущественно молодымъ историкамъ, нерѣдко ведетъ къ парадоксамъ [1]). Поэтому Фриманъ совѣтуетъ слушателямъ не ограничиваться новѣйшею книгою, которая замѣнила будто бы всѣ старыя, но читать и прежнихъ писателей, у которыхъ много хорошаго и которые интересны даже съ точки зрѣнія *исторіи мнѣній*, столь важныхъ въ развитіи исторической науки [2]).

Но если факты, находящіеся въ распоряженіи историка, не могутъ повторяться, то они и не подлежатъ провѣркѣ путемъ опыта. Возможность строго-научнаго ихъ изученія, возможность *исторической достовѣрности* основывается на предположеніи, что человѣкъ по природѣ своей склоненъ къ признанію и утвержденію истины и впадаетъ въ заблужденіе или позволяетъ себѣ обманъ только подъ вліяніемъ какихъ нибудь настолько сильныхъ мотивовъ и интересовъ, что они въ состояніи сбить его съ прямаго инстинктивнаго пути. Безъ этого предположенія не возможна исторія, такъ какъ вся она основывается исключительно *на человѣческихъ свидѣтельствахъ*. Поэтому, если объ одномъ и томъ же фактѣ дошло до насъ нѣсколько разнорѣчивыхъ показаній, необходимо постараться отличить среди нихъ свидѣтельства безпристрастныя отъ пристрастныхъ, современныя отъ

---

[1]) Таковы напр. книга аббата Фуррьера о заимствованіяхъ Гомера изъ книги Юдиѳь (Les emprunts d'Homere au livre de Judith, 1889) или теорія о принадлежности пьесъ Шекспира—извѣстному Бэкону, основанная на сословныхъ, религіозныхъ и т. п., а не научныхъ соображеніяхъ (о ней см. статью В. В. Чуйко: „Кто писалъ драмы Шекспира," Ист. Вѣст. 1888, т. XXXIV, 215—239). Былъ или не былъ Шекспиръ. Изъ исторіи литерат. парадоксовъ, его же (Наблюдатель 1888, № 2, сс. 59—90).

[2]) Лекція 7-я.—Kaum in einer anderen Wissenschaft herrscht eine so ausserordentliche Verschiedenheit der Meinungen über die wichtigsten Grundbegriffe der Methode wie in der unseren (Bernheim, S. IV).

позднѣйшихъ, показанія очевидцевъ отъ разсказовъ по однимъ слухамъ. При оцѣнкѣ свидѣтелей слѣдуетъ принимать во вниманіе не ихъ *количество*, а *качество*. Показаніе современника и очевидца наиболѣе драгоцѣнный матеріалъ въ рукахъ историка и должно служить для него исходнымъ пунктомъ въ его критической работѣ. Всѣ добытые факты и свидѣтельства необходимо примѣнять къ дѣлу *методически*, съ цѣлью добиться по возможности яснаго, точнаго и полнаго представленія объ изучаемомъ вопросѣ. Тутъ можно сперва идти путемъ *анализа*, разлагая сложное на составные элементы, а потомъ путемъ *синтеза*, объединяя добытые и очищенные анализомъ факты все въ большія и большія группы и подводя окончательные итоги [1]).

Критическое изученіе исторіи—явленіе сравнительно новое: въ Германіи начало его относятъ ко времени Шлецера или Нибура; во Франціи оно сложилось подъ вліяніемъ конгрегаціи св. Мавра и École des Chartes, а въ Англіи и Италіи оно стало проявляться систематически только во второй пол. XIX вѣка [2]). И только въ послѣднее время появился рядъ попытокъ подвергнуть вопросъ объ исторической критикѣ систематическому своду и обработкѣ. Въ Россіи отцемъ исторической критики является тотъ же Шлецеръ: Карамзинъ, приступая къ исторіи, боялся ферулы Шлецеровой и тѣни

[1]) Principes de la critique historique par le P. Ch. De Smedt, S. j. bollandiste. Liège. Paris. 1883, особенно стр. 73—136; Notions élémentaires de critique historique par Ad. Tardif, prof. de droit civil et canonique à l'École nationale des Chartes, P. 1883. Рец. этихъ обоихъ трудовъ—Ѳ. Я. Фортинскаго (Опыты систем. обраб. историч. критики, Унив. Изв. 1884, № 8), съ дополн. литер. вход. вопросовъ); The Methods of Historical Study, Lond. 1886 (8 лекцій, прочит. въ Оксфорд. унив.), проф. Э. А. Фримана (рец. этого курса—К. Н. Бестужева-Рюмина: Методы историч. занятій, Ж. М. Н. Пр. 1887, № 2, сс. 291—319).

[2]) Опыты систематической обработки исторической критики, Ѳ. Я. Фортинскаго, с. 6—7; Русская исторія Бестужева-Рюмина, введ., с. 12. ....„Sondern erst die Einsichten in die Grundbedingungen methodischer Kritik, welche, mühsam durch manche Irrtümer der Skepsis hindurch von einzelnen gewonnen, in unserem Jahrhundert allmählich Gemeingut der historischen Forschung geworden sind“ (Bernheim, S. vi).

послѣдняго преслѣдовала его повсюду [1]). Погодинъ преклонялся передъ его авторитетомъ, не смотря на свои славянскія симпатіи; Соловьевъ горячо защищалъ въ свое время его критическіе пріемы и нападки на нихъ считалъ явленіемъ анти-историческимъ [2]). До сихъ поръ, замѣчаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, историки русскіе считаютъ себя или учениками или врагами Шлецера [3]).

Смотря по предмету изслѣдованія, критика (κρίνειν—выдѣлять, отдѣлять, судить) бываетъ философская, литературная, художественная, *историческая*. Послѣдняя стремится отличать факты вѣрные отъ невѣрныхъ во всякихъ документахъ, которые служатъ матеріаломъ къ воспроизведенію прошедшихъ событій; она распадается на двѣ части: *критику текстовъ* и *критику фактовъ*, причемъ первая всегда предшествуетъ послѣдней и доставляетъ данныя, уже подвергшіяся предварительной оцѣнкѣ. Поэтому и правила исторической критики касаются самыхъ документовъ и заключающихся въ нихъ текстовъ или способа обращенія съ фактами, извлеченными изъ источниковъ.

Но историческіе источники чрезвычайно многочисленны и разнообразны: они бываютъ *письменные*, *устные* и *вещественные* [4]).

---

[1]) Н. М. Карамзинъ, А. Старчевскаго, 184—185. „Сочинитель „Исторіи Россійскаго государства“ въ своей критикѣ былъ чистымъ шлецеристомъ, хотя иногда не соглашался съ своимъ учителемъ въ подробностяхъ, замѣчаетъ Надеждинъ. Пока Шлецеръ могъ служить ему и матерьяльнымъ руководителемъ, онъ шелъ твердою ногою. Но скоро онъ увидѣлъ себя одного, въ глухой и непроходимой чаще „удѣльнаго періода“ (Объ историческихъ трудахъ въ Россіи, Библ. для Чтенія 1837, т. XX, 109). Карамзину указано было обращаться за совѣтомъ къ Шлецеру.

[2]) См. выше, стр. 15, примѣч.

[3]) Біографіи и характеристики, сс. 177, 202.

[4]) Изъ данныхъ геологіи извлечено почти все то, что намъ извѣстно о доисторическомъ періодѣ. Но только въ отношеніи той исторіи, которая опирается на показанія свидѣтелей, примѣняются правила доказательства исторіи. Дѣленіе источниковъ также отличается разнообразіемъ (Смедтъ, 80—81; Бернгеймъ, 157; Herm. Oesterley, Wegweiser durch die Literatur der Urkundensammlungen, Berl. 1886 и др.). Подробно объ этомъ будетъ сказано въ „систематическомъ обзорѣ источниковъ“.

Первые изъ нихъ, составляющіе преобладающій матеріалъ, въ свою очередь распадаются на *оффиціальные акты*, изданные по распоряженію или при участіи власти, и *частныя произведенія*, какъ лѣтописи, мемуары, письма и т. п. При этомъ никакой родъ источниковъ не можетъ считаться свободнымъ отъ лжи и извращенія [1]).

По своимъ пріемамъ, критика источниковъ раздѣляется на *внѣшнюю* или *низшую* и *внутреннюю* или *высшую* (см. выше, стр. 20—24). Первая имѣетъ въ виду опредѣлить подлинность матеріала и значеніе его какъ источника, на основаніи его подлинности (дѣйствительно ли разсматриваемое сочиненіе есть то, за которое оно выдается, нѣтъ ли въ немъ подлоговъ, или оно ошибочно принимается за таковое; на сколько первыя умышленны, на столько ошибки могутъ быть случайны; поддѣлки равно распространяются какъ на памятники вещественныя, такъ и на письменныя и могутъ объясняться стремленіемъ къ славѣ, ложнымъ патріотизмомъ, религіозными и политическими побужденіями, какъ напр. монастырскіе акты, разнаго рода реликвіи, Лжеисидоровы декреталіи, Константиново вѣно, подборъ документовъ въ такъ назыв. „синихъ, желтыхъ и др. книгахъ" и т. п.). Не менѣе существенное значеніе имѣютъ ошибки, жертвою которыхъ дѣлаются иногда даже извѣстные ученые (такъ, Г. Г. Пертцъ въ изданіи жизни Карла В. Эйнгарда помѣстилъ изображеніе послѣдняго, взятое съ его печати, а между тѣмъ оно оказалось изображеніемъ импер. Коммода на геммѣ, служившей печатью, и, напротивъ, извѣстный Л. Гейссеръ увлекся въ обратную сторону относительно признанія нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей подложными [2]). Далѣе, при оцѣнкѣ достовѣрности источника, необходимо обращать вниманіе на *время* его происхожденія (слогъ, содержаніе, общій характеръ сочиненія, характеръ письма, знаки, для документовъ—извѣстныя формы, термины), *мѣсто* (языкъ, обстоятельства, интересующія автора, его симпатіи и т. п.), *личность* автора вообще (для опредѣленія слога писателя полезно изданіе словарей по памятникамъ; иногда личность автора выясняется иниціалами, тайнописью, намеками и т. п. [3]); на *анализъ источни-*

[1]) Lehrbuch d. hist. Methode, v. Ern. Bernheim, S. 206.

[2]) Bernheim, 117, 248.

[3]) Приписка въ хронографѣ Кубасова выясняетъ автора Повѣсти о смутѣ.

ковъ по ихъ родамъ (изученіе ближайшихъ по времени источниковъ, разысканіе общаго источника въ извѣстіяхъ, близкихъ другъ къ другу, какъ напр. въ лѣтописяхъ, способъ заимствованій, дополненій и т. п.) и *изданіе матеріаловъ* (въ основаніе долженъ быть взятъ оригиналъ или лучшія копіи, которыми нерѣдко оказываются позднѣйшіе списки, съ варіантами къ нимъ и соблюденіемъ требованій исторической и филологической критики; при изданіи актовъ требуется соблюденіе всѣхъ особенностей и формъ, имъ свойственныхъ). Хотя и появилось уже не мало цѣнныхъ изданій этого рода, но опредѣленныхъ правилъ все таки не выработано [1]. Весьма важнымъ подспорьемъ въ указанныхъ выше требованіяхъ критики источниковъ служатъ вспомогательныя знанія, о которыхъ скажемъ ниже.

Въ средніе вѣка изданіе своихъ трудовъ подъ чужимъ, извѣстнымъ именемъ, полное умолчаніе объ имени автора, поддѣлка оффиціальныхъ документовъ, были въ постоянномъ употребленіи. При опредѣленіи древности рукописей въ основаніе принимаются тѣ изъ нихъ, на которыхъ есть дата. Но отъ среднихъ вѣковъ до насъ дошло весьма мало оригиналовъ; большая же часть памятниковъ сохранилась лишь въ позднѣйшихъ спискахъ. При существованіи нѣсколькихъ списковъ ихъ слѣдуетъ принять во вниманіе всѣ и распредѣлить на группы по древности письма и взаимному отношенію списковъ. Древность рукописи опредѣляется матеріаломъ, способомъ его обработки, формою буквъ, цифръ (римскія и арабскія; у насъ славянскія и арабскія); количествомъ сокращеній въ письмѣ, употребленіемъ знаковъ препинанія, украшеніями и т. д. Признаки эти разнообразятся по мѣсту и времени происхожденія рукописи. Изученіе текста приводитъ къ выдѣленію разночтеній (варіантовъ) и опредѣленію взаимнаго отношенія рукописей. Если между рукописями нѣтъ согласія въ текстѣ, въ однѣхъ онъ оказывается болѣе полнымъ, въ другихъ съ пробѣлами, то для историка является вопросъ—нѣтъ ли здѣсь вставокъ или сокращеній; такимъ путемъ, по замѣчанію Смедта, раскрыта вставка легенды о папессѣ въ позднѣйшія рукописи папской лѣтописи (Liber Pontificalis) и др. (p. 89). Впрочемъ анахронизмы въ копіяхъ могутъ иногда явиться въ слѣдствіе небреж-

---

[1]) Bernheim, 311.

ности или неумѣнья переписчика прочесть древній оригиналъ или желанія владѣльца возстановить по памяти пропавшій, хорошо извѣстный ему документъ [1]).

Высшая или *внутренняя критика* изслѣдуетъ матеріалы относительно сообщаемыхъ ими свидѣтельствъ о событіяхъ, т. е. ихъ достовѣрности, вѣроятности, возможности или невѣрности данныхъ. Здѣсь опять имѣютъ значеніе личность автора, время и мѣсто возникновенія источника, характеръ и форма сочиненія—лѣтопись, мемуары, оффиц. акты и т. п. [2]), современны ли извѣстія или представляютъ болѣе поздній разсказъ, біографію, анекдотъ, пословицу и т. п., сопоставленіе источниковъ близкихъ по времени или другъ другу противорѣчащихъ, повѣрка письменныхъ извѣстій вещественными данными, каковы напр. археологическія находки на мѣстѣ битвы. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что изолированность единственнаго, до насъ дошедшаго, извѣстія еще не лишаетъ его извѣстной степени исторической достовѣрности. Но, съ другой стороны, для пра-

---

[1]) Копіи болѣе подвергаются поддѣлкамъ и вставкамъ (интерполяціямъ). Короткія рукописи очень легко поддѣлывать; отсюда существуетъ безчисленное множество подложныхъ писемъ; но встрѣчаются примѣры и болѣе крупныхъ фальсификацій, напр. въ поэмахъ Оссіана. Церковныя сочиненія содержатъ не мало ихъ, съ цѣлью подкрѣпленія извѣстныхъ мнѣній и т. п. (Bernheim, 220; Бэнъ, Логика общ. наукъ, 48). Греки и латиняне не только любили прибѣгать къ ссылкѣ на порчу противной стороной отеческихъ текстовъ, но и злоупотребляли иногда этой ссылкой (Виссаріонъ Никейскій, А. Садова, Спб. 1883, с. 131). О вставкахъ въ сочин. Іосифа Флавія и т. п. (Гиббонъ, II, сс. 111, 141; III, 516). Поэтому, относительно актовъ англійскій законъ требуетъ, чтобы писанные документы, прежде представленія ихъ какъ доказательства, были бы добыты изъ надлежащаго мѣста храненія. Отсюда видно важное значеніе архивовъ, картуляріевъ, публичныхъ библіотекъ и др. помѣщеній, которыя находятся подъ надзоромъ надежныхъ хранителей и общественной власти (Бэнъ, 45). Такъ, поддѣлка радзивиловскихъ привилегій была обнаружена справками въ Вилен. центр. архивѣ (см. Дѣло о поддѣлкѣ радз. привилегій, Кіевл. 1891, № 87).

[2]) Средневѣковые лѣтописцы любили описывать битвы и церемоніи и составлять характеристики лицъ по древнимъ и церковнымъ писателямъ (напр. Карла В. по Светонію. Бернгеймъ, 333, 407). Русскіе лѣтописцы въ такихъ случаяхъ употребляютъ библ. выраженія.

вильнаго освѣщенія факта, должна быть принята во вниманіе вся совокупность источниковъ въ ихъ полномъ видѣ [1]).

Современный историкъ можетъ положиться на собственныя наблюденія или на подлинные документы, полученные изъ подлинныхъ источниковъ; но большая часть даже современной исторіи должна опираться на показанія свидѣтелей. Съ этою цѣлью необходимо изслѣдовать: 1) могъ ли свидѣтель самъ знать то, что сообщаетъ, и 2) искрененъ ли онъ въ своемъ показаніи. Главная особенность правилъ доказательства въ исторіи заключается поэтому не въ достоинствѣ показанія, а въ точности его передачи. Въ этомъ историкъ сходится съ присяжнымъ или судьею, съ тою разницею, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми, давно умершими, характеръ которыхъ болѣе или менѣе трудно опредѣлить. Вопросы эти выясняются при опредѣленіи, былъ ли авторъ современникомъ и очевидцемъ описываемаго событія и находился ли онъ въ благопріятныхъ условіяхъ, чтобы черпать точныя свѣдѣнія о немъ. Здѣсь приходится принимать въ соображеніе всевозможныя оттѣнки въ извѣстіяхъ, являющіеся результатомъ вліянія разнообразныхъ интересовъ, страстей, партій, предубѣжденій. Полное согласіе извѣстій, идущихъ отъ разныхъ свидѣтелей, явленіе весьма рѣдкое; большею частію они бываютъ согласны лишь въ главномъ и расходятся болѣе или менѣе въ подробностяхъ; но это послѣднее обстоятельство еще не можетъ подрывать силы самыхъ показаній; иногда оно легко объясняется тѣмъ, что свидѣтели наблюдали событіе въ различные моменты и съ разныхъ сторонъ. Но если противорѣчіе все таки остается непримиримымъ, то изслѣдователю предстоитъ выбрать свидѣтельство наиболѣе правдоподобное и сдѣлать на основаніи его выводъ относительно вѣрный. Молчаніе извѣстнаго писателя о современномъ ему событіи не можетъ еще служить безусловнымъ доказательствомъ несуществованія самаго факта, но молчаніе нѣсколькихъ писателей-современниковъ усиливаетъ отрицательный выводъ относительно существующаго преданія, слуха и т. п. Даже современникъ, занимающій видный постъ, можетъ не знать во всей точности самыхъ важныхъ событій

---

[1]) Bernheim, 371, 376, 379, 399 (таковы нѣкоторыя извѣстія Геродота; описаніе Германіи Тацита). Поэтому важно полное изданіе источника, а не въ отрывкахъ и извлеченіяхъ (247).

своего времени: такъ бл. Августинъ не различалъ двухъ синодовъ, на которые распался сардикскій соборъ, и не зналъ каноновъ I-го вселенск. собора.

При подтвержденіи того, что событіе дѣйствительно произошло, ничто не можетъ замѣнить недостатка внѣшняго свидѣтельства. Внутренняя невѣрность можетъ дать намъ право сомнѣваться или не вѣрить извѣстному факту; внутренняя вѣроятность не можетъ увѣрить насъ, что фактъ былъ именно таковъ, какимъ онъ описывается; единственнымъ рѣшительнымъ доказательствомъ является показаніе достовѣрныхъ свидѣтелей. Строгое примѣненіе этого правила производитъ такое опустошеніе въ древней исторіи, что многіе ученые пытались было приложить свое остроуміе, желая извлечь изъ массы преданій нѣкоторыя вѣрныя указанія на настоящее теченіе событій. Тоже самое побужденіе, которое привело нѣкогда къ изобрѣтенію легендарной исторіи—неспособность удовлетвориться признаніемъ своего историческаго невѣдѣнія—въ настоящее время сбиваетъ критиковъ и историковъ. До какихъ предѣловъ позволительна вольность гаданій, лучше всего можно судить на основаніи того, что подобныя попытки дѣлались различными учеными, и потому было бы, быть можетъ, слишкомъ строго осуждать усилія Нибура распутать узелъ сомнѣній по апріорнымъ основаніямъ [1]).

Свидѣтельство передается обыкновенно двоякимъ путемъ: письменно или въ видѣ изустнаго преданія. Достоинство письменнаго памятника состоитъ именно въ томъ, что вѣрность его не умаляется отъ дѣйствія времени. Впрочемъ нѣкоторые (напр. Лапласъ) держатся того мнѣнія, что даже, не смотря на печатаніе, событія, которыя считаются теперь самыми достовѣрными, съ теченіемъ вѣковъ сдѣлаются сомнительными. Въ сущности это заблужденіе, такъ какъ единственное ухудшеніе, которое документъ можетъ испытать отъ одного лишь времени—это увеличивающаяся трудность оцѣнки того, насколько писатель заслуживаетъ довѣрія. Писанный памятникъ не обладаетъ тѣмъ недостаткомъ, который свойственъ сказанію, передаваемому изустно отъ одного къ другому и теряющему въ достоинствѣ при каждой передачѣ. Ньютонъ говорилъ, что изустному пре-

[1]) Lewis's Methods of Politics, I, 270 и д.

данію можно вѣрить въ теченіе 80 или 100 лѣтъ, а Вольней замѣчаетъ, что у краснокожихъ индійцевъ [illegible]ло вѣрнаго преданія о фактахъ, случившихся за 100 лѣтъ[1]). По мнѣнію Швеглера, римляне въ эпоху децемвировъ не знали уже ничего достовѣрнаго о началѣ своего государства[2]). Позже, когда явилось желаніе знать свое прошлое, они стали собирать данныя. Собирались саги и создавались этіологическіе и этимологическіе миѳы для изъясненія бывшихъ на лицо памятниковъ, обычаевъ, учрежденій, собственныхъ именъ и т. п.[3]).

Но достоинство изустнаго преданія можетъ увеличиваться существованіемъ связанныхъ съ нимъ обычаевъ, памятниковъ, эмблеммъ опредѣленной формой словъ, въ особенности если форма эта будетъ метрическая (греч. рапсоды, галльскіе друиды) и т. п. Рубино, авторъ сочиненія о древнѣйшемъ римскомъ государственномъ устройствѣ, дѣлитъ изустное преданіе на два класса—одинъ, касающійся

---

[1]) Бэнъ, Логика обществ. наукъ, 43—50. По вопросу о доказательствахъ существованія того или другаго факта, достовѣрности свидѣтельства и самаго характера этого послѣдняго могутъ быть приняты въ основаніе нѣкоторыя положенія, добытыя уголовнымъ судопроизводствомъ. Свидѣтели *качественно* не одинаковы; относительный вѣсъ каждаго показанія не можетъ быть измѣренъ; относительная цѣнность согласнаго удостовѣренія свидѣтелей зависитъ вполнѣ отъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть выражены цифрами; а если нѣтъ, то математическій методъ падаетъ самъ собою. Состояніе сознанія, называемое *безусловная увѣренность* или не существуетъ вовсе или не прилагается къ роду человѣческому. Пытаться установить объективную мѣру силы доказательства, независимую отъ обстоятельствъ, среди которыхъ доказательство дается, значитъ тоже, что пробовать отыскать соотвѣтствующія единицы мѣры для цѣнности, длины и емкости. Вопросы о честности свидѣтеля бываютъ часто весьма существенны, и не только касаются фактовъ, состоящихъ въ связи съ спорными пунктами, но даже когда и не касаются этихъ фактовъ. Письменный документъ есть наилучшее доказательство его же содержанія. Свидѣтельство по слухамъ, напротивъ, не есть доказательство (подробнѣе см. въ соч. Джемса Фицъ-Джемса Стифена: Уголовное право Англіи, Спб. 1865, стр. 305—341, 371—387, 403—409).

[2]) Römische Geschichte, I, 56.

[3]) Кулаковскій, О началѣ Рима, 13—14.

государственнаго строя и связанныхъ съ нимъ религіозныхъ и гражданскихъ учрежденій; другой,—обнимающій обыкновенный матеріалъ исторіи—войны, договоры и т. п. событія. Только этотъ послѣдній предоставлялся исключительно устному преданію и гораздо больше подвергался искаженію и неопредѣленности, нежели преданія, касающіяся государственнаго устройства. До извѣстной степени государственный строй, основанный на обычаѣ, предполагаетъ знаніе прецедентовъ. Точно также Швеглеръ, не возстановляя фактовъ внѣшней исторіи царскаго періода въ Римѣ, въ вопросахъ объ учрежденіяхъ даетъ совершенно опредѣленные отвѣты. И въ исторіи Моммзена нѣтъ вопроса о личностяхъ римскихъ царей и ихъ дѣяніяхъ, но дается ясная и цѣльная картина учрежденій царскаго періода и роста римскаго государства [1]).

За отсутствіемъ прямыхъ показаній, могутъ оказать изслѣдователю не малую услугу удачное примѣненіе *конъектуры*, заключеніе *a priori*, *аналогія*, но этими способами слѣдуетъ пользоваться осторожно и съ большимъ вниманіемъ [2]). Для древнихъ памятниковъ мало одного чтенія; здѣсь важны толкованія и комментаріи, основанныя на изученія текста и др. данныхъ [3]).

Историческое изложеніе только тогда имѣетъ цѣну, когда оно

---

[1]) Ibid., стр. 12—15, 24. Дункеръ, напротивъ, заслуживаетъ упрекъ въ томъ, что онъ часто не могъ устоять противъ искушенія дать подробное описаніе, широкое объясненіе даже тамъ, гдѣ преданіе представляетъ только самыя слабыя точки опоры (Пёльманъ, сс. 5—6).

[2]) Смедтъ (226—258) и Тардифъ (22). Въ 1841 г. В. Гизебрехту удалось возстановить текстъ Алтаихскихъ анналовъ на основаніи тѣхъ отрывковъ, которые встрѣчаются у позднѣйшихъ историковъ. Въ послѣдствіи рукопись этихъ анналовъ была найдена и оказалось, что ея текстъ почти буквально совпадаетъ съ текстомъ, возстановленнымъ Гизебрехтомъ (Bernheim, 295). Замѣчательна конъектура Нибура, относящаяся къ испорченному мѣсту Феста (Тэнъ, 128—129).

[3]) Таковы напр. объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ русскихъ лѣтописей (см. зам. Д. И. Иловайскаго, Древ. и Нов. Рос. 1880, I, 647; Н. Ламбина, Ж. М. Н. Пр., чч. CLXXI, CLXXIII, CLXXIV, XCVIII), Русской правды и т. п. Неправильное чтеніе имени въ надписи превращаетъ иногда лицо въ мѣстное названіе (VIII Арх. съѣздъ, Е. Ф. Шмурло, с. 63).

основано на источникахъ. Но такъ какъ всѣхъ источниковъ европейской или національной исторіи никто не въ состояніи изучить, то у каждаго долженъ быть одинъ или нѣсколько періодовъ изученныхъ вполнѣ. При этомъ, для историка обязательно имѣть общія понятія о главныхъ источникахъ всѣхъ періодовъ и извѣстное знакомство съ ними. Есть мнѣніе, полагающее, что исторія должна быть изучаема преимущественно по актамъ. Признавая за этою мыслію значительную долю правды, Фриманъ однако полагаетъ, что безусловное приложеніе ея можетъ повести къ ошибочному изложенію: разсказъ отличается послѣдовательностью; такой послѣдовательности нельзя искать въ актахъ, хотя бы они и сохранились въ хронологически непрерывномъ рядѣ, такъ какъ и тогда они представляютъ лишь нѣкоторыя стороны современной жизни, притомъ формальной, слѣд. ими можетъ быть только дополняемъ и объясняемъ связный разсказъ; разсказъ безъ актовъ неполонъ, но по крайней мѣрѣ понятенъ, акты же безъ разсказа едва ли могутъ быть понятны. Поэтому онъ настаиваетъ на выборѣ для начала занятій одного такого связнаго разсказа, который притомъ имѣлъ бы какъ литературное, такъ и историческое значеніе. Степень достовѣрности источниковъ весьма различна, но для изучающаго имѣетъ значеніе нерѣдко не только то, чтó было, но и то, какъ извѣстное событіе представлялось современникамъ. Поэтому могутъ быть важны и писатели, передающіе слухи, анекдоты и т. п., донесенія пословъ, сообщающихъ съ практическою цѣлью своему двору о событіяхъ той страны, куда они посланы, которыми въ такомъ обиліи воспользовался въ свое время Ранке и которыя въ такой полнотѣ извлекаются теперь для своего изданія Рус. истор. обществомъ; далѣе, житія святыхъ, писанныя съ цѣлью возбудить благочестіе, но которыя могутъ быть интересны и по указанію на нравы, и по выраженію господствующихъ взглядовъ. Анекдоты, напротивъ, рѣдко доходятъ до насъ отъ современниковъ и еще рѣже можно отличить въ нихъ сознательную цѣль: такъ, „Тайная исторія“ Прокопія до сихъ поръ подвергается сомнѣніямъ [1]).

---

[1]) Фриманъ, лекція 4-я. Анекдоты играютъ въ позднѣйшія эпохи такую же роль, какъ саги въ древнѣйшія и служатъ свидѣтельствомъ лишь того, какъ смотрѣли на событія и извѣстныхъ дѣятелей творцы этихъ разсказовъ или ближайшіе потомки (Bernheim, 344—345).

Надписи, напр. египетскія, ассирійскія и т. п. не могутъ не считаться первоисточниками; нося характеръ оффиціальный, онѣ подлежатъ критикѣ на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ она разсматриваетъ вообще оффиціальные источники. Но здѣсь нельзя опять не припомнить вполнѣ вѣрнаго замѣчанія Надеждина объ этого рода данныхъ (см. выше, стр. 23).

Между изслѣдователемъ природы и изслѣдователемъ историческихъ явленій существуетъ громадная разница. Первый пользуется матеріаломъ, подлежащимъ непосредственному наблюденію его чувствъ; историческій матеріалъ только съ внѣшней стороны подлежитъ имъ. Но оцѣнка стремленій и дѣйствій людей требуетъ иныхъ критическихъ пріемовъ. Самъ историкъ рѣдко бываетъ повѣствователемъ того. что онъ видѣлъ; но и быть свидѣтелемъ описываемыхъ событій еще не значитъ передавать ихъ вѣрно[1]). „*Совершившееся* только отчасти доступно нашему чувственному воспріятію; еще многое остается присоединить къ тому при помощи *соображенія*, *аналогіи*, *догадки*.... Когда желаютъ изложить какое нибудь ничтожное событіе точно, то тотчасъ же замѣчаютъ, какъ, при отсутствіи осторожности въ выборѣ выраженій, начинаютъ примѣшиваться мимоходныя дополненія, изъ которыхъ потомъ является ложь и неопредѣленность. *Самый языкъ нашъ содѣйствуетъ такому обману*“ [2]). Въ большинствѣ случаевъ историкъ пользуется для своего повѣствованія свидѣтельствомъ другихъ лицъ [3]), предположительно достовѣрныхъ, которыя

---

[1]) Плавтъ говоритъ:

Pluris est oculatus testis unus quam auriti decem;
Qui audiunt, audita dicunt; qui vident, plane sciunt.
(Truculentus, II, 6).

Вико выражается: „Fama crescit eundo (молва растетъ на ходу); minuit praesentia famam“ (присутствіе уменьшаетъ молву). Стасюлевичъ: Обзоръ исторіи философскихъ системъ, с. 60.

По выраженію Гервинуса: „Das Ohr ist so leichtgläubig, wie das Auge skeptisch ist“ (Grundzüge der Historik, 36).

[2]) W. Humboldt (Ueber die Aufgabe etc., Werke, I, 1—2).

[3]) Писатели современной исторіи стоятъ на одной степени съ современными учеными, изучающими исторію былаго (Фриманъ). При изученіи

иногда черпаютъ свои разсказы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Поэтому въ разсказѣ всегда остается мѣсто для личнаго чувства и мнѣнія. „Ничто такъ не рѣдко какъ буквально-точный разсказъ", замѣчаетъ тотъ же В. Гумбольдтъ. „Извѣстно, что никогда два очевидца не сообщаютъ въ одномъ и томъ же видѣ происшествія, при которомъ они присутствовали. Въ разсказѣ о битвахъ и другихъ сложныхъ событіяхъ можно объяснить это еще тѣмъ, что очевидецъ видѣлъ только одну часть поля дѣйствія, одинъ изъ его моментовъ, но тоже замѣчаютъ при передачѣ простыхъ явленій, при сообщеніи чьихъ нибудь словъ, ибо и здѣсь передача случившагося зависитъ отъ личныхъ взглядовъ свидѣтеля, и намъ приходится сводить показанія очевидцевъ и выбирать изъ нихъ то, что̀ согласуется. Когда намъ приходится выбирать изъ нѣсколькихъ показаній, мы выбираемъ обыкновенно то, которое намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, и здѣсь мы можемъ очень ошибиться: тотъ, кому для какой-нибудь цѣли нужно выдумать извѣстіе, старается придать своей выдумкѣ наиболѣе вѣроятія; слѣд. бываютъ случаи, когда извѣстіе, не невозможное физически, но невѣроятное, должно быть предпочтено" (Фриманъ). Жанъ де-Лабрюйеръ въ своихъ „Характерахъ" говоритъ: „Спросите даже у самаго порядочнаго человѣка, всегда ли онъ говоритъ правду въ разговорахъ, не ловитъ ли иногда онъ себя на извращеніи, къ которому необходимо влечетъ его тщеславіе и легкомысліе, не случается ли ему къ передаваемому факту нерѣдко прибавить обстоятельство, котораго не было. Дѣло происходитъ теперь почти на нашихъ глазахъ; сто лицъ его видѣли, но разсказываютъ о немъ на сто различныхъ манеръ; сто первый человѣкъ, выслушавъ о немъ, станетъ разсказывать опять новымъ способомъ; какое же довѣріе я могу имѣть послѣ этого къ фактамъ, бывшимъ въ древности, за нѣсколько вѣковъ до насъ? Какъ основываться даже на самыхъ серьезныхъ историкахъ? Что станетъ съ исторіей" [1])? Такимъ образомъ личная природа разсказчика постоянно вліяетъ на

источниковъ, историкъ долженъ относиться къ нимъ съ большимъ или меньшимъ довѣріемъ, смотря потому, на сколько близокъ или далекъ авторъ отъ описываемаго имъ событія (Ранке).

[1]) Характеры или нравы этого вѣка (Les caractères). Изд. журнала „Пантеонъ литературы". Спб. 1890, с. 352.

содержаніе разсказа и самая сильная любовь къ истинѣ не составляетъ въ этомъ случаѣ необходимой преграды, такъ какъ разсказщикъ бываетъ убѣжденъ въ томъ, что его изложеніе представляетъ полную истину. Равнымъ образомъ самое наивное простодушіе не представляетъ никакой гарантіи противъ искаженія, такъ какъ оно совершается часто безъ умысла и даже безсознательно. Только критическій и самосознательный умъ, по замѣчанію Зибеля, можетъ уберечься отъ него или исправить ошибку [1]). По замѣчанію Гервинуса, мемуары на столько субъективны, на сколько объективна лѣтопись [2]); но и это мнѣніе должно быть значительно ограничено. Строго говоря, объективное изложеніе возможно только въ полной исторической таблицѣ или въ хроникѣ, если она представляетъ данныя, ничего не прибавляя къ фактамъ и не заботясь о связи вещей [3]). Сводный характеръ большинства лѣтописей указываетъ уже на выборъ и опущеніе нѣкоторыхъ извѣстій. Въ томъ же убѣждаютъ такъ наз. интерполяціи болѣе поздняго происхожденія, выдающія себя иногда личнымъ заявленіемъ писавшаго или даже почеркомъ, въ особенности если онѣ касаются лицъ и событій, въ которыхъ такъ или иначе былъ заинтересованъ позднѣйшій составитель свода или даже собственникъ рукописи [4]). Но допущеніе

---

[1]) Извѣстенъ случай съ Вальтеромъ Ралеемъ. Запертый въ Тоуэрѣ, онъ, чтобы чѣмъ нибудь пополнить скуку тюремнаго заключенія, началъ писать всеобщую исторію. Однажды ему помѣшала ссора, происшедшая между его товарищами-узниками. Онъ сталъ разспрашивать о причинахъ ссоры и о томъ, что произошло, у ея участниковъ и посторонниихъ зрителей; но получилъ совершенно-противоположныя свѣдѣнія и отвѣты.—„И я собираюсь, сказалъ онъ, представить вѣрное описаніе того, что дѣлали тысячу лѣтъ тому назадъ люди, которыхъ я не зналъ и не видалъ, когда не могу добиться правдивой передачи знакомыми мнѣ лицами того, что случилось на моихъ глазахъ". И онъ бросилъ свою рукопись въ огонь (Guizot, Mémoires, I, 388; Ист. Вѣст. 1884, XVII, 695—696).

[2]) Grundzüge der Historik, Leipz. 1837, 35. Другіе въ свидѣтельствахъ видятъ болѣе *объективныя* или *субъективныя данныя*, смотря потому, представляютъ ли они *остатки* человѣческой дѣятельности (вещественные памятники, языкъ, учрежденія, акты и т. п.) или *традицію* въ ея различныхъ видахъ (Bernheim, 157, 322—326).

[3]) Везендонкъ, 135—136.

[4]) См. напр. извѣстія о Борисѣ Годуновѣ (Погодинъ, Историко-критич. отрывки, I, 299, 303; ср. Новгород. лѣтописи, Спб. 1879, с. xxiii).

конъектуръ и интерполяцій возможно также и со стороны позднѣйшихъ изслѣдователей, рѣшающихъ вопросъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія [1]). Съ уничтоженіемъ болѣе древнихъ списковъ изслѣдователю приходится нерѣдко пользоваться позднѣйшими сводами [2]).

Въ иномъ видѣ представляются матеріалы (собственно документы), не предназначенные для разсказа, а выражающіе только состояніе извѣстнаго факта: таковы правительственные акты (законодательные и судебные акты, приходо-расходныя и окладныя книги и т. п.). Здѣсь изслѣдователю почти приходится ограничиться постановкою вопроса о подлинности даннаго документа. Но положеніе его значительно измѣняется, если подобный матеріалъ претендуетъ на передачу извѣстнаго факта или цѣлаго ряда ихъ въ повѣствовательномъ изложеніи [3]). Достаточно указать на дѣло объ убіеніи царевича Димитрія въ Угличѣ; на послѣдующія заявленія В. Шуйскаго и патр. Іова о личности Д. Самозванца; на грамоты смутнаго времени вообще; на ретроспективный взглядъ на ту же эпоху въ извѣстіи о возведеніи на патріаршій престолъ Филарета [4]). Въ грамотахъ то-

---

[1]) По вопросу о варягахъ см. споры на VIII Арх. съѣздѣ (Шмурло, VIII Арх. съѣздъ, с. 24).

Димитрій Ростовскій много разъ исправлялъ и передѣлывалъ свою „Лѣтопись" и отличія эти имѣютъ существенное значеніе (Труды Сарат. ком., I, в. V, сс. xxxvi—vii).

[2]) „Послѣ того, какъ часть пособій, которыми пользовался Татищевъ, бывъ истреблена пожаромъ, для насъ навсегда потеряна, сама сводная лѣтопись его остается теперь источникомъ, хотя мы несравненно чаще къ ней придираемся, чѣмъ пользуемся ея указаніями съ критическимъ разборомъ". К. (Уч. зап. Ак. Н. по 1-му и 3-му отд., II, 769, примѣч.).

[3]) H. v. Sybel, Ueber die Gesetze des histor. Wissens. Ренанъ говоритъ: „En l'histoire les documents ont d'autant plus de poids qu'ils ont moins la forme historique" (Les Apôtres, introduction). Bisset (On historical truth, 1872), посвятившій свою книгу вопросу объ исторической достовѣрности, указываетъ на крайнюю трудность добыть историческую истину и необходимость съ большею осторожностію принимать историческія свидѣтельства, особенно въ спорныхъ вопросахъ. Онъ отдаетъ поэтому предпочтеніе документамъ и менѣе всего цѣнитъ обобщенія и теоріи.

[4]) Дополн. къ акт. историч., т. II, 185—208 (1619 года).

го времени, справедливо замѣчаетъ С. М. Соловьевъ [1]), не заботились о согласномъ свидѣтельствѣ, а выставляли событія, смотря по обстоятельствамъ. Множество оффиціальныхъ бумагъ имѣетъ также повѣствовательный характеръ. Зибель указываетъ на весьма интересный примѣръ подобной передачи даже ближайшихъ къ намъ данныхъ, не смотря на то, что требованія государственной науки, условія печати и международныя отношенія получили теперь болѣе широкое распространеніе и значительное вліяніе на ходъ политическихъ событій. Такъ, депеши бывшей лондонской конференціи, выходившія одновременно съ преніями, значительно разнятся отъ свода послѣднихъ, представленнаго бар. Брунновымъ въ видѣ resumé, въ слѣдствіе чего дипломаты нѣмецкихъ державъ представили своимъ правительствамъ собственное изложеніе, во многомъ отличавшееся отъ перваго. Но гораздо яснѣе становится подобное отношеніе къ разсказу, когда изложеніе событій принимаетъ вполнѣ повѣствовательную форму, напр. въ лѣтописяхъ и особенно въ запискахъ, гдѣ авторъ постоянно является дѣйствующимъ лицомъ. Не смотря на религіозный колоритъ лѣтописей, въ нихъ весьма часто можно отличить сторонника той или другой партіи или защитника мѣстныхъ интересовъ (московскихъ, новгородскихъ, псковскихъ и т. д. [2]). По-

---

[1]) Ист. Россіи, т. IX, стр. 23. Грамоты иногда просто списывались съ предъидущихъ актовъ (Платоновъ, Замѣтки о зем. соборахъ, 9—10).

[2]) Вотъ любопытный примѣръ такого отношенія, не смотря на то, что здѣсь рѣчь идетъ исключительно о религіозныхъ предметахъ: „Того же лѣта (1472) изведоша дѣлатели церкви св. Богородица (Успенскій соборъ въ Москвѣ) до порога, и гробницы на тѣхъ же сторонахъ епископомъ доспѣша, Кипреяна да Фотѣя митрополитовъ на правой сторонѣ врядъ, а Ѳеогноста митрополита въ придѣлѣ въ Петрѣ святомъ у Петра митр. объ одну стѣну; на другое лѣто мало мосту изведоша и гробницы митрополитовъ заложиша. Тогда Іону (уроженецъ сѣвера) цѣла суща обрѣтоша маія въ 29; Фотѣя (грекъ) же цѣла суща не всего, едины ноги толико въ тѣлѣ; а Кипреяна (сербъ, извѣстенъ превратностями своей судьбы) всего истлѣвша, едины мощи. Іона же исцѣли отрока 6 лѣтъ, попова сына Петрова Ивановского подъ Колоколы, хрома суща. Множество же людей Іонину тѣлу прикладывающеся, сребра наметаша якоже въ газофулакію; митрополитъ же все то отнявъ у поповъ на созданіе церковное. Тогда же Іона и Селивача исцѣли Рязянца, внутри болячку имуща. Петра же великаго (во-

вѣствованія московской, новгородской и псковской лѣтописей о паденіи независимости Новгорода и Пскова совершенно различны, но тотъ же тонъ, какой господствуетъ у московскаго лѣтописца относительно Новгорода, проявляется съ не меньшею силою у новгородскаго лѣтописца относительно Пскова, желавшаго освободиться изъ-подъ власти Новгорода. Эти особенности, свойственныя личной точкѣ зрѣнія, проходятъ и въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ, псковской лѣтописецъ причину убіенія царевича Ивана царемъ Иваномъ Грознымъ готовъ приписать настояніямъ послѣдняго на защитѣ Пскова (отъ Баторія [1]), а между тѣмъ Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ спустя

лынецъ) нощію ископаша, и обрѣтоша мощи его, и людемъ не явиша; но ларецъ поставиша возлѣ Іонинъ гробъ, идѣже нынѣ Филиппъ митр. лежитъ, и лобзаша его вси приходящія. Не вѣмъ же мощи бѣша ту, или ни, дивихся велми толко будетъ вправду тутъ, яко такова чюдотворца ту положиша безчестно, не изнесоша въ иной храмъ; дѣлатели бо дѣлающе поверхъ его ходятъ, а что ни есть отесковъ каменыхъ, то все на гробъ его падаше. И Іону митр. болѣ брежаху. Но инiи глаголаху, яко въ полатѣ митрополитъ Петра чюдотворца мощи положи; но народа ради яви, яко ту подлѣ Іонинъ гробъ въ ларцѣ лежитъ, кабы въ полату не ходили. Нимало же дѣлатели изведоша церкви тоя и столповъ, донелѣ же олтаря наддѣлали и мѣсто чюдотворцу такоже близъ жертвенника сотвориша, тогда князь великій хотяше и митрополитъ сотворити опричной день и пренести на то мѣсто, гдѣ ему быти, и празникъ ему доспѣти.... И сдумаша и пренесоша мощи его іюля въ 1 и празникъ великъ учиниша; и канонъ принсенію мощемъ учинити и слово доспѣти о церковномъ замышленіи и о обрѣтеніи чюдотворцовѣ и о обрѣтеніи Іонинѣ повелѣша Пахомію Сербину мниху Сергіева монастыря, иже сотворити два канона. А въ словѣ томъ написа, яко въ тѣлѣ обрѣли чюдотворца невѣрія ради людскаго, занеже кой толко не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ уних не святъ; а того не номянутъ, яко кости наги источаютъ исцѣленія" (Пол. собр. рус. лѣтоп., VI, 195—196). Не менѣе любопытно объясненіе болѣзни новгор. архіеп. Сергія, поставленнаго изъ Москвы, за непочтеніе его къ мощамъ новгор. владыки Моисея, въ мѣстныхъ лѣтописяхъ (новгород., П. С. Р. лѣт., III, 243—244; псков., т. V, 42, поставленное здѣсь въ связи съ другими религіозными и естественными явленіями; ср. Памят. старин. рус. литер., IV, 12); иначе въ москов. лѣт. (П. С. Р. лѣт., VI, 236).

[1]) П. С. Р. Л., т. IV, 319.

три мѣсяца, подробно разсказываетъ это происшествіе и объясняетъ его ссорою царя съ сыномъ по поводу оскорбленія жены послѣдняго [1]). Даже въ одной и той же (псковской) лѣтописи (по Архив. и Снегиревскому спискамъ) взгляды на Бориса Годунова существенно отличаются другъ отъ друга по спискамъ [2]). Подобныя противорѣчія могутъ указывать на позднѣйшія вліянія, сообразно съ воззрѣніями составителей сводовъ. Но нерѣдко лѣтописи подвергались и оффиціальной передѣлкѣ: въ новгородскихъ лѣтописяхъ отмѣчаютъ вліяніе московской редакціи [3]). Еще болѣе рельефный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ такъ называемая Рукопись Филарета. Въ послѣднее время было указано, что основою для этой лѣтописи послужилъ хронографъ Кубасова (собственно Повѣсть кн. Катырева-Ростовскаго, а отчасти Новый лѣтописецъ); тѣмъ не менѣе взглядъ составителя ея на дѣятелей смутнаго времени (напр. ц. Василія Шуйскаго) и событія эпохи значительно отличается отъ послѣдняго, причемъ бросается въ глаза вліяніе оффиціальныхъ мнѣній [4]); въ другихъ поправкахъ Рукописи видно стремленіе поправщика передать извѣстный фактъ иначе, чѣмъ онъ былъ изложенъ въ текстѣ источника (напр. о Скопинѣ-Шуй-

---

[1]) Карамзинъ, IX, примѣч. 610—613; Соловьевъ, VI, 435 и пр. 137.

[2]) П. С. Р. Л., т. IV, 320—21, 344—45. Здѣсь необходимо имѣть въ виду свойственное средневѣковымъ и даже писателямъ списыванье у своихъ предшественниковъ съ нѣкоторыми иногда варіантами, но безъ указанія источника (Пироговъ, Изслѣд., сс. 10, 145). Ср. о запискахъ Перштейна—Кобенцеля (Сборн. соч. студ. унив. св. Владиміра, I, ст. Д. Багалѣя), объ извѣстіяхъ Фоскарини (ст. А. Ясинскаго, Унив. Изв. 1889, № 6). Въ цар. Θедора Ивановича, замѣчаетъ Карамзинъ, уже не было поединковъ. Одинъ Петрей говоритъ объ нихъ, выписывая изъ Герберштейна безъ толку (Ист. госуд. Рос., IX, пр. 803; впрочемъ въ 1571 г. Иванъ Грозный возстановилъ ихъ въ Новгородѣ, ibid., с. 114, пр. 377).

[3]) Новгород. лѣт., изслѣд. Н. Янивша (Чтен. М. О. И. 1874, кн. II).

[4]) О Рукописи Филарета, А. Кондратьева (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 9); и С. Θ. Платонова, (Древне-русскія сказ. о смутномъ времени). Самый способъ написанія Рукописи (въ столбцахъ) указываетъ на это (см. Сборникъ Муханова, Спб. 1866). О передѣлкахъ въ извѣстіяхъ о смутномъ времени сообразно съ обстоятельствами (см. нашу моногр. Новыя изслѣд. по ист. смут. врем. Моск. госуд., 13, 48—49).

скомъ). Точно также въ оффиціальной московской лѣтописи [1]) совершенно иначе сообщается о поступкѣ слуги Курбскаго, чѣмъ говоритъ о томъ самъ Иванъ Грозный, на свидѣтельствѣ котораго построилъ идеальный типъ вѣрнаго слуги Карамзинъ [2]). Таинственность событія, въ свою очередь, представляетъ обширное поле для толкованія и слуховъ, находящихъ себѣ мѣсто даже въ болѣе осторожныхъ свидѣтельствахъ [3]).

Составители записокъ, тайные агенты, дающіе отчеты правительству, при всемъ желаніи узнать истину, принуждены бываютъ нерѣдко довольствоваться слухами, сплетнями или даже намѣренно имъ сообщаемыми невѣрными указаніями. Въ этомъ случаѣ свидѣтели бываютъ введены въ обманъ другими, хотя сами могли быть искренними въ своихъ сообщеніяхъ; но бываетъ нерѣдко намѣренный обманъ съ ихъ стороны, для достиженія той или другой цѣли; на такой обманъ можно натолкнуться въ донесеніяхъ о побѣдѣ, въ меморандумахъ, въ надгробныхъ рѣчахъ, въ надписяхъ на памятникахъ и т. п., хотя и въ панегирикахъ, и въ надгробныхъ рѣчахъ, какъ и среди произведеній, преисполненныхъ лжи подъ вліяніемъ

---

[1]) Александроневская лѣтопись (Рус. ист. Библ., III, 222).

[2]) Ист. гос. Рос. IX, 34—35, прим. 108, 110.

[3]) Такъ, Герберштейнъ говоритъ: „По мнѣнію многихъ Максимъ Грекъ въ княж. Василія III былъ утопленъ", а между тѣмъ онъ умеръ долго спустя, въ цар. Ивана IV. Благосклонный къ Вассіану Косому, Курбскій сообщаетъ, что онъ умеръ насильственною смертію, но есть основаніе думать, что это невѣрно (В. Жмакинъ: Поѣздка въ Волоколамскій монастырь, Др. и Нов. Россія 1880, I, 35). „Ни одного частнаго извѣстія о Д. Самозванцѣ—будь оно передано современникомъ-очевидцемъ—нельзя признать за несомнѣнно вѣрное", говоритъ П. С. Казанскій (Русскій Вѣстн. 1877, № 8, Изслѣд. о личности перваго Лжедимитрія, с. 464—65). Припомнимъ различныя мнѣнія о „Желѣзной маскѣ". Разсказы о политическихъ убійствахъ Бориса Годунова нисколько не достовѣрнѣе разсказовъ Раксаля о подобныхъ же мнимыхъ убійствахъ Екатерины II. Въ послѣднее время въ защиту Бориса Годунова прибавился еще одинъ голосъ, но подозрѣнія автора относительно участія кн. В. И. Шуйскаго въ событіи 1591 г. требуетъ болѣе основательнаго подтвержденія (Кто убилъ ц-ча Димитрія, Вл. В—скаго, Ист. Вѣстн. 1891, № 5).

лести, страха или частныхъ интересовъ, можно встрѣтить иногда нѣчто достовѣрное или найти зерно истины [1]).

Такимъ образомъ оффиціальный характеръ документа нисколько еще не обезпечиваетъ насъ отъ невѣрной передачи факта. Такъ, оффиціальныя показанія по дѣлу Синклера противорѣчатъ другимъ оффиціальнымъ даннымъ о немъ [2]). Манифестъ Екатерины II отъ 7 іюля 1762 г. свидѣтельствуетъ о трудности ея собственнаго положенія, но не вѣренъ исторически [3]). Графъ Растопчинъ въ 1812 г. хвалился сожженіемъ Москвы какъ своимъ подвигомъ [4]), а въ 1822 г. уже отрекался самъ отъ него [5]). По извѣстному дѣлу Верещагина гр. Растопчинъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Я объявилъ ему, что онъ *приговоренъ Сенатомъ къ смертной казни и долженъ понести ее*—и приказалъ двумъ унтеръ-офицерамъ своего конвоя рубить его

---

[1]) Смедтъ, 126—127. „Панегирикъ, какъ бы онъ ни былъ искрененъ, не есть исторія. Недовольно любить истину, какъ благородный человѣкъ, наравнѣ со всѣмъ, что прекрасно; нужно еще любить ее, какъ любитъ ученый, т. е. болѣе всего на свѣтѣ“ (Тэнъ, Титъ Ливій, 85). „Въ Наполеонѣ, который вообще презиралъ людей, не возбуждались ни негодованіе, ни удивленіе, а только появлялась улыбка состраданія, когда къ нему одновременно доставляли адресы Людовику XVIII, полученные уже послѣ его бѣгства, и адресы ему самому, подписанные одними и тѣми же лицами“ (Гервинусъ, I, 96). „Мы не придаемъ адресамъ никакого значенія....: англійскій сборщикъ податей или судья безъ труда могъ заставить всякаго грамотнаго туземца подписать панегирикъ самому ненавистному правителю, какой когда либо бывалъ въ Индіи“ (Маколей, IV, 325, Ворренъ Гастингсъ).

[2]) Русскій Архивъ 1866 (оффиц. докум. по дѣлу Синклера); Соловьевъ (XX, 360—369, прилож., 478—482). Впрочемъ, уже въ то время въ оффиціальной средѣ не вѣрили ни сообщеніямъ газетъ объ этомъ дѣлѣ, ни манифесту имп. Анны (отзывъ А. П. Бестужева-Рюмина, см. Дѣло о Биронѣ, Чт. М. О. И. 1862, I, с. 125—126).

[3]) XVIII вѣкъ, т. IV, 224. Есть впрочемъ историки, принимающіе сообщаемые въ немъ факты буквально (П. Петровъ, Исторія С.-Петербурга 656, пр. 726).

[4]) Письмо кн. А. А. Шаховскаго къ А. И. Михайловскому-Данилевскому (Рус. Стар. 1889, LXIV, 56).

[5]) Шлоссеръ, Ист. XVIII столѣтія, VIII, 160—161.

саблями. Онъ упалъ, не произнеся ни одного слова" [1]). А между тѣмъ личныя домогательства гр. Растопчина передъ импер. Александромъ I въ пользу торжественной казни надъ Верещагинымъ не имѣли вовсе успѣха [2]), а все дѣлопроизводство Сената по этому поводу убѣждаетъ въ совершенно противоположномъ взглядѣ послѣдняго на это вопіющее дѣло [3]). Подобныя же неточности и отступленія отмѣчаютъ въ оффиціальныхъ реляціяхъ (напр. о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму 1854—55 г. [4]) и оффиціальныхъ отчетахъ, претендующихъ на освѣщеніе фактовъ въ извѣстномъ смыслѣ [5]). Когда въ 1884 г. поднялись толки объ угнетеніи Македоніи, англійскій министръ

---

[1]) Записки гр. Растопчина (Р. Стар. 1889, LXIV, 723). Фактъ этотъ уже тогда вызывалъ осужденіе (Записки Д. П. Рунича—Рус. Обозр. 1890, № 9, с. 205). Напрасная защита П. Б. (Р. Арх. 1875, III, 224, 289).

[2]) Русскій Архивъ 1875, II, 289.

[3]) Чт. Моск. Общ. ист. 1859, II; Рус. Арх. 1870, с. 517—522 (ст. Д. Свербеева); Дѣло Верещагина въ Сенатѣ 1812—16, сообщ. Н. А. Поповъ (Чт. М. О. ист. 1888, I, с. 1—16).

[4]) Записки Ѳ. Н. Устрялова (Ист. Вѣст. 1884, XVII, 288) и Воспом. Г. Д. Щербачева (Р. Арх. 1890, № 2). Весьма вѣрныя замѣчанія о процессѣ происхожденія и характерѣ военныхъ реляцій дѣлаетъ гр. Л. Н. Толстой, изучившій множество историческихъ матеріаловъ для своего произведенія „Война и миръ". „Часто, изучая два главныя историческія произведенія этой эпохи, Тьера и Михайловскаго-Данилевскаго, я приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли быть печатаемы и читаемы эти книги", говоритъ онъ (Р. Стар. 1890, т. LXVII, 651—652). Понятно поэтому, что возраженія г. Масловскаго по адресу Соловьева и отчасти Пекарскаго, относительно состоянія военнаго дѣла въ Россіи въ началѣ 7-лѣтней войны, требуютъ ограниченія. Подобные упреки могли быть сдѣланы только писателемъ, вѣрующимъ въ безукоризненность военныхъ реляцій и данныхъ, между тѣмъ для историка важны лишь результаты и главные моменты сраженій и войнъ (Шлоссеръ, VIII, 213). Оцѣнка военныхъ цифръ (ibid. VI, 481—по поводу показаній объ Аустерлицкой битвѣ; VIII, 143, 158—о битвахъ Наполеона въ Россіи).

[5]) Любопытенъ оффиціальный отзывъ, сдѣланный о нихъ въ 1855 г. (Рус. Арх. 1883, III, 201, изъ бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго). Разъясненіе, кому принадлежитъ этотъ отзывъ (Дневникъ П. А. Валуева Рус. Стар. 1891, т. LXX, 344, 354 и 356—360; ср. Дневникъ А. В. Никитенка, Р. Стар. 1890, LXVI, № 6, с. 683).

иностр. дѣлъ, ссылаясь на свидѣтельство турецкаго посланника, утверждалъ, что тамъ все благополучно. „Лучшее средство противъ такихъ прискорбныхъ заблужденій, замѣчаетъ по этому поводу Фриманъ, въ прошедшемъ или настоящемъ, здравое изученіе исторіи, тщательное взвѣшиваніе свидѣтельствъ, основательный разборъ документовъ“ [1]).

Извѣстно, какой восторженный отзывъ сдѣлалъ въ свое время Ранке объ иностранныхъ донесеніяхъ, особенно о венеціанскихъ, римскихъ и вообще итальянскихъ реляціяхъ XVI и XVII стол., касающихся даже отдаленныхъ странъ, какъ Московія, Персія, Англія и Португалія [2]). Шлоссеръ, напротивъ, совершенно обратно относится къ дипломатическимъ сообщеніямъ [3]) и къ этому мнѣнію вполнѣ склоняются Соловьевъ и такой опытный изъ современныхъ дипломатовъ, какъ Бисмаркъ. „Какъ не вѣрить такому источнику, говоритъ русскій историкъ: посолъ занимаетъ важный постъ, онъ въ сношеніяхъ съ государями и министрами, онъ знаетъ все какъ было, долженъ знать, потому что обязанъ сообщить вѣрныя свѣдѣнія своему двору. Дѣйствительно, это источникъ важный, можно найти въ немъ чрезвычайно любопытныя извѣстія, подробности; но съ какою же осторожностію надобно относиться къ этимъ извѣстіямъ, къ этимъ подробностямъ. Нѣтъ свидѣтеля, который былъ бы менѣе безпристрастенъ и отъ котораго, въ большинствѣ случаевъ, старались бы болѣе скрывать истину, какъ иностранный посланникъ. Если онъ хвалитъ, то кого онъ хвалитъ? человѣка, который ему поддается, часто съ нарушеніемъ интересовъ родной страны, и какъ скоро этотъ самый человѣкъ окажетъ менѣе податливости, посолъ, не помня прежняго, начинаетъ бранить его. Если послѣ встрѣчаетъ пре-

[1]) Лекція 6-я.

[2]) См. предисл. къ соч. Государи и народы южной Европы въ XVI и XVII вв., Спб. 1856; Über den Werth diplomatischer Depeschen als Geschichtsquellen (Akadem. Antrittsrede v. H. Ulmann, 1874); Bernheim (321—322).

[3]) Исторія XVIII стол., VI, 232, 235, 241; VII, 337, 341, 344; VIII, 69, 94. „Дипломатическимъ языкомъ, по замѣчанію автора, называется языкъ, въ которомъ употребляютъ такія выраженія, чтобы можно было перетолковать ихъ какъ угодно“ (ibid. 94). „Here we are in the very chosen region of lies!“ восклицаетъ Фриманъ (258).

пятствія въ проведеніи какого нибудь нужнаго для его двора дѣла, то препятствія эти, по его словамъ, не отъ того, что дѣло это, въ цѣломъ или частяхъ несогласно съ интересами страны, нѣтъ, они происходятъ непремѣнно отъ интриги неблагонамѣренныхъ людей" [1]). „Форма этихъ донесеній, по словамъ Бисмарка, всегда безукоризненна, но существеннаго они рѣдко содержатъ. Это не болѣе какъ написанные изящнымъ слогомъ, но безсодержательные фельетоны.... Историку, замѣчаетъ онъ, дипломатическая переписка не принесетъ большой пользы, я не могу понять, почему разрѣшается знакомиться съ содержаніемъ хранящихся въ архивѣ министерства документовъ только по истеченіи какихъ нибудь тридцати и даже болѣе лѣтъ. Для тѣхъ, кто незнакомъ съ лицами и обстоятельствами, письма и документы не могутъ имѣть никакой цѣны, хотя бы въ нихъ было кое-какое содержаніе, что случается весьма рѣдко.... Необходимо знать, какой смыслъ придавалъ Горчаковъ, Грэнвилль, или Гладстонъ тѣмъ словамъ, о которыхъ доноситъ посланникъ. Можно скорѣе узнать истину изъ газетъ, которыми вѣдь также пользуются правительства. Но суть, отъ чего все зависитъ, заключается всегда въ частныхъ письмахъ и конфиденціальныхъ, часто устныхъ сообщеніяхъ, которыхъ нельзя найти въ архивахъ" [2]). Во всякомъ случаѣ эти предостереженія не лишни при оцѣнкѣ извѣстій подобнаго рода. Обратимся собственно къ запискамъ.

Мемуары Лафайэта, Дюмурье и Наполеона I въ сравненіи съ ихъ собственными письмами и депешами представляютъ какъ бы умышленное искаженіе. О печальномъ дѣлѣ герц. Ангіенскаго Наполеонъ говорилъ различно, смотря по тому, съ кѣмъ онъ говорилъ [3]). Мемуары маршала Мармона часто опровергаются приложеніями, помѣщенными въ его собственной книгѣ. Еще болѣе рѣзкій и поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ мемуары извѣстнаго дѣятеля французской революціи—Бертрана Барера. Такъ, онъ увѣряетъ, что предложеніе о преданіи суду Маріи Антуанеты было сдѣлано Робеспьеромъ, а между тѣмъ въ современномъ „Мо-

---

[1]) Соловьевъ (Исторія Россіи, XXIV, 422—423).

[2]) M. Busch (Reichskanzler).

[3]) Bourdeau, 275.

нитёрѣ" находится извѣстіе, что это предложеніе было сдѣлано членомъ комитета общественной безопасности —Барероиъ и даже обвинительная рѣчь была сказана имъ самимъ, а Наполеонъ I говоритъ даже, что Робеспьеръ противился процессу королевы. Процессъ жирондистовъ Бареръ называетъ „страшною несправедливостью", а день ихъ процесса—„днемъ плача для Франціи"; онъ громогласно заявляетъ, что никогда не участвовалъ въ рѣшеніяхъ противъ нихъ и даже ссылается на „Монитёръ"; между тѣмъ это совершенная неправда: Бареръ самъ велъ процессъ противъ жирондистовъ и 28 іюля 1793 самъ предложилъ декретъ объ обвиненіи и казни подсудимыхъ, а когда медлили съ этимъ, онъ продолжалъ настаивать на своемъ, о чемъ и разсказывается въ томъ же „Монитёрѣ" [1]). Мемуары Виль-

---

[1]) Маколей (Бертранъ Бареръ, Собр. сочин., т. XIV, 376—469). Совѣтуя не пренебрегать темами по новѣйшей исторіи, Дройзенъ включаетъ въ область ея источниковъ и мемуары, и газеты, но затѣмъ, чтобы показать, на какихъ ненадежныхъ основахъ часто покоятся преданія, которыя выдаются такъ охотно за объективную исторію. Ближайшая повѣрка данныхъ „Монитёра" съ протоколами націон. собранія убѣждаетъ въ значительныхъ промахахъ и ошибкахъ оффиціальнаго органа въ именахъ, датахъ и фактахъ (Zur Kritik des Moniteur als Geschichtsquelle, v. E. v. Stockmar. Hist. Zeitschr. 1880, XLIII, 428—436). О перепечаткѣ и передѣлкахъ во 2-мъ изд. нѣкоторыхъ №№ „Монитёра", на которыя не всегда обращаютъ вниманіе историки (Шлоссеръ, VIII, 326); о лжи наполеоновскихъ бюллетеней (VI, 470, примѣч., 475; VII, 366; VIII, 122, 176, 250). Биньонъ, пользуясь документами архива иностр. дѣлъ, выбиралъ отрывки изъ связи текста съ цѣлью оправдать Наполеона (Шлоссеръ, VIII, 108). Отзывъ о запискахъ Наполеона (Lanfrey, Hist. de Napoléon, I, 38). Но изученіе газетъ несомнѣнно полезно для ознакомленія съ отношеніями партій и мнѣніями (Ueber einige französische Flugschriften aus den letzen Monaten des Jahres 1831, v. L. Ranke, Hist. polit. Zeitschr. B. I, 1832, S. 115 u f.). Въ свое время Шлецеръ читалъ въ Геттингенѣ лекціи, на которыхъ онъ объяснялъ своимъ слушателямъ газетныя извѣстія и на которыхъ излагалъ выгоды путешествія и способы путешествовать съ пользою (Reise-und Zeitungscollegium). На такихъ лекціяхъ слушатели узнавали, какъ съ пользою читать газеты, научались не вѣрить безусловно всему печатному, ибо уже и тогда были подкупныя и продажныя газеты, какъ и въ наше основательное время, замѣчаетъ Везендонкъ (S. 95).

буа (о цар. Петра В. и Екатерины I), подкупающія въ свою пользу близостью автора къ описываемымъ событіямъ, и воспоминанія Вигеля, столь близкія къ нашему времени, но въ высшей степени проникнутыя личнымъ элементомъ, требуютъ особеннаго вниманія къ сообщаемымъ ими извѣстіямъ о лицахъ и событіяхъ, которыя нерѣдко представляются самимъ авторомъ (у Вигеля) съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Таковы же, въ особенности, оправдательныя записки Бирона, Миниха, даже Екатерины II[1]). Далѣе слѣдуютъ уже разнаго рода разсказы, анекдоты и т. п. (напр. мем. Катта о Фридрихѣ II), разсчитывающіе на занимательность и даже пикантность и др.[2]).

При изложеніи мемуаровъ, въ подобныхъ случаяхъ имѣютъ мѣсто иногда сознательная ложь, еще чаще безсознательное нарушеніе связи, ослабленіе памяти, наконецъ измѣненіе въ сужденіи съ теченіемъ времени и перемѣною обстоятельствъ. Вотъ почему такъ важно, при оцѣнкѣ достовѣрности разсказа, всестороннее знакомство съ личностью автора, т. е. степенью его образованія, средою, въ которой онъ дѣйствовалъ, политическими и религіозными его убѣжденіями и т. п. Необходимо также знать тѣ обстоятельства, при которыхъ сложился тотъ или другой разсказъ или извѣстіе: на основаніи слуховъ, преданія, личнаго наблюденія или письменнаго источника. Дневникъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ записками, составленными долго спустя и потому нерѣдко смѣшивающими событія, лицъ и время[3]). Впрочемъ есть и другая сторона въ этого рода матеріалахъ.

---

[1]) Обстоятельства появленія ихъ все еще возбуждаютъ сомнѣнія въ ихъ подлинности (Древ. и Нов. Рос. 1880, II, 335, примѣч.). Въ защиту послѣдней писалъ Зибель (Histor. Zeitschr. 1861, B. V, 89—98). Соображенія о времени ихъ появленія и достовѣрности, на основаніи писемъ Екатерины II къ Гримму (Р. Стар. т. XLII, 229—230, примѣч.). В. А. Бильбасовъ переложилъ ихъ почти цѣликомъ въ „Ист. Екатерины II“, т. I, 1890.

[2]) Бернгеймъ, 238—39; Смедтъ, 81. Критическій разборъ (о недостовѣрности) нѣкоторыхъ анекдотовъ о Петрѣ В. въ собр. Штелина и Голикова, В. Н. Берха (Моск. Телегр. 1826, № 24, с. 237—242).

[3]) Вотъ что разсказываетъ гр. Сегюръ о сообщеніяхъ Бретейля: „Чтенія дипломатической переписки оказалось полезнѣе для меня, чѣмъ

Читая благопріятный или неблагопріятный отзывъ о людяхъ или дѣлахъ историкъ можетъ не вѣрить тому, отъ кого идетъ это сужденіе, но каждая такая черта проливаетъ новый свѣтъ на лицо писавшее, или на его отношенія, замѣчаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ; предъ нимъ встаютъ живые люди съ ихъ страстями заблужденіями, и счастливъ онъ, если можетъ, воплотивъ свое представленіе въ живые образы, возродить и въ душѣ читателя тоже самое представленіе. Если бы историкъ гонялся только за фактическою вѣрностію своихъ извѣстій, то, конечно, доказавши разъ, что тотъ или другой изъ свидѣтелей или дѣятелей пристрастенъ, онъ могъ бы отдѣлаться отъ него однимъ приговоромъ и, закрывъ книгу, болѣе въ нее не заглядывать; но за фактическою вѣрностью стоитъ для исто-

---

бесѣды съ нимъ. Двадцать лѣтъ, истекшія со времени миссіи его въ Петербургѣ, изгладили воспоминанія о многихъ фактахъ, которыя могли быть полезны для меня. Невѣрность памяти его странно поразила меня. Однажды я бесѣдовалъ съ нимъ о переворотѣ, низложившемъ Петра III съ престола и возведшемъ на него Екатерину II; онъ съ самодовольствомъ сталъ разсказывать мнѣ всѣ подробности переворота, такъ какъ бы это сдѣлалъ очевидецъ, описывалъ мнѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого трагическаго событія, и доказывалъ мнѣ, что если бы не его совѣты, то развязка драмы, бывшей вначалѣ лишь интригою молодыхъ людей, была бы пагубна для императрицы. Слушая его, я могъ заключить, что онъ все будто бы предвидѣлъ, за всѣмъ наблюдалъ. Представьте же себѣ мое удивленіе. Я только что, въ то же утро перечиталъ дипломатическую переписку за это именно время, и вотъ что узналъ я изъ нея: въ то время когда Орловы и прочіе заговорщики задумали предпріятіе свое, то, нуждаясь въ деньгахъ, они просили Екатерину постараться добиться кредита отъ франц. посланника Бретейля. Послѣдній отказалъ въ томъ, считая безумными предположенія, о коихъ ему намекали. Заблужденіе его на этотъ счетъ было таково, что, далеко не предвидя готовившагося великаго событія и воспользовавшись разрѣшеннымъ ему отпускомъ, онъ выѣхалъ, чтобы возвратиться во Францію. О петербургскомъ переворотѣ онъ узналъ будучи уже въ Вѣнѣ; въ тоже время курьеръ привезъ ему изъ Версаля нѣсколько строгое приказаніе немедленно возвратиться въ Россію, гдѣ, весьма понятно, онъ нашелъ императрицу не особенно благосклонно расположенною къ себѣ: она не могла забыть ему, что онъ отказался помочь ей въ нуждѣ" (Р. Арх. 1890, III, 552—553).

рика другой едва ли не болѣе важный вопросъ,—опредѣленіе характеровъ, побужденій и отношеній. Въ этомъ отношеніи записи самыя пристрастныя могутъ служить драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ. Важнымъ становится не то, пристрастенъ или нѣтъ писатель, а то, почему онъ пристрастенъ и какими путями или средствами онъ старается другихъ склонить на свою сторону, заставить ихъ смотрѣть на дѣло именно такъ, какъ онъ самъ смотритъ [1]).

Весьма близко, по своему характеру и содержанію, стоятъ къ запискамъ — *письма*. „По мнѣ, говорилъ кн. П. А. Вяземскій, въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего *болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго*, чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія *истинной жизни*, какими дышатъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающейся рукою.... *Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея*" [2]). Письма—едва ли не самый богатый матеріалъ для новѣйшаго періода исторіи—въ такомъ обиліи они издаются теперь. Какъ писанныя непосредственно по слѣдамъ событій, письма несомнѣнно представляютъ весьма цѣнный фактическій интересъ; это своего рода дневники, но и къ нимъ приложима та же мѣрка, какъ и къ мемуарамъ. Бэйль совѣтуетъ не очень довѣрять письмамъ какъ вѣрному выраженію мыслей ихъ авторовъ; Сенъ-Бёвъ замѣчаетъ, что пишущіе стараются обыкновенно сообразоваться со взглядами тѣхъ, къ кому они обращаются [3]), а Плиній младшій выражается: „иное дѣло писать письмо или исторію; иное дѣло писать для публики или для друга" [4]).

Понятно, что тонъ самовосхваленія и возвышенія однихъ лицъ на счетъ другихъ наиболѣе свойственъ автобіографіямъ и біографіямъ. „Всѣ мы склонны судить о другихъ сообразно производимому

---

[1]) Записки фельдм. гр. Миниха, подъ ред. С. Н. Шубинскаго, Спб. 1874, предисл., с. XIV—XV.

[2]) Письма о Кіевѣ, М. А. Максимовича, Спб. 1871, с. 11.

[3]) Bourdeau, p. 276.

[4]) Письма, IV, 16 (ibid. 274).

ими на насъ впечатлѣнію, замѣчаетъ Маколей. Наша оцѣнка какого нибудь характера всегда много зависитъ отъ того, какимъ образомъ характеръ этотъ дѣйствуетъ на собственные наши интересы и страсти.... На языкѣ Бэкона, это одно изъ idola tribus.... Характеръ идола составляетъ для поклонника предметъ вѣры, а въ области вѣры не можетъ быть критики разума" [1].... Біографъ—это литературный вассалъ, обязанный по незапамятному ленному праву нести своему господину почтеніе, помощь, защиту и всѣ прочія обычныя повинности [2]. Біографы страдаютъ тою „болѣзнію ума, которая можетъ быть названа furor biographicus и которая для составителей жизнеописаній то же самое, что зобъ для альпійскаго пастуха или потребность ѣсть грязь для негра невольника" [3]. Въ другомъ мѣстѣ Маколей замѣчаетъ, что біографы и издатели сочиненій другихъ подвержены особенно lues Boswelliana или болѣзни благоговѣнія [4].

---

[1]) Сочин., III, сс. 2 и 4. Говоря о біографіяхъ, необходимо замѣтить что тѣми же недостатками страдаютъ и *генеалогіи*, въ которыхъ часто, для подтвержденія древности рода и въ интересахъ фамильныхъ, присвоивается предкамъ иностранное происхожденіе или начало рода возводится къ временамъ миѳическимъ. Такъ, любопытно, что къ списку жалованной грамоты вел. кн. Ивана Васильевича дмитровскому намѣстнику Ѳ. Я. Еремѣеву приклеена родословная Еремѣевыхъ, Нормантскихъ и Мавриныхъ, въ которой разсказывается, какъ къ вел. кн. Александру Яросл. (Невскому) „пріѣхалъ служить изъ нѣмецъ изъ Тальянскіе земли изъ града изъ Таліи мужъ честенъ имя ему Шелбь, а во крещеніи имя ему Іеремія и пр.", со ссылками на Светонія, Длугоша, Боккалина, Бѣльскаго и даже на исторію о Мелюзинѣ (Врем. М. О. ист., XX, 23—24). О выѣзжихъ родахъ ср. изслѣд. Д. Ѳ. Кобеко (см. с. 1346, прим. 3). Припомнимъ также родословную Разумовскихъ, выведенную оффиціальными генеалогами и кіевскими учеными отъ Рожинскихъ (Васильчиковъ, I, 33, 45, пр. vi) и т. п.; быть можетъ таково же производство фамиліи Козодавлевыхъ отъ нѣмецкаго выходца Koss von Dahlen. Извѣстна генеалогія московскихъ государей отъ имп. Августа, имѣющая весьма обширную литературу. Ср. зам. Д. И. Иловайскаго: „По поводу генеалогическаго спора гг. Барсукова и Петрова"—о значеніи генеалогій выѣзжихъ родовъ (Рус. Вѣст. 1890, № 1).

[2]) Сочин., III, 225.

[3]) Ibid., IV, 204.

[4]) Ibid., II, 259.

Рядомъ съ біографіями слѣдуетъ сказать о такъ называемыхъ „житіяхъ“, которыя несомнѣнно заключаютъ въ себѣ нерѣдко весьма цѣнныя данныя для исторіи церкви, государства, частной жизни, нравовъ, обычаевъ, образа мыслей и т. п. [1]). Однако выдѣленіе этихъ данныхъ и пользованіе ими требуетъ большой осторожности, тонкаго критическаго чутья и опытности въ обращеніи съ историческими памятниками. Въ отдѣльности, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются любопытныя историческія черты. Такъ, въ житіи св. Сергія отмѣчаютъ боярскія преданія о вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ, перешедшія спустя долгое время въ лѣтопись [2]). Сказанія о новгородскихъ святыхъ (Моисеѣ, Евѳиміѣ и Іонѣ), составленныя въ концѣ самобытнаго существованія Новгорода, предназначались, конечно, для прославленія независимости В. Новгорода [3]); въ сказаніи о св. Варлаамѣ—осуждается неправый народный судъ [4]); житіе м. Филиппа очевидно враждебно свѣтской власти, но историкъ лишенъ еще пока, по состоянію матеріаловъ, возможности полной его провѣрки [5]); изъ ж. св. Геннадія Костромскаго узнаемъ имя прабабки ц. Михаила Ѳеодоровича, т. е. матери ц. Анастасіи. А для историка весьма важны всѣ, такъ сказать, отрывки или остатки историческаго матеріала [6]).

При всемъ томъ, этотъ родъ произведеній отличается и весьма существенными недостатками. Въ значительной степени житія основываются на устныхъ преданіяхъ и легендахъ и имѣютъ прямою цѣлью возвысить въ глазахъ своихъ читателей значеніе того или другаго монастыря, возбудить вниманіе къ почитаемому лицу и мѣсту, наконецъ они составляются по извѣстному литературному типу и съ из-

---

[1]) Wattenbach: Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter; Буслаевъ: Разборъ соч. Н. И. Костомарова: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорус. народа“, 149—150 (XXXI-е присужд. Демидов. наградъ).

[2]) Московское единодержавіе, И. Е. Забѣлина (Ист. Вѣст. 1881, IV, 513—514).

[3]) Памятн. рус. литер., в. IV; Лекціи изъ исторіи рус. литер. Буслаева (Лѣтописи Тихонравова кн. VI).

[4]) Памятники рус. литер., в. I, 273—74.

[5]) Рус. исторія Бестужева-Рюмина, II, 269, пр. 141; ср. стр. 267, пр. 133; Карамзинъ, IX, пр. 174, 198; Макарій, VI, 296.

[6]) Соловьевъ, VI, пр. 23; Разб. Буслаева, с. 129—130; Bernheim, 330.

вѣстными литературными пріемами, а болѣе древнія изъ нихъ даже передѣлываются сообразно съ этими пріемами и требованіями [1]).

Что касается собственно русскихъ житій, то они, подражая греческимъ, отличаются и ихъ отрицательными качествами. Житія свв. нисколько не представляютъ собою безъискусственныхъ историческихъ разсказовъ, а, напротивъ, имѣютъ рѣшительную наклонность къ искусственности, къ холодной сочиненности, къ витійству и риторикѣ. Не имѣя часто фактическихъ данныхъ, они заполняютъ необходимую часть посредствомъ общихъ мѣстъ [2]). Самая распространенность изложенія въ послѣдующихъ редакціяхъ состоитъ здѣсь только въ мысляхъ и словахъ, которая однако ничего не прибавляетъ къ сущности разсказа [3]). Поэтому изслѣдователямъ этого матеріала приходится сѣтовать на „литературное однообразіе" его, причемъ даже рѣдко является возможность повѣрить извѣстіе житія показаніемъ другаго источника [4]). Съ теченіемъ времени выработываются опредѣленныя формы для жизнеописаній; историческія черты замѣняются риторикой, а будучи писаны по заказу духовной или свѣтской власти, они

---

[1]) Бернгеймъ, 210—211, 237—238. „Для философіи замѣчаетъ Шопенгауеръ, эти жизнеописанія святыхъ, самоотрицающихся людей, какъ ни плохо по большей части они написаны, какъ ни смѣшны съ суевѣріями и безсмыслицами, тѣмъ не менѣе, по значительности матеріала (относительно проявленія воли и отрицанія ея), гораздо поучительнѣе и важнѣе самого Плутарха и Ливія" (Міръ какъ воля, с. 460).

[2]) Голубинскій, Ист. рус. церкви, II, 621—624.

[3]) И. С. Некрасовъ, Зарожденіе націон. литер. въ сѣв. Руси, Од. 1870, с. 124—128.

[4]) Древнерусскія житія святыхъ какъ истор. источникъ, В. Ключевскаго, предисл.—Бывшее при патр. Іоакимѣ разслѣдованіе духовной коммиссіи о почитаніи княг. Анны Кашинской привело къ заключенію, что житіе ея несогласно съ лѣтописями, а потому оно было признано соборомъ 1679 г. за недостовѣрное, авторъ его покаялся въ своихъ вымыслахъ, почитаніе ея было отмѣнено, а образа, житія и каноны отобраны духовною властью (Церк. критика въ XVII в., Историч. моногр. Костомарова, XII, 307—344; Ключевскій, 340 и ниже, с. 706), тѣмъ не менѣе приговоръ этотъ не оказалъ никакого вліянія на симпатіи мѣстныхъ почитателей. О попыткахъ канонизаціи, подъ вліяніемъ извѣстныхъ событі[illegible] кн. Софіи (Соломоніи—Рус. Стар., т. XVI, 383—84), патр. Никона (Ист. Вѣст. 1880, II, 793—796) и др.

должны были удовлетворять и этимъ требованіямъ. Это—произведенія, въ которыхъ форма большею частью взяла верхъ надъ содержаніемъ. Дорожа лишь той стороной явленій, которая обращена къ идеалу, біографъ забывалъ о подробностяхъ обстановки, мѣста и времени, безъ чего для историка не существуетъ факта [1]). Чудеса являлись необходимымъ условіемъ для агіографа и въ этомъ отношеніи выработались своего рода правила и требованія, а біографъ выражаетъ иногда неудовольствіе по поводу провѣрки такого рода данныхъ даже властями [2]). Такимъ образомъ церковно-ораторскіе элементы житія стали на первомъ планѣ, заслонивъ собою элементы историографическіе [3]). Между тѣмъ древне-русская мысль не поднималась выше того историческаго пониманія, какое усвоила и развила литература житій и въ этомъ отношеніи ей принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи нашего умственнаго развитія [4]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что историческая сторона нашей агіографіи, по существу самаго предмета, еще весьма мало разработана [5]).

---

[1]) Ключевскій, 77, 164—165, 167—168, 170—171, 358—359, 365—366, 386—391, 402—403, 427—436 и положенія.

[2]) Ibid., сс. 363, 423—424, 426. Въ древнемъ „житіи“ и „Памяти и похвалѣ Владиміру св.“ указывается на сомнѣнія нѣкоторыхъ въ его святости, такъ какъ онъ не творитъ чудесъ по смерти.

[3]) Ключевскій, 363. „Житіе заслуживаетъ предпочтеніе по своей краткости“ (Соловьевъ, III, пр. 236).

[4]) Ibid., 435.

[5]) Ср. ст. В. Васильева (дополн., с. CLXV) и относящееся сюда мѣсто лѣтописи, П. С. Р. лѣт., VI, 195—196, см. выше, с. 51—52).—Въ старину бывали и скептики, помимо еретиковъ, относившіеся отрицательно къ фактамъ даже каноническаго характера (Ключевскій, 421—27). Такъ, въ XVII в. были люди, вмѣнявшіе въ случай нѣкоторыя чудеса св. Сергія, а потому даже лица, завѣдывавшія печатнымъ дѣломъ въ Москвѣ, исключали ихъ изъ печатныхъ житій (Платоновъ, Древнерус. сказанія о смутн. времени, 300). Съ другой стороны, Симонъ Азарьинъ свидѣтельствуетъ, что во многія житія, существовавшія въ его время, внесены были „затѣйныя чудеса“ и такихъ онъ не хотѣлъ помѣщать въ житіе арх. Діонисія (Діонисій Зобниновскій, архим. Троицко-Серг. мон. Историч. изслѣд. Д. Скворцова, Тв. 1890, 411—412). О сомнѣніяхъ относительно Макарія Желтоводскаго и Унженскаго (Троицкій Желтоводскій мон. у Стараго Макарья, А. Титова, М. 1887, с. 6—7). Упре-

Наконецъ, историкъ не мало драгоцѣнныхъ данныхъ можетъ почерпнуть въ произведеніяхъ собственно-литературныхъ, иногда предпочтительно даже предъ данными чисто историческаго характера[1]). Тэнъ замѣчаетъ по этому поводу: „Изученіе литературъ совершенно преобразило исторію за послѣднія сто лѣтъ въ Германіи и во Франціи. Люди пришли наконецъ къ тому убѣжденію, что литературное произведеніе—не простая игра воображенія или изолированный капризъ пылкой головы, но вѣрный снимокъ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія ума. Отсюда естественно явился выводъ, что помощью литературныхъ памятниковъ можно воскресить мысленное и чувственное *міровоззрѣніе*, какимъ руководились люди, жившіе нѣсколько столѣтій тому назадъ. Новый методъ приложили къ дѣлу и въ результатѣ получился блестящій успѣхъ. Обсуждая эти міровоззрѣнія, историки нашли, что они-то именно и составляютъ факты первой важности. Стало ясно, что съ ними связаны самыя капитальныя событія, что они объясняютъ ихъ, и, въ свою очередь, сами объясняются ими, и что имъ необходимо отвести въ исторіи почетное мѣсто. Это было сдѣлано и съ тѣхъ поръ все измѣнилось въ исторіи: предметъ, методъ, средства, пониманіе законовъ и причинъ“ [2]).

Разнообразіе и богатство историческаго матеріала давно обратили на себя вниманіе ученыхъ. Преобладающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ, конечно, письменные источники, но они не ис-

---

ки относительно никоніянъ и патр. Никона со стороны раскольниковъ (Матеріалы для исторіи раскола, V, 21—22 и 300). О Василіѣ Мангазейскомъ (см. дополн., с. LVII); о св. Модестѣ (Постановл. по вѣдом. правл. испов. за 1723 г., т. III, 210); письмо архіеп. Евгенія Казанцева о м. Іоаннѣ Максимовичѣ (Рус. Стар. 1886, XLIX, 589—592 и Др. и Нов. Рос. 1878, I, 272); взглядъ Димитрія Ростовскаго (Библіографъ 1888, № 1, замѣтка С. Платонова). Ср. Древ. и Нов. Рос. 1881, I, с. 191; Ист. Вѣст., XXXIV, 255—56.

[1]) Маколей, т. IV, 138—139; III, 158—159.

[2]) Исторія англ. литературы, I, введеніе.

Историки давно пользовались, какъ матеріаломъ, комедіями Аристофана, однако новѣйшая критика отмѣтила въ нихъ каррикатурныя черты (Пёльманъ, стр. 4 и 61). W. Vischer, Über d. Benutzung d. alten Komödie als geschichtlicher Quelle (1840), Kleine Schriften, I, 459 u. f.

черпываются отдѣльными памятниками. Значеніе письменныхъ матеріаловъ во всемъ ихъ объемѣ подтвердилось многими и нерѣдко важными находками. Такъ, въ одномъ изъ списковъ житія чуд. Николая находятся интересныя вставки, относящіяся къ Руси и записанныя въ XI в. [1]; въ одномъ византійскомъ сборникѣ X в. найдена записка топарха, заключающая въ себѣ извѣстія, касающіяся начальной исторіи Россіи, и вызвавшая въ послѣднее время рядъ изслѣдованій [2]; заслуживаютъ вниманія замѣтки на одномъ греческомъ синаксарѣ, за время XII—XV вв., относительно крымскаго города Сугдеи (нынѣшнее м. Судакъ [3]); встрѣчаются историческія записи и акты въ евангеліяхъ [4]), синодикахъ [5]), сборникахъ [6]), псалтиряхъ [7]), церковнослужебныхъ книгахъ [8]) и др. церковныхъ рукописяхъ [9]). Въ рукопи-

---

[1]) Москвитян. 1845, № 12, стр. 140—142. Ср. любопытныя замѣтки на старин. рукоп., кас. Кіевскаго края (Кіев. Губерн. Вѣд. 1856, № 34).

[2]) Изслѣд. Гедеонова, Васильевскаго, Куника, Бруна, Иловайскаго, Успенскаго въ Зап. Ак. Наукъ, Ж. М. Н. Пр., Кіев. Стар. и др.

[3]) Зап. Одес. Общ. ист., т. V, 595—628.

[4]) Свѣдѣнія о малоизвѣст. и неизвѣст. памятникахъ, Срезневскаго, т. I, № XXVII. Интересно послѣсловіе на одномъ рукоп. еванг. Имп. Публ. библ., касающееся смутнаго времени, 1612 г. (Ж. М. Нар. Пр. 1837, т. XIII, № 3, стр. 720). На основаніи другой приписки опредѣляется мѣсто кончины Авраамія Палицына (Ж. М. Н. Пр. 1846, т. LI, стр. 74, и др., стр. 75). Замѣчательна надпись на еванг. XVII в., сооообщ. В. Борисовымъ, (Владим. Губ. Вѣд. 1863, № 51). Грамоты въ евангеліяхъ (Отчетъ И. П. библ. 1852, с. 25—26; А. Ю. З. Россіи, I, 39). Любопытная запись о правительственной дѣятельности Ивана Калиты на книгѣ евангельскихъ чтеній, писанныхъ въ Москвѣ въ 1339 г. (Срезневскій, Зап. Ак. Н., XXXIV, № 86, с. 145—146).

[5]) О вкладахъ кн. Шуйской въ Софійск. синодикѣ (Времен. М. О. ист., т. XXIV, 40). О значеніи синодиковъ—въ изслѣд. Д. Валуева о мѣстничествѣ.

[6]) Интересная запись о князьяхъ Мстиславскихъ въ сборн. XVII в. (Ж. М. Н. Пр. 1859, № 12, проток. Археогр. ком., 5—10).

[7]) Сѣверный Архивъ, 1825, ч. XV, № 11—12: историч. приписки на финск. псалт. 1761 г.

[8]) Въ Богородичникѣ Волокол. монаст. о мѣстѣ и времени заточенія Башкина (Рус. святые, Филарета, ноябрь, стр. 337).

[9]) Записи, сохран. въ церквахъ запад. Россіи (Вѣст. Запад. Россіи 1869, № 7). О визитахъ какъ хранилищ. истор. свѣд. и докум. (Литов.

си Ефрема Сирина 1377 г. И. И. Срезневскій встрѣтилъ приписку чтеца, разсказывающаго о нападеніи Арапши, бывшемъ въ самый годъ написанія ея, которая дословно сходна съ сказаніемъ о томъ же событіи, помѣщеннымъ въ лѣтописяхъ. Иногда въ припискахъ къ книгамъ обозначаются: стоимость переписки или книги, цѣны жизненныхъ припасовъ того времени—важныя для исторіи внутренняго быта [1]).

Не менѣе заслуживаютъ вниманія надписи и изображенія на памятникахъ вещественныхъ. Сюда относятся списки съ надгробій при церквахъ и монастыряхъ, имѣющіе значеніе для хронологическихъ и біографическихъ данныхъ [2]). Впрочемъ послѣдними слѣдуетъ

Еп. Вѣд. 1869, № 10). О новгород. посадникѣ Мих. Моторицинѣ—въ послѣсловіи къ одной рукописи, Бычкова (Чт. М. О. И. 1846, № 4; ср. Москвитян. 1847, № 1, с. 164). Новгород. и псков. записи съ пергам. памятн. XIV и др. вв. (Сынъ Отеч. 1840, № 1). Ярослав. замѣтки на старин. рукоп., принадл. Е. В. Трехлѣтову (Яросл. Губ. Вѣд. 1850, № 7).

[1]) Свѣдѣнія о малоизвѣстн. и неизвѣстн. памятникахъ, I, № VIII, XX и XXVII.

[2]) Чтен. Моск. Об. ист., годъ I, кн. 2. Списокъ надгробій Троицкаго монаст.—Надписи съ древнихъ русскихъ памятниковъ до конца XVII в., собран. К. Тихонравовымъ: списки съ надгробныхъ камней, колоколовъ, иконъ, крестовъ, панагій, рипидъ, древн. зданій, церковной утвари, саккосовъ, митръ, воздуховъ, пеленъ, евангелій, книгъ и рукописей (Владимір. Губерн. Вѣд. 1863, №№ 12, 20, 28, 39—42). Надпись на надгробн. памятникѣ нач. XVII ст., наход. подлѣ Богород. церкви въ г. Владимірѣ, В. Доброхотова (№ 45). Надписи въ монаст. Заиконоспаск. училища въ Москвѣ (Древн. Рос. Вивл., т. XVIII). Надписи на гробахъ князей и др. лицъ, похоронен. при церквахъ и проч., см. Указатель къ губ. вѣд., составлен. А. Н. Пискаревымъ (Вѣстн. Геогр. общ. 1860, № 7, стр. 41—51). Надгробныя надписи въ разныхъ церквахъ и мон-ряхъ (Др. Рос. Вивл., т. XIX). Надписи, означ. время преставленія особъ царск. фам., въ Арх. соборѣ, (Сынъ Отеч. 1850, IV). Собр. надпис. съ древ. рус. памятник. (Москвит. 1850, № 8). О Рогволод. камнѣ, Кеппена (Уч. Зап. Ак. Н. по 1—3 отд., т. III). О надписяхъ на памятникахъ и письменныхъ матеріалахъ см. у Межова (Литер. рус. ист. 1859—64, 348—349); Памят. церков. древн. въ Нижегор. губ., арх. Макарія: надписи на церков. памятникахъ (Записки Археол. общ., т. X, 332—390); Проектъ изданія рус. древн. надписей (Ж.

пользоваться весьма осторожно. Такъ, въ надгробіи Троицкаго монастыря днемъ кончины матери кн. Скопина-Шуйскаго обозначено 19 іюля 1631 г., но существуетъ память ея, изъ которой видно, что она еще была жива въ ноябрѣ того же года[1]). На вещественныхъ памятникахъ помѣщались иногда цѣлыя грамоты (такъ, на одномъ древнемъ крестѣ находимъ извѣстіе о службѣ окольничаго Измайлова въ смутное время[2]) и подробныя историческія сказанія (напр. о нашествіи въ 1609 г. поляковъ на Устюжну-Желѣзопольскую, записанное на оборотной сторонѣ иконы[3]), о нашествіи шведовъ въ 1709 г. на иконѣ въ сел. Жукахъ Полтав. губ.[4]), а на иконѣ Знаменія Божіей матери,

---

М. Н. Пр., т. LXVI). Петербургскій некрополь или справочный историч. указатель лицъ, родившихся въ XVII и XVIII стол. по надгробн. надписямъ Александроnев. лавры и упраздн. петербург. кладбищъ. Сост. Вл. Саитовъ, М. 1883 (прилож. къ Рус. Архиву). О собраніи могильныхъ надписей въ интересахъ эпиграфики (Древ. и Нов. Рос. 1878, II, 253).

[1]) Надгробія Троицко-Сергіев. мон-ря, ib. 37; Влад. Сборн. 140. Ср. о князѣ К. И. Острожскомъ (Труды Кіев. акад. 1877, № 10, 185—191). Такая же неточность относительно смерти вел. княг. Соломоніи (Ежегодн. Владим. Статистич. комитета, I, в. 2, стр. 123). Такъ, изъ Актовъ исторических (II, прим. 40) видно, что ливонская королева Марія Владиміровна была еще жива въ 1611 г., а слѣд. надпись надъ ея гробомъ съ указаніемъ времени ея кончины въ 1597 г. оказывается поновленною и обвиненіе Бориса Годунова въ ея смерти падаетъ само собою (Ж. М. Н. Пр. 1839, № 1, с. 119). Предостереженіе относительно пользованія надгробными надписями, какъ историч. матеріаломъ, въ ст. А. П. Труворова (Рус. Арх. 1890, I, 526—535). Легенды, вызванныя надписями (Дѣят. Нижегор. архив. ком., № 9, с. 414—415—о кн. Пожарскомъ).

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1847, LV, смѣсь, 27—28.

[3]) „Мѣсяца февр. въ 10 день (1609) слово похвальное пресвятыя Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Маріи чудотворнаго ея образа Одигитріи, яже избави градъ Устюжну отъ безбожныхъ ляховъ и нѣмцевъ“ сообщ. Игнатьевымъ (Новг. Губ. Вѣд. 1859, №№ 26, 27 и 28). Другой, лучшій списокъ его, сообщенъ въ Арх. ком. (Лѣт. занятій, VI, 49, 60, 61) и напечатанъ въ Рус. историч. Библіотекѣ, изд. Арх. ком. (II, 794—814). Ср. „Событія въ Устюжнѣ во время междуцарствія“, А. Якимова (Новг. Губ. Вѣд. 1861, № 16, 18 и 19).

[4]) Рус. Арх. 1875, II, 27.

въ новгородскомъ Знаменскомъ монастырѣ, находимъ старинный планъ Новгорода [1]. На основаніи фресокъ кіевскаго Софійскаго собора (XI в. [2]), изображеній княжескаго семейства на картинѣ, помѣщенной въ Изборникѣ Святослава, кн. Всеволода-Гавріила на рукописи сказанія еписк. Ипполита (о Христѣ и антихристѣ), XII—XIII в., принадлежащей Чудову монастырю, и князей Ярославскихъ на покровѣ ихъ гробницы [3]), хранящемся въ Московскомъ музеѣ—это образецъ вышивальнаго искусства конца XV в., — является возможность возстановить черты тогдашняго быта [4]). Нумизматическая дата даетъ средство исправить неточность и пробѣлъ въ лѣтописяхъ [5]). Портреты (включая и изображенія на монетахъ) также могутъ служить разъясненіемъ историческихъ данныхъ [6]). Такимъ образомъ только изученіе всего матеріала, относящагося къ предмету изслѣдованія, можетъ предохранить отъ неправильныхъ выводовъ [7]).

---

[1]) Сообщ. И. Горностаевымъ (Изв. Арх. общ., т. V). Впрочемъ онъ относится къ нач. XVIII в. и потому напрасно нѣкоторые изслѣдователи придаютъ ему значеніе древности (см. Бестужевъ-Рюминъ, I, 310).

[2]) Сказаніе о ловахъ вел. князей кіевскихъ, Н. Сементовскаго, Кіевъ, 1856.

[3]) Свѣдѣнія о малоизвѣстн. памятникахъ, Срезневскаго (I, xiv, xxx).

[4]) Ог. Тьерри воспользовался извѣстною „байескою тканью" для изложенія событій, сопровождавшихъ завоеваніе Англіи норманнами (Исторія завоеванія, I, 371—373).

[5]) Поправка грузинской лѣтописи, И. А. Бартоломея (Кавказъ 1860, № 44, 45, 81, 82); дополненія въ спискѣ кипчакскихъ (Френъ и Савельевъ) и воспорскихъ царей, аббасидск. халифовъ (Зап. Арх. об., т. II).

[6]) О портретахъ правительницы Анны Леопольдовны, какъ источникѣ для рус. исторіи, А. А. Куника (Зап. Ак. Н. по 1 и 3 отдѣленіямъ, I, 545—579). Предостереженіе Строева относительно древнихъ портретовъ (Барсуковъ, 239). О поддѣлкѣ портретовъ москов. государей (Достовѣрные портреты москов. государей, Д. Ровинскаго, Спб. 1881 и Древнія изображенія рус. царей и ихъ посольствъ за границу, въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ, Сборн. Арх. инст., т. V, кн. I, 237—332). Какъ фабриковались старинные портреты и гравюры за границею (Иловайскій, Исторія Россіи, III, 691—693). Западные иконографы постоянно смѣшивали портреты Василія III и Ивана IV (Ровинскій, Подробн. слов. рус. гравир. портр., II, 1012—1019).

[7]) Bernheim, 330. Костомаровъ высказываетъ свои соображенія о томъ,

Уже въ классической литературѣ можно найти весьма цѣнныя замѣчанія относительно характера и содержанія исторіи (Ѳукидидъ, Аристотель, Полибій и др. [1]). Въ средніе вѣка преобладала вѣра, которая считалась источникомъ всякаго знанія. Въ эту эпоху все отдаленное и неизвѣстное облекалось въ чудесныя формы; даже юридическія отношенія получали характеръ права тамъ, гдѣ не было и слѣда акта, подтверждающаго это право. Такимъ образомъ, при существованіи убѣжденія, что еще Константинъ В. даровалъ папѣ Сильвестру Италію, острова и западныя страны, папѣ Урбану II удалось подчинить себѣ Корсику, а папа Адріанъ IV предоставилъ Ирландію королю Англіи. И вѣра въ этотъ фактъ такъ утвердилась въ средніе вѣка, что, не смотря на всю вражду Восточной и Западной церкви, мнимый даръ Константина В. былъ принятъ за достовѣрный фактъ и въ Византіи, и даже въ Россіи, гдѣ защитники церковной независимости не замедлили воспользоваться имъ для своихъ цѣлей [2]). Точно также, на основаніи изслѣдованія Зибе-

---

что Петръ В. вѣроятно не вѣнчался съ Екатериною законнымъ бракомъ, а приказалъ признать его одною своею властью (Екатерина Алексѣевна, первая русская импер., Др. и Нов. Рос. 1877, I), но мнѣніе это вполнѣ опровергается „Походнымъ журналомъ 1712 г.“, изд. въ 1854 г. А. Ѳ. Бычковымъ, донесеніемъ англ. посланника Витворта (Сборн. рус. историч. общества, т. LXI, 143—146) и современною перепискою (Бычковъ: О свадьбѣ Петра В. съ Екатериною Алекс., Др. и Н. Рос., ib., 323—324; ср. Ровинскій, Словарь русскихъ гравирован. портретовъ, III, 1686).

[1]) „Видя, что несомнѣнные баснописцы пользуются хорошей репутаціей, говоритъ Страбонъ, историки были увѣрены, что и они предложатъ пріятный разсказъ, если подъ видомъ исторіи станутъ повѣствовать о томъ, чего *никогда не видѣли*, *никогда не слышали*, а если и слышали, то отъ лицъ незнавшихъ и обращавшихъ все вниманіе на то, что дѣлаетъ разсказъ *пріятнымъ и чудеснымъ*. Дѣйствительно скорѣе можно повѣрить героическимъ *поэмамъ*, Гезіоду и Гомеру, или *трагикамъ*, нежели Ктезіи, Геродоту, Гелланику и др. подобнымъ“ (Географія въ перев. Ѳ. Г. Мищенко, XI, 6, 3).

[2]) Sybel, Über die Gesetze des histor. Wissens, 1864; Судьба вѣна Константина въ русской церкви, Н. Петрова (Труды Кіев. Дух. ак. 1865, № 12, сс. 471—488); О вѣнѣ Константина Вел. ст. J. J. v. Döllinger: Die Papstfabeln des Mittelalters, 1863; H. Grauert: Die Konstantinische Schenkung (Historisches Jahrbuch der Görresgesellschaft 1882—83, Bd. III und IV).

ля, оказывается, что главными дѣятелями перваго крестоваго похода были папа Урбанъ II и Боэмундъ Тарентскій; но народная фантазія создала своихъ героевъ—Петра Пустынника и Готфрида Бульонскаго, которые надолго сдѣлались достояніемъ исторіи [1]).

Часто преданіе получаетъ политическій характеръ, который санкціонируетъ его историческое значеніе. Такъ, сага о Вильгельмѣ Теллѣ до того утвердилась въ сознаніи швейцарцевъ, что сдѣлалось опаснымъ отрицать ее, а между тѣмъ она занесена туда съ сѣвера Германіи, спустя 150 лѣтъ послѣ самаго событія и вопреки документальнымъ даннымъ [2]), и такихъ олицетвореній въ исторіи не мало. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ надобности въ *герояхъ*, объясненіе фактовъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, надолго утверждается въ наукѣ [3]).

Ложь въ исторіи, В. Соколова. По поводу исторіи средневѣковой церкви и обвиненій папства въ злоупотребленіяхъ и искаженіи исторической истины (Пр. Обозр. 1887, № 7, стр. 393—444; № 9, с. 61—114).

[1]) Gesch. des ersten Kreuzzuges. Düsseldorf, 1841.

[2]) Зибель, Über die Gesetze, S. 19: „Для науки, имѣющей дѣло только *съ доказанными фактами*, Телля не существуетъ". Достовѣрность этой саги, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, подвергалъ сомнѣнію и Каченовскій (см. Скептич. школа въ рус. исторіогр., стр. 7—8). Ср. Tell und Gessler in Sage und Geschichte. Nach urkundl. Quellen, v. E. L. Rochholz, Heilbronn, 1877; Die Tellsage, v. A. Huber (Zeitschr. für allgem. Gesch. etc. 1885, B. II, 502—515); Les origines de la conféderation Suisse par Albert Rillet, 2 éd. Genève et Bâle, 1869.

[3]) О развитіи миѳовъ въ исторіи см. у Лёбелля (Über die Epochen der Geschichtschreibung, 311—313; ср. Zeitschr., I, 300—312). О созданіи миѳовъ (Бокль, т. I, гл. vi, между прочимъ на основаніи однихъ названій). „Стоитъ только исторіи полюбить ту или другую почву, сага непремѣнно усѣетъ ее своими замысловатыми сказаніями" (Кудрявцевъ, I, 200). Олицетвореніе цѣлыхъ генерацій въ лицѣ основателей племеннаго единства, законодателей и т. п. (Bernheim, 340). Замѣчаніе Сократа о миѳахъ (Федръ Платона) и объясненіе этого мѣста М. Мюллеромъ (Сравнит. миѳологія, сс. 3—5). „Миѳы занимаютъ въ древнемъ мірѣ мѣсто, принадлежащее у христіанъ легендамъ.... Миѳы не произведеніе лица, а творчество народа; они сопутствуютъ народному развитію, живутъ и дѣйствуютъ съ народомъ; они умираютъ, когда общество, облекшись въ одежду свѣтскости, становится вполнѣ политическимъ" (М. Куторга, Ж. М. Н. Пр. 1868, № 3, сс. 862—

Такъ, долгое время французскія революціонныя войны считались вызванными иностранными державами, а не завоевательными стремленіями якобинскихъ партій, и когда во Франціи вздумали перевести нѣмецкую книгу, опровергающую это на основаніи документовъ, то переводчику угрожали непріятности. Легенды обыкновенно слагаются подъ вліяніемъ обычаевъ, вещественныхъ памятниковъ [1]), смѣшенія именъ [2]), таинственности событій [3]), народныхъ представленій о лицахъ и событіяхъ и т. п. [4]).

Не будемъ распространяться о народныхъ и церковныхъ легендахъ, старавшихся связать узами родства позднѣйшіе народы съ древними богами, царями и героями (каково происхожденіе франковъ отъ троянцевъ, датчанъ отъ Одина, Рюрика отъ Августа и т. п.) и хорошо извѣстныя имена съ важнѣйшими событіями (какъ участіе Карла В. въ крестовыхъ походахъ, Владиміра св. въ борьбѣ съ татарами), или возвысить значеніе близкаго имъ монастыря и почитаніе мѣстнаго патрона. Постепенно историческая критика освободила науку

63,871). „Каждая ступень соціальнаго развитія, каждый жизненный промыселъ имѣетъ свою специфическую миѳологію" (Э. Ю. Петри: Антропологія, Спб. 1890, I, 537).

[1]) Смедтъ, 190—193; Моссманъ: Басни о папахъ и папессахъ; какъ онѣ образовались (Прав. Обозр. 1864, № 8, т. XIV, с. 351—354); А. В. Бильбасовъ: Папесса Іоанна (Труды К. Д. акад. 1871, № 1); Гризингеръ: Тайны Ватикана (ib., 1865, № 3). Сказаніе, сложившееся въ Твер. губ. о погреб. Марѳы Посадницы въ с. Млевѣ, съ прилож. рисунка плиты съ именемъ Марѳы (Рус. Зритель 1828, ч. I, с. 36; Вѣст. Евр. 1867, II, литер., с. 67).

[2]) Замѣтка пр. Порфирія о смѣшеніи именъ въ церковной исторіи (Труды К. Д. акад. 1877, № 10, с. 79—84; Древ. и Нов. Рос. 1878, I, 86—87); преданіе о погребеніи Арсенія Мацѣевича въ Верхнеудинскѣ, гдѣ похороненъ ссыльный монахъ Арсеній, и чествованіе его, хотя оффиціальныя данныя указываютъ его могилу въ Ревелѣ (Ист. Вѣст. XIX, 726—727; Др. и Нов. Рос. 1877, I, 35). О двухъ Остраницахъ (В. Европы 1882, IV, 735—736); о кн. Бравалинѣ—на основаніи описки (Опис. Рум. м., с. 689, пр.).

[3]) Таковы разсказы раскольниковъ о странствованіяхъ Петра III; о пребываніи имп. Александра I въ Сибири, гдѣ онъ будто бы умеръ недавно (Р. Арх. 1889, III, 381).

[4]) Сказанія о муч. Христофорѣ, Флорѣ и Лаврѣ и т. п. (Журн. засѣд. Твер. уч. арх. ком. 15 дек. 1888, с. 3).

отъ излишняго баласта. Но, анализируя данный матеріалъ, не слѣдуетъ посягать на духъ эпохи [1]). „Критика Нибура, говоритъ Грановскій, не посягала на красоту римскихъ сказаній: она была разрушительна для басенъ, внесенныхъ писателями, а не для созданій народной фантазіи, которыхъ историческое значеніе онъ понималъ какъ немногіе. Едва ли кто другой обходился такъ осторожно съ античными миѳами и преданіями, и эти великолѣпные, но нѣжные цвѣты не теряли своей свѣжести отъ его прикосновенія“ [2]). Безъ исторической критики Нибура потребовалось-бы еще много времени прежде, чѣмъ наука успѣла-бы выработать ясное понятіе о сагѣ и о поэтической оболочкѣ историческихъ явленій вообще и перестали-бы смѣшивать ее съ самымъ историческимъ содержаніемъ [3]). Для изслѣдованія миѳовъ и сказаній существуютъ извѣстные методы: этнографическій, лингвистическій, сравнительно-историческій [4]). Сколько аналогическихъ явленій принимается иногда за результатъ вліянія тамъ, гдѣ они оказываются лишь результатомъ одинаковыхъ условій и понятій. Съ другой стороны, подобныя явленія могутъ

---

[1]) Фриманъ національныя эпопеи считаетъ важнымъ источникомъ, какъ изображающія первоначальное состояніе общества: таковы въ особенности Гомеровскія поэмы. Въ эти эпохи память играетъ важную роль, какъ хранительница сказаній. Такъ, по словамъ Адама Бременскаго (II, 41), для своего труда онъ въ значительной степени воспользовался разсказами датскаго кор. Свена Естриксона, „который сохранялъ всю исторію варваровъ въ своей памяти какъ въ написанной книгѣ“. Необходимой подмогой памяти служитъ риѳмованная рѣчь (Пироговъ, Изслѣд., 174; Бокль, I, 217—218).

[2]) Сочиненія, II, 40. „При всемъ обезображеніи и нѣкоторыхъ очевидныхъ басняхъ, никто не откажетъ лучшимъ изъ хроникъ въ основахъ настоящей исторической истины“ (В. Гумбольдтъ).

[3]) „Историческое преданіе называютъ fable convenue, сказкою, которую условились принимать за правду; но если понимать его и примѣнять къ дѣлу разсудительно, то оно имѣетъ свои права на вниманіе. Садъ жизни всеобщей исторіи сталъ бы очень запустѣлымъ и однообразнымъ, если бы садовническую службу исполняли исключительно критика и скептицизмъ“ (Веберъ, I, с. xix).

[4]) Въ данномъ случаѣ методы эти часто могутъ служить подспорьемъ другъ для друга (Антропологія Петри, стр. 536). По части сравнительнаго метода въ области литературныхъ сказаній у насъ много сдѣлано Ѳ. И. Буслаевымъ и А. Н. Веселовскимъ.

быть часто послѣдствіемъ книжнаго общенія, а не историческаго заимствованія. Отсюда вполнѣ понятна вся важность сравнительно-историческихъ изслѣдованій и возможно полнаго содѣйствія вспомогательныхъ знаній [1]).

Сравненіе сроднаго помогаетъ замѣтить и объяснить многія черты историческихъ явленій, которыя безъ того не обратили бы на себя вниманія или остались бы не понятыми; но съ другой стороны справедлива и французская поговорка, что сравненіе еще не доказательство, comparaison n'est pas raison [2]). Поэтому необходимо отличать коренное сродство отъ заимствованій; но кромѣ этихъ

---

[1]) Достаточно указать на эпизодъ о яблокѣ въ сказаніяхъ о В. Теллѣ, о датскомъ стрѣлкѣ Токко у Саксона Грамматика и въ русской былинѣ о богатырѣ Дунаѣ; на щитъ Олега на вратахъ Константинополя и въ сагѣ объ Олавѣ; на тождество призванія варяговъ въ рус. лѣт. и англосаксовъ бриттами у Видукинда и т. п. Ср. легенды о золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ и Константинополѣ, А. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр. 1888, № 5); странствующіе миѳы о потопѣ, Зюсса (Прав. Обозр. 1890, май—іюнь, с. 84); сказанія о циклопахъ (наиболѣе близкія къ греческимъ)—на Кавказѣ (Шмурло, VIII-й Археол. съѣздъ, 40—41). Миѳъ объ Аріонѣ, разсказанный Геродотомъ, послужилъ основой и древне-русской былины Садко богатый гость (Древн. Моск. Арх. общ., т. XI, в. I, с. 16); о Мангазеѣ и безголовыхъ людяхъ, странствующія сказанія (Шмурло, ibid., 46); о русскихъ былинахъ и сказкахъ у сибир. инородцевъ (В. Европы 1890, № 9, с. 397—98).

Показанія сагъ иногда блистательнымъ образомъ историческими и археологическими данными (Оскаръ Пешель: Исторія эпохи открытій, 74). Ср. ст. Н. П. Дашкевича: Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы (Унив. Изв. 1886, № 11); А. Н. Веселовскаго: Кіевъ—градъ Днѣпра (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 6),—по поводу объясненія древне-сѣверныхъ сагъ Вигфуссономъ. Новѣйшія открытія въ области греческой археологіи, какъ раскопки, произведенныя Шлиманомъ на мѣстѣ древней Трои, въ Микенахъ и Тиринѳѣ показали, что миѳы Греціи—не однѣ пустыя басни, но что въ нихъ во многихъ случаяхъ сохранились неясныя или смутныя представленія о дѣйствительно происходившихъ событіяхъ (Пельманъ, 12—14; Миѳическій элементъ въ исторіи, В. К. Надлера, Х. 1887, с. 3; замѣчаніе о сагахъ Гервинуса, Historik, 57—61).

[2]) Греція до персидскихъ войнъ, П. Леонтьева (Пропилеи, III, отд. п, стр. 101). О различіи въ пониманіи сравнительнаго метода относительно миѳовъ у Вольтера и современной намъ критики (Морлей, 227—28).

сходствъ могутъ быть еще и другія чисто случайныя: чертами сходства народнаго могутъ быть иногда по недоразумѣнію сочтены общечеловѣческія черты, свидѣтельствующія о той или другой степени цивилизаціи, а вовсе не о заимствованіи,—такъ что этотъ вопросъ потребуетъ еще много труда и знаній прежде, чѣмъ можно будетъ считать его законченнымъ; онъ потребуетъ несомнѣннаго опредѣленія не только факта сходства, даже и заимствованія, но и опредѣленія пути, которымъ заимствованіе могло быть сдѣлано, опредѣленія эпохи, когда заимствованіе совершилось и т. д.[1]). Впрочемъ самый трудный случай для историка представляетъ не чистая миѳологія, а смѣсь миѳовъ съ исторіей, которая манитъ людей къ отыскиванію факта, но оставляетъ ихъ неспособными отличать его отъ вымысла [2]).

И не смотря на строгое разграниченіе сферы поэзіи и исторіи, имѣвшихъ нѣкогда тѣсную связь, поэтическій элементъ продолжаетъ жить въ историческихъ явленіяхъ и представленіяхъ до такой степени, что исторіи нерѣдко трудно бываетъ разрушить ихъ: таковы именно многія представленія о *великихъ людяхъ*, историческихъ дѣятеляхъ и событіяхъ, продолжающія существовать рядомъ съ противоположными имъ, собственно историческими данными, какъ напр. сказанія о Велисаріѣ, Ж. д'Аркъ, Колумбѣ [3]) и др., мнѣнія о неестественной смерти историческихъ лицъ, вызванныя извѣстными событіями и т. п. [4]).

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, I, 94; 108—130. Ср. статью А. Савельева: „Очеркъ современной теоріи заимствованія" (Библіографъ 1888, №№ 9—10, с. 308—318); Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія, О. Шрадера, Спб. 1886.

[2]) Бэнъ, Логика обществен. наукъ, 50.

[3]) Ern. Lesigne: La fin d'une légende. Vie de Jeanne Darc, P. 1890, 252 pp. Легенды о Колумбѣ (Оскаръ Пешель: Исторія эпохи открытій, 119—120). Легенда о Велисаріѣ, В. Н. Корніевскаго (Истор. Вѣстн. 1880, III, 342—352).

[4]) „Ели въ разсказѣ о какомъ нибудь дѣятелѣ много баснословія и поэзіи, его больше почитаютъ", говоритъ Эразмъ Роттердамскій (Похв. глупости), а Giovanni Villani поэтовъ называетъ вообще „maestri di storie". Ср. Löbell, Über die Epochen 313—315; 371—72); объ историческомъ пониманіи Шекспира (стр. 351—357). Сообразно съ господствовавшими понятіями, Кунгурская лѣт. разсказываетъ о нетлѣніи Ермака и чудесахъ, происходящихъ отъ его панцыря и платья (изд. Археогр. ком., с. 30—32).

Вотъ что говоритъ о взаимномъ отношеніи этихъ двухъ элементовъ Лёбелль: „Музы исторіи и поэтическаго вымысла родственны между собою, но у первой нѣтъ правъ на *вымышленіе*.... Она должна сообщать только о томъ строго *реальномъ* содержаніи, которое добывается муками *исторической критики;* точно также она не въ правѣ произвольно связывать эти факты: ея дѣло лишь выяснить логику событій, связь, лежащую въ нихъ самихъ.... У Гомера всѣ причины явленій и побужденія дѣятелей описываются какъ дѣянія и внушенія боговъ; у историка разумной эпохи все сводится къ естественнымъ основаніямъ событій и къ свободнымъ рѣшеніямъ людей, дѣйствующихъ по естественнымъ побужденіямъ. Но чтобы освѣтить сокровенныя и запутанныя побужденія человѣка, для этого необходимо обратить вниманіе на разлагающее ученіе о душѣ“ [1]). Тамъ, гдѣ полная историческая истина не можетъ быть раскрыта, древнее преданіе, какъ оно ни легендарно, имѣетъ однако свою цѣну, замѣчаетъ Ранке; но онъ отводитъ изслѣдованіе традиціи въ область работъ собственно историко-литературнаго характера [2]).

Скептицизмъ въ исторіи былъ потребностію извѣстнаго состоянія науки и въ своихъ лучшихъ проявленіяхъ далеко не былъ исключительно-отрицательнаго характера. Мы знаемъ уже какъ относились въ XVIII в. къ извѣстіямъ Геродота. Новыя данныя и иная

Разборъ сказанія о смерти Оттона III (Löbell, Zeitschr., I, 309). Въ русской исторіи достаточно указать на рядъ подозрѣній о смерти Ивана IV, о тайныхъ замыслахъ Бориса Годунова и т. п. Напомнимъ данныя о прутскомъ письмѣ Петра В. (разборъ его, сдѣланный Ѳ. А. Витбергомъ, въ Древ. и Нов. Рос. 1875, т. III, 256—268, и замѣч. Е. А. Бѣлова, ibid. 1876 г., т. I, 403—406). Любопытно современное указаніе, какъ слагаются сказанія объ историческихъ лицахъ (Записки Порошина, 361). Въ уста ихъ влагаются извѣстныя слова, рѣчи и т. п.

[1]) Das reale und das ideale Element in der geschichtl. Überlieferung (Hist. Zeitschr. 1859, т. I. стр. 274, 277, 283, 287, 313 и др.).

[2]) Ranke, Weltgeschichte, II, Abth. I, S. 8; III B., II Abth., Ss. 92—154. Ср. также: Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе, П. И. Аландскаго, К. 1882 (критика традиціи, происхожденіе ея и цѣнность традиціи для исторіи).

постановка вопроса сообщили другой видъ этому вопросу въ критикѣ Нибура. „Показанія Геродота, говоритъ онъ, часто подвергаются насмѣшкамъ со стороны людей довольно ученыхъ, но неосновательныхъ въ своихъ сужденіяхъ. Таковъ былъ Шлецеръ.... Противъ древнихъ, всего классическаго и въ особенности противъ Геродота, онъ питалъ рѣшительную ненависть.... Ему кажется смѣшнымъ Геродотъ, утверждающій положительно, что сѣверъ богатъ золотомъ, а теперь вниманіе цѣлой Европы обращено на уральскіе золотые рудники. Слѣдовательно, Геродотъ и скандинавскіе жители, говорящіе о пермскомъ золотѣ и также осмѣянные Шлецеромъ, правы. Эти рудники перестали разработываться или были преданы забвенію въ слѣдствіе невѣжества монгольскихъ племенъ. Золото древняго міра добывалось частію изъ этихъ странъ, преимущественно изъ Урала, частію изъ Лидіи, Ѳракіи и Македоніи; потомъ изъ галльскихъ рудниковъ, частію съ границъ Египта и Нубіи; небольшое количество приходило изъ Аравіи и черезъ Карѳагенъ изъ внутренней Африки. Изъ этихъ источниковъ древніе получали такъ много золота, что оно относительно было дешевле, чѣмъ теперь, и сравнительная его цѣнность съ серебромъ была ниже“ [1]).

Тѣмъ болѣе оправданія находитъ скептическое отношеніе къ

---

[1]) Niebuhr, Vorträge über alte Geschichte, I, 135. Подробное разъясненіе этого вопроса у Э. И. Эйхвальда: „О чудскихъ копяхъ“ (Записки Арх. общ. т. IX, 275—301). Догадка Геродота о полученіи янтаря съ береговъ Сѣвернаго моря (III, 115) нашла фактическое подтвержденіе въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ (Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres, v. J. N. Sadowski, Jena 1877. По отношенію къ Россіи ср. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller zusammengestellt, v. Ernst Bonnel. St. Pet. 1882; рец. Ѳ. Г. Мищенка, Унив. Изв. 1882, № 11; Ж. М. Н. Пр. 1883 № 7) и археологическихъ данныхъ (Труды I-го Арх. съѣзда, 715, 730). Изслѣдованія Гексли (Macmillean Magazine 1883) подтверждаютъ многія естественно-историческія данныя Геродота о Египтѣ и т. п. Географическія данныя Геродота относительно Россіи разсмотрѣны въ соч. Надеждина (Записки Одес. Общ. ист., I, 1—114), Ф. К. Бруна (Черноморье, т. II, 1—120), П. О. Бурачкова (Труды III-го Арх. с., т. I; Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12; Зап. Одес. общ., IX, 1—133), П. Кречетова (ibid., XV, 457—496).

вопросамъ въ области русской исторіи, такъ какъ историческая критика въ Россіи, въ первой четверти XIX в., была еще почти въ зародышѣ, чтобы ни говорилъ Погодинъ про „навѣты скептиковъ", но, какъ извѣстно, и самъ вполнѣ подчинившійся ферулѣ Шлецера [1]). Понятно поэтому, какое сильное впечатлѣніе должны были произвести на небольшой кружокъ ученыхъ труды Шлецера и Нибура. Такъ, подъ вліяніемъ, конечно, мнѣній Каченовскаго, молодой ученый М. Гастевъ, въ своей вступительной лекціи въ Московскомъ университетѣ, „О вспомогательныхъ наукахъ для исторіи" [2]), обращаясь къ русской исторіи, говорилъ: „Ясно, что исторію можно писать только тогда, когда обработаны матеріалы ея; что исторія, основанная на памятникахъ, *не очищенныхъ критикою, не заслуживаетъ довѣрія.* Слѣдовательно, читая исторію Русскаго государства, *особенно до XIII, даже до XIV стол.*, не должно довѣрять не только тому, что само по себѣ подозрительно, но даже часто имѣемъ право сомнѣваться и въ томъ, что *кажется достовѣрнымъ, ибо источники наши еще не разсмотрѣны историческою критикою* и истина не отдѣлена въ нихъ отъ басни. Напишутъ еще множество томовъ и мы все не будемъ имѣть исторіи до тѣхъ поръ, пока не займутся обработкою нашихъ историческихъ матеріаловъ" [3]). Даже Карамзинъ, не задолго до того написавшій свою исторію, считалъ необходимымъ вездѣ отмѣчать *басни* или *сказки*, вошедшія въ лѣтопись, а къ такимъ источникамъ, какъ церковные уставы Владиміра св. и Ярослава I, ханскіе ярлыки, грамоты галицкихъ князей и т. п. памятники, дошедшіе до насъ или въ позднихъ спискахъ, или недостаточно подкрѣ-

[1]) Подъ вліяніемъ современной литературы Запада, Н. М. Муравьевъ писалъ: „Горе странѣ, гдѣ всѣ согласны! Можно ли ожидать тамъ успѣховъ просвѣщенія? Тамъ спять силы умственныя; тамъ не дорожатъ истиною, которая, подобно славѣ, пріобрѣтается усиліями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода сужденіямъ читателей. Сомнѣнія, изложенныя съ приличіемъ, могутъ ли быть оскорбительными"? (Погодинъ, Карамзинъ, II, 199).

[2]) Вѣстн. Евр. 1830, № 19, сс. 161—202.

[3]) Ср. О скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей древней исторіи отъ основанія государства до смерти Игоря, т. е. до 945 г., по лекціямъ Каченовскаго, В. Виноградова (Вѣст. Евр. 1830, ч. CLXXII, № 15; ч. CLXXIII, № 17).

ленные другими данными, онъ относится крайне скептически или прямо причисляетъ ихъ къ подложнымъ. Въ свою очередь, и Надеждинъ находилъ скептицизмъ, въ отношеніи къ древнѣйшему періоду русской исторіи, имѣющимъ извѣстныя основанія, выходя опять изъ современнаго состоянія науки и исторической критики. „По несчастію, говоритъ онъ, единственные памятники, запечатлѣнные несомнѣнною достовѣрностію (грамоты и оффиціальные документы), простираются не дальше XIII вѣка.... Памятниками цѣлыхъ четырехъ столѣтій остаются однѣ лѣтописи, не имѣющія дипломатическаго ручательства достовѣрности.... *Скептицизмъ* въ отношеніи къ нашимъ, равно какъ и ко всѣмъ вообще лѣтописямъ, не совсѣмъ безоснователенъ. Чтобы имѣть полную довѣренность къ сказанію, необходимо убѣжденіе въ его подлинности. Подлинность доказывается, если не существованіемъ самаго *оригинала*, то по крайней мѣрѣ *списка, ближайшаго* къ нему древностью" [1]).

Взглядъ на эти источники, какъ и вообще на древнѣйшій періодъ исторіи, долженъ былъ значительно измѣниться съ постепеннымъ накопленіемъ другого рода памятниковъ—*актовъ*. „До настоящаго времени, писалъ уже въ 1846 г. А. Ѳ. Бычковъ, лѣтописи и сказанія иностранцевъ составляли почти исключительный матеріалъ при историческихъ изслѣдованіяхъ. *Весьма немногіе изъ нашихъ ученыхъ* пользовались государственными документами, которые хранились подъ спудомъ въ монастыряхъ и архивахъ, а между тѣмъ они, обнародованные теперь, являются не только дополненіемъ лѣтописей, но нерѣдко служатъ и къ ихъ исправленію.... Нерѣдко событія изложены по лѣтописямъ совершенно *иначе*, чѣмъ они являются по государственнымъ документамъ. Изъ актовъ, найденныхъ въ отечественныхъ и шведскихъ архивахъ, открывается, что взглядъ нашъ на осаду Троицкаго монастыря и на владычество шведовъ надъ Новгородомъ, въ продолженіе смутнаго періода, долженъ во *многомъ* измѣниться, и что повѣсть Авраамія Палицына и сказаніе Новаго лѣтописца не только передаютъ эти событія пристрастно, но даже, по повѣркѣ ихъ съ отысканными актами, во многомъ имъ противорѣчатъ" [2]). Не менѣе заслуживаетъ вниманіе тотъ фактъ, что

[1]) Библ. для Чтенія 1837, т. XX, 116—117.

[2]) Историч. замѣтки (Чтенія Общ. ист. и древ. 1846, кн. IV, 47—48).

представитель положительнаго направленія въ нашей исторіографіи Соловьевъ въ свое время выступилъ защитникомъ критики Шлецера [1]) и Каченовскаго [2]). Съ такимъ же уваженіемъ относились къ мало понятому въ свое время скептицизму Каченовскаго и другіе его ученики, представители русской юридической науки—К. Д. Кавелинъ [3]) и П. Г. Рѣдкинъ [4]), археографы (Я. И. Бередниковъ [5]) и археологи (Н. Н. Мурзакевичъ [6]).

Само собою понятно, что только при широкомъ развитіи исторической литературы и ея вспомогательныхъ средствъ является возможность и болѣе вѣрнаго пониманія исторіи. Къ сожалѣнію русская литература все еще не богата монографическими работами, спеціальными изслѣдованіями, хотя число ихъ съ каждымъ годомъ

---

[1]) См. его статьи о Шлецерѣ въ Рус. Вѣст. 1856, т. II, и 1857, т. VIII. Послѣдняя была озаглавлена: „Шлецеръ и анти-историч. направленіе". Противоположныя мнѣнія были высказаны въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ Рус. Бѣсѣдѣ, 1857, т. III (см. выше, стр. 15, примѣч.). Восторженный отзывъ о Шлецерѣ см. также въ соч. Гоголя (т. II, М. 1867: Арабески, стр. 144—146).

[2]) Словарь профес. Моск. унив., т. I. Соловьевъ былъ ученикомъ Каченовскаго и до извѣстной степени его послѣдователемъ (Біогр. и характеристики, Бестужева-Рюмина, 258—260). Авторъ біографическаго очерка о Соловьевѣ также склоняется въ пользу Каченовскаго.

[3]) Сочиненія, т. II, 407—408.

[4]) Послѣдній въ своей автобіографіи говоритъ, что онъ слушалъ въ Москвѣ лекціи русской исторіи „у перваго критика отечественой исторіи—Каченовскаго" и что „болѣе всѣхъ онъ обязанъ лекціямъ по рус. исторіи Каченовскаго въ отношеніи не столько самаго содержанія, сколько *ученыхъ пріемовъ*" (Слов. профес. Моск. ун., II, 380).

[5]) Біогр. оч. Я. И. Бередникова, П. А. Плетнева (Изв. Ак. Наукъ, IV, 325).

[6]) Мурзакевичъ (1825), по окончаніи курса, вторично поступилъ въ Моск. унив., чтобы слушать „любимаго Каченовскаго" (Рус. Стар. 1887, LIII, 266, 276). Извѣстный писатель И. А. Гончаровъ, слушавшій К—го въ началѣ 30-хъ гг., признавая, что его лекціи были сухи и монотонны, вспоминаетъ однако о нихъ съ самою живою благодарностію, какъ о необыкновенно богатыхъ своимъ содержаніемъ, всегда излагавшихся съ строгимъ и тонкимъ анализомъ и слушавшихся съ громадною пользою (В. Европы 1887, № 4, с. 503—504).

растетъ. Многое уже намѣчено въ наукѣ и предвидится обширное поле для ея разработки. Матеріалъ накопляется и начинаетъ даже подавлять собою возможность одновременной обработки [1]). Конечно, было много условій въ прошедшей исторіи нашей науки, препятствовавшихъ ея нормальному развитію и изученію. Въ значительной степени это зависѣло отъ политическихъ и церковныхъ воззрѣній прежняго времени на науку. Такъ, извѣстнаго А. П. Волынскаго обвиняли въ томъ, что онъ, въ своемъ обозрѣніи прошедшаго времени, назвалъ Іоанна Грознаго тираномъ [2]). Въ 1734 г. Синодъ сдѣлалъ препятствіе Академіи Наукъ въ печатаніи лѣтописей (см. ниже, стр. 114—115), а въ 1749 г.—академ. Миллеру, пожелавшему напечатать сибирскія лѣтописи, такъ какъ въ нихъ находится „не малое число лжей, басней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не токмо не достойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ не мѣшаться никоимъ образомъ въ дѣла, касающіяся *до закона*", и потому изданіе этихъ памятниковъ было остановлено [3]). Въ 1761 г., тому же Миллеру воспрещено было продолжать его „Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи", замѣчательный по своему времени; не

---

[1]) Въ лондонскомъ критическомъ журналѣ Athenaeum'ѣ однажды было замѣчено о Россіи: „Къ несчастію для литературы, есть много собирателей историческихъ матеріаловъ, но мало историковъ". Ср. еще отзывъ въ статьѣ Брикнера: „Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, № 7, с. 6). „Настоящая эпоха нашей исторіографіи характеризуется не столько обиліемъ изслѣдованій, сколько массой издаваемаго вновь матеріала, за которымъ не поспѣваетъ историческая разработка" (Вѣст. Евр. 1885, II, 435); ср. „Новые историческіе вопросы", *А. Н.* (Вѣст. Евр. 1869, V, 789—790, 798—799) и „Опыты" И. Е. Забѣлина (I, 310).

[2]) Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1858, кн. II (Записка объ Артеміѣ Волынскомъ, стр. 151—152). Между тѣмъ Екатерина II, въ 1773, по поводу бунта Пугачева, писала Сиверсу: „Вѣроятно все кончится висѣлицами.... Европа, во мнѣніи своемъ, причтетъ насъ ко временамъ ц. Ивана Васильевича! таковъ почетъ, котораго мы должны ожидать отъ этой презрѣнной продѣлки" (Записки Бибикова, 115—116).

[3]) Чтен. въ Общ. ист. и древн. 1866, III, смѣсь, 23—24.

меньше затрудненій встрѣчалъ онъ и при изданіи своей исторіи Сибири [1]). Шлецеръ говоритъ: „Въ царствованіе Елисаветы, Миллеръ началъ сочинять родословныя таблицы изъ актовъ и отъискалъ нѣкоторые роды, которые по прямой линіи происходили отъ Рюрика. Это узнали при дворѣ, и Миллеръ подвергся было опасности.... Но теперь и въ разсужденіи этого мнѣніе перемѣнилось" [2]). Однако только краткими періодами наступало облегченіе для русской исторической науки. Полевой, въ 1836 г., не могъ получить доступа въ Государственный архивъ, чтобы воспользоваться матеріалами для исторіи Петра В. [3]); а изъ замѣчаній Пушкина видно, какъ неудобоисполнима была для него обработка матеріаловъ, относящихся къ исторіи Пугачевщины. Съ другой стороны, многіе вопросы и матеріалы не подлежали научной критикѣ и изданію по очевидному недоразумѣнію о правахъ, цѣли и предѣлахъ научнаго изслѣдованія. Такъ, соч. Максима Грека, взятыя изъ Соф. библ., 10 лѣтъ оставались въ москов. дух. цензурѣ и все таки не были тогда напечатаны [4]). Румянцовъ и Археогр. ком. постоянно встрѣчали препятствія со стороны духовной цензуры при печатаніи памятниковъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ церковной исторіи (какъ Стоглавъ, переписка русскихъ государей съ папами и т. п. [5]), или по другимъ соображеніямъ [6]). Н. Г. Устряловъ испытывалъ упреки и затрудненія по поводу изданія сочиненій Курбскаго и сказаній о Димитріѣ Са-

---

[1]) Пекарскій (Ист. Ак. Наукъ, I, 380, 413; Редакторы, издатели и цензура въ XVIII в., Зап. Ак. Н., т. XII). Подлинникъ „Опыта" былъ написанъ понѣмецки и напечатанъ Миллеромъ въ Sammlung Russischer Geschichte. О затрудненіяхъ, какія испытывалъ онъ при разысканіяхъ матеріаловъ въ Сибири (Миллеръ въ Томскѣ, В. Гурьева, Рус. Вѣст. 1881, № 11).

[2]) Несторъ, введ., стр. ѵз. Ср. дѣло Крекшина (Дополн., с. ccxxш).

[3]) Русскій Архивъ, 1874, I, 1050—52. Въ отказѣ ему выражена мысль о безполезности архивныхъ занятій при дарованіяхъ автора!

[4]) Письма м. Евгенія къ Анастасевичу (Рус. Арх. 1889, № 5, с. 80).

[5]) См. ниже, стр. 178—183.

[6]) Замѣтка Н. М. Павлова (Бицына) о плохомъ изданіи дѣла Романовыхъ (Рус. Арх. 1886, II, 330). Въ изд. Буссова Арх. ком. есть пропускъ мѣста, появившагося даже въ переводѣ Устрялова (Сказ. о Дим. Самозв., I, 108—109).

мозаванцѣ; изложеніе времени этого послѣдняго въ его учебникѣ признано было неудобнымъ для руководства, а его исторія Петра В. пролежала нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ увидѣла свѣтъ (1858 г.[1]). Исторія цар. Екатерины I, приготовленная къ изданію К. И. Арсеньевымъ въ 1839 г., могла появиться въ свѣтъ лишь въ 1856 г., а это обстоятельство, въ связи съ другими подобными, вполнѣ охладило его къ историческимъ занятіямъ [2]). Ученыя изданія Арцыбашева [3]), Сахарова [4]) и статьи Соловьева [5]) не считались вполнѣ безупречными. Второвъ встрѣчалъ затрудненія при изданіи Воронежскихъ актовъ [6]), а Бодянскій, какъ извѣстно, испыталъ непріятности за изданіе Флетчера [7]). Понятно, что филологъ можетъ иногда удовлетвориться для своихъ выводовъ и частью памятника, но историкъ обязанъ пользоваться матеріалами въ ихъ полномъ видѣ и цѣлости. Уже въ 1850-хъ годахъ, въ пѣсняхъ, пословицахъ и народныхъ сказкахъ видѣли иногда оскорбленіе національнаго достоинства и потому считали ихъ неприличными для ученаго общества (Географическаго) или спеціальнаго изданія (напр.

---

[1]) Воспомин. Устрялова (Древ. и Нов. Рос., 1877, I, 36—48; 1880, II, 671—74). Циркуляръ Мусина-Пушкина о преподав. русской исторіи (Русск. Стар. 1871, III, 393—394); записка объ учебникѣ, К. С. Сербиновича (Тенденціонный взглядъ на преподаваніе исторіи, Ѳ. Булгакова, Ист. Вѣст. 1881, IV, 168—176). „Хотя у насъ много писали и теперь пишутъ *объ историческомъ направленіи настоящаго вѣка*, замѣчалъ въ 1833 г. В. Строевъ (Историко-юрид. изслѣд. Уложенія, изд. ц. Алекс. Михайл., Спб. 1833 г., стр. п), однако же наше русское историческое направленіе ограничивается, по большей части, только *историческими романами*. Произведеній же чисто историческихъ мы видимъ очень, очень мало; *до сихъ поръ у насъ нѣтъ исторіи нашей литературы, нашей образованности, нашего просвѣщенія, нашей дипломатіи, нашего законодательства.*"

[2]) Бумаги Арсеньева, изд. Пекарскимъ, с. 56.

[3]) См. нашу статью: Арцыбашевъ и Устряловъ (Р. Арх. 1886, III, 523—527).

[4]) Древ. и Нов. Рос. 1880, I, 263, 520; 1881, I, с. 1.

[5]) Рус. Стар. 1890, LXV, с. 399.

[6]) Воронеж. Сборн., II, 245—246.

[7]) О Флетчерѣ (Древн. и Нов. Рос. 1880, I, 548, 551; Р. Старина 1890, LXV, сс. 54 и 428); зап. Никитенка (ib., 386—388, 396—397); дневн. Бодянскаго (Сборн. Общ. люб. рос. словесн. на 1891 г., стр. 110).

для Арх. ист. юрид. свѣд., Калачова [1]). Въ то время и такіе даровитые профессоры, какъ Н. А. Ивановъ, читали нерѣдко свои курсы по книгѣ Устрялова, а тотъ же Ивановъ, излагая исторію XVIII вѣка, по секрету лишь позволялъ себѣ сообщать слушателямъ, что императрица Анна Ивановна была немного рябовата, прибавляя однако: „но необычайной красоты" [2]). Къ концу означеннаго періода печатаніе ученыхъ диссертацій почти прекращается [3]).

Въ послѣднія 30 лѣтъ многое и весьма существенно измѣнилось къ лучшему [4]), хотя историческая наука у насъ, по прежнему, продолжаетъ существовать учеными диссертаціями и трудами университетовъ, вопреки нерѣдкимъ навѣтамъ на эти послѣдніе [5]). Это тридцатилѣтіе по всей справедливости можно назвать *эпохою* въ нашемъ историческомъ сознаніи и развитіи, въ области изданія матеріаловъ и истори-

---

[1]) Наша статья: Русскіе университеты въ связи съ ходомъ обществен. образованія (Вѣстникъ Европы 1876, № 11, стр. 96—102).

[2]) Разработка русской исторіи 1855—1880 гг., Аристова (Ист. Вѣстн. 1880, т. I, 678).

[3]) См. дѣло (1839) съ диссертаціей И. И. Срезневскаго по статистикѣ (Др. и Н. Рос. 1880, I, 467). Это обстоятельство побудило автора перемѣнить предметъ занятій. Въ 40-хъ гг. появляются статьи: „О неосновательности политическихъ наукъ" (Фин. Вѣстн. 1845 г., VI, А. Старчевскаго).

[4]) Нашъ очеркъ: Русская исторія въ 25-лѣтіе 1855—1880 гг. (Рус. Старина, 1880, т. XXVII, 423—452, 619—634); также Н. Я. Аристова (Ист. Вѣстн. 1880, I, 666—713); Успѣхи геогр. знаній въ Россіи 1855—80, В. Майкова (ib., III, 70—96). См. однако Чт. въ Общ. ист. и древн. рос. 1883, IV, проток., с. 44; Ист. Вѣстн. 1884, т. XVIII, 720.

С. Строевъ говоритъ: „Тамъ, гдѣ Штенцель разбираетъ Раумера, Гриммъ Копитара, Копитаръ Шафарика—критика плодотворна и поучительна для публики и для ученыхъ.... Недостатокъ критики охлаждаетъ трудящихся" (Отчего у насъ нѣтъ критики, С. Отеч. 1840, III, 554—555).

[5]) По вопросамъ церковно-историческимъ нѣкоторые отдѣлы далеки еще отъ возможной полноты изслѣдованія (Біогр. словарь проф. унив. св. Владиміра, стр. 644; ср. ниже, с. 179, пр.) и такое положеніе дѣла представляется какъ бы неизмѣннымъ (Новое Время 1891, № 5367). Впрочемъ, въ ученой духовной литературѣ высказывается иногда мнѣніе, что отсутствіе обсужденія ведетъ къ индифферентизму относительно изученія подобныхъ вопросовъ (Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ, П. Милославскаго, Каз. 1879, стр. 30—32, 34—35, 42—44).

ческой обработки ихъ. Вотъ почему въ настоящее время трудно даже представить себѣ о тѣхъ затрудненіяхъ, какія еще такъ недавно испытывала на своемъ пути историческая наука въ Россіи.

Печальнымъ результатомъ этого прошлаго оставалось до послѣдняго времени поверхностное знаніе новаго періода русской исторіи. Вотъ что писалъ объ этомъ въ 1874 г. покойный историкъ С. М. Соловьевъ: „Благодаря обширнымъ историческимъ трудамъ, обнимавшимъ исключительно древнюю русскую исторію, мы могли знать подробности о вел. кн. Изяславѣ Мстиславичѣ и оставались въ совершенномъ мракѣ относительно лицъ и событій XVIII в. Здѣсь главными источниками служили, во первыхъ, анекдоты, постоянно искажавшіеся при переходѣ изъ устъ въ уста и дававшіе неправильное представленіе о лицѣ и дѣйствіи по отрывочности, односторонности, какой бы стороны ни касались, хорошей или дурной; во-вторыхъ— извѣстія иностранцевъ, которыя читались съ жадностію, *именно за отсутствіемъ своихъ*, и особенно донесенія пословъ“ [1]). „Память Екатерины II, говоритъ П. И. Бартеневъ, преслѣдовалась и сыномъ, и вторымъ изъ царственныхъ внуковъ ея. Самое имя ея было почти запретнымъ; изъ печатныхъ сборниковъ выдирались неугодныя узаконенія ея.... Поэтому немудрено, что цѣлое поколѣніе русскихъ людей почти вовсе не знало про лучшее время новой русской исторіи“ [2]). Откуда же было взяться въ обществѣ уваженію къ старинѣ, если эта послѣдняя не чтилась даже надлежащимъ образомъ или становилась почти недоступною, а лѣтописи археологіи и искусства отмѣчаютъ, какъ обычное явленіе, равнодушіе и даже пренебреженіе со стороны нашего общества къ памятникамъ той-же старины [3]).

---

[1]) Исторія Россіи, XXIV, 422; ср. выше, стр. 57—58.

[2]) Рус. Архивъ 1890, II, 280; Безъ исторіи и безъ преданій, В. Стоюнина (Др. и Нов. Рос. 1879, I, 1—17).

[3]) Историч. Вѣст. 1890, XLI, стр. 181; В. Европы 1870, VI, с. 142; Кіев. Стар. 1890, № 9, с. 507; Вѣстн. арх., IV, 70; Кіевл. 1890, № 1. Какъ у насъ обращаются съ древностями. Акад. Авдѣева (Соврем. Изв. 1875, № 330—о развалинахъ Херсонеса). Извѣстно, какъ много пострадали наши рукописныя сокровища отъ вырѣзыванія отдѣльныхъ статей въ разныхъ библіотекахъ (Синод., Общ. ист. и древн. и др., см. Древ. и Нов. Рос. 1880, I, 536, 522, прим. 81). Объ остаткахъ Херсонеса, разрушеннаго русскими. Зам. Немировича-Данченка (Новое Время 1891, № 5368).

Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ указанныхъ условій, выработался своеобразный стиль историческаго изложенія, который представляется западному историку „холоднымъ и сухимъ“ [1]), а современному литературному эстетику—лишеннымъ главнаго движущаго нерва—свободы изслѣдованія [2]). Съ другой стороны, это даетъ право утверждать отсутствіе въ нашихъ историческихъ и философскихъ теоріяхъ—оригинальности, этого необходимаго элемента самостоятельной научной критики [3]). Такимъ образомъ, русскому ученому все еще приходится напоминать элементарныя истины на тему о значеніи, цѣли и правахъ науки [4]).

---

[1]) Шлоссеръ, IV, 144. М. П. Погодинъ, по поводу появленія въ 1849 г. книги „Св. Димитрій Ростовскій“ (М.), сравнивая его съ сочиненіемъ Грановскаго: „Аббатъ Сугерій“, говоритъ: „Это превосходное изслѣдованіе о незабвенномъ авторѣ „Четьи-Миней“, но не его біографія.... Въ Сужерѣ видѣнъ болѣе или менѣе живой человѣкъ, а здѣсь какъ будто видишь только святыя мощи! Авторъ всегда боится какъ будто сказать лишнее, и не говоритъ нужнаго, безпрестанно думаетъ о приличіи, какъ будто бы всякая строка должна была имѣть характеръ догматическій или каноническій, оттого многое сжато, стѣснено, сухо“ (Москвитянинъ 1850, № 1, стр. 17). Ср. также „Опыты“ И. Е. Забѣлина (II, стр. 7).

[2]) А. Чеховъ (Сѣв. Вѣст. 1889, № 11, с. 113).

[3]) П. Милославскій, стр. 22, 24, 25, 28, 31—33, 35—36, 37—39, 44—45. „Господствуетъ необычайный индифферентизмъ въ судьбѣ идей и стремленій“, замѣчаетъ авторъ (ib. 45). Генезисъ науки, И. С. Андреевскаго, М. 1890, заключеніе. Иностранный обозрѣватель отмѣчаетъ подавляющее вліяніе журнала надъ книгою (Deutsche Rundschau, März 1876).

[4]) „Только незавидное положеніе русскихъ ученыхъ, ихъ матеріальная необезпеченность, а еще болѣе незавидное состояніе русской науки вообще и ея какъ бы „ненужностное“ положеніе въ государственно-политической жизни русскаго народа дѣлаютъ то, что *наше* дѣлается достояніемъ *чужихъ*, и мы изъ странъ далекихъ получаемъ, какъ особенную милость, жалкія крупицы“ и пр. (Путешествіе по Востоку и его научные результаты, А. А. Дмитріевскаго, Труды Кіев. Д. акад. 1889, № 5, стр. 108). Нѣкоторые даже сомнѣваются въ возможности существованія у насъ независимой внѣ-университетской науки (Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго унив., Н. Булича, I, стр. 4—5).

Библіографія: О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи (Соч. Т. Н. Грановскаго, т. I, М. 1856, 3—32); О достовѣрности исторіи (Сочин. П. Н. Кудрявцева, М. 1887, I, 1—32); О современныхъ задачахъ исторіи (ibid., 33—69); Объ исторической истинѣ и достовѣрности, Н. Надеждина (Библ. для Чтенія 1837, т. XX, 137—174); Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи, М. Петрова, Х. 1861; Очеркъ развитія исторической науки, В. И. Герье, М. 1866; Объ историческомъ развитіи понятія исторіи, М. Куторги (Ж. М. Н. Пр. 1868, №№ 2 и 3; тоже, Моск. Унив. Изв. 1870, № 3); Современныя задачи исторической науки, А. С. Трачевскаго (Бесѣда 1871, №№ 10 и 11; Записки Новорос. унив. 1879, т. XXVII); Современные взгляды и направленія въ русской исторіи (Опыты изученія русскихъ древн. и исторіи, И. Е. Забѣлина, I, 355—394); Вступительная лекція въ курсъ русской исторіи, Н. И. Костомарова (Рус. Слово 1859, № 12); Вступит. лекція, чит. въ Петерб. унив., К. Н. Бестужева-Рюмина (Отеч. Зап. 1865, сент.); Вступит. лекція въ публичный курсъ, его же (Заря 1870, № 2); Опытъ введенія въ исторію, П. В. Павлова (Отеч. Зап. 1874, №№ 5—6, стр. 269—291); Основные вопросы философіи исторіи, Н. Карѣева, чч. I—II, 2-е переработ. изд., Спб. 1887 (съ обз. литературы); Сущность исторического процесса и роль личности въ исторіи, его же, Спб. 1890; Исторія цивилизаціи въ Англіи, Г. Т. Бокля (т. I, гл. VI, состояніе исторической литературы въ средніе вѣка); Титъ Ливій. Критич. изслѣд. Г. Тэна, М. 1885; Полн. собр. соч. Маколея (опыты „о Макіавелли", „Ранке", „объ исторіи Греціи", „объ исторіи", „о Б. Барерѣ", тт. I, IV, XIII, XIV); Über die Aufgabe des Geschichtsschreibers, v. W. Humboldt, Berl. 1882 (Gesam. Werke, I, 1841, 1—25; отрывки переведены въ сборникѣ М. М. Стасюлевича „Ист. сред. вѣковъ въ ея писателяхъ, I, 17—21); Grundzüge der Historik, v. G. G. Gervinus, Leipz. 1837; Grundriss der Historik, v. Joh. Gust. Droysen, 3-te Aufl., Leipz. 1882; Principes de la critique historique, par le p. Ch. de Smedt, S. j. bollandiste, Liège-Paris. 1883, 290 pp.; Methods of historical study, by Herb. B. Adams, Baltimore 1884; German schools of history, by lord Acton (The Engl. historic. review, B. I, Lond. 1886; нѣмец. переводъ: Die neuere deutsche Geschichtswissenschaft, v. J. Imelmann, B. 1887); The methods of

historical study, by Edv. A. Freeman, Lond. 1886; Lehrbuch der historischen Methode. Mit Nachweis der wichtigsten Quellen und Hülfsmittel zum Studium der Geschichte. Von Ern. Bernheim, Leipz. 1889, S. 530, съ литературою входящихъ вопросовъ.

Über die Gesetze des historischen Wissens, v. H. v. Sybel, Bonn, 1864; Gesch. und Geschichtsschreibung unserer Zeit, v. F. Petsche, Leipzig, 1865; Über die Epochen der Geschichtschreibung und ihr Verhältniss zur Poesie, v. J. W. Löbell (Historisches Taschenbuch, herausgegeb. v. Fr. v. Raumer, Neue Folge, 2-te Jahrg., 1841, 277—372); Das reale und das ideale Element in der geschichtl. Überlieferung und Darstellung, v. J. W. Löbell (Zeitschr. Зибеля, 1859, I); Zur Würdigung v. Rankes histor. Kritik, v. G. Waitz (Zeitschr. 1861, VI); Die Erhebung der Gesch. zum Rang einer Wissenschaft, v. J. G. Droysen (ib. 1863, IX); W. Menzel: Kritik des modernen Zeitbewusstseins, Fr. a. M., 1869; Die Entwicklung der modernen deutschen Geschichtswissenschaft, v. Wilh. Giesebrecht (Zeitschr. 1859, I); Falsche Richtungen, v. G. Waitz (ib.); Über Darstellungen der allgem. Gesch., v. M. Büdinger (Hist. Zeitschr., 1862, VII); Über konstruierende und skeptische historische Kritik, v. Joh. Busch (Programm des königl. Progymnasiums zu St. Wendel 1867); Herm. Wesendonck: Die Begründung der neueren deutschen Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer nebst Einleitung über Gang und Stand derselben vor diesen, Leipz. 1876; Die Erhebung der Gesch. zum Range einer Wissenschaft oder die historische Gewissheit und ihre Gesetze, v. Ad. Rhomberg, Wien, 1883; Das Verhältniss der öffenflichen Meinung zu Wahrheit und Lüge im X—XII Jahrh., v. G. Ellinger, B. 1884; Das Erwachen und die Entwickelung der historischen Kritik im Mittelalter (v. VI—XII Jahrh.), v. B. Lasch, Br. 1887; Quellenedition und Schriftstellerkritik, v. L. Weiland (Hist. Zeitschr. 1887, B. LVIII; Neue Folge, Bd. XXII); Fabel und Geschichte, eine Sammlung historischer Irrthümer und Fälschungen, v. W. von Janko, Wien 1880; Betrügereien und Fälschungen im Mittelalter, v. K. Müller (Zeitschr. für die Gesch. des Oberrheins, Neue Folge 1887, Bd. II); Über die Quellen der Geschichtsfälschung, v. W. Wachsmuth (Berichte über die Verhandlungen der Königl. Sächs. Gesellsch. der Wissenschaften zu Leipzig, phil. hist. Klasse 1856, B. VIII); Glaubwürdigkeit der Egils-Saga und anderer Isländer-Saga's, v. E. Jes-

sen (Zeitschr. 1872, XXVIII, 61—100); Скандинавскія саги въ отношеніи къ русской исторіи, О. Сенковскаго (Библ. для Чт. 1834, т. I, 1—77); Эймундова сага, его же (ibid., II, 1—77); О русскихъ миѳахъ и сагахъ, въ примѣненіи ихъ къ географіи и особенно къ этнографіи русской, Н. И. Надеждина (Рус. Бесѣда 1857, III, 1—20; IV, 19—63). Труды по сравнительно-историческому изученію русскаго эпоса и сказаній: Ѳ. И. Буслаева („Очерки“ и „Мои досуги“), А-дра Н. Веселовскаго (см. по указателю), Н. П. Дашкевича и др.; О методахъ и задачахъ исторіи литературы какъ науки, А. Н. Веселовскаго (Ж. М. Н. Пр., 1870, № 11—въ защиту сравнительно-историческаго метода). Русская наука въ XVIII в., А. Пыпина (В. Европы, 1884, №№ 5, 6 и 7); Московская старина, его же (1885, №№ 1, 2 и 3); очерки по исторіи русской этнографіи (тамъ же и отд., см. стр. ссcп; IV-й томъ будетъ заключать библіографію русской этнографіи).

II.

Вспомогательныя знанія.—Способы примѣненія ихъ въ исторической критикѣ.—Архивные матеріалы и ихъ изданія.—Письменные и вещественные памятники.—Практическое изученіе ихъ.

Необходимыми вспомогательными средствами при изученіи историческихъ матеріаловъ служатъ тѣ *знанія*, область которыхъ тѣсно связана или соприкасается съ исторіей. Къ такимъ знаніямъ относятся: 1) *археологія*, состоящая изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ отраслей: a) *палеографіи* (древлеписаніе), имѣющей своихъ предметомъ изученіе древнихъ рукописей относительно ихъ матеріала, письма (чѣмъ и какъ писали), внѣшняго вида, а равно древнихъ надписей на вещественныхъ памятникахъ; b) *дипломатики* (отъ дипломовъ, которыми она прежде занималась), разсматривающей древнія грамоты и акты, а именно на чемъ они писались, по какой формѣ, гдѣ прикладывались и какія печати, кто и гдѣ скрѣплялъ ихъ, когда писались акты на столбцахъ или на листахъ, какія употреблялись формы обращенія и т. п.; c) *сфрагистики*, или ученія о печатяхъ, тѣсно связанной съ дипломатикой по своему назначенію; d) *геральдики* или ученія о гербахъ; e) *нумизматики*—ученія о монетахъ и медаляхъ; f) *древностей искусствъ и быта*. Независимо отъ археологіи стоятъ: 2) *генеалогія*, 3) *хронологія*, 4) *историческая географія*, 5) *этнографія*, дающія весьма важное пособіе какъ для исторіи, такъ и для археологіи; 6) *филологія*, представляющая необходимое подспорье при изу-

ченіи памятниковъ письменности и этнографическихъ вопросовъ; 7) *исторія литературы*, разсматривающая означенные памятники въ ихъ исторической послѣдовательности и въ связи съ общественными явленіями; 8) по значительному количеству матеріала, имѣющаго бытовой и юридическій интересъ, для историка необходимо близкое знакомство съ *исторіей права*. Кромѣ того, при изученіи этнографіи и предметовъ древности, получившихъ большое значеніе въ послѣднее время, благодаря обширнымъ археологическимъ разысканіямъ, приходится прибѣгать и къ помощи *естественныхъ наукъ* (къ геологіи, минералогіи, химіи, этнологіи [1]). Наконецъ, весьма важнымъ пособіемъ при изученіи матеріаловъ (русской) исторіи должна служить *историческая библіографія* книжной и періодической литературы. Хотя мы не имѣемъ до сихъ поръ полнаго и соотвѣтствующаго научнымъ требованіямъ обзора ея, но все таки можно указать на болѣе или менѣе цѣнные подготовительные труды въ этомъ родѣ, перечень которыхъ помѣщается нами въ концѣ настоящаго отдѣла.

Памятники опредѣленнаго времени (т. е. съ обозначеніемъ года, лицъ или событій), составляютъ главный, основной источникъ, изъ котораго почерпаются необходимыя палеографическія свѣдѣнія. Чѣмъ болѣе такихъ памятниковъ имѣется на лицо и чѣмъ внимательнѣе они наблюдаются, тѣмъ менѣе возможны ошибки или неправильные выводы. Не менѣе письменъ важны также правописаніе и языкъ, которые, въ свою очередь, подлежатъ, съ теченіемъ времени, извѣстнымъ измѣненіямъ. Такъ, измѣняется употребленіе буквъ и другихъ знаковъ, появляются знаки препинанія и т. п. Далѣе, необходимо обращать вниманіе, *на чемъ* и *какъ* начертаны письмена, на украшенія и принадлежности рукописей, на переплетъ и заставки книгъ (украшеніе при заглавіи или въ концѣ книгъ и статей), на способъ складыванія грамотъ, на формы крестовъ и др. предметовъ, встрѣчающихся въ рукописяхъ. При этомъ необходимо замѣтить, что

---

[1]) О вспомогательн. наукахъ для исторіи, М. Гастева (Вѣст. Евр. 1830, № 19, сс. 161—202); Cours d'étude critique des sources de l'histoire de France, par S. Luce (Bibliothèque de l'École des Chartes, 1882, № 6, 653—666); Urkundenlehre. Katechismus der Diplomatik, Paläographie, Chronologie und Sphragistik. V. D-r. Friedr. Leist. Leipz. 1882, съ таблицами; Bernheim и др. О психологіи будетъ рѣчь въ 3-й главѣ.

огромная часть нашихъ рукописей не имѣетъ никакихъ датъ, такъ что время ихъ написанія приходится опредѣлять по палеографическимъ даннымъ, которыя не даютъ точныхъ рѣшеній и позволяютъ дѣлать крупныя ошибки. Точно также, относительно мѣста написанія рукописей, при отсутствіи прямыхъ указаній, мы можемъ, на основаніи данныхъ языка, съ полною увѣренностью сказать только о сравнительно немногихъ, что онѣ писаны въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой области; въ большинствѣ же случаевъ относительно рукописей безъ датъ можемъ лишь догадываться, откуда ведутъ онѣ свое происхожденіе [1]). По внѣшнему своему характеру, памятники русскаго письма можно раздѣлить на три группы: 1) *книги*, 2) *документы* (записи или грамоты) и 3) *надписи* [2]). Собираніе и изученіе надписей имѣетъ разнообразное значеніе: историческое, историко-юридическое, метрологическое, палеографическое и т. п., а также для исторіи искусства, такъ какъ надписи представляютъ вѣрнѣйшій и часто единственный критерій, по которому тотъ или другой памятникъ можно пріурочить къ извѣстному времени. Изслѣдованіе русскихъ надписей началось съ 1806 г., т. е. съ

---

[1]) И. И. Срезневскій: Славяно-русская палеографія, сс. 2—3; Лекціи по исторіи русскаго языка, А. И. Соболевскаго, К. 1888, сс. 9—10; 2-е дополн. изд. Спб. 1891.

Въ „палеографической таблицѣ славян. письменъ XI—XV вв.“, напечат. Кёппеномъ (Bullet. de la classe hist. phil. de l'Acad., V, 33—48), всѣхъ вообще памятниковъ до к. XIII в. показано 50 съ небольшимъ; у Срезневскаго (Древніе памятники русскаго языка и письма, X—XIV в., Спб. 1863), указано болѣе ста собственно палеографическихъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ по 1271 годъ (ср. еще „Вновь откр. рус. старина“, Древ. М. Арх. общ., т. IV, в. III, с. 125). Въ настоящее время книгъ и грамотъ за періодъ съ XI по XIV вѣкъ включительно насчитывается до 500 (Соболевскій, Лекціи, сс. 5 и 9).

[2]) Онѣ были различнаго рода: *рисованныя* (на церковныхъ стѣнахъ, на иконахъ и на деревянной утвари); *рѣзныя* (на деревѣ, кости, кожѣ, камнѣ, металлѣ,—на крестахъ, образахъ, чашахъ, блюдахъ, шлемахъ, надгробныхъ и др. доскахъ); *чеканныя* (на печатяхъ, гривнахъ, монетахъ и разныхъ металлическихъ издѣліяхъ); *мозаическія* (на стѣнахъ храмовъ); *литыя* (на колоколахъ); *шитыя* (шелками, золотою и серебряною нитью); *финифтяныя* (на образахъ, окладахъ и т. п.), *низанныя* (жемчугомъ и т. п.).

письма Оленина къ гр. А. И. Мусину-Пушкину о Тмутараканскомъ камнѣ и по инпціативѣ того же Оленина былъ сдѣланъ первый механическій снимокъ съ этого камня. Съ этого времени начинаютъ собирать надписи, но собираются онѣ большею частію не въ снимкахъ, а въ спискахъ. Описаніе почти каждаго музея, монастыря или церкви содержитъ въ себѣ собранія списковъ съ надписей, палеографическіе же снимки большая рѣдкость. Въ палеографическомъ отношеніи матеріалъ и орудія для письма имѣютъ громадное значеніе, потому что матеріалъ существеннымъ образомъ вліяетъ на форму буквъ. Вотъ почему и необходимы точные снимки надписей, такъ какъ палеографическіе выводы, полученные по наблюденіямъ надъ рукописями, не вполнѣ приложимы къ надписямъ [1]). До XV в. формы буквъ надписей довольно сходны съ формами буквъ рукописей. Въ древнѣйшее время замѣтно также вліяніе греческихъ эпиграфическихъ памятниковъ, особенно въ надписяхъ на художественныхъ вещахъ, сдѣланныхъ греками или подъ ихъ руководствомъ (напр. на гробницѣ Ярослава). Съ XV в. буквы надписей начинаютъ болѣе и болѣе отличаться отъ буквъ рукописныхъ, находясь однако въ тѣсной связи съ заглавными строчками. Чтеніе надписей, замѣчаетъ проф. Гюбнеръ, есть скорѣе искусство, которое какъ всѣ искусства и навыки, предполагаетъ техническое подготовительное знаніе и продолжительное упражненіе [2]).

Почти до половины XIV в. книги писались только на *пергаменѣ*, или, какъ говорилось тогда, на „мѣхѣ“ (см. Рус. правду), „кожѣ“ [3]), который употреблялся часто отборный и на которомъ для

---

[1]) Достовѣрные рисунки съ нихъ будутъ — снимки — на прозрачную бумагу, на бумагу, намоченную, или же снимки гуттаперчевые, гипсовые, гальванопластическіе и т. п., наконецъ фотографическіе (Славяно-рус. палеогр. Срезневскаго, 2—3). О надписяхъ см. выше, с. 69—70, а также отд. II, гл. ш и vш.

[2]) Предисловіе гр. Н. Ланскаго къ статьѣ проф. Е. Гюбнера: „О способахъ механическаго воспроизведенія надписей“ (изъ Jahrbücher des Vereins v. Alterthumsfreunden im Rheinlande, тетр. XXXIX), изд. по распоряж. Спб. Археол. инст. въ 1888 г.

[3]) Хартіей, *харатьей*, назывались въ древности папирусъ и пергаменъ, на которыхъ писали, отсюда харатейное письмо—рукопись, писанная

страницъ оставлялись нерѣдко широкія поля. Древнѣйшій пергаменъ былъ даже лучшаго качества, чѣмъ позднѣйшій. Рукописей, писанныхъ на смытомъ или соскобленномъ пергаменѣ (палимпсестовъ), какъ это бывало (впрочемъ рѣдко) у южныхъ славянъ, нѣтъ вовсе, за исключеніемъ отдѣльныхъ листовъ, которые также встрѣчаются весьма рѣдко [1]). Бумага въ Россіи стала входить въ употребленіе только со второй четверти XIV в. (бомбицина, βάμβαξ, bombacina, памбукъ, такъ называется въ Туркестанѣ хлопокъ, откуда аравитяне перенесли выдѣлку бумаги въ Европу [2]); на бомбицинѣ писаны нѣкоторыя рус-

---

на пергаменѣ. Заслуживаетъ вниманія, что записи во Псковѣ и Новгородѣ назывались *досками* (Солов. IV, 330); „и даша дъщкы Дмитровы (низложеннаго посадника) Святославу Всеволодовичу" (П. С. Р. лѣтоп., III, 30). Объ употребленіи ихъ на Западѣ для счетовъ и счетныхъ книгъ (Leist, 32—43). Названіе: *скра* объясняютъ съ исландскаго—*доска* (Сарторій; ср. Рейсъ, Опытъ ист. рос. госуд. и гражд. законовъ, с. 393); но возможно сближеніе и со *скора* (съкора, Ипат. лѣтоп., изд. 1872, с. 61). О доскахъ и харатьѣ см. также въ статьѣ Д. И. Прозоровскаго: „Объ Ивановомъ написаніи" (Труды II-го Арх. съѣзда, I, 34—42) и ниже. Въ юго-западной Руси встрѣчается выраженіе паркгаментъ.

[1]) Замѣтка А. Ѳ. Бычкова о славян. палимпсестѣ—рук. XIII—XIV в., а смытыя письм. XII ст., (Сборн. Ак. Н. I, стр. VIII—IX, XXVII—XXIX). Пергаменъ въ Россіи получался изъ Греціи и ганзейскихъ городовъ (Соловьевъ, IV, 257). О весьма тонкомъ пергаменѣ (Карамзинъ, IV, пр. 187).

[2]) Хлопчатая бумага употреблялась въ Европѣ для книгъ и грамотъ съ XI до XVI в. (Leist, 44—45; Карамз. IV, пр. 373; Свѣд. о малоизвѣстн. памятникахъ, т. I, № XXXVI—двѣ древнѣйшія болгар. грамоты XIII в. писаны на ней). Въ мон. Сергія Радонежскаго, по недостатку матеріала и средствъ, писали на берестѣ и даже до послѣдняго времени, на далекомъ сѣверѣ, этотъ матеріалъ употреблялся вмѣсто бумаги. Въ описи книгъ Троицкаго мон. XVII вѣка упоминаются „Свертки на деревцѣ чудотв. Сергія" (Опись книгамъ Степен. монаст., Чт. Общ. ист. и древн. 1848, годъ III, кн. VI, с. 2). Въ Арханг. губ. у одного крестьянина были найдены святцы, писанные на берестѣ въ XVIII в., а въ Сибири, даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ, по недостатку бумаги, писали нерѣдко на берестѣ. Образцы такого письма представляютъ: донесеніе боярскаго сына Гуторова, ходившаго въ Корякскую землю въ 1712 г., изъ Охотскаго острога, напечат. въ Лѣтоп. занят. Арх. ком. (I, проток., стр. 12), и рапортъ въ камчатскую Большерѣцкую канцелярію изъ верхнекамчатской приказной

скія книги XIV—XV в. Въ XVI и XVII вв. бумага уже господствуетъ [1]). Пергаменныя книги писались преимущественно въ четвер-

---

избы 1768 г., напечатанный въ Рус. Стар. 1873 г. (т. VIII, стр. 806—807). Онъ написанъ на гладко-вылощенномъ кускѣ березы въ 6 вершковъ длины и 4 ширины, перегнутомъ пополамъ, въ форматѣ почтоваго листка. Послѣдній сохранился превосходно. Въ Археогр. ком. хранятся столбцы съ подобными же актами, относящимися къ Сибири (Лѣт. зан. Арх. ком., I, 37). Есть также и въ И. Публичной библіотекѣ. Ср. еще „Записныя приходныя книги по сбору мѣховъ въ Камчаткѣ 1715—17", писан. на берестѣ—въ Госуд. древнехран. въ Москвѣ (опис. А. Е Викторова, изд. Общ. люб. древней письмен., Спб. 1882, с. 15). Въ Чертковской библ. (въ Москвѣ) есть рукопись, полученная изъ Тамб. губ., писанная на берестѣ и составляющая книжку въ 25 стр., богословскаго содержанія. Писана она полууставомъ, переходящимъ въ скоропись (Р. Арх. 1870, с. 524). Въ Румянц. м.—раскольнич. соч. противъ „Розыска" Д. Ростовскаго, на берестѣ, пис. въ Сибири (см. исторіогр. стр. 849). Birke—нѣмец. береза—и до сихъ поръ на сѣверѣ служитъ для отмѣтокъ (Голубинскій, Ист. рус. церкви, I, 411). О доскахъ во Псковѣ, употреблявшихся въ мелкихъ сдѣлкахъ, б. м. биркахъ (Бестужевъ-Рюминъ, Рус. исторія, I, 376; ср. Сѣверный рѣзной календарь, В. Срезневскаго, Спб. 1876, изъ Трудовъ II-го Арх. съѣзда, в. I, 1—108). Въ одной изъ прилепскихъ деревень у крестьянина найденъ былъ брусокъ дерева въ ³/₄ аршина, на коемъ разными знаками обозначены всѣ главнѣйшіе праздники и святые въ году, дошедшій отъ предковъ (извѣстіе о немъ съ объясн., какъ употреблять этотъ календарь, и рисункомъ въ Москвитянинѣ 1852, № 2, сс. 53—54). О торговлѣ посредствомъ бирокъ въ XVIII в. въ Орлѣ (Орлов. старина, Арх. ист. и практич. свѣд. о Россіи, 1859, I, с. 75—76).

[1]) Договоръ вел. кн. Симеона съ братьями принадлежитъ къ древнѣйшимъ, писаннымъ на тряпичной бумагѣ (Карамз. IV, пр. 373). О перемѣнѣ письмен. матеріала въ XIV вѣкѣ (Соловьевъ IV, 382; Срезневскій, Памят., письмен., 296, 298—книги). Свѣдѣнія о пергаменѣ и бумагѣ у Карамзина (IV, 172, пр. 90, 187, 331, 365, 373; V, 234, пр. 3, 423). Цѣны (VIII, пр. 153, 587; X, 145, пр. 426; Новгород. лѣт. по синод. списку, Спб. 1879, 74, 88 и др.). Тряпичная (холстинная, льняная) бумага (выдѣл. съ XIII в.) доставлялась потомъ въ Россію англичанами черезъ Архангельскій портъ. Древнѣйшая тряпичная бумага съ большимъ трудомъ отличается отъ бомбицины (Кар. IV, пр. 373). Лѣтописецъ говоритъ: „А во Псковѣ посадникъ псковскій Ѳеонасій Юрьевичъ и бояре псковскіе, и соцкіе, и судьи тогды же

тую долю; рѣже въ листъ и въ восьмую долю; бумажныя чаще въ листъ; книги въ листъ писались обыкновенно въ два столбца; прочія въ одинъ столбецъ. Но для грамотъ пергаменъ употреблялся съ большой экономіей; нерѣдко онѣ писались на клочкахъ, причемъ тщательно сберегались: ихъ складывали въ нѣсколько перегибовъ и хранили въ мѣшечкахъ или свертывали въ свитокъ; нѣкоторыя изъ нихъ вносились въ книги или хранились въ священныхъ мѣстахъ (на престолахъ, за образами). Чернило употреблялось желѣзистое, преимущественно сильнаго раствора, проникавшее глубоко въ пергаменъ и засыхавшее на поверхности листа довольно толстымъ слоемъ. Заглавія и начальныя буквы писались иногда красками (древнѣе) или киноварью (составъ изъ ртути и сѣры), покрывались золотомъ. Вообще работа переписчика требовала много времени и труда. Поэтому и въ лѣтописяхъ, и на самыхъ книгахъ древніе книжники любили заносить на память стоимость матеріала и переписки, время и обстоятельства, при которыхъ она была совершена, а также сопровождали свой трудъ страшными заклинаніями, въ случаѣ похищенія или истребленія самой рукописи (см. описанія рукописей Румянц. музея, Синод. библ., Троицкой лавры, гр. Толстого и др. [1]).

(1472) и льняную грамоту подраша, вынемше изъ ларя" (П. С. Р. Л., т. IV, 243). Евгеній выражается: „*Льняная* грамота здѣсь вѣроятно значитъ тоже, что въ германскихъ законахъ ленная (Lena, feudum, fief), т. е. помѣстная, коею жалована была помѣщикамъ земля или какія угодія и т. д. Можетъ быть псковскіе бояре переняли было сіе право у сосѣдей своихъ лифляндскихъ рыцарей" (Ист. княж. Псковскаго, IV, 85, примѣч.)—объясненіе слишкомъ отдаленое отъ простаго смысла. Въ Баварскомъ госуд. архивѣ значится документъ на *льняной бумагѣ* 1301 г. (Сборн., изд. Археол. инстит., т. II, с. 47—48). Выдѣлка писчей бумаги изъ льна и конопли относится къ цар. Ивана Грознаго. При Алексѣѣ Мих. было уже двѣ бумажныя мельницы около Москвы; но бумага выдѣлывалась такъ плохо, что принуждены были выписывать ее изъ-за границы, а въ слѣдствіе дороговизны послѣдней, нерѣдко замѣняли ее, для межевыхъ плановъ и документовъ, березовой корой (или лубомъ). Только съ Петра В. начинаетъ развиваться въ Россіи писчебумажное производство (Костомаровъ, Ист. торговли Моск. госуд., 227—28).

[1]) Будучи украшены разными виньетками и изображеніями и тщательно списаны, рукописи цѣнились очень дорого. Такъ, волын. кн. Владиміръ Васильковичъ за молитвенникъ (Ипат. лѣт., П. С. Р. Л., II, 223) запла-

Въ періодъ XI—XIV в., на Руси господствовало почти исключительно одно письмо—кирилловское греко-славянское и одинъ способъ письма—уставъ [1]). Связная скоропись, которая стала преобладать въ это время у грековъ и отчасти вошла въ обычай у южныхъ славянъ, въ Россіи была долгое время вовсе неизвѣстна, не смотря на постоянныя отношенія къ Греціи и полученіе оттуда грамотъ, писанныхъ этою скорописью. Только со 2-й пол. XIV в. въ Россіи входитъ въ употребленіе полууставъ, преобладающій въ рукописяхъ XV и XVI вв., а съ XV в. (появл. уже въ XIV в.) распространяется и скоропись, которая въ XVII в. дѣлается господствующимъ почеркомъ [2]). „Дознано

тилъ 8 гривенъ купъ=11 р. сер. (Кар. III, пр. 335)=до 80 р. на нын. счетъ. Въ XIV в. напрестольное евангеліе безъ переплета стоило до 93 руб. (Свѣд. памятн. I, № xx, стр. 95—96); другое съ переплетомъ до 350 р. (ib. № xxvii). Одинъ вкладчикъ, за 23 книги, пожертвованныя въ монастырь, обязалъ братію монастыря кормить и одѣвать его съ сыномъ (Опис. рук. Рум. муз., стр. 464). Листъ пергам.=1 р. 10 к., а по нашему счету свыше 7 р. (Срезневскій Древ. книги, 24; ср. Аристовъ, Промышлен. древ. Руси, 307). Стоимость церковныхъ книгъ въ Москвѣ въ 1651 г., Н. Оглоблина (Библіографъ 1890, № 2, с. 26—27); Московскія книжныя цѣны въ 1690 г., его же, по докум. Моск. арх. мин. юст. (ib. №№ 5—6, сс. 63—64). О книжномъ рядѣ въ Новгородѣ въ 1608 г. (Врем. М. О. ист.; VIII, смѣсь, с. 33: Опись имущества Мих. Татищева); Расходная книга Никона какъ источникъ для исторіи хозяйства въ Россіи, А. Брикнера (Ж. М. Н. Пр., ч. CLXXIII; ср. Ист. Вѣст., XX, 269—270, 275—277) и Дополн., с. I.

[1]) Писали перомъ, по чертамъ, прочерченнымъ на пергаменѣ остріемъ (Срезневскій прибавляетъ „и тростью“, ibid.; Палеографич. замѣтки, его же, Изв. Ак. Н., IX, 161—168; Труды Общ. ист., ч. III, кн. I, 25). Вообще времени на переписку требовалось не мало. Въ періодъ до к. XIV в. переписчикъ могъ написать $1\frac{1}{2}$—$4\frac{1}{2}$ листковъ въ день (о способахъ письма—Древнія книги, 18—27). О консерватизмѣ русской графики до к. XIV в.—И. В. Ягичъ (Вѣст. археол., изд. Арх. инст., III, 105).

[2]) Полууст. писаны—дух. грам. Симеона Гордаго, 1353 г., б. ч. Лавр. лѣт. 1377 г. и др. См. мнѣніе м. Евгенія о вліяніи Польши на появленіе скорописи въ Россіи въ XV в.—(Труды Общ. ист., ibid., 31). Но здѣсь могъ имѣть значеніе и самый матеріалъ—бумага. Гражданскій шрифтъ, приписываемый Петру В., появлялся и раньше, по частямъ (Сухомлиновъ, Лекціи по ист. рус. литер. 1877—78 гг. и Памятн. Общ. любит. древней письм. 1881, № XI, стр. vii).

на опытѣ, говоритъ А. Х. Востоковъ, что по одному правописанію нельзя судить о вѣкѣ какой либо рукописи: иной позднѣйшій писецъ рабски передаетъ намъ всѣ формы склоненій и спряженій, найденныя имъ въ древнемъ подлинникѣ; но къ буквѣ или къ почерку никто не считалъ за нужное поддѣлываться, всякій держался того почерка, который въ его время былъ употребителенъ и къ коему онъ пріученъ былъ смолоду; хотя бы и хотѣлъ удалиться отъ онаго, привычка заставила бы его сбиваться на старое. Слѣдовательно почеркъ или форма буквъ составляетъ вѣрнѣйшую палеографическую примѣту" [1]). Съ другой стороны В. М. Ундольскій замѣчаетъ: „Частичное сопоставленіе буквъ опредѣленнаго памятника со снимками алфавитовъ или связныхъ рукописей не ведетъ къ цѣли. Рѣшающимъ элементомъ является не сходство отдѣльныхъ буквъ, а общій типъ письма и впечатлѣніе, производимое на глазъ цѣлымъ составомъ памятника" и т. д. [2]).

Русскіе писцы, подобно греческимъ, употребляли тѣ-же буквы и для выраженія чиселъ; но для десятковъ и сотенъ тысячъ въ древнѣйшій періодъ употреблялись слова, позже стали появляться особые знаки и для высшихъ наименованій [3]). Въ XIII в. является тайнопись, со-

---

[1]) Переписка Востокова (157—158). Нѣкоторыя замѣчанія объ отличительныхъ признакахъ рукописей по вѣкамъ и мѣсту происхожденія см. тамъ-же (стр. 36—41, 54—58, 68—70, 77, 80, 98, 102—116, 186, 423); Переписка прот. І. Григоровича (Чт. М. О. 1864, II, 74, 75, 78, 79).

[2]) Мѣсто, заимствованное изъ рукописной „Палеографіи" В. М. Ундольскаго, въ соч. Д. Мейчика: „Грамоты XIV и XV вв. Моск. арх. мин. юст.", М. 1883, стр. 155. Ср. еще мнѣніе А. Бёка въ его Энцикл. и методологіи филологическ. наукъ (излож. П. И. Аландскаго, 43).

[3]) Опис. рукоп. Востокова (Учен. зап. Ак. Н. по 2 отд., II, 11—13, 71—73, 87); Переписка Востокова (Сборн. Ак. Н., т. V, 71—76, 96, 98, 127—129); Переписка м. Евгенія съ Румянцовымъ, Воронежъ, 1868, 8—10, 53. Арабскія цифры въ Россіи появляются ранѣе, чѣмъ думаютъ, и занесены очевидно съ Запада (Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. В. І. Изслѣд. В. В. Бобынина, М. 1886, стр. 40, 43—44—сочиненіе это написано между прочимъ по рук. Рум. м.; тому же автору принадлежитъ: „Состояніе математ. знаній въ Россіи до XVI вѣка", Ж. М. Н. Пр. 1884, № 4). Ср. Арабскія цифры на Кіевской гравюрѣ 1627 г., В. В. Стасова (Изв. Археол. общ., III, 504—506). На монетахъ арабскія цифры появляются съ 1654—56 гг. (ibid., VI,

стоявшая въ перестановкѣ буквъ и замѣнѣ однѣхъ буквъ другими, или по цифирному ихъ значенію, которая все болѣе входитъ въ употребленіе въ XIV и XV вв. [1]). Въ древнѣйшій періодъ замѣчается иногда смѣшеніе кирилловскихъ буквъ съ глаголицею, которая употребляется также и для тайнописи [2]). Получивъ образцы письма отъ южныхъ славянъ, русскіе придерживались ихъ, замѣняя постепенно не соотвѣтствующія языку буквы другими, такъ что къ концу XI в. русское правописаніе почти образовалось. Оно остается неизмѣннымъ почти до конца этого періода (XIV в.), когда появляются нѣкоторыя новыя особенности [3]).

9—10). *Въ печати* впервые *арабскія цифры* въ Россіи были употреблены въ 1702 году, при изданіи „Юрнала объ осадѣ Нотебурга", но въ небольшомъ количествѣ онѣ встрѣчаются съ полов. XVII в. (Пекарскій Наука и литература при Петрѣ Вел., т. I, 268—271). Ср. Труды Моск. Арх. общ., т. IV, с. 111—114—о цифрахъ.

[1]) Опис. рук. Востокова (Уч. зап. Ак. Н. по 2 отд., т. II, 53—58); Цыфирное письмо. Общія замѣчанія, по которымъ можно находить ключъ къ цыфири (Рус. Зритель 1829, ч. V, №№ 17—20); Старорусское тайнописаніе, ст. П. А. Лавровскаго (Труды Моск. Арх. общ., III, 29—55); дополн. къ ней въ статьѣ: Замѣчанія о русскомъ тайнописаніи, И. И. Срезневскаго (Сборн. Ак. Н., т. VIII, стр. xxiv—xxxi; IX, 235—242). Ср. К. Ѳ. Калайдовичъ, Безсонова (Чт. М. О. И. 1862, III, 148). Объ особыхъ подписяхъ въ столбцахъ (Записки Калайдовича, Лѣт. рус. литер. Тихонравова, т. III, 97). О цифирной азбукѣ (вязи, литореѣ, новой азбукѣ, взятой у австр. посла Ник. Варкоча) при Борисѣ Годуновѣ (Карамзинъ, X, 148, 153, пр. 438, 453; XI, пр. 82). О тайнописи при Мих. Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ (Русское посольство въ Польшѣ, А. Попова, Спб. 1854, стр. 268—276).

[2]) О глаголицѣ въ палеогр. замѣткахъ Срезневскаго (Изв. Ак. Н., т. I—X) и ниже.

[3]) Такъ, прежде чѣмъ стали употреблять щ (вязь изъ ш и т) употребляли шт; букву є стали употреблять лишь въ к. XIV в. Вообще, характерныя особенности письма представляютъ буквы: в, е, ж, з, і-и, к, о-ѡ, у, оу, ѵ, х, ч, ѯ, ѱ, щ, ы, ѣ, ю, ѩ, ѧ, ѫ. Также заслуживаетъ вниманіе употребленіе знаковъ (для обозначенія слоговъ іотирован. и мягкихъ, удареній, сокращеній, нотныхъ; запятыя отдѣльно отъ точекъ вошли въ обычай въ XV в. и т. д.). Объ отличіяхъ греческаго и славянскаго письма см. ст. И. И. Срезневскаго (Палеогр. замѣтки, Изв. Ак. Наукъ, IX, 160—167; Сборн., т. XV; Труды I-го Арх., I, cxv—cxxii, съ замѣчаніями другихъ ученыхъ) и арх. Амфилохія

Кромѣ того, необходимо отличать особенности письма сербскаго, болгарскаго и русскаго, причемъ у русскихъ писцовъ нерѣдко замѣтно стремленіе подражать первымъ двумъ [1]), а равно особенности въ памятникахъ новгородской письменности—наиболѣе богатой по своимъ образцамъ [2]). Въ XV и XVI вв. существовала своего рода мода на болгарское письмо [3]). Былъ также особый почеркъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, грамотахъ и актахъ [4]).

Къ концу перваго періода и въ слѣдующемъ мѣстныя особенности письма (великорусскаго, южнорусскаго, западнорусскаго и т. п.) выступаютъ, опредѣленнѣе, но нѣкоторыя изъ нихъ появились весьма рано. Съ другой стороны, начало образованію книжнаго русскаго языка, отдѣльнаго отъ народнаго, положено было уже въ XIII и XIV вв. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которыхъ господствовалъ элементъ народный, сталъ примѣтно отдѣляться отъ языка духовныхъ сочиненій и тѣхъ мѣстъ грамотъ и лѣтописей, ко-

---

(О вліяніи греч. письмен. на славянскую, Труды I-го Арх. съѣзда, II, 860—873); Греко-славянскіе этюды, А. И. Соболевскаго (Р. Фил. Вѣст. 1882, № 2, 1883, № 2). Объ употребленіи разныхъ буквъ (Переп. Евгенія съ Румянц. 7, 59, 115; Переписка Калайдовича съ Румянцовымъ, Чт. М. О. И. 1862, III, 147; Переписка Востокова, 33—39). Ср. Граммат. церк. слав. яз., изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ, А. Х. Востокова (1863) и труды по историч. грамматикѣ Буслаева (М. 1875), Будиловича (В. 1883), А. Соболевскаго (В. 1881); также Лекціи по исторіи русскаго яз., его же, К. 1882; Спб. 1891.

[1]) См. Опис. рукоп. Рум. муз., Востокова, Спб. 1842, въ которомъ обозначаются всѣ эти особенности; Матеріалы для славян. палеографіи, Пыпина (Уч. зап. Ак. Н. по 2 отд. т. II, в. 2); Свѣд. о малоизв. памятн. (т. I, № XII, XXV, XXXIII, XXXVI); Вліяніе Сербіи и Аѳона на рус. литерат. въ XIV и XV вв., И. Некрасова (Заря 1871, № 5—отрывокъ изъ соч. Пахомій Логоѳетъ, писатель XV в., Од. 1871). О мѣстныхъ особенностяхъ письма—указъ 1675 г. (П. С. З., I, № 597).

[2]) Свѣд. о малоизв. памятн. I, № XXIX; Выписка изъ Трефол. XV—XVI в., арх. Макарія (Изв. Ак. Н., т. VI—смѣсь новгород. письма съ болгар.).

[3]) Описанія рукоп. Востокова, матер. для славян. палеогр. (Уч. зап. Ак. Н. по 2 отд., т. II, в. 2, 17—27, 51 (въ спискѣ Стоглава).

[4]) Почти всѣ акты XIV и XV стол., сохранившіеся въ Моск. арх. мин. юстиціи, писаны на бумагѣ (Мейчикъ, 153).

торыя писаны по книжному [1]). Необходимо наконецъ отличать старинное правописаніе именъ отъ позднѣйшаго. Такъ, въ лѣтописяхъ и грамотахъ пишутся: Семенъ, Юрій, Иванъ, Ягайло, а въ печати они называются: Симеонъ, Георгій, Іоаннъ, Ягелло и это дѣлается даже въ заглавіяхъ актовъ, при ихъ изданіи. Между тѣмъ на важность этой замѣны обращали уже вниманіе въ старину [2]).

Но разборъ письменъ составляетъ только часть палеографическаго изслѣдованія, въ которое входитъ много другихъ, не менѣе важныхъ, требованій, каковы: условія правописанія, значеніе формъ языка и самыхъ словъ (между прочимъ употребленіе иностранныхъ словъ); для палеографа тутъ имѣетъ значеніе не только то, что важно для выводовъ филолога, но и другія отличія, не всегда бросающіяся въ глаза филолога, какъ ошибки, замѣна словъ писцами, колебанія писателя, путаницы компилятора, списывающаго клочки разныхъ книгъ въ одну книгу; изслѣдованіе матеріала, на которомъ начертаны письмена, разныхъ случайностей, которымъ подвергаются письменные памятники и т. п. При повѣркѣ ихъ, необходимо принимать въ соображеніе данныя изъ области исторіи политической и церковной, исторіи права, литературы, искусства, наконецъ изъ области хронологіи, метрологіи и т. п. [3]).

---

[1]) См. Срезневскій, Древнія книги (Христ. Древн. 1864, 59—61; Свѣд. малоизв. памятн., I, № VI и X), Ѳ. И. Буслаевъ (Историч. граммат., I, passim), А. И. Соболевскій, Лекціи, сс. 15 (указаніе памятниковъ по вѣкамъ и мѣсту происхожденія), 195—204.

[2]) Сборн. Муханова, 2-ое изд., 429. Любопытно посланіе Стефана Баторія къ Ивану Грозному, по поводу его имени: „Отмѣня наконецъ имени твоего, бо чому еси есть теперь *Іоанномъ*, а передъ тымъ еси звался *Иваномъ* Васильевичомъ, зажъ еси ты Грекомъ якимъ, Римяниномъ, або Влохомъ, гишпаномъ—не Москвитиномъ" (сталъ). Но это невѣрно. Впервые такъ назвался Иванъ III въ сношеніяхъ съ Александромъ литовскимъ (Соловьевъ, V, 207). Здѣсь же и упрекъ ц. Ивану за его генеалогію отъ Пруса и Августа (стр. 430). Откуда идетъ это мнѣніе см. Шлецера, I, 279—289; Соч. Максимовича, I, 66; Бычкова, Опис. рук. Имп. Пуб. библ. (указат.); Степен. книгу; Древ. Вивл., т. XIX, 359; Солов. VI, 260; Бестужевъ-Рюминъ (II, 233, прим.).

[3]) Палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности (Изв. Ак. Наукъ, VI, 260—261). Кубаревъ предостерегаетъ отъ излишняго

При разсмотрѣніи рукописей критика не можетъ удовлетворяться опредѣленіемъ времени, но обращаетъ вниманіе на исправность списка, правильность и твердость ореографіи и нерѣдко отдаетъ предпочтеніе рукописи болѣе поздней передъ рукописью значительно болѣе древней [1]). „Наша старинная письменность, говоритъ Срезневскій, богата примѣрами того, что списки позднѣйшіе гораздо важнѣе древнѣйшихъ, какъ болѣе или менѣе важныя копіи съ очень древнихъ *изводовъ* (редакцій), не сохранившихся въ подлинникѣ [2]). Если въ нихъ поздній переписчикъ (напр. XVI или XVII вѣка) и дѣлалъ вольныя или невольныя измѣненія противу того древняго извода, съ котораго переписывалъ, то въ этихъ измѣненіяхъ понятія о языкѣ и правописаніи его времени всегда такъ ярко бросаются въ глаза, что

довѣрія къ припискамъ въ рукописяхъ, которыя также обыкновенно списывались (Строевъ, Барсукова, 412). Характеристика русскихъ древнихъ читателей и переписчиковъ книгъ, М. Орлова (Чт. въ Общ. любит. дух. просв. 1873, I, 482—507); Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи (Правосл. Собесѣд. 1862, I, 131—171, 350—368); Древне-русскій литераторъ, И. С. Некрасова (Бесѣды въ Общ. люб. рос. словесн., I, 39—50).

[1]) Encyklopädie und Methodologie der philolog. Wissenschaften v. Aug. Böckh, 1877, изложеніе П. И. Аландскаго (Универ. Изв. 1878 и отд. сс. 39 и 43); Древнія жизнеопис. рус. князей, И. И. Срезневскаго (Изв. Ак. Н., т. II, 113—130. Ср. мнѣнія Шлецера (выше, стр. 10), Соловьева (т. II, примѣч., с. v; т. III, 117); Д. В. Полѣнова (Уч. зап. Ак. Наукъ, I, 97, впрочемъ со ссылкою на Срезневскаго). Существованіе двухъ списковъ грамоты Всеволода Мстиславича даетъ возможность исправить несообразности одного изъ нихъ (Соловьевъ, III, пр. 166). Одна „данная“ XIV в., напеч. съ большими пробѣлами въ „Актахъ Юридич.“ (№ 110), можетъ быть восполнена съ помощью архивнаго списка XVII в. (Мейчикъ, сс. 89 и 152).

Съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду и слѣдующее замѣчаніе: „Въ древнихъ рукописяхъ правильности правописанія бываетъ обыкновенно больше, и это объясняется отчасти тѣмъ, что для нихъ меньше было случаевъ переписыванія и слѣдовательно порчи текста; каждая новая переписка вносила въ него что нибудь новое, и въ рукописяхъ сложнаго правописанія, между которыми иныя значительно древни, трудно предполагать задуманное исправленіе“ (Опис. рукоп. Востокова, Пыпина, 44, примѣч.).

[2]) Въ такомъ смыслѣ слово „изводъ“ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ (XIV в.) рукописяхъ (Опис. рукоп. Востокова, ib., 44, примѣч.).

ихъ не трудно отличить; такъ же, какъ не трудно оцѣнить важность тѣхъ мѣстъ, которыя переписаны вѣрно.... Въ числѣ списковъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ позднихъ гораздо болѣе, чѣмъ древнихъ, и между поздними есть очень важные, сохранившіе на себѣ ясные слѣды вѣрной передачи древнихъ изводовъ; тогда какъ древнѣйшіе списки обильны описками, что руководствоваться ими одними нѣтъ никакой возможности". При нѣсколькихъ чтеніяхъ одного и того же мѣста памятника, критики предпочитаютъ болѣе трудное, ибо переписчикамъ легче замѣнить неизвѣстное слово извѣстнымъ, чѣмъ наоборотъ [1]).

Выше мы говорили преимущественно о книгахъ; теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній собственно о документахъ. Въ этомъ случаѣ *палеографія* соприкасается съ *дипломатикой*. Въ древнѣйшій періодъ письменности грамоты писались на пергаменѣ, въ длину и ширину, за тѣмъ складывались или свертывались въ свитокъ (см. стр. 98 [2]). Съ распространеніемъ бумаги и скорописи, акты стали писаться на отдѣльныхъ листахъ (отъ небольшаго листка до значительныхъ размѣровъ), или въ столбцахъ (въ видѣ узкой ленты), которые склеивались сзади, а на самой склейкѣ дьякъ (въ Московской Руси) скрѣплялъ (впрочемъ не всегда), чтобы нельзя было вырвать листовъ [3]). Такой длинный рядъ склеенныхъ

---

[1]) Фриманъ, лекція 3-я.

[2]) Свитки употреблялись въ древности и въ средніе вѣка: на Западѣ, въ Византіи, у татаръ. Такъ, привилегія имп. Оттона В. римской церкви 962, въ спискѣ 2-й пол. X вѣка, представляетъ собою большой свитокъ въ 101 сентим. длины и 39—40 с. ширины, свернутый такъ, что верхняя часть грамоты составляетъ его внутренность, а нижняя образуетъ его наружную сторону, причемъ на обратной сторонѣ верхней части есть приписки, сдѣланныя въ различное время и представляющія собою помѣтки хранителей документа (Monum. Germ. historica, изд. Зиккелемъ, Han. 1882, t. I, p. II; ср. рец. этого изд. Ѳ. Я. Фортинскаго, Унив. Изв. 1883, № 6, с. 7). О большихъ столбцахъ, писанныхъ на франц. яз. въ XI в. (Тьерри, Ист. завоев. Англіи, I, 256). О свиткахъ въ Россіи говорится рѣдко—„Свитокъ Ярославль", т. е. Ярослава I, въ спискѣ XV в. (Ак. Зап. Рос., I, 191), чаще о византійскихъ (Опис. рукоп. Соловец. мон., II, с. 559; Рус. истор. Библ. VII, 757, 759); ср. ниже, с. 613. Нѣкоторыя грамоты писаны были на бомбицинѣ (см. легенды къ Акт. экспед., т. I; Евгеній (Труды Общ. ист., III, кн. I, 26).

[3]) По этому въ старину выражались: „какъ помѣтитъ дьякъ, то и быть дѣлу такъ" (Труды и лѣтоп. Общ. ист. и древн. Рос., т. VI, 173).

листовъ сворачивался въ трубку и отдавался на храненіе—это были свитки—столбцы, сохранившіе свою форму вплоть до XVIII вѣка [1]). Діаметръ подобныхъ столбцовъ иногда равнялся полуаршину (колесо). Первый листъ находится обыкновенно внутри, а потому, чтобы прочесть документъ, необходимо сначала развернуть его: изъ такихъ столбцовъ состоятъ главнымъ образомъ архивные матеріалы [2]); но уже въ XV и XVI

---

[1]) Уже въ XIV—XV вв. господствующимъ форматомъ актовъ является *столбецъ* (по тогдашнему выраженію „столпъ", „столпикъ") или отрѣзокъ. Полный столбецъ представляетъ собою половину листа, раздѣленнаго пополамъ. Цѣлые листы составляютъ въ общей сложности очень ограниченный процентъ всего количества актовъ означеннаго времени и т. д. О размѣрѣ столбцовъ, помѣтахъ и пр. (Мейчикъ, 153; Провинц. архивы въ XVII в., Н. Оглоблина, Вѣст. археологіи и исторіи, изд. Арх. инст., VI, 104—105). О столбцахъ, писанныхъ на обѣихъ сторонахъ, о столбцахъ XVIII стол. и т. п. (Собр. историко-юридич. актовъ Д. И. Бѣляева, опис. Д. Лебедевымъ, изд. М. публ. музея, М. 1881). Когда собиралось нѣсколько однородныхъ документовъ, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ листковъ, тогда всѣ они подклеивались другъ къ другу и свертывались въ трубку. Въ такомъ видѣ столбцы до сихъ поръ хранятся въ нѣк. архивахъ (напр. М. арх. мин. юст.); въ другихъ—свитки эти расклеены на составные листки (напр. въ М. гл. арх. мин. ин. дѣлъ, арх. Оруж. палаты), причемъ или переплетаютъ ихъ, или хранятъ въ картонахъ (послѣдній способъ предпочтительнѣе въ интересахъ лучшаго сбереженія). Въ описяхъ дѣлъ XVII в. встрѣчаются выраженія: „*Столпъ* о строеніи въ Торжку .... и расходные *книги*"; „*Столпъ,* а въ немъ списки съ отписей и записные *книги*"; „два *столпа* съ записными *книгами*" (Оглоблинъ, 105, 172).

[2]) Свитокъ Уложенія имѣетъ почти 434 аршина длины (Архивъ ист. юрид. свѣд. Калачова, I, стр. 2), состоящихъ изъ 959 листковъ или столбцовъ въ 3½ верш. шир. и не менѣе 400 почерковъ (Сборн. Археол. инст., кн. II, стр. 13 — 14). Столбецъ воеводской отписки ок. 500 аршинъ, находящійся въ М. арх. мин. юстиціи (Истор. Вѣст. XX, 247). Посланіе патр. Іосифа кор-чу Вольдемару о принятіи православія написано было на столбцахъ въ 48 саж., что̀ и вызвало ироническія замѣчанія со стороны Вольдемара (Соколовъ, Отношенія Россіи къ протестантизму, с. 102). Замѣчаніе Коллинса объ истребленіи русскими множества бумаги и о способѣ письма на длинныхъ сверткахъ, стоя на колѣняхъ (Ч. М. О. ист. и древ. 1846, кн. I, сс. 13 и 21). На съѣздъ въ Андрусовѣ русскимъ посламъ бы-

вв. въ Россіи писали и въ тетрадяхъ, и въ столбцахъ, а неудобство столбцовъ заставляло иногда заводить для дѣлопроизводства книги-тетради, въ которыя вносились документы (статейные списки, переписи и т. п. копіи со столбцовъ [1]), хотя черновые списки и грамоты, разсылавшіяся по городамъ, продолжали писаться въ столбцахъ. На столбцахъ велись собственно дѣла, т. е. составлялись памяти, отношенія, сношенія, предписанія и т. п., изъ которыхъ потомъ вносилось въ книги все то, что требовало ближайшей наглядной отчетности и порядка для необходимыхъ справокъ, такъ что столбцы и книги въ большинствѣ случаевъ повторяютъ одно и тоже, особенно по предметамъ прихода и расхода. Но такъ какъ дѣлопроизводство сохранилось не вполнѣ, то весьма часто столбцы дополняютъ пробѣлы или утраты книгъ, и наоборотъ [2]). Ветхіе столбцы также переписывались въ книги и тетради [3]). Такимъ образомъ, въ столбцахъ на-

---

ло отпущено 10 стопъ бумаги и кувшинъ чернила (Соловьевъ, XI, 240). На Западѣ весьма рано вводятся книги для актовъ (Leist, 50—55). У насъ сохранилось много сборниковъ грамотъ (in 8⁰, 4⁰, fol.), составленныхъ также преимущественно въ монастыряхъ. Они относятся къ XV—XVI вв. Благодаря этой, преимущественно экономической заботливости монастырей, и составилось значительное собраніе грамотъ при Петрѣ В. и Екатеринѣ, поступившихъ потомъ въ Моск. арх. старыхъ дѣлъ, вошедшій въ составъ М. арх. мин. юстиціи. Общее количество ихъ простирается до 15000 актовъ (Мейчикъ, Грамоты XIV и XV вв., 151—163).

[1]) Судебникъ Ивана III, въ спискѣ нач. XVI в., писанъ *тетрадью* (А. ист. I, № 105). Актъ о вѣнчаніи на царство Ѳедора Ивановича писанъ *книгою* въ четверть листа, на лощеной бумагѣ, полууставомъ. Начало заглавнаго листа начертано золотомъ и украшено разноцвѣтными красками; нѣкоторыя слова означены киноварью. Книга обложена малиновымъ штофомъ съ небольшими серебряными застежками (Собр. госуд. грамотъ, II, № 51). Слѣдственное дѣло объ убіеніи ц-ча Димитрія писано на *столбцѣ*, тремя почерками (ibid. № 60). Избират. актъ ц. Михаила Ѳед.—на 9 склеенныхъ *листахъ* (ib., I, № 203).

[2]) Буслаевъ, Разборъ соч. И. Е. Забѣлина: Домашній бытъ рус. царей въ XVI—XVII стол., стр. 51. (Демид. отчетъ).

[3]) М. Капустинъ, Диплом. снош. Россіи съ Зап. Европ. во 2-й пол. XVII в. 1852, с. 75. „Взять въ столпъ и вписать въ книгу“, 1647 г. (Сборн. кн. Хилкова, 216); „и впредь для вѣдома вклеить въ столпъ“ (Собр. госуд. грам., IV, с. 625—1691 г.).

ходятся обыкновенно черновыя бумаги [1]). Столбцами писались и расходныя записи [2]), и письма (напр. ц. Алексѣя Михайловича [3]) и частныхъ лицъ), и подорожныя, и частныя дѣловыя бумаги [4]), и лѣтописи (напр. Рукопись Филарета), и грамоты иностраннымъ государямъ [5]), и газеты (куранты [6]), и азбуки (въ царскомъ и частномъ обиходѣ) и т. п. [7]). Книги-копіи скрѣплялись по мѣстамъ и въ концѣ думнымъ дьякомъ или другимъ чиновникомъ [8]).

---

[1]) Замысловскій, Цар. Өедора Алексѣевича, 104.

[2]) Времен. Общ. ист. и древн., т. XX, смѣсь, с. 26—36 (конца XVII в.).

[3]) Сборникъ Муханова, с. XXI—XXII. Столбецъ собственноруч. письма ц. Алексѣя Мих. по дѣлу Никона (Гюббенетъ, I, 142—145).

[4]) Столбцы писемъ въ к. XVII—XVIII стол. (Времен., ib. и Р. Стар., т. XLVII, с. 198).

[5]) Славянскія грамоты въ Кёнигсбергѣ писаны на бумагѣ . . . только на свернутыхъ рукописяхъ печатей не имѣется. Эти послѣднія рукописи писаны на узенькихъ, склеенныхъ бумажкахъ и имѣютъ нѣсколько аршинъ длины (Письмо Шульца, С. Отеч. 1814, № 36; Ж. М. Н. Пр. 1846, № 1, О заслугахъ Румянцова, А. Старчевскаго).

[6]) Терещенко, Опытъ обозр. жизни сановниковъ, I, 49.

[7]) Отеч. Зап. 1854. № 12, с. 105 (Бытъ р. царей); Опис. библ. Моск. Общ. исторіи, Строева, с. 1; Времен. Общ. ист., XX, 30—32.

[8]) Матер. о Курбскомъ—о столбцахъ и тетрадяхъ, о перепл. въ кожу и понѣмецки (Москвитян. 1843, № 9); Кунгур. акты (Лѣтоп. зан. Арх. ком., в. I и II); Акты эксп., I, № 289; Акты истор. и др.; Критич. обз. источниковъ по исторіи Малороссіи, Карпова, 158—164. Помѣта, по порученію воеводы, на актѣ (Собр. госуд. грам., II, 143). Съ Петра В. замѣна столбцовъ тетрадями сдѣлана обязательною.—Въ концѣ 1700 г. это требованіе распространено и на Сибирь, причемъ указаны причины, вызвавшія его: трудность справокъ, неудобства храненія, дороговизна бумаги (столбцы обыкновенно писались на одной сторонѣ листа). Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было переплетать книги и дѣлать опись документовъ (Памят. Сибир. исторіи, изд. Археогр. ком. 1882, т. I, №№ 16 и 22). Книги въ XVII в. списывались въ листъ и въ 4⁰ или, какъ тогда выражались,—въ *десть* и *въ полдесть*. Онѣ б. ч. состояли изъ нѣсколькихъ тетрадей, связанныхъ вмѣстѣ. Преобладающимъ форматомъ въ 1-й пол. XVII в. была 4⁰; книги въ листъ начинаютъ преобладать со 2-й пол. этого вѣка. Переплеты употреблялись сравнительно рѣдко и преимущественно въ московскихъ архивахъ и въ архивахъ крупныхъ провинц. городовъ (Оглоблинъ, 106—107). „Книги въ доскахъ“

Относительно письма необходимо замѣтить, что въ грамотахъ полууставъ близокъ къ скорописи, а съ XV в., въ дѣловомъ мірѣ, онъ переходитъ въ скоропись, вполнѣ установившуюся въ XVI вѣкѣ. Ею писаны уже всѣ акты XVI—XVII вв., причемъ одновременно выработались два вида скорописи: московскій, сдѣлавшійся общимъ въ Московскомъ государствѣ (извѣстенъ особый видъ скорописи—подъяческій, крючковатый), и литовскій, получившій отличный отъ московскаго характеръ [1]).

Въ дипломатикѣ признаками достовѣрности грамотъ служатъ: форма изложенія, знаки (напр. кресты, вмѣсто подписей, какъ въ иностранныхъ, такъ и въ русскихъ актахъ), подписи и печати. Въ Византіи и на Западѣ въ средніе вѣка грамоты то подписывались императорами и королями, то помѣчались ими особыми знаками и монограммами и удостовѣрялись печатями и подписью канцлеровъ или другихъ лицъ. Древнѣйшія русскія грамоты—безъ подписи именъ, и вообще подписи въ то время составляли рѣдкость [2]). Уже позже (съ XV в.) находимъ на жало-

(180—181). Въ XVII в. приказныя дѣла и книги въ Сибири переплетались по азіатски „сумкою", т. е. безъ досокъ, въ холстину (Безсоновъ, Юрій Крижаничъ, Прав. обозр. 1870, № 9, с. 136). О переплетахъ для церковныхъ книгъ (Древнія книги, Срезневскаго, стр. 22—23).

[1]) Въ „Сборникѣ палеогр. снимковъ съ древнихъ актовъ и грамотъ, хран. въ Вилен. центр. арх. и Вилен. публ. библ.", изд. Вилен. археогр. ком. В. I, 1432—1548. В. 1884, съ таблиц.—помѣщены снимки съ 59 актовъ, изъ которыхъ два акта, 1432 г., писаны полууставомъ, слѣдующій за ними актъ XV в. представляетъ полууставъ, близкій къ скорописи, которою писаны всѣ остальные акты. Литовская скоропись (юго-западно-русская) очевидно образовалось подъ вліяніемъ готическаго латинскаго письма (Вѣст. археол., изд. Археол. инстит., II, 88).

[2]) Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ—подлинная грамота вел. кн. Мстислава Владиміровича и сына его новгород. князя Всеволода Мстиславича, данная Юрьеву монастырю, относится къ 1130 г. Палеографич. и дипломатическое описаніе ея сдѣлано м. Евгеніемъ (Труды Общ. исторіи и древн., ч. III, кн. 1, 1—64) и Срезневскимъ (Извѣстія Ак. Наукъ, VIII, 336—360). О подписяхъ визант. императоровъ (красными письменами), патріарховъ, серб. царей (Рус. историч. Библіот., изд. Арх. ком., т. VI, Acta Patriarch., изд. Миклошичемъ, Аѳонскіе акты, Т. Флоринскаго и др.); на Западѣ: см. у Sickel'я, Ficker'а и др., а также Leist: Urkundenlehre и пр.

ванныхъ грамотахъ, особенно великокняжескихъ, помѣты ихъ титула и именъ, но эти подписи до XVIII в. были не собственноручныя, а писаны дьяками (въ XVI—XVII вв. у иностранныхъ писателей они и называются канцлерами[1]), какъ видно изъ разныхъ почерковъ на грамо-

[1]) М. Евгеній (ibid.); Собр. госуд. грам. и догов., т. I; Акты Арх. экспед., т. I. „Въ старину князья *почти никогда* не подписывали актовъ собственноручно, а предоставляли дѣлать это дьякамъ. Подпись эта дѣлалась на оборотѣ столбца, вверху, и состояла обыкновенно изъ означенія сана, имени и отчества жалователя, напр. *князь Юрій Васильевичъ*. Въ подписяхъ *вел. князей* имя и отчество нерѣдко опускалось, такъ что писалось только: *князь великій*. Съ послѣдней четверти XV в. въ слѣдъ за словами „Иванъ Васильевичъ“ попадается прибавленіе: *всея Руси*. Иногда вмѣсто имени князя находимъ имя какого нибудь боярина; но приложеніе послѣднимъ своей *печати* вмѣсто княжеской влекло за собою признаніе грамоты недѣйствительной“ (Мейчикъ, с. 7—8). Мѣсто и время выдачи грамотъ въ этотъ періодъ означались лишь въ видѣ исключенія; тоже наблюдается и въ актахъ частныхъ лицъ; въ грамотахъ же, составлявшихся при митрополичьей каѳедрѣ, время означалось если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ (сс. 9 и 60). Печати на частныхъ актахъ не составляютъ необходимой принадлежности, но онѣ встрѣчаются не рѣдко (60). Объ употребленіи имени „Русь“ (до XV в.) и „Росія“ (съ пол. XVI в.); формъ: *я, мы, вы, ты* въ титулахъ и обращеніи (Буслаевъ, Историч. граммат., I. 5, II, 163, 196—198). См. Альбомъ Погодина; Грамоты о снош. С. З. Рос. съ ганз. городами и др. („Божіею милостію мы вел. кн. Борисъ Александровичъ тверскій“, 1449, Сборн. Муханова, I, 9—12). Относительно подписей большое значеніе, какъ и на Западѣ, имѣла неграмотность князей (Соловьевъ, IV, 349). Заслуживаетъ однако вниманія разсказъ „повѣсти о Митяѣ“, который, желая добиться сана митрополита въ Константинополѣ, выпросилъ у вел. кн. Дмитрія Ивановича грамоту (харатью), имѣющую *подпись и печать вел. князя*, которою и воспользовался потомъ Пименъ (Памятники письма и языка, Срезневскаго, подъ 1379 г.). Упоминаются письменныя свидѣтельства съ подписями русскихъ епископовъ и князей по дѣлу митроп. Романа (Проток. констант. патріарх., Григоровича, № 13; Acta Patr. I, 425; ibid. подъ 1361 г.). Подписи яросл. кн. Семена Ѳедоровича (нач. XV в.), Дмитрія Ивановича (внука Ивана III), Андрея кн. Старицкаго (А. экспед. I, № 15; Ак., относ. до юрид. быта, I, № 36; Альб. Погодина), кн. Андрея Ивановича Елецкаго (XVI в., см. Собр. истор. юридич. актовъ И. Д. Бѣляева, Д. Лебедева, М. 1881, с. 24). О подписяхъ Бориса Годунова (впрочемъ царская сомнительна—Сынъ Отеч. 1850, № 8).

тахъ одного и того же государя [1]). Утвержденіе этого обычая нѣкоторые объясняютъ вліяніемъ восточнаго этикета, почему не сохранилось ни одного автографа даже такого царя-грамотѣя, какимъ былъ Иванъ IV, сочиненія котораго, по всей вѣроятности, были диктованы имъ [2]). Дими-

Другія подписи ограничивались монограммою (Грамоты XIV и XV вв. Моск. арх. мин. юст., Д. Мейчика, 93). Вообще подписи князей требуютъ ограниченія или вызываютъ сомнѣнія (ibid., сс. 7 и 89); подписи дьяковъ также дѣлались иногда монограммою. Снимки подписей Д. Самозванца, Марины, кн. Пожарскаго, Б. Хмельницкаго (Сынъ Отеч. 1823, №№ 1, 2, 12).

[1]) Иногда это обозначается въ грамотахъ на оборотѣ, гдѣ писались подтвержденія актовъ и др. помѣты (А. А экспед. т. I, с. 114, 132, 137, 157, 333).

[2]) Въ Византіи высокопоставленныя лица рѣдко писали что нибудь сами, а диктовали сразу нѣсколько экземпляровъ (В. Ө. Коршъ, Всеобщая исторія литерат., т. II, 545). Принцъ Даніилъ фонъ-Бухау, бывшій въ Россіи въ 1576 г., замѣчаетъ, что какъ царь, такъ и простые люди считаютъ позорнымъ подписываться на письмахъ (Чтен. М. О. ист. 1876, IV, 68).— О письмѣ (будто-бы собственноручномъ) царя Ивана Грознаго къ казан. архіеп. Гурію, писанномъ киноварью (см. Судебникъ, изд. Татищевымъ, 228—31, а также замѣч. м. Евгенія въ Труд. Общ. ист., ч. III, кн. 1, 29). Сомнѣнія о немъ у Карамзина (т. IX, примѣч. 815). Указываютъ на автографъ Ивана Грознаго на образѣ Спасителя, находящемся въ новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ мон., съ надписью: „сему образу молитца царь Іванъ Васильевичъ" (въ фотогр. альбомѣ, принадлеж. Тверскому музею), но здѣсь же замѣчено: „Къ сожалѣнію не удалось отыскать автографа ц. Ивана Васильевича ни въ Рум. муз., ни въ Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ" (Древн. М. Арх. общ., т. VII, в. I, с. 26—27 и примѣч.). Свѣд. о письмахъ, писан. киноварью цар. Мих. Өедоровичемъ и Алексѣемъ Мих (Татищ. ib 233; ср. Опыты Забѣлина, I, 204). О собственноруч. приписках ц. Алексѣя— письма его, изд. Бартеневымъ (стр. 8—9). Собственноручное письмо ц. Алексѣя Мих. къ сестрамъ и приписки (Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова, IV, 79—80; 181—182, 188, 261); собственноручное письмо къ А. И. Матюшкину—о Валкской битвѣ, съ прилож. снимка съ письма (347—348). О собственноручныхъ подписяхъ архіереевъ на ставленныхъ грамотахъ (Перовъ, Исторія епарх. управл. въ XV—XVI вв., Ряз. 1882, 43). Патріаршія подписи на ставленныхъ грамотахъ печатались. Въ описи казны патр. Никона обозначено: „Станокъ, что печатывалъ ставленыя грамоты, вмѣсто подписи патріарховы руки" (Времен. Общ. ист. и древн. рос., кн. XV, с. ш).

трій Самозванецъ первый нарушилъ этотъ обычай и отъ него до насъ дошли автографы писемъ и подписей [1]). Точно также Алексѣй Михайловичъ, нуждаясь въ поддержкѣ Даніи во время войны съ Швеціей, отправилъ къ королю посла „съ грамотою за своею самодержавною рукою" [2]). А отмѣна мѣстничества считалась уже такимъ важнымъ государственнымъ актомъ, что царь Ѳедоръ Алексѣевичъ подписалъ его *собственноручно*, послѣ чего слѣдуетъ рядъ подписей лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ [3]). Петръ В., по возвращеніи изъ перваго заграничнаго путешествія, сталъ самъ подписывать акты, исходящіе отъ верховной власти [4]). Важнѣйшіе государственные акты (соборныя опредѣленія—церковныхъ и земскихъ соборовъ; поручныя грамоты при Иванѣ Грозномъ и т. п.) подписывались присутствовавшими, или, по причинѣ ихъ неграмотности, другими лицами [5]). Въ древнѣйшихъ грамотахъ, вмѣсто рукоприкладства, служили кресты (они ставились въ началѣ, въ концѣ акта и т. п.) и печати, а въ позднѣйшихъ, особенно вкладныхъ и духовныхъ, ихъ замѣняли припискою именъ свидѣтелей или духовныхъ лицъ, бывшихъ при этомъ, или лицъ, писавшихъ акты; знаки также ставились нерѣдко послѣдними. Но изрѣдка встрѣчаются собственноручныя

---

[1]) Снимки древ. рус. печатей, М. 1882, стр. xi; Устряловъ, Сказ. о Дим. Сам., т. II; Собр. госуд. грам. II; Pierling, Rome et Démétrius, P. 1878.

[2]) Соловьевъ, XI, 426. Слѣдовательно замѣчаніе Арцыбашева (VI, 428), а за нимъ и другихъ (Маркевичъ, О мѣстничествѣ, 15), что до приговора объ отмѣнѣ мѣстничества не было примѣра подписей государя на актѣ—невѣрно.

[3]) Собр. госуд. грам. и договоровъ, IV, № 130; Древн. Рос. Вивл., ч. XVII, стр. 422—455.

[4]) Снимки печатей, изд. Моск. глав. арх. мин. иностран. дѣлъ, стр. xi. Государственная печать въ московскій періодъ прилагалась ко всѣмъ актамъ вмѣсто подписи царя. Обозначеніе времени и мѣста выдачи актовъ по событіямъ (Ж. М. Н. Пр. 1885, № 9, с. 128, рец. М. А. Липинскаго на книгу Мейчика; ср. А. Арх. эксп., I, 31; А. истор., I, 25; Рус. ист. Библ. II, № 23).

[5]) Собр. госуд. грам. и догов. т. I, № 155—203; II, № 58—60; III, № 129; IV, №№ 4, 27, 43, 53. Эти указанія могутъ служить также для оцѣнки степени грамотности въ то время (ср. акты Арх. мин. юст. у Маркевича, 511). Рукоприкладства дѣлались въ слѣдъ за подписью думнаго дьяка, но чаще на оборотѣ.

подписи и на древнѣйшихъ актахъ (напр. въ духовной Варлаама Хутынскаго, а потомъ и на другихъ актахъ—духовныхъ лицъ [1]). Что касается числа подлинниковъ и списковъ грамотъ XV ст., замѣчаетъ ихъ изслѣдователь, то его нельзя привести въ точную извѣстность, такъ какъ не всегда возможно утвердительно сказать, представляется ли намъ подлинникъ или списокъ. Для такихъ правительственныхъ актовъ, какъ жалованныя и указныя грамоты, можно еще принять за постоянный признакъ наличность или отсутствіе княжеской печати или слѣдовъ ея. Въ актахъ судебныхъ подлинность не можетъ уже основываться на печатяхъ и требуетъ другихъ данныхъ. Еще менѣе средствъ находится для различія списка отъ подлинника въ актахъ домашнихъ. Когда же списокъ отстоитъ отъ времени написанія подлинника на нѣсколько десятилѣтій или цѣлое столѣтіе, то къ указаннымъ признакамъ присоединяются еще часто палеографическіе, какъ-то бумага, характеръ письма и т. п. При этомъ необходимо имѣть въ виду и отступленія въ соблюденіи формъ, свойственныя переходной эпохѣ [2]).

Не смотря на неопредѣленность формъ дѣлопроизводства, соблюдавшагося въ Боярской думѣ, во второй половинѣ XVII в. выработывается внѣшнее различіе между постановленіями общаго, органическаго характера, и опредѣленіями, относившимися къ частнымъ случаямъ: первыя скрѣплялись „всѣхъ думныхъ дьяковъ руками“, вторыя помѣчались однимъ изъ думныхъ дьяковъ. Различіе между *закрѣпой* и *помѣтой* соотвѣтствовало, до извѣстной степени, современному различію между закономъ и административнымъ распоряженіемъ или судебнымъ рѣшеніемъ, хотя это различіе не всегда соблюдалось [3]).

---

[1]) Труды Общ. ист., ч. III, кн. 139—40: о рукоприкладствѣ. Ср. франц. актъ 971 г. (Bibl. de l'Éc. des Chartes, 1875, т. XXXVI, 442—44); Памятн. рус. яз. и письма, Срезневскаго (снимокъ грамоты); Собр. госуд. грам., I, №№ 41—44, стр. 80 и д. Подписи бояръ и др. лицъ на дѣловыхъ актахъ (Акты юрид. 1838. Собр. формъ старин. дѣлопроизводства съ XIV в. по 1707 г., изд. Археогр. ком., подъ ред. Я. И. Бередникова, съ указат.); Альбомъ Погодина.

[2]) Мейчикъ, стр. 70, 122, 124, 132, 153.

[3]) Ключевскій (Боярская Дума, 434—446). Образцы юридич. формъ: Акты юрид. 1838; Акты, относ. до юрид. быта древней Россіи, 3 т. 1857, 64 и 84 г.

Приказные акты трехъ первыхъ Романовыхъ вполнѣ подтверждаютъ слова Котошихина: „на всякихъ дѣлахъ помѣчаютъ и закрѣпляютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ руки своей не прикладываютъ". Нарушеніе установленныхъ формъ дѣлопроизводства влекло за собою весьма чувствительныя взысканія [1]).

Въ связи съ дипломатической достовѣрностію грамотъ и юридическихъ актовъ стоитъ вопросъ о печатяхъ, которыя имѣли тогда двоякое значеніе—подписей и настоящее свое значеніе. Въ русскихъ извѣстіяхъ о нихъ упоминается уже по поводу договоровъ Игоря и Святослава съ греками. Въ древней Руси употреблялись печати металлическія (свинцовыя, серебряныя, позолоченныя, золотыя и восковыя (отличавшіяся по цвѣту: желтыя, черныя, красныя); но есть подлинныя грамоты (духовныя, договорныя и другія)—безъ печатей [2]).

---

[1]) Случай съ Котошихинымъ за пропускъ въ титулѣ (Соловьевъ, XI, 466, примѣч. 22); съ воеводою кн. Щербатовымъ (Акты историч., III, № 18 и др., IV, № 1, 50). Дипломатическіе споры—хорошо извѣстны. Формы сношеній съ иностран. державами (Древ. Рос. Вивл., т. XVI); Чиновникъ рос. государей, Т. Мальгина, Спб. 1792; соч. М. Капустина и др.

[2]) Весьма важнымъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи можетъ служить образцовое изданіе Собр. госуд. грам. и догов., тт. I—V, со снимками. Въ изданіяхъ Археогр. коммиссіи приложены только описанія. Ср. также: Собр. печатей, изд. Моск. арх. мин. ин. дѣлъ; Зап. Арх. общ., т. VIII, Русская геральдика, А. Б. Лакіера (съ рис.). Сургучныя печати появляются позже, такъ какъ сургучъ вошелъ въ употребленіе въ XVII в. (Leist, 266; Труды Общ. исторіи, ч. III, кн. 1, 43). Описаніе разнаго рода рос. грамотъ, Саларева (Вѣст. Евр. 1819, ч. CIII и CIV). Въ „Истор. и топогр. опис. мужск. общежит. мон. св. чудотв. Николая, что на Пѣшношѣ, сост. по запискамъ К. Ѳ. Калайдовича, М. 1837" (стр. 109—123), напеч. акты XVI в. съ сургуч. (?) красною печатью. Татищевъ въ примѣч. къ Судебнику говоритъ: „Бояре печатали своими печатьми и пошлины брали себѣ, а у государя опредѣленъ былъ печатникъ. Царь Борисъ, усмотря въ томъ коварства, всѣ велѣлъ печатать у печатника, и для того имѣть книги, которыя государеву всякую пользу приносятъ" и пр. (Вл.-Будановъ, Христоматія, изд. 2-е, II, 136, пр. 76). Сургучныя печати на указахъ Петра В., *А. П.* (Арханг. Губ. Вѣд. 1876, № 8; Древ. и Нов. Рос. 1877, III, 93). До 1700 г. въ городахъ употреблялись печати съ разными изображеніями, а съ 1702 г. съ двуглавымъ орломъ (Ж. М. Н. Пр., ч. LXXXIV, смѣсь, 55). Между печатями XIV—XV

Печати прикладывались иногда въ значительномъ числѣ (при новгородскихъ грамотахъ печати привѣшены отъ всѣхъ представителей Новгорода; на духовныхъ опредѣленіяхъ и т. п.); восковыя печати привѣшивались или прикладывались (иногда оба способа встрѣчаются совмѣстно), подъ кустодіею и безъ нея [1]).

Употребленіе опредѣленныхъ хронологическихъ датъ установились не сразу. Такъ, на Западѣ долго употреблялись даты по времени правленія (до пол. IX в.), а затѣмъ, постепенно, входитъ въ употребленіе счетъ отъ Р. Х. Существовали отличія въ обозначеніи праздниковъ, мѣсяцевъ и дней [2]). Въ древнѣйшихъ русскихъ грамотахъ время не обозначалось, а только лица и обстоятельства, при которыхъ совершался актъ. Въ грамотахъ, касающихся сношеній съ ганзейскими городами (Смоленска, Полоцка) весьма рано появляется (XIII в.) дата отъ Р. Х., по западному счету лѣтъ; точно также она встрѣчается на актахъ Литовской Руси [3]), откуда распространяется и на Ма-

---

вв. много античныхъ, вывезенныхъ, по всей вѣроятности, изъ Византіи и изображающихъ, между прочимъ, миѳологическіе сюжеты (замѣчаніе Д. И. Прозоровскаго у Д. М. Мейчика: Грамоты XIV и XV вв., стр. 155; ср. также Изв. И. Р. Арх. общ., т. IV, 255). Правит. печати въ Малороссіи отъ временъ Стефана Баторія до Екатерины II, по матер. Департ. геральдіи, А. Барсукова (К. Стар. 1887, XIX, 90—93). О перстняхъ-печатяхъ— Письма рус. госуд., М. 1848; Опис. старин. царскихъ утварей, П. Савваитова и др. О русской сфрагистикѣ—этюдъ Ф. В. Родзевича (Вѣст. археол., изд. Арх. инст., VI, 207—221).

[1]) Золотыми печатями утверждены грамоты: 1480, данная Иваномъ III крым. царю Менгли-Гирею (Собр. госуд. грам., V, 2); ц. Ивана IV, данная Кучуму, 1571 (ib. II, с. 64); догов. грам. Василія Ивановича съ кор. датскимъ (Ак. экс., I, 341; Снимки, изд. М. арх. мин. ин. дѣлъ, сс. 12, 13, 28, 29, 35). Подробности о прикладываніи печатей см. у Лакіера (99—104).

[2]) Sickel, Acta, I; Études sur la chronologie des rois de France et de Bourgogne d'après les diplômes et les chartes de l'abbaye de Cluny des IX et X siècles, par A. Bruel (Bibl. de l'Éc. des Chartes, 1880, № 1); Étude diplomatique sur les actes passés devant les officialités en XIII siècle, par P. Fournier (ibid. 1879, № 3); Leist, 181—220.

[3]) Грамоты, изд. Напіерскимъ, 1857; А. З. Рос. т. I, 20—21 и д. Собр. госуд. грам., II, №№ 14 и 16; Бѣлорус. Архивъ, I; Отступленія въ рус. актахъ (Востоковъ, Опис. рук. Рум. муз. 116 - 17; Срезневскій, Памят. яз. и пись-

лороссію [1]); но въ Московской Руси въ XIV в. входятъ въ употребленіе даты отъ сотворенія міра [2]) и удерживаются до отмѣны церковнаго лѣтосчисленія при Петрѣ В. [3]).

Въ Литовской Руси грамоты писались во весь листъ поперегъ, на листахъ, перегнутыхъ пополамъ и потомъ сшитыхъ (грамоты здѣсь и назывались *листами)*. Въ формѣ изложенія онѣ отличаются отъ московскихъ (во вступительной части, въ титулѣ, подписяхъ, печатяхъ; подпись (латинская) короля появляется довольно рано [4]). По-

---

ма, 363; Грам. вел. кн. Литов. Кіевъ, 1868). Въ старинныхъ документахъ, напечат. Археогр. ком., подъ заглавіемъ Supplem. ad. hist. Russ. monum., а именно латин., польскихъ и отчасти нѣмецкихъ встрѣчается datum по календамъ, идамъ и нонамъ, а также по седмицамъ, и праздникамъ, по недѣльнымъ днямъ и памятямъ св. римскаго календаря. Для руководства этой хронологіей здѣсь приложена особая таблица, въ которой показаны названія подвижныхъ церк. седмицъ, праздниковъ и недѣльныхъ дней по старому римскому календарю, съ объясненіемъ этихъ названій порусски и попольски (см. с. IX и XIV—XV). Примѣры этого времясчисленія встрѣчаются и въ актахъ, писанныхъ на западно-рус. нарѣчіи (А. Зап. Россіи, I, 23, 26, 30, 44, 57, 121, 189). Опредѣленіе времени „громницами"— (день Срѣтенія, ib. I, № 12, прим. 10).

[1]) Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. IV, стр. 133, 152, 265, 314.

[2]) Сначала въ разнообразномъ видѣ (мѣсяцъ, индиктъ или годъ и т. д., А. историч. т. I; А. Э. I; Собр. госуд. грам., I). Димитрій Самозванецъ въ сношеніяхъ съ Римомъ и Польшею употреблялъ дату отъ Р. Х. (ib. II). На актахъ восточ. патр. и договорѣ съ армян. (XVII в.) выставлены даты отъ Р. Х. и С. М. (Собр. гос. грам., IV, стр. 208, 216; Памятн. Кіев. ком. т. I и II). Въ Западной Руси, впрочемъ, даже въ правительственныхъ актахъ продолжаетъ употребляться дата отъ С. М. (XVI в.—А. З. Россіи, I, 353) и отъ Р. Х. (II, 73 и д.).

[3]) Татищевъ, I, 67.

[4]) О русской дипломатикѣ, статья Д—ча (Даниловича?), на основаніи Лелевеля (Москов. Вѣстникъ 1829, ч. III, 68—82); статья Лелевеля O dyplomatice ruskiej (Dziennik Warszawski, 1826, № 19 и его Polska, t. V, Pozn. 1863, 391—415). О подписяхъ короля и пановъ радныхъ (Собр. гос. грам., III, с. 451, 483, 523; Акты Зап. Рос. и др.). Указываютъ, что въ Польшѣ впервые собственноручно сталъ скрѣплять важнѣйшіе акты кор. Александръ (Книга Посольск. метр. В. Кн. Литовскаго, изд. кн. Оболенскимъ и Даниловичемъ, I, сс. XII и 440); но есть и болѣе ранніе акты.

чти всѣ княжескія грамоты, касавшіяся внутреннихъ дѣлъ Литовскаго княжества, до конца XV в., писались на русскомъ языкѣ. Только съ конца XVI столѣтія, т. е. послѣ Люблинской уніи, попадаются латинскія и польскія. Три изданія Литовскаго Статута писаны на русскомъ языкѣ и Статутъ постановляетъ, чтобы акты для Литовскаго княжества писались на русскомъ языкѣ [1]). Даже польскій король Генрихъ Анжуйскій, незнавшій попольски, выдавалъ свои привилегіи литовцамъ и жмудинамъ на русскомъ языкѣ; Стефанъ Баторій, также незнавшій попольски, но свѣдущій въ латинскомъ языкѣ, началъ было вводить въ Литвѣ юридическую латынь и польскій языкъ, но это не понравилось русскимъ и они просили короля обращаться къ нимъ на русскомъ языкѣ [2]). Въ первой половинѣ XVII в. мы встрѣчаемъ постановленія провинціальныхъ сеймовъ Западной Россіи, направленныя въ защиту русскаго языка, которыя были подтверждены польскимъ правительствомъ. На этомъ языкѣ писаны были въ Литвѣ лѣтописи, уставы, жалованныя грамоты, письма, поученія. Только съ XVI в. западнорусскій языкъ начинаетъ все болѣе усвоивать изъ польскаго языка слова и граматическія формы, а къ концу этого столѣтія встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ правительственныя распоряженія и частныя записи на польскомъ и латинскомъ языкахъ [3]). Точно также литовскіе князья и вельможи употребляли печати съ русскими надписями [4]).

---

[1]) Документы, объясняющіе исторію Западно-русскаго края. Спб. 1865, стр. xxviii. Такія же постановленія находимъ въ актахъ о присоединеніи Волынской и Кіевской земли къ Польшѣ (Vol. Leg. Соч. Н. Д. Иванишева, К. 1876, стр. 389. Впрочемъ ср. Akta grodzkie i ziemskie, t. II, Lwów, 1870). Изданія актовъ см. выше, а также Собр. древн. грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, В. 1843, 2 т.; Собр. древн. грам. и актовъ Минск. губ., М. 1848; Грам., кас. снош. Сѣв. запад. Рос. съ Ригою и Ганз. городами, со снимками. Замѣчанія о сомнительной грамотѣ полоцкаго князя Ярослава Изяславича, м. Евгенія (переписка съ Румянц. стр. 7); Опис. Рум. муз. 116—117; Памятники Срезневскаго 363.

[2]) Акты Зап. Рос. III, № 59 (подпись „Henricus rex", „Sigismundus rex" и т. п.), № 64, примѣч. 8.

[3]) Сочин. Н. Д. Иванишева, 389—394. Ср. Судьбы русскаго языка въ Литвѣ и на Жмуди, Ив. Козловскаго (Вѣст. Зап. Рос. 1869, №№ 10 и 11).

[4]) Лелевель, ib; изслѣд. Фоссберга: Siegel des Mittelalters von Polen,

При той важности, какую получаютъ матеріалы, удовлетворяющіе требованіямъ дипломатики [1]), считаемъ необходимымъ коснуться здѣсь самаго порядка ихъ изданій. Правда и на Западѣ не существуетъ на этотъ счетъ строго установившихся правилъ, какъ это можно судить по многочисленнымъ собраніямъ памятниковъ, изданныхъ правительственными коммиссіями, учеными обществами и отдѣльными учеными. Между тѣмъ какъ редакторы нѣмецкаго и французскаго собранія памятниковъ придерживаются въ нихъ строго хронологическаго порядка, итальянскіе и особенно англійскіе ученые не придаютъ хронологіи почти никакого значенія; точно также и въ отношеніи хронологическаго порядка не существуетъ одинаковаго опредѣленнаго мнѣнія: одни распредѣляютъ памятники по эпохамъ правленія цѣлыхъ династій, другіе по времени правленія отдѣльныхъ королей. Такое же разнообразіе замѣчается относительно введеній, историческихъ, филологическихъ, географическихъ и хронологическихъ объясненій; но еще большее разнообразіе бросается въ глаза въ частныхъ провинціальныхъ сборникахъ [2]). Не меньшимъ разнообразіемъ страдаютъ и русскія изданія памятниковъ, въ такомъ обиліи выходящія въ трудахъ Археогр. коммиссіи, ученыхъ обществъ и мѣстныхъ архивныхъ коммиссій.

Но если подобный порядокъ въ столь важномъ и повидимому общемъ дѣлѣ является какъ бы неизбѣжнымъ, то все таки западная наука можетъ указать и рядъ такихъ ученыхъ изданій историческихъ памятниковъ, въ которыхъ стараются соблюсти требованія, выработанныя наукою въ послѣднее время. Такъ, предварительно печатанія грамотъ, признаютъ необходимымъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ данной эпохѣ, распредѣлить на основаніи исторической цѣнности каждаго документа (подлинныя, искаженныя позднѣйшими вставками, которыя и отмѣчаются особымъ шрифтомъ, несомнѣнно под-

---

Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Berl. 1854, съ 25 таблиц.; Литов. Стат. изд. Дзялынскимъ, Позн. 1841. Замѣтка кн. Оболенскаго (Москвитян. 1854, т. VI, 25—26); Кёне (Зап. Арх. общ., т. V, 108—112).

[1]) Монографич. работы учениковъ Ранке въ Jahrbücher des Deutschen Reichs, а также труды Вайца, Зиккеля, Симсона и др.

[2]) См. Опыты систем. обработки историч. критики, Ѳ. Я. Фортинскаго (Унив. Изв. 1884, № 8 и отд., с. 3—6).

ложныя), обозначить въ заголовкахъ содержаніе и дату грамоты по настоящему счету, снабдить каждую грамоту примѣчаніями о рукописяхъ и литературѣ, съ обозначеніемъ оригиналовъ и списковъ, мѣста храненія документа и т. п., изданія грамоты въ полномъ видѣ или въ извлеченіи, причемъ въ основаніе всегда полагается оригиналъ, а изъ копій—самая древняя, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей текста и т. п. и указаніемъ варіантовъ. Въ Éc. des chartes, при печатаніи грамотъ, рекомендуется подробно отмѣчать въ заголовкѣ какъ юридическое содержаніе ихъ, такъ и всѣ историческія обстоятельства, т. е. всѣ названія лицъ и мѣстъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, подробное обозначеніе условій, при которыхъ составленъ актъ, даты времени и мѣста и т. п., что̀ значительно облегчаетъ справки и ходъ работы. При перепечаткѣ документа считается необходимымъ провѣрить текстъ по оригиналу или списку и сдѣлать указаніе на подобную провѣрку, а также указать, есть ли болѣе раннія изданія; есть ли при грамотѣ печать и нѣтъ ли какой нибудь подписи. Изданія сопровождаются подробными указателями: лицъ, географическихъ названій, предметовъ и особенно замѣчательныхъ словъ. Не менѣе важно и то обстоятельство, что рядомъ съ изданіемъ сборниковъ документовъ идутъ сборники мелкихъ критическихъ работъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ изданнымъ матеріаламъ (въ родѣ напр. Forschungen zur deutschen Geschichte [1]).

Русскія изданія актовъ въ этомъ отношеніи заставляютъ желать весьма многаго. При печатаніи ихъ большими серіями (даже въ хронологическомъ порядкѣ) не видно особенной заботливости сосредоточить весь матеріалъ въ одномъ мѣстѣ, выдѣлить чисто юридическій актъ отъ историческаго, провѣрить, былъ ли изданъ уже печатаемый матеріалъ или нѣтъ, соединить въ одномъ сборникѣ и болѣе важные изъ напечатанныхъ документовъ (существованіе подобныхъ матеріа-

---

[1]) Ср. Monumenta Germaniae historica, рец. Ѳ. Я. Фортинскаго (Унив. Изв. 1880, № 3); Bremisches Urkundenbuch etc., его же (ib. 1874, № 7); Jahrbücher des Fränkischen Reichs unter Ludwig dem Frommen v. Bernh. Simson, его же (ib. 1874, № 6). Литературу изданій актовъ см. Bernheim, 382—390; правила для изданій, 311—313.

ловъ въ малодоступныхъ изданіяхъ остается часто совершенно неизвѣстнымъ для издателей), отъ чего даже въ спеціальныхъ сборникахъ (какъ напр. Акты юж. и зап. Россіи) является необходимость издавать не менѣе обширные дополнительные томы (какъ напр. акты, изд. Карповымъ въ дополн. къ актамъ, напеч. Костомаровымъ), а нерѣдко печатаемые матеріалы выдаются за новые, хотя бы они были уже давно изданы. Обстоятельныя примѣчанія или указатели не всегда признаются необходимыми. При этомъ нельзя не пожалѣть, что предпринятое было Арх. ком. обозрѣніе всѣхъ изданій, въ которыхъ помѣщены акты (какъ матеріалъ болѣе мелкій и легко ускользающій отъ вниманія изслѣдователя и издателя), не было доведено до конца (см. ниже). О печатаніи матеріаловъ въ историческихъ журналахъ, какъ неизданныхъ, нечего и говорить. „По странному стеченію обстоятельствъ, замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ архивистовъ, въ то время, когда снаряжена была цѣлая экспедиція, объѣзжавшая самые отдаленные края Россіи, съ цѣлью отысканія старинныхъ памятниковъ письменности, богатѣйшее хранилище грамотъ, находившееся въ первопрестольной столицѣ, оставлено было безъ вниманія, такъ что и теперь число древнѣйшихъ актовъ, попавшихъ въ печать непосредственно изъ архива (мин. юст.), очень еще не велико (въ немъ же хранится до 15000 актовъ архива старыхъ дѣлъ). По нашему разсчету, въ печатныхъ изданіяхъ можно отыскать всего до 80 грамотъ, содержаніе которыхъ совпадаетъ съ имѣющимся въ архивѣ, *но большая часть ихъ заимствована изъ другихъ источниковъ*, т. е. частныхъ или публичныхъ библіотекъ и архивовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти послѣдніе имѣли полное право на предпочтительное вниманіе.... Иной разъ и позднѣйшій списокъ получаетъ значеніе даже при существованіи стараго, поврежденнаго подлинника (примѣръ въ Акт. юрид.). Съ другой стороны, не мало отпечатано грамотъ съ позднѣйшихъ и часто сильно поврежденныхъ или искаженныхъ списковъ, тогда какъ въ архивѣ имѣются подлинники (какъ напр. важный актъ 10 марта 1462 г.,—въ Акт. Арх. эксп., отнесенный къ 1494 г. и имѣющій особенное значеніе для разъясненія отношеній между судомъ боярскимъ и великокняжескимъ). Общее число грамотъ, относящихся къ XIV и XV в. нынѣ не многимъ превышаетъ цифру 300“ [1]). Въ прежнее время даже важные акты издавались не-

[1]) Грамоты XIV и XV вв. Моск. арх. мин. юст. Изслѣд. Д. М. Мей-

брежно[1]), а касающіеся церковныхъ вопросовъ—съ умышленными пропусками[2]). Такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ потребуется переизданіе основныхъ сборниковъ этого рода матеріаловъ, которое удовлетворяло бы новымъ требованіямъ и снабжено было примѣчаніями и указателями.

Извѣстно, что вопросъ о достовѣрности юридическихъ актовъ возбудилъ на Западѣ интересъ къ палеографическимъ изслѣдованіямъ. Поводомъ къ тому послужили споръ между г. Триромъ и аббатствомъ св. Максимина, возникшій въ XVI в., о поддѣлкѣ грамоты, выданной монахами за грамоту Дагоберта, а также другіе подобные случаи. Съ тѣхъ поръ поле палеографическихъ работъ значительно расширилось: съ 1643 г. *болландисты* (іезуиты І. Болландъ, Д. Папеброхъ и др. въ Антверпенѣ, а потомъ въ Брюсселѣ[3]) стали издавать Acta Sanctorum съ учеными объясненіями; затѣмъ появляются во Франціи труды бенедиктинца Ж. Мабильона (по дипломатикѣ) и византиста Дюканжа[4]); такъ что въ теченіе первой половины XVIII в. могли быть изданы уже труды по греко-византійской и ново-латинской палеографіи Б. Монфокона и другихъ *бенедиктинцевъ*. Въ это время ни одна часть палеографическаго изученія древностей, какъ древней, такъ и новой Европы, не была оставлена забы-

---

чика, М. 1883, с. 151—152. Существенныя дополненія къ этому труду представляетъ рецензія М. А. Липинскаго (Ж. М. Н. Пр. 1885, № 9, стр. 122—157).

[1]) Такъ, по поводу небрежно напечатаннаго Археогр. ком. „дѣла Романовыхъ" (при Борисѣ Годуновѣ), Н. М. Павловъ замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію, это дѣло допущено въ печать съ великими пропусками, во многихъ мѣстахъ поставлены многоточія съ лаконическою надписью: „за ветхостью не разобрано", а между тѣмъ не безъизвѣстно, что особенныхъ ветхостей нигдѣ нѣтъ" (Правда о Лжедимитріѣ, Р. Арх. 1886, II, 530; ср. Акты историч., II, прим. 6 и замѣч. К. Н. Бестужева-Рюмина въ его „Обзорѣ", Ж. М. Н. Пр. 1887, № 7, с. 93).

[2]) Строевъ, Барсукова, 44.

[3]) О болландистахъ см. статью G. T. Stockes въ The Contemporary Review (1883, янв.).

[4]) О Дюканжѣ — въ трудѣ В. Г. Васильевскаго: „Обозр. трудовъ по визант. исторіи". В. I, Спб. 1890 (гл. 2-я, изъ Ж. М. Н. Пр. 1887—89).

тою: свитки, книги, грамоты, монеты, медали, печати, надписи. Все это подробно описывалось и представлялось въ рисункахъ. Наконецъ появляются труды нѣмецкихъ ученыхъ: Гаттерера, Грубера, Шёнемана и многихъ другихъ [1]).

Возникновеніе русской палеографіи восходитъ лишь къ началу настоящаго столѣтія [2]), первые опыты въ которой были сдѣланы А. Н. Оленинымъ въ его разборѣ надписи, помѣщенной на тмутараканскомъ камнѣ, причемъ была принята имъ во вниманіе древность письма и матеріала [3]). Благодаря его вызову появились труды художника А. И. Ермолаева (хранятся въ Имп. Публ. библ.), посвященные археологическому путешествію его по Россіи въ 1809 и 1810 гг. За тѣмъ идутъ: капитальный въ этомъ отношеніи трудъ Карамзина, изданія графа Румянцова, Общ. ист. и древностей россійск., м. Евгенія, Востокова, К. Ѳ. Калайдовича, П. И. Кеппена, Берха, Тимковскаго, Д. Н. Дубенскаго [4]), Погодина,

---

[1]) Перечень литературы см. въ соч. Смедта, Лейста и Бернгейма.

[2]) Шлецеръ въ своемъ Несторѣ (1802 г.) намѣтилъ уже главные вопросы въ этой области (т. I, введ., отд. ш); но и въ 1817 г. м. Евгеній—этотъ „русскій неутомимый бенедиктинецъ", по справедливому выраженію Погодина,—скорбѣлъ еще о томъ, что въ Россіи нѣтъ надлежащей палеографіи (Переписка съ Румянц., с. 9).

[3]) Письмо къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмуторокансқомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 г. Въ градѣ св. Петра. 1806. Съ рисунк. монеты Ярослава (Ярославле съребро) и снимк. рукоп. XI—XV вв.; ср. Изслѣд. тмутараканскаго камня съ русскою надписью, Г. Спасскаго (Отеч. Зап., т. XXXVI); Нѣчто о тмутаракан. камнѣ, П. Кеппена (Записки и труды Общ. ист. и древн. 1830, V, 300—301). Оленину были извѣстны и французскіе труды, заслуживавшіе предпочтенія передъ современными нѣмецкими (Ж. М. Н. Пр. 1867, № 1, стр. 85; Славяно-рус. палеогр., И. Срезневскаго, Спб. 1885, с. 9).

[4]) Въ 1818 г. появился разборъ древнѣйшей изъ уцѣлѣвшихъ русскихъ подлинныхъ грамотъ, Юрьевской (1130), сдѣланный преосв. Евгеніемъ (Вѣст. Евр. 1818, № 15—16 и въ Труд. М. Общ. ист. 1826, ч. III, кн. 1). „Явленіе очень важное по времени, первый дипломатико-палеографическій разборъ дипломатическаго акта русскаго со снимкомъ", замѣчаетъ Срезневскій (Ж. М. Н. Пр. 1867, № 1, стр. 87—88; также Славянорус. палеогр. XI—XIV в., сс. 12 и 148). „Первое точное изданіе памятниковъ при-

П. М. Строева, Я. И. Бередникова, Археографич. коммиссіи, Академіи Наукъ (Извѣстія и Ученыя Записки), археологическихъ обществъ, археолога-художника Ѳ. Г. Солнцева (въ Древн. Рос. госуд. по повел. импер. Николая, 6 том. текста и 6 фол. рисунковъ, литохроміей, 1849—1853), Бодянскаго, Срезневскаго, И. М. Снегирева, А. В. Горскаго, К. И. Невоструева, Калачова (сводный текстъ Русской правды), А. Д. Черткова[1]), Рейхеля, Шодуара, Сахарова, Шуберта, Куника, Д. П. Сонцова, гр. И. И. Толстого (со снимками монетъ) и др. Не менѣе извѣстны частные собиратели древностей и рукописей (Царскій, Ундольскій, Карабановъ, Сахаровъ, гр. А. С. Уваровъ и др.) и спеціальныя изданія (Христіанскія Древности, В. Прохорова, Достопамятности Москвы, Тромонина, Сборникъ Муханова со снимками, гдѣ помѣщено значительное количество западно-русскихъ актовъ). Въ послѣднее время проявилась дѣятельность мѣстныхъ музеевъ, историческихъ обществъ, археологическихъ съѣздовъ и ученыхъ архивныхъ коммиссій.

Для ознакомленія съ палеографіей весьма важны образцы сводныхъ азбукъ по памятникамъ и снимки послѣднихъ по вѣкамъ: таковы „Образцы славяно-рус. древлеписанія“ (М. 1840—41 г.[2]) и

надлежитъ Дубенскому“ (Срезневскій, Труды П-го Арх. с., I, 10); „Тимковскій далъ образецъ настоящаго критическаго изданія лѣтописей“ (Полѣновъ, Обозр. лѣт. с. 105). Преподавателю Моск. унив. М. С. Гастеву принадлежитъ „Дипломатика“ въ 2-хъ большихъ томахъ, со множествомъ рисунковъ, оставшаяся въ рукописи (Словарь проф. Моск. унив., I, 483).

[1]) „Чертковымъ начался рядъ нашихъ ученыхъ нумизматовъ“ (Срезневскій, Славян. палеогр., Ж. М. Н. Пр. 1867, № 1, стр. 107; отд. изд. с. 27).

Весьма важны также снимки съ печатей. Сюда относятся: Сборникъ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и юридическимъ актамъ, хранящ. въ Моск. арх. мин. юстиціи, издан. П. И. Ивановымъ. М. 1856; снимки съ печатей, помѣщен. въ Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. I—V; Снимки съ печатей, изд. ком. при Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ (его коллек.), В. I. 1882. Замѣчанія на сборн. Иванова въ Чтен. М. О. И. 1859, кн. I (С. Гаврилова). Собр. русскихъ медалей, изд. Археогр. ком., 5 вв. съ прибавл.

[2]) Изъ 44 снимковъ, помѣщенныхъ здѣсь, древнѣйшій, по мнѣнію Шафарика, относится къ 800—950 г., позднѣйшій же къ началу XVIII стол.

„Историческій альбомъ" (1837 и 1853), Погодина, „Палеографическіе снимки" съ грамотъ, Сахарова (1841, 27 листовъ) и снимки съ рукописей XII—XVIII в. гр. Ѳ. А. Толстого (при опис. его рукописей), „Сборникъ палеографическихъ снимковъ", П. И. Иванова (М. 1844), „Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи славянскихъ письменъ" (М. 1855, 16 лист.), Буслаева—образцовое изданіе въ этомъ родѣ; снимки къ соч. Бодянскаго—„О времени происхожденія славянскихъ письменъ" (М. 1855), „Памятники московскихъ древностей" Снегирева, „Описаніе русскаго музея Карабанова", Г. Филимонова, „Остромирово Евангеліе", Востокова, палеографическіе снимки еп. Саввы[1]), факсимиле рукописей, изданные въ послѣднее время Обществомъ любителей древней письменности (между прочимъ: „Изборникъ Святослава", славян. переводъ „Хронографа Г. Амартола" и др.). Образцы азбукъ были напечатаны Оленинымъ, Ивановымъ, Кеппеномъ (Бюллет. Ак. Наукъ), Сахаровымъ (съ печатей и монетъ), Буслаевымъ, Лелевелемъ (алфавитъ изъ рус. грамотъ XII—XV в., см. выше стр. 116*[2]). Недавно изданы (Г. В. Есиповымъ): Азбука XVII

---

[1]) Палеографическіе снимки съ греч. и славян. рукоп. Москов. синод. библ. VI—XVII в. (62 снимка), Саввы еписк. можайскаго (нынѣ архіеп. тверскаго), М. 1863. Въ этомъ изданіи на 8 таблиц. помѣщены славян. алфавиты разныхъ вѣковъ. Снимки, какъ и у Буслаева, работы Шелковникова. Также см. труды арх. Амфилохія. О палеографич. трудахъ у западныхъ славянъ (Срезневскій, ib. 111—115; въ отд. изд., сс. 37—41).

[2]) Болѣе подробный перечень трудовъ по палеографіи см. у Срезневскаго (Славяно-русская палеографія и Труды II-го Арх. съѣзда, т. I); Погодина (Судьбы археологіи въ Россіи, Ж. М. Н. Пр. ч. CXLV—VI и Труды I-го Археол. съѣзда, т. I). Ср. также: Палеографич. изслѣд. памятниковъ русской древности, Срезневскаго (Изв. Ак., Н., т. VI); Древніе памятники русскаго языка и письма X—XIV в. Приложеніе: снимки съ памятниковъ. Спб. 1866 (40 листовъ снимковъ); Палеогр. снимокъ текста „Русской правды" по новгород. Кормчей XIII в., скопир. подъ руковод. И. И. Срезневскаго, Спб. 1888. Ундольскому принадлежитъ начало обширнаго труда: „Опытъ палеографіи", неизданный въ свѣтъ (хран. въ Румянц. муз.) и „Собраніе палеографич. снимковъ съ славян. рукоп. XI—XVII в.", принадлежащихъ извѣстнымъ московскимъ библіотекамъ, также неизданное (Котляревскій, Библіолог. опытъ, 81).

в., съ образцовъ скорописи того времени (1875); Тетрадь для упражненія въ чтеніи рукописей, М. Овчинниковымъ (М. 1887, 3-е изд., 63 стр.) и Азбука XVII стол., изд. Археол. институтомъ (Спб. 1889).—азбука, снимки отдѣльныхъ словъ, цифръ, старинныхъ грамотъ, объясненія и чтенія отдѣльныхъ словъ и снимковъ; азбука и образцы почерковъ малорос. актовъ, изд. Харьк. ист. филол. обществомъ.

Палеографическое и дипломатическое изученіе памятникомъ способствуетъ разпознаванію подлинности и времени появленія историческаго матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаетъ изслѣдованіе его исторической достовѣрности. Такъ, И. И. Срезневскій, на основаніи сходнаго начертанія буквъ кириллицы съ греческими буквами IX и VIII вв., пришелъ къ убѣжденію, что св. Кириллъ сохранилъ тѣ буквы, которыя были до него въ употребленіи [1]); такъ, по начертанію буквъ на тмутараканскомъ камнѣ опредѣлена Оленинымъ его достовѣрность, и такимъ образомъ устраняется сомнѣніе о мѣстности Тмутаракани, бывшей предметомъ споровъ [2]). Подобной же участи подвергалась запись на камнѣ при крестѣ въ Юрьевѣ Польскомъ (XIII в. [3]). Догадываясь, что въ договорной грамотѣ Святослава могла быть употреблена глаголица, Срезневскій сдѣлалъ весьма важныя поправки въ чтеніи: вмѣсто „всякимъ царемъ"—„Іонъмъ царемъ" (Іоанна Цимисхія) и хронологическихъ датахъ (принявъ цифры по глаголическому алфавиту вмѣсто кирилловскаго [4]). Не менѣе суще-

---

[1]) Труды I-го Археологическаго съѣзда. Исторію вопроса о кириллицѣ и глаголицѣ см. въ Библіологич. опытѣ Котляревскаго, 189—210; О памятникахъ съ рунич. надписями, находящимися на югѣ Россіи, П. Бурачкова—о глаголитѣ (Зап. Од. общ. ист., IX, 191—199).

[2]) Письмо Оленина къ Мусину-Пушкину 1806, съ листомъ снимковъ съ рукописей XI—XV вв.

[3]) Свѣдѣн. о малоизв. и неизвѣстн. памятн., Срезневскаго, I. № I.

[4]) Слѣды глаголицы въ памятникахъ X вѣка (Изв. Ак. Наукъ VII, 337—352), а также списки договора Игоря у Татищева (ib., 367 и Извѣстія Археол. общ., I, 359—372). На томъ же основаніи были сдѣланы поправки въ датѣ и именахъ русскихъ пословъ въ грамотѣ Игоря (ibid.). Глаголицей же Бодянскій объяснялъ хронологическую ошибку о вѣкѣ Кирилла и Меѳодія (7-го вмѣсто 9-го) въ „похвальномъ словѣ" имъ (Отчетъ о присужд.

ственная поправка была сдѣлана относительно чтенія разсказа лѣтописи о Якунѣ: „и бѣ Якунъ сь лѣпъ" вм. „сьлѣпъ" въ Лаврентьевскомъ спискѣ, съ пропускомъ ь въ послѣднемъ словѣ [1]), совершенно измѣняющая представленіе объ этомъ лицѣ. Палеографическія показанія современниковъ открытія рукописи „Слова о полку Игоревѣ"—даютъ возможность точнѣе опредѣлить вѣкъ погибшей рукописи [2]). Укажемъ также на существующія мнѣнія о чтеніи имени одного изъ мастеровъ, прибывшихъ въ Россію въ 1490 г., и родѣ его художества [3]); на ошибку въ чтеніи на монетѣ слова Игорь вмѣсто государь и т. п. Сличеніе автографа на книгѣ Василія Великаго, подаренной въ Дермани кн. К. К. Острожскимъ Григорію Отрепьеву и его спутникамъ Варлааму и Мисаилу, принадлежащаго первому изъ нихъ, съ автографами Самозванца, въ извѣстной степени можетъ способствовать разъясненію вопроса объ отношеніи Отрепьева къ личности Самозванца; такъ какъ автографы подписей послѣдняго едвали могутъ быть признаны тождественными съ указан-

---

наградъ гр. Уварова, 1864, сс. 75—77). „Какими именно письменами написаны были славянскіе переводы греческихъ грамотъ (договоровъ) опредѣлительно сказать нельзя, но нельзя опустить изъ виду и того, что нѣкоторыя трудныя мѣста въ спискахъ нельзя, кажется, рѣшить *безъ пособія глаголицы*.... Изъ этого впрочемъ еще нельзя заключать, что первый списокъ (въ грамотѣ Святослава) былъ написанъ только глаголицей, а развѣ лишь и глаголицей. Замѣтимъ, что въ русскихъ памятникахъ XI в. и кромѣ этого есть глаголическія буквы, употребляемыя промежду кирилловскими" (Срезневскій, Слав. палеогр., 98). Ср. О названіяхъ славянскихъ буквъ, Д. Прозоровскаго (Вѣст. Арх. инст., VII, 63—82); Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы, съ 2 табл. греч. и славян. алфав., Д. Ѳ. Бѣляева, Каз. 1886, стр. 84.

[1]) О слѣпотѣ Якуна и его златотканной лудѣ, критико-филологич. изслѣд. Н. Ламбина (Ж. М. Н. Пр. 1858 г., ч. XCVIII, стр. 33—58). Въ Ипат. спискѣ 2 изд. (1871 г.) Арх. ком. сохранено прежнее чтеніе (104); но въ послѣднемъ изданіи Лаврент. списка (1872) чтеніе это уже исправлено.

[2]) Слово о полку Игоревѣ, изслѣд. Всев. Миллера, 145—147, 160—161.

[3]) Зам. Кн. М. А. Оболенскаго (Времен. Моск. Общ. ист., кн. III и XV) и Забѣлина (Отеч. Зап. 1850 г., № 12, критика, 45—46)—о чтеніи Спаситель или списатель.

ною книжною записью[1]). Въ свое время Шлецеръ замѣтилъ, что честь королевы Бланки подвергалась опасности отъ одного разнословія, а савойскіе герцоги думали, что происходятъ отъ Витикинда, потому что переписчикъ ошибкою поставилъ Sassonia вмѣсто Savogia[2]).

Есть внѣшнія особености, дающія возможность заключать о времени происхожденія манускрипта. Таковы водяные знаки на бумагѣ[3]); знаки на старинныхъ документахъ, употреблявшіеся вмѣсто

---

[1]) Записки Археол. общ., т. VIII; Rome et Démétrius, par le p. Pierling.

[2]) Несторъ, I, стр. VIII—IX. Такого же свойства разногласіе между Дройзеномъ и Ширреномъ о частицѣ mit и nit (nicht) на меморіалѣ прус. короля (1713 г.) относительно присоединенія Лифляндіи къ Россіи. Ср. еще Bernheim, стр. 402 (о важности мѣстныхъ отличій въ языкѣ).

[3]) Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ или способъ узнавать на бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи. Соч. Ивана Лаптева (вологодскаго купца). Спб. 1824 (съ 28 таблицами).

Изъясненіе знаковъ видимыхъ на писчей бумагѣ, посредствомъ которыхъ можно узнавать, когда написаны или напечатаны какія либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другія старинныя и нестаринныя дѣла, на которыхъ не означено годовъ. М. 1844. К. Тромонина (художника-археолога), съ 130 таблиц., изъ коихъ 16 заимствованы изъ франц. изданія Jansen'a, а остальныя сняты съ рукописей и старопечатныхъ русскихъ книгъ (впрочемъ выбраны не достаточно критически). „Тромонинъ въ своемъ обширномъ собр. водяныхъ знаковъ наполнилъ XIV и XV вв. матеріаламъ, взятымъ изъ иностранныхъ изданій......Для XIV стол. богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи хранится въ Госуд. древлехранилищѣ, вновь соединенномъ съ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, а для XV в. въ Моск. арх. мин. юст. У одного любителя древности имѣется до 700 водяныхъ знаковъ, снятыхъ именно съ грамотъ Моск. арх. м. юст., изъ которыхъ около 60 относится къ XV в. и между ними много такихъ, которые вовсе неизвѣстны изъ прежнихъ изданій Лаптева и Тромонина" (Мейчикъ, 153—154). „Если бы удалось въ точности установить послѣдовательную смѣну водяныхъ знаковъ во времени, то они, по своей конкретности, были бы самымъ удобнымъ способомъ для опредѣленія возраста бумажныхъ рукописей" (ib. 154). Относительно употребленія знаковъ см. Luchsá: Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift за 1866, Bresl.; Wattenbach, Schriftwesen des Mittelaleters, Leipzig, 1876. Водяные знаки служать также указаніемъ, откуда и какимъ путемъ Россія получала бумагу для письма и печати.

подписей неграмотныхъ лицъ и т. п.[1]). Кн. М. А. Оболенскій, завѣдывавшій Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, высказалъ мнѣніе, что княжескія жалованныя и духовныя грамоты въ монгольскій періодъ утверждались въ ханскихъ канцеляріяхъ, причемъ на нихъ дѣлались особыя помѣты[2]).

Въ средніе вѣка было въ обычаѣ составлять подложные акты и житія; этимъ преимущественно пользовалось духовенство, но также и города, для подтвержденія своихъ привилегій и правъ[3]). Въ по-

---

[1]) О знакахъ, замѣнявшихъ подписи въ древ. Россіи, П. Иванова (Изв. И. Археол. общ., т. II, 102—111); Юридическіе знаки, П. Ефименка Ж. М. Н. Пр., чч. CLXXV и CLXXVI, съ прилож. снимковъ). Ср. Знаки собственности въ Россіи. Ист. археол. очеркъ. Каз. 1886, 227+80.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1859, CI, о засѣд. восточ. отд. Импер. Арх. общ. 26 февр. 1859 г.; Извѣстія Арх. общ., т. II, 22—24. А. А. Бобровниковъ сдѣлалъ однако существенное ограниченіе въ этомъ отношеніи (ib., III, 19—29). Къ духов. грам. Ивана Даниловича Калиты 1328 г., пис. на пергаменѣ, сверхъ княж. серебр. позолоч. печати, привѣшена другая, свинцовая, повидимому татарская печать (Собр. госуд. гр., I, с. 33—35).

[3]) Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Berl. 1874, II B., S. 60; Bremisches Urkundenbuch, v. Ehmck und Bippen. Реценз. этого изданія Ѳ. Я. Фортинскаго (Унив. Изв. 1874, № 7). Въ русскихъ лѣтописяхъ есть раннее указаніе на употребленіе подложныхъ грамотъ (Ипатьев. лѣт. подъ 6680 годомъ). О подложной уставной грамотѣ Новгорода, въ которой шла рѣчь о его вольностяхъ, уничтоженной Иваномъ III, упоминаетъ Татищевъ (II, 424). О подложной грамотѣ, составленной отъ имени Ивана Грознаго Собакиными (Ак. Историч., I, 395). Въ грамотѣ вост. патріарховъ о царскомъ титулѣ 1561 г.—сдѣлана подчистка и написана въ Россіи строка по подчищенному (см. стр. 392, прим.). Объ актахъ, касающихся закрѣпощенія крестьянъ, принимаемыхъ въ томъ или другомъ смыслѣ,—см. мнѣнія Погодина, Бѣляева, Костомарова, Владимірскаго-Буданова.

Указаніе на подложность церковныхъ жалован. грамотъ въ Россіи находимъ въ соч. XVI вѣка: „О неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами“ (Чт. М. О. И. 1859, кн. III). Вспомнимъ также пренія на Стоглав. соборѣ; споры о церковн. уставахъ Владиміра св. и Ярослава I и др., начиная отъ Татищева до Голубинскаго включительно. Подлинность устава Владиміра св. въ послѣднее время поддерживалъ проф. А. С. Павловъ (Шмурло, VIII Арх.

добныхъ случаяхъ необходимо обращать вниманіе на хронологію документа, на имена, упоминаемыя въ немъ (иногда умершія лица называются какъ живыя), на соотвѣтствіе указанныхъ должностей, на современныя событія, на характеръ письма сравнительно съ другими современными манускриптами и т. п. особенности памятника, а равно на соблюденіе всѣхъ формъ, требуемыхъ тогдашнею дипломатикою. Такъ, грамота Ивана Ростиславича Берладника (1134), „удѣльнаго князя Галицкаго стола въ Берладѣ", возбуждаетъ сомнѣніе между прочимъ потому, что годъ на ней обозначенъ отъ Р. Х., а не отъ С. М.[1]). Карамзинъ обстоятельно доказываетъ подложность двухъ грамотъ Льва Даниловича Галицкаго, на основаніи историческихъ и дипломатическихъ соображеній[2]). Подлож-

съѣздъ, 48—49); сомнѣнія относительно грамоты западно-русскихъ епископовъ къ папѣ Сиксту IV съ изъявленіемъ покорности (XV в.), обнародованной въ 1605 г. митр. Ипатіемъ Поцѣемъ (Ак. Зап. Рос., IV, № 164; Макарій, IX, 43—63; Кояловичъ, Литов. церк. унія, I, 19—22; И. Чистовичъ, Ист. зап. рус. церкви, I, 137).

Грамоту, данную Всеволодомъ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ нѣкоторые признаютъ древнею, но мнимою (Голубинскій, I, 411). Иначе смотритъ на эту грамоту Соловьевъ (II, пр. 166). О подложныхъ грамотахъ: Андрея Боголюбскаго Кіево-печерскому мон. (Макарій III, 29—31) и Димитрія Донскаго Сергіеву мон. (Лѣт. зан. Арх. ком., в. VII, 139—175, ст. іером. Арсенія). Копія съ грамоты вел. кн. Олега Ингваревича Рязанскаго, 23 нояб. 1257 г. признается поддѣльною (Карамз., IV, пр. 90; см. ниже, стр. 394). О поддѣльныхъ хрисовулахъ на Аѳонской горѣ (отчетъ Ламброса, рец. Дестунина Ж. М. Н. Пр. 1881, № 2, с. 161). Въ „Русск. лѣт.", изд. Львовымъ (III, 199) читаемъ: „Тое же зимы (1488) архим. чудовскаго били въ торгу кнутьемъ и Ухтомскаго князя и Хомутова, про то, что сдѣлали грамоту на землю послѣ кн. Андрея Васил. вологодскаго кончины, въ коей написали, яко бы Андрей далъ к Спасову монастырю на Каменное."

[1]) Рус. ист. Б.-Рюмина, I, стр. 16. Галицкій „Науковый сборникъ", I, 1865, въ статьѣ Петрушевича: „Было ли два Галича" (38—39). Н. П. Дашкевичъ стоитъ за ея подлинность (Даніилъ Галицкій, 74); А. И. Соболевскій, напротивъ, поддерживаетъ ея подложность (VIII Арх. съѣздъ, Е. Ф. Шмурло, 50).

[2]) Ист. госуд. Рос., IV, примѣч. 203. Срезневскій признаетъ критику его въ этомъ случаѣ образцовою (Изв. Ак. Наукъ, VI, 266). Сомнѣнія Вос-

ность писемъ Гедимина (1323 г.), въ которыхъ онъ изъявляетъ

токова о нихъ и др. польско-рус. грам. въ Опис. Рум. муз. (114—117). Ср. Зубрицкаго: Крит. ист. пов. Галиц. Руси, прилож. Поэтому весьма важно знаніе юридической терминологіи и исторіи языка. Существеннымъ пособіемъ въ этомъ случаѣ могутъ служить словари древнихъ реченій, названій и терминовъ, каковы: Востокова и Акад. Наукъ (рецензія его, Срезневскаго, въ Ж. М. Н. Просв. 1848, №№ 3, 6, 12); словари къ лѣтописямъ и актамъ, изд. въ Изв. Ак. Н. (П. Лавровскаго, Н. Чернышевскаго, А. Пыпина и др.); предметные указатели къ лѣтописямъ (въ новомъ изд.) и актамъ, изд. Арх. ком.; словари актоваго языка юго-запад. края—И. Новицкаго (Унив. Изв. 1871, № 8; 1872, № 3), сѣв. запад. края—Горбачевскаго; археологич. словарь, въ Труд. М. археологич. общ. и т. п.; словарь къ актамъ З. Россіи, составл. I. Григоровичемъ (остается неизданнымъ, см. Изв. Ак. Н., т. I, 74); матеріалы для сравнит. русскаго словаря Линде, издан. Мухановымъ (Варшава, 1845); 2-е изданіе польскаго словаря Линде въ которомъ помѣщены данныя изъ другихъ славянскихъ языковъ); указатели при описаніяхъ предметовъ древности (утвари и одеждъ, Савваитова; вѣса и монеты, Прозоровскаго; при царскихъ выходахъ, П. М. Строева; описи церковныхъ и др. вещей); при историч. сочиненіяхъ (Соловьева, Карамзина; Промышленность древ. Руси Аристова и т. п.); областные словари Даля, Носовича и др.; труды по исторіи языка: Востокова, Срезневскаго, Буслаева и др. О предположеніи П. М. Строева относительно изданія словарей историческаго, географическаго, топографическаго и толковаго по древнимъ памятникамъ (Барсуковъ, 101). Полный словарь древняго русскаго языка по памятникамъ составленъ И. И. Срезневскимъ (о немъ въ Трудахъ I-го Арх. съѣзда I, cxxxiv—cxxxviii; Сборн. Ак. Наукъ, I, v—vii), который и сталъ выходить съ 1890 г. (Матеріалы для словаря древне-рус. языка по письменнымъ памятникамъ, изданіе Отд. рус. яз. и словен. И. Ак. Наукъ). Сборникъ старинныхъ выраженій по памятникамъ сост. также П. И. Савваитовымъ (Лѣт. зан. Арх. ком., в. VIII, проток., с. 33); Матеріалы для старин. юридич. терминологіи (ib. I, 56—84). О значеніи и собираніи древне-рус. юридич. символовъ, И. Г. Данилова (Сборн. Археол. инст., кн. IV); Приготов. свѣдѣнія для словаря историко-юридич. собствен. именъ и технич. терминовъ, встрѣч. въ древн. рус. памятн., Н. В. Калачова, Азбуки-прописи к. XVII и нач. XVIII в. (Арх. ист. юридич. свѣд., III, 1—18). Словарь Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографич. приложеніи А. Подвысоцкаго, Спб. 1885, 197 стр.; Сборникъ бѣлорус. пословицъ съ словаремъ (Сборн. Ак. Наукъ, т. XII и XXI, И. И. Носовича). Въ бума-

папѣ и приморскимъ городамъ готовность принять христіанскую вѣ-

гахъ историка Н. А. Маркевича былъ словарь малорос. языка, сост. П. П. Бѣлецкимъ-Носенкомъ,—имѣющій значеніе для чтенія древнихъ памятниковъ (Кіев. Стар., XIII, 697). Słowniczek łacińsko-polski wyrazów prawa Magdeburskiego z wieku XV, przedruk homographiczny z kodeksu Kórnickiego objaśnił Dr. Sygm. Celichowski, Pozn. 1875, 8°, 16 стр. текста и 12 снимковъ. О трудахъ В. Лебинскаго въ польской лексикографіи (К. Стар. 1890, XXXI, 346—349). Также важны: Славянскій именословъ или собраніе личныхъ славянскихъ именъ, св. М. Я. Морошкина, Спб. 1867; ср. Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в., не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ, Н. Чечулина (Библіографъ 1890, №№ 7—8; добавленіе, 1891, № 1); Имена и прозвища въ XVII в., А. И. Соколова (Изв. Казан. общ. ист. и археол., т. IX, в. I). Нельзя пройти молчаніемъ и собранія инородческихъ словъ и терминовъ, вошедшихъ въ рус. языкъ (изъ татарскаго, финскаго, литовскаго, скандин.—матеріалы для словаря въ Изв. Ак. Н., Труд. Общ. ист. и древн. рос., Ж. Мин. Нар. Пр. и др.), или путемъ книжнымъ (изъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и др. яз.; Древ. книги, Срезневскаго, 61—66; библіографія словарей у Котляревскаго, 174—188). О скандинавскихъ словахъ—у В. Томсена. Нѣмецкая терминологія выясняетъ значеніе посадскаго и тысяцкаго въ Новгородѣ (Рус. исторія, Бестужева-Рюмина, I, 337).

Само собою ясно, какое значеніе имѣютъ справочные историческіе словари. Прежніе энциклопедическіе устарѣли, новые—неудовлетворительны. Исключеніе составляетъ словарь, изд. учеными и литераторами въ 1860-хъ годахъ. О требованіяхъ въ этомъ отношеніи см. замѣчанія по поводу Біогр. словаря, предпринятаго Рус. историч. общ. (Древ. и Нов. Рос. 1880, I, 385—388). Пробные списки его изданы въ 2-хъ томахъ (Сборникъ, тт. LX и LXII). Для древняго періода имѣютъ значеніе указатели, изданные къ лѣтописямъ Археогр. ком., списки Погодина, Строева и др.

Въ церковномъ, юридическомъ и археологическомъ отношеніяхъ незамѣнимымъ пособіемъ остаются труды византиста Дюканжа, которыми въ такомъ обиліи пользовался въ своихъ объясненіяхъ Карамзинъ, Лекена и др. Столь же цѣннымъ указаніемъ дипломатической достовѣрности документовъ должны служить географическія названія, встрѣчающіяся въ актахъ. Данныя, сюда относящіяся, см. въ указателяхъ къ лѣтописямъ и актамъ, изд. Археогр. коммис. и т. п. изданіяхъ; въ Матеріалахъ для географич. словаря, Барсова; указателяхъ къ сочин. Карамзина и Соловьева; въ Повѣств. о Рос. Арцыбашева, Изслѣд. Погодина и др. Изъ новыхъ пособіемъ

ру, объясняютъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ мѣстнаго духовенства Риги, заинтересованнаго въ немъ. При оцѣнкѣ документовъ подобнаго рода необходимо, однако, имѣть въ виду и тѣ отступленія, какія допускались въ древнія времена отъ дѣйствующаго права и юридическихъ формъ даже въ титулѣ и датахъ [2]).

Умышленныя искаженія и поддѣлки вызываются политическими, религіозными, литературными и т. п. соображеніями: таковы напр. Лжеисидоровы декреталіи, подложность которыхъ доказывается тѣмъ, что въ нихъ папамъ первыхъ трехъ вѣковъ приписываются произведенія, въ которыхъ есть извлеченія изъ отцевъ церкви IV—VII вв., изъ капитуляріевъ и синодскихъ постановленій VIII и IX вв., приводятся тексты св. писанія по переводу Іеронима съ поправками Алкуина и т. п.[3]); политическое завѣщаніе Петра В.[4]); поддѣлка датъ въ письмахъ

могутъ служить: „Списки населенныхъ мѣстъ Россіи“, Словарь и др. изданія Географич. общества и т. п.; сообщенія Свирѣлина, Износкова и др. (въ Трудахъ Арх. съѣздовъ); мѣстныя изданія (см. с. 592); Географич. словарь западно-славян. и югославян. земель и прилежащихъ странъ, сост. Я. Головацкимъ, съ прилож. карты, Вил. 1884 (371 стр.). О топографич. словарѣ всѣхъ славян. земель, ст. М. Коляра (Труды III-го Арх. съѣзда II, 165—171). Весьма важнымъ подспорьемъ для историко-юрид. разысканій будетъ служить хронолог. указатель рус. и иноязычн. актовъ, относ. къ Россіи до Петра В., приготовляемый Арх. коммис. (Рус. Лив. акты, 1868, стр. XVI).

[1]) Русско-ливонскіе акты, изд. Арх. ком. Спб. 1868, 42—48. Издатели слѣдуютъ отчасти мнѣнію Фойгта (Gesch. Preussens, IV, Beil., № 6); къ нему же склоняются В. Б. Антоновичъ (Очеркъ исторіи В. К. Литовскаго, в. I, 72—78) и Д. И. Иловайскій (Исторія Россіи, II, 59—60) В. Г. Васильевскій весьма обстоятельно оспариваетъ означенное мнѣніе (Обращеніе Гедимина въ католичество, Ж. М. Н. Пр. 1872, № 2; Письма Гедимина и католич. посольство въ Вильнѣ, его же, Вилен. Вѣстн. 1869, №№ 62, 63, 67, 73, 77, 78). Того же мнѣнія держатся Іос. Вольфъ (Ród Gedimina, 1886) и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (II, с. 3) и къ этому мнѣнію очевидно склоняется Н. П. Дашкевичъ (Замѣтки по ист. литовско-рус. госуд., 303—305).

[2]) J. Ficker, Beiträge z. Urkundenlehre; Nouveau Traité de Diplomatique, v. VI, 8 partie.

[3]) Смедтъ, 93—94.

[4]) „О завѣщаніи Екатерины II и я слыхалъ, писалъ м. Евгеній Анастасевичу въ 1818 г., но не видалъ, а завѣщаніе Петра В. наслѣдникамъ

Мюрата [1]). Извѣстна исторія писемъ Генриха IV и печальная судьба писемъ Маріи Стюартъ [2]). Въ интересахъ борьбы съ расколомъ при Петрѣ В. составлено „Соборное дѣяніе кіевское на арменина еретика Мартина" (Спб. 1718 [3]), подлинность котораго заподозрѣна была еще Карамзинымъ на историческихъ и палеографическихъ основаніяхъ (о немъ не упоминаютъ ни лѣтописи, ни Стоглавъ, ни Степенная книга [4])

и у меня есть" (Р. Арх. 1889, II, с. 82). „Завѣщаніе Екатерины II у меня уже списано, но еще не прочитано. Я имъ любуюсь, но неужели и во Франціи нѣтъ окончанія"? (ibid., II, стр. 167). Въ 1863 г. Берхгольцъ, въ брошюрѣ, изд. въ Брюсселѣ, доказывалъ, что завѣщаніе Петра В. было составлено лишь въ 1812 г., по порученію Наполеона I, франц. историкомъ Лезюромъ. Въ иностранной литературѣ завѣщаніе это часто служило предметомъ изслѣдованія (Lobscheid: Das politische Testament Peters des Grossen, Berl. 1870; Les auteurs du Testament de Pierre le Grand. Page d'histoire. Paris 1872; Junius: Das Testament Peters des Grossen, Münch. 1878 и др.). Литература вопроса о завѣщаніи Петра В. разсмотрѣна въ статьяхъ: С. Н. Шубинскаго (Древ. и Нов. Россія 1877, I, 97—106) и проф. Бреслау (Deutsche Rundschau 1878, № 4). Подвергая критикѣ разныя мнѣнія, авторъ послѣдней приходитъ къ заключенію, что основной текстъ этого мнимаго документа—польскаго происхожденія, составленъ около 1790 г. и, попавъ въ руки французскаго правительства, дополненъ и исправленъ потомъ Наполеономъ I. Тѣмъ не менѣе довѣріе къ этому документу на Западѣ продолжаетъ держаться (Ист. Вѣст. 1890, XL, 697). Необходимо впрочемъ замѣтить, что уже Фридрихъ II былъ убѣжденъ, что Екатерина II слѣдуетъ планамъ Петра В., найденнымъ въ его бумагахъ (Beer, Friedrich II und van Swieten, Ss. 1—9).

[1]) Гервинусъ, Ист. XIX вѣка, I, 156.

[2]) Bourdeau, 267; Двѣ публичныя лекціи о Маріи Стюартъ, Г. Е. Аѳанасьева, Од. 1889; Марія Стюартъ. Ист. очеркъ П. В. Безобразова (Рус. Обозр. 1890, № 12). Ранке, признавая подлинность писемъ, не рѣшается однако высказать обвиненіе противъ Маріи Стюартъ.

[3]) Библіогр. описаніе его съ литературою вопроса у Пекарскаго (Наука и литература, II, 400—402, 469). Подлинникъ хранится въ Синод. библ. запечатаннымъ. О распространеніи при Петрѣ В. рукописныхъ экземпляровъ этого произведенія (Древ. и Нов. Россія 1879, III, 447).

[4]) Карамзинъ, II, примѣч. 415; Рудневъ о ересяхъ и расколахъ, 66—67. Записка о русскомъ расколѣ, сост. П. И. Мельниковымъ (Сборникъ

и затѣмъ рѣшительно отвергнута. Въ правительственныхъ актахъ позднѣйшаго времени имя импер. Іоанна III замѣнялось выраженіемъ „русское правительство“ [1]). Требованіе это распространялось на документы, печатныя изданія и даже монеты [2]). Въ документахъ Кіевской и Виленской коммиссій обнаружена была поддѣлка документовъ въ имущественныхъ интересахъ [3]). Литературныя поддѣлки были весьма обычнымъ явленіемъ и въ древности, и въ новое время, въ особенности же поддѣлки автографовъ [4]), причемъ въ этихъ случаяхъ прибѣгали обыкновенно къ именамъ извѣстныхъ лицъ [5]). Болѣе выдающійся примѣръ подобнаго литературнаго усвоенія въ нашей библіографіи представляетъ „Исторія Русовъ“ мнимаго Г. Кониского. Еще недавно П. И. Бартеневъ замѣтилъ: „Н. И. Костомаровъ, не задолго до своей кончины, передавалъ намъ, что нашлись рукописныя еще болѣе вѣскія, нежели у Карпова, доказательства этой подложности. Кто именно устроилъ этотъ подлогъ, имѣвшій не только исторіографическое, но и политическое значеніе, остается неизвѣстнымъ“. Далѣе издатель истори-

соч. о расколѣ, I, 179—180); Е. Голубинскій (Исторія рус. церкви, II, 688—689). Подробности см. въ книгѣ Е. Ф. Шмурло: „Митр. Евгеній какъ ученый“ (с. 329—337).

[1]) Пол. Собр. зак., маниф. 13 авг. 1741 г., перепеч. изъ Спб. Вѣд. съ замѣною (Ж. М. Н. Пр. 1859, CI, отд. VI, с. 106).

[2]) См. ниже, стр. 447.

[3]) Вѣст. Зап. Россіи 1868, № 5; Сборн. Арх. инст., I, 28—29.

[4]) Историческіе подлоги, Ѳ. И. Булгакова (Ист. Вѣст. 1885, XIX, 402—412).

[5]) Любопытна записка о началѣ цар. Бориса Годунова, составл. отъ имени секр. польск. пос. Гримовскаго, съ рѣчами въ духѣ классическихъ писателей, свойственномъ тогдашней польской литературѣ (см. стр. 6—7). Завѣщаніе ц. Алексѣя Михайловича—образецъ литературнаго упражненія этого рода въ Московской Руси XVII в. (см. въ нашемъ очеркѣ: „Новые матер. о п. Никонѣ“, с. 11, прим.). Подобные примѣры были нерѣдки въ то время (см. подложныя грамоты по списку Хронографа 1696 г.—переписка султана съ Иваномъ Грознымъ, казаками, королемъ польскимъ и цесаремъ римскимъ, Изборн. Попова, сс. 448—458, Рус. Стар., т. VI, 450—451, 701; VIII, 88—93; Древн. и Нов. Россія; Вымышленные стат. списки посольствъ Андрея Ищенна къ тур. султану Мурату, 1570 и кн. Захарія Ив. Сугорскаго къ кор. Максимиліану, 1576, изд. въ Пам. древ. письм., Спб. 1883 и т. п.).

ческаго журнала высказываетъ предположеніе, что тутъ работала прямо или косвенно рука польская [1]). Сколько намъ извѣстно, Костомаровъ полагалъ, что „эта исторія составлена какимъ-то изъ новоиспеченныхъ Екатериною II малороссійскихъ дворянъ" [2]); но кажется вѣрнѣе будетъ искать источникъ этого произведенія въ событіяхъ Малороссіи Екатерининскаго царствованія (1764—68 гг.) и въ настоящее время предположеніе это находитъ болѣе дѣйствительное подкрѣпленіе [3]). Въ свою очередь, намъ сообщали, что есть несомнѣнныя данныя для разъясненія происхожденія означеннаго произведенія въ одномъ изъ извѣстныхъ фамильныхъ архивовъ Полтавской губ. (см. стр. 1112—1113).

Полемическіе интересы нерѣдко играютъ въ этомъ случаѣ не менѣе дѣятельную роль. Такъ, долгое время поддерживалось мнѣніе, что такъ наз. „Малый Проскинитарій" или собственно статейный списокъ Арсенія Суханова есть раскольничій подлогъ, но подлинность его въ настоящее время уже установлена [4]). Съ другимъ характе-

---

[1]) Р. Архивъ 1890, III, с. 200.

[2]) Изъ поѣздки въ Батуринъ (Порядокъ 1881, № 97—въ Литер. наслѣдіи Костомарова, въ библ. спискѣ № показанъ не точно). Ср. „Въ защиту неизвѣстнаго покойника, автора „Исторіи Русовъ или Малой Россіи", *К. В.* (ib. № 128, гдѣ, на основаніи свидѣтельства Коля, указывается другое имя автора „Исторіи").

[3]) См. Дополн., с. CCXLVIII—IX. Скорѣе всего авторомъ могъ быть тотъ, кто такъ горячо отстаивалъ интересы Малороссіи и въ то же время былъ близокъ къ мнимому автору исторіи.

[4]) Голубинскій, Ист. р. церкви, I, с. 8, примѣч. 8; Макарій, XI, 159—162; Проскинитарій, изд. Палестинскимъ обществомъ.

Напротивъ, мнѣніе П. И. Мельникова, что „Розыскъ" Димитрія Ростовскаго есть подделка архіереевъ-фанатиковъ елисаветинскаго времени—не оправдывается (Ист. Вѣст. 1884, XVIII, 560). Дѣйствительно въ XVIII в. именемъ Димитрія Рост. пользовались въ борьбѣ съ религіозными предразсудками. Такъ, въ записной книжкѣ Петра В. читаемъ: „Чтобъ написать книгу о ханжахъ и изъявить блаженство (кротость Давидову и прочія, что не такъ, какъ они думаютъ, и приплесть къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи" (Дѣянія Петра В., Голикова, изд. 2-е, XI, 493; вновь напеч. Г. В. Есиповымъ, Ист. Вѣст.

ромъ являются позднѣйшія поддѣлки древностей и рукописей, выдаваемыя за достовѣрныя—ихъ владѣльцами, антикваріями и т. п.[1]). Выдающійся примѣръ литературной поддѣлки въ началѣ XIX в. представляетъ подложный списокъ Слова о полку Игоревѣ, писанный на пергаменѣ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ правилъ древняго письма, и который относили даже къ XIV вѣку[2]). Но быть можетъ никогда поддѣлка не достигала такихъ громадныхъ размѣровъ, хотя нельзя признать ее даже достаточно искусною, жертвою которой сдѣлались извѣстный французскій математикъ Мишель Шаль и французская Академія наукъ, въ концѣ 60-хъ годовъ, вызвавшая громкій процессъ Врена-Люка. Поддѣлка эта простиралась на 30000 документовъ, которые онъ составилъ съ помощью книгъ, а они заключали въ себѣ, главнымъ образомъ, письма, начиная съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. Довѣріе къ этой коллекціи тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что почти вся она состояла изъ документовъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ, и весьма грубо претендовала подорвать значеніе открытій Ньютона въ пользу Паскаля, почему и заинтересовала ученыхъ почти всѣхъ странъ[3]). Въ нашей литературѣ, въ послѣднее

1881, V, 184). Но въ данномъ случаѣ подозрѣніе Мельникова не подтверждается (см. Дополн., с. CLXVIII, прим.).

[1]) Сюда относятся древнія новгородскія руны, занимавшія Державина; Рукопись старицы игум. Маріи, урожд. кн. Одоевской—мнимый дневникъ рус. боярыни XV—XVI в. (Оч. литер. исторіи старин. повѣстей, А. Н. Пыпина, Уч. зап. Ак. Н. по II отд., IV, 281—282); поддѣлки извѣстнаго собирателя Сулакадзева (Отчетъ И. П. библ. 1852, 25—29, 58—59); антикв. Большакова (Ист. Вѣст. 1885, XIX, 402—412). Новѣйшую мистификацію представляютъ недавно изд. записки мнимаго секр. Потемкина Сенъ-Жана (Karlsruhe, 1888), наполненыя разсказами о политическихъ убійствахъ того времени.

[2]) Письмо А. Ѳ. Малиновскаго къ гр. Н. П. Румянцову (Москвитянинъ, 1855 г., № 17—18, стр. 12—14). Къ этой мистификаціи причастенъ былъ антикв. Бардинъ. Припомнимъ споры о Судѣ Любуши и Краледв. рукописи (Вѣст. Евр. 1890, № 9, с. 242).

[3]) Поддѣлка автографовъ и Париж. Ак. Наукъ 1869—70 г. въ Der Neue Pitaval, Neue Serie, VI B. I. H; Юридич. Вѣстн. Моск. юридич. общ. 1871, сент. и октябрь.

время возбудила значительное вниманіе полемика о достоинствѣ матеріаловъ, сообщенныхъ извѣстнымъ собирателемъ еврейскихъ рукописей и надписей Фирковичемъ, имѣющихъ отчасти значеніе и для русской исторіи: мы разумѣемъ здѣсь полемику между Хвольсономъ съ одной стороны и Штракомъ и Гаркави—съ другой [1]). Не смотря на болѣе прочныя гарантіи отъ подобныхъ пріемовъ въ наше время, появленіе дневника имп. Фридриха III вызвало также подозрѣнія въ его подлинности, въ которыхъ важную роль играли взаимныя отношенія партій [2]). Недавно изданныя записки Талейрана вызываютъ подозрѣнія въ умышленныхъ пропускахъ и искаженіяхъ.

Сомнѣніе въ подлинности сочиненія является прежде всего въ томъ случаѣ, когда преданіе приписываетъ его лицу, извѣстному намъ болѣе или менѣе, между тѣмъ какъ въ содержаніи и формѣ этого сочиненія есть многое, что не согласно съ нашими свѣдѣніями о личности предполагаемаго автора. Противорѣчіе между содержаніемъ сочиненія и обстоятельствами жизни того лица, которому это сочиненіе приписывается, составляетъ наиболѣе легкое и надежное средство для рѣшенія вопроса о личности писателя. Но здѣсь нельзя упускать изъ виду, что историческія противорѣчія и анахронизмы иногда могутъ быть слѣдствіемъ забывчивости или умысла. Часто подобное противорѣчіе объясняется обстоятельствами жизни автора, его цѣлью, послѣдующей судьбой его произведенія и въ такомъ случаѣ сомнѣніе можетъ исчезнуть. Но тамъ, гдѣ усилія критики не могутъ сгладить противорѣчій, необходимо провѣрить свидѣтельства о личности писателя. Въ такомъ случаѣ первое мѣсто принадлежитъ голосу этого послѣдняго, когда онъ признаетъ извѣстное произведеніе своимъ; далѣе слѣдуютъ свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе близкихъ къ автору. Между отдѣльными сочиненіями того же самаго писателя могутъ быть весьма значительныя различія, которыя однако нисколько не нарушаютъ соотвѣтствія каждаго сочиненія съ личностью автора. Разница можетъ объясняться болѣе или

---

[1]) Ср. соч. А. А. Куника: Тохтамышъ и Фирковичъ, Спб. 1876; Изв. Археол. общ., IX, 327.

[2]) Revue des deux Mondes 1889, № 3: M. Geffcken et le journal de l'empereur Frédéric, pp. 685—706.

менѣе значительнымъ періодомъ, отдѣляющимъ ихъ, или тѣмъ, что они принадлежатъ къ различнымъ родамъ литературы. Каждый талантливый и оригинальный писатель не любитъ и не станетъ повторяться; напротивъ, подражанія и заимствованія въ весьма широкомъ объемѣ допускались обычаями древности и потому не могутъ служить надежнымъ доводомъ противъ подлинности. Въ отношеніи языка еще нельзя заключать, что неумѣстное выраженіе или слово вмѣстѣ съ тѣмъ и не подлинно, потому что и тогда въ языкѣ держатся обороты рѣшительно противные самымъ общимъ правиламъ синтаксиса. Умѣстность выраженія вообще еще не рѣшаетъ вопроса объ умѣстности его въ данномъ случаѣ. Для объясненія словъ устарѣвшихъ или непонятныхъ позднѣйшіе читатели приписывали иногда на поляхъ или между строками текста слова и выраженія, сходныя по смыслу, но принадлежащія болѣе позднему времени, а переписчики вносили эти вставки и замѣтки въ самый текстъ и тѣмъ не мало способствовали искаженію его. Обработанный стиль является позже плохаго. Вообще, прежде чѣмъ заподозривать извѣстіе и исправлять автора, необходимо усумниться въ собственномъ пониманіи и провѣрить себя. Критика индивидуальная труднѣе всѣхъ остальныхъ родовъ и, кромѣ учености, зоркости и остроумія, требуетъ умѣнья проникать въ самые сокровенные изгибы личной жизни, говоритъ Бёкъ [1]).

Переходъ отъ документальныхъ источниковъ къ монументальнымъ, по справедливому замѣчанію Фримана, составляютъ *монеты*. Изображенія на нихъ, а въ особенности надписи, являются часто единственнымъ источникомъ для какого либо событія. По степени достовѣрности, говоритъ В. В. Григорьевъ, свѣдѣнія, сообщаемыя монетами, имѣютъ неоспоримое преимущество предъ сказаніями, за-

[1]) Бёкъ, Энциклопедія (въ изложеніи), стр. 39—47. Образцомъ критическаго изслѣдованія по вопросу о личности автора онъ называетъ соч. R. Bentley: „Dissertatio de Phalaridis, Themistoclis, Socratis, Euripidis aliorumque epistolis et fabulis Aesopi". Правила о критикѣ подложныхъ соч. Бернгейма (205—220, 239—241, 283). „Дантовскій стиль" (Вегеле: Дантъ Алигьери, 123, примѣч.).

имствуемыми изъ другихъ источниковъ[1]).... Если бы всѣ сочиненія историковъ погибли, то было бы достаточно медалей, надписей и др. памятниковъ того вѣка для того, чтобы познакомить насъ съ путешествіями Адріана, замѣчаетъ Гиббонъ[2]). Далѣе онъ прибавляетъ, что нѣкоторыхъ фактовъ мы совсѣмъ не знали бы безъ помощи медалей и надписей и что послѣднія служили даже исключительнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ историковъ описываемыхъ событій и эпохи[3]). Находки монетъ въ разныхъ мѣстахъ Европы подтвердили древность торговыхъ связей между Востокомъ и Западомъ и сообщили новые факты для исторіи племенъ, населявшихъ въ древности сѣверную и сѣверо-восточную Россію[4]). Нумизматика пролила свѣтъ и въ область хронологіи: такъ, списки кипчакскихъ царей были дополнены Френомъ и Савельевымъ, на основаніи указаній чеканокъ на монетахъ; тоже сдѣлано было относительно царей Босфора и греко-бактрійскихъ изслѣдованіемъ ихъ нумизматики—Сабатье, Кёне, Ашикомъ, Спасскимъ, Беккеромъ, Одесскимъ обществомъ исторіи. Монеты афганскихъ султановъ, найденныя въ развалинахъ Сарая, открыли двухъ новыхъ аббасидскихъ халифовъ, жившихъ въ Египтѣ подъ властью мамелюкскихъ султановъ, и подтвердили сказанія персидскаго историка Мухаммеда Ферштите объ ихъ сношеніяхъ. Въ связи съ монетами находятся медали, которыя издавна выбивались въ память достославныхъ событій. Впрочемъ и въ этой области нельзя полагаться на однѣ даты[5]). Извѣстны про-

---

[1]) О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отеч. ист. (Зап. Од. общ. ист. I, 1844; перепеч. въ Сборникѣ „Россія и Азія", 164); Керченскія древности, Ашика (заключеніе).

[2]) Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, I, с. 9, прим. 1.

[3]) Ibid., 106, 339, 476. Ср. Bernheim, 115.

[4]) Еще при Петрѣ В. былъ открытъ кладъ близъ старой Ладоги, въ которомъ оказались восточныя монеты, а близъ Кіева найдена арабская монета (Опис. С.-Петербурга и Кронштота въ 1710—11 гг. Рус. Стар. 1882, т. XXXVI, 60. Ср. Савельевъ, Мухаммеданская Нумизматика, Спб. 1846); О важности изуч. восточ. нумизм. и археол. въ Россіи (Зап. Арх. общ., т. I, 78—79).

[5]) Mémoires de la Soc. d'archéol. et de numismat. de St. Pétersb., v.

должительные споры о нѣжинскомъ кладѣ и поддѣлкѣ древнихъ вещей [1]). При Екатеринѣ II была выбита медаль на взятіе Константинополя, которое не осуществилось [2]). Существуетъ медаль Наполеона I, frappé à Londres, выбитая также заранѣе, въ ожиданіи успѣха его несостоявшейся булонской экспедиціи. Въ Вѣнѣ чеканились для Абиссиніи талеры Маріи Терезіи съ 1780 г. [3]). Для Аракчеева чеканились старинныя русскія монеты, уничтоженныя по распоряженію имп. Николая I [4]). Пособіемъ при разборѣ и пользованіи этого рода матеріаломъ должны служить прежде всего историческія данныя; но есть и другіе способы повѣрки, какъ-то: вѣсъ монеты [5]), па-

---

I—VI; Записки Имп. Археол. общ. т. I—XIV; Извѣстія Арх. общ. (продолж.). Поправка грузинской лѣт. (на основаніи нумизматич. данныхъ), И. А. Бартоломея (Кавказъ 1860, № 44, 45, 81 и 82).

Незнаніе и пристрастіе не менѣе вредятъ истинѣ: напомнимъ чтеніе на русскихъ монетахъ слова „Игорь" вмѣсто „Государь" (Ж. М. Н. Пр. 1867, № 1, 79; Славянорус. палеогр. Срезневскаго).

[1]) Извѣстія Археол. общ., т. II, 338; III, 69, 74, 105, 337; Записки, т. I. Новая постановка этого вопроса въ трудѣ гр. И. И. Толстого: Древнѣйшія рус. монеты вел. княж. Кіевскаго (съ 19 таблиц.), Спб. 1882.

[2]) Русскій Арх. 1865, стр. 1504; Собр. рус. медалей, изд. Арх. ком. I—V в. Есть монеты ц. Василія Ивановича Шуйскаго съ годомъ 1615 г. (113), когда Василій не царствовалъ. Это замѣчательное клеймо показываетъ, что вступленіе его на престолъ зачтено было со смерти Бориса Годунова, а царств. Димитрія Самозванца признано недѣйствительнымъ; но есть монеты, указывающія, что Сигизмундъ III не признавалъ времени цар. Василія Шуйскаго, а правительство Михаила Ѳед. и всего смутнаго періода съ кончины Бориса Годунова (Замѣчанія о годахъ на старин. русскихъ монетахъ, Д. Прозоровскаго, Изв. Археол. общ., VI, сс. 6—8), какъ правительство Елисаветы Петровны не хотѣло признавать правленія отъ смерти имп. Анны Ивановны, истребляя и передѣлывая акты, книги, монеты.

[3]) Кіевлян. 1889, № 238.

[4]) Ист. Вѣст. 1890, т. XLI, 448.

[5]) Вѣстн. Евр. 1828, ч. 160, №№ 14 и 15. (О способѣ узнавать вѣкъ монеты). Лучшія указанія относительно вѣса монетъ даетъ Д. И. Прозоровскій въ соч. „Монета и вѣсъ въ Россіи до к. XVIII стол." (Зап. Арх. общ., т. XII).

На нѣкоторыхъ монетахъ Тимура (Тамерлана), чеканенныхъ въ Но-

леографическія особенности въ надписяхъ и т. п. нумизматическіе пріемы изслѣдованія [1]).

Обращаясь собственно къ *археологіи*, необходимо начать съ черепов, какъ свидѣтельствующихъ о различіи племенъ, населявшихъ страну въ извѣстную эпоху, а изученіе ихъ приводитъ къ заключенію, что чистыхъ расъ собственно нѣтъ. Далѣе слѣдуютъ произведенія рукъ человѣческихъ, начиная съ самыхъ грубыхъ орудій первобытныхъ племенъ и ихъ сооруженій. Подобные памятники, относящіеся къ разнымъ періодамъ развитія чрезвычайно важны для изученія постепеннаго сложенія національнаго типа, его особенностей и тѣхъ вліяній, которымъ онъ подвергался. Надписи на памятникахъ придаютъ нерѣдко имъ особенное историческое значеніе [2]). Но какъ ни были благопріятны условія для развитія археологіи въ текущемъ столѣтіи, какъ ни велики достигнутые ею въ короткое время успѣхи, она все-таки пока—наука не установившаяся и очень не совершенная. Растетъ она быстро, но ростъ ея болѣе количе-

---

вомъ Сараѣ (1415), проф. Ѳ. И. Эрдманъ указалъ *изображеніе двуглаваго орла.* (Астрах. Губ. Вѣд. 1843, №№ 12 и 14; Ж. М. Н. Пр. 1850, LXVII, отд. VI, стр. 114). О поддѣлкѣ старинныхъ вещей въ Ярославской и Владимірской губ., Гундобина (Изв. Арх. общ., IV). О поддѣлкѣ рус. монетъ, кн. Ѳ. Г. Гагарина (Зап. Арх. общ., т. I, и Лакіера, т. V—до Петра В.). О древнерусскихъ поддѣлкахъ джучидскихъ монетъ (Труды Казанск. арх. съѣзда, I, 201). О систематическихъ поддѣлкахъ вавилонскихъ и др. древностей (VIII Арх. съѣздъ, 96—97).

[1]) Чертковъ замѣчаетъ, что деньги, на которыхъ *твердо* въ видѣ *т*—не старѣе послѣднихъ годовъ Василія Темн.; двойное о (ѡ)—не ранѣе этого времени. Монограммы (Л-К Л-I I-К и проч.) встрѣчаются съ к. XIV до пол. XV в.; *у* вмѣсто *оу* (въ словѣ *Руси)* при Иванѣ Грозн. Опис. древн. рус. монетъ, А. Д. Черткова, М. 1834—1842. О чекан. рус. мон. Бѣляева, (Зап. Арх. Общ., т. V). Въ изданіяхъ гр. И. И. Толстого приложены палеографическіе снимки съ монетъ и описаны поддѣлки.

О сомнѣніяхъ по поводу монетъ XIII—XIV вв., описанныхъ Чертковымъ и Сахаровымъ (Лѣтопись рус. нумизматики, 1842), см. у Гагарина (Зап. Археол. общ., т. I), П. С. Савельева (Монеты Джучидовъ, ib. т. XII, 140—142) и Срезневскаго (Памятн. рус. письма и языка, 304, 317, 334, 348).

[2]) Фриманъ, лекція 6-я.

ственный. Нѣкоторые ученые понимаютъ археологію весьма широко, какъ науку о древнемъ бытѣ народовъ когда либо жившихъ на извѣстной территоріи, который долженъ быть созданъ на основаніи не только вещественныхъ памятниковъ, но и другихъ источниковъ вещественныхъ и письменныхъ. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ смѣшеніе того, что относится собственно къ археологіи съ тѣмъ, что составляетъ предметъ болѣе древняго періода исторіи. Предметомъ же археологіи должны служить—памятники прошлой жизни и притомъ не всѣ памятники, которые подлежатъ вѣдѣнію исторіи, а одни лишь памятники вещественные, слѣд. археологія имѣетъ дѣло съ однимъ изъ источниковъ исторіи, она одна изъ спеціальныхъ частей исторіи, вспомогательная наука для исторіи. Не отличаясь устойчивостью понятій о предметѣ археологіи и систематическою подготовкою, любители археологическихъ изысканій руководствуются нерѣдко простымъ эмпиризмомъ. У археологовъ мало средствъ для опредѣленія времени и національности, къ которому относятся изслѣдуемые ими древнѣйшіе памятники; точно также только гадательно можно судить о степени и ходѣ развитія народа по однимъ лишь орудіямъ. Такимъ образомъ присутствіе каменныхъ орудій въ могилѣ еще не свидѣтельствуетъ о весьма древнемъ ея происхожденіи. Археологи легко подвергаются искушенію всякій вновь найденный памятникъ, о времени происхожденія котораго неизвѣстно, возводить къ болѣе древнимъ временамъ; такъ было напр. съ свайными постройками. Съ другой стороны, на основаніи немногихъ, часто отрывочныхъ, а иногда и единичныхъ фактовъ археологи строятъ широкія обобщенія, къ чему нерѣдко примѣшиваются и національныя увлеченія [1]). Поэтому нерѣдко естествоиспытателю приходится предостерегать историковъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ о культурѣ древнѣйшихъ обитателей извѣстной страны [2]), а историку отказы-

---

[1]) Многія вѣрныя замѣчанія по этому вопросу высказаны въ статьѣ А. Д. Бѣляева: „Характеристика археологіи" Харьк. 1890. По нѣкоторымъ даннымъ авторъ ожидаетъ въ скоромъ времени охлажденія къ занятіямъ этою наукою (стр. 84). Ср. еще А. И. Линниченко: „Кургановманія" М. 1890.

[2]) Труды Общ. естествоисп. при Имп. Казан. ун. т. X, в. I: Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края, А. П. Иванова, Каз. 1881, сс. 27 и 35.

ваться отъ данныхъ, сообщаемыхъ археологіей [1]). И не безъ основанія, быть можетъ замѣчаетъ по поводу этихъ увлеченій Трейчке (въ своей Deutsche Gesch. im XIX Jahrhundert, I Th. Leipz. 1879) слѣдующее: „Исторія творится людьми и настоящая исторія есть въ сущности политическая исторія, а исторіографія не имѣетъ своей задачей излагать наблюденія Вольты надъ лапками лягушекъ, или объяснять по находкамъ копателей черепковъ—усовершенствованіе ковшей и лампочекъ; она должна изслѣдовать *дѣянія* народовъ, которые выступаютъ въ исторіи какъ одаренныя волею индивидуальности, какъ государства". Тамъ, гдѣ археологія вступаетъ въ область исторіи и можетъ пользоваться ея содѣйствіемъ, она, въ свою очередь, нерѣдко служитъ необходимымъ подспорьемъ для рѣшенія или подтвержденія историческихъ вопросовъ [2]). Но и здѣсь нѣкоторые историческіе вопросы рѣшаются болѣе успѣшно натуралистами [3]).

По роду историческихъ свидѣтельствъ всѣ памятники письменнаго и монументальнаго преданія можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ свидѣтельства *прямыя*, другія свидѣтельства *косвенныя*. Къ первымъ относятся всѣ произведенія письменности и изображенія искусства, которыя сдѣланы съ цѣлью отмѣтить, описать или представить какое нибудь событіе общественной жизни: таковы оффиціальные документы, хроники, лѣтописи, историческія картины и т. п. Ко вторымъ принадлежатъ памятники искусства и произведенія летературы, созданныя для воплощенія идеала, выраженія теоретической идеи, удовлетворенія практической потребности, въ которыхъ нѣтъ прямыхъ изображеній общественной жизни, но есть болѣе или менѣе косвенныя указанія и намеки на

---

[1]) Положеніе инородцевъ въ Моск. госуд., Н. А. Ѳирсова, с. 27.

[2]) Такъ, находка трупа одного хана безъ головы, подтвердила письменное свидѣтельство о немъ (зам. Н. Веселовскаго, Шмурло: VIII-й Арх. съѣздъ, с. 43). Археологическія данныя могутъ служить для выясненія напр. вопроса о крестномъ знаменіи; о времени того или другаго предмета древности (напр. о крестѣ, принадлежавшемъ будто бы Димитрію Донскому и т. п., ib. 56—58, 105).

[3]) Историческіе вопросы, рѣшаемые натуралистомъ, по поводу изд. статей К. Бэра, съ замѣчаніями Г. Караулова (Записки Одес. общ. исторіи, т. X, 511—534).

нее. Знакомый съ пріемами комедіи, говоритъ Бёкъ, не поставитъ на одну доску комедій Аристофана и исторіи Ѳукидида, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съумѣетъ разглядѣть въ каррикатурныхъ образахъ комика черты лицъ и событій дѣйствительности. Каждый видъ производящей дѣятельности человѣка всегда есть, болѣе или—менѣе подражаніе то природѣ, то общественной жизни; отсюда во всѣхъ произведеніяхъ даннаго поколѣнія до нѣкоторой степени отображается дѣйствительность, современная этому поколѣнію. Хотя историка, привыкшаго къ трезвой правдѣ и сухому изложенію документовъ и хроникъ, поражаетъ и смущаетъ въ народныхъ сказаніяхъ смѣсь чудеснаго и невѣроятнаго съ правдоподобнымъ и естественнымъ; но миѳы, преданія и поэтическіе вымыслы выражены языкомъ понятнымъ и для историка, тогда какъ, косвенныя свидѣтельства, содержащіяся въ монументальномъ преданіи недоступны для того, кто знаетъ только языкъ словъ. Не трудно прочесть надпись на древней монетѣ, если она не стерта, но опредѣлить качество матеріала, оцѣнить техническое достоинство чекана нельзя безъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній и навыковъ. Необходимо знакомство съ художественной и технической стороной архитектуры, чтобы открыть въ развалинахъ храма свидѣтельства о религіозныхъ представленіяхъ, художественныхъ идеалахъ и вкусахъ, техническихъ пріемахъ поколѣнія, трудившагося надъ созданіемъ храма. Тоже самое можно сказать и о всѣхъ вообще памятникахъ искусства. Въ настоящее время дѣятельно идетъ извлеченіе свѣдѣній, пригодныхъ для исторіи, изъ надписей, но обработка свидѣтельствъ, заключающихся въ монументальномъ преданіи, подвигается гораздо медленнѣе [1]).

Обратимся къ другимъ вопросамъ.

Безъ *хронологіи* исторія, по весьма вѣрному замѣчанію А. Г. Сэйса, была бы немногимъ больше, чѣмъ сборище безсвязныхъ фактовъ и біографій; но хронологія составляетъ тѣ лѣса, на которыхъ возводится зданіе исторіи. Мы были бы не въ состояніи прослѣдить отношеніе между отдѣльными событіями и опредѣлить ихъ развитіе, если бы незнали надлежащихъ датъ, къ которымъ они должны быть

---

[1]) Энцикл. и методологія филол. наукъ, А. Бёка (излож. П. И. Аландскаго, стр. 73—79).

отнесены. Для историка хронологическая система столь же необходима, какъ рама на полотнѣ для живописца" [1]).

Хронологическія даты служатъ весьма важнымъ указаніемъ при опредѣленіи достовѣрности письменныхъ памятниковъ; но для правильнаго пониманія хронологическихъ данныхъ необходимо знаніе существовавшихъ въ разное время лѣтосчисленій. Въ средніе вѣка, на Западѣ, долго были въ употребленіи даты по времени правленій (или отъ Карла В.— императорскій годъ), съ присоединеніемъ къ нимъ терминовъ римскаго календаря, и только постепенно, въ слѣдствіе распространенія пасхальныхъ таблицъ Діонисія Малаго (VI в.) и Беды (VIII в.), устанавливается счетъ отъ Р. Х. (VII—X вв. и даже позже [2]). Еще бо́льшее разнообразіе существовало въ опредѣленіи начала года (1 января, 1 и 25 марта, день пасхи, 25 декабря), которое измѣнялось съ теченіемъ времени и по мѣстностямъ [3]). Въ нѣкоторыхъ государствахъ это различіе удерживалось весьма долго: въ Венеціи начало года съ 1 марта было въ употребленіи до 1797 г.; въ Англіи съ 25 марта—до 1753 г. [4]); въ Германіи до XVI стол. преобладалъ терминъ съ 25 дек. Январьское счисленіе употреблялось рѣже и установилось позже (въ Германіи и Франціи въ XV—XVI столѣтіяхъ). Григоріанскій календарь (папы Григорія XIII—1582 г.) былъ принятъ также не одновременно [5]). Введеніе новаго календаря

---

[1]) Ассиро-Вавилонская литература, 13.

[2]) Leist, Urkundenlehre, Leipz. 1882; 224; Pertz, т. III, I, IV, V, II, passim.

[3]) Даже въ Италіи, въ то время, какъ во Флоренціи годъ считался съ 25 марта, въ Римѣ—съ 25 декабря.

[4]) Поэтому необходимо имѣть въ виду, что Гаклюйтъ употребляетъ мартовское счисленіе (Пешель, Исторія открытій, 194). На значительное количество грамотъ IX—X вв. только небольшое число ихъ приходится съ датою отъ Р. Х., а прочія—обозначены временемъ правленія царств. лицъ (Études sur la chronologie des rois de France et de Bourgogne d'aprés les diplômes et des chartes de l'abbaye de Cluny des IX et X-me siècles, par A. Bruel (Bibl. de l'Éc. des Chartes 1880, № 1, p. 6).

[5]) L. Ideler, Lehrbuch der Chronologie, Berl. 1831; E. Brinckmeier, Praktisches Handbuch der historischen Chronologie aller Zeiten und Völker, Leipz. 1843, 2-е изд. 1882; H. Grotefend, Handb. der hist. Chronologie, Hannov. 1872;

въ Польшѣ вызвало полемику между православными и католиками и смуты въ Галиціи (1583 г.[1]). Въ Византіи лѣтосчисленіе отъ С. М. съ новолѣтіемъ отъ 1 сентября („начало индикта") было въ употребленіи у константинопольскаго духовенства уже въ VII вѣкѣ (со времени VI-го вселен. собора) и мало-по-малу вытѣснило тамъ другія гражданскія и церковныя лѣтосчисленія, причемъ періодъ отъ С. М. до Р. Х. принимался въ 5508 лѣтъ. Этому счисленію слѣдовали почти всѣ византійскіе хронографы и оффиціальные акты[2]).

A. Drechsler, Kalenderbüchlein, Katechismus der Chronologie, Leipz. 1882; J. Kopallik, Vorlesungen über die Chronologie des Mittelalters, 1885.—Въ Германіи новый календарь принятъ въ 1700, въ Англіи въ 1752, въ Швеціи въ 1753 г. и т. д. Стефанъ Баторій грамотами 1584—85 гг. освободилъ православныхъ отъ употребленія новаго календаря (Бѣлорус. Арх., №№ 13 и 15).

[1]) Различіе юліанскаго и григоріанскаго счисленій времени, С. Румовскаго (Прибавл. къ Технич. Журналу, ч. I); Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь, Н. Ѳ. Сумцова (Кіев. Стар. 1888, т. XXI, 235—258). Въ защиту стараго календаря писали митр. серб. Стеф. Стратимировичъ и О. Бодянскій (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1864, II, 185—218).

[2]) Гиббонъ, IV, 380—381, 429; Куникъ, Учен. зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. II, 767, 787; Philipp Krug, Kritischer Versuch zur Aufklärung der Bysantischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands, Spt. 1810, 11—14, 57; замѣчанія Куника (Bullet. de l'Acad. des Sciences, т. IX; Mélanges, т. II). Книга Круга была переведена на рус. яз. дважды: Ѳедотовымъ и Левестамомъ, и вторично Д. Языковымъ, но Кругъ не далъ согласія на изданіе этихъ переводовъ (Forschungen, S. CCLV). Essai de Chrongraphie Bysantine pour servir à l'examen des Annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slavons de 395 à 1057, par Ed. de Muralt, S. Pét. 1855; 1057—1261, S. Pét. 1871; замѣчанія на это сочиненіе (Учен. зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. III, 465—478); Программа задачи на премію о визант. хронографіи, А. Куника (Ж. М. Н. Пр. ч. LXIII, 1—20). Византійское счисленіе называлось въ Россіи *греческимъ числомъ* (Сбор. госуд. грам., IV, 14). Въ Византійской имп. употреблялись и двойныя даты: отъ С. М. и Р. Х. (напр. въ лѣтописи Ѳеофана, съ присоединеніемъ лѣтъ правленія императоровъ и епископовъ; въ актахъ,—чаще послѣ взятія Константинополя). Съ XVI в. даты идутъ уже отъ Р. Х. (Migne, 65—66).

Въ Россіи, съ принятіемъ христіанства, была принята та же эра, но съ различіемъ въ новолѣтіи, которое считалось съ 1 марта. Хотя такой порядокъ соотвѣтствуетъ пасхальной таблицѣ [1]), но есть основаніе полагать, что у русскихъ славянъ еще до того времени былъ въ употребленіи мартовскій годъ (какъ и названія мѣсяцевъ, замѣненныя потомъ римскими, по примѣру византійской хронологіи), какъ онъ былъ въ употребленіи у нѣкоторыхъ западныхъ народовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ [2]), у болгаръ [3]), а равно у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ до позднѣйшаго времени [4]). Въ пользу мартовскаго лѣтосчисленія, какъ первоначальнаго, высказалось большинство нашихъ изслѣдователей [5]). Мартовское счисленіе господствовало въ Россіи

---

[1]) Ундольскій, Изслѣд. о вруцѣлѣтѣ, по греческимъ и русскимъ источникамъ (Врем. Общ. исторіи и древн., IV, 43—70); Сухомлиновъ, О древ. лѣтоп. какъ памятн. литературномъ (Уч. зап. Ак. Н. по 2 отд. III, 35—45); Куникъ (см. выше, id., II, 765).

[2]) Ундольскій (ibid.); Бѣляевъ, Хронологія Нестора и его продолжателей (Чт. Моск. Общ. ист., годъ II, № 2, 31); Куникъ, 766; Leist, 232.

[3]) Дубенскій, О нѣкоторыхъ годахъ Несторовой лѣтописи (Времен. Моск. Общ. ист., т. XXI, 15); О способѣ примѣненія мартовскаго года къ сентябрьскому (византійскому) у древняго лѣтописца (Бѣляевъ, Чт. М. О. ист., годъ II, № 2, с. 32). Остатки возможнаго до того времени лѣтосчисленія по событіямъ и установленіе хронологіи самимъ лѣтописцемъ можно видѣть въ лѣтописи подъ 6360 годомъ. Ср. также статью Дубенскаго, 1—16. Д. И. Языковъ (О словено-русскихъ и вообще словенскихъ названіяхъ года, мѣсяцевъ, недѣль, недѣльныхъ дней и годовыхъ временъ (Труды Рос. академіи, т. III, 19—76). О дохристіанскомъ счисленіи, сент. и мартовскомъ годахъ шли пренія на VIII арх. съѣздѣ—рефераты Прозоровскаго и Дмитріевскаго (Шмурло, 47—48).

[4]) Татищевъ, I, гл. VIII; Успенскій, О русск. древностяхъ, 636.

[5]) Кромѣ названныхъ сочиненій, см. Изслѣд., замѣч. и лекціи Погодина, I, 80—144; Перевощикова, О лѣтосчисленіи (Академич. календарь на 1855 г.); Татищева, Карамзина, Соловьева, А. Энгельмана, Боннеля. Въ защиту сентябрьскаго счисленія много писалъ П. В. Хавскій: Хронологич. замѣчанія (Чтен. М. О. ист., годъ II, №№ 2 и 6); Хронол. Нестора и его продолж. (годъ III, № 3); Таблицы для повѣрки годовъ въ рус. лѣт. М. 1856 г.; Мѣсяцесловъ, календари и святцы, М. 1856 г.; О тысячелѣтіи Рос. госуд., М. 1861; Опытъ исправлен. лѣтопис., календ. и пр. 1862;

до к. XIV столѣтія, когда совершился переходъ, по примѣру Византіи, къ сентябрьскому году [1]). Впрочемъ это измѣненіе не было одновременнымъ и повсемѣстнымъ [2]), какъ и ранѣе встрѣчаются отступленія въ пользу сентябрьскаго счисленія [3]). Въ лѣтописяхъ, рядомъ съ указаніемъ года, ставятся часто индиктъ или другія отмѣтки, заимствованныя изъ пасхальныхъ таблицъ, праздники и т. п., важные для повѣрки лѣтописныхъ данныхъ [4]), а у новгородскаго лѣтописца, въ слѣдствіе сношеній съ западнымъ міромъ, видно знакомство съ римскимъ календаремъ (обозначеніе календъ [5]). Въ южной Руси, въ

Вруцѣлѣто (Ж. М. Н. Пр., т. LXVIII; Отеч. Зап. т. XXXIV); Ключъ границъ (Ж. М. Н. Пр., т. LXX); Хронол. евр., христ. и рус. (ibid., т. LXII). Споръ Хавскаго съ Погодинымъ изложенъ въ соч.: О тысячелѣтіи Рос. госуд. М. 1861. Весьма рѣзкія мнѣнія о трудахъ Хавскаго: Куника (Уч. зап. Ак. Н. по 1 и 3 отд., III, 753—756), Строева (П. М. Строевъ, стр. 530—31), Бѣляева (Чтен. М. О. ист., годъ III, № 4). Изъ новыхъ трудовъ см. Времясчисленіе у древнихъ и новыхъ народовъ съ объясненіемъ русскаго лѣтосчисленія и правосл. пасхаліи и съ прилож. пасхальнаго круга. Сост. *Г. М.* Каз. 1884; Календарь для хронол. справокъ, Н. И. Черухина (Р. Стар., VIII, 118—122). Ср. еще статью С. Руссова: Повѣрка лѣтосчисл. нѣкоторыхъ достопамятныхъ событій, помѣщенныхъ въ Готскомъ альманахѣ на 1829 годъ (Отеч. Зап. 1829, №№ 98—100), между прочимъ и нѣк. показаній, относящихся до Россіи.

[1]) Карамзинъ, V, пр. 246; IV пр. 367; Соловьевъ, IV, 382. Объ ошибкѣ Карамзина относительно установленія сент. года въ 1492 г. у Макарія (Ист. церкви, VI, 101. Ср. E. Bonnell, Russ. Liw. Chron., Spt. 1862, II, 17—18).

[2]) Такъ въ Троиц. лѣт. сентябр. годъ начинается съ 1407 г., между тѣмъ въ новгород. лѣтописяхъ мартовскій годъ оставляется не прежде покоренія Новгорода моск. вел. княземъ (Бѣляевъ, Чт. М. О. ист., г. II, № 2, с. 38).

[3]) Дубенскій (Времен. XXI, 14); Куникъ, ib.; Срезневскій, Памятн., 19. Иногда такое смѣшеніе было дѣломъ позднѣйшаго компилятора (Энгельманъ: Хронологич. изслѣд. въ области рус. и ливонск. исторіи, 120, 148).

[4]) Примѣры неточностей см. у Погодина (Изслѣд. и лекціи, I, 80—144; ср. Бѣляевъ, 36—38). Въ XV в. мартовскій годъ уже назывался *книжнымъ* (Новгор. IV-я лѣт., годъ 6917).

[5]) I-я Новгород. лѣт., годъ 6644. Ипат. лѣт., на основаніи Евсевія Памфила, знаетъ олимпіады и римскій календарь (годъ 6762). Въ извѣстіи

слѣдствіе болѣе раннихъ связей съ Польшей и Западомъ, ранѣе входитъ въ употребленіе и счетъ отъ Р. Х.[1]), но прежнее лѣтосчисленіе продолжало все-таки господствовать[2]). Димитрій Самозванецъ сталъ употреблять счетъ лѣтъ отъ Р. Х.[3]). Съ окончаніемъ міротворнаго круга, въ началѣ 1492 г. (7000 лѣтъ отъ С. М.), на церковномъ соборѣ въ Москвѣ (въ сент. 1492 г., т. е. въ сент. 1491 январьскаго года), было постановлено составить пасхалію на восьмую тысячу лѣтъ[4]). Вторичное измѣненіе въ лѣтосчисленіи въ Россіи произошло при Петрѣ В., когда по его повелѣнію, новый 1700 гражданскій годъ стали считать не съ 1 сент., а четырьмя мѣсяцами позже, т. е. съ 1 января 1700 сентябрьскаго года, такъ что 1699 г. состоялъ изъ 16 мѣсяцевъ[5]).

При обозначеніи лѣтъ необходимо имѣть въ виду, что въ сентябрьскомъ годѣ послѣдніе мѣсяцы январьскаго года относятся къ слѣдующему, а въ мартовскомъ первые мѣсяцы январьскаго присоединяются къ прошлому[6]). Отсюда нерѣдко происходятъ ошибки въ

о смерти Брунона еписк. Гербиполенскаго (Сборн. Соф. библ.) дата отъ Р. Х. съ обозначеніемъ календъ (Опис. Рум. м., с. 69).

[1]) Купчая галицкая 1351 г. (Врем. М. О. ист., кн. XVI, 18).

[2]) Русскіе акты Литовской метрики обозначаются индиктомъ, годомъ отъ С. М. (А. Ю. и З. Россіи, I, 20, 295) и славянскими буквами (293), но встрѣчаются даты и отъ Р. Х. (97).

[3]) Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. II; Акты историч., и трудъ Пирлинга (прилож.). Въ соборномъ актѣ 1679 г., по дѣлу о канонизаціи Анны Кашинской, употреблена дата отъ Р. Х. и С. М. (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1871, IV, 62).

[4]) Ундольскій, Кругъ великій и индиктіонъ (Арх. ист. юридич. свѣд. о Рос. Калачова, I, кн. I, 1—18); Макарій VI (100—103 и прилож. ш). Древнія русскія пасхаліи на 8-ю тысячу лѣтъ отъ С. М., А. С. Павлова (Прав. Соб. 1860, № 11).

[5]) Суворовъ начало XIX стол. считалъ съ 1800 г. (Р. Арх. 1872, I, 750—751; Соч. Державина, II, 355, примѣч.). Мнѣніе это недавно поддерживалъ и П. Гильтебрандтъ.

[6]) Доказательство, что текущій XIV великій индиктіонъ начинается 1 марта 6917 мартовскаго и сентябрьскаго года отъ С. М. (=1 марта 1409 юліанскаго года), А. Куника (Ж. М. Н. Пр., XCVI, 388—396; также Bullet., t. XV, 332—341; Mél. russes, III, 608—619. Такъ: 6914 сент. годъ

переложеніяхъ и разница въ лѣтописныхъ показаніяхъ. При переводѣ древняго лѣтосчисленія на новое слѣдуетъ изъ перваго вычесть число лѣтъ отъ С. М. до Р. Х. (5508). Въ древней Руси было въ обычаѣ вести счетъ лѣтъ отъ 6000, а потомъ отъ 7000 лѣтъ отъ С. М. (напр. 91 годъ, т. е. съ 1492 г.[1]). При повѣркѣ датъ необходимымъ подспорьемъ служатъ также астрономическія наблюденія и др. данныя[2]). Наконецъ необходимо обращать вниманіе на счетъ часовъ, бывшій въ употребленіи въ старину. Въ Германіи, еще въ XV в., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ XVI в., счетъ часовъ велся до 24[3]); существовалъ также счетъ времени по церковнымъ службамъ[4]). Новгородскій счетъ часовъ отличался отъ московскаго[5]). При Петрѣ

отъ С. М.=съ 1 сент. 1405 по 31 авг. 1406 года; а 6914 мартов. годъ отъ С. М.=съ 1 марта 1406 по 28 февр. 1407 года). О способѣ переложенія март. и сент. годовъ отъ С. М. на годы отъ Р. Х. (Уч. зап. по 1 и 3 отд. II, 766—69).

Объ ошибкахъ въ переложеніи стараго счета лѣтъ на новый въ Актахъ Зап. Рос. ст. D-r Warnka (Библ. Оссолинскихъ, XI, 330—337).

[1]) Собран. госуд. грам. и договоровъ, II, 69, 250, 326, 371, 378; III, 255, 374. Этимъ разъясняется и недоразумѣніе м. Макарія (Ист. церкви, XII, 367).

[2]) Бернгеймъ, 260. Астрономическими данными нерѣдко пользовался Карамзинъ (см. затмѣнія, кометографія но указат.); Объ изслѣдованіи Цеха о древнихъ затмѣніяхъ для повѣрки хронологіи, А. Савича (Ж. М. Н. Пр., ч. XCII). Обозначеніе погоды подтверждаетъ или исправляетъ иногда хронологическую дату (Карамзинъ, VIII, пр. 71, с. 15, годъ 7045; Oeuvres de Ghilb. de Lannoy, par Ch. Potvin, 34); ср. Соловьевъ (XI, 469); Бурдо (389).

[3]) Leist, 183—184. Спеціальное изслѣд. о счетѣ часовъ въ древней Россіи принадлежитъ Д. Прозоровскому (О старинномъ русскомъ счисленіи часовъ, Труды II-го Арх. съѣзда, т. II, 105—194 и отд. Спб. 1877, 90 стр.). На Востокѣ до сихъ поръ удержался древній счетъ часовъ и въ Константинополѣ употребляются часы съ двумя циферблятами, для показанія двойнаго счета часовъ (Вѣст. археол. и ист., изд. Арх. инст., I, 75 съ таблицею часовъ); О помѣсячныхъ замѣткахъ въ древнихъ церковныхъ книгахъ (и о часахъ), И. И. Срезневскаго (Изв. Ак. Наукъ, V, 218—21). Очеркъ развитія христіан. календаря и сѣверн. рѣзн. календарь, В. Срезневскаго (Труды II-го Арх. съѣзда, т. I, 1—108).

[4]) Ж. М. Н. Пр., ч. XC, 390.

[5]) П. С. Рус. лѣт., III, 154.

В. произошла перемѣна и въ этомъ отношенiи, по образцу голландскихъ часовъ [1]).

По близкимъ связямъ С. З. Россiи съ Ливонiей, необходимо имѣть въ виду, что тамъ въ XIII в. употреблялся благовѣщенскiй годъ, но въ то же время прiобрѣтаетъ уже преимущественное значенiе декабрьскiй (съ 25 дек.) и отчасти январьскiй счетъ [2]). На введенiе здѣсь рождественскаго года имѣли влiянiя правительственныя лица, вышедшiя изъ Германiи, но введенiе новаго календаря не обошлось безъ борьбы [3]). Съ другой стороны въ грамотахъ С. З. Россiи, касающихся Ливонiи, ставится дата отъ Р. Х. вмѣсто отъ С. М. [4]). При Екатеринѣ II въ Бѣлоруссiи былъ возстановленъ юлiанскiй календарь. Въ татарскихъ ярлыкахъ употреблялось монгольское лѣтосчисленiе съ прибавленiемъ иногда мусульманскаго [5]).

Хотя въ Россiи весьма рано было обращено вниманiе на важность хронологическихъ вычисленiй, но исключительно въ интересахъ практическихъ [6]). Научный интересъ къ изученiю хронологiи

---

[1]) Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царей, стр. 94 (съ 1705 года)..

[2]) А. Энгельманъ, Хронол. изслѣд. въ области рус. и ливон. исторiи, Спб. 1858 (реценз. Погодина въ III-мъ присужд. Уваров. наградъ); E. Bonnell, Russisch-Liwländ. Chronographie v. d. Mitte des IX Jahrhund. bis zum Jahre 1410 (по рус., ливон. и ганзейск. источник.), 1862, II, Abth., 70—72 и др. (реценз. Куника, Зап. Ак. Н., т. I, кн. 2; Погодина, XXXI-е присужд. Демидов. наградъ).

[3]) Календарныя смуты въ Ригѣ въ 1584—1604 гг. (Риж. Вѣст. 1871, №№ 272—274, 277, 279, 282, 283).

[4]) Грамоты, касающiяся до сношенiй С. З. Россiи съ Ригою и ганз. городами, Спб. 1857.

[5]) Лѣтоп. занят. Арх. ком. V, 143; О достовѣрн. ханск. ярлыковъ, Григорьева (Россiя и Азiя, стр. 212). О грузинской хронол. Броссе (Бюллет. Ак. Н., т. XXII).

[6]) Труды Общ. ист. и древн., т. IV, кн. 1; Чтен. М. О. ист., годъ II, № 6; Учен. Зап. Ак. Н. по 2-му отдѣл., т. III, 36—37; Памятники языка, passim. Церковно-хронологическiе труды, начиная съ Кирика въ XII в. до Геннадiя въ XV в. извѣстны, см. у Макарiя). Ср. также Древнiе памятники русскаго письма и языка Срезневскаго, Спб. 1866, прилож. Въ Синод. библ. есть „Псаломникъ“ XIV в., важный для вычисленiя сентябр. и мартов.

пробудился лишь со времени **Татищева**, а **Екатерина** II, гр. А. И. **Мусинъ-Пушкинъ**, кн. И. А. **Голицынъ** занимались уже не только отдѣльными хронологическими вопросами, но и хронологіей лѣтописи вообще [1]). Впервые однако спеціальному изученію византійской хронологіи, въ связи съ русскою исторіею, и вопросу о троякомъ началѣ года въ Россіи посвятилъ свои труды академикъ **Кругъ**, составившій и программу задачи по византійской хронографіи отъ Академіи Наукъ [2]). Извѣстный библіографъ В. М. **Ундольскій** готовилъ изслѣдованіе о годахъ мартовскихъ и сентябрьскихъ, въ которое предполагалъ ввести критическій разборъ всѣхъ извѣстныхъ сочиненій о греческой и русской хронологіи и пасхаліи, въ сравненіи съ хронологическими трудами западныхъ и русскихъ ученыхъ [3]). Наконецъ академикъ А. А. **Куникъ** давно занимается приготовленіемъ труда, который служилъ бы введеніемъ въ изученіе византійско-славянской хронографіи [4]), но пока русская литература не имѣетъ сочиненія по хронологіи, вполнѣ соотвѣтствующаго научнымъ требованіямъ [5]).

годовъ въ лѣтописи (см. ст. Д. И. Прозоровскаго, Вѣстн. археол., изд. Археол. инст., в. VII, 51—62). При келейной лѣт. Димитрія Ростов. въ спискѣ Синод. библ. есть статья „О несогласномъ лѣтосчисленіи", 1705 г. (Евгеній, I, 128). Нѣсколько позже писалъ Н. И. Поповъ (Изъясненіе поставленнаго въ календаряхъ церковнаго счисленія, Календарь Акад. Наукъ, 1757 и 1758 гг.; Собр. сочин., выбран. изъ Мѣсяцеслововъ, 1787 г., 1—90).

[1]) Родословникъ князей великихъ и удѣльныхъ, Спб. 1801; Выпись хронологич. изъ исторіи русской по 1141, 224 стр. (Зап. Ак. Н., т. IX, кн. I и Сборн., т. I, сс. III, IX—XI); Записки о Рос. ист. Екатер. II, съ хронологич. табл. отъ С. М. и отъ Р. Х. съ 860—1800 г.; Мусинъ-Пушкинъ, О лѣтоп. и хронол. россійской (Чт. М. О. И. 1847, № 2); О трудахъ кн. И. А. Голицына, Хавскаго (Времен. М. О. И., т. XXIII).

[2]) См. о ней въ Уч. зап. Ак. Наукъ по 1 и 3-му отдѣл., т. III, 465—68.

[3]) Арх. ист. юридич. свѣд. о Рос., I, 18.

[4]) Учен. зап. Ак. Н., по 1 и 3-му отд., т. III, 477.

[5]) О важности хронологич. изслѣд. для ист. юрид. выводовъ, Энгельманъ, введеніе. О разногласіи его въ ливон. хронол. (стр. 96, 102—103, 110—111, 175—182) съ Боннелемъ (ч. II, с. 70—72, 91, 121—122).

Независимо отъ указанныхъ, вспомогательныхъ знаній, историкамъ приходится пользоваться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ практическихъ средствъ при изученіи самыхъ матеріаловъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію съ внѣшней стороны. Химическіе опыты, произведенные надъ рукописями разныхъ вѣковъ (XVI—XIX), показали, что древнія чернила различаются далеко не въ такой степени какъ чернила новыхъ рукописей [1]). Есть способы возстановлять полинялыя и вытершіяся мѣста въ древнихъ рукописяхъ посредствомъ химическихъ реактивовъ [2]), которые даютъ также возможность возобновлять тексты древнѣйшихъ палимпсестовъ, какъ удалось напр. извѣстному Пертцу произвести разсказъ историка Гранія о времени Суллы, замѣненный въ XI в. проповѣдями Златоуста [3]), а другимъ—болѣе ранніе палимпесты [4]). Не меньшую услугу оказала химія при открытіи и возобновленіи памятниковъ вещественныхъ (бронзовыхъ и др. [5]), при изслѣдованіи вещества, заключаемаго въ стеклянныхъ сосудахъ, нахо-

---

[1]) Юридич. Вѣстн. 1871, сент., 30—31.

[2]) Замѣтка Бѣляева (Времен. Моск. общ. ист. IV, 66). Старинный русскій рецептъ чернилъ, сообщ. Купріяновымъ (Изв. Имп. Арх. общ. т. I, 278—79; ср. Рус. Арх. 1863, 91). О способѣ древнѣйшаго письма и употребленіи позолоты—письмо А. Н. Оленина къ Румянцову (Переписка м. Евгенія съ Румянцовымъ, стр. 2). Замѣтки: Срезневскаго (Изв. Ак. Н., т. VIII, 340), М. Евгенія (Труды Общ. исторіи, т. III, кн. 1). О способѣ возстановленія полинявшихъ, выскобленныхъ, или смытыхъ чернилъ, изъ Götting. gelehrte Anzeig. 1816 (Переписка Востокова, 414 и 57—59). О возобновленіи выцвѣтшихъ мѣстъ на пергаменѣ (Историч. Вѣст. 1888, т. XXXIV, с. 118). Иногда удачное смытіе приводило къ важнымъ выводамъ относительно времени рукописи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, I, Славяно-рус. палеографія, Срезневскаго, 78).

[3]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1857, т. XCVI, новости и смѣсь, 145—148. Посредствомъ возстановленія палимпсестовъ, Анджелло Майо открылъ нѣкоторыя сочиненія Цицерона и отрывки Плавта; Нибуръ—институціи Гайя. Такъ же былъ открытъ готскій переводъ частей Библіи и пр.

[4]) Ж. М. Н. Пр., 1859, CIV, № 12, 150—153.

[5]) Примѣненіе химіи къ археологіи. Новѣйшіе химическіе анализы бронзовыхъ древностей, Л. Фелленберга въ Бернѣ и Г. В. Струве въ С.-Петербургѣ (Изв. Арх. общ., т. VI, смѣсь, с. 108—112, 134—135, 172—182).

димыхъ въ римскихъ катакомбахъ [1]). Съ другой стороны на помощь исторической наукѣ явилась свѣтопись. Такимъ образомъ прежніе, хотя и искусные (посредствомъ тонкой бумаги), но не вполнѣ точные способы воспроизведенія древнихъ рукописей, возможно теперь замѣнить почти вполнѣ точною передачею. Первые опыты примѣненія у насъ фотографіи къ рукописямъ были сдѣланы Императорскимъ археологическимъ обществомъ, В. И. Григоровичемъ и П. И. Севастьяновымъ. Послѣдній снялъ этимъ способомъ на Аѳонѣ (съ 1858 г.) множество греческихъ и славянскихъ грамотъ, всю книгу глаголическаго четвероевангелія и всю книгу географіи Птоломея съ картами и др. [2]). Тѣмъ же способомъ воспроизведенія рукописей пользовался въ библіотекѣ Воскресенскаго монастыря архим. Амфилохій [3]). Въ послѣднее время, съ помощью свѣтописи, Археографическою коммиссіею изданы нѣкоторыя лѣтописи (Ипатская, Лаврентьевская, Синодальная Новгородская), а Обществомъ древней письменности—рядъ весьма важныхъ историческихъ и литературныхъ памятниковъ. Такимъ образомъ, значительному кругу изслѣдователей доставляется возможность не только филологическаго, но и палеографическаго изслѣдованія древнихъ памятниковъ [4]). Не слѣдуетъ однако фотографическому способу придавать безусловное значеніе въ дѣлѣ копированія рукописей [5]). На-

---

[1]) Римскія катакомбы—послѣ новѣйшихъ изслѣдованій въ нихъ Росси (Хр. Чтеній 1882, сент. окт., с. 541—543).

[2]) Изв. И. Арх. общ. I, 257—261; Изв. Ак. Наукъ, т. VII, сообщ. Срезневскаго (367—370) и Ж. М. Н. Пр., ч. С, 105.

Аѳонскіе акты и фотографич. снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Библіогр. разысканіе Тимоѳея Флоринскаго, Спб. 1880.

[3]) Изв. Ак. Наукъ, VIII, сообщ. Срезневскаго, 159—160. И. И. Срезневскій, пользуясь снимкомъ Севастьянова, объяснилъ глаголитское письмо (ibid. т. X, 78—80).

[4]) Въ послѣднее время при Спб. окружномъ судѣ предполагалось устроить лабораторію для изслѣдованія подлинности документовъ.

[5]) „Говоримъ: съ возможною для фотографіи точностію, потому что свѣтъ не все воспроизводитъ. По засаленнымъ листамъ рукописи онъ какъ бы скользитъ, а не воспроизводитъ ихъ. Приходится рукой поправлять ошибки свѣтописи. Это очень важно знать, потому что, гдѣ только прика-

конецъ, посредствомъ фотографіи и гальванопластики стало возможнымъ воспроизведеніе предметовъ древности и искусства [1]).

Но и здѣсь фотографія не всегда является вполнѣ удачнымъ исполнителемъ (напр. если, въ слѣдствіе сырости и тренія, письмена потеряли почти всѣ углубленія или темная окраска отъ морскихъ водорослей покрываетъ поверхность камня, при темныхъ бронзовыхъ таблицахъ, рельефахъ и т. д.), а чисто эпиграфическіе памятники въ извѣстномъ состояніи испорченности противятся иногда всякому другому способу воспроизведенія, кромѣ гипсоваго слѣпка, бумажнаго оттиска, оттиска изъ станіола (свинцовой бумаги—для небольшаго и неглубоко врѣзаннаго шрифта, на металлѣ, а потому весьма часто употребляемой для оттисковъ съ монетъ, для надписей, нацарапанныхъ на обожженной глинѣ или на штукатуркѣ стѣнъ, на кости и т. п.), прориси, причемъ бумажный оттискъ признается за лучшее изъ всѣхъ, а иногда и единственно точное механическое средство воспроизведенія надписей, которому предсказывается даже блестящее будущее. Вообще составленіе подобныхъ коллекцій въ музеяхъ должно развить пониманіе палеографическаго характера шрифта въ средѣ изслѣдователей и облегчить распознаваніе достовѣрнаго отъ поддѣльнаго и быть можетъ помѣшать въ будущемъ тому явленію, которое замѣчается въ наше время, когда грубыя поддѣлки, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, въ состояніи вводить въ обманъ даже свыкшихся съ антикварными изслѣдованіями людей [2]).

сается рука человѣка, тамъ сейчасъ возникаетъ вопросъ, вѣрно ли она сдѣлала свое дѣло. Слѣд. и свѣтописное изданіе лѣтописей не можетъ вполнѣ замѣнить подлинныхъ лѣтописныхъ списковъ при научномъ изученіи ихъ" (Кояловичъ, Исторія русскаго самосознанія, с. 18, примѣч.). О неудачныхъ снимкахъ многихъ документовъ въ коллекціи Севастьянова см. въ томъ же трудѣ Т. Д. Флоринскаго (стр. 27, 33, 38, 42; 45, 49—bis, 58, 65).

[1]) Изв. И. Арх. общ., I, 257—61; Ж. М. Н. Пр., 1858, С, новости и смѣсь, 104. Уже давно былъ извѣстенъ способъ воспроизведенія древнихъ надписей посредствомъ бумажныхъ и гуттаперчевыхъ оттисковъ; но, благодаря изобрѣтенію франц. художника А. Деверіа, еще проще и лучше снимать ихъ посредствомъ гипса (Труды Моск. Арх. общ., VI, в. 2, сс. 5—6).

[2]) Гюбнеръ, сс. 8—11, 19, 21, 25 и др., съ изложеніемъ пріемовъ, употребляемыхъ для снятія надписей.

Въ послѣднее время изученіе (если не всегда научное, то по крайней мѣрѣ практическое) палеографіи и археологіи получаетъ все большее распространеніе и со временемъ, конечно, оно, создастъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ болѣе или менѣе опытныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ сохраненія древностей [1]). Въ Британскомъ музеѣ сами чиновники подготовлены на столько, что могутъ безупречно разбирать рукописи даже отдаленныхъ вѣковъ и тѣмъ облегчать трудъ посѣтителей. Въ парижской École des Chartes (задуманной въ 1809, учрежденной въ 1821 г., а вполнѣ организованной въ министерство Гизо) ученики пріучаются различать истинныя грамоты отъ ложныхъ и узнавать время написанія ихъ по внѣшнему виду памятниковъ [2]). Въ Германіи изученіе историческихъ матеріаловъ обязано главнымъ образомъ школѣ Ранке [3]). И у насъ отъ време-

---

[1]) Въ такомъ духѣ давно уже дѣйствовали нѣкоторые статистическіе комитеты.

[2]) Цѣлью школы поставляется приготовленіе ученыхъ библіотекарей и архивистовъ, которые умѣли бы пользоваться матеріалами для науки и облегчать это пользованіе другимъ. Въ кругъ ея курсовъ входятъ: палеографія, классификація архивовъ и библіотекъ, романскія нарѣчія и дипломатика, исторія административныхъ и судебныхъ учрежденій, археологія. Предметъ изученія составляютъ какъ письменные памятники, такъ и вещественныя древности; фотографическіе снимки съ средневѣковыхъ письменныхъ памятниковъ служатъ важнымъ подспорьемъ при ихъ изученіи; курсы палеографіи и дипломатики имѣютъ въ значительной степени практическій характеръ. Ученики Л. Ранке и Г. Вайца вносятъ и сюда пріемы нѣмецкихъ семинарій. Изъ изданій ея извѣстна: Bibliothèque de l'École des Chartes, выходящая съ 1839 года. Въ ней помѣщаются какъ матеріалы, такъ и изслѣдованія по части изученія памятниковъ и учрежденій среднихъ вѣковъ. Впрочемъ, въ свою очередь, въ Германіи обнаруживается стремленіе преобразовать историческія семинаріи на французскій ладъ, хотя старые профессора изъ школы Л. Ранке не особенно сочувственно относятся къ этому нововведенію (Опыты системат. обработки исторической критики, Ѳ. Я. Фортинскаго (Унив. Изв. 1884, № 8, с. 3).

[3]) Подготовительною школою для этой цѣли въ Германіи служатъ *историческія семинаріи*. Онѣ возникли здѣсь изъ учительскихъ семинарій, существовавшихъ прежде при университетахъ. „Цѣль упражненій въ нихъ состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать лекціи все болѣе излишними и еще

ни до времени заявлялась потребность спеціальнаго преподаванія археологіи какъ науки [1]). Но наиболѣе содѣйствовали распространенію этого убѣжденія—наши ученыя общества и археологическія съѣзды. Наконецъ, въ 1877 году, по иниціативѣ Н. В. Калачова, одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ ихъ, состоялось учрежденіе *Археологическаго института* въ Петербургѣ, также по образцу французской École des Chartes [2]), въ которомъ изученіе письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины, съ цѣлью подготовленія опытныхъ архивистовъ, ставится какъ прямое назначеніе учащихся [3]). Дѣйствительно, въ теченіе своего кратковременнаго существованія, институтъ успѣлъ уже дать нѣсколько извѣстныхъ имень въ области изученія и описанія нашихъ архивовъ и много содѣйствовалъ болѣе

менѣе въ томъ, чтобы студенты совершали научныя открытія или помогали наставнику при его изслѣдованіяхъ. Въ этихъ упражненіяхъ молодые люди должны, путемъ самостоятельныхъ изысканій, научиться научно работать" (I. Г. Дройзенъ: О научно-практическихъ занятіяхъ въ германскихъ университетахъ, преимущественно по исторіи, Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10). Ср. А. Г. Брикнеръ: О такъ называемыхъ историческихъ семинаріяхъ при университетахъ Германіи (Журн. Мин. Нар. Пр., ч. CLII). Въ Мюнхенской семинаріи имѣется въ виду подготовка опытныхъ архивистовъ. Въ 1884 г. при Вѣнскомъ универс. возникъ „Историческій институтъ" по образцу École des Chartes (см. о немъ статью К. Я. Грота, Ж. М. Н. Пр., ч. CCXXXII, № 4, сс. 83—103).

[1]) Въ прежнее время въ университетахъ существовала каѳедра археологіи. О каѳедрѣ юридической палеографіи въ Училищѣ правовѣдѣнія и Александр. лицеѣ (Ж. М. Н. Пр., т. LXIX, 20 и 50). О предположенномъ учрежденіи училища для чтенія хартій (Ж. М. Н. Пр., 1839, ч. XVIII, 284). Въ Училищѣ правовѣдѣнія и Александровскомъ лицеѣ палеографію преподавалъ И. П. Сахаровъ, извѣстный археологъ и издатель памятниковъ. Ему принадлежатъ: „Программа русской юридической палеографіи" и „Лекціи русской палеографіи", литографированныя въ 1852 г. (Вѣстн. Европы 1882, № 7, с. 136). О каѳедрѣ археологіи. Напоминаніе археолога, Д. П. Сонцова (Соврем. Изв. 1869. № 283).

[2]) Архивы, ихъ госуд. значеніе, составъ и устройство, Калачова, (Сборн. госуд. знаній, IV, 189).

[3]) Сборн. Археологич. института, т. I—V, 1878—82 г.; Вѣстн. археол. и исторіи, вв. I—VIII, 1885—1890.

успѣшному дѣйствію архивныхъ коммиссій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Учено-литературная дѣятельность самаго института выразилась въ изданіи „Сборника" и „Вѣстника археологіи и исторіи", посвященныхъ разработкѣ означенныхъ выше вопросовъ (см. ниже).

Библіографія: Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи, собран. и объяснен. П. Кеппеномъ. Напеч. иждив. гр. Ѳ. А. Толстова, М. 1822; Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи, И. И. Срезневскаго (Ж. М. Н. Пр., чч. CXXXIII и CCXIII; Труды II-го Археологич. съѣзда, т. I); Палеогр. изслѣд. памятн. рус. древности, его же (Изв. Ак. Наукъ, т. VI); Древ. памятн. рус. письма и языка (сюда вошли и надписи на памятникахъ вещественныхъ), его же (ib. т. X; въ 1882 г. вышло 2-е изд. того же соч. съ дополнен. А. Ѳ. Бычкова, но оно не можетъ замѣнить вполнѣ 1-го изданія, къ которому приложены были многочисленные выписки изъ рукописей и снимки памятниковъ [1]); Древнія книги, его же (Христ. Древн., изд. Прохоровымъ, 1864 г.); Свѣд. о малоизв. и неизв. памятн., его же; О русскомъ правописаніи, его же (здѣсь изложены системы старорусскаго правописанія, Ж. М. Н. Пр. 1867, ч. CLXXXIV, 449—480); Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи И. И. Срезневскаго, чит. въ Спб. унив. въ 1865—80 гг., Спб. 1885 (прилож. къ Ж. М. Н. Пр.), 261 стр., съ перечнемъ памятниковъ по вѣкамъ и прилож. характеристич. буквъ [2]); Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. И. Срезневскаго, 1-е изд., Спб. 1850; 2-е Спб. 1887, VI+164; Бесѣды о древнихъ рукописяхъ, Филарета, м. московскаго, Спб. 1836; Описаніе рукописей гр. Толстого, Царскаго, Синод. библ., Румянц. музея, Троицкой лавры, Импер. Публич. библ.; замѣтки въ Изв. Ак. Наукъ и Зап. Ак. Н.; описанія рукоп., напечат. въ Чтен. М. общ. ист.; Опис. рукоп. Востокова (матеріалы для славян. палеогр.), А. Н. Пыпина (Учен. зап. Ак. Н. по 2 отд., т. II, вып. 2); Граммат. церк. слав. яз. (Спб. 1863) и Филологич. наблюденія (1865), А. Х. Востокова; Историч. граммат. (изд. 4, М. 1875) и Историч. христо-

---

[1]) Рец. этого изданія, А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр., ч. CCXXVII).

[2]) Замѣтка о немъ В. Ягича (Вѣст. Археол. инст., в. III, 105—106).

нат. церк. славян. и древне-рус. языковъ (М. 1861), Ѳ. И. Буслаева; Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. языка съ XI по XVI стол. М. Колосова, В. 1872 г.; Начертаніе церковно-слав. граммат., А. С. Будиловича (Варш. 1883); Изслѣд. въ области рус. граммат. А. И. Соболевскаго, В. 1881; Очерки изъ исторіи русскаго языка, его же, ч. I, К. 1884; Лекціи по исторіи русскаго языка, его же, К. 1888; изд. 2-е съ измѣн. и дополн., Спб. 1891 (съ обзор. литер. до поздн. времени по всѣмъ отдѣламъ); рядъ историко-филологич. рецензій, его же (въ Ж. М. Н. Пр., Крит. Обозр., Рус. Фил. Вѣсти., Унив. Изв.); Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв., его же (Рус. Фил. Вѣст. 1886); О древне-рус. училищахъ, Н. А. Лавровскаго, Харьк. 1854 (гл. III—письмо и счисленіе въ древности); Очерки изъ исторіи духовной литер. и просв. въ древней Руси. И. Мансветова — о рукописяхъ, переводахъ и библіотекахъ (Прав. Обозр. 1876, № 9); Переписка Румянцова (съ м. Евгеніемъ, Воронежъ, 3 вып., 1868, изд. Стат. комит.; съ другими лицами—Чтен. М. О. ист. 1882, кн. I); м. Евгенія (Сборн. Ак. Н. т. V, в. 1); Востокова (т. V, в. 2); Калайдовича (Чтен. М. О. ист. 1862, кн. III; ср. Лѣт. рус. литер., Тихонравова, т. III); прот. І. Григоровича (Чтен. М. О. ист. 1864, кн. II, съ гр. Румянцовымъ и м. Евгеніемъ). Библіологическій опытъ о древней рус. письменности, А. Котляревскаго, Ворон. 1881; (литература языка, §§ 57—72; литература письма: кириллица и глаголица, §§ 73—86, стр. 156—188, 189—210); Образцы письма и украшеній изъ Псалтири съ возслѣдованіемъ по рук. XV в., хранящ. въ библ. Троицко-Серг. лавры, со введ. Ѳ. И. Буслаева, изд. Общ. люб. древн. письм. Спб. 1881, 79 стр.; Картины и композиціи, скрытыя въ заглавныхъ буквахъ древнихъ русскихъ рукописей, В. Стасова, Спб. 1884, изд. Общ. люб. древ. письмен.; Сборникъ изображеній Спасителя, Б. Матери и др. святыхъ съ X в. по XV в., конечныхъ заставокъ, заглавныхъ буквъ съ 835 по XVII в., гравиров. съ греч. и славянск. рукописей на деревѣ грав. Рыжевымъ, на 68 стр. Изд. арх. Амфилохія. М. 1885; Собраніе орнаментныхъ украшеній, изд. В. И. Бутовскимъ и Худож. промышл. музеемъ (см. ниже, стр. 1379, прим. 7); Русское искусство въ оцѣнкѣ франц. ученаго (Віоле-ле-Дюка), Ѳ. И. Буслаева (Критич. Обозр. 1879, №№ 2 и 5); Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. Крит. обз. В. И. Бутовскаго, М.

1879. Способъ опредѣленія времени написанія рукописей безъ опредѣленныхъ датъ вообще и богослужеб. рукописей въ частности, А. А. Дмитріевскаго (Прав. Соб. 1884, № 1—рѣчь).

О формѣ рус. актовъ (о такъ наз. богословіи, титулѣ, подписяхъ, изложеніи, печатяхъ, матеріалѣ и проч.) см. Примѣчанія на граммат. вел. кн. Мстислава Владиміровича etc., митр. Евгенія (Труды Общ. ист. и древн. Рос. ч. III, кн. 1, стр. 1—64); Срезневскаго (Изв. Ак. Н., т. VIII, 336—360); Описаніе разнаго рода россійскихъ граммотъ, Саларева (Вѣст. Евр. 1819, ч. CIII и CIV); О рус. дипломатикѣ, *Д—ча* (Моск. Вѣстн. 1829, ч. III; Лелевеля Polska, t. V); Собр. госуд. грам. и договор., I—V тт.; Акты, изд. Археографич. коммиссіею и др. О русской сфрагистикѣ, Ф. Родзевича (Вѣст. Арх. инст., VI, 207—221); Русская геральдика Лакіера—о печатяхъ и помѣтахъ (Зап. Рус. Арх. общ., т. VII, 1—632, съ рисунк.); др. статьи тамъ же, въ Изв. Арх. Общ., а также изданія Иванова и Моск. арх. мин. ин. дѣлъ. По метрологіи—соч. Прозоровскаго (Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII стол., Зап. Р. Арх. Общ. т. XII и др.). О томъ же предметѣ въ недавно появившемся изданіи: „Грамоты XIV и XV вв. Моск. арх. мин. юстиціи“, изслѣд. Д. М. Мейчика, М. 1883 г. Авторъ представляетъ обстоятельное изслѣдованіе почти о 300 документахъ архива со введеніемъ, обзоромъ разныхъ видовъ грамотъ, примѣч. и т. п.; Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вв., Шахматова, Спб. 1886 [1]); Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго въ древнемъ Галицко-володимірскомъ княж. въ XIV и XV стол. (Науковый Сборн., изд. литер. общ. Галицко-рус. Матицы, Льв. 1865—67 и отд. 1867); изд. Вил. Арх. ком. (стр. 109*).

Литературу палеографіи, дипломатики, сфрагистики, хронологіи и др. вспомогательныхъ знаній см. въ трудахъ Смедта, Бернгейма, Лейста (см. выше); Th. Sickel: Acta, B. I—II, W. 1867 (Bd. I: Lehre von den Urkunden); Acta Patriarchatus Constantinopolitani, ed F. Miklosich et Jos. Müller Vindob. t. I—II, 1860—62; Указатель актовъ, хран. въ обит. Аѳон. горы, архим. Порфирія Успенскаго (Ж. Мин. Нар. Пр., т. LV); Аѳонскіе

[1]) Рец. А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр., 1887, № 11).

акты и фотографич. снимки съ нихъ въ собран. Севастьянова, Т. Д. Флоринскаго, Спб. 1880; Акты рус. на св. Аѳонѣ монаст. св. вмч. и цѣлит. Пантелеймона, изд. Ф. А. Терновскимъ, Кіевъ 1873; Philipp Krug, Krit. Versuch zur Aufklär. der Bysant. Chronologie etc. Spt. 1810; Essai de chronographie Byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement de chronographes slavons de 395—1261, 2 vv., par Ed. Muralt, S.P. 1855—71; А. Энгельманъ, Хронол. изслѣд. въ области рус. и ливон. ист., Спб. 1858; Bonnell, Russisch-Liwländ. Chronographie v. d. Mitte IX Jahrh. bis zum Jahre 1410, Spt. 1862; Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства М. Ясинскаго, К. 1889; Хронологическія изслѣдованія: А. А. Куника, И. Д. Бѣляева, Д. Н. Дубенскаго, В. М. Ундольскаго, М. П. Погодина, Д. И. Прозоровскаго. Справочныя: Археографическій календарь, Н. Горбачевскаго, Вил. 1869; Wykład liczenia daty etc. Warsz. 1833; Обзоръ исторіи русскаго права, по лекціямъ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, В. II, К. 1886, стр. 268: „Акты неформальные—*доски*, формальные—записи. Первые—домашніе акты, вторые—укрѣпленные" (сн. къ стр. 96—97, примѣч.).

Что желательно для русской исторіи, Н. А. Муханова, въ Сборникѣ 1866 г., отдѣльно съ дополн., Спб. 1870, 150 стр. Въ этой книжкѣ намѣчено и затронуто много вопросовъ, относящихся къ изданію и критикѣ памятниковъ. О научно-практическихъ занятіяхъ студентовъ въ германскихъ университетахъ преимущественно исторіей I. Г. Дройзена (Ж. М. Н. Пр., ч. CXLV); О такъ наз. историческихъ семинаріяхъ при универ. Германія, А. Г. Брикнера (ib., ч. CLII); Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи, его же (ч. CLXXXVI); О практическихъ упражненіяхъ при преподаваніи новой русской исторіи въ университетахъ, его же (ч. CLXXXV); О научныхъ упражненіяхъ студентовъ, И. И. Срезневскаго (ib. ч. CXLVI); Корол. париж. школа для чтенія хартій, С. Строева (ib., ч. XVII); Школа хартій въ Парижѣ (ib. ч. XC); Историческая семинарія Вуттке въ Лейпцигѣ, И. В. Лучицкаго (Унив. Изв. 1874, №№ 2 и 5); Историч. занятія въ семин. Вайца, Френсдорфа и Паули, Ѳ. Я. Фортинскаго (Ж. М. Н. Пр. 1875); Историческія занятія въ École des Chartes и въ École des hautes études въ Парижѣ, его же (1876, № 1); О Парижской Ecole des Chartes, И.

Е. Андреевскаго (Наблюдатель, 1889, № 2); De l'enseignement superieur de l'histoire, par P. Frédérique (Revue de l'instruction publique en Belgique 1882—о препод. исторіи въ Берлинѣ, Галле, Лейпцигѣ и Геттингенѣ); Историческій институтъ въ Вѣнѣ, К. Я. Грота (Ж. М. Н. Пр. 1884, № 4); Опыты систематической обработки исторической критики, Θ. Фортинскаго (Унив. Изв. 1884, № 8); „Характеристика археологіи", Бѣляева, Харьк. 1890 г.; Попытки примѣненія эволюціонной теоріи къ археологіи, А. С. Трачевскаго (Труды VI Арх съѣзда, т. IV); Что желательно для русской исторической географіи, Д. И. Багалѣя (Труды VII Арх. съѣзда, т. I).

III.

Вопросы внутренней исторической критики.—Воспроизведеніе фактовъ. Причины и слѣдствія.—Сравнительный методъ. Гипотезы.—Культурная исторія. Философія исторіи. Изложеніе.—Значеніе личности. Единство въ исторіи. Историческій законъ.—Статистическій методъ. Прогрессъ.—Субъективизмъ. Вліяніе времени. Національныя черты.—Качества историка. Значеніе исторіи.

Всякая эпоха, всякій историческій предметъ, говоритъ Гизо, могутъ быть разсматриваемы съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія и налагаютъ на историка троякую обязанность. Онъ можетъ и долженъ отыскивать самые факты, собирать и выставлять на свѣтъ все, что случилось, не задаваясь иною цѣлью, кромѣ точности. Какъ только факты найдены, необходимо знать, какими законами они управлялись, какъ они были сцѣплены другъ съ другомъ, по какимъ причинамъ совершались событія, составляющія жизнь общества, подвигающія его впередъ, извѣстными путями, къ извѣстной цѣли. Факты въ собственномъ смыслѣ, внѣшнія, видимыя событія — тѣло, матеріалъ исторіи; это члены, кости, мускулы, органы, вещественные элементы прошедшаго; ихъ знаніе и описаніе составляетъ то, что можно бы назвать *исторической анатоміей*. Но для общества, равно какъ и для индивидуальнаго человѣка, анатомія не составляетъ всей науки. Факты не только существуютъ, но они другъ съ другомъ связаны дѣйствіемъ извѣстныхъ силъ, проявляющимся по извѣстнымъ законамъ. Однимъ словомъ, у обществъ есть организація и жизнь, какъ у особи. У этой организаціи есть также своя наука, наука скрытыхъ законовъ, управляющихъ ходомъ событій. Это—*физіологія исторіи*. Ни историче-

ская анатомія, ни историческая физіологія не составляютъ полной, настоящей исторіи. Вы перечислили факты, вы знаете, по какимъ внутреннимъ и общимъ законамъ они произошли. Знаете ли вы также ихъ внѣшнюю, живую физіогномію? Стоятъ ли они передъ вами съ своими индивидуальными, одушевленными очертаніями? Присутствуете ли вы при зрѣлищѣ участи и дѣятельности людей? Это безусловно необходимо, потому что эти умершіе факты жили; это прошедшее было настоящимъ.... Осуществленіе этой третьей задачи историка принадлежитъ *историческому искусству* [1]).

Понятно, что этотъ способъ изложенія стоитъ въ прямой противоположности съ тѣми механическими способами въ изслѣдованіи исторіи, о которыхъ нѣкогда писалъ одинъ изъ нашихъ отечественныхъ мыслителей, по поводу современныхъ русскихъ историческихъ трудовъ [2]). Лѣтописное направленіе довольствуется перечисленіемъ фактовъ и ставитъ свое достоинство въ точности и правильности передачи ихъ; прагматическое—слѣдитъ внутреннюю нить исторіи, отыскивая въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, въ характерѣ, способностяхъ, стремленіяхъ ихъ мотивы событій, и, находя, что событія лишь произведенія движущихъ силъ и человѣческой дѣятельности, оно полагаетъ, что разрѣшитъ свою задачу тѣмъ полнѣе, чѣмъ полнѣе выставитъ на видъ отношенія между *причиною* и *слѣдствіемъ*, мыслью и дѣломъ, намѣреніемъ и исполненіемъ [3]).

Техническіе пріемы исторической критики, установленные Нибуромъ и Ранке, на столько усвоены теперь, что безъ нихъ не мыслимо ни одно подобное произведеніе; но это только матеріалъ для изслѣдованія [4]). Собственно научная работа историка начинается послѣ собранія и провѣрки всѣхъ *прямыхъ* и *косвенныхъ* свидѣтельствъ, послѣ собранія и очищенія матеріаловъ, сохраненныхъ преданіемъ,

---

[1]) Исторія цивил. во Франціи, т. I, лекція xi-я.

[2]) Нѣсколько словъ о механическихъ способахъ въ изслѣд. исторіи (Рус. Бесѣда 1858, I, сс. 66—87, Н. Г—въ). Къ такимъ же механическимъ пріемамъ принадлежитъ и такъ наз. математическій методъ, нѣкогда пропагандированный Погодинымъ и вызвавшій возраженія П. Н. Кудрявцева (Сочин., I, 231—32) и И. Е. Забѣлина (Опыты, I, 355—394).

[3]) Г. Веберъ, Всеобщая исторія, I, с. 1.

[4]) Записки Новорос. унив., т. XXII, ст. А. С. Трачевскаго, с. 85, 89.

при содѣйствіи вспомогательныхъ знаній и внутренней оцѣнки свидѣтельствъ. Существеннымъ коррективомъ въ данномъ случаѣ служитъ взаимное сопоставленіе источниковъ [1]). Оцѣнка этихъ послѣднихъ возможна въ силу *единства* человѣческой природы, допускающаго общее пониманіе дѣйствующихъ мотивовъ [2]). При этомъ должны быть приняты во вниманіе духъ эпохи, личность писателя, вліяніе общихъ условій (физическихъ, психическихъ, соціальныхъ, культурныхъ), которыя оказываютъ свое воздѣйствіе какъ на ходъ историческихъ событій, такъ и на воззрѣнія и представленія писателей. При воспроизведеніи фактовъ существенную услугу историку оказываетъ *фантазія*, играющая не менѣе видную роль и въ другихъ наукахъ [3]), но умѣряемая, какъ и тамъ, критическимъ тактомъ. Въ этомъ и состоитъ ея существенное отличіе отъ поэтической фантазіи [4]). Даръ переноситься въ чуждое время и въ среду чужаго народа составляетъ въ историкѣ способность первой важности, замѣчаетъ Гервинусъ [5]). Дѣятельность историка, говоритъ В. Гумбольдтъ, яв-

---

[1]) Подробное развитіе правилъ соединенія и воспроизведенія данныхъ въ историческомъ повѣствованіи см. у Бёка (изложеніе, стр. 75—91) и Бернгейма (367—369, 391—466).

[2]) Понятно, что историку остается пожалѣть только, если до него дошли матеріалы въ недостаточной полнотѣ, если доступъ къ нимъ является невозможнымъ и еще болѣе, если, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, возможные источники оказываются уничтоженными (см. нашъ трудъ, стр. 1188, CIX, CLXXVII; Рус. Стар. 1891, LXX, 167; таковы же вынужденные пробѣлы въ запискахъ Гордона, Як. Марковича и т. п.).

[3]) Тиндаль, Роль воображенія въ естественныхъ наукахъ, Вятка 1873; рѣчь проф. М. А. Толстопятова (Бюллет. Общ. естествоиспыт. и Revue scientifique).

Въ этой рѣчи авторъ говоритъ о методахъ научныхъ изслѣдованій; о значеніи въ этихъ изслѣдованіяхъ фактическаго матеріала и его собирателей; о роли фантазіи, приводящей или къ великимъ открытіямъ и смѣлымъ гипотезамъ, далеко опережающимъ свой вѣкъ, или къ иллюзіямъ и химерамъ; о значеніи критики, регулирующей ходъ научнаго изслѣдованія, причемъ значеніе всѣхъ этихъ факторовъ иллюстрируется многочисленными примѣрами изъ исторіи науки.

[4]) Bernheim, 429—430, 437, 440.

[5]) Nekrolog auf Schlosser, S. 54.

является *самодѣятельною* и даже *творческою* не въ томъ смыслѣ, что онъ вноситъ въ фактъ то, чего въ немъ не было, но потому, что онъ *изъ себя* добываетъ то, чего не доставало факту для внутренней его истины и что не можетъ быть непосредственно воспринято чувствами. Различнымъ путемъ, но точно также какъ и поэтъ, историкъ обязанъ то, что является въ дѣйствительности разсѣяннымъ и отрывочнымъ, переработать въ себѣ въ одно цѣлое...., а для достиженія такой цѣли, историку, какъ и поэту, нужно *воображеніе*. Но такъ какъ историкъ свое воображеніе подчиняетъ опыту и изслѣдованію истины, то въ этомъ заключается его отличіе отъ поэта, парализующее всякую опасность. При такомъ подчиненіи, воображеніе историка не дѣйствуетъ какъ чистая фантазія, а потому справедливѣе можетъ быть названо даромъ предугадыванія, силою совокупленія....; поэтъ подчиняетъ матерію господству формальной необходимости; историкъ долженъ имѣть въ виду *идеи*—эти законы необходимости; проникнутый ими, онъ легко ихъ отыщетъ при строгомъ изслѣдованіи дѣйствительнаго въ его дѣйствительности. Историку предстоитъ разомъ двѣ дороги для достиженія исторической истины: 1) точное, безпристрастное, критическое изслѣдованіе совершившагося и 2) совокупленіе изслѣдованнаго, предугадываніе того, что первымъ путемъ недостижимо. Кто слѣдуетъ одному первому пути, тотъ рискуетъ сущностью исторической правды; кто пренебрегаетъ первымъ путемъ и прямо идетъ по второму, тотъ подвергается опасности погрѣшить въ подробностяхъ. Все дѣло состоитъ именно въ этомъ взаимномъ проникновеніи лица изслѣдователя и изслѣдуемаго предмета [1]).

Исторія отличается отъ другихъ наукъ преимущественно тѣмъ, что не имѣетъ дѣла непосредственно съ матеріаломъ, а видитъ передъ собою лишь отраженіе впечатлѣній, произведенныхъ на очевидцевъ и ближайшихъ свидѣтелей. Личность разскащика представляетъ какъ бы среду, чрезъ которую достигаетъ глаза изслѣдователя лучъ, исходящій отъ факта, и которая никогда не пропускаетъ его безъ затемнѣнія и преломленія, а для того, чтобы опредѣлить эти послѣднія, необходимо точное знаніе самой природы разскащика. Хотя такое изученіе не можетъ быть достигнуто вполнѣ, но все таки оно возможно, такъ какъ, не смотря на все разнообразіе отдѣльныхъ личностей и

---

[1]) Über die Aufgabe etc.

частныхъ условій, связанныхъ съ ними, сущность человѣческой природы всегда и вездѣ *одна и та же*, а потому одинаково для всѣхъ понятна. Тамъ же, гдѣ такое пониманіе, въ слѣдствіе неполноты индивидуальныхъ особенностей, становится затруднительнымъ, на помощь изслѣдователю является другой способъ дѣйствія. Обыкновенно наука заключаетъ отъ одной достовѣрной частности къ дальнѣйшей связи, еще неясной. Вѣроятность подобнаго заключенія основывается на томъ, что ни одинъ историческій фактъ не стоитъ отдѣльно, а напротивъ каждый связанъ съ другимъ по времени и пространству, по причинѣ и дѣйствію, вліяетъ на него по извѣстнымъ законамъ и въ свою очередь зависитъ отъ нихъ. Установить практически рядъ историческихъ фактовъ, значитъ обладать надежнымъ средствомъ для опредѣленія точности извѣстій о ближайшихъ, примыкающихъ къ нимъ, событіяхъ, помимо знакомства съ ихъ свидѣтелями. Прочность исторической науки, какъ и всякой другой, соразмѣрна признанію господствующаго закона. Въ этихъ двухъ способахъ изслѣдованія извѣстій заключается собственно историческая критика [1]). Но критика источниковъ, даже вполнѣ добросовѣстная и методическая, не простирается за предѣлы констатированія извѣстныхъ фактовъ. Затѣмъ начинается новая задача историка—постигнуть внутренній смыслъ ихъ, на основаніи внѣшняго ихъ проявленія, опредѣлить ихъ духовную связь и такимъ образомъ перейти къ ихъ *нравственной оцѣнкѣ*.

Такимъ образомъ сущность историческаго процесса сводится на *анализъ* и *изученіе причинъ* или ихъ сцѣпленіе, какъ вызвавшихъ извѣстныя событія, картину которыхъ даетъ намъ исторія [2]). Причина есть сумма всѣхъ условій, положительныхъ и отрицательныхъ, взятыхъ вмѣстѣ: совокупность случайностей всякаго рода, наступленіе которыхъ неизмѣнно сопровождается слѣдствіемъ [3]). Но въ наукѣ о человѣческихъ дѣйствіяхъ простой эмпиризмъ или невозможенъ или ни къ чему не ведетъ [4]). Ни дедуктивному, ни индуктивному методу,

---

[1]) Sybel, Über die Gesetze des histor. Wissens, Bonn 1864, Ss. 9—10, 17—18.

[2]) Cournot, Censidération sur la marche des idées et des evénèments dans les temps modernes. 1872, I, 223—224.

[3]) Милль, Система логики, I, стр. 385—392.

[4]) Ibid. II, 437 и д.

примѣняемымъ каждый отдѣльно, нельзя довѣрять—въ виду сложности соціальной науки. Поэтому, чтобы добыть достовѣрныя заключенія—необходимо ихъ взаимное согласіе или подтвержденіе [1]). Причинность, по Шопенгауэру, руководящая собственно дѣйствіями всѣхъ животныхъ существъ, есть *мотивъ*, познаніе котораго въ сферѣ человѣческихъ дѣйствій, какъ руководимыхъ разумнымъ сознаніемъ, становится весьма труднымъ, хотя не невозможнымъ *въ силу общности человѣческой природы* [2]). Въ свою очередь историки говорятъ о необходимости для вѣрнаго историческаго представленія открывать отдаленные мотивы, вскрывать тайныя склонности и страсти, слѣдить по самымъ темнымъ и сокровеннымъ путямъ каждое дѣяніе до его первоисточника, какъ равно и черезъ длинную цѣпь слѣдствій, однимъ словомъ знать всѣ человѣческія побужденія [3]). Тѣмъ не менѣе столь важный вопросъ, какъ вопросъ о причинности, въ теоріяхъ исторіи разсматривается довольно бѣгло и поверхностно и едва только намѣчается [4]).

Идея *причинности* должна быть изслѣдована не только по отношенію къ прагматическимъ фактамъ, но и по отношенію къ фактамъ культурнымъ [5]). Отъ лицъ, у которыхъ сознаніе причинности въ простыхъ случаяхъ крайне неопредѣленно, можно ожидать самыхъ дикихъ понятій о соціальной причинности, ибо гдѣ процвѣтаютъ другія суевѣрія, тамъ политическія суевѣрія всегда находятъ себѣ мѣсто [6]). Всеобщая приложимость закона связи причины со слѣдствіемъ составляетъ основу механизма въ природѣ и въ дѣйствіяхъ человѣ-

[1]) Бэнъ, Логика общ. наукъ, 30—33.

[2]) О четверномъ корнѣ, 45; О свободѣ воли, 57—59, 69—70.

[3]) G. Gervinus, Grundzüge der Historik, Leipz. 1837 43—44; Г. Веберъ, Всеобщ. ист. I, с. 1. Писатель, который умѣетъ только представлять, а не выяснять явленія, выполняетъ лишь половину своей задачи (Маколей, XIII, 339). Впрочемъ „скрытость мотивовъ характеризуетъ многія этическія правила,“ замѣчаетъ Бэнъ (ib., 24; ср. Шопенгауэра, Міръ какъ воля, 479).

[4]) Сущность историческаго процесса (стр. 223 и далѣе авторъ разсматриваетъ какъ понимается этотъ вопросъ разными историками).

[5]) Ibidem, 387.

[6]) Спенсеръ, Изученіе соціологіи, стр. 6—7.

чества [1]); знаніе же причинъ и ихъ слѣдствій есть именно то, что почти во всѣхъ случаяхъ опредѣляетъ выборъ и желанія человѣка въ его стремленіяхъ къ изученію окружающаго міра [2]). Взаимная связь представленій по закону причинности, отличаетъ жизнь отъ сна, говоритъ Кантъ [3]). Возвращаясь къ исторіи, необходимо прибавить, что если съ виду важныя явленія представляются иногда послѣдствіемъ частнаго, притомъ ближайшаго факта [4]), то нельзя не признать важности другаго замѣчанія, что великія событія происходятъ всегда отъ *великихъ* причинъ [5]). Поэтому справедливо можно пожалѣть, что логика такъ наз. нравственныхъ и общественныхъ наукъ, къ числу которыхъ относится и исторія,—вообще очень мало разработана, причемъ въ особенности мало изучалась въ частности логика исторіи [6]).

Размышляя о причинной связи явленій, мыслители, посвятившіе свои труды этому вопросу, приходятъ къ заключенію, что методы, употребляемые для установленія ея въ политикѣ, не могутъ дать такихъ точныхъ результатовъ, какъ въ наукахъ опытныхъ. Поэтому важную услугу въ освѣщеніи историческихъ фактовъ оказываетъ сравнительное наблюденіе явленій исторической жизни человѣка, подъ которымъ разумѣются: 1) сличеніе различныхъ формъ человѣческаго общежитія, при возможно разнообразныхъ условіяхъ; но такъ какъ этотъ пріемъ сравненія вовсе не обращаетъ вниманія на послѣдовательность явленій, разсматривая ихъ только съ точки зрѣнія сосуществованія, то во избѣжаніе ошибочныхъ заключеній необходимо присоединить къ означенному пріему 2) сравненіе историческое, т. е. сопоставленіе различныхъ ступеней послѣдовательнаго измѣненія одного и того же общества. Сопоставленіе разныхъ послѣдовательныхъ состояній общества должно повести къ раскрытію законовъ послѣдовательности одного состоянія за другимъ. Историческое сравненіе дол-

---

[1]) Исторія и теорія статистики, Вагнера (сборн., изд. подъ ред. Ю. Э. Янсона, с. 128).

[2]) Дж. Гершель, Филос. естествознанія, стр. 5—6.

[3]) Шопенгауэръ, Міръ какъ воля и пр., с. 19.

[4]) Политика Аристотеля, изд. Н. Е. Скворцова, 354.

[5]) Шлоссеръ, Ист. XVIII стол., III, 222.

[6]) Карѣевъ, Сущность ист. процесса, 209, 239.

жно идти здѣсь рука объ руку съ сравненіемъ предъидущаго порядка. Но получаемыя такимъ путемъ обобщенія имѣютъ значеніе лишь такъ наз. эмпирическихъ законовъ, подъ которыми разумѣются такія единообразія сосуществованія или послѣдованія, которыя считаются важными только по отношенію къ случаямъ, лежащимъ въ границахъ сдѣланнаго наблюденія, такъ какъ они не представляютъ ручательства, что окажутся столь же вѣрными и внѣ этихъ границъ. Такимъ образомъ истина эмпирическаго закона не абсолютна, а зависитъ отъ нѣкоторыхъ болѣе общихъ условій; поэтому эмпирическіе законы могутъ быть распространяемы на новые случаи лишь тогда, когда существуетъ увѣренность, что эти общія условія имѣютъ мѣсто и въ новыхъ случаяхъ. Причина подобнаго ограниченія сравнительнаго метода заключается также въ сложности соціальныхъ явленій. Чтобы сдѣлать правильный выводъ изъ данныхъ, полученныхъ эмпирическимъ путемъ, необходимо принять во вниманіе, что законы соціальныхъ явленій не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ законами дѣйствій и страстей человѣческихъ существъ, соединенныхъ въ общества, а слѣд. и смѣна соціальныхъ состояній должна объясняться психологическими и этологическими законами, которые управляютъ дѣйствіями обстоятельствъ на человѣка и человѣка (характера) на обстоятельства. Если бы даже, съ теоретической точки зрѣнія, политическія науки и достигли полнаго совершенства, все же, по невозможности собрать всѣ данныя и по различію ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, онѣ никогда не будутъ въ состояніи выставить рядъ такихъ общихъ научныхъ положеній, на основаніи которыхъ были бы возможны точныя предсказанія, хотя эти положенія, недостаточныя для предсказаній, могутъ быть совершенно достаточны для руководства ежедневной политикой. Есть области вѣдѣнія, въ которыхъ положенія *приблизительно* вѣрныя могутъ имѣть значеніе положеній *безусловно* вѣрныхъ [1]).

При всемъ томъ сравнительный методъ оказалъ неоцѣненныя услуги въ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія: въ лингвистикѣ, миѳологіи, исторіи религій, юриспруденціи, политикѣ, исторіи,

[1]) Милль, I, 341—351, 440; II, 45, 134, 425—426, 459—461, 501—523; Льюисъ, I, 355 и д.; Сергѣевичъ, Задача и метода госуд. наукъ, М. 1871, 205—217.

исторіи культуры и т. д. [1]). Вообще, скажемъ словами Фримана, установленіе сравнительнаго метода изученія было величайшимъ интеллектуальнымъ успѣхомъ нашего времени....; примѣненіе сравнительнаго метода къ филологіи, миѳологіи, къ политикѣ и ко всей области человѣческой мысли знаменуетъ собою въ развитіи человѣческаго ума, по меньшей мѣрѣ, столь же великую и памятную эпоху, какъ и возрожденіе классическаго изученія [2]). Само собою понятно, что сравнительный методъ не можетъ вытѣснить историческаго; сравнительный методъ долженъ опираться на историческій и, съ помощью его, достигать болѣе существенныхъ результатовъ. Онъ есть только развитіе историческаго метода, тотъ же историческій методъ, только учащенный, повторенный въ параллельныхъ рядахъ, въ видахъ достиженія возможно полнаго обобщенія [3]).

„Всѣ государственныя“ формы, говоритъ Г. Веберъ, имѣютъ свой естественный ходъ развитія, производимый дѣйствіемъ ихъ внутреннихъ законовъ; поэтому возможно, основываясь *на аналогіи* фактовъ у другихъ народовъ, подобныхъ изучаемому, или на фактахъ его, извѣстнаго намъ быта, дѣлать выводы относительно болѣе раннихъ его состояній. Историкъ тутъ вступаетъ въ область философа, пополняя пробѣлы и перерывы историческаго преданія соображеніями; но онъ не долженъ давать слишкомъ много воли фантазіи, не долженъ слѣдовать какой нибудь произвольной, хотя бы и талантливо придуманной системѣ, строить объективныя явленія изъ субъективныхъ мыслей; онъ долженъ искусною рукою съ вѣрнымъ тактомъ соединять разорванныя нити и связывать ихъ однороднымъ съ ними матеріаломъ“ [4]). Но какъ бы ни были трудны пути, которыми историку

---

[1]) Литературу его по разнымъ вопросамъ см. у Карѣева: Основные вопросы философіи исторіи (II, 11—12). Объ аналогіи въ естествознаніи (Гершель, 146, 181, 199, 248, 335).

[2]) Сравнительная политика (стр. 1 и 197); о переживаніи (с. 97 и д.).

[3]) Записки Новорос. унив., XXVII, 95; Ж. М. Н. Просв. 1870, № 11 (Исторія литер. какъ наука, А. Веселовскаго).

[4]) Всеоб. исторія, I, с. 7—Frére находитъ сходство между событіями въ исторіи отдѣльныхъ народовъ, въ одномъ и томъ же возрастѣ, и полагаетъ возможнымъ установить порядокъ послѣдовательности этихъ событій (Principes de la philosophie de l'histoire, P. 1838, pp. vi, ix, 140).

приходится возсоздавать изъ отдѣльныхъ, нерѣдко отрывочныхъ данныхъ нѣчто цѣлое, онъ не долженъ подчиняться безусловному скептицизму [1]).

Извѣстно, что весьма важнымъ подспорьемъ въ историческомъ изслѣдованіи, направленномъ какъ на изученіе отдѣльныхъ вопросовъ, такъ и болѣе широкихъ обобщеній, служатъ *гипотезы*, играющія не менѣе видную роль и въ исторіи открытій или успѣховъ въ области положительныхъ знаній. Гипотезы относительно теоріи, говоритъ Гершель, тоже самое, что ближайшія причины относительно частныхъ индукцій; онѣ заставляютъ насъ отыскивать аналогію, побуждаютъ насъ къ изслѣдованіямъ. Гипотеза, хорошо задуманная и вызванная разумнымъ индуктивныхъ обсужденіемъ общихъ законовъ, въ заключеніе, почти всегда даетъ намъ возможность сдѣлать новый шагъ въ обобщеніяхъ и свести многіе изъ такихъ законовъ въ одно болѣе общее выраженіе.... Но къ этому прекрасному мѣсту слѣдуетъ прибавить и не менѣе энергически выраженное тѣмъ же авторомъ ограниченіе: „Гипотезы нерѣдко могутъ приносить очень большую пользу; легкость составленія гипотезъ, еслибы она сопровождалась такою же легкостью *отбрасыванія ихъ*, послѣ исполненіями своего назначенія, представляетъ одно изъ самыхъ достойныхъ качествъ *философа;* съ другой стороны, *слишкомъ фанатическая привязанность къ нимъ, или къ какимъ либо взглядамъ вообще въ противность существующимъ фактамъ, губитъ всякую философію*“ [2]).

Между изслѣдователями исторіи, замѣчаетъ Дройзенъ, очень распространено мнѣніе, что критика источниковъ и документовъ и составляетъ историческій методъ; между тѣмъ задача нашей науки не

[1]) Бернгеймъ, 106—119. Гервинусъ, 90—92. Нельзя утверждать, что Савиньи успѣлъ вполнѣ рѣшить поднятый имъ вопросъ о происхожденіи новой городской общины, но онъ всего болѣе способствовалъ всестороннему обсужденію его и приблизилъ разрѣшеніе этой проблеммы своею гипотезою о происхожденіи новой общины изъ остатковъ старой римской куріи (Кудрявцевъ, т. I, Достовѣрнѣе ли становится исторія?) Между множествомъ филологовъ, усердно занимающихся критикованіемъ, настоящихъ критиковъ весьма немного и изъ сотни конъектуръ, производимыхъ учеными, вѣрными бываютъ, вообще говоря, не болѣе пяти (Бёкъ, излож., с. 38—39).

[2]) Джонъ Гершель, 248—251, 253, 260—61 и др.

ограничивается только филологическою работою. Для историческаго изслѣдованія—источники, документы и всѣ другіе роды историческаго матеріала, не болѣе как *средства*, чтобы научным образом уразумѣть *дѣла* прошедших времен, которыя могут быть умственно возстановлены нами, в том видѣ, как они нѣкогда были, *только отчасти*, по извѣстным воззрѣніям. Ближайшим образом великія событія политической жизни, имѣвшія обширное вліяніе, представляются нам как существенное содержаніе исторіи. Всѣ событія, как проявленія нравственнаго міра, имѣют свою исторію, и в своей исторіи, в образѣ своего совершенія, находят свое разъясненіе. Наконец, не одно то, что можно найти *в источниках* или в старинных актах, разъясняет нам то, что происходило. Явленія нравственнаго міра совершались при извѣстных условіях, по особым поводам и побужденіям, как дальнѣйшія послѣдствія предшествовавших событій, по идеалам или конечным цѣлям, к которым стремились тѣ или другія поколѣнія, *и все это*, на сколько может быть открыто путем изслѣдованія, служит также матеріалом для историческаго знанія. Только принимая во вниманіе всю совокупность этих моментов, историческое разумѣніе может получить полное свое значеніе, а историческое изученіе стать вполнѣ плодотворным" [1]). Таким образом в этих словах одного из видных представителей „политической исторіи" очевидно признаніе необходимости значительно расширить рамки историческаго матеріала и содержанія.

Но историческіе труды, начатые в этом направленіи, восходят еще к прошлому столѣтію, когда, с одной стороны, начинается собираніе культурно-исторических данных, а с другой—стремленіе освѣтить историческое движеніе человѣчества одной основной идеей (Вико, Вольтер). С этих пор идет длинный ряд попыток культурной исторіи, сдѣланных с различными цѣлями и с различных точек зрѣнія; онѣ дѣлались одинаково и почти одновременно в нѣмецкой, французской и англійской литературах. В тоже время в обыкновенную политическую исторію стало все больше вноситься подробностей о внутреннем состояніи государств, о нравах, управленіи, о положеніи образованности и т. п. Точка зрѣнія и самое содержаніе в

---

[1]) Ж. М. Н. Просв. 1869, № 10, с. 87.

этомъ отношеніи значительно видоизмѣняются подъ вліяніемъ историческаго и научнаго движенія вообще. Съ точки зрѣнія главнымъ образомъ политическаго развитія на долго пріобрѣли славу книги Гизо по исторіи цивилизаціи [1]). Другіе труды въ этомъ родѣ представляютъ попытки подобныхъ обобщеній съ разныхъ точекъ зрѣнія (Бокль и Дрэперъ,—умственнаго развитія; Лекки—развитія раціонализма и т. п.). Культурная исторія нашего времени, по замѣчанію **Бидермана**, есть разультатъ потребности въ болѣе широкомъ и свободномъ пониманіи всего даннаго историческаго матеріала.... Культурная исторія, собственно говоря, есть только послѣдовательное усовершенствованіе прежней политической исторіи, соотвѣтственно бо́льшему развитію самой общественной жизни, нашего знанія объ ней и нашего интереса [2]). Съ расширеніемъ кругозора исторіи, съ углубленіемъ въ сокровенныя ткани и процессы народной жизни, все яснѣе становится необходимость не ограничиваться одними прямыми свидѣтельствами документовъ и хроникъ, а привлекать въ дѣло весь запасъ памятниковъ народнаго творчества. Теперь историку необходимо умѣнье обращаться съ миѳами и преданіями, понимать отголоски былаго въ поэзіи и искусствѣ. Историкъ, понимающій условія образованія миѳовъ и религіозныхъ церемоній, откроетъ въ миѳологіи и культѣ народа остатки и слѣды понятій, нравовъ и обычаевъ, относящихся къ

---

[1]) „Исторія цивилизаціи—перечень всѣхъ исторій, всѣ ей нужны какъ матеріалъ, потому что фактъ, о которомъ она говоритъ, перечень всѣхъ фактовъ. Разнообразіе безъ сомнѣнія громадное, но не думайте, чтобы въ немъ терялось единство. Въ жизни народа, всего человѣческаго племени,—есть единство, какъ и въ жизни отдѣльнаго лица; но подобно тому, какъ на дѣлѣ, всѣ обстоятельства и дѣятельности человѣка способствуютъ образованію единаго и цѣлаго характера, такъ *единство* и *исторія народа* должны имѣть все разнообразіе его существованія, и притомъ существованія въ цѣломъ“ (Гизо, II, 245—246).

[2]) Подробнѣе см. въ обстоятельной статьѣ: Задачи историка цивилизаціи (по поводу книги Гонеггера), А. Н—ва (Вѣстн. Евр. 1869, II, 330—351). Французы употребляютъ преимущественно терминъ „цивилизація“ тамъ гдѣ нѣмцы пользуются выраженіемъ „культура,“ откуда оба выраженія вошли въ употребленіе въ русской литературы, причемъ иногда обозначаютъ тождественныя понятія, а иногда различаются (Карѣевъ, Сущность историч. процесса, 389).

той первоначальной порѣ въ жизни народа, отъ которой не сохраняется никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ [1]).

Да и самое понятіе о культурной исторіи съ теченіемъ времени получило болѣе широкое толкованіе и развитіе [2]), а изложеніе исторіи съ этой точки зрѣнія стремится стать вполнѣ независимымъ отъ политической исторіи и даже въ своего рода оппозицію къ этой послѣдней. Появляются болѣе или менѣе обширные трактаты, отстаивающіе необходимость особой и цѣльной науки, могущей внести единство въ различныя отрасли историческихъ знаній, роль которой должна принадлежать исторіи культуры [3]). Въ сущности эти споры о значеніи и предѣлахъ обѣихъ наукъ не имѣютъ сами по себѣ серьезнаго значенія и нельзя не сказать, чтобы труды по исторіи культуры, извѣстные до сихъ поръ, подтверждали право послѣдней на первенство передъ исторіею политическою, съ ея весьма богатою и все болѣе обогащающеюся литературою. Можно однако отмѣтить и другое теченіе, за которымъ должно признать болѣе права на существованіе—это стремленіе объединить оба направленія—прагматическое и культурное. Такъ и поступаютъ современные историки, давая лишь преобладаніе или прагматизму или культурѣ, а не исключая одно ради другаго. Въ основу построенія и изложенія исторіи должна быть положена, по справедливому замѣчанію автора „Основныхъ вопросовъ," какъ разъ эта идея взаимодѣйствія прагматизма и культуры, дѣятельности съ ея условіями и результатами, и среды съ находящимися въ ней продуктами дѣятельности [4]). Напомнимъ еще прекрасныя слова К. Н. Бестужева-Рюмина, давно высказанная имъ въ одной критической статьѣ: „Мы того мнѣнія, что бытовая исторія вовсе не противорѣчитъ политической, а, напротивъ, должна быть въ тѣсной, неразрывной связи съ нею; только, разумѣется, при ближайшемъ знакомствѣ съ бытомъ, измѣнится сама собою относительная важность того или другаго событія, а главное перестановится точка зрѣнія. Въ чемъ и весь вопросъ" [5]).

---

[1]) Бёкъ (подробное изложеніе), 77—80.

[2]) Сущность ист. процесса 389—391; Филос. исторіи, II, 36—65; 309.

[3]) Бурдо, стр. 123—146; Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Von Eberhard Gothein, Leipz. 1889.

[4]) Карѣевъ, II, 308—311.

[5]) Отеч. Зап. 1860, № 9. Рец. на ист. Россіи Соловьева, стр. 7.

Иного рода притязанія идутъ со стороны ученыхъ, пытающихся обновить содержаніе исторіи посредствомъ приложенія статистики [1]), политической экономіи [2]) и даже естественныхъ наукъ [3]), исходящія менѣе всего отъ самихъ историковъ и потому естественно вызывающія упреки со стороны послѣднихъ то въ парадоксальности [4]), то въ химеричности этихъ требованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, высказываются даже опасенія [5]), что, съ подчиненіемъ исторіи экономическимъ началамъ, возобладаютъ въ ней матеріалистическія воззрѣнія [6]). Но если, въ противоположность исключительно политическому элементу исторіи, вполнѣ естественно было выдвинуть на первый планъ элементъ реальный (культурный), то, съ другой стороны, рано проявилось и обратное стремленіе—объяснить историческіе факты и явленія посредствомъ обобщеній или общихъ идей, руководящихъ этими явленіями. И если даже естествознаніе имѣетъ право гордиться тѣмъ, что оно обязано со времени воскресенія философіи столь великими и блестящими успѣхами [7]), то и исторія обязана признать внесеніе въ ея разработку общихъ руководящихъ началъ за философскимъ движеніемъ новаго времени (см. выше, стр. 7); но въ этомъ вліяніи были также свои слабыя стороны, въ слѣдствіе преобладанія въ означенномъ направленіи метафизики, недостаточнаго знакомства съ фактами и вліянія личности философовъ въ объясненіи историческихъ явленій [8]). Поэтому широко задуманныя попытки въ области философіи исторіи вообще не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ [9]). Тѣмъ не

---

[1]) Бурдо, 348—349.

[2]) См. у Карѣева, I, 194.

[3]) Бернгеймъ, 91.

[4]) Карѣевъ (ibid 236—287).

[5]) Бернгеймъ, ibid.

[6]) Фриманъ, лекція 3-я; также: Der Materialismus in der Geschichtschreibung, v. Ernst Zitelmann (Preuss. Jahrbücher 1876, B. XXXVIII).

[7]) Гершель, 217.

[8]) Карѣевъ, I, 98, 169, 174. Все почти развитіе философіи исторіи происходило подъ сильнымъ вліяніемъ метафизическихъ системъ и взглядовъ. Поэтому историкъ въ правѣ былъ замѣтить: „Ничто такъ не искажаетъ исторію какъ логика“ (Гизо, Ист. цив. въ Евр., 144 стр.).

[9]) Jurgen Bona Meyer, Neue Versuche einer Philosophie der Geschichte (Hist. Zeitschr. 1871, B. XXV).

менѣе, *въ пользу* и *противъ* философіи исторіи можно назвать цѣлый рядъ именъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и весьма выдающіеся писатели въ обѣихъ областяхъ знанія. Къ первымъ принадлежатъ: Гердеръ, Фр. Шлегель, Гегель, Германъ, Бунзенъ, Альтмейеръ, Бернгеймъ, Бидерманъ, Бона-Мейеръ, Карусъ, Феррари, Фреръ, Изелинъ, Жоффруа, Краузе, Лотце, Марселли, Р. Майръ, Мерингъ, Ружмонъ, Курно, Тэнъ, Вегеленъ, у насъ Карѣевъ [1]; ко вторымъ относятся: В. Гумбольдтъ, Нибуръ [2]), Гервинусъ, Рошеръ, Рохоль, Фриманъ, Кудрявцевъ, Петровъ и др. Но уже Кантъ предъявляетъ по крайней мѣрѣ требованіе, чтобы философъ былъ знатокомъ и исторіи (Idee zu einer allgem. Gesch. 1784). Точно также Янсенъ (Die Idee des Fortschrittes in der Universalgeschichte, 1863), признавая, что философія исторіи для историка тоже самое, что логика для каждой мыслящей головы, утверждаетъ, что ею лучше всего можетъ заниматься только историкъ же и указываетъ на то, что вообще результаты философскаго умозрѣнія имѣютъ вліяніе на историческую науку, такъ какъ отъ нихъ зависитъ наше представленіе и пониманіе жизни. Другіе (Rocholl, Philosophie der Geschichte, 1878) и въ современномъ состояніи исторіи, и въ философіи находятъ не разрѣшенными самые существенные вопросы обѣихъ наукъ, но все таки ожидаютъ въ будущемъ весьма важныхъ результатовъ отъ развитія философіи исторіи. „Я вполнѣ увѣренъ, писалъ Дарвинъ Уоллесу, что безъ теретическихъ воззрѣній не можетъ быть дѣльнаго и оригинальнаго наблюденія“ [3]), и это въ одинаковой степени относится къ исторіи, какъ и другимъ наукамъ. „Всякая, идущая въ глубь *исторія*—философична, на сколько она задается указаніемъ отношеній народовъ или всего человѣчества къ идеямъ, осуществить которыя суждено имъ,“

---

[1]) Harms (1851 г.) находилъ даже, что новѣйшая философія послѣ Фихте есть ничто иное, какъ философія исторіи, а Ружмонъ отмѣчаетъ, что съ 1848 г., въ Германіи, надоѣли великолѣпныя дедуктивныя конструкціи философіи исторіи и она, нѣсколько сконфуженная, возвращается къ низменному изученію фактовъ (Н. Карѣевъ, I, 98).

[2]) „Философскихъ книгъ, которыхъ я не понимаю, у меня больше, чѣмъ нужно,“ пишетъ Нибуръ.

[3]) Life and letters of Charles Darwin including an autobiographical chapter, Lond. 1887, II, 108 (Р. Мысль 1890, № 7, с. 52).

говоритъ Лёбелль [1]). Въ свою очередь, В. Гумбольдтъ ставитъ для историка обязательнымъ уразумѣненіе идеи, господствующей въ событіяхъ проникающей ихъ. Историкъ, говоритъ онъ, ища всего въ матеріалахъ предмета, не долженъ упускать изъ виду господства идеи; онъ долженъ во всемъ оставлять мѣсто для ея воздѣйствія; онъ долженъ, подвигаясь впередъ, настраивать себя для открытія идеи, предугадывать ее, узнавать; *но* онъ долженъ болѣе всего остерегаться навязывать дѣйствительности свои собственныя идеи, или, стремясь къ созданію заранѣе обдуманнаго цѣлаго, пожертвовать живымъ богатствомъ подробностей.... Если историку не достаетъ свободы воззрѣнія, онъ не можетъ постигнуть событія во всемъ ихъ объемѣ и глубинѣ; если же въ историкѣ нѣтъ тщательной осторожности, тогда пострадаетъ живая и простая правда событій." Какъ факторы исторической жизни, идеи проявляютъ свое образовательное значеніе въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ ихъ твореніяхъ (литература, искусства, изобрѣтенія), наконецъ въ учрежденіяхъ (политическихъ, религіозныхъ, общественныхъ [2]). Обратимся къ внѣшней формѣ или собственно историческому изложенію.

Древніе придавали весьма большое значеніе этому послѣднему [3]). Въ новое время, хотя воззрѣнія на обработку и характеръ исторіи значительно измѣнились, но вниманіе къ формѣ изложенія не сдѣлалось совсѣмъ излишнимъ [4]). Конечно, требованія эти понимались различно, сообразно съ литературными вкусами и научными

---

[1]) Das reale und das ideale Element in der geschichtl. Überlieferung (Hist. Zeitschr. 1859, I, 329).

[2]) Über die Ideen in der Geschichte, v. Lazarus, Berlin 1872.

[3]) Historia quoque modo scripta delectat, говоритъ Плиній младшій, (IV, 8). Цицеронъ выражается: Quantum munus sit oratoris historia (De oratore, II, 11). Въ Титѣ Ливіѣ, по выраженію Тэна, ораторъ первенствуетъ надъ историкомъ. Ѳукидидъ, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, постоянно исправлялъ и улучшалъ стиль своей исторіи.

[4]) Вольтеръ (письмо къ И. И. Шувалову 14 нояб. 1761) пишетъ: „Le grand art est d'arranger et de présenter les évènements d'une manière intéressante." Мабли выражается (De la manière d'ecrire l'histoire, Oeuv. XII, p. 109): „Le style est une partie essentielle de l'histoire" (Louis Bourdeau, L'histoire et les historiens, P. 1888, pp. 205, 214—216).

взглядами эпохи. „Въ историкѣ, говоритъ Тэнъ, нельзя отдѣлять *художника* отъ *ученаго*. Оба таланта взаимно помогаютъ одинъ другому или, лучше сказать, образуютъ одно цѣлое, то подготовляя матеріалъ и разсуждая, то обобщая и повѣствуя, и, будучи приложены къ одному предмету дважды, раскрываютъ въ немъ, съ одинаковою проницательностью, сначала истину, затѣмъ жизнь. Ибо если взять въ исторіи разные отдѣлы искусства, то увидимъ, что они совершенны только благодаря совершенству науки, и что достигнувшая совершенства наука сама собою производитъ совершенное искусство.... Если вы лишите факты непосредственной страсти, вызвавшей ихъ, и живой окраски, ихъ освѣщающей, они проникнутъ въ нашъ умъ неполные и неточные. Пусть исторія, подобно природѣ, дѣйствуетъ на сердце и на чувство такъ же, какъ и на мысль“ [1]). Нѣсколько далѣе знаменитый критикъ нашего времени говоритъ: „Если историкъ ясно представляетъ себѣ факты, если онъ обдумалъ всѣ отдѣльныя части своей идеи; если онъ въ точности постигъ ея силу, свойства и примѣненіе,—онъ найдетъ слова и надлежащее выраженіе, непремѣнно встрѣтится съ точнымъ понятіемъ, *потому что искусство писать—есть искусство мыслить*, и для того, чтобы умѣть хорошо выражаться, надо много размышлять. Такимъ образомъ изображеніе лицъ, повѣствованіе, слогъ, выраженія, всѣ отдѣльные стороны искусства, въ сущности—*произведеніе науки* и чѣмъ она полнѣе, тѣмъ совершеннѣе искусство; искусство завершаетъ науку, какъ цвѣтъ растеніе“ ... „Въ историкѣ есть *критикъ*, который провѣряетъ факты, *ученый*, который собираетъ ихъ, *философъ*, который ихъ поясняетъ; но всѣ они должны быть скрыты за *художникомъ*, который повѣствуетъ. Они должны только подсказывать ему всѣ его слова, но не говорить сами. Исторія не должна сохранять слѣдовъ ни препаратательствъ критика, ни компиляцій ученаго, ни отвлеченностей философа. Отвлеченности, компиляція, препаратательства должны слиться въ одно произведеніе искусства подъ навтіемъ художественнаго воображенія, подобно тому, какъ въ формѣ итальянскаго скульптора серебро, олово, мѣдь и драгоцѣнные сосуды расплавились, чтобы пре-

[1]) Титъ Ливій 210—211.

вратиться въ статую божества.... Слѣдовательно для того, чтобы быть историкомъ, надо быть великимъ писателемъ" [1]).

Нѣмецкая историческая критика до извѣстной степени ограничиваетъ возможную достижимость въ исполненіи этихъ двухъ задачъ. „Исторія, говоритъ Ранке, есть искусство и вмѣстѣ съ тѣмъ наука. Она должна выполнять всѣ требованія критики и учености такъ же основательно, какъ всякая филологическая работа, но въ то же время она должна удовлетворять образовательному духу послѣдней, какъ удачныя литературныя произведенія." Однако онъ сознаетъ всю трудность въ достиженіи этого идеальнаго требованія и потому прибавляетъ: „главнѣйшее требованіе отъ историческаго труда останется всегда, какъ это и было, чтобы вещи излагались такъ, какъ онѣ представляются. Научное достоинство поэтому должно быть преобладающимъ" [2]). „Конечно, замѣчаетъ Лёбелль, мы должны разсматривать исторію, какъ искусство, и это не въ силу одного ея стремленія къ красотѣ формы, но и потому, что задача ея—связывать и сплавлять реальное съ идеальнымъ" [3]).

И Тэнъ, со свойственной историку литературы требовательностью относительно формы изложенія, жалуется, что новые историки даютъ слишкомъ много мѣста наукѣ и частнымъ подробностямъ; что искусство писать исказилось въ наши дни; что историческое повѣствованіе, расширенное критикой, знаніемъ и философіей, стало обширнѣе, правильнѣе и глубже, но потерпѣло въ чистотѣ и ясности [4]).

„Современная школа историковъ, говоритъ другой французскій критикъ, держится того мнѣнія, что историческое изложеніе вовсе не нуждается въ литературныхъ достоинствахъ. Но развѣ умъ человѣческій въ состояніи удержать надолго въ памяти чтобы то ни было, что не освѣщено животворящей рукой искусства? Наконецъ самая за-

---

[1]) Ibid. 213, 386, 389. „Не слѣдуетъ забывать, что исторія есть главнымъ образомъ повѣствованіе" (386).

[2]) Sämtliche Werke, XII, 5; ср. G. Gervinus, Historik, S. 76. Тѣмъ не менѣе, систематизаторъ исторической критики въ Германіи, Ранке—художникъ по изложенію (Зап. Новорос. унив., XXVII, 85).

[3]) Das reale und das ideale Element etc.

[4]) Стр. 389—390. Ср. также Всем. ист. Петрова, I, сс. 6 и 9.

дача исторіи и состоитъ въ томъ, чтобы на время воскрешать передъ нами факты давно-прошедшіе. И если она дѣйствительно развернетъ передъ нами правдивую картину эпохи, давно канувшей въ вѣчность, и оживитъ ее и правильнымъ освѣщеніемъ, и дѣйствительно ей сроднымъ движеніемъ, то она вполнѣ исполнила свое назначеніе. Языкъ современныхъ историческихъ писателей изрубленъ и изломанъ безпрестанными выписками, цитатами, словами въ кавычкахъ, выражающихъ, что они принадлежатъ не самому автору, а взяты или вѣрнѣе нахватаны и слѣва и справа, часто даже безъ достаточнаго критическаго отношенія, точно будто все, что старо, то и хорошо,—однимъ словомъ онъ сложился такъ, что доставляетъ читателю истинное утомленіе.... Въ легендахъ, которыя, отбрасывая всѣ подробности жизни великихъ людей, изображаютъ ее въ двухъ-трехъ картинахъ или сильныхъ сценахъ, есть масса исторической правды. Когда перелистываешь безчисленныя страницы переписки великаго человѣка, въ родѣ Наполеона, Фридриха, Мазарини или Ришелье, невольно чувствуешь, что далеко не всѣ эти страницы имѣютъ одинаковую цѣну: однѣ изъ нихъ прямо лжесвидѣтельствуютъ, другія говорятъ правду; однѣ написаны подъ вліяніемъ истинной страсти, другія съ поддѣльнымъ паѳосомъ, третьи представляютъ не больше, какъ исполненіе оффиціальной обязанности и писались съ тѣмъ же безразличнымъ равнодушіемъ, съ какимъ человѣкъ ѣлъ, пилъ или спалъ. Напрасно думаютъ современные писатели, что, нагромождая факты на факты, они замѣнятъ этимъ философскую работу.... Какъ бы ни было подробно сочиненіе, мы все таки потребуемъ отъ него ясности и простоты изложенія. Вполнѣ воскресить прошедшее невозможно, а потому мы требуемъ отъ исторіи, чтобы она давала намъ хотя бы отдѣльные образы, но на столько рельефные, осязательные и поражающіе, чтобы они навсегда запечатлѣвались въ памяти“ [1]).

Есть еще мнѣніе, по которому исторія и историческое изслѣдованіе двѣ вещи разныя, а потому элементъ художественный необходимъ въ исторіи и, напротивъ, вовсе не нуженъ въ историческомъ изслѣдованіи [2]).

---

[1]) Новѣйшія сочиненія о Филиппѣ II, статья Огюста Ложеля (Загранич. Вѣст. 1882, № 11, 57—78).

[2]) Разборъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, т. VI, К. С. Аксакова (Рус. Бес. 1856, IV, 7—8).

Какъ бы то ни было, но краснорѣчіе не тоже, что художественное изложеніе: когда нужно быть живописцемъ, замѣчаетъ тотъ же Тэнъ, опасно быть ораторомъ, въ чемъ именно болѣе всего и грѣшитъ, по его мнѣнію, Титъ Ливій [1]).

Въ свою очередь, художественная обработка требуетъ не только таланта, но труда, и болѣе широкаго знанія. Исторія есть наука и вмѣстѣ съ тѣмъ искусство. Но если бы пришлось допустить, что красота формы была бы развита въ ущербъ истины, то идея соединенія науки и искусства должна была бы быть отвергнута и признана ложною. Напротивъ, слѣдуетъ принять, что стремленіе, направленное на обработку формы, значительно помогаетъ въ дѣлѣ изученія, такъ какъ ясное представленіе основывается на живомъ знаніи, на глубокомъ и творческомъ воспроизведеніи. Свободная же и возвышенная форма является только продуктомъ духовной полноты [2]). Поэтому и Карамзинъ вполнѣ основательно соглашается съ Бюффономомъ, когда говоритъ, что великій талантъ или геній есть терпѣніе въ превосходной степени, потому что работа есть условіе искусства; охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта [3]). „Исторія, справедливо замѣчаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, не должна быть заключена въ тѣсномъ кругѣ ученыхъ; напротивъ, она должна быть знакома если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ боль-

---

[1]) Титъ Ливій, 241, 316—о лживости рѣчей его, какъ искусственныхъ, придуманныхъ. „Истина, говоритъ Маколей, составляетъ предметъ философіи и исторіи. Истина—предметъ даже тѣхъ твореній, которыя называются по преимуществу твореніями вымысла, но которыя на самомъ дѣлѣ относятся къ исторіи такъ, какъ алгебра къ ариѳметикѣ. Только одно *ораторство* имѣетъ цѣлью не истину, а убѣжденіе. Въ людяхъ съ большимъ даромъ слова почти всегда замѣчается наклонность къ софизмамъ и преувеличенію, которыми они обманываютъ на мгновеніе и себя, и слушателей" (Собр. сочин., т. IV: Объ аѳинскихъ ораторахъ, сс. 306, 367—368). Гиббонъ выражается объ Аммiанѣ Марцеллинѣ такъ: „добросовѣстность Аммiана не дозволила бы ему представлять въ ложномъ свѣтѣ факты или характеры, но его склонность къ *изысканнымъ украшеніямъ* часто вовлекала его въ неестественную вычурность выраженій" (II, 308, прим. 3).

[2]) Waitz (Hist. Zeitschr. 1861, VI, 354).

[3]) Ист. госуд. Рос., предисл.

шинству; вотъ почему истинный историкъ тотъ, кто вмѣстѣ съ тѣмъ и художникъ. Въ сущности это условіе рѣже всего исполняется на дѣлѣ. Художественность въ историкѣ состоитъ въ умѣньи представить эпоху живо и образно, что столько же обусловливается глубокимъ и всестороннимъ изученіемъ матеріала, сколько и *природнымъ талантомъ*" [1]).

Правда, есть своего рода опасность въ излишнемъ угожденіи художественному элементу. Если Вильмэнъ могъ отождествлять историка съ поэтомъ [2]), то это обнаруживаетъ въ авторѣ лишь характеръ его школы. Но есть опасность другаго рода. Писатель, гоняясь за характерными подробностями, легко можетъ вдаваться въ безконечныя біографическія изслѣдованія, а разсказъ о политическомъ переворотѣ превратить даже въ бытовой романъ [3]). Въ интересахъ истины, напротивъ, историку слѣдуетъ жертвовать иногда излишними подробностями, пригодными для картиннаго описанія, но не вяжущимися съ достоинствомъ предмета [4]). Несомнѣнно также, что всякое правительство, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ, имѣетъ свой особенный слогъ [5]); такъ какъ стиль никогда не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, какъ только отраженіемъ идей и склада ума. Извѣстно, какъ мало помогаютъ внѣшніе пріемы и какъ тщетны бываютъ стремленія къ гармонической граціи стиля, если художникъ не испытываетъ тѣхъ неуловимыхъ внутреннихъ движеній, которыя оживляютъ стиль. Только тогда человѣкъ овладѣваетъ благороднѣйшею силой выраженія, когда возвышенныя мысли, великодушныя стремленія и свѣтлые образы составляютъ обычное состояніе его ума [6]). Съ другой стороны, изложеніе весьма много зависитъ отъ степени выработанности и развитія языка [7]); отъ условныхъ при-

---

[1]) Рец. на исторію Соловьева (Отеч. Зап. 1860, № 9, с. 12).

[2]) Въ исторіи литер. XVIII стол., лек. 29.

[3]) Тэнъ, 387.

[4]) Шлоссеръ, Ист. XVIII стол., VII, 285.

[5]) Тэнъ, 220. Впрочемъ, обыкновенно приписываемое выраженіе Бюффону о стилѣ не принадлежитъ ему въ такой формѣ.

[6]) Дж. Морлей, Вольтеръ, 112, 124.

[7]) Маколей, XIII: Объ исторіи, 330. Татищевъ понималъ требованія яснаго изложенія и красоты слога, но невыработанность русскаго языка того времени не допускала выполненія этого требованія (I, стр. IX).

личій, господствующихъ въ извѣстную эпоху [1]) и т. п. Небольшое преувеличеніе, легкое упущеніе, тщательный выборъ эпитетовъ, бдительный и пытливый скептицизмъ относительно очевидныхъ доказательствъ съ одной стороны, приличное легковѣріе относительно всякаго слуха или преданія съ другой, могутъ сдѣлать святаго изъ Лода или тирана изъ Генриха IV [2]). Шопенгауэръ весьма вѣрно поэтому замѣчаетъ: „каждый прекрасный и богатый мыслями умъ будетъ всегда выражаться самымъ естественнымъ, не замысловатымъ и простымъ образомъ, стараясь, на сколько возможно, сообщить другимъ свои мысли и тѣмъ облегчить уединеніе, которое онъ долженъ испытывать въ такомъ мірѣ, какъ этотъ. Наоборотъ, духовная нищета, запутанность, свинченность станетъ одѣваться въ изысканнѣйшія выраженія и темнѣйшія рѣчи, чтобы такимъ образомъ прикрыть тяжеловѣсными, напыщенными фразами маленькія, щедушныя, тощія или будничныя мысли, подобно человѣку, который, по недостатку величія красоты, хочетъ возмѣстить этотъ недостатокъ одеждой и старается подъ варварскими убранствами, мишурой, перьями, брыжами, пуффами и мантіями скрыть щедушность или безобразіе своей особы. Какъ онъ смутился бы, если бы ему пришлось выступить нагому, такъ смутился бы не одинъ авторъ, если бы его заставили перевести его столь раздутую и темную книгу на ея малое и ясное содержаніе“ [3]). Стиль нисколько не зависитъ отъ количества написаннаго. Такъ, никогда и ни одинъ писатель, о чемъ бы онъ ни писалъ, не употреблялъ такъ мало словъ и не достигалъ въ то же время такого совершеннаго эффекта, какъ Вольтеръ. Его слогъ поражаетъ необычайною простотою, почти первоначальною близостью къ буквальному смыслу, остротою и точностью и, что̀ стоитъ выше всего этого, удивительною сжатостью. Мало этого. Самъ Вольтеръ замѣчаетъ, что въ одномъ томѣ „Системы природы“ Гольбаха въ четыре раза больше словъ, чѣмъ нужно; онъ утверждаетъ, что Раблэ могъ бы быть безъ малѣйшаго ущерба сокращенъ до одной восьмой, а Бэйль до одной четвертой и что едва ли нашлась бы хотя одна книга, которая осталась бы неурѣзанной въ опытныхъ рукахъ божественныхъ музъ [4]).

---

[1]) Маколей, I, 83—87.

[2]) Ibid., XIII, 363—364.

[3]) Міръ какъ воля и пр., 271.

[4]) Temple du Gout (Oeuvres, XV, p. 95); Морлей, 108—110. Максъ

Понятно, что художественное историческое изложеніе близко граничитъ съ художественнымъ изложеніемъ вообще. „Кто можетъ выдумать исторію и хорошо разсказать ее, способенъ будетъ увлекательно передать и исторію, которой не выдумалъ, говоритъ Маколей. Если на практикѣ нѣкоторые изъ лучшихъ романистовъ оказались самыми плохими историками, то это происходило только потому, что одинъ родъ таланта сливался у нихъ съ другимъ до такой степени, что не могъ быть отъ него отдѣленъ; привыкнувъ съ давняго времени сочинять и разсказывать вмѣстѣ, они нашли невозможнымъ разсказывать не сочиняя“ [1]). Vice versa, примѣняя это сравненіе къ нѣкоторымъ историкамъ, широко пользующимся художественнымъ элементомъ въ своихъ произведеніяхъ, можно легко понять, какъ плотно сливаются границы обоихъ родовъ творчества. Но, хотя тотъ же Маколей высказывается за внесеніе прелестей романа въ исторію [2]) и самъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта [3]), однако никто столько не способствовалъ искаженію настоящаго смысла эпохи Стюартовъ, революціи и послѣдовавшихъ за нею событій, какъ Вальтеръ-Скоттъ своими романами, имѣвшими огромное вліяніе на образъ мыслей его соотечественниковъ, а главное значеніе исторіи Маколея состояло именно въ томъ, что онъ разсѣялъ эту ткань поэтической фантазіи и возвратилъ умы своихъ согражданъ къ здравому и національному взгляду на великій кризисъ ихъ отечественной исторіи [4]). Не менѣе любопытенъ отзывъ о В. Скоттѣ—Л. Ранке, ко-

---

Мюллеръ и Клейнпауль полагаютъ, что въ обращеніи обыденнаго человѣка находится отъ 3000 до 4000 словъ, великіе ораторы пускаютъ въ ходъ до 10000 словъ, а простой сельскій рабочій обходится 300. У Мильтона насчитано было 7000 словъ, у Шекспира—15000 словъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ—5642 слова (Петри, Антропологія, 570).

[1]) Собр. сочин., XIII, 335.

[2]) Ibid., 371.

[3]) См. біогр. его, сост. Г. Вызинскимъ (Собр. соч., I, LI). Между тѣмъ какъ Нибуръ указалъ на эпическія рапсодіи, легшія въ основаніе обыкновеннаго разсказа о періодѣ царей въ Римѣ, Маколей, подъ вліяніемъ гипотезы Нибура, пишетъ „Пѣсни древняго Рима,“ тонъ и манеру для которыхъ онъ заимствуетъ у Вальтеръ-Скотта (ibid. с. LXVIII). Восторженный отзывъ о послѣднемъ у Маколея (XIII, 371).

[4]) Ibid., I, біогр. очеркъ, стр. XXIX—XXXI.

торий также воспитывался подъ вліяніемъ его произведеній. Въ своей юбилейной рѣчи, вспоминая это время, онъ выразился: „тогда появился Quentin Durward В. Скотта и я сказалъ: Боже мой, Коминъ и другія извѣстія, приложенныя къ его мемуарамъ, излагаютъ это совершенно иначе. Я былъ, такъ сказать, оскорбленъ за старыхъ государей, которымъ онъ приписываетъ другія чувства, чѣмъ они имѣли. Я почувствовалъ отвращеніе къ *историческому роману*, именно къ такому отношенію къ событіямъ, и пришелъ къ рѣшенію, что въ исторіи должно избѣгать всего, *что существенно уклоняется отъ достовѣрной традиціи о фактахъ*. Я не отрицаю, что эти соображенія укрѣпили меня въ критическомъ методѣ, который потомъ считался отличительнымъ признакомъ моихъ сочиненій, т. е. стоялъ на томъ, *что буквально передано или что изъ этого можетъ быть выведено съ извѣстной достовѣрностью*“ [1]).

Также знаменательно, что два другихъ нѣмецкихъ историка, притомъ принадлежащіе къ совершенно противоположному направленію, не менѣе строго отнеслись къ историческому элементу въ произведеніяхъ В. Скотта. Это были—Шлоссеръ [2]) и Гервинусъ [3]). О нашихъ историческихъ романахъ, большею частію и служащихъ проводниками историческихъ свѣдѣній, значеніе которыхъ мало измѣнилось даже съ 30-хъ годовъ (см. стр. 85), мы не распространяемся. Правдивое слово о нихъ было сказано еще недавно на страницахъ одного историческаго журнала [4]) и одною извѣстною писательницею [5]).

---

[1]) Два юбилея въ Берлинѣ (Вѣст. Евр. 1886, № 4, с. 859).

То, что называется романтизмомъ въ исторіи, въ самомъ дѣлѣ составляетъ наименѣе романическую сторону ея (Маколей, XIII, 339).

[2]) Шлоссеръ, VII, с. 249.

[3]) Ист. XIX вѣка, I, 329—330. Послѣдній говоритъ: „Его разсказы породили тѣ самыя зловредныя, полупоэтическія, двуполыя произведенія, которыя не удовлетворяли художественнаго чувства и затемняли историческій смыслъ, которыя послѣ изгнанія изъ исторіи древнихъ сагъ, снова вводили въ нее еще болѣе опасный родъ миѳовъ и сообщали превратное понятіе о людяхъ и временахъ, трудно исправимое лучшими историческими сочиненіями“ (ср. еще стр. 400).

Нибуръ, напротивъ, съ большимъ удовольствіемъ читалъ Вальтеръ-Скотта и Купера (Lebensnachrichten).

[4]) Объ историческихъ романахъ. Замѣтка издателя Русскаго Архива (1881, III, 214).

[5]) Русская Мысль 1890, № 11 (біогр. оч. Крестовской-Хвощинской).

Само собою ясно, что исторія не можетъ и не должна быть романомъ. Исторія, по замѣчанію **Фримана**, кажется легкою еще потому, что писатель историческій болѣе или менѣе обязанъ заботиться *объ изяществѣ разсказа*, такъ какъ историческія книги *по большей части имѣютъ повѣствовательный характеръ*. Поэтому писатель, угождающій своимъ разсказомъ вкусамъ публики, пишущій слогомъ романовъ или газетныхъ фельетоновъ, можетъ имѣть въ публикѣ болѣе вліянія, чѣмъ писатель, болѣе его знающій, точнѣе относящійся къ источникамъ, но не прибѣгающій къ литературнымъ эффектамъ. Впрочемъ, прелесть литературнаго изложенія, по замѣчанію того же автора, въ рукахъ мастера не мѣшаетъ серьезному значенію его труда, въ примѣръ чего онъ приводитъ имена Гиббона, Арнольда и Маколея [1]).

Вотъ почему, при воспроизведеніи фактовъ въ ихъ послѣдовательной связи и соединеніи въ одно цѣлое весьма важную роль играетъ правильное освѣщеніе ихъ,—такъ наз. *перспектива событій*. Исторія, по выраженію **Маколея**, имѣетъ свой первый планъ и свой фонъ и пониманіемъ перспективы обусловливается все различіе одного художника отъ другаго. Нѣкоторыя событія должны быть представлены въ большемъ видѣ, другія уменьшены; большая часть событій должна скрываться въ туманномъ горизонтѣ, общая же идея должна быть выражена немногими легкими штрихами [2]). Отдаленность времени производитъ ошибку, подобную той, какую производитъ иногда отдаленность мѣста. Такъ, многіе почтенные люди полагали, что въ Индіи всѣ люди живутъ вмѣстѣ и потому поручали знакомымъ, ѣдущимъ въ Калькутту, поклоны въ Бомбей. Точно также Роллену и Бартелеми казалось, что всѣ классики были современниками [3]). Большая или меньшая отдаленность факта несомнѣнно вліяетъ на силу впечатлѣнія. Молва, говоритъ Вико, проходя безконечный путь отъ начала міра, сдѣлалась неистощимымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ высокихъ мнѣній, которыя до настоящаго времени составлялись о неизвѣстной и отдаленной древности; къ этому присоединилось то свойство человѣческаго духа, на которое указываетъ Тацитъ въ „Жизни Агрико-

---

[1]) Лекція 2-я.

[2]) Собр. соч., т. XIII, 337.

[3]) Ibid. 365.

лы,“ говоря omne ignotum pro magnifico est (все неизвѣстное считается великимъ [1]).

Какъ за отсутствіемъ болѣе древнихъ свидѣтельствъ, является опасность принимать за основаніе болѣе позднія данныя [2]), такъ за отсутствіемъ достаточнаго количества памятниковъ отъ древнѣйшей эпохи, мы пользуемся иногда для характеристики ея единичнымъ свидѣтельствомъ или документомъ и придаемъ имъ гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ они имѣютъ на самомъ дѣлѣ. „Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, говоритъ поэтому поводу Карамзинъ, тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти, не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіогноміею“ (предисл.). Изъ этого ясно видно, какъ былъ бы односторонен взглядъ на Владиміра Мономаха, если бы мы ограничились характеристикою его лишь по его духовному завѣщанію, а между тѣмъ въ исторіи нерѣдко приходится пользоваться отдѣльными извѣстіями, не имѣя возможности провѣрить ихъ другими данными. Въ наукѣ, какъ и въ жизни, по выраженію Кудрявцева, обыкновенно, чѣмъ темнѣе передъ глазами, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе фантазіи [3]).

Непосредственное *впечатлѣніе*, какъ извѣстно, всегда сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе и представленіе о фактахъ, нежели какими они оказываются часто въ дѣйствительности. „Вы конечно встрѣчали, говоритъ Гизо, въ прочитанныхъ вами книгахъ выраженія: „наводненіе,“ „землетрясеніе,“ „пожаръ.“ Таковы термины, которыми обыкновенно характеризуютъ вторженіе варваровъ. Я считаю ихъ обманчивыми; они вовсе не изображаютъ ни способа, какимъ совершилось вторженіе, ни его непосредственныхъ результатовъ. Человѣческому языку свойственно преувеличивать; слова передаютъ не столько самые факты, сколько впечатлѣніе ихъ на человѣка; факты описываются, получаютъ названіе,

---

[1]) Стасюлевичъ, Опытъ историч. обзора главныхъ системъ философіи исторіи, Спб. 1866, с. 60—61. Ср. выше, стр. 47, примѣч. 1.

[2]) Пѣльманъ, 17, 30, 32. Впрочемъ повѣрка нашихъ мнѣній хотя не современными, но болѣе близкими къ изучаемой эпохѣ указаніями можетъ иногда уяснить положеніе вопроса (Пироговъ, с. 3).

[3]) Сочин., I, 149.

уже прошедши сквозь умъ человѣка и согласно впечатлѣнію, какое они въ немъ произвели. А впечатлѣніе никогда не бываетъ вѣрнымъ и полнымъ изображеніемъ факта. Во-первыхъ, оно имѣетъ чуждый фактамъ индивидуальный характеръ; великія событія, вторженія чужеземнаго народа напр., разсказываются людьми, находившимся лично подъ ихъ вліяніемъ, въ качествѣ жертвъ, дѣятелей, зрителей: тотъ, кто видѣлъ, какъ горѣли его домъ или деревня, быть можетъ назоветъ вторженіе пожаромъ, въ мысляхъ другаго оно представится наводненіемъ, землетрясеніемъ. Эти образы истинны, но истинность ихъ, если можно такъ выразиться, полна предубѣжденья и эгоизма: они воспроизводятъ впечатлѣніе нѣсколькихъ личностей, но не выражаютъ ни факта во всей его широтѣ, ни вліянія его на страну въ цѣлой совокупности. Такова, притомъ, инстинктивная поэтическая сила человѣческаго ума, что онъ склоненъ получать отъ фактовъ впечатлѣніе болѣе живое, болѣе могучее, чѣмъ самые факты. Онъ стремится ихъ расширять, облагораживать, они дѣлаются для него какъ бы матеріаломъ обработки, темой, служащей ему для упражненія; изъ нея онъ извлекаетъ или, лучше сказать, влагаетъ въ нее красоты и эффекты, которыхъ въ ней не было. Такимъ образомъ двѣ противоположныя причины дѣлаютъ языкъ обманчивымъ: съ матеріальной точки зрѣнія, факты крупнѣе человѣка, и онъ знаетъ, описываетъ въ нихъ только то, что лично его поразило; съ нравственной точки зрѣнія, человѣкъ крупнѣе фактовъ, и описывая ихъ, онъ придаетъ имъ извѣстную долю своего собственнаго величія. Вотъ чего никогда не слѣдуетъ забывать при изученіи исторіи, въ особенности при чтеніи современныхъ памятниковъ“ [1]).

Припомнимъ, какъ разнятся между собою показанія современниковъ о казняхъ Ивана Грознаго въ Новгородѣ, причемъ мѣстныя свидѣтельства оказываются болѣе общими и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе преувеличенными [2]). При всемъ нашемъ уваженіи къ достойнымъ писателямъ (эпохи англ. революціи), говоритъ Маколей, мы осмѣливаемся замѣтить, что они жили слишкомъ близко къ тому событію, о которомъ писали, чтобы правильно судить о немъ [3]). Точно также,

[1]) Гизо, Ист. цив. во Франціи, I, 146—147.

[2]) См. ниже, стр. 611, 638.

[3]) Собр. сочин., I, 207.

по замѣчанію Талейрана (записки), близко стоявшаго къ событіямъ французской революціи, эта послѣдняя представлялась туманною и загадочною даже для тѣхъ, кто въ ней принималъ участіе. Событія шли такъ быстро одно за другимъ, что трудно было въ нихъ оріентироваться. Такимъ образомъ для историка гораздо легче отнестись вполнѣ объективно даже къ такимъ эпохамъ, какъ время Тиберія, Людовика XI или Ивана Грознаго, нежели къ менѣе тяжкому, но болѣе близкому къ нему бѣдственному состоянію. Равнымъ образомъ, дѣйствительная оцѣнка великихъ событій начинается всегда гораздо позже. Il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre. „Виновники великихъ преобразованій никогда не пользуются популярностью въ свое время. Въ безпокойствѣ и опасностяхъ проходитъ ихъ жизнь. Для пользы человѣчества память такихъ людей должна служить предметомъ уваженія; надежда имѣть великое и нетлѣнное имя должна ихъ поддерживать противъ презрѣнія и ненависти современниковъ" [1]). Но невѣрность въ представленіи фактовъ можетъ быть также результатомъ обобщеній, выводовъ, огульныхъ цифровыхъ данныхъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ и исторія, и ежедневный опытъ [2]). Поэтому Токвиль въ своемъ соч. „Старый порядокъ и революція" пользовался только фактами, наиболѣе часто встрѣчающимися въ актахъ и притомъ въ разныхъ мѣстахъ, ибо, какъ *общіе факты*, они наиболѣе

[1]) Сочин. Маколея, II, 294.

[2]) Спенсеръ, Изученіе соціологіи, сс. 118, 122, 139, 397.

Таковы напр. нѣкоторыя цифровыя показанія лѣтописей (Ипатіев. 152—153; Лавр. 211; Никоновская, I, 120; Татищевъ, II, 147); весьма не сходныя между собою извѣстія о казненныхъ Иваномъ Грознымъ; показанія Корба—о казненныхъ стрѣльцахъ сравнительно съ другими свидѣтельствами (Устряловъ, III, 405—407); раскольничьи синодики, изложенныя витіеватымъ слогомъ и картинными описаніями, противорѣчащими нерѣдко документамъ (Расколъ на Дону, В. Г. Дружинина, 283—284). По поводу неистовствъ, совершенныхъ надъ казаками поляками, см. полемику между Костомаровымъ и Кулишемъ (В. Европы 1882, IV, 734—36). О числѣ мучениковъ (Гиббонъ, II, 27, 1155, 181), гоненій (141), проскрипцій Суллы (V, 93), жертвъ эпидемій (V, 570—71) и войнъ (Шлоссеръ, VIII, 143, 158). Относительно римскихъ катакомбъ см. выше с. 154. Замѣчанія о цифровыхъ данныхъ (Бернгеймъ, 323—324).

характеристичны. Анекдотъ, по замѣчанію Фримана, наоборотъ, представляя исключительный случай, рѣдко можетъ служить для характеристики общества. Часто бываетъ, что историки, боясь впасть въ банальность, лишь мелькомъ упоминаютъ о фактѣ, который считаютъ достаточно извѣстнымъ и въ то же время съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго назначенія, останавливаются на совершенно ничтожныхъ мелочахъ потому, что онѣ *новы*. Въ слѣдствіе этого читатель невольно утрачиваетъ правильное сужденіе о соразмѣрности фактовъ и событій [1]). „*Драматическое движеніе*, драматизированіе лицъ и событій, и, какъ необходимое слѣдствіе этого, оживленное бойкое изложеніе, текучій, быстрый разсказъ—все это такія достоинства, которыя для большинства во многихъ случаяхъ совершенно могутъ заслонить собою историческую правду, фактическую достовѣрность," говоритъ И. Е. Забѣлинъ [2]).

Съ другой стороны, людямъ свойственно преувеличеніе близкихъ имъ событій, въ которыхъ они являлись участниками или невольными жертвами. Исходъ напр. битвы при Деліонѣ былъ важнѣе для аѳинянъ, чѣмъ судьба „Всадниковъ" Аристофана. Для насъ значеніе перваго исчезло, между тѣмъ какъ знакомство со второй расширяетъ нашъ кругозоръ [3]). Подобнымъ же недостаткомъ нерѣдко страдаютъ историческія аналогіи. Таково напр. извѣстное сопоставленіе фактовъ двухъ различн. порядковъ у Карамзина. „Если исключить изъ безсмертнаго творенія Ѳукидидова вымышленныя рѣчи, говоритъ онъ, что останется? голый разсказъ о междоусобіи греческихъ городовъ: толпы злодѣй-

---

[1]) Ложель (Загранич. Вѣст. 1882, № 11).

[2]) Опыты И. Е. Забѣлина, I, 395. Какъ ни пріятно для читателя, но очень дурно стремленіе придавать историческимъ характерамъ, будто героямъ романа, поэтическую позу и законченность, которой не встрѣчаемъ въ житейскомъ мірѣ; противно истинѣ и критикѣ желаніе поэтически и психологически развивать по аналогіи историческіе характеры, на основаніи матеріаловъ, чрезвычайно недостаточныхъ, постоянно мотивировать каждое дѣйствіе, событіе, каждую катастрофу, расписывать и расцвѣчивать словами подробности. Мы не говоримъ о поэтѣ, для котораго исторія только средство, а не цѣль" (Шлоссеръ, VII, 17). Тутъ же объ отношеніи исторіи къ поэзіи (17—18).

[3]) Маколей, III, 163—165.

ствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, *какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома? Немного разности, если забудемъ, что* сіи *полутигры* изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное?.... а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которыя едва ли важнѣе половецкихъ набѣговъ" (предисловіе). Ѳукидидъ замѣчаетъ, что люди, пока воюютъ, считаютъ каждую современную войну важнѣйшею, а по окончаніи ея снова больше восхищаются старпною [1]). Люди, по удачному выраженію Маколея, всегда имѣли обыкновеніе толковать о добрыхъ старыхъ временахъ ихъ предковъ и о вырожденіи ихъ современниковъ; но это, конечно, пустыя слова [2]). Изъ этого же чувства возникаютъ многочисленныя сказанія о золотомъ вѣкѣ и преклоненіе передъ древними вообще [3]). Изъ этого же чувства возникаютъ нерѣдкія въ исторіи стремленія къ возсоздаванію формъ, повидимому давно отошедшихъ въ область послѣдней. Люди, недовольные настоящимъ часто обращаются къ прошедшему и пересоздаютъ его сообразно съ своими надеждами и требованіями. Въ прошедшемъ ищутъ они формы для будущаго. Такого рода антикварныя построенія общественныхъ отношеній едва ли когда имѣли успѣхъ, но они не мало содѣйствовали порчѣ исторіи, какъ науки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мечты Агиса и его друзей значительно подѣйствовали на позднѣйшія, перешедшія къ намъ представленія о Ликурговомъ законодательствѣ, говоритъ Грановскій [4]). Даже болѣе того. Исторія, въ которой вѣрно переданъ каждый отдѣльный случай, можетъ, *въ слѣдствіе неправильнаго освѣщенія*, въ цѣломъ быть невѣрной [5]).

---

[1]) Пелопон. война, I, 21.

[2]) Собр. соч. II, 294.

[3]) Ibid., 146—147.

[4]) Грановскій, II, 128; ср. литературу этого вопроса, Пёльманъ, стр. 17—18 и примѣч. къ нимъ.

[5]) Маколей, XIII, 368—369.

Философы и историки согласны въ томъ, что главные факторы исторіи суть человѣческіе поступки [1]). Такимъ образомъ при оцѣнкѣ историческихъ явленій, большое значеніе пріобрѣтаетъ—*вліяніе личности*[2]). Ни одна индивидуальная сила, по замѣчанію Лотце, не способна дать себѣ ходъ въ исторіи, если не съумѣетъ подчинить на службу своимъ цѣлямъ какую нибудь изъ общихъ пружинъ дѣятельности и нѣкоторыя наклонности къ страданію или терпѣнію, лежащія въ человѣческой природѣ. Но равно справедливо и то, что энергическіе люди, которые своею изобрѣтательностью или упорнымъ постоянствомъ воли рѣшительно вліяли на ходъ исторіи, вовсе не были только чадами и выраженіями своего вѣка. Въ большинствѣ случаевъ тотъ общій духъ человѣчества, котораго органическое развитіе мы превозносимъ, доходилъ только до ощущенія наличнаго гнета, до жаждущаго настроенія и благочестиваго желанія какой либо перемѣны: онъ ставилъ задачи, которыхъ рѣшеніе было потребностью; выполненіе же этихъ желаній и особенная форма выполненія всегда были заслугою и дѣломъ *немногихъ* лицъ. Въ другихъ случаяхъ не предшествовало даже и немощное чувство потребности, а одни только удавшіяся духовныя стремленія немногихъ съ трудомъ преодолѣвали косное, тупоумное упорство *массъ* и ставили новыя цѣли ихъ движенію. Наконецъ тамъ, гдѣ индивидуальная сила въ самомъ дѣлѣ бралась за задачи времени, то даже и въ этой ея дѣятельности быть можетъ только немногіе точно выполняли то, что̀ требовалось данною минутой: большинство людей, въ добрѣ ли или въ худѣ, весьма ощутительно привносятъ вмѣстѣ съ участіемъ своимъ то, что̀ или далеко переходитъ за предѣлы потребности или идетъ себѣ въ сторону, совершенно ее минуя. Въ безднѣ случаевъ предусматриваемое развитіе вдругъ подвергалось перерыву; хитрый разсчетъ дальновидныхъ умовъ часто заставлялъ даже и глубоко возбужденное настроеніе позабывать первоначальную цѣль его стремленій и на долго подчинялъ его цѣлямъ искусственнымъ, случайнымъ. Способы представленія, пущенные въ ходъ большими талантами среди благопріятныхъ обстоятельствъ, сопротивлялись прогрессу съ неимовѣрной стой-

---

[1]) Тардъ (Revue philosophique 1882, sept., 270); ср. слова Дройзена, выше, стр. 170.

[2]) Карѣевъ, I, 53.

костью цѣлые иногда вѣка. Художественныя формы, вовсе не имѣвшія права на вѣчное значеніе, не выработанныя высокими умами, продолжали удерживать господство свое вопреки измѣнившейся между тѣмъ жизни человѣчества; даже въ наукѣ унаслѣдованныя заблужденія передаются изъ рода въ родъ, на подобіе хронической болѣзни.... Сѣмена образованія не всходили какъ подростающій молодой лѣсъ, съ органическою необходимостью и правильностью, на большихъ пространствахъ однимъ разомъ, но шаткое, неспособное, лишенное творчества влеченіе массы получало первыя явственныя цѣли и первыя поощрительныя удовлетворенія, благодаря счастливымъ пріемамъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Это вліяніе личностей безъ сомнѣнія однакожъ не равно, смотря по разнымъ областямъ человѣческой дѣятельности, по особому характеру историческихъ эпохъ и по многоразличію условій, существующихъ для взаимодѣйствія между индивидуальной силой и массою человѣчества. Зависимость отъ природы всего болѣе вызываетъ людское остроуміе на изобрѣтательность, и помыслы, оказывающіе здѣсь самыя необходимыя услуги, возникаютъ изъ такихъ простыхъ комбинацій обыкновенныхъ опытовъ, что первичное домохозяйство, находимое нами у разнообразнѣйшихъ народовъ,—оружіе, утварь, плетеныя издѣлія и убранство,—легко объяснимо изъ всеобщаго инстинкта, безъ особаго изобрѣтенія отдѣльными лицами. Но всѣ утонченнѣйшія и высшія подспорья, которыя вели къ болѣе многоплодному овладѣнію природою, связаны съ именемъ отдѣльныхъ изобрѣтателей; въ промежутокъ отъ первыхъ своихъ началъ до эпохи общаго распространенія образованности,—эпохи, къ которой мы можетъ быть приближаемся, жизнь и въ этомъ отношеніи также имѣла свой *героическій вѣкъ*. И подобно тому, какъ въ другихъ областяхъ ея, онъ и здѣсь постепенно проходитъ [1]).

Неоспоримо, говоритъ Кудрявцевъ, что всякое великое историческое явленіе приготовляется вѣками. Но неужели въ этой подготовкѣ участвуютъ только физическія условія, и, въ сравненіи съ ними, вліяніе отдѣльныхъ личностей оказывается совершенно ничтожно? Намъ очень любопытно было бы видѣть, какъ, напр., объяснили бы намъ исторію быстраго возвышенія Пруссіи въ XVIII в. безъ той великой

---

[1]) Микрокозмъ. Опытъ антропологіи, Г. Лотце, III, 78—80.

роли, которая принадлежала лично Фридриху II; намъ любопытно было бы знать, какъ физическія условія могли произвести такія явленія, какъ крестовые походы, или такія учрежденія, какъ рыцарство и пр.[1]). Точно также и культурный процессъ заключается въ измѣненіи состояній, происходящемъ благодаря дѣйствіямъ людей. Это не есть безличная эволюція: какъ только событія, вызывающія перемѣны, суть дѣйствія, поступки, то настоящими агентами исторіи являются поступающіе или дѣйствующіе. Взаимодѣйствіе событій и состояній приводитъ такимъ образомъ къ взаимодѣйствію личностей и культурныхъ формъ[2]). Какъ извѣстно, въ началѣ своей политической исторіи древность вездѣ выставляетъ имя какого нибудь законодателя и если часто неясныя мечты о темномъ происхожденіи народовъ появляются въ исторіи безъ личныхъ основателей, то религіи не выступаютъ безъ нихъ никогда.... Съ другой стороны, чѣмъ живѣе взаимное соприкосновеніе въ какомъ либо обществѣ, чѣмъ развитѣе въ немъ обмѣнъ мыслей и чѣмъ болѣе распространены оба на обширныя совокупности народовъ, тѣмъ болѣе измѣняются и условія личныхъ вліяній. Поприще возможныхъ для нихъ дѣйствій конечно увеличивается, но вѣроятная величина ихъ дѣйствительности уменьшается относительно всего, что не составляетъ прямаго продолженія и выполненія насущныхъ позывовъ и потребностей; такъ какъ всему этому противостаетъ совокупная сила общественнаго мнѣнія и настроенія, а потому и не легко допустить произволъ личнаго вмѣшательства сорвать ее съ тѣхъ многочисленныхъ корней, которыми прикрѣплена она къ почвѣ, и увлечь на совершенно новые пути развитія[3]).

---

[1]) Сочиненія, I, 51.

[2]) Карѣевъ, Сущность истор. процесса, 610.

Тардъ выражается: „всѣ спеціальныя модификаціи, крупныя или мелкія, въ сущности происходятъ изъ индивидуальныхъ иниціативъ, изъ болѣе или менѣе разрозненныхъ личныхъ плановъ.“

[3]) Лотце, III, 81—83. Фридрихъ II писалъ Вольтеру: „Мы не распоряжаемся нашей судьбой: вихрь обстоятельствъ уноситъ насъ, а мы должны подчиниться ему“ (Oeuvres de Voltaire, LXXIII, 456; Морлей, 155). Съ другой стороны, чѣмъ долѣе существуетъ человѣческій родъ и чѣмъ болѣе онъ цивилизуется, тѣмъ болѣе вліяніе прошлыхъ поколѣній на настоя-

Таковы именно явленія позднѣйшей эпохи. Выдающійся рядъ великихъ дарованій уменьшился, но число дарованій среднихъ тѣмъ болѣе возрасло; слава нашего вѣка не въ качествахъ и высотѣ образованія нѣкоторыхъ личностей, а въ количествѣ, въ распространеніи образованія между многими. Если это не время глубокой культуры, способной улучшить внутреннюю природу человѣка, то по крайней мѣрѣ время цивилизаціи, способствующей улучшенію внѣшняго положенія человѣчества. Исторіи настоящаго времени не достаетъ того величія, которое могли бы сообщить ей избранные люди. Поэтому исторія нашего времени не можетъ представлять однѣ біографіи и исторіи государей, но должна представлять исторію народовъ [1]). Худшее одного вѣка часто похоже на лучшее другаго: на этомъ основывается сглаживаніе чертъ въ сферѣ знанія, въ бытѣ, общественныхъ условіяхъ и понятіяхъ [2]).

Благодаря такому вліянію личности въ исторіи, въ жизни и наукѣ складывается поклоненіе героямъ или великимъ людямъ (Карлейль, Чтенія о герояхъ и поклоненіи имъ, I, стр. 1 и 71; также Геннекенъ, Жоли [3]), которое, въ свою очередь, вызываетъ болѣе или менѣе сильныя возраженія. Одни готовы не признавать за исторіею ея настоящаго значенія, пока она не станетъ исторіею *всѣхъ*, принимающихъ участіе въ событіяхъ, а не привилегіей однихъ героевъ [4]); другіе—по край-

---

щее и человѣчества en masse на каждое его недѣлимое (Милль, II, 526). Параллельно съ историческою жизнію въ обществѣ совершается біологическій процессъ обновленія поколѣній и т. д. (Карѣевъ, Сущность, 184 и д.).

[1]) Гервинусъ, Введеніе, 136—137. „Едва ли можно сказать, что Имперія окончательно умерла, но что ее могъ бы оживить какой нибудь дѣйствительно великій человѣкъ, подобно тому, какъ такой человѣкъ могъ бы, можетъ быть, сдѣлать теперь власть англійскаго короля настоящей властью" (Дж. Брайсъ, Свящ. Рим. имперія, 319).

[2]) Маколей, II, 200—201.

[3]) „По моему мнѣнію всеобщая исторія, исторія того, что совершилъ человѣкъ въ этомъ мірѣ, въ сущности есть исторія великихъ людей, дѣйствовавшихъ въ немъ". Замѣчанія на это мнѣніе Спенсера (Изуч. соціологіи, 44 и дал.). Морлей: „исторія нисколько не теряетъ своего интереса, если ее не искажаютъ и не превращаютъ въ новую агіографію" (170).

[4]) Л. Н. Толстой (Война и миръ, 242, 252, 264).

ней мѣрѣ значительныхъ группъ [1]); а третья—вполнѣ *безличной* [2]). Но исторія именно и отличается отъ другихъ наукъ этимъ *личнымъ* элементомъ, будемъ ли мы придавать значеніе въ общей цѣли событій каждому индивидууму (Ренанъ), или тѣсно связывать появленіе „великаго человѣка“ съ общественнымъ состояніемъ, его подготовившимъ [3]), со средою, болѣе или менѣе благопріятною для его появленія [4]) и т. п. Милль вполнѣ справедливо замѣчаетъ: „Теорія подчиненія общественнаго прогресса неизмѣннымъ законамъ часто соединяется съ ученіемъ, что на соціальный прогрессъ не могутъ имѣть существеннаго вліянія отдѣльныя лица или дѣйствія правительства. Что бы ни случилось, все будетъ дѣйствіемъ причинъ, включая сюда и человѣческія желанія; но отсюда не слѣдуетъ, что желанія, даже желанія частныхъ лицъ, не имѣютъ большой силы, какъ причины ..... Какъ бы ни были общи законы соціальнаго развитія, они не могутъ быть общѣе и строже, чѣмъ законы физическихъ силъ природы, однако же человѣческая воля можетъ обратить и эти послѣдніе законы въ орудія своихъ намѣреній [5]). Человѣческіе и соціальные факты, по своей сложной природѣ, не менѣе, а болѣе способны къ измѣненію, чѣмъ факты механическіе и химическіе; и слѣдовательно человѣческая сила имѣетъ надъ нами еще большую власть.... Нельзя заключать, что вліяніе выдающихся недѣлимыхъ или правительства мало, если они не могутъ дать того, чего общество получить не [illegible] готовлено общими

---

[1]) Гумпловичъ (Grundriss der Sociologie, Wien 1885).

[2]) Бурдо, 100 и вообще гл. 2-я.

[3]) Изученіе соціологіи, 50—51: „его должно искать *въ соединеніи условій*, отъ которыхъ произошли и онъ самъ, и эти измѣненія.“

[4]) Г. Жоли, Психологія великихъ людей, Спб. 1890: „Историческій опытъ показываетъ намъ, что не всякая народность одинаково способна къ произведенію великихъ людей, что эти послѣдніе не могутъ появляться въ *замкнутыхъ* обществахъ“ (43).

[5]) О преувеличеніи нѣкоторыми писателями географическихъ условій страны (см. у Карѣева, I, 111—112). „Дайте мнѣ карту страны, ея очертанія, ея воды, ея вѣтры и всю ея физическую географію; дайте мнѣ ея естественныя произведенія, ея флору, ея геологію и пр. и я берусь сказать вамъ a priori, каковъ будетъ человѣкъ въ этой странѣ и какова роль ея въ исторіи,“ говоритъ болѣе эффектно, чѣмъ вѣрно Кузенъ.

обстоятельствами и ходомъ своей прежней исторіи[1]). Ни правительство, ни мыслители не достигаютъ всего, къ чему стремятся; но въ вознагражденіе за это они часто производятъ важные результаты, которыхъ ни малѣйшимъ образомъ не предвидѣли. Великія люди и великія дѣянія рѣдко бываютъ тщетны, они производятъ тысячи невидимыхъ вліяній, болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ видимыя... Даже люди, которые, за недостаткомъ благопріятныхъ обстоятельствъ, не производили никакого впечатлѣнія на свой собственный вѣкъ, часто имѣли величайшую важность для потомства.... Общія причины много значатъ; но индивидуумы также производятъ великія перемѣны въ исторіи и даютъ цвѣтъ всему ея составу долго спустя послѣ своей смерти[2])". „Міръ, по словамъ Гальтона, вѣчно томится затрудненіями, выхода изъ которыхъ онъ ищетъ, непрерывно борется съ идеями и чувствами, для которыхъ онъ не умѣетъ найти должнаго выраженія. Поэтому, если явится человѣкъ способный разрѣшить эти трудности или выразить словомъ эти скрытыя чувства, онъ навѣрно будетъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ",—конечно, если благопріятствуютъ тому болѣе или менѣе соотвѣтствующія общія условія[3]).

---

[1]) Нибуръ говоритъ: „Думать, что формы могутъ сдѣлать народъ истинно-сильнымъ и безкорыстно-добродѣтельнымъ значитъ думать, что лошадь хорошо повезетъ телѣгу, если вы привяжете ее сзади телѣги" (Lebensnachrichten). Р. Гнейстъ выражается: „Ни энтузіазмъ отдѣльной личности, ни ожесточенная борьба общественныхъ классовъ, ни буквы писанной конституціи, ни недовѣрчивое раздѣленіе власти не въ силахъ основать политическую свободу; она покоится на характерѣ націй, на привычкѣ, воспитанной прочными учрежденіями, она есть порядокъ, она есть сила" (Представит. система въ Англіи, въ Сборникѣ Гакстгаузена; ср. Спенсеръ, 598). „Словомъ, необходимо согласиться, прибавляетъ И. Е. Забѣлинъ, каково государство, таковъ и народъ, и каковъ народъ, таково и государство" (Опыты, II, 47). О причинахъ неудачи реформъ Іосифа II (Дж. Брайсъ, 282).

[2]) Система логики, II, 489—495, 518—27. Результаты дѣятельности первостепеннаго генія спустя 100 лѣтъ сводятся иногда къ 2—3 страницамъ, говоритъ Ренанъ въ одномъ изъ своихъ этюдовъ (La nouvelle Revue 1890). Прекрасныя замѣчанія о значеніи біографическаго элемента въ исторіи—у Вебера (I, 3).

[3]) Наслѣдственность таланта, 39—43. Какъ примѣръ непрочности и неполноты основанія нашего познанія личнаго момента—относительно та-

Поступки человѣка опредѣляются его *темпераментомъ*. Отсюда весьма важное значеніе получаетъ—*изученіе характера*. Дедуктивному методу, по замѣчанію Милля, человѣческій умъ обязанъ всѣми теоріями, подводящими обширныя и сложныя явленія подъ немногіе простые законы, которые, будучи разсматриваемы, какъ законы этихъ великихъ явленій, никогда не могли бы быть открыты прямымъ изслѣдованіемъ явленій. Въ наукѣ о человѣческихъ дѣйствіяхъ простой эмпиризмъ или невозможенъ, или ни къ чему не ведетъ: законы образованія характера можно получить путемъ вывода изъ общихъ законовъ души, предположивши нѣкоторый данный рядъ обстоятельствъ и потомъ соображая, каково должно быть по законамъ души вліяніе этихъ обстоятельствъ на образованіе характера [1]). Такимъ образомъ исторія приходитъ въ ближайшую связь *съ психологіей*. Истинный предметъ исторіи, говоритъ Тэнъ,—душа человѣческая [2]). Ученый, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, наблюдаетъ какъ въ частныхъ лицахъ, такъ и въ народахъ—характеръ, потому что *характеръ есть истинная причина частныхъ и общественныхъ поступковъ*. Для этого онъ подмѣчаетъ самобытныя страсти, потому что его призваніе открывать новыя истины; а чувства, *свойственныя всѣмъ*, общеизвѣстны; онъ связываетъ ихъ въ одно цѣлое какою нибудь преобладающею наклонностью, потому что его дѣло сгруппировать и свя-

---

кого политическаго дѣятеля какъ Периклъ—см. у Пёльмана (56 и примѣч.). По поводу отрицанія нѣкоторыми „политическаго творчества" у Перикла, авторъ замѣчаетъ: „какъ будто бы политическое творчество немыслимо безъ абсолютной новизны осуществляемыхъ имъ идей." Напомнимъ здѣсь все еще держащееся со временъ Руссо мнѣніе о несамостоятельности, подражательности реформы Петра В. и распрю о ея значеніи, которая много зависитъ у насъ отъ духа времени и господствующихъ теченій.

„Фантазія, говоритъ Шопенгауэръ, расширяетъ кругозоръ генія за предѣлы предстоящихъ его личности дѣйствительныхъ объектовъ, какъ по отношенію къ ихъ количеству, такъ и къ качеству. Вотъ собственно причина, почему необычайная сила фантазіи является спутницей, даже условіемъ геніальности" и т. д. (Міръ какъ воля, 220).

[1]) Система логики, I, 527—522; II, 437; ср. 471 и 485.

[2]) Титъ Ливій, 389.

зать факты. Такимъ образомъ, разъискивая причины, историкъ рисуетъ портреты лицъ и, желая поучать, онъ нравится [1]).

Характеръ есть единственная непосредственная причина произвольныхъ дѣйствій. Мотивы всегда бываютъ только посредственными причинами.... Уже на самое воспитаніе и судьбу имѣетъ вліяніе характеръ, и слѣдовательно здѣсь часто за слѣдствіе принимаютъ то, что отчасти составляетъ причину.... Индивидуумъ приноситъ съ собою въ жизнь зародышъ своего характера [2]). Если даны мотивы, присутствующіе въ душѣ недѣлимаго, и даны также характеръ и настроеніе недѣлимаго, то безошибочно можно вывести, какъ онъ поступитъ; если мы вполнѣ знаемъ человѣка и знаемъ всѣ побужденія, дѣйствующія на него, то мы можемъ *предсказать* его поведеніе съ такою же достовѣрностью, съ какою предсказываемъ какое нибудь физическое событіе. Всякій кто думаетъ, что онъ совершенно знакомъ съ обстоятельствами какого нибудь случая и съ характеромъ различныхъ лицъ, до которыхъ онъ касается, не затруднится предсказать, *какъ всѣ они будутъ дѣйствовать*. И полная увѣренность эта отнюдь не противорѣчитъ тому, что называется нашимъ чувствомъ свободы.... Напротивъ, мы часто смотримъ на сомнѣніе въ томъ, какъ мы поступимъ, какъ на признакъ незнанія нашего характера, а иногда даже обижаемся сомнѣніемъ [3]). Соразмѣрно полнотѣ нашего знакомства съ нравственнымъ характеромъ человѣка, мы будемъ имѣть возможность предсказывать его образъ дѣйствій въ каждомъ данномъ случаѣ, прибавляетъ Карпентеръ [4]). Что же касается

---

[1]) Титъ Ливій, 211.

[2]) Вундтъ, Душа человѣка, II, 516—520.

[3]) При этомъ Милль дѣлаетъ оговорку, что ученіе о причинности отвергается многими въ слѣдствіе передачи понятія о причинности словомъ необходимость. „Люди, хотя помнятъ умомъ, но забываютъ чувствомъ, что человѣческія дѣйствія никогда (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ маніи) не управляются какимъ нибудь мотивомъ такъ абсолютно, чтобы не допускать вліянія другихъ мотивовъ. Итакъ, причины, отъ которыхъ зависитъ дѣйствіе, никогда не бываютъ непреодолимы, и всякій данный результатъ необходимъ лишь тогда, когда причины, которыя стремятся произвести его, не встрѣчаютъ противодѣйствія“ (II, 407—413).

[4]) Физіологія ума, I, 214. „Каковы свойства *характера*, таковы и

вліянія воли на душевную дѣятельность, хотя и ограниченнаго выборомъ, во всемъ что не касается самаго процесса зарожденія этой дѣятельности, то оно почти безгранично. Эта сторона дѣятельность воли, при упражненіи ея въ извѣстномъ направленіи, способствуетъ образованію характера, развивая въ человѣкѣ рядъ пріобрѣтенныхъ привычекъ [1]). Характеръ есть непосредственное проявленіе *воли* [2]). Воля, коей проявленіе есть все бытіе и жизнь человѣка, не можетъ отречься отъ себя въ отдѣльномъ случаѣ, и чего человѣкъ вообще хочетъ, того всегда будетъ хотѣть и въ частномъ случаѣ (со ссылкою на Канта [3]).

„Единственная сила, говоритъ Сенъ-Клеръ-Делиль, которая сознается нами, это—сила моральная, *воля*. Что бы мы ни дѣлали, мы всегда производимое нами относимъ къ актамъ воли, съ которыми мы сравниваемъ всѣ физическія явленія, думая объяснить ихъ тѣмъ, что заставляемъ ихъ происходить отъ общихъ или частныхъ силъ.... Пусть подумаютъ объ этомъ внимательно и тогда увидятъ, что при одномъ только условіи мы можемъ представить себѣ въ веществѣ дѣйствіе силы, причины какого либо движенія, именно при условіи приданія ей гипотетически рода воли [4])". Отсюда ясно видно, на сколько важно *воспитаніе воли* въ человѣкѣ [5]).

свойства *дѣянія*" (О свободѣ воли. Рефер. и статьи членовъ Психологич. общ., М. 1889, с. 291).

[1]) Карпентеръ, I, стр. 22—23, 215.

[2]) Шопенгауэръ, Міръ какъ воля и представленіе, 164—165.

[3]) Ibid. 346. „Какъ послѣдовательна природа, такъ послѣдователенъ и характеръ.... Пока мы поневолѣ остаемся въ бездѣйствіи, разумная сторона повидимому одерживаетъ перевѣсъ; но мы предвидимъ, какъ сильно потянетъ другая сторона, когда появится случай къ дѣйствію" (ibid., 345, 346). „Воля тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе условій для проявленія сильной воли" (О свободѣ воли, рефер. членовъ Психол. общ. 1889, 218).

[4]) Знаніе 1871, № 10, стр. 4. Du-Bois-Reymond происхожденіе понятія силы въ наукѣ видитъ въ объясненіи явленій волею (Culturgeschichte und Naturwissenschaft, S. 9—10; ср. Карѣевъ, т. II, 275—276). По вопросу о свободѣ воли см. сборникъ статей, изд. Психологич. обществомъ въ Москвѣ, въ 1889 г. (Труды Моск. Психол. общ., в. III: О свободѣ воли. Опыты постановки и рѣшенія вопроса). „Не только скептики и сторонники позитивизма и феноменизма, но даже мыслители, серьезно преданные мета-

„Мужественными называешь ты смѣлыхъ или кого другаго? спросилъ Протагоръ Сократа. Да, и отважныхъ, отвѣчалъ онъ, которые смѣло приступаютъ къ тому, чего многіе боятся“ (Протогоръ, 349, E). „Нраву правителей въ высшей степени разсудительному, осторожному и справедливому недостаетъ обыкновенно отваги и рѣшительности. Съ точки зрѣнія справедливости и благоразумія мужество имѣетъ меньшую цѣну; но оно важнѣе для результатовъ. Невозможно, чтобы въ государствѣ очень хорошо шли дѣла, если благоразуміе не соединяется съ энергіей“, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ „Политикѣ“ Платона (311, A).

„Въ житейскихъ дѣлахъ, по выраженію, Шлоссера, энергія, послѣдовательность и безпощадность всегда одерживаютъ побѣду, а нравственные принципы и душевное благородство часто стѣсняютъ людей въ практической жизни. Въ нравственной революціи, какъ и въ политической,—только очень энергическіе реформаторы или страшные шарлатаны могутъ увлекать массы“ [1]). „Энергія, съ которой французы сражались за цѣли Наполеона, какъ бы за свои собственныя, служитъ самымъ поразительнымъ свидѣтельствомъ силы, которую великій и энергическій характеръ и обширный умъ можетъ имѣть надъ людьми“ [2]). Поднимающіеся на поверхность и играющіе видную роль въ событіяхъ смутныхъ временъ обыкновенно обладаютъ мужествомъ и силою характера, но нѣтъ необходимости, чтобы они обладали высокими ум-

---

физикѣ и искренно ждущіе отъ нея вѣрныхъ отвѣтовъ на всякіе „проклятые вѣчные вопросы“, признаютъ въ наши дни этотъ вопросъ о свободѣ воли для научной мысли навсегда неразрѣшимымъ“ (ibid., стр. 281).

[5]) „У иныхъ она слаба отъ самаго начала и никакое воспитаніе не въ состояніи развить ее надлежащимъ образомъ; у другихъ же воля проявляется рано въ стремленіи подчинить себѣ другихъ, и здѣсь-то воспитатель долженъ поставить себѣ цѣлью развить въ ребенкѣ умѣнье управлять собой, доказавъ ему, на сколько благороднѣе тотъ, кто побѣждаетъ свои страсти, того, кто покоряетъ города. Нерѣдко случается, также, что сильныя страсти ошибочно принимаются за сильную волю“ и пр. (Карпентеръ, I, 215).

[1]) Исторія XVIII стол., VII, сс. 3,400, 402.

[2]) Ibid., VIII, 247. См. объ условіяхъ успѣха въ разныхъ положеніяхъ (Гальтонъ, 46—47).

ственными дарованіями. Мало того: въ этомъ случаѣ оказывается часто, что ихъ умъ отличается узкостью и односторонностью, а характеръ угрюмостью и ожесточенностью. А это не такія качества, которыя въ обыкновенное время могли бы сдѣлать человѣка выдающимся [1]). Перевороты производятъ людей, лишенныхъ къ чему бы то ни было рвенія, замѣчаетъ Маколей [2]). „Общія мѣста моралистовъ и людскія симпатіи, по словамъ Милля, держатъ сторону пассивныхъ характеровъ. Энергическіе характеры возбуждаютъ удивленіе, но характеры кроткіе и покорные большею частію предпочитаются.... Однако нѣтъ также ничего справедливѣе, какъ то, что всѣ улучшенія въ дѣлахъ человѣчества составляютъ произведеніе людей энергическихъ; сверхъ того, дѣятельному характеру гораздо легче пріобрѣсть качества терпѣнія, чѣмъ пассивному—качества энергіи.... Качества, которыми мы пріобрѣтаемъ себѣ личную пользу, всѣ на сторонѣ дѣятельнаго и энергическаго характера" [3]). Съ другой стороны, какъ характеръ расы, такъ и отдѣльной личности зависитъ отъ привычнаго преобладанія (врожденнаго или пріобрѣтеннаго) того или другаго ряда мыслей и чувствъ [4]). Стѣсненіе свободы совѣсти и мысли, говоритъ В. Гумбольдтъ, не только искажаетъ и съуживаетъ взгляды людей, но имѣетъ печальное вліяніе и на самый ихъ характеръ [5]). Въ эпохи, сопровождаемыя политическими переворотами и общимъ утомленіемъ націи (какъ было въ эпоху возстановленія Стюартовъ въ Англіи и реставраціи во Франціи), замѣчается шаткость совѣсти [6]). Политическое разслабленіе ломаетъ даже сильнѣйшіе умы,

---

1) Гальтонъ, 47—48.

2) Собр. сочин., III, 147.

3) Размышленія о представит. правленіи, 50—51.

4) Карпентеръ, 214. Ср. замѣчаніе Кюстина (Р. Старина 1891, LXIX, с. 419; ср. LXX, 310—311).

5) Ideen zu einem Versuch die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimnen. Einleit. S. vii; ср. Б. Чичеринъ, Исторія полит. ученій, III, 386—387. „Политика Габсбурговъ не была ни завѣдомо тираннической, ни нерѣшительной, ни безчестной. Но она всегда была эгоистической.... За все время отъ Вестфальскаго мира до французской революціи въ ней (Имперіи) трудно найти хотя бы одинъ великій характеръ или хотя бы одно благородное предпріятіе, хотя бы одну жертву, принесенную въ пользу великихъ общественныхъ интересовъ" и пр. (Брайсъ, 276, 279).

6) Гервинусъ, Ист. XIX стол., I, 35. Въ эпоху реставраціи де-Прадтъ

а характеры слабые окончательно мельчають тогда [1]). Въ такія эпохи возникаютъ идеалистическія системы и фантастическія построенія дѣйствительности [2]).

Изученіе историческихъ явленій и характеровъ, не смотря на сложность ихъ вообще, облегчается *единствомъ человѣческой природы*. Такъ, весьма часто у двухъ народовъ, развившихъ независимо другъ отъ друга собственную, вполнѣ самобытную культуру, встрѣчаются общія сходства въ отношеніяхъ лингвистическомъ, миѳологическомъ, политическомъ, художественномъ, литературномъ или техническомъ, причемъ однако о подражаніи одного народа другому не можетъ быть и рѣчи [3]).

„Одинаковость идей у цѣлыхъ народовъ, сказалъ еще Вико, которые вовсе не были знакомы другъ съ другомъ, должна предполагать общность мотивовъ истиннаго". Изъ всего разнообразія своихъ положеній онъ старается извлечь самыя общія черты, которыя доказали бы, что какъ ни различна исторія древнихъ и новыхъ народовъ, но у нихъ *одна и таже общая и вѣчная природа;* а безъ такой общей природы *исторія была бы невозможна, какъ наука*, ибо наука можетъ имѣть предметомъ одно вѣчное, т. е. подчиненное разъ навсегда об-

---

откровенно сознавался, что тогда всѣ лгали и онъ также. Маколей говоритъ, что во время возстанія отецъ и сынъ приставали къ противоположнымъ сторонамъ, чтобы во всякомъ случаѣ сохранить свои имѣнія отъ конфискаціи (II, 273). Точно также поступали у насъ въ смутное время, съ воцареніемъ В. Шуйскаго въ Москвѣ—это извѣстные перелеты (Соловьевъ, VIII, 258—59).

[1]) Гервинусъ, I, 343.

[2]) Ibid., 204, 273, 359.—Формы управленія имѣютъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда онѣ представляютъ продукты *національнаго характера*. Никакія хитро-придуманныя политическія учрежденія не могутъ имѣть силы сами по себѣ. Никакое сознаніе ихъ пользы не можетъ быть достаточно. Важно только одно—характеръ людей, къ которымъ примѣняются эти учрежденія, тотъ характеръ, который въ теченіе соціальнаго прогресса привелъ къ развитію этихъ учрежденій и т. д. (Спенсеръ, Изученіе соціологіи, 412—413; ср. 598, 600—601).

[3]) G. Tarde, Les lois de l'imitation. Étude sociologique, P. 1890, pp. 41—65.

щимъ и неизмѣннымъ законамъ[1]). Не менѣе настойчиво за то же единство ратуетъ и Кантъ въ извѣстныхъ своихъ „Идеяхъ объ исторіи" (1784). „Въ жизни народа, всего человѣческаго племени, есть *единство*, какъ и въ жизни отдѣльнаго лица", говоритъ Гизо[2]), признающій существенныя различія въ ходѣ и развитіи цивилизаціи отдѣльныхъ національностей (Ист. цив. во Франціи, лекція 1-я). И серьезныя изслѣдованія приводятъ къ тому заключенію, что человѣческіе типы и темпераменты независимы отъ географическихъ и этническихъ условій[3]). „Главы исторіи народовъ, говоритъ Шопенгауэръ, раз-

---

[1]) М. М. Стасюлевичъ, Опытъ историч. обзора главныхъ системъ философіи исторіи, Спб. 1866, сс. 63, 77.

[2]) II, 245—246. „Навѣрно, человѣчество всегда имѣло однѣ и тѣже природныя наклонности и потребности; но въ удовлетвореніи этихъ побужденій не всѣмъ выпадала одинаковая часть" (Лотце, III, 79). „Общее сходство человѣческой природы и ея потребностей" (ib. 81). Ср. Über die Einheit des Menschengeschlechts, v. Th. Waitz (Zeitschrift, изд. Зибелемъ, 1861, V). „Опытъ подтвердилъ мысль антропологовъ, что нѣтъ расы, которая по природѣ своей была бы неспособна къ высшему развитію," говоритъ Шафгаузенъ. „Искусство дикарей даетъ намъ возможность глубоко вникнуть въ самыя сокровенныя движенія душевной жизни ихъ, а высшіе и наиболѣе чистые порывы этой жизни къ красотѣ и гармоніи вновь приближаютъ насъ къ низшимъ братьямъ и служатъ намъ новымъ доказательствомъ въ пользу великаго ученія объ единствѣ человѣческаго рода," замѣчаетъ Петри (Антропологія, 136, 555). Шиллеръ выражается: „Философское изученіе исторіи возможно, ибо существуетъ однородность и неизмѣнное единство между законами природы и человѣческаго нрава. Въ силу этого-то единства событія отдаленнѣйшей древности повторяются въ новѣйшія времена подъ воздѣйствіемъ одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ" (академич. вступит. рѣчь). „При оцѣнкѣ личныхъ достоинствъ того или другаго человѣка мы сообразуемся съ тѣми свойствами, которыя присущи *всѣмъ людямъ* вообще" (Гиббонъ IV, 468). „Основываясь на единствѣ природы, прошедшее освѣщается всѣмъ свѣтомъ науки, добытымъ изъ изученія настоящаго" (Бёкъ, 90—91).

[3]) Карѣевъ, II, 133—134 (здѣсь же литература).

Оскаръ Пёшель допускаетъ, что мыслительныя способности всѣхъ человѣческихъ племенъ сходны даже въ самыхъ странныхъ скачкахъ и заблужденіяхъ своихъ (Народовѣдѣніе, изд. подъ ред. Э. Ю. Петри, Спб. 1890, стр. 26).

личин въ сущности только по именамъ и цифрамъ годовъ: настоящее, существенное содержаніе вездѣ одно и то же [1])". Такимъ образомъ „не смотря на все разнообразіе отдѣльныхъ личностей и частныхъ условій, связанныхъ съ ними, сущность человѣческой природы *всегда и вездѣ одна и таже*, а потому одинаково для всѣхъ понятна [2]). Мало этого: однообразіе порядка, признанное господствующимъ въ физическомъ мірѣ, принимается и въ духовномъ. Никто никогда не думалъ, что человѣческія дѣйствія возникаютъ безъ мотивовъ или что одни и тѣ же мотивы дѣйствуютъ различно при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, а потому принимаютъ, что и предсказаніе человѣческаго поведенія не менѣе надежно, чѣмъ предсказаніе физическихъ явленій [3]). Успѣхи культуры, въ свою очередь, производятъ сглаживающее, обобщающее вліяніе на національныя особенности. Какъ бы ни были велики различія между европейскими націями, мы имѣемъ уже теперь право говорить объ европейской культурѣ и разсматривать исторію европейскихъ народовъ, какъ нѣчто единое и цѣлое [4]). Напомнимъ здѣсь еще прекрасныя слова нашего отечественнаго историка—С. М. Соловьева: „Законы развитія одни и тѣ же и здѣсь (на Востокѣ), и тамъ (на Западѣ), разница происходитъ отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій, ускоряющихъ или замедляющихъ развитіе [5])". „Какъ

---

[1]) Werke, III, 505; Карѣевъ, I, 116 и собр. статей Шопенгауэра (объ исторіи), X, 1888.

[2]) Sybel, Über die Gesetze der histor. Wissens, Bonn 1864, S. 9—10, 17—18.

[3]) Бэнъ, Психологія, Спб. 1887, с. 435.

[4]) Карѣевъ, II, 252—253. Даже Г. Рюккертъ, принимающій существованіе нѣсколькихъ культурно-историческихъ типовъ, замѣчаетъ: „Вообще же сліяніе малыхъ культурно-историческихъ организмовъ въ одно болѣе обширное цѣлое есть постоянный фактъ. Что возможно въ сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ, будетъ возможно и въ болѣе широкихъ, и съ этой стороны вопросъ о предстоящемъ соединеніи всѣхъ человѣческихъ культуръ въ одинъ великій организмъ остается открытымъ" (Lehrbuch der Weltgesch. in organischer Darstellung. Leipz. 1857, I, 93 и д.).

[5]) Сочин. С. Соловьева, Спб. 1882, 101—102. Выводъ русскаго историка имѣетъ для насъ особенную цѣну, какъ посвящавшаго свои труды и сравнительно-историческимъ изслѣдованіямъ.

подъ древней тогой, такъ и подъ теперешнимъ одѣяніемъ, какъ въ римскомъ сенатѣ, такъ и въ современныхъ намъ собраніяхъ, люди все однѣ и тѣ же, и восемнадцать столѣтій тому назадъ теченіе событій было такое же, какъ и теперь", говоритъ Гизо[1]). Отсюда вполнѣ понятно и необходимо требованіе изученія всякой частной, національной исторіи въ связи со всеобщею, безъ чего историкъ рискуетъ впасть въ крупныя ошибки и непониманіе историческихъ явленій[2]). Историкъ долженъ стараться понять отдѣльнаго человѣка въ его обусловленности временемъ и мѣстомъ, или данный народъ въ его конкретномъ видѣ. Но онъ долженъ показывать отношенія отдѣльнаго лица и народа къ человѣчеству; оцѣнивая и изображая индивидуальное и частное, онъ долженъ постоянно имѣть въ виду всеобщее; онъ долженъ никогда не забывать изъ-за разнообразія о *единствѣ*[3]). Въ ту и другую эпоху, въ ходѣ внутренняго развитія обнаруживается одинаковый порядокъ и одинъ и тотъ же законъ. И этотъ законъ есть тотъ самый, который мы видимъ въ цѣлой исторіи человѣчества[4]).

„Въ образованныхъ классахъ, замѣчаетъ М. де-Вогюэ, племенныя различія сглаживаются. Партикуляристическій геній каждой расы съ каждымъ днемъ теряетъ долю своей отличительной физіогноміи и уступаетъ мѣсто универсальному генію, почти тождественному для всей европейской мысли. Однообразіе современной одежды есть только внѣшній признакъ однообразія, которое устанавливается въ умахъ. Мы знали уже періодъ такого вліянія въ первыхъ вѣкахъ нашей эры, не смотря на различіе племенъ и нарѣчій въ Римской имперіи.... Римъ амальгамировалъ умы, благодаря политическому единству; единство цивилизаціи совершаетъ теперь то же самое дѣло еще съ большею силою

---

[1]) Предисл. къ переводу „Исторіи упадка Римской имперіи" Гиббона I, с. x.

[2]) Gervinus, Grundzüge der Historik, 32, 83.

[3]) Всеобщая исторія Г. Вебера, I, с. 2. Защита Екатериною II достоинства русской исторіи на основаніи того же *единства* (Зап. касат. рос. исторіи, I, пред.).

[4]) Гервинусъ, Введ. въ исторію, стр. 9. Немаловажное дѣло было привести людей къ сознанію о необходимости изучать современную исторію Европы, какъ одно цѣлое, говоритъ о Вольтерѣ его новѣйшей біографъ (Морлей, 290).

и скоростью. Это дѣло безъ сомнѣнія будетъ закончено въ будущемъ столѣтіи[1])". Такой же объединительный характеръ имѣетъ и наука[2]).

—Итакъ близкое соотношеніе между исторіей и психологіей, въ слѣдствіе означеннаго единства, не подлежитъ сомнѣнію. „Подобно тому, говоритъ Тэнъ, какъ астрономія есть въ сущности механическая задача, а физіологія—задача химическая, такъ и исторія въ сущности только *психологическая задача*[3])". „Ясно, по замѣчанію Рибо, что всѣ соціальные, матеріальные, религіозные факты, вся исторія есть лишь слѣдствіе, причина котораго *душа*: психологія имѣетъ свои корни въ наукахъ о жизни и распускается въ наукахъ историческихъ[4])". Какъ біографія отдѣльной личности основывается на законахъ индивидуальной психологіи, такъ исторія, эта біографія человѣчества, должна получить свое раціональное основаніе въ психологіи народовъ, по мнѣнію Лацаруса и Штейнталя, представителей этого направленія и основателей спеціальнаго органа, посвященнаго этимъ вопросамъ (Zeitschrift für Psychologie und Sprachwissenschaft, Berl. 1860. I. Einleitende Gedanken über Völkerpsychologie). Они доказываютъ, что законообразно въ исторіи не теченіе событій, не самое даже содержаніе исторіи, а только психологическіе процессы, по которымъ событія совершаются, и что, слѣдовательно, только съ этой стороны исторія можетъ имѣть научный характеръ. Такимъ образомъ выходитъ, что исторія можетъ быть правильно построена лишь на психологическихъ основаніяхъ и потому историче-

---

[1]) Рус. обозр. 1890, № 12, стр. 514.

[2]) „Наука достояніе всего человѣчества; она стоитъ выше всѣхъ ограниченій національности; ея результатами пользуются цивилизованные народы, и, раздѣленные языкомъ и политикою, они соединяются между собою во имя ея—въ безкорыстное братство" (В. Маннгардтъ, Древн. Моск. Арх. общ., т. II, в. 3, стр. 391). „Болѣе частыя сношенія и прогрессъ мысли сдѣлали много для измѣненія характера національныхъ различій, замѣнивъ невѣжественное предубѣжденіе и ненависть симпатіей и сознаніемъ общности интересовъ" (Дж. Брайсъ, Свящ. Римская имперія, 311).

[3]) Тэнъ, Ист. англ. литературы, I, 27. Поэтому правъ былъ Гербартъ, замѣтившій, что „опытная психологія, въ отдѣльности отъ исторіи человѣческаго рода, не достигнетъ ничего законченнаго" (въ статьѣ Ю. Бона-Мейера).

[4]) Ribot, La psychologie allemande contemporaine, P. 1879, p. 40.

ская психологія есть лучшая приготовительная школа для историка [1]). Душевныя движенія суть не только важнѣйшіе дѣятели въ жизни человѣка, но служатъ вообще могущественнѣйшими силами природы, какія мы знаемъ. Каждая страница въ исторіи народовъ, равно какъ и въ исторіи отдѣльнаго человѣка, свидѣтельствуетъ о непреодолимой ихъ силѣ [2]). Можно пожалѣть только, что въ этой области собственно для исторіи сдѣлано еще слишкомъ мало, не исключая даже и означенныхъ выше попытокъ въ спеціальномъ изданіи [3]).

Но подобной же правильности построенія историческаго зданія ждутъ и съ другой стороны. Намъ говорятъ: „До тѣхъ поръ, пока личный произволъ историковъ будетъ играть главную роль въ исторіи, она останется искусствомъ, а историкъ художникомъ. Первый шагъ науки—это *законъ*, первое условіе закона—это *формула*. Если бы можно было подчинить не только схему исторіи, но самый ея матеріалъ *формуламъ*, *она сдѣлалась бы наукою* [4])". Другой критикъ исторіи отрицаетъ всякую возможность изученія прагматическихъ фактовъ на основаніи отношенія между причиною и слѣдствіемъ и допускаетъ его лишь въ области культурныхъ явленій, которыя онъ предлагаетъ изучать статистическимъ методомъ и которыя, по его мнѣнію, подлежатъ даже предвидѣнію [5]). Точно также Тардъ желалъ бы свести *разнообразіе* историческихъ явленій къ *единообразію*. Онъ привѣтствуетъ современныя стремленія *археологіи* и *статистики*, которыя, по его мнѣнію, все болѣе и болѣе выработываютъ общій взглядъ на общественныя явленія, приближающіяся къ его основной соціологической идеѣ—упрощенію. Онъ думаетъ, что археологіи много

---

[1]) Ср. Lazarus: Verdichtung des Denckens in der Geschichte (Zeitschr. 1861); Einige synthetische Gedanken zur Völkerpsychologie (ib. 1862) и Über die Ideen in der Geschichte (Zeitschr. 1861); Steinthal, Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen, B. 1864.

[2]) Аффекты (душевныя движенія). Психо-физіологическій этюдъ, докт. Ланге, проф. мед. въ Копенгагенѣ, Спб. 1890, с. 2.

[3]) Карѣевъ, Сущность историч. процесса, 210—211, 260.

[4]) Нѣсколько мыслей объ исторіи мысли, П—ова (Невск. Сборн., I, 575).

[5]) Bourdeau, 345—350; 428—460. „Tout l'avenir des études historiques dépend de cette science nouvelle" (рѣчь идетъ о статистикѣ) и т. д. (289 и д.). При этомъ онъ даже невѣрно передаетъ мысль Гёте (294).

обязана и исторія на пути своего обращенія въ настоящую науку. Рядомъ съ археологомъ Тардъ ставитъ статистика, который также разсматриваетъ человѣческія дѣла съ отвлеченной и *безличной* точки зрѣнія. Каждая статистическая *таблица, особенно графическая*, кривая, кажется Тарду въ своемъ родѣ исторической монографіей, а ихъ совокупность онъ называетъ „лучшей исторіей, какую только можно разсказать". Онъ до того увлекается этою мыслію, что можетъ мечтать, какъ въ будущемъ обществѣ газеты, разсказывающія теперь о разныхъ людяхъ, событіяхъ и происшествіяхъ, замѣнятся ежедневными *статистическими бюллетенями* въ формѣ цифровыхъ таблицъ [1]). Но Тардъ забываетъ, что археологія, какъ онъ ее понимаетъ, составляетъ лишь главу, да и то неполную, въ области исторіи. И какъ ни рѣзки слова Трейчке, но мы позволяемъ себѣ вторично напомнить ихъ здѣсь (см. выше, стр. 143*).

Не подлежитъ сомнѣнію, что статистическая таблица—весьма важный матеріалъ для историка, какъ осмысленное выраженіе извѣстнаго состоянія общества или группы общественныхъ явленій, но обращеніе исторіи въ статистическія формулы—чистый парадоксъ, къ которому въ концѣ концовъ и приходятъ оба автора. Во всякомъ случаѣ болѣе смысла имѣетъ старое опредѣленіе Шлецера, что статистика есть остановившаяся исторія, а исторія развивающаяся статистика...., нежели новѣйшее извращеніе историческихъ явленій въ угоду статистикѣ, притомъ своеобразно понимаемой.

Напротивъ, сложность политическихъ дѣйствій дѣлаетъ невозможнымъ какое либо ихъ вычисленіе [2]). Исторія, для характеристики всѣхъ вѣковъ, государствъ и народовъ должна разсматривать отдѣльныхъ лицъ и отдѣльные факты, какъ болѣе или менѣе типическіе (Рюмелинъ). Она не можетъ ограничиваться изученіемъ какой либо спеціальной строго - опредѣленной области явленій, подобно наукѣ

---

[1]) Les lois de l'imitation. Étude sociologique. P. 1890—глава: Qu'est ce que l'histoire, pp. 99—157; особенно стр. 111—118; 156—157. О теоріи Тарда у насъ писали: А. А. Козловъ (Тардъ и его теорія общества, К. 1887); Н. И. Карѣевъ (Новая историч. теорія, Сѣв. Вѣст. 1890, № 11); ср. Рус. Богатство 1890, №№ 5—7.

[2]) Спенсеръ, Изуч. соціологіи, 21—22, 24—25; 118—119.

права или экономической[1]). Между тѣмъ статистика наука *не индивидуумовъ, а массовыхъ явленій;* вотъ почему даже злонамѣренная лживость показаній отдѣльныхъ лицъ оказываетъ мало вліянія на совокупность статистическихъ данныхъ[2]). Съ другой стороны, было бы ошибочно считать *среднее число* вѣроятностей выраженіемъ влеченія одинаково общаго всѣмъ на томъ основаніи, что духовно-нравственный уровень массы дѣлается свойствомъ каждаго изъ ея членовъ[3]) и выводы статистики въ этомъ направленіи подлежатъ во всякомъ случаѣ существенному ограниченію[4]). Поэтому вполнѣ вѣрно замѣчаетъ Шопенгауэръ: „Въ человѣческомъ родѣ необходимо изучить и познать каждый *индивидуумъ* отдѣльно, чтобы съ нѣкоторою точностію предсказать его дѣйствія“[5]). Съ не меньшимъ основаніемъ говоритъ Вундтъ: „Статистическія данныя показываютъ только, что вліянія соціальнаго состоянія принадлежатъ къ числу причинъ, опредѣляющихъ волю; но единственныя ли это причины, или кромѣ нихъ есть еще неопредѣленное число другихъ причинъ, объ этомъ упомянутыя данныя рѣшительно ничего не могутъ сказать.... Статистика можетъ раскрыть намъ только *внѣшнія причины* произвольнаго дѣйствія; относительно внутреннихъ причинъ его она оставляетъ насъ въ полномъ невѣдѣніи. Эти внутреннія причины составляютъ личный факторъ, который по своей природѣ ускользаетъ *отъ всѣхъ* статистическихъ наблюденій“[6]). Вотъ почему приложеніе статистики къ историческимъ явленіямъ, въ широкомъ смыслѣ слова, въ извѣстномъ сочиненіи Бокля вызвало наиболѣе рѣзкія замѣчанія[7]). И если по-

---

[1]) Георгъ Майръ, Законосообразности въ обществен. жизни, с. 8.

[2]) Ib., 65—66; ср. 13—14, 62—63; Вагнеръ (Ист. и теорія статист. въ моногр., подъ ред. Янсона, с. 126).

[3]) Шмоллеръ, О новѣйшихъ результатахъ статистики, М. 1879, с. 30—31.

[4]) Нравст. статистика, изсл. М. Дробиша (Библ. ист. полит. наукъ, I, изд. Н. И. Ламанскаго, стр. 29—30). „Статистическія числа не абсолютно истинны, онѣ и не несомнѣнны, а всегда только до извѣстной степени вѣроятны“ (Майръ, 37).

[5]) Міръ какъ воля, 156.

[6]) Душа человѣка и животныхъ, II, 512—514.

[7]) Geschichte und Geschichtschrebung unserer Zeit, v. Petsche, Leipz. 1865; Bucle und Hegel, v. K. Dieterich (Preussische Jahrbücher 1873,

клоненіе героямъ въ духѣ Карлейля есть несомнѣнная крайность, то не меньшую крайность представляетъ низведеніе исторіи на степень статистики, которое въ концѣ концовъ ведетъ къ совершенному обезличенію историческихъ факторовъ.

Уваженіе къ формамъ, а не къ оправдывающему ихъ содержанію—одно изъ злѣйшихъ заблужденій нашего ума—явилось бы, по замѣчанію Лотце, въ самомъ нелѣпомъ преувеличеніи именно тогда, когда бы мы окончательно пришли къ мысли считать осуществленіе статистическихъ отношеній за цѣль и живительную идею исторіи.... Кто какимъ либо другимъ путемъ открываетъ въ исторіи только владычество желѣзной необходимости, тотъ считаетъ ее все-таки хоть полною смысла. Но было бы неслыханнымъ безуміемъ видѣть высшія руководящія начала общаго міротеченія въ установкѣ правильныхъ числовыхъ соотношеній или въ томъ, чтобы событія шли сообразно съ ними. И какъ ни странно это сказать, я воюю здѣсь не съ вѣтреными мельницами, и едва ли не основателенъ мой страхъ, чтобъ не рѣшились когда на попытку навязать намъ вѣру *и въ эти чистыя уже привидѣнія* [1]).

Тѣмъ не менѣе и философы, и историки настаиваютъ на необходимости выясненія историческихъ законовъ. Одни старались постигнуть смыслъ историческихъ явленій въ теоріи вѣчнаго историческаго круговращенія, другіе — въ теоріи историческаго прогресса,

XXXII B, 257—302, 463—481; Лотце, III, 87. Англійская критика сдѣлала наиболѣе существенныя возраженія Боклю относительно значенія статистическаго метода и вліянія естественныхъ условій на исторію народа (А. Трачевскій, Бесѣда 1871, № 11, с. 100); Герье, Очеркъ развитія исторической науки, 99—102. Ср. также замѣчанія объ отношеніи статистики къ исторіи у Бернгейма (76 и д.).

[1]) Микрокозмъ, III, 86—87. Вѣру въ подобныя соотношенія относительно исторіи онъ называетъ своего рода статистическимъ мистицизмомъ, нисколько не уступающимъ матеріалистическому мистицизму столоверченія и спиритизма. Онъ полагаетъ, что подлинная связь, которою посредствуются между собою постоянныя цифры означенныхъ поступковъ, остается для насъ совершенно неизвѣстною (ib., стр. 92). Ср. Майръ (стр. 332—337,— между прочимъ о свободной волѣ по отношенію къ общественнымъ явленіямъ).

причемъ Кантъ высказалъ даже надежду, что со временемъ откроются законы, по которымъ совершается этотъ послѣдній. И нѣкоторые пытаются установить или открыть историческіе *законы* [1]). Съ бóльшею осторожностью выражается извѣстный историкъ культуры—Генне-Амъ Ринъ[2]). „Покойный Бокль, говоритъ Е. Б. Тайлоръ, оказалъ не малую услугу, побуждая ученыхъ проникать сквозь груду мелочныхъ фактовъ къ таящимся за ними великимъ законамъ человѣческаго развитія; но его попытка объяснить немногими смѣлыми обобщеніями сложные фазисы Европейской исторіи должна служить предостереженіемъ отъ слишкомъ поспѣшной ссылки *на общіе законы*" [3]). Вотъ почему и

---

[1]) Боденъ (пис. XVIв. въ своей „Республикѣ"); Frère, Principes de la philosophie de l'histoire, P. 1838; Benloew, Les lois de l'histoire, P. 1881; Bridges, Position of sociology among the sciences (Fortinghtly Review 1878); Объ очевидности, какъ предметѣ логики, М. Троицкаго (44—45). Фриманъ думаетъ достигнуть цѣли посредствомъ того же аналогическаго изученія исторіи народовъ (Сравнит. политика, 21). Гартманъ выражается: „въ исторіи скрытно дѣйствуетъ нѣчто иное, чѣмъ случайная комбинація отдѣльныхъ дѣйствій" (Сущность міроваго процесса, перев. А. А. Козлова, М. 1873, I, 267); а Рохоль даже утверждаетъ, что философія исторіи лишь тогда сдѣлается наукой, когда въ состояніи будетъ предсказывать будущее, какъ Леверье сдѣлалъ это по отношенію къ своей планетѣ (Philosophie der Geschichte, 1878).

[2]) „Исторія подчинена законамъ, но эти законы, къ счастію людей, имъ неизвѣстны и останутся неизвѣстными" (O. Henne-Am Rhyn, Die Kulturgesch. im Lichte des Fortschritts, 1869, S. 18).

[3]) Доисторическій бытъ человѣчества, стр. 4.

Дарвинъ выражается такъ: „Это (соч. Бокля) очень интересная книга и я два раза читалъ ее, но незнаю, имѣютъ ли какую нибудь цѣну его обобщенія" (Life and Letters of Charles Darwin, Lond. 1887, I, 75). „Меня не особенно поразилъ великій Бокль.... Я читаю его книгу, которая, при большой дозѣ софистики, кажется мнѣ удивительно талантливой и оригинальной и показывающей изумительную массу знанія" (II, 110). „Я не знаю, вѣрны ли его взгляды или ложны, но, мнѣ кажется, въ нихъ содержится много правды. Повсюду видна благородная любовь къ прогрессу и истинѣ, и на мой вкусъ это самый лучшій стилистъ англійскаго языка изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ" (II, 386; ср. Р. Мысль, 1890, № 6: Ч. Дарвинъ и его теорія, с. 96). Маколей писалъ: „Читалъ цѣлый день Бок-

со стороны историковъ эти взгляды и методъ Бокля вызвали серьезныя возраженія на континентѣ. Такъ, ему возражали, что совершенно однородныхъ явленій въ исторіи нѣтъ и, напротивъ, самые агенты исторіи безпрестанно измѣняются, комбинируются и усложняются; чужеземныя вліянія и связь каждаго явленія съ общей исторіей дѣлаетъ изолированіе и точное опредѣленіе каждаго даннаго явленія невозможнымъ; законы нравственнаго міра существенно отличаются отъ законовъ физическихъ своей свободою и не имѣютъ характера строгой необходимости и точности, а слѣд. индуктивный методъ не можетъ быть съ успѣхомъ приложенъ при ихъ изслѣдованіи, оттого и самые законы, открытые Боклемъ этимъ путемъ, имѣютъ частный характеръ и далеко не могутъ быть приложены ко всѣмъ эпохамъ исторіи. Притомъ такихъ точныхъ и всеобщихъ законовъ, которые способны были бы сдѣлать человѣка господиномъ своей будущности и какихъ ищетъ въ исторіи Бокль, въ ней и вовсе нѣтъ [1]).

И есть писатели, совсѣмъ отвергающіе историческіе законы въ этомъ смыслѣ слова [2]). Попытка формулировать историческія сходства въ общіе законы терпитъ, по мнѣнію Лотце, отъ затрудни-

---

ля и кончилъ истомленный. Человѣкъ съ талантомъ и начитанный, но склонный къ парадоксамъ и непослѣдовательный. Онъ хочетъ строить теорію, не собравши матеріала" (Историч. Обозр. Сборн. Историч. общ. при Спб. унив. за 1890, т. I: Маколей какъ историкъ, П. Д. Погодина, 100).

[1]) J. G. Droysen, Erhebung der Gesch. zum Rang einer Wissenschaft (Sybel's Hist. Zeitschr. 1862 и въ прилож. къ Grundriss der Historik, Leipz. 1882); ср. Соврем. задачи историч. науки, Трачевскаго (Бесѣда 1871, кн. 10, с. 111—120); Петровъ, Всеоб. исторія, I, 7—8.

[2]) См. у Н. И. Карѣева, Сущность историческаго процесса, 421—423; мнѣніе самого автора: „по вопросу о свободѣ воли и причинности мы стоимъ и противъ сторонниковъ свободы воли въ смыслѣ неподчиненности ея дѣйствію причинности, и противъ сторонниковъ полнаго подчиненія ея какимъ-то направляющимъ ходъ событій историческимъ законамъ, самое существованіе коихъ мы отрицаемъ *категорическимъ образомъ*" (277). „Прилагая это понятіе къ историческимъ фактамъ, мы должны будемъ придти къ тому заключенію, что историческіе законы въ такомъ смыслѣ нужно будетъ отнести къ области *химеръ*" (Основные вопросы философіи исторіи, I, 17; ср. еще стр. 22).

тельности опредѣлить преобразующее вліяніе, оказываемое особенностью каждаго звена этой череды на тотъ ходъ заключающихся въ немъ событій, какого слѣдовало бы ожидать, судя по примѣру другихъ подобныхъ случаевъ. Оттого сколько не превозносятъ исторію, какъ наставницу людскаго рода, человѣчество рѣдко пользуется ея уроками. Каждый вѣкъ считаетъ долгомъ смотрѣть на своеобразныя свои потребности и на особенное свое положеніе, какъ на совсѣмъ новыя условія, устраняющія примѣнимость тѣхъ общихъ точекъ зрѣнія, которыми обязаны наблюденію прежнихъ вѣковъ. И дѣйствительно, многіе историческіе законы, о которыхъ было говорено учеными, оказывались весьма сомнительнаго достоинства и едва ли способными къ переносу съ одной эпохи на другую... Мы нуждаемся въ такой механикѣ общества, которая вывела бы психологію за предѣлы единичнаго лица и познакомила насъ съ ходомъ, условіями и результатами тѣхъ взаимнодѣйствій, какія должны происходить между внутренними состояніями многихъ недѣлимыхъ, связанныхъ узами природныхъ и общественныхъ отношеній. Она доставила бы намъ не наглядные образы наружнаго вида разныхъ историческихъ ступеней развитія и ихъ послѣдовательной череды, а руководящія правила, которыя научили бы насъ соображать будущность по условіямъ настоящаго, или вѣрнѣе: не изъ настоящаго опредѣлять будущее, но изъ прежняго прошлаго позднѣйшее. Вѣдь и въ предначертаніи идеаловъ все-таки лучше не заноситься слишкомъ высоко: даже упомянутую нами механику не довести намъ никогда до обладанія собственно будущимъ; довольно и того, если она объяснитъ намъ взаимную связь совершившагося, когда оно уже сбылось, а для будущаго выставитъ *такія вѣроятности, которыми руководиться въ дѣйствіяхъ будетъ все-таки разумнѣе, чѣмъ выбрать какую-либо иную дорогу* [1]).

Все это требуетъ ограниченія въ пониманіи историческаго закона. При настоящемъ состояніи историческихъ знаній быть можетъ

---

[1]) Микрокозмъ, III, 83—85; ср. 85—86, 99—100.

„Исторія не отгадываетъ", говоритъ Мишле (Hist. de la revolution française, P. 1868, II, 421); ср. Карѣевъ, I, 97—99. Шопенгауэръ замѣчаетъ: „весьма остроумно историка назвали обратнымъ пророкомъ" (Міръ какъ воля, с. 410).

слѣдуетъ признать достаточно удовлетворяющимъ цѣли слѣдующее мнѣніе: „Законъ исторіи можетъ заключаться лишь въ раціональномъ объясненіи всего теченія исторіи въ ея прошедшемъ и будущемъ, при пособіи законовъ вспомогательныхъ наукъ. Законъ исторіи заключается лишь въ *необходимой связи* событій, сведенной на возможно меньшее число условій, ее объясняющихъ, въ различеніи существенныхъ элементовъ явленій между разнообразными усложненіями ткани, въ уясненіи главныхъ узловъ среди всесторонняго сплетенія и развѣтвленія фактовъ. Задача исторіи, какъ науки, ближе подходитъ къ задачѣ наукъ классификаціонныхъ.... Слѣдовательно, слово *законъ* въ приложеніи къ исторіи имѣетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ мысли“ [1]). Прагматическій процессъ исторіи только въ томъ смыслѣ долженъ считаться закономѣрнымъ, что отдѣльные элементы отдѣльныхъ его моментовъ, т. е. людскіе поступки, складывающіеся въ событія и движенія, возникаютъ изъ своихъ причинъ вполнѣ *закономѣрно* [2]).

И въ статистикѣ, на которую возлагаютъ такія огромныя надежды защитники соціологіи и культурной исторіи, исходною точкою служитъ законъ всеобщей связи причины со слѣдствіемъ, причемъ выраженіе *законъ* и объясненіе закона остаются всегда относительными. Употребленіе слова *законъ*, по сравненію съ словомъ *законосообразность*, обозначаетъ болѣе высокую ступень успѣха научной работы, хотя чрезъ это мы не достигаемъ еще предѣла человѣческаго знанія [3]). И статистика имѣетъ цѣль опредѣлить законъ того, что есть

---

[1]) Опытъ исторіи мысли, в. I (П. М—овъ), Спб. 1875, стр. 10—13.

[2]) Карѣевъ, Сущность историч. процесса (291), съ оговоркою въ пользу культурной исторіи. Ср. наставленіе Г. Вебера (I, стр. 2).

„Въ точномъ смыслѣ слова мы ни одинъ фактъ не имѣемъ права назвать случайностью, однако исторія полна фактами, которые, при нашемъ настоящемъ незнаніи причинъ, являются какъ бы случайностями“ (Морлей, 17).

[3]) См. Вагнеръ (въ сборникѣ Янсона, стр. 127—138). Если мы будемъ разсматривать человѣчество вообще, въ общей его совокупности, то замѣтимъ, что на низшихъ ступеняхъ культуры и въ средѣ ниже стоящихъ, т. е. менѣе образованныхъ классовъ, болѣе господствуетъ вліяніе постоян-

и что было, а не того, что должно быть [1]). Идя далѣе, слѣдуетъ
мѣтить, что и въ точныхъ наукахъ законъ имѣетъ только факт
ское значеніе; значеніе необходимости онъ получаетъ лишь то
когда удастся доказать, что выражаемая связь явленій составл
необходимое слѣдствіе комбинацій извѣстныхъ, совмѣстно дѣйств
щихъ причинъ [2]). Точно также и въ наукахъ физическихъ наше
нятіе о причинѣ и слѣдствіи мы пріобрѣтаемъ, главнѣйшимъ о
зомъ, а можетъ быть и исключительно, отъ другаго класса явле
именно отъ случайныхъ явленій: изъ нихъ однихъ мы выводимъ
ществованіе законовъ природы. Настоящая идея закона заключ
въ себѣ идею случайности. По мѣрѣ того, какъ правила болѣе и
лѣе обобщаются, кажущіяся исключенія становятся правильнѣ
Притомъ явленія, вызываемыя общественною жизнію людей, нос
въ себѣ существенно-иной характеръ, чѣмъ явленія физическія.
ловѣческое общество способно къ постоянному прогрессивному
витію; ему свойственны непрерывно изо дня въ день совершающ
историческія перемѣны. Всѣ же иного рода общественные со
принадлежащіе къ сферѣ собственно физической жизни, не имѣ
исторіи; они существуютъ сегодня такъ же, какъ и тысяча лѣтъ
му назадъ [4]).

Принимая во вниманіе все сказанное, къ исторіи нельзя пр
являть безусловныхъ, неограниченныхъ требованій, даже не бу
сторонникомъ крайняго скептицизма въ этомъ отношеніи. Необх
мо признать, что въ значительной степени ея данныя и вы
имѣютъ временное, относительное значеніе, зависящее отъ друг

ныхъ причинъ, число же и вліяніе причинъ случайныхъ менѣе вел
тогда какъ на высшихъ ступеняхъ культуры сумма возмущающихъ,
чайныхъ причинъ постоянно увеличивается (стр. 137).

[1]) Майръ, 62.

[2]) Дробишъ, 2—5.

[3]) Гершель, Философія естествознанія, 35, 41, 42.

„Побѣдоносная оригинальность Дарвина, говоритъ Вил. Джемсъ,
наружилась именно въ томъ, что онъ взялъ за основаніе своей теоріи
дивидуальную измѣнчивость, разсматриваемую просто какъ дѣло случ
(Жоли, 135).

[4]) Майръ, с. 1—4.

отчасти временныхъ, отчасти общихъ условій. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о новой и современной исторіи, гдѣ собираніе матеріаловъ часто бываетъ дѣломъ случая и не ведется систематически[1]). Но, „озирая путь, побѣдоносно пройденный наукой, изслѣдователь находитъ спокойствіе въ сознаніи, что, если онъ теперь чего нибудь и не знаетъ, то, съ теченіемъ времени и перемѣной обстоятельствъ, можетъ узнать, и, можетъ быть, дѣйствительно узнаетъ когда нибудь"—предосторожность, рекомендуемая естествоиспытателямъ Дюбуа-Реймономъ, съ не меньшимъ основаніемъ можетъ быть отнесена и къ историкамъ[2]).

Сверхъ того необходимо замѣтить, что ни въ одной конкретной наукѣ не бываетъ безусловныхъ повтореній, а въ нѣкоторыхъ конкретныхъ наукахъ повторенія имѣютъ тотъ же характеръ, какъ и въ общественныхъ явленіяхъ. Даже въ самой точной изъ наукъ конкретныхъ—астрономіи никогда не бываетъ двухъ совершенно одинаковыхъ комбинацій: повторенія явленій только приблизительно одинаковы[3]). Поэтому и положеніе о неповторяемости общественныхъ явленій требуетъ соотвѣтственнаго ограниченія[4]). Въ свою очередь, однообразіе явленій даетъ, безъ сомнѣнія, право заключать объ однообразіи причинъ[5]). Принимая же во вниманіе всю сложность общественныхъ явленій, необходимо сравнивать положеніе дѣлъ за возможно большіе промежутки времени[6]). На этомъ основаніи возникали нерѣдко попытки установить смѣну историческихъ явленій по извѣстнымъ періодамъ[7]), подвести одновременное распространеніе общихъ историческихъ явленій къ извѣстной послѣдовательности на значительныхъ

---

[1]) Lorenz: Fr. Chr. Schlosser (Sitzungsberichte der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften Philos. histor. Classe, B. LXXXVIII, H. I—II, Jahrg. 1877, Octob. Novemb., 208—218).

[2]) О предѣлахъ естествознанія, М. 1878, 31—32. Предостереженіе Дж. Гершеля (Филос. естествознанія, 87).

[3]) Спенсеръ, Изуч. соціологіи, 57—58.

[4]) Ibid., стр. 54—56; ср. с. 27.

[5]) Маколей, I, с. 5.

[6]) Спенсеръ, ibid., 156—164.

[7]) Ferrari, Essai sur le principe et les limites de la Philosophie de l'histoire, P. 1843; ср. у Стасюлевича (стр. 50—51); Гервинусъ, Введеніе, 143—144.

пространствахъ[1]), отмѣтить общія черты прогрессивнаго дви
и противодѣйствующей ему отъ времени до времени реакціи и
„Исторія Англіи, говоритъ **Маколей**, есть исторія прогрес
если мы разсматриваемъ ее вообще, то она дѣйствительно такова
если разсматривать ее по небольшимъ отдѣльнымъ частямъ, о
большею точностью можетъ быть названа исторіею дѣйствій и про
дѣйствій"[2]). Болѣе внимательное отношеніе къ совершающимся
тіямъ даетъ право дѣлать болѣе точныя заключенія объ ихъ по
ствіяхъ[3]). На этомъ несомнѣнно сознаніи основывается и преду
ваніе такъ наз. избранныхъ людей. „Величіе часто надѣляетъ л
способностью ясновидѣнія, и они хранятъ то, что видятъ, въ г
комъ молчаніи, довольствуясь выполненіемъ ближайшихъ задачъ

---

[1]) Гервинусъ, Введеніе, 19 (объ утвержденіи абсолютизма въ З
ной Европѣ). Ср. Дж. Брайсъ: Свящ. Римская имперія, 243—246. К
му слѣдуетъ прибавить только одновременное развитіе абсолютиз
Моск. государствѣ.

[2]) Собр. соч., II, стр. 340—341 (съ числовымъ распредѣленіемъ
движеній по періодамъ). „Какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ
массахъ, за сильнымъ возбужденіемъ постоянно слѣдуетъ ослабленіе чу
а часто и реакція" (ib. 424).

[3]) „Толпа живетъ только настоящею минутою, ничего не зная о
шедшемъ. Народъ восхищается настоящимъ, потому что не въ состо
подобно малочисленнымъ людямъ, знающимъ исторію, отгадывать х
теръ будущаго" (Шлоссеръ, Ист. XVIII стол., VII, 428—429). „П
всѣхъ изслѣдователей нашей старины понимаетъ смутное время Солов
который видитъ въ партіи, восторжествовавшей подъ конецъ, мир
или, какъ онъ выражается, добрыхъ гражданъ, т. е. тѣхъ, которые
ютъ сохранить свои домы, свои имѣнія, не заботясь о томъ, кто пра
на Москвѣ, лишь бы правящій обезпечивалъ матеріальное благососто
Эта партія всегда и вездѣ выплываетъ наружу послѣ продолжитель
смутъ; ей обязанъ своимъ торжествомъ Генрихъ IV; она поддержала
ваго консула послѣ VIII брюмера; она упрочила успѣхъ 2-го дек
Страхъ революціи — вотъ единственное политическое чувство этой па
(рец. на I—IX тт. Исторіи Россіи Соловьева, К. Н. Бестужева-Рю
Отеч. Зап. 1860, № 9, стр. 7). Ср. еще Гервинусъ, I, 358—359.

[4]) Морлей (Вольтеръ, 326).

„Историческая наука даетъ право не на абсолютныя, а лишь н
ловныя предсказанія. *Общія причины* много значатъ; но *индивидуумы*

Вѣра въ *прогрессивное развитіе* человѣческаго общества проходитъ, можно сказать, красною нитью въ трудахъ писателей различныхъ школъ и направленій. Въ этомъ мнѣніи ихъ поддерживаетъ какъ успѣхъ человѣческой дѣятельности, проявляемый хотя въ медленной и тяжелой работѣ различныхъ ея функцій и многихъ поколѣній, такъ, безъ сомнѣнія, и сознаніе, что безъ этого стимула жизни, самая работа человѣчества была бы напрасною. На этомъ сознаніи основывается проникнутое гуманнымъ чувствомъ уваженіе къ древности. „Древность, говоритъ Авг. Бёкъ, поучаетъ насъ истинной свободѣ и настоящимъ принципамъ ея.... Формально образовать себя можно посредствомъ роднаго языка, посредствомъ математики, философіи и поэзіи, какъ дѣлали это сами греки. Но важно нравственное вліяніе древности: она всюду представляетъ намъ взгляды чисто человѣческіе, свободные отъ предразсудковъ, удаленные отъ всего гнуснаго; она дѣлаетъ человѣка свободнымъ и свободомыслящимъ" [1]). Кантъ первый высказалъ идею постояннаго прогресса въ исторіи и даже надежду, что со временемъ откроютъ законы, по которымъ онъ совершается. По Нибуру исторія есть ничто иное, какъ повѣствованіе о *движеніи* и *развитіи*. В. Гумбольдтъ говоритъ, что истинная цѣль человѣка, предписываемая ему вѣчнымъ и неизмѣннымъ разумомъ, состоитъ въ высшемъ и гар-

---

же производятъ перемѣны въ исторіи и даютъ *цвѣтъ* всему ея составу, долго спустя послѣ своей смерти.... Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что римская республика выродилась бы въ военный деспотизмъ, если бы Юлія Цезаря никогда не существовало, насколько практически удостовѣряютъ насъ общія причины" и т. д. (Система логики, II, 525; ср. Брайсъ, 39). Въ письмѣ отъ 1 сент. 1791 г. Екатерина II писала Гримму: „Если революція охватитъ всю Европу, тогда *явится* опять Чингизъ или Тамерланъ и усмиритъ ее: это *непремѣнно случится,* будьте увѣрены. Но этого не будетъ ни въ мое царствованіе, ни, *надѣюсь*, въ царств. Александра I" (какъ извѣстно, Екатерина устраняла отъ престола Павла и думала еще при жизни передать его внуку, о чемъ и писала Гримму). И далѣе: „Парламенты тѣсно связаны съ монархіей; безъ нихъ или Франція будетъ республикой, или король сдѣлается деспотомъ" (23 окт. 1791, см. Сборн. Рус. ист. общ., т. XXIII).

[1]) Encyklopädie, 29—31; изложеніе, 15—16.

моническомъ развитіи его силъ, а первое для этого условіе
свобода. Правда, какъ утверждаетъ Лотце, только весьма оі
ленныя области жизненнаго содержанія представляютъ большу
роятность безграничнаго прогресса, для другихъ же она безгра
мала. Поэтому, какъ этотъ міръ истины и идей будетъ пріумнс
ся, житейскій бытъ будетъ по прежнему далекъ отъ идеаловъ,
представляетъ онъ смѣняющимся поколѣніямъ. Въ этомъ отно
никогда не будетъ единаго стада и единаго пастыря. Наши
дѣтели и наше счастье, говоритъ онъ далѣе, преуспѣваютъ
среди живой борьбы съ неправдою, среди вольныхъ и невол
лишеній, налагаемыхъ на насъ обществомъ, и среди сомнѣні
какія повергаетъ насъ неувѣренность въ будущемъ и въ оконч
номъ исходѣ нашихъ стремленій. Именно, въ силу истори
связи всѣхъ вещей, старѣющее все еще остается общепризн
силою, съ которою надо напередъ сдѣлаться путемъ права, а
побѣги развитія также не могутъ рости неограниченно, какъ
пустопорожнемъ пространствѣ, но должны напередъ разверс
съ существующимъ. Исторической работы человѣчества нел
такой степени отбыть разъ навсегда, чтобы все дальнѣйшее ра
шло себѣ потомъ какъ по маслу, самопонятнымъ слѣдствіемъ
новившагося, наконецъ, общественнаго механизма [1]).

„Исторія, говоритъ Гервинусъ, разсматриваемая въ н
шихъ пространствахъ времени, отличается въ своемъ движеніи о
разнымъ характеромъ, который ей даютъ господствующія вліяні
нимаемая въ большихъ періодахъ, она представляетъ картину по
ныхъ колебаній между противоположными вліяніями, колебаній,
рыя, противодѣйствуютъ всякому перевѣсу одной какой либо
одного какого либо руководящаго движенія или силы. Созер
въ цѣломъ, въ обширномъ теченіи вѣковъ, она снова въ то
приливѣ и отливѣ представляетъ постоянное стремленіе по с
опредѣленному направленію, совершенно несомнѣнный прогрес
сподствующей идеи“ [2]). Вотъ почему настоящимъ образомъ сохр
можно только тамъ, гдѣ не перестаютъ созидать [3]).

---

[1]) Микрокозмъ, III, 215—217, 510—511.

[2]) Введеніе, с. 8. „Исторія, разсматриваемая въ цѣломъ, сл
правильному пути, но въ частныхъ событіяхъ, при сообщеніи им

Но понятіе о прогрессѣ тождественно съ понятіемъ о *высшемъ идеалѣ* [1]). Только съ высоты этого послѣдняго мы можемъ разсматривать исторію человѣчества, какъ процессъ, имѣющій цѣлью осуществленіе блага [2]). А если событія не могутъ повторяться (см. выше, стр. 34), то напрасными оказываются и стремленія искусственно повторить ихъ въ той или другой формѣ. Съ этой точки зрѣнія и такъ наз. *реакціи* представляются хотя и печальнымъ, но преходящимъ явленіемъ. „Производя реставраціи, говоритъ Дж. Брайсъ, люди всегда обманываются, воображая, что они только возстановляютъ старое. Надежда остановить непрерывное измѣненіе и движеніе въ человѣческихъ дѣлахъ, не позволяющія старому учрежденію, внезапно перенесенному въ новый порядокъ вещей, зани-

---

или другаго вида, остается для людей много произвола и для ихъ дарованій огромное поприще" (144). „Слабые проблески начинаютъ появляться и свѣтлѣютъ все болѣе и болѣе, пока не наступитъ совершенный день. Высшіе умы, подобно вершинамъ горъ, первые принимаютъ и отражаютъ зарю. Они сіяютъ, между тѣмъ какъ равнина внизу все еще во мракѣ. Но вскорѣ свѣтъ, который сперва только освѣщалъ самыя высокія возвышенности, спускается на равнину и проникаетъ въ самую глубокую долину".... (Маколей, II, 330—331; ср. 93, 201, 335—336, 338—340).

[3]) Гервинусъ, I, 424.

[1]) Карпентеръ, I, 92—93: „Въ стремленіи къ высокому и чистому идеалу заключается самый существенный рычагъ прогресса; въ немъ лежитъ источникъ всѣхъ отвлеченныхъ понятій о правдѣ, добрѣ и красотѣ, которыя составляютъ отличительную черту высшихъ типовъ человѣческаго рода".

[2]) Карѣевъ, I, 290—299—обзоръ разныхъ мнѣній; II, 161—163, 225 и др. Идея прогресса есть собственный принципъ исторіи; на этой идеѣ покоится исторія (Jansen, Die Idee des Fortschrittes in der Universalgeschichte, 1863). Объ объединеніи человѣчества и культурныхъ интересовъ (Philippson, Über die Resultate der Weltgeschichte, 1860); Историческія письма, с. 23; объ идеѣ исторіи; объ отношеніи къ ней Востока и Запада; о результатахъ цивилизаціи (Гервинусъ, Введ., 134—135); о сглаживаніи отдѣльныхъ чертъ (Майръ, 165—167, 262—265); о сліяніи различныхъ народныхъ культуръ (Гартманъ, Сущность міроваго процесса, перев. А. А. Козлова, I, 309—310); также нѣк. замѣчанія П. Е. Астафьева (Смыслъ исторіи и идеалы прогресса, М. 1886, 57—58).

мать свое старое мѣсто и служить своимъ прежнимъ цѣлямъ, такъ же лишена основанія, какъ и надежда остановить вращеніе земли въ ея орбитѣ“ [1]). Однако въ политическомъ, какъ и въ физическомъ тѣлѣ, болѣзненная слабость слѣдуетъ обыкновенно за болѣзненнымъ раздраженіемъ [2]). Тогда толки о добрыхъ старыхъ временахъ предковъ и о вырожденіи современниковъ становятся обычнымъ явленіемъ [3]). И хотя процессъ общественнаго развитія вполнѣ опредѣляется въ общемъ своемъ характерѣ, тѣмъ не менѣе совершенно возможно разстроить, замедлить и нарушить его дальнѣйшій ходъ [4]). Это тяжелое чувство, охватывающее мирное созерцаніе историка, хотя и вызываемое общечеловѣческимъ несовершенствомъ, съ трудомъ при-

---

¹) Дж. Брайсъ, Свящ. Римская имперія, стр. 80.

²) Маколей, V, 145; Шлоссеръ, VII, 150, примѣч. Проявленія реакціи въ нравахъ (Маколей, IV, 149—151); ханжество обыкновенный спутникъ реакціи (Гервинусъ, I, 78). Бэконъ замѣтилъ, что въ физикѣ энергія, съ которою дѣйствуетъ принципъ, часто усиливается отъ сопротивленія противодѣйствующаго принципа и что тоже происходитъ въ борьбѣ политическихъ партій (въ 3-й книгѣ „De Augmentis“; ср. Маколей, III, 130).

³) Маколей, II, 294; ср. Письма Погодина къ Максимовичу, 41.

„Жалобы писателей на происшедшее въ ихъ время усиленіе роскоши и безнравственности обыкновенно служатъ выраженіемъ ихъ собственнаго характера и положенія. Немного такихъ наблюдателей, которые смотрятъ на общественные перевороты яснымъ и широкимъ взглядомъ и которые способны раскрыть тонкія и тайныя пружины, дающія однообразное направленіе слѣпымъ и причудливымъ страстямъ множества отдѣльныхъ личностей“ (Гиббонъ, III, 274—275). „Мы всѣ расположены унижать то, что излишне превозносили, и, съ другой стороны, показывать излишнюю снисходительность тамъ, гдѣ показали излишнюю строгость“ (Маколей, IV, 324). „Люди, становясь свидѣтелями соціальныхъ явленій и получивъ впечатлѣніе отъ такихъ фактовъ, которыхъ прежде не замѣчали, составляютъ о нихъ неправильныя понятія“ (Спенсеръ, Изуч. соціол., 118).

⁴) Спенсеръ, 602—603. „Послѣдствія перехода отъ хорошаго управленія къ дурному не чувствуются нѣкоторое время послѣ того какъ совершилась перемѣна. Таланты и добродѣтели, порождаемые хорошимъ государственнымъ устройствомъ, могутъ на нѣкоторое время пережить это государственное устройство“ (Маколей, II, 161—163—рядъ примѣровъ изъ древней и новой исторіи).

мирятся однимъ метафизическимъ утѣшеніемъ, что даже и тотъ, кто хочетъ зла, все таки дѣлаетъ добро, такъ что *результаты* многихъ различныхъ своекорыстныхъ помысловъ черезъ ихъ взаимную комбинацію становятся совершенно иными, чѣмъ думалъ то каждый въ отдѣльности [1]).

Если исторія въ своемъ идеальномъ представленіи есть „истина", какъ понимаютъ ея и древніе [2]), и новые писатели [3]), то естественно возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся между собою историкъ и его предметъ? Еще въ XVIII вѣкѣ русскій исторіографъ Миллеръ писалъ: „Обязанность историка трудно выполнить: вы знаете, что онъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя. Я не требую, чтобы историкъ разсказывалъ все, что онъ знаетъ, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которыя нельзя разсказывать (необходимая дань тогдашнему положенію исторіи, особенно у насъ [4]) и которыя, быть можетъ, мало любопытны, чтобы раскрывать ихъ передъ публикою; но все, что историкъ говоритъ, должно быть *строго истинно* и никогда не долженъ давать онъ повода къ возбужденію къ себѣ подозрѣнія *въ лести*" [5])—условіе, необходимое при тогдашнемъ отношеніи большинства историковъ къ своему предмету. И Карамзинъ говоритъ: „Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіи дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе"

---

[1]) Гартманъ, I, 262. Старость націи, по замѣчанію Лотце, вовсе не необходимость, свойственная отдѣльному человѣку. Организмъ націи способенъ бороться съ ней и возрождаться. Гдѣ она появляется, тамъ къ ней приводятъ особенныя, отчасти внѣшнія условія (Ю. Бона-Мейеръ).

[2]) Цицеронъ говоритъ: „Ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia".

[3]) „Никакой вымыселъ не можетъ возбуждать такого интереса, какъ подлинная исторія и дѣйствительныя событія", говоритъ Юмъ (Бертонъ: Жизнь Давида Юма, II, 440). „Первая и послѣдняя заповѣдь исторической науки—сказать чистую, строгую и полную правду" (Гервинусъ, I, с. IV). Ж. Зандъ въ своей „Метеллѣ" говоритъ, что жизнь чаще походитъ на романъ, чѣмъ романъ на жизнь. Ср. къ стр. 186*.

[4]) Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ эпизодъ, бывшій съ англичаниномъ и Шлецеромъ относительно статистическихъ данныхъ о Россіи (Автобіогр. Шлецера, 120—121).

[5]) Пекарскій, Ист. Академіи Наукъ, I, 381.

(предисловіе къ ист. госуд. Россійскаго). Но исторія его лучше всего показываетъ, какъ далекъ былъ авторъ отъ осуществленія этого требованія. Уже Каченовскій замѣтилъ: „Все въ рукахъ Карамзина превращалось въ чистое золото: обыкновенная журнальная статейка шла за вѣковѣчный памятникъ преобразованія русскаго языка и словесности; неумѣстная попытка въ историческомъ романѣ—заставить москвитянина и новгородку XV в. ораторствовать, подобно Ливіевымъ и Саллюстіевымъ гражданамъ древняго Рима—принята за образецъ витійства, а мечтательная картина нравовъ небывалыхъ и несбыточныхъ—за величайшее искусство освѣжить колоритъ древности въ произведеніи цвѣтущей волшебной фантазіи; простой переводъ изъ Олеаріевыхъ записокъ о мятежѣ московскомъ при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ провозглашенъ отрывкомъ неподражаемымъ, несравненнымъ, достойнымъ пера Тацитова“.... Каченовскій признаетъ, что сила Карамзина въ его искусствѣ изложенія, въ томъ, что онъ *историкъ-художникъ*; но въ тоже время онъ подтверждаетъ, что Карамзинъ нерѣдко пользовался матеріаломъ на столько, на сколько онъ годится для картины; а подробности о похожденіяхъ Марины Мнишекъ, по его мнѣнію, скорѣе идутъ въ романъ, но никакъ не въ исторію. Онъ приводитъ рядъ фразъ, годныхъ лишь для риторическаго украшенія, но неточныхъ въ научномъ отношеніи [1]). Въ свою очередь С. М. Соловьевъ, въ цѣломъ рядѣ критическихъ статей, посвященныхъ разбору исторіи Карамзина, слѣдитъ, можно сказать, за нимъ изъ страницы въ страницу и показываетъ, на сколько художественность Карамзина вредила нерѣдко точному и вѣрному изображенію фактовъ [2]). Даръ краснорѣчія, замѣчаетъ Бисмаркъ въ одной изъ своихъ рѣчей, есть сила опасная; она вліяетъ подобно музыкѣ и импровизаціи [3]).

Это приводитъ насъ къ другому весьма важному вопросу: какъ долженъ относиться изслѣдователь къ разсматриваемому матеріалу, къ вопросу о субъективности и объективности въ исторіи? Маколей заявляетъ, что историкъ разсказываетъ только такіе факты и

[1]) Вѣстн. Европы 1829, № 18.

[2]) Отечествен. Записки 1854, 1855 и 1856 гг.

[3]) Констит. начала и полит. воззрѣнія кн. Бисмарка, Вл. Ренненкампфа, К. 1890, с. 356.

придаетъ характеристикѣ только такія черты, которые *достаточно засвидѣтельствованы* [1]), хотя дальнѣйшее заключеніе его объ идеѣ исторіи не вполнѣ согласно съ этимъ положеніемъ (см. выше, стр. 18 [2]). Въ Германіи, гдѣ съ такою плодовитостію разбираются теоретическіе вопросы, касающіеся изученія исторіи, этотъ вопросъ раздѣляетъ ученыхъ на два противоположныя направленія: послѣдователей *объективнаго* „дипломатически-архивнаго метода" Ранке, имѣющаго въ числѣ своихъ послѣдователей многочисленныхъ учениковъ и почитателей, и *субъективнаго*, нравственно-философскаго направленія Шлоссера, горячо поддержаннаго въ свое время его ученикомъ—Гервинусомъ [3]). Если первое изъ нихъ постоянно заявляетъ о необходимости научнаго характера въ дѣлѣ изслѣдованія, чуждаго всякой политической, церковной или другой тенденціи, а потому, главнымъ образомъ, заботится объ изданіи новыхъ источниковъ, не довольствуясь наличнымъ матеріаломъ [4]); то второе имѣетъ въ виду не одни научные интересы, но и интересы читающей публики вообще, и вліяніе исторіи на политическое и нравственное развитіе общества. Вполнѣ сознавая недостаточность и неполноту свѣдѣній историка по новѣйшей исторіи, которая должна подвергнуться исправленіямъ и существеннымъ дополненіямъ, когда появятся въ свѣтъ „нѣкоторыя записки вліятельныхъ лицъ и нѣкоторые государственные документы", Гервинусъ все таки прибавляетъ:

---

[1]) Статья объ исторіи (Собр. соч., т. XIII, стр. 371) и опытъ о Ранке (т. IV).

[2]) Ср. Ranke und Mackaulay v. E. Noorden (Zeitschr. Зибеля 1867, т. XVII, стр. 87—138). Авторъ проводитъ параллель между творцомъ научнаго метода и объективною, космолитическою точкою зрѣнія—Ранке и изложеніемъ исторіи Англіи съ точки зрѣнія партіи виговъ, къ которой принадлежалъ Маколей.

[3]) Некрологъ Шлоссера; Исторія XIX стол. Гервинуса, т. I; Введеніе; Вайцъ и Ранке (Zeitschrift 1859, I); A. Horawitz, Zur Entwickelungsgeschichte der deutschen Historiographie, W. 1865; Ранке о Гервинусѣ; Лоренцъ о Шлоссерѣ (см. библіогр.) и др. „Мы преднамѣренно удерживаемся отъ всякаго притязанія на такъ наз. объективность", говоритъ Шлоссеръ (Ист. XVIII, стол., VII, с. 1; ср. 85).

[4]) Denkschrift v. Leopold Ranke (Zeitschr. Зибеля, т. I, стр. 33); Waitz (Falsche Richtungen, ib. 17—28).

„Но при этомъ остается то утѣшеніе, что *общій видъ* фактовъ этого времени, все *существенное* въ нихъ, не можетъ подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ *отъ такихъ документовъ*, а изображеніе *движущихъ современныхъ идей*,—къ объясненію которыхъ всѣ государственные архивы и признанія государственныхъ людей весьма мало значатъ,—*рѣшительно никакимъ*. Объ этихъ идеяхъ современникъ, если онъ только достаточно безпристрастно смотритъ на вещи, всегда въ состояніи будетъ дать болѣе непосредственныя и болѣе вѣрныя свидѣтельства“ [1]). Защитники этого метода возражаютъ своимъ противникамъ въ томъ отношеніи, что послѣдніе находятъ главную прелесть историческихъ занятій въ разысканіи памятниковъ и свѣдѣній еще никому неизвѣстныхъ и считаютъ свои занятія полезными и необходимыми даже тогда, *если бы открытія*, сдѣланныя ими, *„сами по себѣ и не имѣли большой важности“*. Въ этомъ случаѣ, замѣчаетъ Гервинусъ, историкъ легко можетъ впасть въ ошибку, преувеличивая значеніе неизданныхъ источниковъ только потому, что они *новы*, и значеніе дипломатическихъ свидѣтелей потому, что они какъ лица, посвященныя въ дипломатическія тайны, могутъ вѣрно разсуждать о случившихся событіяхъ; но положеніе дипломата *не можетъ* сообщить его свидѣтельству никакого особеннаго значенія больше того, какое бы оно имѣло въ устахъ и не-дипломатическаго лица; само по себѣ извѣстіе дипломата имѣетъ такую же важность, какъ и сказаніе всякаго современнаго и способнаго наблюдателя, который относительно собственно фактической стороны событій гораздо меньше можетъ ошибаться, чѣмъ даже дипломатъ, который пишетъ и говоритъ часто для искаженія истины, который всегда старается угодить и властителямъ, для которыхъ пишетъ, и тѣмъ, за которыми наблюдаетъ. По этому воззрѣнію еженедѣльный отчетъ дипломата имѣетъ преимущество передъ великими взглядами Макіавелли, изъ которыхъ нельзя извлечь никакихъ подробностей и ничего новаго [2]). Противники автора, въ свою очередь, указали пробѣлы въ его трудѣ въ слѣдствіе того, что ему не удалось въ свое время воспользоваться подобнымъ матеріаломъ, а также на сомнитель-

---

[1]) Ист. XIX вѣка, I, введ., стр. п.

[2]) Некрологъ Шлоссера. Ср. выше, с. 57—60.

ность свидѣтельствъ современныхъ мемуаровъ, которыми такъ щедро пользуются историки [1]) и которые имѣютъ вполнѣ субъективный характеръ [2]). Оба направленія не сходятся также и въ назначеніи, и въ цѣли исторіи. Гервинусъ настаиваетъ на томъ, что наука и жизнь должны быть въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Ранке говоритъ, что для того, чтобы наука могла имѣть вліяніе, она должна быть прежде всего *наукою*; иначе наука зависѣла бы отъ жизни и мѣриломъ ея была бы чистая случайность. Мы можемъ имѣть истинное вліяніе на настоящее, если не будемъ обращать на него вниманіе и возвысимся до свободной, объективной науки [3]).

Совершенное устраненіе личности писателя немыслимо. Субъективизмъ можетъ выражаться какъ въ выборѣ матеріала, такъ и въ его соединеніи и освѣщеніи [4]). У историка объективность выражается въ отсутствіи искаженій, передѣлокъ, дополненій и личнаго интереса въ описываемыхъ дѣлахъ [5]). Вполнѣ вѣрно, что образъ прошедшаго, такъ сказать, дважды преломляется: во первыхъ въ свидѣтельствахъ, въ которыхъ сохранилась память о немъ, и, во вторыхъ, въ личности историка, который по этимъ свидѣтельствамъ возсоздаетъ прошедшее. Съ этой стороны исторія никогда не можетъ сдѣлаться вполнѣ точною и объективною наукою, подобно естественнымъ наукамъ; напротивъ, она всегда будетъ допускать субъективное творчество и такимъ образомъ приближаться къ искусству. Эту

---

[1]) Waitz, Zur Würdigung von Ranke's histor. Kritik (Zeitschr., VI, 350—355).

[2]) Löbell, Das reale und das ideale Element (Zeitschr. I, 326). „Ближайшее ихъ отношеніе къ жизни недѣлимаго очень часто причиняетъ ущербъ общимъ взглядамъ на человѣчество, которыхъ требуетъ исторія даже и при разработкѣ отдѣльныхъ пунктовъ“ (W. v. Humboldt, Über die Aufgabe des Geschichtschreibers, 1820, Gesammelte Werke, Berl., I).

[3]) G. G. Gervinus, v. L. v. Ranke (Zeitschr. 1872, т. XXVII, 143). Ср. G. G. Gervinus v. K. Hillebrand (Preuss. Jahrb. 1873, т. XXXII, 379—428).

[4]) Изъ ложныхъ представленій, которыми каждый день люди обманываютъ себя при сравненіи прошедшаго съ настоящимъ, можно видѣть, до какой степени субъективное состояніе свидѣтелей извращаетъ сужденія объ объективныхъ данныхъ (Спенсеръ. Изуч. соціол., 120).

[5]) Wesendonck, стр. 135—136.

сторону ея слѣдуетъ имѣть въ виду какъ при критикѣ извѣстій такъ и при оцѣнкѣ писателей [1]).

Допуская неизбѣжность субъективнаго элемента въ исторіи, представители объективнаго направленія исключаютъ изъ его сферы вліяніе какой либо политической, религіозной или тому подобной тенденціи [2]), которыми такъ часто страдаютъ, по мнѣнію нѣмецкихъ ученыхъ, французскіе и англійскіе писатели [3]). „Объективность отрицаетъ партіозность"; она требуетъ „справедливости сужденія". Первое требованіе объективности состоитъ въ слѣдующемъ: разсказъ историка не долженъ быть ни въ какомъ случаѣ отраженіемъ какой либо заинтересованной партіи; онъ долженъ представлять собою возможно обстоятельное и разностороннее изслѣдованіе. Историческая справедливость требуетъ, чтобы о каждой исторической личности мы судили по обстоятельствамъ и взглядамъ ея эпохи и ни въ какомъ случаѣ не примѣняли къ явленіямъ прошедшаго времени нашего образа мыслей. Задача историка состоитъ въ томъ, чтобы подвергнуть сравнительной оцѣнкѣ нравственную среду въ различные періоды исторіи, но историческихъ дѣятелей онъ долженъ оцѣнивать въ связи съ ихъ временемъ, съ его понятіями и общественными условіями [4]). Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что изслѣдова-

---

[1]) Über die Gesetze des histor. Wissens v. Heinr. Sybel, 13—14; Maurenbrecher, Über die Objectivität des Historikers (Histor. Taschenbuch, VI-te Folge, 1-ter Jahrg., 1882, 330); Löbell, Über die Epochen der Geschichtschreibung (Hist. Taschenbuch v. Raumer, 1841, 308, 315). Весьма вѣрныя замѣчанія о субъективизмѣ сдѣланы Б.-Рюминымъ въ рец. на книгу Кояловича (Ж. М. Н. Пр. 1885, № 1, сс. 96—100).

[2]) Zeitschrift, 1859, I, 33.

[3]) Maurenbrecher (Hist. Taschenbuch, 1882, 329—331).

[4]) Пословица: „comprendre tout c'est pardonner tout",—хотя и представляетъ преувеличеніе, но можетъ служить девизомъ объективной оцѣнки личности. „Въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны и на днѣ самаго грѣшнаго передъ судомъ современниковъ сердца таится какое нибудь одно лучшее и чистое чувство" (Грановскій, I, 30).

„Я всегда старался, говоритъ Г. Веберъ, переноситься въ условія, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали люди и совершались событія, а не бралъ мѣркою для приговоровъ мнѣнія нынѣшнихъ партій; свободный отъ

тель не можетъ быть чуждъ извѣстныхъ философскихъ, религіозныхъ и политическихъ *мнѣній*, которыя такъ или иначе вліяютъ на его представленія и изслѣдованіе [1]). Въ исторіографіи со всею ясностію выражаются національныя особенности писателей, и въ тѣхъ самыхъ историкахъ Германіи, которые составляютъ украшеніе объективной школы (Ранке, Моммзенъ, Вайцъ), отмѣчаютъ патріотическія стремленія и увлеченія [2]). Само собою разумѣется, замѣчаетъ Дройзенъ, что занятія исторіей принимаютъ тотъ или другой характеръ, смотря по личнымъ свойствамъ того, кто ими руководитъ, смотря по направленію и объему научныхъ его занятій, даже смотря по его политическимъ, церковнымъ, политико-экономическимъ воззрѣніямъ. Въ этомъ *нѣтъ никакой бѣды*, какъ скоро наставникъ руководится тѣмъ вѣрнымъ убѣжденіемъ, что задача его образовать *не партію, а школу*, и что ему слѣдуетъ содѣйствовать прежде всего свободному развитію, духовному освобожденію и самостоятельности своихъ учениковъ [3]).

вѣроисповѣдной или политической ортодоксальности, я старался разсматривать жизнь человѣчества съ высшей человѣческой или философской точки зрѣнія и безъ предвзятаго мнѣнія безпристрастно изучалъ историческія лица и дѣла" (Всеобщ. исторія, I, с. XII). Гастонъ Буасье замѣчаетъ: „Никогда не слѣдуетъ забывать, что употреблять услуги исторіи ради измѣнчивыхъ интересовъ партіи значить оскорблять ее" (Цицеронъ и его друзья, 19). Маколей говоритъ: „Обыкновенное уголовное судопроизводство незнаетъ закона уравновѣшенія. Величайшая заслуга не можетъ быть принята во вниманіе противъ обвиненія въ малѣйшемъ нарушеніи установленныхъ правилъ.... Ни одинъ великій правитель не былъ бы оправданъ судьею, который неумолимо остановилъ бы вниманіе свое на одномъ или двухъ неизвинительныхъ дѣйствіяхъ. Взглядъ исторіи обширнѣе и лучшій судъ для великихъ политическихъ случаевъ тотъ, который упреждаетъ приговоръ исторіи" (IV, 84—85). Извѣстно изреченіе Ларошфуко: „Только великіе люди могутъ имѣть великіе недостатки".

[1]) Maurenbrecher (ibid., 332—343).

[2]) Luce, Cours d'étude critique des sources de l'histoire de France (Biblioth. de l'Éc. des Chartes, 1882, № 6, p. 660).

[3]) Дройзенъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1869, № 10, с. 90). „Я говорю въ этомъ случаѣ не о томъ позорномъ и недостойномъ историка безпристрастіи, въ которомъ видно только отсутствіе участія къ предмету разсказа, а о свободномъ отъ всякихъ предубѣжденій воззрѣніи на спорные

Понятно, что такое значеніе науки ставитъ изслѣдователя исторіи въ иные условія, чѣмъ тѣ, въ какихъ находятся науки математическія и естественныя. Въ отвѣтъ на требованіе безусловной объективности отъ историка, подобной той, какая свойственна математику, физику или естествоиспытателю, чуждымъ какой либо симпатіи или антипатіи къ изучаемымъ ими явленіямъ, противники строгаго объективизма даже утверждаютъ, что если эта доктрина когда либо восторжествуетъ, то, можно смѣло сказать, что она въ самомъ непродолжительномъ времени повлечетъ за собою запустѣніе, а въ концѣ концовъ и полнѣйшій упадокъ наукъ историческихъ и нравственныхъ. „Въ этомъ случаѣ забывается одна вещь, а именно, что если человѣчество въ точныхъ и естественныхъ наукахъ ищетъ и находитъ удовлетвореніе своихъ физическихъ потребностей, то, наоборотъ, въ наукахъ историческихъ и философскихъ оно ищетъ, и увы! часто не находитъ, удовлетворенія своихъ моральныхъ потребностей. Въ тотъ день, когда эти послѣднія науки, будучи облечены въ личину притворной сухости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ внѣшній обликъ наукъ точныхъ, превратятся въ тяжелую пищу безучастнаго и безплоднаго любопытства, въ тотъ же день произнесенъ будетъ смертный приговоръ надъ тѣми, кто занимается обработкою этихъ наукъ, ища въ нихъ въ высшей степени драгоцѣннаго, хотя и вполнѣ идеальнаго душевнаго удовлетворенія“ [1]).

Въ настоящее время требованіе объективности отъ историка стало, можно сказать, ходячей истиной; но это требованіе, по мнѣ-

---

историческія вопросы“ (Грановскій, I, 31). „Вы не стремились къ тому, говорилъ на юбилеѣ Ранке его ученикъ Зибель, чтобы образовать талантъ вашего ученика по опредѣленному шаблону, хотя бы это былъ наилучшій, образцовый, хотя бы это были сами вы; нѣтъ, вы имѣли въ виду возможно полное развитіе каждой индивидуальной силы, возможную подготовку для всякаго индивидуальнаго призванія и такимъ образомъ въ научной дисциплинѣ вашей школы одинаково развивались будущіе представители самыхъ разнообразныхъ направленій: ученые и государственные люди, консерваторы и либералы, эстетики и романтики, католики и протестанты, и ваша школа сдѣлалась исторической школой Германіи“ (Вѣст. Евр. 1886, II, 855—56). О характерѣ и духѣ новѣйшей критики (Брайсъ, 209).

[1]) Luce (ibid. 659—660).

нію нѣкоторыхъ, является даже невозможнымъ на дѣлѣ. Историкъ можетъ и долженъ быть объективенъ, пока онъ собираетъ и оцѣниваетъ матеріалъ, такъ какъ научныя правила тутъ для всѣхъ однѣ и тѣ же, но во время изложенія историкъ превращается уже въ своего рода художника, а если неизбѣженъ выборъ фактовъ, то неизбѣженъ и субъективизмъ при его опредѣленіи и еще яснѣе онъ выступаетъ въ расположеніи фактовъ по извѣстному плану, группировкѣ ихъ и соединеніи. Вотъ почему нельзя найти двухъ историческихъ сочиненій, посвященныхъ одному и тому же предмету, которыя были бы похожи другъ на друга. Въ исторіи изучаются дѣла человѣческаго духа, которыя носятъ на себѣ печать субъективизма. Существенное различіе, по словамъ Везендонка, между произведеніями двухъ означенныхъ направленій, это то, что послѣдователи Ранке обыкновенно ограничиваются изложеніемъ фактовъ и уклоняются отъ точной формулировки своихъ мнѣній и выводовъ; между тѣмъ какъ послѣдователи Шлоссера, нисколько не стѣсняясь, высказываютъ свои сужденія о лицахъ и событіяхъ [1]). Но читатель въ большинствѣ случаевъ остается

---

[1]) Bei aller Hochschätzung der Ausdauer und des Fleisses, welche in der letzteren Richtung herrschen (т. е. у занимающихся архивными разысканіями), seit Ranke den *canonischen Satz* der modernen Geschichtschreibung ausgesprochen, dass Memoiren, Tagebücher, Briefe, Gesandtschaftsberichte die Grundlage der Geschichtskenntniss bilden, und gezeigt hat, das alle Überlieferungen von Geschichtschreibern — selbst wenn sie von einem Guiccardini vermittelt wären, dem kritischen Messer unbarmherzig anheimfallen, darf man zweierlei nicht vergessen: 1) dass Ranke selbst eines seiner herrlichsten Bücher gescrhieben, ohne auch nur im Besitze eines einzigen geheimen diplomatischen Actenstückes über den Gegenstand zu sein, und 2) dass man über die Methodik der Benutzung und Verwerthung des amtlichen Actenstückes in dem ganzen halben Jahrhundert erstaunlicher Regsamkeit und grossartiger Publicationen auch nicht zu den geringsten feststehenden und anerkannten Grundsätzen der Kritik gelangt ist, ja das meiste in dieser Beziehung unter der Herrschaft des Zufalls der Auffindung oder Entdeckung steht. Weil nun der Zufall freilich nichts „Subjectives“ ist, scheint man sich einzubilden, dass die sogenannte diplomatische Geschichtschreibung „objectiv“ wäre (Lorenz: Friedr. Christoph Schlosser, Sitzungsberichte der Kaiserl. Akademie d. Wissenschaft. Philosoph. histor Classe, B. LXXXVIII, II. I—II, Wien 1878, S. 182).

неудовлетвореннымъ, если находитъ въ книгѣ одни факты безъ выводовъ. Вотъ почему писатели субъективнаго направленія производятъ и болѣе сильное впечатлѣніе, и находятъ себѣ болѣе обширный кругъ читателей [1]). „Историкъ, говоритъ Трейчке, не имѣетъ права по способу естествоиспытателей, просто только выводить позднѣйшее изъ предшествующаго. Исторія творится людьми. Судьба осуществляется въ жизни народовъ только посредствомъ сознательной человѣческой воли, которая умѣетъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами" [2]).

Съ другой стороны, историческое изложеніе много зависитъ отъ духа времени, литературныхъ требованій, общественныхъ и политическихъ условій, въ которыя поставленъ историкъ [3]). Ѳукидидъ вышелъ изъ школы краснорѣчія, основанной Антифономъ и перенесъ ораторское искусство въ область современной исторіи [4]). Цицеронъ говоритъ: „Исторія есть произведеніе литературы *наиболѣе* ораторскаго свойства" [5]) и Титъ Ливій былъ полнымъ выразителемъ этого требованія [6]); но подобное изложеніе имѣетъ и свои существенные недостатки [7]). Эта сторона изложенія древнихъ писателей имѣла все-

---

[1]) Везендонкъ, 132—142; Bernheim, 491—510; Карѣевъ, I, 234—264 (Законный субъективизмъ). Субъективное отношеніе къ ученымъ вопросамъ сказывается даже въ такихъ отвлеченныхъ знаніяхъ, какъ математика, напр. въ извѣстномъ спорѣ по поводу открытій между сторонниками Паскаля и Ньютона (ср. с. 136*).

[2]) Deutsche Gesch. im XIX Jahrhundert. I Th.

[3]) Историческіе источники вполнѣ отражаютъ на себѣ черты національности и эпохи (Bernheim, 335—336; 353—356).

[4]) Э. Курціусъ, Исторія Греціи, II, 229.

[5]) De legibus, I, 2.

[6]) См. у Тэна, стр. 57, 79, 112, 145, 146, 173, 178, 179, 214, 241, 250, 262, 266, 274, 300, 311, 360. „Т. Ливій былъ во всемъ ораторомъ" (10); „недостатки его происходятъ изъ одного преобладающаго въ немъ качества—краснорѣчія" (2); „вы проходите длинную галерею *великихъ* людей; но всѣ они *ораторы, философы, герои*" (84); „онъ изображаетъ скорѣе качества, чѣмъ живыя лица" (275, 277); „изъ одного сухаго примѣчанія (у Полибія) онъ дѣлаетъ картину" (306); ср. Маколей (XIII, 399).

[7]) Объ однообразіи рѣчей у Ѳукидида и Т. Ливія (Маколей, XIII, 338). „Въ соч. Ѳукидида всѣ рѣчи, каковъ бы ни былъ ихъ сюжетъ, ха-

цѣло вліяніе въ XVI в., когда историки стали подражать образцамъ послѣднихъ [1]). Не менѣе сильно было вліяніе на исторію литературы мемуаровъ XVIII вѣка [2]). Въ свою очередь, если древніе писатели оказывали столь неотразимое вліяніе на событія французской революціи [3]); если произведенія Тацита и главнымъ образомъ Плутарха сильно содѣйствовали возбужденію умовъ въ Италіи въ періодъ 1815—20 гг. [4]), то само собою понятно, на сколько тѣ же произведенія и событія должны были оказывать свое воздѣйствіе и на историковъ. Событія нерѣдко производятъ подавляющее вліяніе на этихъ послѣднихъ. Нибуръ въ своихъ письмахъ говоритъ: „Мы находимся въ положеніи Римлянъ во времена Гракховъ, и должны страшиться такихъ же ужасовъ (онъ опасался общаго возстанія низшихъ сословій противъ правъ собственности); тотъ, кто не видитъ этого, слѣпъ; кто думаетъ, что дѣло теперь идетъ о свободѣ—просто глупъ. Фор-

---

рактеръ и языкъ оратора—совершенно одинаковы" (IV, 369). „Торжественность и стилистическія украшенія придаютъ всѣмъ лицамъ у Ливія однообразный оттѣнокъ" (262). Объ отличіи Тита Ливія отъ Ѳукидида (Тэнъ, 23, 173, 300: „это есть настоящее повѣствованіе — въ противоположность съ ораторскимъ повѣствованіемъ Т. Ливія").

Укажемъ еще на изслѣд. Ѳ. Г. Мищенка: „Ѳукидидъ и его сочиненіе, М. 1888", не имѣвшееся нами въ виду на стр. 5 (здѣсь же анализъ его рѣчей и литература вопроса).

[1]) Über die Epochen der Geschichtschreibung und ihr Verhältniss zur Poesie. Eine Skizze von Johann Wilh. Löbell (Historisches Taschenbuch, Neue Folge, 2-ter Jahrgang, 1841, стр. 318, 325—27, 337—38, 347, 353).

Въ извѣстномъ сочиненіи: „Zur Kritik der neueren Geschichtschreiber" Ранке имѣетъ въ виду главнымъ образомъ эту сторону писателей эпохи возрожденія, образовавшихъ свои представленія объ исторіи на древнихъ образцахъ и показываетъ, какъ риторическій интересъ на каждомъ шагу искажаетъ объективную истину. См. выше, стр. 17, примѣч.

[2]) Lorenz, Friedr. Christoph Schlosser, 189—190.

[3]) „Событія французской революціи, въ извѣстной степени, получили свой характеръ отъ этихъ произведеній" (Маколей, Объ исторіи, XIII, 348—349). „Жизнеописанія Плутарха, труды Т. Ливія и Тацита, рѣчи Цицерона служили настольными книгами не только для мужчинъ, но и для образованныхъ женщинъ" (Laurent, Hist. du droit de gens, XIII, pp. 62—93).

[4]) Гервинусъ, I, 316.

мы потеряли весь авторитетъ; мы должны благословлять власть, которая будетъ охранять нашу жизнь, какъ римляне благословляли времена Августа. Я давно уже понималъ, что люди благоразумные могли поступать такъ; теперь это для меня очень ясно. *Теперь я понимаю Катилину*" [1]). Въ его признаніяхъ, по выраженію Блунчли, проглядываютъ неувѣренность и боязливость среди разрушенія стараго, признаваемаго имъ безповоротно уничтоженнымъ, и мнимой неспособности времени создавать новое [2]). И Ранке, на закатѣ дней своихъ, также признавался въ томъ, какое глубокое впечатлѣніе произвели на него событія начала XIX в., сопровождавшія катастрофу, постигшую Наполеона въ Россіи. „Я только-что читалъ рѣчи Боадицеи съ ихъ сочувствіемъ къ естественному состоянію народовъ и къ исконной свободѣ, говоритъ онъ,— я не могу описать впечатлѣнія, которое онѣ на меня производили—и такъ какъ римскій міръ въ Наполеонѣ какъ будто бы снова былъ вызванъ къ жизни, то я въ манифестаціяхъ противъ него читалъ отраженіе и возобновленіе рѣчей королевы Боадицеи".... „Въ событіяхъ, которыя мы пережили, говоритъ онъ далѣе, можно видѣть прежде всего пораженіе революціонныхъ силъ, которыя дѣлали невозможнымъ правильный прогрессъ всемірной исторіи. Если бы онѣ утвердили за собою мѣсто, то о развитіи историческихъ силъ, даже о безпристрастномъ воззрѣніи ихъ не могло бы быть и рѣчи, всемірная исторія въ *объективномъ* смыслѣ сдѣлалась бы невозможностью" [3]). Съ этой преобладающей точки зрѣнія онъ и смотритъ на ходъ историческихъ событій. Точно также, подъ впечатлѣніемъ недавно пережитыхъ треволненій, сложились современныя историко-политическія воззрѣнія и философскія мнѣнія Бентама и Дюмона [4]).

Съ не меньшею силою отражаются въ историческихъ трудахъ характеръ эпохи и національныя стремленія [5]). „Если справедливо вообще что въ литературѣ выражается господствующее настроеніе вѣка и націи, то это особенно можно сказать объ исторіографіи. Духъ, тво-

---

[1]) Lebensnachrichten, B. III, 274 и мн. др. за періодъ 1823—30 гг.

[2]) Исторія общаго госуд. права и политики, с. 516.

[3]) Два юбилея въ Берлинѣ (Вѣст. Европы 1886, II, 858—860).

[4]) Собр. сочин. Маколея, II, 121—122, 324—328.

[5]) Бернгеймъ, 355—358. Ср. оцѣнку историческихъ явленій съ точки зрѣнія эпохи Тацита и Трейчке (ibid. 417).

рящій исторію и объясняющій ею созданныя явленія, одинъ и тотъ же, говоритъ М. Н. Петровъ. Во взглядахъ на эти явленія и въ ихъ оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, замѣтно направленіе общества, его желанія, цѣли, идеалы" [1]). „Исторія, какъ наука, развивается параллельно съ исторіей въ смыслѣ res gestarum: часто матеріалъ, существующій въ наукѣ, остается тотъ же, но освѣщеніе его измѣняется сообразно съ измѣненіями самаго общества. На характерѣ исторической литературы отражается данное время съ его задачами и цѣлями, съ его интересами и господствующими точками зрѣнія, если только предметомъ того или другаго историческаго произведенія является не археологическая сторона прошедшаго. Историкъ не можетъ уйти изъ своего времени: даже становясь повидимому выше его, онъ только раздѣляетъ передовые идеалы своей же эпохи" [2]). Такимъ образомъ патріотизмъ играетъ весьма видную роль въ произведеніяхъ римскихъ историковъ [3]). Въ философскій XVIII вѣкъ нѣмцы были болѣе космополиты; въ XIX в. они являются болѣе націоналистами. Не только для Фихте и Гегеля германскій міръ представляется тождественнымъ съ христіанской цивилизаціей и выраженіемъ послѣдняго момента въ развитіи „всемірнаго духа" [4]); но даже для либеральнаго историка Гервинуса [5]) и гуманнаго историка-эклектика—Г. Вебера высшимъ историческимъ типомъ, совмѣщающимъ въ себѣ лучшія черты исторической народности, представляются все тѣ же нѣмцы [6]). По мнѣнію Гизо, напротивъ, пальма первенства въ исторіи цивилизаціи несомнѣнно принадлежитъ Франціи, какъ обладающей притомъ общечеловѣческимъ характеромъ [7]). Для англичанина Бокля высшій

---

[1]) Новѣйшая націон. исторіографія, Х. 1861, с. 1.

[2]) Карѣевъ, I, 198—199; ср. с. 210—211.

[3]) Бернгеймъ, 17—18; ср. H. Prutz: Über nationale Geschichtschreibung (Grenzboten 1883, B. XLII, S. 669 u. w.); Мечта и правда о русской наукѣ, Н. Карѣева (Рус. Мысль 1884, № 12).

[4]) Карѣевъ, I, 216—217. Съ этой точки зрѣнія Гегель оправдываетъ прусскую дѣйствительность, Кузенъ—французскую (283).

[5]) Введеніе въ исторію, стр. 80, 84, 96, 98, 103, 107, 109, 114, 131, 146, 148; Historik, 26—28.

[6]) Веберъ, Всеобщ. исторія, I, XII—XIII.

[7]) Ист. цивил. въ Европѣ, лекція 1-я; Ист. цив. во Франціи, I, сс. 11—12—18. При этомъ онъ дѣлаетъ даже слѣд. оговорку: „всякое патрі-

типъ культуры осуществляется въ исторіи Англіи; для итальянца **Джіоберти** — въ Италіи; для **Мицкевича** — въ Польшѣ. Для русскихъ славянофиловъ идеальныя черты ея совмѣщаются въ теченіяхъ русской исторіи [1]); а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онѣ достигнутъ высшей своей точки—въ заключительномъ періодѣ философской мысли [2]). Для нѣмцевъ исторія—школа, для французовъ—политическая арена [3]), а наиболѣе развитая форма исторіографіи во Франціи это—мемуары [4]). Качества, которыми французскіе писатели превосходятъ писателей всѣхъ прочихъ націй, это чистота, ясность, точность, сжатость, говоритъ такой безупречный цѣнитель стиля, какъ Маколей [5]). Въ Англіи судьбы исторіографіи тѣсно связаны съ ея разностороннею политическою жизнію [6]). **Гиббонъ** выражался, что онъ обязанъ былъ частью своихъ успѣховъ, какъ историкъ, тѣмъ наблюденіямъ, которыя дѣлалъ въ качествѣ офицера ми-

---

отическое ощущеніе, всякая патріотическая впечатлительность — законны, но необходимо, чтобы онѣ находили свое *оправданіе* въ истинѣ, въ разумѣ" (ib. c. 11). Также смотритъ на Францію и Мишле (Introduction à l'histoire universelle, pp. 73, 92, 104).

[1]) См. труды К. Аксакова, Кирѣевскаго, Данилевскаго и др. Повидимому къ этой же мысли склоняется и новѣйшій русскій философъ, когда говоритъ: „Философія грековъ съумѣла гармонически связать идеалы истины, добра и красоты подъ угломъ зрѣнія этой послѣдней; философскія ученія европейскихъ мыслителей новаго времени пытались гармонически сочетать тѣже идеалы подъ угломъ зрѣнія истины. Не состоитъ ли историческая задача русскихъ мыслителей въ такомъ же, не менѣе глубокомъ, синтезѣ идеаловъ съ точки зрѣнія высшихъ идеаловъ блага"? (Н. Я. Гротъ, Вопросы философіи и психологіи 1889, I, c. xvii—xviii). Ср. также статью П. Е. Астафьева: „Національное самосознаніе и общечеловѣческія задачи" (Рус. Обозр. 1890, № 3, с. 267—297). Любопытно объясненіе тираніи Ивана Грознаго у К. Аксакова (рец. на VI-й т. Исторіи Соловьева, Рус. Бес. 1856, VI, 49); припомнимъ также мнѣніе Карамзина.

[2]) О. Новицкій: Постепенное развитіе философ. ученій въ связи съ религіозными вѣрованіями, К. 1860, т. IV, стр. 383—384.

[3]) Карѣевъ, I, 204; см. полезныя поясненія, стр. 204—211.

[4]) Grundzüge der Historik, v. Gervinus, 38—39.

[5]) Собр. соч., II, 117.

[6]) G. Gervinus, 42.

лиціи и члена нижней палаты. Маколей соединялъ обширное знакомство съ жизнію, съ людьми, парламентскою дѣятельностью, и тѣми мѣстами, которыя онъ посѣтилъ [1]). Гротъ—обнаруживаетъ политическое пониманіе человѣка, созрѣвшаго въ многолѣтней парламентской школѣ, соединенное съ яснымъ и проницательнымъ взглядомъ практическаго дѣльца и изъ этого соединенія, при сходствѣ англійской и эллинской жизни, вытекаетъ чрезвычайно живое представленіе политическихъ и соціальныхъ состояній древности [2]). Для англичанъ особенно легко было пониманіе исторіи эллинскаго народа, благодаря широкому развитію географической фантазіи, вызванному ихъ всемірною торговлею, а также присутствію сходныхъ чертъ въ строѣ ихъ собственной жизни: политическаго краснорѣчія и суда присяжныхъ, свободнѣйшей дѣятельности политическихъ партій, развитія мореплаванія и морской торговли, колонизаціи [3]). Въ Германіи, напротивъ, наука тѣсно связана съ ея университетами. „Университеты, замѣчаетъ Гельмгольцъ, стараются привлекать къ себѣ научные умы Германіи, что лучше всего доказывается тѣмъ, что почти всѣ люди, прокладывающіе новые пути въ наукѣ, принадлежатъ университетамъ. Вотъ почему иногда даже подсмѣиваются, говоря, что въ Германіи каждая наука есть профессорская мудрость. Бросивъ взглядъ на Англію, мы тотчасъ натолкнемся на ученыхъ, какъ Гумфри, Дэви, Фарадей, Дарвинъ, Гротъ, которые никакой связи не имѣютъ съ англійскими университетами“ [4]).

Совершившееся на нашихъ глазахъ политическое объединеніе Германіи, неожиданный успѣхъ и положеніе, занятое Пруссіей, дали толчекъ и новое направленіе нѣмецкой исторіографіи [5]), самымъ

---

[1]) Лордъ Маколей, біогр. очеркъ (XXIV—XXVI). Почти всѣ знаменитые писатели, работавшіе по англійской исторіи, суть адвокаты, говоритъ онъ объ ихъ качествахъ (Собр. соч., II, 319). „Юмъ совершенный адвокатъ“ (ibid., XIII, 364).

[2]) Роб. Пёльманъ, Крат. оч. греч. исторіи, 3.

[3]) Ibid., стр. 1.

[4]) Академич. свобода германскихъ университетовъ, М. 1879, с. 29—30.

[5]) Deutsche Geschichte im XIX Jahrhundert. Рец. 1-го тома, В. И. Герье (Ист. Вѣст. 1880, I, 570). Здѣсь же указаны сильныя и слабыя стороны этого труда.

выдающимся явленіемъ который за послѣднее время представляется трудъ Трейчке, посвященный возвеличенію германскаго единства въ лицѣ Пруссіи. Но подобное рѣзко опредѣлившееся направленіе мысли переходитъ и въ другія области историческаго изслѣдованія. Въ Римской исторіи Моммзена на каждомъ шагу видно отраженіе современной дѣйствительности—эпохи реакціи и конфликта между правительствомъ и палатой [1]). И это стремленіе новѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ—объяснять даже отдаленныя историческія явленія съ точки зрѣнія современнаго государственнаго порядка вызываетъ строгое осужденіе со стороны англійскаго историка Фримана [2]).

Религіозныя и политическія мнѣнія столь же рельефно выступаютъ въ произведеніяхъ историковъ [3]). Существуютъ католическія и протестантскія исторіи реформаціи; исторіи Англіи съ направленіемъ виговъ и тори. Отчеты о современныхъ кампаніяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ значительно отличаются одинъ отъ другаго, смотря потому, къ которой сторонѣ принадлежитъ писатель. Исторія можетъ быть съ примѣсью вымысла для дадактической или нравственной цѣли, какъ напр. Киропедія Ксенофонта [4]). Не менѣе правильному

---

[1]) Изслѣд. по римской исторіи, В. Пирогова, 203—204.

[2]) Ср. еще: Полибій, Всеобщая исторія, перев. Ѳ. Г. Мищенка, предисл., стр. XXVI, XXIX, XXXVIII. Нѣмцевъ Фриманъ осуждаетъ за то, что они мало знакомы съ дѣйствіемъ народныхъ собраній и представительныхъ учрежденій, а Моммзена за то, что онъ слишкомъ поклоняется успѣху и даже Ранке упоминается у него лишь вскользь въ неблагопріятномъ смыслѣ (The Methods of historical study, лекція 7-я).

[3]) „Титъ Ливій разсказываетъ исторію (царей) какъ ораторъ, Діонисій Галикарнасскій какъ юристъ, Плутархъ какъ моралистъ" (Гиббонъ, I, 409).

[4]) „Въ нашемъ столѣтіи впервые узнали дѣйствительные, а не романтическіе средніе вѣка, благодаря открытію и изданію множества городскихъ и монастырскихъ хроникъ, разныхъ документовъ и памятниковъ того времени" (А. Трачевскій, Зап. Новорос. унив., XXVII, 87). „Ни одинъ отдѣлъ нашихъ лѣтописей, замѣчаетъ Маколей, не былъ болѣе запутанъ и представленъ въ болѣе ложномъ совѣтѣ, писателями разныхъ партій, какъ исторія реформаціи" (см. ст. объ исторіи англ. конституціи Галлама, Собр. соч. Маколея, I, 116—117). Относительно англійской и французской революціи см. ст. его о Дж. Макинтошѣ (ib. т. II). Ср. измѣненіе во взглядахъ на по-

историческому освѣщенію вредятъ эстетическія симпатіи и антипатіи, поддерживаніе излюбленной теоріи, поклоненіе героямъ и, въ виду практическихъ цѣлей, прямой ...чный интересъ. Эти извращающія побужденія оказываютъ вліяніе столько же на обобщеніе, сколько и на наблюденіе фактовъ [1]).

Такъ Тэнъ, прежде и преимущественно посвятившій свои труды исторіи искусства, и въ своихъ историческихъ произведеніяхъ интересуется болѣе всего нравственною средою общества и рѣзкими очертаніями характеровъ; Вайцъ, по своимъ трудамъ прежде всего юристъ, ограничиваетъ и исторію преимущественно правовыми отношеніями; Дюбуа-Реймонъ исторію человѣчества видитъ въ исторіи естествознанія; Шлейхеръ думаетъ, что исторія развитія языка составляетъ и главную сторону исторіи развитія человѣка; а извѣстный химикъ Либихъ причину паденія Римской имперіи находитъ исключительно въ неблагоразумномъ веденіи сельскаго хозяйства и истощеніи полей [2]). Страсть къ теоріи, замѣчаетъ Маколей по поводу исторіи Греціи Митфорда, повела его къ существенному нарушенію истины почти на каждой страницѣ [3]). Всѣ показанія, неблагопріятныя демократіи, принимаются авторомъ безъ всякаго колебанія, съ полнымъ

слѣдствія Крымской войны въ позднѣйшее время сравнительно съ прежнимъ (Чему учитъ русская исторія, Бестужева-Рюмина, Древ. и Нов. Рос. 1877, I, с. 25; ср. записки кн. В. И. Васильчикова, Р. Арх. 1891, II, 255).

[1]) Бэнъ, Логика обществен. наукъ, 24, 49.

„Вліяніе предвзятыхъ идей или преобладающаго настроенія духа видоизмѣняетъ наши представленія о реальныхъ предметахъ" (Карпентеръ, I, 191). Одно упражненіе ума, которое имѣетъ большое вліяніе на силу и характеръ сужденія, состоитъ въ образованіи *ясныхъ и точныхъ идей*. Тотъ пунктъ самовоспитанія, который состоитъ въ наученіи ума противиться его желаніямъ и наклонностямъ, пока они еще не оказались вѣрными, есть самый важный пунктъ изъ всѣхъ, не только въ предметахъ естествознанія, но и во всякой области ежедневной жизни", говоритъ Фарадей („О воспитаніи сужденія", въ сборникѣ Эд. Юманса, 195—197).

[2]) Карѣевъ, I, 222—224.

[3]) Достоинство ея сильно умаляется односторонне-торійскимъ пристрастіемъ автора при оцѣнкѣ эллинскихъ демократій, говоритъ Р. Пельманъ (стр. 1).

довѣріемъ и высказываются языкомъ, пропитаннымъ горечью. Напротивъ, всякое обвиненіе, направленное противъ монархіи и аристократіи, просматривается чрезвычайно тщательно. Если его нельзя отрицать, то намъ подсказываютъ какое нибудь смягчающее предположеніе или, по крайней мѣрѣ, напоминаютъ, что нѣкоторыя обстоятельства, неизвѣстныя теперь, могутъ оправдать то, что кажется неизвинительнымъ. Одинъ и тотъ же авторъ въ одной и той же рѣчи разсказываетъ о двухъ событіяхъ; ихъ истина основывается на одномъ и томъ же свидѣтельствѣ, но одно подтверждаетъ любимую теорію, а другое кажется несовмѣстнымъ съ нею. Одно принимается, другое отвергается [1]). Справедливость и безпристрастіе историка должны заключаться не въ томъ только, чтобы онъ остерегался отъ ошибокъ, отъ невѣрныхъ и преувеличенныхъ сужденій; но они должны особенно проявляться *въ равномѣрномъ распредѣленіи свѣта и тѣни* [2]).

Не менѣе вредитъ правильному освѣщенію фактовъ ретроспективный взглядъ на событія. Историкъ можетъ объяснять прошедшее съ помощью настоящаго, но онъ не долженъ при этомъ прилагать къ прошедшему мѣрку настоящаго, ибо это бросаетъ невѣрный свѣтъ на прошедшее и открываетъ просторъ произволу. Такой пріемъ можетъ быть полезенъ для политическихъ цѣлей, но онъ заставляетъ служить науку не истинѣ, а другимъ интересамъ [3]).

Соблюденіе этихъ требованій и условій значительно поднимаетъ умственный и нравственный цензъ историка. Говорятъ: „Нравственный идеалъ историка есть единственный свѣточъ, способный придать перспективу исторіи въ ея цѣломъ и въ ея частностяхъ“ [4]). Чѣмъ

---

[1]) Сочин. т. XIII, с. 365—366. „Самыя характеристичныя и интересныя обстоятельства опускаются или смягчаются, потому что они будто бы вредятъ величію исторіи“ (ib. 367).

[2]) Историч. Вѣст. 1880, I, 575. „Верхъ его (историка) искусства— выбрать такія части, которыя могутъ произвести дѣйствіе цѣлаго, выставить рельефно характеристическія черты, распредѣлить свѣтъ и тѣнь такъ, чтобы усилить впечатлѣніе“ (Маколей, II, 321—322).

[3]) Рец. соч. Трейчке, В. И. Герье (Ист. Вѣст. 1880, I, 575).

[4]) Историч. письма, П. Л. Миртова, с. 260.

„Умственныя и нравственныя свойства особенно важны въ историкѣ“ (Маколей, II, 319). Ср. Gervinus, Grundzüge der Historik, 91—92.

болѣе знаетъ историкъ, по замѣчанію Фримана, тѣмъ шире онъ смотритъ; только то знаніе, которое никуда приложено быть не можетъ, безполезно для историка. Напротивъ, всякое знаніе, имѣющее практическое значеніе, можетъ быть полезно и для историка[1]). И по его мнѣнію, напрасно геологія и сродныя ей знанія слишкомъ далеко поставлены въ іерархіи наукъ отъ историческихъ знаній, ибо и тѣ и другія заключаютъ въ себѣ факты, изучаемые на основаніи свидѣтельства; разница только въ характерѣ фактовъ и въ характерѣ свидѣтельства. Пропасть между геологіей и исторіей наполняется такими знаніями, которыя являются необходимыми спутниками исторіи, каковы нумизматика, палеографія, археологія вообще (со включеніемъ исторіи искусства) и географія. Историкъ, случайно знающій химію, можетъ воспользоваться своимъ знаніемъ для рѣшенія нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ (напр. археологическихъ, нумизматическихъ). Большое вниманіе обращаетъ тотъ же Фриманъ но отношеніе къ исторіи двухъ разрядовъ наукъ: лингвистическихъ и юридическихъ[2]). Далѣе, политическому историку нуженъ навыкъ въ различеніи, для того, чтобы обнять всѣ обстоятельства, входящія въ цѣпь причинъ и выдѣлить сопровождающія ихъ обстоятельства, имѣющія только поэтическій интересъ. Чтобы справиться съ этимъ, историкъ долженъ быть самъ политическимъ философомъ[3]).

Истинный историкъ, говоритъ Маколей, тотъ, въ сочиненіяхъ котораго изображается въ миніатюрѣ духъ и характеръ вѣка. Онъ не передастъ ни одного факта, не припишетъ своему герою ни одного выраженія, достовѣрность которыхъ не основывалась бы на удовлетворительномъ свидѣтельствѣ. Но, искусно выбирая одни, отбрасывая другіе факты и систематизируя ихъ, онъ придаетъ истинѣ ту прелесть, которая присвоена исключительно вымыслу.... Онъ не сочтетъ ни одного анекдота, ни особенности въ обычаяхъ, ни народной поговорки, слишкомъ ничтожными, если они могутъ уяснить

---

[1]) „Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила бы своими результатами въ составъ исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества" (Грановскій, I, 10).

[2]) Лекція 2-я.

[3]) Бэнъ, Логика обществ. наукъ, 23.

вліяніе законовъ религіи и воспитанія или опредѣлить развитіе человѣческаго ума.... Перемѣны въ обычаяхъ обозначаются не одпѣми общими фразами или нѣсколькими выдержками изъ статистическихъ документовъ, но подходящими образами, видными въ каждой строчкѣ.... Исторія правительства и исторія народа будутъ изображены у него единственнымъ возможно вѣрнымъ способомъ—въ неразрывной связи и пополняя одна другую. Тогда намъ не придется обращаться за свѣдѣніями о войнахъ и парламентскихъ рѣчахъ пуританъ — къ Кларендону, а о ихъ манерѣ говорить къ „Old Mortality"; за одной половиной короля Іакова — къ Юму, а за другой — къ Fortunes of Nigel".... Для точнаго опредѣленія характера политическихъ событій необходимо короткое знакомство съ домашней исторіей народа [1]).

Понятно, что при такихъ высокихъ требованіяхъ и самъ Маколей затрудняется указать на сочиненіе, которое бы вполнѣ удовлетворяло имъ. Почтенно писать исторію, говоритъ онъ, т. е. сокращать депеши, дѣлать извлеченія изъ рѣчей, вставлять въ надлежащемъ количествѣ эпитеты одобренія и порицанія, рисовать противоположности въ характерахъ великихъ людей.... Но быть дѣйствительно великимъ историкомъ — *можетъ быть самое рѣдкое умственное отличіе.* Есть много ученыхъ произведеній, которыя въ своемъ родѣ считаются совершенными. Есть поэмы, которыя мы готовы назвать безукоризненными. Тоже можно сказать и о нѣкоторыхъ рѣчахъ Демосѳена, въ которыхъ невозможно было бы измѣнить ни одного слова, не испортивъ дѣла. Но мы не знаемъ *ни одного* историческаго сочиненія, приближающагося къ нашему понятію о томъ, *чѣмъ должна быть исторія* [2]).

Способность переноситься въ чуждое время и среду народа обнаруживаетъ въ историкѣ высшій даръ пониманія [3]). Чѣмъ глубже понимаетъ историкъ человѣчество и его дѣятельность силою своего генія и труда или чѣмъ человѣчнѣе настроенъ онъ природою и обстоятельствами и чѣмъ болѣе даетъ онъ простора всему человѣчно-

---

[1]) Собр. сочин., XIII, 371—74.

[2]) Ibid., с. 327—328.

[3]) Гервинусъ, Некрологъ Шлоссера (54 стр. нѣм. изд., 44—47 рус. изд.); Historik, 79—80.

му, тѣмъ полнѣе онъ разрѣшаетъ задачу своихъ занятій[1]). Правдивость, безпристрастіе и справедливость я считаю основными добродѣтелями историка, говоритъ Веберъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ имѣть въ груди сердце, согрѣтое любовью къ свободѣ и родинѣ и ко всѣмъ высшимъ благамъ человѣчества, ко всѣмъ благороднымъ цѣлямъ жизни.... Историкъ не долженъ ни возноситься на идеальную высоту абстракціи, ни спускаться въ лабиринтъ индивидуальныхъ намѣреній и дѣйствій.... Онъ не долженъ давать слишкомъ много воли фантазіи, не долженъ слѣдовать какой нибудь произвольной, хотя бы и талантливо придуманной системѣ, не долженъ строить объективныя явленія изъ субъективныхъ мыслей.... Историкъ признаетъ каждую форму государственнаго устройства произведеніемъ жизни, но онъ долженъ строго порицать дурное, отклонявшее жизнь отъ правильнаго хода, осуждать тираннію и мрачный деспотизмъ.... У исторіи нѣтъ лицепріятія[2]). Государственный мужъ часто бываетъ въ необходимости соглашаться на мѣры, которыя ему не нравятся, чтобы только не подвергнуть опасности успѣхъ мѣръ, которыя онъ считаетъ мѣрами существенной важности. Но историкъ не бываетъ въ такой необходимости. Напротивъ, одна изъ его священнѣйшихъ обязанностей—указать ясно ошибки тѣхъ, общему поведенію которыхъ онъ удивляется[3]).

Съ другой стороны, привычка непремѣнно рисовать все или въ черномъ, или въ бѣломъ свѣтѣ непростительна даже и въ драмѣ.... Въ исторіи такое заблужденіе еще непростительнѣе. Дѣйствительно, ни одна ошибка такъ глубоко не унижаетъ повѣствованія во мнѣніи разсудительнаго читателя, какъ эта. Мы знаемъ, что черты различія между добрымъ и злымъ человѣкомъ такъ тонки, что при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для наблюденія онѣ часто усколь-

---

[1]) В. Гумбольдтъ, Über die Aufgabe etc.

[2]) Всеобщая исторія, I, сс. XVIII, 2, 7, 8, 12.

Объ отношеніи историка къ формамъ прошлой жизни—замѣчаніе Раумера (ib., с. 22).

[3]) Маколей, II, 203—204.

Требованіе это было понятно и для древне-русскаго бытописателя. „Поносно бо есть писателю, говоритъ одинъ изъ нихъ, не ясно вѣдуще, сущая вещи описывать“ (Платоновъ, Сказанія, 134).

заютъ отъ вниманія изслѣдователя. Общественные дѣятели въ особенности окружены столь многими искушеніями и столкновеніями, что почти всегда является сомнѣніе относительно ихъ дѣйствительныхъ наклонностей и намѣреній.... Легче, кажется, произносить рѣшительныя сужденія о великихъ характерахъ древняго міра не потому, чтобы мы имѣли болѣе средствъ изслѣдовать истину, а потому, что представляется менѣе способовъ открыть ошибку [1]).

Впрочемъ нѣтъ основанія относиться къ болѣе древнимъ извѣстіямъ съ меньшимъ довѣріемъ. При множествѣ свидѣтельствъ почти нѣтъ мѣста такимъ радикальнымъ ошибкамъ, которыя бы искажали все дѣло и давали ему совершенно превратный видъ. Чувство правды, истинности не менѣе было знакомо древнимъ писателямъ, какъ и новымъ. И скептицизмъ, безъ нужды отрицающій искренность писателя, равно подорвалъ бы кредитъ и новой исторіи, если бы былъ приложенъ къ ея основаніямъ [2]).

Наконецъ, ища всего въ матеріалахъ предмета, историкъ не долженъ упускать изъ виду господство *идеи;* онъ долженъ во всемъ оставлять мѣсто для ея воздѣйствія; подвигаясь впередъ, онъ долженъ настраивать себя для открытія идеи, предугадывать ее, узнавать; но онъ долженъ болѣе всего остерегаться навязывать дѣйствительности свои собственныя идеи, или, стремясь къ созданію заранѣе обдуманнаго цѣлаго, пожертвовать живымъ богатствомъ подробностей. Если историку недостаетъ свободы воззрѣнія, онъ не можетъ постигнуть событія во всемъ ихъ объемѣ и глубинѣ; если же въ историкѣ нѣтъ тщательной осторожности, тогда пострадаетъ живая и простая правда событій [3]). Значеніе идей въ исторіи есть значеніе идеаловъ въ жизни [4]).

Но есть и другая опасность для историка—это преувеличенное возвышеніе тѣхъ вопросовъ и матеріаловъ, которые служатъ предметомъ его собственныхъ занятій. Вполнѣ вѣрны поэтому замѣчанія В. И. Герье, высказанныя по поводу книги Онкена (Oesterreich und Preu-

---

[1]) Собр. соч. Маколея, IV, 389.
[2]) Кудрявцевъ, Сочин., I, 6—7.
[3]) В. Гумбольдтъ, Über die Aufgabe etc.
[4]) Карѣевъ, II, 162—163.

sen im Befreiungskriege. Urkundliche Aufschlüsse über die politische Geschichte d. J. 1813, B. 1875): „Наклонность къ преувеличенію и театральной напыщенности изложенія составляетъ главный недостатокъ книги, недостатокъ нерѣдко встрѣчающійся у писателей, черпающихъ изъ *архивовъ*, которые дѣлаютъ натяжки, для того чтобы придать больше значенія и интереса обнародованнымъ ими фактамъ или документамъ, и стараются производить драматическіе эффекты, чтобы вознаградить читателя за сухость документальнаго изложенія и перефразировки архивныхъ матеріаловъ" [1]). Между тѣмъ, сложность общественной жизни, количество матеріала, его разнообразіе, требующее отъ историка разнообразныхъ предварительныхъ свѣдѣній, все это усложняетъ и затрудняетъ составленіе политической исторіи до такой степени, что, по мѣрѣ возвышенія научныхъ требованій, общія сочиненія появляются все рѣже и рѣже и движеніе исторіи обнаруживается главнымъ образомъ въ монографіяхъ объ отдѣльныхъ вопросахъ. Такое направленіе заслуживаетъ полнаго сочувствія, но подъ однимъ необходимымъ условіемъ, чтобы всѣ спеціальныя работы ведены были въ одномъ направленіи, при свѣтѣ одинаковыхъ или по крайней мѣрѣ сходныхъ понятій о задачѣ историка [2]).

Такимъ образомъ здѣсь снова получаетъ свое значеніе болѣе широкая подготовка самого изслѣдователя. И нельзя не признать справедливымъ упрека въ томъ, что множество историковъ, занимаясь изслѣдованіемъ важныхъ эпохъ въ жизни народовъ, не обращаютъ должнаго вниманія на разные спорные вопросы въ области религіи, философіи, политической экономіи; излагая важныя политическія событія, они бываютъ незнакомы съ законодательствомъ и государственнымъ устройствомъ страны; повѣствуя о борьбѣ сильныхъ страстей, они пренебрегаютъ изученіемъ человѣческаго сердца и его побужденій [3]). Сравнительная этнографія и политическая практика под-

---

[1]) Древ. и Нов. Россія 1877, III, 365.

[2]) Бёкъ (изложеніе, стр. 79).

[3]) Зибель: Три боннскіе историка (Вѣст. Евр. 1868, т. III, 413).

Этой односторонности не чужды и нѣкоторые изъ учениковъ Вайца, посвящающіе всецѣло свое вниманіе мелочнымъ вопросамъ средневѣковой исторіи Германіи (Брикнеръ, Журн. Мин. Н. Пр., ч. CLXXXV, 41). Въ свою

готовили Нибура къ болѣе широкому пониманію самой исторіи, а его проницательный умъ открылъ связь и жизнь тамъ, гдѣ предшественники его видѣли только непонятныя для нихъ развалины. Какъ ни важны открытія, за которыя наука обязана его критикѣ источниковъ, однако самые важные разультаты его изслѣдованій (напр. о значеніи римскаго plebs'а) добыты скорѣе прозорливостію государственнаго человѣка, чѣмъ кропотливыми усиліями ученаго. Его колоссальная память и огромная начитанность давали ему возможность пользоваться мелкими, ускользающими отъ вниманія читателей фактами для самыхъ любопытныхъ сближеній и выводовъ. Такъ, отношенія поземельной собственности въ Дитмарсенѣ дали ему ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ законовъ и вообще объяснили ему значеніе государственныхъ земель въ Римѣ. Мексиканское лѣтосчисленіе привело его къ циклической системѣ древнихъ италійскихъ племенъ [1]). И онъ самъ хвалился своею способностію, по нѣкоторымъ мелкимъ обстоятельствамъ, угадывать цѣлую потерянную исторію народа или отдѣльнаго лица, въ полномъ очеркѣ и даже съ обозначеніемъ предѣловъ времени [2]). Благодаря близкому знанію практической жизни, Гизо, Маколей, Гротъ успѣли возвыситься надъ общимъ уровнемъ историческаго пониманія прошлаго, какъ тѣсно связаннаго съ настоящимъ. Поэтому они такъ любили отъискивать *аналогическія явленія* между настоящимъ и прошедшимъ. Увлеченія и ошибки въ исторіи возможны и неизбѣжны, какъ и во всякой другой наукѣ, но это вовсе не говоритъ противъ достоинства предмета. „Прогрессъ только и возможенъ при слѣдованіи по пути ошибокъ„ [3]).

очередь увлеченіе архивными разысканіями, всецѣло овладѣвшее нѣмецкою исторической наукою, привело почти къ пренебреженію философіею исторіею, а привязанность къ мелочнымъ вопросамъ и буквальной критикѣ— заставляетъ уже напоминать о необходимости слѣдовать болѣе скептицизму и не довѣрять всякому писанному слову (Falsche Richtungen, v. G. Waitz, Zeitschr., I, 21—23; Герье, Очеркъ развитія исторической науки, 85). На отрицательныя стороны такого положенія вещей высказываются сѣтованія и въ нѣмецкой (Ист. Вѣст. 1891, XLIII, с. 891) и во французской литературѣ (Загран. Вѣст. 1882, № 11, сс. 57—78, ст. Ложеля).

[1]) Б. Г. Нибуръ, Грановскаго (Соч. т. II, 40). Ср. Löbell, loc. cit., 317.

[2]) Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr, B. II, Ss. 47, 164.

[3]) Зибель, Три бон. историка, 412.

Самыя формы и методы историческаго изложенія (исторія *субъективная*, преслѣдующая нравственныя цѣли; *повѣствовательная*— художественная; *научная* — объективная, наконецъ *философская*—въ значительной степени зависять отъ качествъ писателя [1]). Поэтому имѣють полное основаніе не только научныя, но и нравственныя требованія отъ историка; такъ какъ исторія весьма близко соприкасается съ жизнію и ея нравственными цѣлями и стремленіями. „Историкъ едва ли не болѣе всякихъ другихъ писателей, говоритъ Гизо, обязанъ отдавать публикѣ отчетъ о своей личности; онъ ручается за достовѣрность тѣхъ фактовъ, которые онъ намъ разсказываетъ; намъ нужно знать, какую цѣну имѣетъ это ручательство, а опорой для такой необходимой гарантіи служатъ не только нравственный характеръ историка и довѣріе, возбуждаемое его правдивостью, но также обычный складъ его ума, мнѣнія, на сторону которыхъ онъ всего охотнѣе склоняется, и чувства, которыми онъ всего легче увлекается, такъ какъ изъ этого-то и слагается та атмосфера, которая окружаетъ его и которая окрашиваетъ въ его глазахъ описываемые имъ факты" [2]).

„Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, по выраженію Карамзина, ученость нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія.... Искусное повѣствованіе есть долгъ бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль даръ: читатель требуетъ перваго и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено.... Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ" (предисл.). Популярность писателей сама по себѣ не служитъ, еще неоспоримымъ доказательствомъ ихъ заслугъ для позднѣйшихъ временъ, такъ какъ сочиненія ихъ могутъ устарѣть.... Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ пріобрѣсти славу, далеко превышающую ихъ достоинство, потому что предметъ сочиненія представляетъ особенный интересъ для даннаго времени, или потому, что авторъ обладаетъ особеннымъ умѣньемъ принаравливаться въ произведеніяхъ своей фантазіи ко вкусу публи-

[1]) Рец. Бестужева-Рюмина на Исторію Россіи съ древн. временъ, Соловьева (Отеч. Зап. 1860, № 9, стр. 12).

[2]) Очеркъ жизни и характера Гиббона къ переводу его сочиненія, стр. XVII.

ки, или наконецъ, излагаетъ взгляды исключительно соотвѣтствующіе требованіямъ данной эпохи, но которые съ теченіемъ времени теряютъ значеніе. Отсюда слѣдуетъ, что слава не всегда служитъ надежнымъ указаніемъ дѣйствительнаго достоинства [1]). Какъ въ историческихъ событіяхъ, такъ и при оцѣнкѣ характеровъ здѣсь болѣе приходится разсчитывать на безпристрастіе потомства [2]). Даже въ дѣлѣ критики нашего времени видную роль играютъ привычка къ идолопоклонству и взаимныя отношенія партій [3]).

Само собою ясно, что исторія, такъ близко стоящая къ жизни, можетъ достигнуть своей подобающей высоты лишь тамъ, гдѣ существуютъ для нея вполнѣ благопріятныя условія. „Исторіографія, говоритъ Амперъ, всегда зарождается, когда къ тому представляется поводъ; когда сильно бьетъ жизнь, она всегда находитъ себѣ отраженіе. Исторія, такъ сказать, сама создаетъ для себя соотвѣтствующее повѣствованіе. Если никто не пишетъ исторіи, то это значитъ, что ея нѣтъ, если же бы она была, то нашелся бы для нея и историкъ" [4]). Понятно, что положеніе исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и историка, будетъ иное въ Турціи и Китаѣ и иное во Франціи, Англіи или Германіи. Въ этомъ отношеніи мало имѣетъ значенія одно воспитаніе безъ соотвѣтственной среды [5]). Взгляды историка много зависятъ отъ типа и степени общественнаго развитія [6]). Нѣмецкій ученый можетъ гордиться даже въ сравненіи съ положеніемъ его собратій въ другихъ, не менѣе цивилизованныхъ странахъ, тѣмъ, что въ настоящее время въ германскихъ университетахъ можно съ каѳедры столь же безпре-

---

[1]) Гальтонъ, 136—137. Ср. мѣткое опредѣленіе подобной славы у Лабрюйера, которое не потеряло своего смысла до сихъ поръ („Характеры", 345).

[2]) Спенсеръ, 256—257.

[3]) Современная критика и причины ея упадка, этюдъ Э. Каро, М. 1883, стр. 18.

[4]) J. J. Ampère: Histoire littéraire de la France avant le XII-e sc., t. II, p. 292; ср. t. III, p. 147 и др.; Ист. Вѣст. 1880, I: Націон. исторіогр. въ Германіи, В. Герье, с. 567.

[5]) Гальтонъ, с. 165.

[6]) Карѣевъ, I, 210—211—подробное развитіе этой мысли. Ср. замѣчанія К. Н. Бестужева-Рюмина въ рец. на книгу Кояловича (стр. 96—97).

пятственно говорить какъ о самыхъ крайнихъ результатахъ матеріалистической метафизики, такъ и о крайнихъ предѣлахъ обоготворенія папской непогрѣшимости. Такъ широко понимается *свобода преподаванія* въ германскихъ университетахъ [1]).

Но такова уже сама по себѣ потребность для человѣка въ исторіи, что и въ Китаѣ, на зло врагамъ свѣта, она существуетъ. „Я повелѣваю тебѣ, сказалъ однажды тиранъ - императоръ главному своему историку, не говорить болѣе ни единаго слова обо мнѣ". Мандаринъ однако принялся писать. „Что ты пишешь теперь"? спросилъ императоръ. „Я записываю приказаніе только-что данное мнѣ вашимъ величествомъ" [2]). Въ этомъ анекдотѣ изъ китайской жизни прекрасно иллюстрируется потребность въ исторической истинѣ.

Такимъ образомъ исторія имѣетъ право на свое значеніе, какъ наука непосредственно относящаяся къ жизни общества [3]). Даже элементарные факты политической исторіи суть вопросы такого рода, которые требуется разрѣшить прежде, чѣмъ можно будетъ составить какія нибудь правильныя заключенія о развитіи политическихъ учрежденій [4]). По отношенію къ изслѣдованію о человѣческомъ обществѣ, замѣчаетъ Майръ, особенно оправдывается афоризмъ, что все существующее заслуживаетъ изученія [5]). Что же касается до высшихъ частей естествознанія, до всесторонняго изученія процессовъ и продуктовъ жизни лица и общества, то подобное изученіе стоитъ совершенно на одной ступени съ исторіею, какъ по теоретической научности, такъ и по практической полезности. Безспорно, что эти части естествознанія связаны съ болѣе живыми вопросами для человѣка, чѣмъ исторія, но серьезное изученіе ихъ совершенно невозможно безъ изученія исторіи, и онѣ осмысливаются для читателя лишь на столько, на сколько для него осмыслена исторія [6]).

---

[1]) Академическая свобода германскихъ университетовъ. Гельмгольца, 24—25.

[2]) Condorcet, Vie de Voltaire, p. 124; Морлей, 319.

[3]) Спенсеръ, 85.

[4]) Ibid., стр. 101—102.

[5]) Законосообразности въ общественной жизни, с. 5.

[6]) Историческія письма, с. 9—12. Объ услугахъ, оказанныхъ исторіей этнологіи и физіологіи (Кудрявцевъ, I, 57).

Напомнимъ парадоксъ Джонсона, относящійся къ исторіи [1]). Но ему съ полнымъ правомъ можетъ быть противопоставлено болѣе вѣрное изреченіе Бэкона. Онъ говоритъ: „Историческія сочиненія дѣлаютъ людей мудрыми, поэтическія произведенія остроумными, математика тонкими, естествовѣдѣніе глубокими, нравственныя науки серьезными, логика и риторика способными къ диспуту“. Мы не думаемъ, замѣчаетъ на это Маколей, что бы самъ Ѳукидидъ сжалъ гдѣ либо столь много мысли на столь маломъ пространствѣ [2]).

Въ разысканіи научной истины нельзя руководствоваться исключительно практическими цѣлями. „Если наука видимо несовершенна и, въ тоже время, имѣетъ весьма важное значеніе, говоритъ Мальтусъ, то было бы въ высшей степени неразумно останавливаться въ изслѣдованіяхъ, производимыхъ на основаніи здравыхъ началъ, даже въ томъ случаѣ, когда бы не предвидѣлось отъ этого прямой практической пользы. Какъ много нужно было изслѣдованій въ математикѣ, химіи и др. отрасляхъ естествознанія для ихъ пополненія и улучшенія,—изслѣдованій, которыя, разсматриваемыя въ отдѣльности, повидимому не вели ни къ какой полезной цѣли! Какъ много полезныхъ изобрѣтеній и важныхъ свѣдѣній утратилось бы, если бы любопытство и любовь къ знанію не считались, вообще, достаточнымъ мотивомъ къ преслѣдованію истины“! [3]). Съ такимъ же чувствомъ восторга и глубокаго уваженія преклоняется философъ-естествоиспытатель передъ самыми мелкими и ничтожнѣйшими вопросами своего изслѣдованія, доставляющими „великій источникъ наслажденія“ и „земнаго счастія“ („общимъ всѣмъ родамъ умственныхъ наслажденій“ [4]), какъ историкъ, умудренный жизненнымъ опытомъ, говоритъ о своихъ занятіяхъ исторіей—этомъ „источникѣ радостныхъ и возвышающихъ

---

[1]) Джонсонъ ставитъ вопросъ такимъ образомъ: „историкъ говоритъ или ложь, или правду; въ первомъ случаѣ онъ не историкъ; во второмъ онъ не имѣетъ возможности выказать свои способности, потому что истина одна, и всякій, кто передаетъ истину, долженъ передавать ее одинаково“ (Маколей, XIII, 335).

[2]) Собр. сочин., III, 135.

[3]) Malthus's, Principles of Political Economy, p. 16. Приводя это мѣсто, Дж. Гершель признаетъ его выраженіемъ, достойнымъ весьма глубокаго писателя (Филос. естествозн., с. 12, примѣч.).

[4]) Дж. Гершель, стр. 13—15.

душу ощущеній" [1]). Онъ радуется быстрому успѣху исторической науки, а также и тому, что область этой послѣдней предназначена не исключительно для спеціалистовъ, какъ области другихъ наукъ; что она—широкое поле, которое принадлежитъ всѣмъ образованнымъ людямъ, на которомъ все мыслящее человѣчество находитъ знаніе и пониманіе общественной жизни, возникновенія и развитія идей и стремленій, владычествующихъ надъ міромъ, на которомъ видитъ оно, какъ боролись, стремились и блуждали прежнія поколѣнія людей на путяхъ своего движенія къ свободѣ, къ благосостоянію, къ достойному человѣка образу жизни, къ нравственному порядку. Исторія—общее умственное достояніе всѣхъ людей, воспріимчивыхъ душею къ благамъ и успѣхамъ цивилизаціи. „Работать для нея, говоритъ другой историкъ,—значитъ работать *для царицы знаній*. Ей предназначено выработать важнѣйшія данныя для новой философіи, которая возникнетъ изъ научныхъ переворотовъ нашего времени. Таково ея призваніе потому, что она стоитъ выше огромнаго большинства другихъ наукъ". „Изъ всѣхъ наукъ о человѣческой жизни, прибавляетъ Веберъ, исторія имѣетъ наиболѣе практическое значеніе въ смыслѣ дидактики: она должна научать пониманію настоящаго и будущаго на основаніи прошедшаго" [2]).

Какъ истинная польза путешествія по отдаленнымъ странамъ, такъ и польза изученія лѣтописей прошедшаго, по удачному сравненію Маколея, заключается въ предохраненіи людей отъ той узкости ума, которой съ трудомъ могутъ избѣгнуть тѣ, чьи всѣ сношенія ограничиваются однимъ поколѣніемъ и одною мѣстностью,

---

[1]) Веберъ, I, с. XIII. Послѣдній приводитъ при этомъ слова Гиббона, который говоритъ: „Мои счастливые часы далеко превзошли скудную цифру счастливыхъ часовъ халифа, а значительною частью ихъ я обязанъ пріятной работѣ надъ моимъ историческимъ трудомъ".

[2]) Веберъ, Всеоб. исторія, I, XV—XVII.

Ренанъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ этюдовъ (см. стр. 198*) говоритъ: „какъ нѣтъ лишняго человѣка въ человѣчествѣ, такъ нѣтъ и лишняго труженика на обширномъ поприщѣ науки.... Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ. благодаря открытіямъ, которыхъ мы теперь не можемъ предвидѣть, самая незначительная изъ надписей превратится въ самую важную".

кто доходитъ до своихъ заключеній посредствомъ наведенія не довольно полнаго и кто поэтому постоянно смѣшиваетъ исключенія съ правилами и случайныя свойства съ необходимыми [1]). И тотъ только читаетъ исторію какъ слѣдуетъ, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, кто, наблюдая, какъ могущественно вліяютъ обстоятельства на чувства и мнѣнія людей, какъ часто пороки переходятъ въ добродѣтели и парадоксы въ аксіомы,— научается отличать случайное и преходящее въ человѣческой природѣ отъ существеннаго и непреложнаго [2]).

Уже древнее изреченіе называетъ исторію матерью мудрости и наставницею жизни [3]). Тѣмъ не менѣе во взглядѣ на практическое и нравственное значеніе исторіи въ жизни между древностью и новыми временами есть существенная разница. „Если высшая задача историческаго изслѣдованія есть познаніе законосообразности и единства всего жизненнаго порядка, то такое познаніе всего яснѣе можетъ явиться въ доказательствѣ, что прошедшее есть еще настоящее и продолжаетъ дѣйствовать рѣшительно въ насъ самихъ“ [4]). Кудрявцевъ весьма вѣрно замѣчаетъ о характерѣ вліянія историческихъ событій на современность: „Примѣры непосредственнаго примѣненія уроковъ исторіи къ самой жизни, говоритъ онъ, встрѣчаются очень рѣдко; но общее сознаніе—разумѣется въ образованныхъ классахъ—проникнуто ихъ важностью болѣе чѣмъ когда нибудь. Не всегда можно указать, какимъ образомъ оно переходитъ въ самое дѣйствіе; но рѣдко нельзя не почувствовать его скрытаго присутствія при всѣхъ почти важнѣйшихъ событіяхъ“ [5]). І. Г. Дройзенъ о достоинствѣ исторіи выражается: „Историческое изученіе имѣетъ не одинъ только научный интересъ. Если есть науки, которыя дѣлаютъ людей не только болѣе разумными, но и лучшими, такъ къ ихъ числу принадлежитъ именно исторія“ [6]). И даже такой практическій умъ, какъ Бисмаркъ, неоднократно заявлялъ о своей готовности „внимать урокамъ исторіи“, „под-

---

[1]) Жизнь Джонсона (Собр. сочин. I, 413).

[2]) Макіавелли (ibid., I, 83).

[3]) Gervinus, Grundzüge der Historik, 84—88.

[4]) Предисл. къ I-й кн. Histor. Zeitschr. 1859.

[5]) Отеч. Зап. 1853, № 4, с. 40; Сочин., I, 43.

[6]) Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, с. 88.

чиняться духу времени и ожидать событій, а не дѣлать исторію" [1]). Многое относительно выясненія законосообразности въ исторіи принадлежитъ, конечно, будущему. Быть можетъ прогрессъ содержитъ въ себѣ многіе извивы, понятные для насъ только смутно, не вполнѣ; но уразумѣй мы ихъ ясно, они раскрыли бы передъ нами живоносный смыслъ безконечно высшаго достоинства, нежели тотъ скудный планъ постояннаго только восхожденія, безъ всякихъ измѣняющихъ его катастрофъ [2]).

Еще Аристотель замѣтилъ, что если посмотрѣть на дѣло (изученіе государства) съ исторической точки зрѣнія, тогда, *какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ*, можно дойти до самыхъ правильныхъ воззрѣній [3]). Въ этомъ сужденіи ясно видно полное признаніе достоинства историческаго метода; а, по выраженію Фримана, безъ исторіи ни языкознаніе, ни правовѣдѣніе не были бы науками въ полномъ смыслѣ этого слова, но исторія и безъ нихъ все-таки была бы наукой [4]). Таковы значеніе, и заслуги исторіи въ примѣненіи знанія ея къ нѣкоторымъ практическимъ и общественнымъ вопросамъ. Конечно, говоря здѣсь о нихъ, мы имѣемъ въ виду собственно науку исторіи, а не слабое отражаніе ея въ учебной литературѣ, по большей части представляющее лишь неудачныя копіи съ подлинника или прямое угожденіе интересамъ дня. Въ этомъ случаѣ замѣчательна привязанность историческихъ учебниковъ къ традиціи; слишкомъ медленно и съ большимъ трудомъ усваиваются ими результаты новыхъ изслѣдованій. Учебники—нерѣдко послѣднее убѣжище давно уже опровергнутыхъ наукою взглядовъ и заблужденій [5]).

---

[1]) Busch, I, 92, 108.

[2]) Лотце, III, 67.

[3]) Политика въ изд. Н. Е. Скворцова, с. 3.

[4]) Лекція 2-я.—Н. И. Пироговъ дѣлаетъ замѣчаніе по поводу разныхъ теорій въ естествознаніи: „Зная, что доктрина, занимающая современные умы, не была terra incognita и для предшественниковъ, какъ-то держишь себя осторожнѣе отъ увлеченій" (Рус. Стар. 1885, XLV, 254). „Интересъ исторіи лежитъ въ немалой степени въ томъ, что она показываетъ намъ, какъ люди въ различныя времена придерживались совершенно различныхъ понятій о взаимныхъ отношеніяхъ между однѣми и тѣми же идеями или одними и же тѣми учрежденіями" (Дж. Брайсъ, 36).

[5]) Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ, В. Бу-

Другая печальная сторона этого рода литературы—это проведеніе съ тою или другою цѣлью взглядовъ, чуждыхъ наукѣ [1]). „Самые рѣзкіе и несправедливые изъ приговоровъ Нибура, говоритъ Грановскій, поучительны для мыслящаго читателя, потому что въ ихъ основаніи почти всегда лежитъ какой нибудь ускользнувшій отъ вниманія другихъ историковъ фактъ или оскорбленное нравственное чувство. Такой способъ изложенія конечно не можетъ служить образцомъ или примѣромъ для другихъ. Онъ былъ по плечу Нибуру. Но обыкновенный преподаватель, который вздумаетъ идти по его слѣдамъ и позволитъ себѣ такія частыя сближенія явленій древней и новой исторіи, такой смѣлый языкъ относительно лицъ и событій, неизбѣжно навлечетъ на себя заслуженный упрекъ въ смѣшной самонадѣянности и произволѣ" [2]). Наконецъ, въ исторіи все поучи-

---

зескула, X. 1885, стр. 27. Какъ трудно совершаются отступленія въ этого рода сочиненіяхъ въ пользу научнаго изслѣдованія, можно видѣть на весьма извѣстной книгѣ Вебера до послѣдней ея переработки (VI, 507—508). Такъ, авторъ въ своей „Allgemeine Weltgeschichte" все еще приписывалъ начало крестовыхъ походовъ вліянію Петра Пустынника, хотя Зибель уже въ 1841 г. выяснилъ смыслъ легенды о немъ (Научная разработка ист. перваго крестоваго похода, Ѳ. Я. Фортинскаго, Унив. Изв. 1882, №№ 4 и 5; см. № 5, с. 229).

[1]) Учебная литература, съ указанной точки зрѣнія и въ другихъ специфическихъ ея особенностяхъ, относящихся къ наукѣ исторіи, разсмотрѣна въ статьяхъ: П. И. Мельникова: „Изъ нашей учебно-исторической литературы" (Р. Арх. 1873, с. CXLIV—CLIV); Д. И. Иловайскаго: „По вопросамъ о преподаваніи исторіи" (въ сборникѣ: „Мелкія сочиненія, статьи и письма", М. 1888) и особенно въ брошюрѣ проф. М. Н. Петрова: „Историческая подготовка" (Харьк. 1881, изъ газеты „Южный Край"). Квинтъ-эссенцію желательнаго съ извѣстной точки зрѣнія учебника представляетъ требованіе Наполеона I, обращенное къ мин. нар. просв. 1808 г., въ которомъ всѣ событія предшествующей исторіи разсматриваются какъ оправданіе его собственнаго режима, причемъ обѣщается, что подобный учебникъ избавитъ отъ охоты писать новый, тѣмъ болѣе, что полиція не станетъ поощрять подобныхъ попытокъ, а, напротивъ, будетъ мѣшать имъ (Correspondance de Napoléon I, XVI, № 13731; ср. Ист. Вѣст. 1880, III, стр. 214).

[2]) Сочиненія, II, 52—53. „Хороша субъективность Байрона и Шиллера, но никому не нужна субъективность NN и ZZ" (Бестужевъ-Рюминъ въ рец. на книгу Кояловича, стр. 100).

тельно,— даже заблужденія и ошибки; поэтому въ ней нечего прятать, упрощать, обрѣзывать, дѣлать невиннымъ по формѣ и содержанію. По возможности полное знаніе и ясный взглядъ на жизнь можетъ дать только наука исторіи—единственная изъ общественныхъ наукъ, доступная для школы [1]). И знаніе ея тѣмъ болѣе необходимо, по замѣчанію Дройзена, что, для всякой практической дѣятельности въ сферѣ государства, права, церкви и т. п., имѣющей своею основою эту науку, безконечно важно имѣть въ виду историческую связь явленій и помнить о своихъ задачахъ и условіяхъ, такъ какъ иначе отвлеченная теорія, доктринерскій схематизмъ, какое либо одностороннее начало легкомысленно и притязательно сочтетъ себя въ правѣ выставлять безконечныя требованія, забывая о границахъ и условіяхъ, въ предѣлахъ которыхъ движется все человѣческое [2]).

Библіографія: см. стр. 89—90; труды по русской исторіографіи (въ концѣ III-й главы); Микрокозмъ. Мысли о естественной и бытовой исторіи человѣчества. Опытъ антропологіи. Герм. Лотце. М. 1867; Антропологія. Э. Ю. Петри. Т. I. Основы антропологіи. Спб. 1890; Народовѣдѣніе. О. Пешеля, изд. подъ ред. Э. Петри. Спб. 1890; Изученіе соціологіи, Герб. Спенсера, I—II. Спб. 1874—75; Сравнительная политика и единство исторіи. Эд. Фримана, Спб. 1880; Система логики. Соч. Дж. Ст. Милля, тт. I—II, Спб. 1865—67; Міръ какъ воля и представленіе, А. Шопенгауэра, Спб. 1881; Политика Аристотеля, перев. Н. Скворцова, М. 1865; Политика или государство Платона и нѣк. др. его діалоги; Опытъ историч. обзора главныхъ системъ философіи исторіи, М. Стасюлевича, Спб. 1866; Историческія письма, П. Л. Миртова, Пет. 1870; Задача и метода государственныхъ наукъ, В. Сергѣевича, М. 1871; Исторія общаго государственнаго права и политики отъ XVI в. по настоящее время, I. К. Блунчли, Спб. 1874; Исторія политическихъ ученій, Б. Чичерина, тт. I—IV, М. 1869—77; L'histoire et les historiens. Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive. Par L. Bourdeau, P. 1888; Considération sur la marche des idées et des evénèments dans les temps

---

[1]) М. Н. Петровъ: Историческая подготовка, 27—28.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1869, № 10, стр. 87—88.

modernes, par G. Tarde, P. 1872; Les lois de l'imitation. Étude sociologique, его же, P. 1890; соч. Лацаруса и Штейнталя (стр. 208* и 209*), Гартмана, Янсена, Бона-Мейера (стр. 34 и 222*); историковъ: Шлоссера, Гервинуса, Ранке, Вебера, Гизо, Гиббона, Маколея, Карамзина, Соловьева (Наблюденія надъ историч. жизнью народовъ въ собр. сочин. и др.); К. Н. Бестужева-Рюмина (преимущественно критич. статьи въ разныхъ журналахъ) и др.; Славянофильство какъ философское ученіе, ист. филос. очеркъ И. Панова (Ж. М. Н. Пр., ч. CCXII); Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ. О. Миллера (Р. Мысль 1880, №№ 1 и 3); Теорія культурно-историческихъ типовъ (по поводу соч. Н. Я. Данилевскаго „Россія и Европа"), К. Н. Б.-Рюмина (Р. Вѣстн. 1885, № 5); Чему учитъ русская исторія, его же (Др. и Новая Россія 1877, I, 5—25); Философія исторіи и Московское государство, его же (Отеч. Зап. 1860, № 11; отд. критики, сс. 1—17); ст. Н. А. Попова (см. Дополн., с. CLXXXIV); Объ исторіи какъ народномъ самосознаніи. Вступ. лекція, чит. въ Нѣжин. ист. фил. инст., М. Н. Бережкова (Изв. ист. фил. инст., т. VII, К. 1882).

In wie weit darf die Geschichtschreibung subjectiv sein? V. Georg Kaufmann, Göt. 1870; Über die Objectivität des Historikers, v. W. Maurenbrecher (стр. 229*); Friedr. Christ. Schlosser, v. Ot. Lorenz (стр. 218*); Ranke und Macaulay, v. C. Noorden (Zeitschr. 1867, XVII, 87—138); Bucle und. Hegel, v. K. Dieterich (Preuss. Jahrbücher 1873, XXXII B., 257—302; 463—481); G. G. Gervinus, v. L. v. Ranke (Zeitschr. 1872, XXVII, 134—146); G. G. Gervinus, v. K. Hillebrand (Preuss. Jahrb. 1873, XXXII, 379—428); Der Materialismus etc., v. E. Zitelmann (с. 176*); Н. И. Карѣевъ: Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки; Философія, исторія и теорія прогресса (Историч. Обозр., т. I); Политическая экономія и теорія историческаго процесса (ib., т. II). Закономѣрности въ общественной жизни. Г. Майра (перев. съ нѣм.), Тамб. 1884; Исторія и теорія статистики, изд. подъ ред. Ю. Янсона. Спб. 1879; Философія естествознанія, Дж. Гершеля (съ англ.), Спб. 1868; Основанія физіологіи ума, У. Б. Карпентера (тоже), Спб. 1877; Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія, Фр. Гальтона (съ англ.), Спб. 1875; Психологія, А. Бэна (съ англ.), Спб. 1887; Объ изученіи характера, его же, Спб. 1867; Психологія великихъ людей, Г. Жоли, Спб. 1890 (съ франц.).

Критическое изученіе источниковъ и литературы исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи составляетъ предметъ *исторіографіи*. Въ такомъ общемъ смыслѣ понимаетъ и авторъ свою задачу. Вначалѣ онъ думалъ ограничиться только небольшимъ очеркомъ тѣхъ вопросовъ, которымъ посвященъ настоящій томъ; но предпринятыя у насъ обширныя и многочисленныя изданія, заключающія въ себѣ описанія и извлеченія матеріаловъ, хранящихся въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ—правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, а въ связи съ этимъ—систематическая разработка архивныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи, побудили автора дать настоящей части его труда вполнѣ самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ послѣдняя, по плану автора, заключаетъ въ себѣ какъ обозрѣніе основнаго матеріала, рукописнаго и печатнаго, такъ и трудовъ тѣхъ изслѣдователей и тружениковъ, которые содѣйствовали собиранію и обнародованію этого матеріала, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и главными двигателями въ его разработкѣ. Систематическій обзоръ источниковъ русской исторіи и исторія развитія ея науки составятъ вторую часть предпринятаго труда. Но, прежде чѣмъ перейти къ выполненію настоящей своей задачи, авторъ считаетъ необходимымъ указать здѣсь на важнѣйшіе труды, посвященные русской исторіографіи.

Начало научной обработки русской исторіи тѣсно связано съ именемъ Петра В. Заботы Петра о разысканіи и собраніи историческихъ матеріаловъ возбудили вниманіе въ средѣ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ и описаніемъ источниковъ русской исторіи и литературы. На первыхъ порахъ это были иностранцы, а именно академикъ I. П. Коль, первый представитель исторической каѳедры въ Россіи, авторъ сочиненій: „О рукописяхъ Москов. (синод.) библіотеки“ (не было изд.) и „Введенія въ исторію и литературу славянъ“ (1729, Альтона, на латин. яз.), обнаруживающихъ знакомство его съ источниками; Адамъ Селлій, родомъ датчанинъ, ученикъ нѣмецкихъ университетовъ (а потомъ монахъ Александро-невской лавры, подъ именемъ Никодима), извѣстный собиратель рукописей и сочиненій о Россіи, составившій „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную россійскую исторію“ (на латин. яз. изд. въ Ревелѣ, 1736; на рус. перев. подъ наблюденіемъ м. Евгенія, М. 1815); но особенно библіографическій интересъ проявляется со времени Екатерины II (J. Bacmeister,

Essai sur la Bibliothèque de l'Académie des Sciences, Spt. 1776, рус. переводъ Костыгова „Опытъ о библіотекѣ" 1779 г.; H. L. Ch. Bacmeister съ 1772—87 г. издавалъ: Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, XI томовъ; Н. И. Новиковъ — Опытъ историч. словаря о рос. писателяхъ, 1772 г., см. въ Матер. для ист. литер. Ефремова, и др.). Нѣсколько позже являются труды А. Шторха и Ф. Аделунга, В. С. Сопикова и т. д. Въ тоже время издается рядъ трудовъ и статей, посвященныхъ собственно исторіографическимъ вопросамъ.

1. Такъ, еще исторіографъ Г. Ф. Миллеръ, въ своемъ „*Опытѣ новѣйшей исторіи о Россіи*", говоритъ о лѣтописяхъ, хронографахъ, степенныхъ книгахъ, лѣт. о мятежахъ, Ядрѣ Россійской исторіи, родословныхъ и разрядныхъ книгахъ, архивныхъ документахъ, открытыхъ имъ (см. Сочин. и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія, янв.—мартъ 1761 г.).

2. Знаменитый А. Л. Шлецеръ, въ своемъ обширномъ введеніи къ „*Нестору*" (т. I, стр. 1—175), представилъ обстоятельное по тому времени, весьма живое по изложенію и не лишенное нѣкотораго юмора обозрѣніе „*источниковъ*" и „*исторію русской исторіи*" по 1800 годъ включительно. Этого обозрѣнія не можетъ обойти ни одинъ ученый, интересующійся судьбами послѣдней [1]).

3. І. Ѳ. Буле, ученикъ Геттингенскаго университета (гдѣ онъ прошелъ филологическую семинарію подъ руководствомъ Гейне) и извѣстный критикъ Аристотеля, будучи профессоромъ Московскаго университета, издалъ въ 1810 г. сочиненіе, подъ заглавіемъ: „*Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte*" (*Mosk.*), въ которомъ онъ заявляетъ о необходимости для успѣховъ русской исторіи предварительно точно и полно обозначить всѣ существующіе источ-

[1]) Мухановъ по поводу его замѣчаетъ: „Желательно было бы пополнить эту *исторію* и довести ее до нашихъ временъ. Такимъ образомъ были бы описаны и оцѣнены всѣ изданныя лѣтописи, записки (mémoires) и собранія историческихъ памятниковъ". Образцомъ для такого труда онъ ставитъ сочиненіе: Les mémoires et l'histoire en France, par Charles Caboche. Paris. 1862, 2 т. (см. его Сборникъ, 1866, с. IX), хотя оно не вполнѣ удовлетворяетъ этой цѣли.

ники и памятники ея, присоединивъ къ этимъ указаніямъ критическую оцѣнку. Первый томъ его труда содержитъ въ себѣ только литературу древнѣйшей сѣверной исторіи; во второмъ томѣ авторъ предполагалъ разсмотрѣть литературу русской исторіи до начала XVII ст., а въ третьемъ до Абовскаго мира, но изданіе ограничилось лишь первымъ томомъ. Замѣтимъ при этомъ, что авторъ слишкомъ широко понялъ свою задачу и начинаетъ изложеніе съ похода Аргонавтовъ[1]). Ему же принадлежитъ другой исторіографическій трудъ: „*De optima ratione, qua historia populorum, qui ante saeculum nonum terras nunc imperio Russico subjectas, praesertim meridionales, inhabitasse aut pertransisse feruntur, condi posse videatur, oratio in anniversariis solemnibus Inaugurationis Un-tis Caesareae Mosquensis D. XXX Junii, A. MDCCCVI habita a I. T. Buhle*" (есть рус. перев.). Въ своей рѣчи авторъ говоритъ о необходимости при изученіи русской исторіи познакомиться съ древними, греческими и римскими, а также средневѣковыми писателями, писавшими о странѣ, занимаемой Россіей, прибавляя, что ихъ слѣдуетъ разобрать критически. Въ позднѣйшее время вопросу *о Геродотѣ* въ отношеніи къ Россіи посвященъ былъ рядъ изслѣдованій и археологическихъ разысканій (см. выше, стр. 79).

4. Въ „Вѣстникѣ Европы" 1809 г. (за подписью. К, какъ полагаютъ М. Т. Каченовскаго) былъ помѣщенъ рядъ статей: „*Объ источникахъ для русской исторіи*" (чч. XLIII, XLIV и XLVI), въ которыхъ разсмотрѣны: вопросъ о Несторѣ и его продолжателяхъ, частные лѣтописцы и извѣстные тогда лѣтописные списки, общій характеръ древнихъ рукописей и языкъ лѣтописей, наконецъ сообщены свѣдѣнія о Степенной книгѣ, хронографахъ, родословныхъ и разрядныхъ книгахъ. Статьи эти не были окончены.

5. Въ 1827 г., въ Москвѣ, появилось небольшое сочиненіе (72 стр.) А. З. Зиновьева: „*О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской исторіи*"—это разсужденіе на степень магистра русской исторіи. Авторъ подробно говоритъ объ исторической критикѣ, о происхожденіи Рус. государства, объ источникахъ вообще, ссылаясь въ своихъ сужденіяхъ о нихъ, главнымъ образомъ, на мнѣнія Шле-

---

[1]) О трудѣ Буле см. ниже, стр. 168.

цера; дѣлаетъ перечень писателей, впрочемъ почти безъ всякой критики, и считаетъ свое время счастливѣйшею эпохою для нея; но все это изложено кратко и поверхностно. Онъ не опредѣляетъ даже значенія въ то время труда Карамзина; о нѣкоторыхъ историческихъ писателяхъ совсѣмъ не говоритъ (о Мусинѣ-Пушкинѣ, Оленинѣ, м. Евгеніѣ, Клапротѣ и др.), о другихъ—весьма мало или неполно (напр. о Лербергѣ, Кругѣ, Френѣ, Калайдовичѣ, Строевѣ, Эверсѣ). Поэтому и въ то время трудъ автора считался неудачнымъ; но замѣчательно, что и Погодинъ, написавшій на него рецензію (Москов. Вѣстн. 1827, № 9), подобно автору, считаетъ Байера основателемъ критической русской исторіи (послѣдняго авторъ, въ слѣдъ за Шлецеромъ, назвалъ великимъ литераторомъ и историкомъ своего времени [1]).

6. Спустя двѣнадцать лѣтъ вышло другое сочиненіе, написанное на степень магистра философіи—профессора Демидовскаго лицея Ал-я Ѳ. Ѳедотова: *„О главнѣйшихъ трудахъ по части критической русской исторіи“* (Москва, 1839 г., 108 стр.). Трудъ этотъ нѣсколько шире по объему и выполненъ систематичнѣе. Авторъ указываетъ уже на односторонность критики Шлецера (отрицательной) и не удовлетворяется критическими пріемами Карамзина; но и онъ мало говоритъ о критикѣ источниковъ вообще и даже не распространяется о критикѣ древней лѣтописи, хотя долго останавливается на вопросѣ о Варягахъ. Онъ начинаетъ свой обзоръ съ Байера, Миллера и Шлецера; болѣе подробно разсуждаетъ о договорахъ Олега и Русской правдѣ; вкратцѣ говоритъ о систематическихъ сочиненіяхъ до Карамзина; подробнѣе о Карамзинѣ и современныхъ ему изслѣдователяхъ (Лербергѣ, Эверсѣ, Кругѣ и др.); выражаетъ сожалѣніе, что у насъ мало занимались вспомогательными науками и высказываетъ свои мысли о томъ, на какіе вопросы слѣдуетъ обратить вниманіе въ исторической критикѣ, а именно: на исторію народовъ, вошедшихъ въ составъ Россіи; на исторію отдѣльныхъ княжествъ; на исторію законодательства и древности [2]).

7. Между тѣмъ, въ 1834 г. извѣстный археографъ П. М. Стро-

---

[1]) О Зиновьевѣ краткая ст. Д. Д. Языкова (Ист. Вѣстн. 1884, XVI, 605—610).

[2]) Въ соч. К. Головщикова: „П. Г. Демидовъ и исторія основ. имъ въ Ярославлѣ училища, Яр. 1887“—даже не указанъ этотъ его трудъ (с. 101—102).

евъ напечаталъ въ Ж. М. Н. Пр. свое „*Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія, до начала XVIII столѣтія*", въ которомъ, относительно происхожденія русскихъ лѣтописей, онъ слѣдовалъ мнѣніямъ скептиковъ и тѣмъ вызвалъ на борьбу съ ними Погодина (Изслѣд., замѣчанія и лекціи, т. I-й). Въ своемъ указателѣ, составленномъ послѣ близкаго знакомства съ матеріалами, на основаніи древнихъ хранилищъ, Строевъ далъ необходимое пособіе для изученія до-петровской литературы, которое и до сихъ поръ не потеряло еще своего значенія [1]).

8. Въ 1836 г. Н. Г. **Устряловъ** напечаталъ разсужденіе на степень доктора философіи: „*О системѣ прагматической русской исторіи*" (Спб., 1836, 84 стр.). Онъ разсматриваетъ здѣсь преимущественно сочиненіе Карамзина и отчасти трудъ Полевого, не удовлетворяется однимъ біографическимъ изложеніемъ исторіи, между тѣмъ какъ она должна представлять картину постепеннаго развитія жизни общественной и народной, и настаиваетъ на введеніи въ русскую исторію Литовскаго княжества [2]).

9. Къ 1845 г. относится книга А. В. **Александрова**: „*Современные историческіе труды въ Россіи*", *Спб.* (Каченовскаго, Погодина, Устрялова, Полевого, Булгарина, Ѳ. Л. Морошкина, М. Н. Макарова, А. Ѳ. Вельтмана, В. В. Игнатовича, Буткова, Н. В. Савельева, Черткова)—это письма къ издателю „Маяка", направленныя главнымъ образомъ въ защиту *славянской школы*, но касающіяся и другихъ, поднятыхъ тогда въ литературѣ, вопросовъ по русской исторіи. Впрочемъ, все это изложено безъ всякой системы и обработки.

10. „*Очеркъ исторической дѣятельности въ Россіи до Карамзина*", А. В. **Старчевскаго**, помѣщенный сначала въ „Финск.

---

[1]) И. И. Срезневскій: Воспомин. о Строевѣ (Сборн. Ак. Н., т. XVII, стр. LXXIII). Въ 1882 г. Академія Наукъ издала его „Библіологическій Словарь и черновые къ нему матеріалы", подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова (Спб. 531 стр.), представляющій подробное развитіе того же труда.

[2]) Тому же вопросу посвящена и рѣчь Устрялова: „Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать вел. княж. Литовское", Спб. 1839, стр. 42. О своихъ историческихъ трудахъ авторъ говоритъ въ „Воспоминаніяхъ", напеч. въ Древн. и Нов. Россіи.

Вѣстн.“ 1845 г. (тт. II и III, 1—292 стр., и отдѣльно подъ заглавіемъ: „Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина“, Спб. 1845), представляетъ обозрѣніе историческихъ матеріаловъ и сочиненій по вѣкамъ, ограничиваясь впрочемъ только лѣтописями, историческими сказаніями, записками русскихъ людей, собирателями разнаго рода матеріаловъ, издателями и писателями по русской исторіи въ XVIII вѣкѣ. Замѣчанія автора имѣютъ біографическій и библіографическій характеръ. Нѣсколько позже онъ напечаталъ (въ Библ. д. Чт. и отд.) монографію: *„Н. М. Карамзинъ“* (Спб., 1849 г., 280 стр.)—это біографическій очеркъ и обзоръ его сочиненій, а также статьи: *„Русская историческая литература въ первой половинѣ XIX в.“* (Введеніе. М. Н. Муравьевъ. Карамзинскій періодъ,—въ Библ. для Чт. 1852, т. CXI и CXII, стр. 1—48, 1—108), и *„О заслугахъ Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи“* (Журн. М. Нар. Пр., ч. XLIX), которыя служатъ продолженіемъ и дополненіемъ предъидущихъ сочиненій. Авторъ извѣстенъ также какъ издатель иностранныхъ писателей о Россіи въ XVI в. (на латин. яз., Берл. и Спб., 1841) и рецензентъ текущей литературы русской исторіи (преимущественно въ Ж. М. Н. Пр., тт. XLI, XLIII, XLV, XLIX, LI, LIII; обозр. рус. газетъ и журналовъ, ib. XLIII—LIV [1]).

11. Къ тому же времени относится рукописный курсъ по русской исторіографіи, проф. Казанскаго, а потомъ Дерптскаго университета Н. А. Иванова (1846—47 гг., 418 стр., † 1869 [2]).

Въ началѣ его идутъ общія теоретическія понятія объ идеѣ исторіи и ея обработкѣ, изложенныя въ славянофильскомъ направленіи. Затѣмъ онъ разсматриваетъ источники рус. исторіи въ такомъ порядкѣ: monumenta illiterata, куда входятъ памятники вещественные

---

[1]) Воспоминанія А. В. Старчевскаго напеч. въ Историч. Вѣстникѣ (1886, 1888, 1890 и 1891 гг.) и касаются литературныхъ отношеній того времени.

[2]) Часть этого труда, въ болѣе подробной обработкѣ, была издана авторомъ еще въ 1843 г. (во 2 и 3 кн. Учен. зап. Каз. универ. и отдѣльно), подъ заглавіемъ: *„Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ“* и *„Обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ с.-петербургскихъ и московскихъ“*. Отрывокъ изъ пропедевтики рус. исторіи, 396 стр.

и бытъ народа (миѳологія, пѣсни, праздники и проч.), и monumenta literata. При обозрѣніи послѣднихъ авторъ съ особенною подробностью останавливается на лѣтописяхъ, разсматривая какъ печатные, такъ и рукописные списки, хранившіеся тогда въ разныхъ библіотекахъ. Изъ другихъ источниковъ онъ касается: степенныхъ книгъ, хронографовъ, сказаній, записокъ, государственныхъ актовъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма кратко, а также иностранныхъ писателей о Россіи: византійскихъ, восточныхъ и западныхъ. Послѣдніе указаны хотя не всѣ, но съ достаточною полнотою.

Гораздо подробнѣе изложена часть, посвященная обработкѣ русской исторіи (пособія для отечественной исторіи), начиная съ первыхъ попытокъ въ этомъ родѣ (ранѣе Татищева) до XIX вѣка включительно. Обозрѣніе ея раздѣляется на общія сочиненія, причемъ болѣе подробно говорится о Карамзинѣ, Полевомъ и Устряловѣ, и на спеціальные труды по части русской исторіи. Въ числѣ послѣднихъ нашли подобающее мѣсто: дѣятельность Археографической экспедиціи и коммиссіи и ученыя общества (Москов. историч., Общества Остзейскаго края и Одесское истор. общ.), наконецъ скептическая школа и ея противники (Погодинъ и Бутковъ).

Таковъ планъ этого труда. Нельзя не отдать должнаго уваженія автору, съумѣвшему впервые обстоятельно и подробно изложить общій ходъ развитія науки русской исторіи, указать литературу разсматриваемыхъ вопросовъ и критически отнестись къ мнѣніямъ писателей. Чтобы судить объ общемъ взглядѣ автора на обязанности историка, приведемъ его замѣчаніе: „историкъ, говоритъ онъ, долженъ имѣть консервативный характеръ, иначе онъ на мѣсто исторіи создастъ политико-историческій романъ“ (эпигр. къ стр. 221 [1]).

---

[1]) При участіи Н. А. Иванова Ѳ. Булгаринъ издалъ извѣстную книгу: „Россія въ историч., статист., геогр. и литер. отношеніяхъ“, Спб. 1837 (2 части—статистика и 4 чч.—исторія; о принадлежности Иванову первой—въ предисл., о всѣхъ—Четверги у Греча, *В. Б.*—Памят. нов. рус. ист., II, 92; Заря 1871, № 4). Основная идея этого сочиненія юнаго тогда автора—та, что русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянскою и вообще европейскою исторіею. Другой не менѣе замѣчательный трудъ его „Программа препод. рус. исторіи въ гимназіяхъ Дерпт. учеб. окр., Д. 1869“,

12. Историку Россіи, С. М. Соловьеву, принадлежитъ рядъ статей по исторіографіи, а именно: 1) *„Писатели русской исторіи XVIII вѣка“*—(Арх. ист. юридич. свѣдѣній о Россіи, Калачова, II, 2)—отрывокъ, какъ сказано, изъ *большаго* сочиненія о писателяхъ русской исторіи вообще. Сюда вошли: Манкіевъ, Татищевъ, Ломоносовъ, Тредьяковскій, кн. Щербатовъ, Болтинъ, Эминъ, Елагинъ и м. Платонъ; 2) *Ө. И. Миллеръ* (Современникъ, т. XLVII); 3) *„Ав. Л. Шлецеръ“* (Рус. Вѣстн. 1856 г., т. II) и *„Шлецеръ и анти-историч. направленіе“* (Рус. Вѣстн. 1857 г., т. VIII); 4) *„Карамзинъ и его литературная дѣятельность“*, собственно критическій разборъ его исторіи (Отеч. Зап. 1853 г., №№ 10; 1854 г., №№ 2, 5; 1855, №№ 4, 5; 1856, № 4); *„М. Т. Каченовскій“* (Біографич. Словарь профес. Моск. университета, т. II); 6) *„Очеркъ исторіи Малороссіи“* (Отеч. Зап. 1848—49, тт. LXI—II), гдѣ критически разсмотрѣны нѣкоторые источники послѣдней (а именно исторія Русовъ).

13) Спеціально источникамъ исторіи Малороссіи посвящено изслѣдованіе Г. Ө. Карпова: *„Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся“* (М. 1870).

14) Въ статьяхъ П. В. Знаменскаго (Труды Кіев. Дух. ак. 1862, №№ 2 и 5) сдѣлана оцѣнка „трудовъ русскихъ историковъ XVIII вѣка“,— Татищева, Щербатова, Болтина,— главнымъ образомъ „въ отношеніи къ русской церковной исторіи“, но въ связи съ общимъ направленіемъ литературы того времени.

15. *„Очерки русской исторіографіи“*, И. В. Лашнюкова, представляютъ систематическій и осмысленный, хотя и неполный обзоръ *источниковъ* (лѣтописи, лѣтоп. сборники, записки русскихъ людей— Курбскій и Котошихинъ, иностранцы—Буссовъ, Олеарій, Бопланъ) и *обработки* исторіи (Татищевъ, Ломоносовъ, Болтинъ, Карамзинъ,

---

318 стр. (до воцар. Романовыхъ), представляющая подробный конспектъ. Цѣлью своею авторъ здѣсь ставитъ—„не обременяя излишествомъ фактовъ и подробностями—познакомить съ отличительными особенностями русской народности и уяснить какъ онѣ выработались, сложились и выразились въ политическомъ, общественномъ и духовномъ быту Россіи, чтобы могли быть разумно поняты значеніе и призваніе русскаго государства въ ряду государствъ европейскихъ“.

Полевой, краткое заключеніе.— Универ. Изв. 1869, № 8, и 1872, №№ 4—6 и 9).

16. Несомнѣнно видное мѣсто въ ряду писателей, посвящавшихъ свои труды русской исторіографіи, занимаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: труды его относятся къ періоду 1850 — 80 годовъ. Такъ, ему принадлежатъ слѣдующіе болѣе обширные очерки, изслѣдованія и статьи: 1) *Современное состояніе русской исторіи какъ науки* (Моск. Обозр. 1859, I, 1—132). Статья эта написана по поводу исторіи Соловьева, но представляетъ очеркъ развитія науки русской исторіи отъ Щербатова, причемъ авторъ преимущественно останавливается на писателяхъ историко-юридической школы (Соловьевъ, Тюринъ, Кавелинъ, Чичеринъ). 2) Спеціально *исторіи Соловьева* посвященъ рядъ статей (въ Моск. Вѣд. 1856; Отеч. Зап. 1858, 1860, 1861, 1862,—древнему періоду; въ Сборникѣ Госуд. Знаній, тт. I, II, III, IV,— новому періоду; Двадцатилѣтіе исторіи Россіи, Р. Стар. 1876, т. XV; Соч. С. М. Соловьева, Ист. Вѣст. 1882, т. VIII). 3) Статьи о русскихъ историкахъ по поводу появленія ихъ сочиненій (объ исторіи царств. Петра В., Устрялова,—Моск. Обозр. 1859, I; Отеч. Зап. 1859; о Погодинѣ—Отеч. Зап. 1859; Ж. М. Н. Пр. 1872, № 5; 1888, № 4; 1889, № 4; Сборн. Госуд. Знаній, т. VI; біогр. очерки въ Энцикл. Словарѣ, изд. учен. и литер. и Словарѣ Березина: Арцыбашевъ, м. Евгеній, Байеръ, Н. Н. и Д. Н. Бантыши-Каменскіе). 4) Статьи, посвященныя разбору *историко-юридическихъ* сочиненій (Кавелина, Отеч. Зап. 1860, три статьи; Дмитріева, ibid.; Чичерина, М. Вѣд. 1856, №№ 86, 93, 94; Отеч. Зап. 1861, № 11). 5) *Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ*, по поводу изд. соч. К. С. Аксакова, И. В. Кирѣевскаго, А. С. Хомякова (Отеч. Зап. 1862, №№ 2, 3, 5). 6) *Біографіи и характеристики*, Спб. 1882—перепечатка позднѣйшихъ статей о русскихъ историкахъ, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, (Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ и Ешевскій). 7) *О составѣ русскихъ лѣтописей до к. XIV в.*—Повѣсть временныхъ лѣтъ и остатки лѣтописей ей современныхъ; лѣтописи южно-русскія и ихъ своды (Лѣтоп. занят. Арх. ком., в. IV, 1868 и отд. 157+378). 8) Тому же автору принадлежитъ полный *очеркъ русской исторіографіи*, помѣщенный въ его „Русской исторіи“, т. I, Спб. 1872 (1—246). Онъ обнимаетъ какъ обзоръ источниковъ, такъ и исторію науки и сопровождается обстоятельными библіографиче-

скими указаніями. Въ дополненномъ видѣ этотъ очеркъ былъ изданъ въ переводѣ на нѣмец. языкъ, подъ заглавіемъ: Quellen und Literatur zur Russischen Geschichte - v. der ältesten Zeit bis 1825, übers. v. Dr. Theod. Schiemann, Mit. 1875, 183). 9) *Лекціи по исторіографіи*, чит. на В. жен. кур. въ 1881—82 гг., литогр., 225 стр.[1]).

17. Въ послѣднее время появился объемистый трудъ М. О. Кояловича, исторіографическаго характера, подъ заглавіемъ: *Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ*, Спб. 1884, 603 стр. Онъ обнимаетъ всѣ части русской исторіографіи, хотя не въ одинаковой полнотѣ. Нѣкоторые отдѣлы остались далеко не исчерпанными или мало обработанными. Слѣдя главнымъ образомъ за развитіемъ общаго взгляда, выраженнаго въ самомъ заглавіи сочиненія, авторъ впадаетъ въ крайній субъективизмъ, послѣдователемъ котораго (въ извѣстномъ направленіи) онъ и объявляетъ себя. Эта основная точка зрѣнія особенно сказывается въ отношеніи къ нѣкоторымъ писателямъ, оказавшимъ однако несомнѣнныя услуги русской исторіи (Миллеръ, Шлецеръ и др.). Опредѣленія разныхъ направленій въ русской исторіографіи и ихъ характеристики не всегда точны и еще менѣе вѣрны. Библіографія вопросовъ, входящихъ въ названный трудъ, также страдаетъ значительною неполнотою. Прибавимъ наконецъ, что въ свое время этотъ трудъ вызвалъ со стороны русскихъ историковъ рядъ замѣчаній и возраженій, отличающихся рѣдкимъ въ спорныхъ вопросахъ единомысліемъ[2]).

Независимо отъ указаныхъ трудовъ, и въ другихъ сочиненіяхъ по исторіи и исторіи литературы встрѣчаются болѣе или менѣе полные обзоры историческихъ памятниковъ и произведеній, или библіографическія, нерѣдко весьма цѣнныя замѣчанія, а именно въ сочиненіяхъ:

---

[1]) Подробныя указанія на множество мелкихъ статей К. Н. Бестужева-Рюмина, по поводу текущей исторической литературы, см. въ Библ. спискѣ его трудовъ, сост. И. А. Козеко (Библ. 1889 и отд.).

[2]) Рец. К. Н. Бестужева-Рюмина (Ж. М. Н. Пр. 1885, № 1, с. 95—140); Д. А. Корсакова (Ист. Вѣст. 1885, т. XIX, 684—707); Н. И. Костомарова (Вѣст. Евр. 1885, № 4); наша замѣтка (Р. Стар. 1885, т. XLV). Отвѣтъ М. О. Кояловича—Бестужеву-Рюмину (Хр. Чт. 1885, мар. апр. 501—526 и отд.); Корсакову (Разборъ критики Д. Корсакова на соч.... и уясн. соврем. состоянія науки рус. исторіи, Спб. 1885, брош., 36 стр.).

Татищева[1]), **Карамзина**[2]), м. **Евгенія**[3]), **Полевого**[4]), **Погодина**[5]), **Устрялова**[6]), **Шевырева**[7]), **Галахова**[8]), **Соловьева**[9]), **Костомарова** (въ его монографіяхъ[10]), **Порфирьева**[11]), **Филарета** и **Макарія**[12]), **Срезневскаго** (Памятники русскаго письма и языка, Свѣд. о малоизв. памятникахъ, Чтенія о древн. лѣтописяхъ, изслѣд. о новгород. лѣтописяхъ, о житіяхъ, сказаніяхъ, грамотахъ, договорахъ, рецензіи, воспоминанія о научныхъ дѣятеляхъ и т. п.[13]), **Котляревскаго**[14]), **Голубинскаго**[15]), **Пекарскаго**, Ан. Н. **Попова**, **Аристова**[16]), **Замысловскаго**[17]), **Максимовича**[18]), **Сухомлинова** и др.

---

[1]) Ист. Россійская, т. I и примѣч. къ I—III т. Москва, 1768—1774.

[2]) Т. I и примѣч. вообще, по изд. Слениныхъ и Эйнерлинга.

[3]) Словари духовн. (Спб. 1827, 2 т.) и свѣт. писателей (М. 1845, 2 т.).

[4]) Исторія Рус. народа, 1829—1833, т. I и примѣч. къ 1—6 тт. Максимовичъ признаетъ его очеркъ литературныхъ памятниковъ (во II т.) замѣчательнымъ (Соч. III, 388).

[5]) Изслѣдованія, замѣч. и лекціи, М. 1846—1856, тт. I, III, IV, V, VII; Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Петра В., М. 1875 (съ обзоромъ литер.).

[6]) Ист. царств. Петра В. Т. I. Спб. 1858; Сказанія современниковъ о Д. Самозванцѣ, изд. 3-е, I—II, Спб. 1859.

[7]) Ист. рус. словесн., тт. I—IV, М. 1858—60.

[8]) Ист. рус. словесности, 2 тома.

[9]) Въ разныхъ томахъ исторіи, см. объ источникахъ и примѣчанія.

[10]) Изъ его лекцій „объ источникахъ русской исторіи“ изданы лишь чтенія о лѣтописяхъ (Спб. 1861). Ср. о лѣтописныхъ преданіяхъ (Моногр., т. XIII).

[11]) Ист. рус. словесности, 2 тома.

[12]) Обзоръ рус. дух. литер., Спб. 1884; Исторія церкви; Макарій: Ист. рус. церкви (отдѣлы о литературѣ и церковн. правѣ весьма подробны).

[13]) См. списокъ сочин. въ Отчетѣ о дѣятельн. II-го отд. И. А. Наукъ за 1880 г., сост. А. Ѳ. Бычковымъ.

[14]) Библіологическій опытъ о древней рус. письменности, Воронежъ, 1881 (оттискъ изъ Филол. Записокъ).

[15]) Исторія русской церкви, 1880—81, 2 т.

[16]) Москов. смуты въ правленіе ц. Софіи, Варшава, 1871 (съ обозр. источниковъ).

[17]) Царств. Ѳедора Алексѣевича. Ч. I. Обзоръ источниковъ. Спб. 1870.

[18]) Собр. сочин., тт. I—III, К. 1876—80 (источники южнорус. исторіи).

По исторіи русскаго права мы имѣемъ подробныя указанія въ трудахъ: **Владимірскаго-Буданова**, **Самоквасова**, **Загоскина** и др. Для иностранныхъ писателей — въ изданіяхъ **Аделунга** (съ дополн. для XVII в., Е. Козубскаго), **Гамеля**, **А. Г. Брикнера** и др. (см. гл. ix-ю наст. труда).

Нашъ трудъ задуманъ, какъ мы сказали, въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Мы предполагаемъ дать подробное обозрѣніе источниковъ и сочиненій по русской исторіи и, по возможности, полную литературу входящихъ вопросовъ [1]).

---

[1]) Нѣкоторыя главы изъ него печатались въ періодическихъ изданіяхъ („Скептическая школа въ русской исторіографіи", „Дѣятельность графа Н. П. Румянцова на пользу разработки русской исторіи и археологіи"); а съ 1875 г. въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, Русской Старинѣ, Древней и Новой Россіи и Сборникѣ Госуд. Знаній—помѣщались наши рецензіи и обозрѣнія текущей литературы русской исторіи. Погодныя обозрѣнія были помѣщены также на нѣмец. яз. въ Russische Revue 1878 г. „Двадцатипятилѣтіе русской исторіи" 1855—80—въ Русской Старинѣ 1880 г.

IV.

Начало книжнаго дѣла въ Россіи.—Переписка и собираніе рукописей. —Московская библіотека и царскій архивъ.—Книгопечатаніе.—Заботы Петра В. о сохраненіи матеріаловъ и памятниковъ древности.—Распоряженія правительства и частныя разысканія до конца XVIII вѣка.

Вскорѣ по введеніи христіанства въ Россіи мы видимъ уже заботы о собираніи книгъ и устройствѣ библіотекъ: такъ, Ярославъ I хлопочетъ о собраніи и переводѣ книгъ съ греческаго и полагаетъ основаніе Софійской библіотекѣ въ Кіевѣ[1]); сынъ его Святославъ наполняетъ свои клѣти книгами[2]); князь Святославъ-Николай Давидовичъ (Святоша) тратитъ на книги свою казну и жертвуетъ ихъ въ Печерскій монастырь[3]).

---

[1]) П. С. Р. лѣт. I, 65—66. О характерѣ этой библіотеки нѣкоторыя соображенія у Голубинскаго (Ист. рус. церкви, т. I, ч. 1, с. 164—167, 604—605).

[2]) Соловьевъ, Ш, 88 и пр. 201. Съ именемъ его соединяется два извѣстныхъ сборника. Впрочемъ первый (1073 г.) изъ нихъ былъ переведенъ съ греч. для болг. ц. Симеона. Подлинникъ его хранится въ Синод. библ. Рукопись издана дважды—въ Чт. Общ. ист. и древ. Рос. (1882, кн. IV) и фотолитографич. способомъ Общест. любит. древ. письмен. (1880 г.). Сборникъ писанъ русскимъ писцомъ. Въ немъ заключаются разныя разсужденія богословскаго, нравоучительнаго, философскаго и частью церковно-историческаго содержанія, извлеченныя изъ твореній Василія В., Іоанна З., Григорія Б. и др., большую же часть занимаютъ Анастасіевы отвѣты съ приложеніями. При немъ рисунокъ, изображающій семейство князя Святослава и запись о писцѣ. Сборникъ 1076 г. хранится въ Имп. Пуб. библ. Онъ сходенъ съ предъидущимъ, но богатъ болѣе статьями нравоучительнаго содержанія („избрано *изъ многъ книгъ княжьихъ*"). Библіографія ихъ у Срезневскаго (Древ. памятн. письма и языка, годы 1073 и 1076).

[3]) Памятн. рус. литер. XII и XIII вв., В. Яковлева, с. сі.

Есть указанія, что въ XII и XIII вв. существовали библіотеки въ Ростовѣ[1]) и Владимірѣ[2]). Въ послѣдней изъ нихъ было болѣе 1000 греческихъ книгъ, отчасти купленныхъ, отчасти пріобрѣтенныхъ въ даръ отъ восточныхъ патріарховъ вел. княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ, который заботился о переводѣ ихъ на русскій языкъ, самъ интересовался исторіей (ему приписывается собраніе извѣстій о древнихъ князьяхъ и описаніе земель) и не щадилъ своихъ средствъ на пріобрѣтеніе книгъ[3]). Въ этотъ періодъ поддерживалась тѣсная связь съ Византіей (въ Константинополѣ и на Аѳонѣ) и южными славянами, откуда доставлялись не только церковныя книги, но и хронографы, повѣсти, апокрифическія сказанія. Древній лѣтописецъ пользовался уже греческимъ хронографомъ (Г. Амартола) въ славянскомъ переводѣ; затѣмъ въ русскихъ библіотекахъ встрѣчаются часто переводы лѣтописей: Манассіи, Зонары, Амартола, южно-славянскіе хронографы. Лѣтописное дѣло по преимуществу велось въ монастыряхъ; монастыри и храмы болѣе другихъ мѣстъ были обезпечены отъ разныхъ случайностей, а потому въ нихъ постепенно стали возникать библіотеки. Самая лѣтопись въ старину должна была удовлетворять не одной любознательности или книжному интересу, который поддерживался участіемъ авторовъ въ событіяхъ или религіознымъ настроеніемъ, но также и политическимъ цѣлямъ: въ нее князья заносили свои распоряженія и условія; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ велись систематическія записи (новгород. лѣт.[4]); существовали церковныя лѣтописи (какъ напр. 3-я новгород.). Понятно такимъ образомъ, почему въ послѣдствіи, когда правительство стало заботиться о собираніи книгъ и рукописей, монастыри могли доставить самые цѣнные матеріалы. Наконецъ, монастыри имѣли больше возможности рас-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 192; ср. житіе Стеф. Перм. (Ист. церк. Филарета, II, 40). Объ остаткахъ Ростовской библ. см. Дополн., стр. I.

[2]) Татищевъ, III, 415—416; П. С. Р. Л., I, 188. Князь Владиміръ Васильковичъ Владиміро-Волынскій (XIII в.), строя по городамъ церкви, не щадилъ средствъ на книги (Ипат. лѣтопись, годъ 6796). Ростовскій епископъ Кириллъ былъ богатъ книгами (П. С. Р. Л., I, 192).

[3]) Извѣстія эти принимаются многими, между прочимъ и Н. А. Лавровскимъ въ его моногр. О древне-рус. училищахъ, X. 1854. Категорическое опроверженіе свѣдѣній Татищева—у Голубинскаго, I, ч. 1. с. 709—715.

[4]) Новгор. лѣт., изд. 1879, стр. 111—112.

полагать опытными и искусными писцами. Нѣкоторые изъ русскихъ долго жили для списыванія книгъ въ константинопольскихъ и аѳонскихъ монастыряхъ; новгородскій архіеп. Алексѣй (XIV в.) имѣлъ своихъ писцовъ, труды которыхъ признаются даже теперь лучшими по исполненію [1]). О другомъ новгородскомъ архіепископѣ (Моисеѣ) извѣстно, что онъ собралъ много писцовъ и списалъ много книгъ [2]). Вообще, о тогдашнихъ монастыряхъ и ихъ основателяхъ мы имѣемъ не мало извѣстій, подтверждающихъ, что они занимались списываніемъ и собираніемъ книгъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри являлись лучшими хранилищами сокровищъ и книгъ. Самые акты считали за лучшее сберегать въ тѣхъ же церквахъ и монастыряхъ [4]). Въ Новгородѣ товары и оффиціальные акты хранились обыкновенно въ церквахъ св. Софіи и Іоанна на Опокахъ; во Псковѣ—въ общественной лари при церкви Троицы, куда обращались за справками въ случаяхъ надобности [5]). Монастыри пользовались въ то время громаднымъ значеніемъ; они вели непосредственныя сношенія съ властями и получали

---

[1]) Древн. книги, Срезневскаго, 19;

[2]) П. С. Р. Л., III, 128.

[3]) См. I-ю главу нашего изслѣд. о Максимѣ Грекѣ и II-ю и V-ю гл. Изслѣд. о культ. знач. Виз. въ рус. исторіи.

[4]) Древнія книги, Срезневскаго (Христ. Древн., 18). При Софійскомъ храмѣ въ Константинополѣ хранились грамоты (Лакіеръ, Рус. Геральдика, 25). Аѳонскіе монастыри служили хранилищами лучшихъ произведеній древности, особенно со времени паденія Константинополя; оттуда же было перенесено множество книгъ на Западъ въ эпоху возрожденія (см. наше изслѣд. „Максимъ Грекъ", 101). Западные монастыри въ средніе вѣка также обладали замѣчательными библіотеками, въ которыхъ видное мѣсто занимали древніе писатели (Hurter: Innocenz III und seiner Zeitgenossen, B. II, Abth. II, 252—61; Галламъ: Ист. Европ. литер. I, 6, 56; соч. Г. Фойгта и др.; Монастыр. библіотеки среднихъ вѣковъ, Библ. для Чт. 1850, № 2).

[5]) Костомаровъ, Сѣверно-рус. народоправ., II, 225. Ср. Новгор. лѣт. Спб. 1879, стр. 100, 128, 163. Нѣкоторые акты считались дѣйствительными лишь тогда, когда списокъ акта былъ внесенъ въ ларь Троицкаго собора, во Псковѣ (Гражд. зак. Псков. суд. грам., И. Энгельмана, 14—15). О храненіи важнѣйшихъ государственныхъ документовъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ см. Дополн. стр. I. Въ древности (у евреевъ, грековъ, римлянъ) архивные памятники также хранились въ храмахъ или дворцахъ (Dictionnaire raisonné de Diplomatique Chrétienne, par Quantin, P. 1846, 86).

отъ нихъ весьма широкія права. Такъ, постепенно образовались значительныя церковныя и монастырскія библіотеки, какъ-то: Софійская при новгородскомъ соборѣ, Троицко-Сергіевская, Чудовская, Кирилло-Бѣлозерская, Ростовская, Волоколамская, Соловецкая и мн. др. Изъ описей, дошедшихъ до насъ, видно, что въ нихъ были не только церковныя книги, но и лѣтописи, хронографы, сборники, повѣсти, географическія сочиненія, а позже появляются переводы космографій и другихъ книгъ [1]). Въ монастыряхъ составляются сборники жалованныхъ и другихъ грамотъ, послужившіе весьма важнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ изданій. Отсюда досталась масса актовъ историко-юридическаго содержанія и памятниковъ письменности, такъ что монастырскіе архивы и библіотеки до сихъ поръ оказываются еще не вполнѣ исчерпанными [2]).

Но отъ времени Василія Ивановича сохранились уже опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи замѣчательной библіотеки въ Москвѣ, которая помѣщалась при княжескихъ палатахъ и состояла изъ 800 еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ рукописей, частью купленныхъ, а частью полученныхъ въ даръ съ Востока, въ числѣ которыхъ были и многія важныя классическія произведенія. Увидя это собраніе Максимъ Грекъ, долго жившій въ Италіи въ эпоху возрожденія, воскликнулъ, что подобнаго собранія не имѣли ни Греція, ни Италія, библіотеки которыхъ подверглись опустошенію вслѣдствіе религіознаго фанатизма. Полагаютъ, что начало этой библіотекѣ было положено при Иванѣ III, которому могли достаться многія книги черезъ Софію Палеологъ или отъ выходцевъ—грековъ; а при Василіѣ Ивановичѣ, въ числѣ другихъ порученій, на Максима Грека было возложено ея описаніе. Иванъ Грозный хвалился ею, показывалъ ее иностранцамъ и желалъ имѣть переводы на русскій языкъ находившихся въ ней произведеній (напр. Светонія, Тита Ливія, кодекса Юстиніана [3]).

---

[1]) Описи монастыр. библіотекъ въ Чтен. М. общ. ист. 1848, № 6. Общій характеръ этихъ библіотекъ указанъ нами въ „Опытѣ изслѣд. о культурн. знач. Византіи въ рус. ист." К. 1869, 225—239. Ср. Библіологическій опытъ о древней рус. письменности, Котляревскаго, Вор. 1881, стр. 3—9.

[2]) Ист. Библ., изд. Арх. ком., т. II и V.

[3]) Библіотека в. к. Василія Ивановича и ц. Ивана Васил., Клоссіуса, Журн. Мин. Нар. Просв. 1834, ч. II.

Къ тому же времени относится и первое извѣстіе о *Московскомъ архивѣ*, опись котораго помѣщена въ Актахъ археогр. экспедиціи (I, № 289). Она даетъ намъ обстоятельное представленіе объ архивномъ дѣлѣ въ Московскомъ государствѣ. Можно думать, что систематическое собраніе матеріаловъ въ княжескомъ дворцѣ установилось уже при Иванѣ III, такъ какъ большая часть дѣлъ, упоминаемыхъ въ этой описи, начинается съ этого времени [1]). Впрочемъ этотъ архивъ нельзя считать исключительно архивомъ посольскаго приказа (какъ дѣлается въ Энц. Слов., изд. литер. и учен., V, 542), такъ какъ въ немъ хранились дѣла самаго разнороднаго содержанія: сношенія съ иностранными державами, дѣла новгородскія, псковскія и удѣльныхъ княжествъ, церковныя, гражданскія, судебныя и частныя дѣла, жалованныя грамоты и списки служилыхъ людей, даже лѣтописи русскія и иностранныя. Дѣла архива хранились въ отдѣльныхъ ящикахъ, ларцахъ и короб-

---

[1]) Въ предѣлахъ бывшей Римской имперіи существовали городскіе архивы. Первые короли Франціи и императоры имѣли хранилища документовъ при своихъ дворцахъ или возили ихъ собою, почему они нерѣдко подвергались всякимъ случайностямъ. Однажды, въ 1194 г., при одной нормандской засадѣ, близъ Вандома, Филиппъ-Августъ потерялъ часть возимыхъ имъ такимъ образомъ важныхъ протоколовъ. Съ тѣхъ поръ онъ перестал это дѣлать и основалъ складъ для сбереженія всѣхъ государственныхъ грамотъ. Въ Германіи также были сначала походные архивы и хотя Генриху Птицелову приписывается основаніе постояннаго хранилища, но весьма мало сохранилось памятниковъ древней эпохи и только въ XV в. было обращено вниманіе на сохраненіе документовъ, находившихся въ разныхъ городахъ. Городскіе архивы много страдали отъ войнъ и пожаровъ. Съ бо́льшимъ вниманіемъ сберегались церковные и монастырскіе архивы; но они много пострадали во время религіозныхъ войнъ. Quantin, Dictionnaire, 86—93. Гизо, Ист. цивилиз. во Франціи, III, 243.

Богданъ Хмельницкій, подъ Берестечкомъ, имѣлъ съ собою шкатулку, въ которой хранились письма къ нему отъ турокъ, татаръ, поляковъ, молдавскаго господаря, трансильванскаго князя, которыя достались полякамъ и вошли потомъ въ составъ „Польской коронной метрики", а вмѣстѣ съ нею поступили въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ. Костомаровъ, Б. Хмельницкій, изд. 2-е II, 176—177; Буцинскій, О Богд. Хм., предисл. и стр. 98. Въ Польшѣ уже въ XV в. обращено было вниманіе на мѣстные, городскіе архивы. Akta grodzkie, I, предисл.

яхъ (иногда въ двойныхъ, безъ строгой системы), а всего описано 231 ящикъ (конца описи не достаетъ). Матеріалы въ описи перечисляются: *книгами*, *тетрадями*, *грамотами* и *списками*, причемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчается, что эти дѣла взяты въ посольскую палату, въ казанскую избу, походную палату, или, какъ особенно важныя, къ царю, въ Слободу, или хранятся въ царской казнѣ (на казенномъ дворѣ), а это показываетъ, что и прежде акты и дѣла хранились въ княжеской казнѣ [1]. Московскій архивъ окончательно организовался при Иванѣ Грозномъ; такъ какъ въ дѣлахъ упоминается дьякъ Ив. Мих. Висковатовъ, управлявшій посольскимъ приказомъ съ 1556—1570 г., извѣстный своими религіозными сомнѣніями и печальною участью, которому и принадлежитъ составленіе первой описи; при немъ поступили въ архивъ древнѣйшія грамоты московскихъ князей, начиная съ Ивана Даниловича (ящ. 138) .Другая опись (напечатанная) приписывается дьяку Андрею Васильеву (1563 г.). Въ отдѣльности, въ описи упоминаются грамоты „старыхъ русскихъ князей," грамоты татарскія, („дефтери старые отъ Батыя и отъ иныхъ царей, а никто перевести не умѣетъ", ящ. 148), фряжскія, греческія, нѣмецкія, латинскія, чертежи городовъ и т. п. Опись архива въ смутное время попала въ Польшу, а оттуда, вмѣстѣ съ Литовскою метрикою, была доставлена въ Петербургъ и хранится теперь въ тамошней Публичной библіотекѣ. Подобныя же описи (посольскихъ дѣлъ) составлялись: при дьякахъ Щелкаловыхъ (1575—1600), въ 1614, въ 1626, послѣ большаго пожара въ Москвѣ (окольничимъ Бутурлинымъ и дьяками Болотниковымъ и Нечаевымъ), дополнительная въ 1632 (окольничимъ Далматовымъ-Карповымъ и дьякомъ Переносовымъ) и новая опись, въ 1673 г., при бояринѣ Матвѣевѣ [2]).

---

[1]) На это есть прямое указаніе въ началѣ XVI в. (Собр. госуд. грам. I, № 132, стр. 343). Иванъ Грозный отобралъ въ Новгородѣ древнія договорныя и жалованныя монастырскія грамоты (въ 1550 и 1570 гг).) въ Москву, въ царскую казну (Новгор. лѣтоп., изд. 1879, 100, 128).

[2]) Памятники дипломатич. сношеній, I, 1473—1500. Въ этихъ описяхъ дѣла раздѣляются на *грамоты*, *книги*, *столпы* и *рознь*.

Впервые названіе хранилища государственныхъ актовъ греческимъ словомъ *архивъ* относится ко времени перенесенія резиденціи въ Петербургъ (П. С. Зак. VI, № 3534). При Петрѣ В. хранилище документовъ, помѣщавшееся въ подвалахъ посольскаго приказа, было перенесено изъ

Мы видѣли уже, что нѣкоторыя дѣла брались въ другіе приказы, имѣвшіе безъ сомнѣнія свои собственные архивы по роду ихъ дѣлъ. Такъ напр. дѣла разряда, одного изъ древнѣйшихъ учрежденій (съ Ивана III) вмѣстѣ съ архивомъ старыхъ дѣлъ и помѣстнаго приказа послужили основаніемъ (съ 1852 г.) нынѣшнему *Архиву министерства юстиціи*, весьма важному для изученія внутренняго быта Россіи и находящемуся также въ Москвѣ [1]). Понятно, что прежде всего важность этихъ дѣлъ въ практическомъ отношеніи способствовала ихъ сохраненію и побудила обратить на нихъ вниманіе правительства [2]). Въ XVI в. правительство предпринимаетъ подробное описаніе Московскаго государства, имѣвшее столь важное значеніе для экономическаго быта древней Руси: это писцовыя книги—московскія, новгородскія и др. (изд. Геогр. общ., Моск. общ. ист. и Археогр. ком.), а вмѣстѣ съ тѣмъ становилось обязательнымъ внесеніе въ книги имущественныхъ актовъ и засвидѣтельствованіе ихъ [3]). Уже въ XVII в. правительство собираетъ списки дѣлъ изъ воеводскихъ канцелярій [4]). При Михаилѣ Ѳедоровичѣ (1635) и Алексѣѣ Михайловичѣ устанавливаются опредѣленныя формы для письменныхъ актовъ [5]). Составляются сборники актовъ, относящихся къ извѣстному роду дѣлъ или учрежденій, какъ напр. собраніе указовъ ц. Михаила Ѳедоровича и патр. Филарета о помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ [6]), или списокъ съ приказныхъ дѣлъ Спасо-при-

---

Кремля въ другую часть города (Ростовское подворье) и оставалось съ тѣхъ поръ въ Москвѣ подъ именемъ „конторы и архива государственной коллегіи иностр. дѣлъ", а потомъ „Москов. главн. арх. мин. ин. дѣлъ". Снимки древн. рус. печатей, М., в. I, 1882, стр. XII.

Петръ В. назначилъ состоять при коллегіи иностр. дѣлъ, въ званіи *исторіографа*, аббата Кружали, о которомъ говорится въ архивскихъ записках, что онъ съ 1716 по 1720 г. получалъ жалованье. Екатерина II соединила это званіе съ званіемъ члена Академіи, возложивъ его на Миллера. Матер. для ист. библіот. Моск. главн. арх. мин. ин. д. Зап. Ак. Н. т. XII, кн. 1, стр. 92.

[1]) Опис. докумен. и бумагъ Моск. арх. мин. юст. I, стр. XIII—XIV.

[2]) Калачовъ, Архивы, ихъ государ. знач. и устройство, Сборн. госуд. знаній, IV, 199.

[3]) Акты, И. Энгельмана, Энциклопед. Слов. учен. и литерат., т. II, 418.

[4]) Воронеж. Губ. Вѣд. 1853, № 12 и 47, грам. ворон. воев. Хрущову.

[5]) Э. Словарь 418; Псков. Губ. Вѣд. 1869, № 41—45.

[6]) Рус. Вѣстн. 1842, № 11 и 12.

луцкаго монастыря конца XVII вѣка [1]). Между тѣмъ интересъ къ книжному дѣлу значительно возрастаетъ: появляются правительственныя и частныя библіотеки: патр. Филарета, Павла митр. Сарскаго, іером. Евѳимія, Сильвестра Медвѣдева, типографская, патріаршая и др. Никонъ скупаетъ драгоцѣнныя рукописи на Востокѣ и заботится о переводѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на русскій языкъ [2]). Михаилъ Ѳедоровичъ хлопочетъ о пополненіи царской библіотеки [3]). При Алексѣѣ Михайловичѣ было пріобрѣтено много книгъ на Западѣ [4]). Сильвестръ Медвѣдевъ предпринимаетъ первую славяно-русскую библіографію, въ которую вошли не однѣ церковныя книги, но также историческія и литературныя произведенія [5]).

Не смотря на заведеніе книгопечатанія въ Москвѣ, въ половинѣ XVI вѣка, историческіе матеріалы долго не пользовались этимъ важнымъ средствомъ. Первая печатная книга—*Апостолъ* появилась въ Москвѣ въ 1564 [6]); *Ученіе ихитрость ратнаго строенія*—въ 1647, а *Уложеніе*

---

[1]) Времен. М. О. И, кн. XX, 1—156.

[2]) Опись патр. библ. Рус. Арх. 1864; Акты Ивер монастыря, Ист. Библ. V, стр. II.

[3]) Въ 1639 г. было послано въ Кирилловъ мон. требованіе выслать въ Москву дублеты и списки съ книгъ по присланной описи. Было доставлено 28 книгъ: историческаго (Амартолъ, литов. родосл. кн., рус. лѣт., римск. исторія, Индикопловъ), юридическаго (судеб. кор. Казимира, рус. судебн. и др.) и духовнаго содержанія. Ак. Арх. экспед., III, стр. 432—433.

[4]) Щаповъ, Русскій расколъ, 93. О царск. библ. XVII в. Бытъ рус. цар. Забѣлина, Отеч. Зап. 1854, № 12 с. 122—133.

[5]) Опись книгъ Степен. монастырей, Чт. М. О. И., г. III, № 6; Опись книгъ Волокол. мон. Чтен. г. II, № 7; Отчетъ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова (ст. Невоструева); Опис. Солов. библ., А. И. Лилова, Прав. Собесѣд. 1859 г., т. I и II, и Порфирьева, Казань, 1882, т. I. Каталоги библіотекъ: патр. Филарета (Времен. М. О. И., XII; Опис. госуд. арх. старыхъ дѣлъ, Иванова, 287—295; Вѣстникъ Общества древне-рус. искусства, 1875, 24—29); патр. Никона (въ описи его казны) Временникъ, кн. XV; Сильв. Медвѣдева, Чтен. Моск. общ. ист., годъ I, кн. 3; Павла м. Сарскаго, Временникъ, кн. V; типограф., кн. XI; іером. Евѳимія, Лѣт. Тихонравова, т. V; Димитрія Ростовскаго, Москвитянинъ 1855, № 21—22, стр. 79—86; патріаршей, Рус. Арх. 1864; Сильв. Медвѣдевъ, отецъ славяно-рус. библіографіи, Чт. М. О. И., г. I, № 3. Книги Епиф. Славинецкаго въ описи м. Павла.

[6]) Иванъ Грозный посылалъ полный экземпляръ ветхо-завѣтныхъ

въ 1649; затѣмъ, отъ времени до времени, печатались преимущественно церковныя книги, и только съ Петра В. появились собственно гражданскія типографіи [1]). Но и послѣ Петра В. переписка книгъ была еще въ полномъ ходу [2]). Русскія книжныя собранія долго подвергались истреб-

книгъ кн. Константину Острожскому, какъ свидѣтельствуетъ послѣдній въ предисл. къ изд. имъ Библіи. Опис. старопеч. книгъ гр. Толстого, М. 1829, 56—58; Макарій, I, 81.

[1]) О славяно-рус. типографіяхъ, митр. Евгенія, Вѣстн. Евр. 1813, ч. LXX; О древне-славян. типографіяхъ Шафарика, Чтен. М. О. ист, годъ I, № 3; Хронологическая роспись первопечат. славян. книгамъ по 1600 годъ, П. И. Кеппена въ Библіогр. Листахъ, 1825—26 г., № 1, 6, 11, 16, 21, 26, 31, 39; Древн. рус. памятн.—лѣтоп. книгопечат. И. Сахарова, 1842; Обозр. славяно-рус. библіогр., его же, Спб. 1849; Каратаевъ, Хронолог. роспись славян. книгъ, напеч. кирил. буквами, 1491—1730, Спб. 1861; Очеркъ славяно-рус. библіогр. В. Ундольскаго, съ дополн. А. Ѳ. Бычкова и А. Викторова, М. 1871; дополн. къ нему Я. Ѳ. Головацкаго, Сборн. Ак. Наукъ, т. XI; Книжная старина южно-рус. А. М. Максимовича, Времен. М. общ. ист. кн. I и IV, Кіевлян. кн. III, Сочин. т. II; Голубевъ, Библіографич. замѣтки о нѣк. старопеч. книг. конца XVI—XVII стол., Труды К. Д. ак. 1876, № 1 и 2, и отд.; Описаніе славяно-рус. книгъ, напеч. кирил. букв. 1491—1730, Каратаева, Спб. 1878, вып. I—самое полное изъ описаній этого рода; Свѣдѣнія о нѣк. рѣдк. экземплярахъ церк. слав. книгъ, хран. въ библ. Спб. Дух. ак., Христ. Чт. 1879, май—іюнь; іюль—окт. (съ подробн. опис. книги: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія", М. 1647); Литерат. и наука при Петрѣ Вел., Пекарскаго, т. II—опис. славяно-рус. книгъ и типогр. 1698—1725, Спб. 1862. Ист. книгопеч., Румянцова, М 1872.

[2]) „Порохъ, пушки, часы, колокола, давно уже были въ Москвѣ, говоритъ Шлецеръ, но типографіи еще не было, между тѣмъ какъ съ 1491—1562 г. печатали уже пославянски въ Краковѣ, Вильнѣ, Прагѣ (что предъ Варшавою), Венеціи и Несвижѣ!" Несторъ, т. I, рлд. „Переписка дѣлалась не въ однихъ монастыряхъ: она составляла ремесло, поденщину, какъ еще и теперь въ Турціи. Это продолжалось даже до времени Коля (1728); но въ мою бытность (1761) не оставалось уже никакихъ слѣдовъ". Шлецеръ, ив. Коль же объ этомъ говоритъ слѣдующее (введ. стр. 16): „Русскіе всегда прилежно переписывали книги, ими сочиненныя или переведенныя съ другаго языка. Симъ способомъ много замѣнили они какъ недостатокъ типографій, такъ и книгъ, которыя нынѣ *печатаютъ*.—Нѣтъ кажется, ни одного народа, который бы столь много занимался и трудился надъ переписываніемъ, какъ русскіе. Тамъ найдешь многихъ, которые цѣ-

ленію отъ времени, пажаровъ и т. п. Въ древнихъ извѣстіяхъ о пожарахъ и нападеніяхъ мы постоянно встрѣчаемъ указанія на уничтоженіе книгъ [1]). Во время взятія Кіева войсками Рюрика и Ольговичей (1203 г.) были захвачены монастырскія богатства и книги [2]). Въ большомъ пожарѣ во Владимірѣ, бывшемъ 11 мая 1227, погибло множество церквей, дворъ вел. князя Константина и книги его библіотеки [3]). Множество книгъ сгорѣло во время нашествія Девлетъ-Гирея на Москву; взятіе Полоцка Баторіемъ въ 1579 г. сопровождалось пожаромъ, уничтожившимъ весьма драгоцѣнную библіотеку, содержавшую въ себѣ много лѣтописей и отцовъ церкви въ славянскомъ переводѣ [4]). Извѣстная библіотека московскихъ князей, какъ полагаютъ, погибла во время осады Москвы, въ смутную эпоху. Московскіе архивы подвергались большой опасности во время пожара 1626 г. (тогда пожаръ истребилъ большую часть бумагъ помѣстнаго приказа, которыя пришлось пополнять матеріалами изъ другихъ приказовъ и документами, находившимися въ частныхъ рукахъ [5]).

лый день ничего другаго не дѣлаютъ, какъ только списываютъ книги, и тѣмъ только снискиваютъ себѣ *пропитаніе*. Имъ отдаютъ переписывать не только книги рукописныя и въ свѣтъ еще не изданныя, *каковы суть книги*, принадлежащія *до отечественной исторіи*, называемыя *лѣтописями*; но и *печатныя* рѣдкія и драгоцѣннѣйшія. Въ *лавкахъ* петерб. купцовъ часто попадались мнѣ письменныя рѣчи Хризостома и книги Ефрема Сирина или Св. писанія". Ibid. Латин. текстъ у Пекарскаго, Ист. Ак. Наукъ, I, 80.

У раскольниковъ потомъ встрѣчали лучшія рукописи. Рукописи и до сихъ поръ занимаютъ у восточныхъ народовъ мѣсто печатныхъ книгъ. О книгохранилищахъ на Востокѣ, Катрмера, Журн. Мин. Нар. Пр. 1840, XXVII, и Савельевъ, О жизни и труд. Френа, Зап. Арх. общ., VI, 362.

[1]) Древн книги, Срезневскаго, loc. cit., 14—15.

[2]) Лаврент. лѣт., 6711 годъ. Ср. 6748 г. Одну изъ самыхъ чувствительныхъ утратъ, понесенныхъ древне-русскою письменностью, преимущественно отъ пожаровъ и въ особенности во время борьбы съ литовцами, татарами и поляками, составляетъ уничтоженіе почти всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ западной и отчасти югозападной Россіи. Русско-ливон. акты, Спб. 1868, стр. IV.

[3]) Татищевъ III, 446.

[4]) Соловьевъ, VI, 367.

[5]) Юридич. Вѣстн. 1860, № 2, с. 59.

Пожары истребили значительную часть сибирскихъ архивовъ, документы которыхъ сохранились только благодаря ученой экспедиціи Миллера въ половинѣ XVIII вѣка. Въ XVIII в. не разъ были истребляемы архивы въ Минскѣ и Вильнѣ [1]). Въ 1744 году былъ уничтоженъ пожаромъ архивъ Войска Донскаго; въ 1779 г. архангельскій губернскій архивъ [2]); въ 1811 г. сгорѣлъ магистратскій архивъ въ Кіевѣ [3]). Въ 1815 году пожаръ истребилъ центр. губерн. архивъ въ Казани, заключавшій въ себѣ весьма важные историческіе акты XVI—XVIII вв. [4]); а въ 1841 г. погорѣла большая часть архивовъ присутственныхъ мѣстъ въ Орлѣ [5]). Если въ 1812 г. Москов. архивъ иностр. дѣлъ весь сохранился, то этимъ онъ обязанъ особенной предупредительности начальства и своему государственному значенію [6]). Но тогда же погибли весьма многіе семейные архивы и библіотеки [7]), въ числѣ которыхъ были извѣстныя собранія рукописей и книгъ—Мусина-Пушкина [8]), проф. Баузе [9]), Д. И. Языкова, Бантыша-Каменскаго, Калайдовича, гр. Бутурлина [10]), П. Г. Демидова [11]), Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ [12]) и мн. др. Мы не говоримъ уже объ умышленномъ истребленіи бумагъ частными лицами и учрежденіями.

[1]) Сборн. Археол. Инстит. I, 27, 28.

[2]) Барсуковъ, I, 79; Крестининъ, Кратк. ист. о гор. Архангельскомъ, Спб. 1792, с. 126.

[3]) Переписка Евг. съ Румянц. 86.

[4]) Изв. IV-го Археол. съѣзда, Казань, 1877, с. 165.

[5]) Матеріалы для ист. и стат. Орлов. губ., собр. А. Пупаревымъ, I, отд. II, стр. 4.

[6]) Письма Бант. Каменскаго, Рус. Арх. 1876 г. и Энцикл. слов. Спб. 1862, V, 543.

[7]) Рус. Арх. 1875, I, 368.

[8]) Записки для біогр. гр. А. И. Мусина-Пушкина, Калайдовича, Вѣстн. Европы 1813, № 21, и Труды Общ. ист. и др., ч. II.

[9]) Опись его библіотеки въ Чт. М. О. И. 1862 г., кн. II, и Извѣстіе о древностяхъ славянорус. и объ И. Ѳ. Ѳерапонтовѣ, Калайдовича, М. 1811.

[10]) К. Ѳ. Калайдовичъ, Безсонова, Чтен. М. О. ист. 1862, кн. III, 31.

[11]) Чт. М. Общ. ист. 1846, годъ II, № 2.

[12]) Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу, Спб. 1883, стр. 5. Объ уничтоженіи фамильнаго архива Танскаго и др. малорусскихъ архивовъ см. Историч. дѣят. юго-запад. Рос., изд. В. А. Бецомъ, стр. I—II.

По настоящее время у насъ не привыкли къ подобающему уваженію историческихъ памятниковъ. Еще м. Евгеній указывалъ, что въ кіевской казенной палатѣ гнили въ погребахъ и ящикахъ многіе важные матеріалы, перешедшіе туда послѣ отобранія монастырскихъ вотчинъ [1]), но и теперь нерѣдко можно встрѣтить заявленія объ истребленіи рукописей, вещественныхъ памятниковъ [2]), цѣлыхъ собраній, составленныхъ учеными [3]) и даже оффиціальныхъ документовъ, какъ напр. сожженіе секретныхъ дѣлъ морскаго архива [4]).

Въ виду накопленія массы матеріаловъ, были изданы правила объ уничтоженіи старыхъ дѣлъ губернскихъ и присутственныхъ мѣстъ, а также волостныхъ и инородческихъ управленій въ Сибири, на основаніи которыхъ губернскому начальству предоставлялось право разрѣшать уничтоженіе ненужныхъ архивныхъ дѣлъ [5]). Но, какъ трудно разграничить нужное отъ ненужнаго съ оффиціальной точки зрѣнія, достаточно указать, что въ одномъ центральномъ архивѣ была назначена къ уничтоженію переписка Россіи съ венеціанскимъ правительствомъ въ XVI вѣкѣ по *какимъ-то* денежнымъ разсчетамъ [6]). Въ другомъ городскомъ архивѣ (въ Ярославлѣ) были назначены къ уничтоженію документы, имѣющіе значеніе для исторіи города [7]). И когда въ нѣкоторыхъ архивахъ было приступлено къ приведенію

[1]) Переписка м. Евгенія съ Румянц., 86.

[2]) Сообщенія Н. Керцелли, Современ. Изв. 1869, № 179; Голышева, Труды Влад. стат. ком. и Влад. Губ. Вѣд. 1869, № 50; Полевого, въ Др. и Нов. Рос. 1876, № 10.

[3]) Такъ, хронол. указатель Литовской метрики, составленный Корсакомъ, на 628 листахъ, и заключающій въ себѣ 20,333 указанія о правѣ владѣнія вотчинами, былъ отысканъ А. Н. Неустроевымъ въ бумажной лавкѣ, вмѣстѣ съ другими его бумагами (Лѣт. зан. Арх. ком., т. VI, протоколы, 12—13). По смерти И. П. Сахарова остатки его бумагъ были проданы съ пуда и поступили лѣтомъ 1869 г. на толкучій рынокъ въ Петербургѣ, а въ числѣ ихъ было и его собраніе палеографическихъ снимковъ, пріобрѣтенное А. А. Котляревскимъ (Лѣт. зан. Арх. ком., т. V, протоколы, 163) Ср. перечень существующихъ снимковъ у П. И. Саваитова, Мухановъ, Что желательно для рус. ист., стр 15—18.

[4]) Морск. Сборн. 1861, т. LI, № 2.

[5]) Ж. Мин. Госуд. Имущ., т. LXXV, 105; т. XCV.

[6]) Сборн. госуд. знаній, IV, 208.

[7]) Устройство и управл. городовъ въ Россіи, Дитятина, II, предисл.

въ порядокъ дѣлъ (въ 20-хъ годахъ), то пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что многія дѣла въ нихъ истлѣли, испортились отъ сырости или сгорѣли; другія валялись безъ всякихъ описей, въ куляхъ, и расхищались сторожами, такъ что и теперь попадаются иногда весьма интересные матеріалы, начала XVIII вѣка, въ рукахъ петербургскихъ и московскихъ букинистовъ [1]).

На Западѣ научное отношеніе къ архивнымъ матеріаламъ и памятникамъ древности стоитъ въ связи съ возникновеніемъ и развитіемъ палеографіи, дипломатики, нумизматики и другихъ знаній, посвященныхъ разработкѣ исторіи, права и древностей. Въ Россіи впервые обратилъ вниманіе на собираніе и сохраненіе историческихъ матеріаловъ и памятниковъ древности Петръ Великій. Ему принадлежатъ подробныя правила о сохраненіи и сбереженіи архивныхъ дѣлъ [2]). Уже около 1703 г. у него возникла мысль о печатаніи русскихъ лѣтописей [3]); а узнавъ о существованіи въ Кёнигсбергѣ Радзивиловскаго списка древней лѣтописи, онъ распорядился (въ 1716 г.) снять съ него точную копію. Въ 1718 г. онъ озаботился собраніемъ предметовъ древности и снятіемъ съ нихъ рисунковъ и чертежей [4]). Извѣстно также, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ относился Петръ В. къ развалинамъ древнихъ Болгаръ: при немъ было сдѣлано первое описаніе ихъ (1712 г. [5]). Онъ посылалъ въ Парижскую академію татарскую грамоту, найденную въ Сибири, и желалъ получить объясненіе, но переводъ ея былъ сдѣланъ королевскимъ переводчикомъ недостойнымъ образомъ [6]). Петръ поручилъ Скорнякову-Писареву составить современный лѣтописецъ; онъ самъ принималъ участіе въ составленіи исторіи шведской войны, которымъ занимался Шафировъ,

---

[1]) Опис. дѣлъ Арх. морск. мин. I, 1877, стр. II.

[2]) Памятники Сибир. исторіи, Спб. 1882, № 22.

[3]) Отчеты о занятіяхъ Археогр. ком. за 25-лѣтіе ея существованія. Спб. 1860 г. стр. 60, примѣч.

[4]) „За человѣческие кости за всѣ (сжели чрезвычайного величества) тысячю рублефъ, а за голову пятсотъ рублеф. За денги і протчие вещи, коі спотписью, вдвое чего онѣ стоят. За камни спотписью по разсуждению. Один гроб скостии привесть не трогая. Гдѣ наидутца такие всѣму дѣлать чертежи как что наидут". Рус. Стар. 1872, т. VI, 474 (собственноручная записка).

[5]) Шпилевскій, Древ. города и памятн. въ Казан. губ. Каз. 1877, 195—196. До Петра В. на вырытыя вещи смотрѣли какъ на кладъ.

[6]) Переписка м. Евгенія, ib. 88 (здѣсь же о раскопк. въ Азіи при Петрѣ В.).

и веденіи поденнаго журнала своего времени [1]). Наконецъ при немъ были сдѣланы первыя распоряженія о собраніи древнихъ рукописей, рѣдкихъ книгъ и документовъ изъ монастырей и церквей, на основаніи которыхъ (отъ 20 дек. 1720 г.) губернаторамъ и вице-губернаторамъ предписывалось „во всѣхъ монастыряхъ, епархіяхъ и соборахъ прежнія жалованныя грамоты и другія куріозныя письма оригинальныя, такожде и историческія рукописныя книги пересмотрѣть и переписать... и тѣ переписныя книги прислать въ Сенатъ" Затѣмъ въ февралѣ 1722 г. повторено было: „изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по описямъ курьезные, т. е. древнихъ лѣтъ рукописные на хартіяхъ и на бумагѣ церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочіе имъ подобные, что гдѣ таковыхъ обрѣтается,— взять въ Москву, въ Синодъ, и для извѣстія оные списать и тѣ списки оставить въ библіотекѣ". Съ этою цѣлью отъ Синода посланы были нарочныя лица, а епархіальнымъ и монастырскимъ властямъ заявлялось „чтобы они" тѣ куріозныя книги объявили безъ всякой утайки, понеже тѣ книги *токмо списаны (будутъ), а подлинныя возвращены будутъ имъ по прежнему"* [2]). Но, ни увѣренія грознаго царя, ни благія намѣренія, не могли подвинуть на дѣло ихъ владѣтелей. Власти на это отвѣчали, что никакихъ подобныхъ рѣдкихъ книгъ у нихъ нѣтъ и весьма немногія изъ нихъ прислали до 40 книгъ, большею частью духовнаго содержанія или житій, въ числѣ которыхъ какъ-бы случайно попались четыре хронографа и четыре лѣтописца. Уже по смерти Петра В. Сенатъ сдѣлалъ запросъ Синоду (въ 1727 г.) о положеніи этого дѣла, который ни къ чему, однако, не привелъ [3]).

[1]) Пекарскій, Литер. и наука при Петрѣ В. I, 319—323.

[2]) Полн. Собр. Закон. VI, № 3693 и 3908. Исполнительный указъ новгород. приказной палаты въ новгород. митрополич. разрядъ, Москвитян. 1855, V, № 17—20, стр. 11—12.

[3]) Пекарскій, I, 318—319. При Петрѣ В. (1722 г. Моск.) учителемъ типографскаго училища Аѳанасіемъ Скіадою изданы три каталога (на латин. и рус. яз.) греческихъ рукописей Синодальной и Типогр. библіотеки. Трудъ этотъ посвященъ Петру В. Въ началѣ его находится разсужденіе *о пользѣ рукописей.* Впрочемъ Скіада часто ошибается въ опредѣленіи вѣка послѣднихъ. Латинскій текстъ каталога не разъ перепечатывался въ Германіи. Русскій текстъ перепечатанъ въ Отеч. Зап. 1841, № 6. О немъ см. Пекарскій, I, 599—601; Евгеній, Слов. свѣт. писат., т. II. О каталогѣ русскихъ рукоп., составлен. по повел. Петра В.,—Времен. М. О. И., т. XI.

Научныя стремленія, такъ ясно заявлянныя эпохою Петра В., отразились и на его современникахъ. Въ это время появляются весьма замѣчательныя библіотеки: гр. Я. В. Брюса, А. А. Матвѣева, кн. Д. М. Голицына, изъ которыхъ первая послужила главнымъ пособіемъ для ученыхъ трудовъ Татищева, а послѣднею пользовались Татищевъ и Карамзинъ. Впрочемъ и самому Татищеву удалось собрать весьма цѣнную библіотеку, въ которой было много рукописей, относящихся къ рус. исторіи и географіи [1]). Но въ дѣлѣ собранія и обработки матеріаловъ по рус. исторіи принимаетъ уже участіе новое учрежденіе, обязанное своимъ возникновеніемъ тому же Петру В. Мы говоримъ объ **Академіи Наукъ**. Однако, какъ трудно было еще дѣйствовать въ такомъ смыслѣ и отдѣльнымъ лицамъ, и даже учрежденіямъ лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующій случай. Ссылаясь на постановленіе 1727 г. о заведеніи двухъ типографій въ Петербургѣ: одной для печатанія указовъ—при Сенатѣ, а другой для изданія историческихъ книгъ—при Академіи Наукъ, послѣдняя обратилась (23 апр. 1734 г.) въ Сенатъ за разрѣшеніемъ издавать древнія лѣтописи, по приложенному образцу (это былъ 1-й листъ Радзивил. списка древн. лѣт. гражданскими буквами), не измѣняя „ни нарѣчія, ни матеріи, *кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ*, которыя со исторіею свѣтскою никакого союза не имѣютъ, но токмо до духовности касаются и о которыхъ св. пр. Синодъ впредь разсмотрѣть можетъ, понеже можно надѣяться, говорила Академія, что чрезъ сей способъ Россійская исторія будетъ приведена современемъ въ лучшую ясность, къ тому же и типографіи истая будетъ польза, *и народу* чтеніемъ онымъ упражненіе". Сенатъ снова отнесся по этому предмету въ Синодъ, а послѣдній потребовалъ предварительныхъ свѣдѣній о числѣ лѣтописцевъ и о представленіи ихъ на его разсмотрѣніе. Но планъ изданія лѣтописей, предложенный Академіею, не могъ состояться, такъ какъ, вмѣсто апробаціи, отъ Синода послѣдовалъ слѣдующій лаконическій отвѣтъ: „Разсуждаемо было, что *въ Академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ те-*

[1]) Лѣт. рус. литер. Тихонравова, т. I и V, Забѣлинъ, Опыты т. III, 331; Библіогр. Зап., т. III, 319—324; Карамз., V, пр. 136; VII, пр. 411; X, пр. 349; Пекарскій, Нов. изв. о Татищевѣ и Литер. и наука, т. I. Библіотека кн. Д. М. Голицына, извѣстнаго верховника, была расхищена во время слѣдствія и суда надъ нимъ и въ такомъ видѣ досталась уже гр. Ѳ. А. Толстому, отъ котораго поступила въ Имп. Публич. библіотеку.

рять будутъ напрасно, понеже во оныхъ книгахъ писаны лжи явственныя.., отчего въ народѣ можетъ произойти не безъ соблазна" [1]). Такимъ образомъ и на этотъ разъ изданіе историческихъ матеріаловъ было надолго отложено. Впрочемъ, Академія Наукъ продолжала настаивать на собраніи историческихъ матеріаловъ. Спустя два года (23 іюня 1736 г., въ П. С. З.) состоялась резолюція кабинета министровъ по докладу Академіи, поданному въ Сенатъ въ окт. 1735 г., о собраніи отвсюду матеріаловъ для исторіи царствованія Ивана Грознаго, Михаила Өедор. и Алексѣя Михайловича, причемъ историческія бумаги должны были быть переданы въ Академію, а бумаги, подлежащія тайнѣ,—въ кабинетъ. Но результатовъ и этого распоряженія не видно. Только съ царствованія Екатерины II открылась новая эра для исторической дѣятельности въ Россіи; только тогда Академія могла выполнить прежній свой планъ, хотя и не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ предполагалось прежде; а вмѣстѣ съ тѣмъ для частной предпріимчивости открылось не менѣе широкое поприще: достаточно пока вспомнить дѣятельность кн. Щербатова, Новикова, Голикова. Такимъ образомъ, уже въ 1778 г. въ Синодъ снова послѣдовалъ указъ, чтобы *„для пользы общества и къ споспѣшествованію Россійской исторіи"* изъ представленныхъ императрицѣ двухъ реестровъ (Синодальной и Типографской библіотекъ въ Москвѣ) снять копіи съ древнихъ рукописныхъ книгъ, подъ наблюденіемъ надежнѣйшихъ людей, и приступить къ напечатанію ихъ, съ сохраненіемъ въ точности тѣхъ рисунковъ, какіе находятся въ нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ справиться въ Троицкой лаврѣ и другихъ монастыряхъ, не найдется ли въ нихъ „достойныхъ примѣчанія лѣтописцевъ, чтобы и оные напечатать" [2]). Исполненіе этого порученія было возложено на митр. Платона, которому были также препровождены поступившіе въ Синодъ лѣтописцы

[1]) Времен. Моск. О. И., т. XXIV, проектъ изд. лѣт. въ 1734 г., 49—50.

[2]) Въ Синод. архивѣ и Румянцовскомъ музеѣ (№ CCXXII) есть реестръ, изъ котораго видно, какія и откуда были доставлены тогда лѣтописи, а именно: изъ новгород. Соф. собора 17, Кирил. Бѣлозерскаго мон—ря 28, Өерапонтова—10, Новоезерскаго—3, Череповскаго—2, Устьшехонскаго—1, Филиппо-Ирабскаго 1, Ворониной пустыни 1, Александронев. семин. библ. —25. Очеркъ литер. рус. исторіи, Старчевскаго, 231.

Въ 1771 г. составленъ подробн. каталогъ рус. рукоп. Синод. библіот. (Опис. рук. Рум. муз. № CCXX), а Маттеи—греч. рук. Синод. и Тип. библ. (1776 и 1780).

и повѣсти, „касающіеся до россійской исторіи". Нѣкоторыя изъ этихъ лѣтописей были тогда же изданы; но въ 1791 г. послѣдовалъ новый запросъ къ архіереямъ и настоятелямъ монастырей о присылкѣ всѣхъ древнихъ лѣтописей и другихъ рукописей въ Синодъ. Въ этотъ разъ ихъ прислано было весьма много. Постепенно онѣ представлялись императрицѣ, а она передавала ихъ оберъ-прокурору Синода, гр. А. И. Мусину-Пушкину; но, по смерти Екатерины II, импер. Павелъ I, стремившійся разрушить многое и дурное, и хорошее, совершенное его матерью, велѣлъ всѣ эти рукописи возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ, и распоряженіе это было приведено въ исполненіе самымъ печальнымъ образомъ [1]). Такъ жалко закончилось это широко-задуманное предпріятіе! И Мусинъ-Пушкинъ, будучи самъ любителемъ историческихъ матеріаловъ, не могъ не выразить много горькихъ истинъ по поводу подобнаго отношенія къ отечественной старинѣ, которую уже умѣли тогда цѣнить другіе европейскіе народы [2]). Въ довершеніе всего, часть рукописей, находившаяся въ распоряженіи Мусина-Пушкина, погибла вмѣстѣ съ его библіотекою въ пожарѣ 1812 г. [3]).

Такимъ образомъ надолго еще матеріалы отечественной исторіи были предоставлены немногимъ избраннымъ; надолго многіе вопросы ея оставались недоступными для изслѣдованія; но, отъ времени до времени, появлялись и люди, старательно собиравшіе эти матеріалы, и неутомимые изыскатели прошлаго, хотя медленно, но постепенно двигавшіе это дѣло впередъ, безъ которыхъ самыя распоряженія правительства, о приведеніи въ извѣстность историческихъ матеріаловъ, остались бы однимъ благимъ желаніемъ.

---

[1]) Синодъ распорядился подрядить извощиковъ для доставленія лѣтописей въ Москву, куда должны были явиться отъ всѣхъ монастырей за полученіемъ ихъ обратно. Всѣ лѣтописи были уложены въ однѣ сани и отданы на отвѣтственность ямщика; онѣ находились въ дорогѣ около 6 недѣль, въ самое дождливое время (весною). Въ Москвѣ оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ были потеряны, другія сгнили, третьи повреждены. Подробное дѣло объ этомъ, говорятъ, также хранится въ синодѣ (Старчевскій, ib. 232)—на память и въ назиданіе потомству!

[2]) Чт. М. О. И. 1847, годъ III, № 2, 29—32.

[3]) Отчеты о занят. Археогр. ком. 65.

Мысль Петра В. о собраніи источниковъ русской исторіи прежде всего нашла сочувствіе въ сотрудникахъ его реформы. По приказанію самого Петра В., В. Н. Татищевъ приступилъ къ составленію русской географіи, но, почувствовавъ необходимость въ предварительномъ изученіи древней русской исторіи, онъ болѣе 30 лѣтъ долженъ былъ заниматься одними ея матеріалами. Главнымъ пособіемъ приэтомъ служила ему библіотека Брюса, по совѣту котораго (1719 г.) онъ списалъ для себя въ библіотекѣ Петра В. древнюю лѣтопись (Нестора), а въ 1720 г., будучи въ Сибири, списалъ другой ея списокъ, значительно отличавшійся отъ предъидущаго. Кромѣ того, онъ пользовался библіотекою кн. Д. М. Голицына (въ с. Архангельскомъ, близъ Москвы), и рукописями А. П. Волынскаго, Хрущова, Еропкина, пострадавшихъ въ цар. Анны Ивановы. Затѣмъ, во время пребыванія своего въ Стокгольмѣ, Татищевъ сошелся съ тамошними учеными и разыскивалъ извѣстія о Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Въ Швеціи въ то время существовало уже ученое общество (Antiquitäts-Collegium), занимавшееся сѣверными древностями и собраніемъ рукописей. Отъ тамошнихъ ученыхъ онъ первый узналъ и сообщилъ (1725 г.) въ Россіи „о множествѣ россійскихъ древнихъ исторій и прочихъ полезныхъ книгъ, обрѣтающихся въ Упсальской библіотекѣ“, въ которыхъ онъ надѣялся найти „обстоятельныя доказательства о древнихъ россійскихъ князей столицѣ въ Ладогѣ, а также о многихъ союзахъ и супружествахъ между Швеціей и Россіей“. Онъ досталъ списокъ русскихъ и шведскихъ рукописей и книгъ, относящихся къ русской исторіи, изъ которыхъ дѣлалъ ему выписки секретарь коллегіи древностей, Біорнеръ, занимавшійся также памятниками вещественными и сѣверными сагами, съ которыми и познакомился у него Татищевъ. Пребываніе Татищева въ Швеціи и Даніи окончательно утвердили его въ мысли составить исторію Россіи [1].

Но составить систематическую исторію Татищеву не удалось; такъ какъ на первыхъ же порахъ онъ долженъ былъ почувствовать

---

[1]) Указаніе Татищева на важность русскихъ матеріаловъ въ Швеціи вполнѣ оправдалось потомъ разысканіями А. Чумикова (Акты до рус. и польской исторіи относящіеся, въ нѣкоторыхъ архивахъ Швеціи, въ Чтен. М. О. И. 1861, кн. IV) и М. А. Соловьева (Отчеты засѣд. Археогр. ком.).

недостатокъ подготовительной работы, а потому и принужденъ былъ ограничиться общимъ сводомъ лѣтописнаго матеріала и примѣчаніями къ нему. Благодаря, однако, своей любознательности и трудолюбію, Татищевъ успѣлъ собрать болѣе 1,000 книгъ, въ числѣ коихъ находилось много древнихъ русскихъ лѣтописей, изъ которыхъ, по его словамъ, ни одна, кромѣ Никоновской лѣтописи, не была моложе 250 лѣтъ. За разысканіемъ рукописей и матеріаловъ онъ обращался къ частнымъ лицамъ или въ монастыри, причемъ списалъ много грамотъ въ казанскомъ, астраханскомъ и сибирскихъ архивахъ.

По смерти его, кабинетъ-секретарь импер. Елисаветы, И. А. Черкасовъ, обратился къ его сыну съ требованіемъ прислать все историческое собраніе его отца въ Петербургъ, для представленія императрицѣ (1750 г.), которая обѣщала вознаградить за него. Такимъ образомъ была препровождена въ Петербургъ его исторія (первыя четыре части) и опись его библіотеки; но рукописи и книги, служившія Татищеву пособіемъ при составленіи его труда,—погибли отъ пожара, случившагося въ его селѣ, Грибановѣ. Впрочемъ, лучшій списокъ исторіи былъ доставленъ самимъ Татищевымъ въ Академію Наукъ, а другой, весьма неисправный, его сыномъ,—Московскому университету. Ими пользовался Миллеръ при изданіи Татищевскаго свода, когда Екатерина II приказала напечатать его исторію (3 книги, М. 1768—1774, изд. Миллеромъ, а 4-ая книга въ Петерб., въ 1784 г. [1]).

[1]) Изъ матеріаловъ, бывшихъ въ рукахъ Татищева, въ описи называются: писцовыя книги, родословія съ 1578—1696; Стоглавъ; исторія флорент. собора 1437 г., хронографъ до 1613 г., нижегородская лѣт. до 1347 г, псковская лѣт. до 1461, ростовская лѣт. до 1318; исторія и переписка Курбскаго; исторія Палицына; родословная книга князей; Скиѳія Лызлова; выписки изъ Степенной книги, о бракѣ ц. Мих. Ѳед., о походѣ Пожарскаго подъ Москву, посольство кн. Сугорскаго къ нѣмец. императору; духовная Ивана Грозн., житіе ц. Ивана II, митр. Макарія; грамоты Лжедимитрія изъ Тулы и др. 1605 г., письма патр. Іова и ц. Вас. Шуйскаго; выписки изъ разрядныхъ книгъ 1627—1708 г., свадьбы государей; дѣла башкирскія и оренбургскія 1734—39; собственныя бумаги Татищева по тѣмъ же дѣламъ; уложеніе и указы 1714—1730; татарскія исторіи. Татищевъ нашелъ весьма рѣдкій списокъ Судебника ц. Ивана Васильевича, а въ одной изъ новгород. лѣтописей—краткій списокъ Русской Правды, къ которымъ онъ сдѣ-

Такіе строгіе критики XVIII вѣка, какъ Шлецеръ и Болтинъ, отдавали дань уваженія трудамъ Татищева, какъ собирателя матеріаловъ. Но дѣятельность его тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности, что собираніе послѣднихъ въ то время сопряжено было съ непреодолимыми трудностями, а мы видѣли, какъ неохотно и съ какимъ предубѣжденіемъ выполнялись распоряженія Петра В. о представленіи ихъ для описи и снятія копій. Точно также Татищевъ, по поводу своихъ разысканій древнихъ памятниковъ законодательства, замѣчаетъ: „Невѣдущіе же пользы изъ того, оныя древности не токмо складомъ и нарѣчіемъ порицаютъ; но и печать ихъ болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря: когда мы ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втуне и ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносны" [1]).

Татищевъ правильно понялъ, съ чего слѣдовало начать разработку. Продолжателемъ его на этомъ поприщѣ является самый трудолюбивый и дѣятельный изъ русскихъ академиковъ—Герардъ Фридрихъ Миллеръ (извѣстный въ Россіи подъ именемъ Ѳедора Ивановича), пріѣхавшій въ Россію по вызову академика Коля, въ 1725 г. Подобно Татищеву, онъ былъ пламеннымъ поклонникомъ Петра В. и самымъ

лалъ примѣчанія и прибавилъ очеркъ рус. законодательства. Они напеч. въ Продолж. Древн. Рос. Вивл., т. I. Кромѣ того, Татищевъ составилъ карты и описаніе Сибири и представилъ ихъ въ Акад. Наукъ и Сенатъ и списки городовъ, рѣкъ, озеръ и мѣстъ по алфавиту, въ дополненіе къ Большому Чертежу, о чемъ онъ упоминаетъ въ своей исторіи. Дополнит. примѣч. Татищева къ Судебнику у Попова, прилож. xviii-е, с. 778—798.

Однако, хотя Миллеръ принималъ участіе въ изданіи исторіи Татищева, оно вышло неудачно. Поэтому весьма желательно переизданіе этого труда, который, не смотря на прежнія и новыя (Шлецеръ, Карамзинъ и др., а въ послѣднее время Голубинскій) возраженія, все болѣе вызываетъ вниманіе къ имени перваго русскаго историка (Погодинъ, Отрывки II, 268; Бутковъ; Соловьевъ, Куникъ, Уч. Зап. по I и III отд., т. II, стр. 769, 780, 786; Лавровскій, Уч. Зап. по II отд., т. II; А. Энгельманъ, Хронолог. изслѣд. 154, 157; Макарій и мн. др.). Возраженія Голубинскому И. А. Линниченка—въ Ж. М. Н. Пр. Ак. Наукъ почтила память Татищева въ 1886г. торжественнымъ актомъ.

[1]) Н. А. Поповъ: Н. В. Татищевъ и его время, М. 1861, гл. vii; П. П. Пекарскій: Новыя извѣстія о Татищевѣ, прилож. къ IV т. Зап. Ак. Наукъ, Спб. 1864; Извѣстія, собр. Татищевымъ въ бытность его въ Сибири и Швеціи 1721-26, его же (Зап. Геогр. общ. 1863, III); Бестужевъ-Рюминъ: Татищевъ какъ администраторъ и историкъ (Біограф. и характеристики, Спб. 1882).

добросовѣстнымъ образомъ относился къ своему долгу: такъ, онъ одинъ изъ немногихъ академиковъ считалъ необходимымъ прежде всего выучиться русскому языку и всю жизнь свою посвятилъ изслѣдованію Россіи. Въ 1733 г. ему удалось попасть въ экспедицію (2-ю) Беринга, отправленную въ Сибирь, вмѣстѣ съ астрономомъ Делилемъ, Гмелиномъ (I. Г.) и др., въ которой онъ провелъ 10 лѣтъ и, не смотря на всѣ лишенія, перенесенныя имъ въ ней, никогда не сожалѣлъ о своемъ предпріятіи, сознавая всю пользу, принесенную Россіи, и важность этого путешествія для его личнаго ознакомленія съ страною. Прибывъ въ Сибирь, Миллеръ изумился богатству историческихъ матеріаловъ, находившихся въ тамошнихъ архивахъ. Онъ радовался открытію Сибирской лѣтописи, добытой имъ въ Тобольскѣ, въ частныхъ рукахъ, и осмотрѣлъ до 20 городскихъ архивовъ: въ Тобольскѣ, Тарѣ, Томскѣ, Енисейскѣ, Красноярскѣ, Илимскѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ, Пелымѣ, Березовѣ, Туринскѣ, Верхотурьѣ и Чердыни. Наконецъ собралъ множество географическихъ, статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Россіи и Сибири; а все это дало ему возможность, по возвращеніи въ Петербургъ, возобновить изданіе сборника по русской исторіи (Sammlung, 3—9 vv.) и предпринять „Описаніе Сибирскаго царства" (перев. съ нѣм., кн. I, Спб. 1750; изд. 2-е 1787 [1]). Собраніе документовъ Миллера, простиралось до 50 фоліантовъ (или 900 портфелей), въ которые вошло множество матеріаловъ, погибшихъ въ самой Россіи. Послѣдніе принадлежатъ преимущественно къ смутному времени и вошли во 2-ой томъ Собр. госуд. грамотъ (М. 1819 г. [2]). Между тѣмъ, состоя членомъ Ак. Наукъ, Миллеръ сталъ собирать матеріалы для исторіи Академіи и біографій академиковъ, а въ качествѣ конференцъ-секретаря (съ 1754 г.) велъ обширную переписку съ лицами, входившими въ сношенія съ Академіей, за границею и въ Россіи (Рычковымъ, Соймоновымъ, В. Крестининымъ и др.). Въ апрѣлѣ 1766 г. состоялось назначеніе Миллера начальникомъ Московскаго архива ино-

---

[1]) Многія статьи „Сборника" напеч. въ „Ежемѣсяч. Сочин.", издав. Миллеромъ 1755-64, Спб. 20 т. Продолженіе Сибир. ист. въ Еж. Соч. 1764 (не оконч.).

[2]) Это привело Б. В. Вихмана къ неправильнымъ выводамъ объ избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича (Darstellung der russ. Monarchie, Leipz. 1813; Устряловъ, Изслѣд. вопроса, какое мѣсто въ рус. ист. должно занимать Литов. княжество, Спб. 1839, стр. 10—11). Потомъ онъ издалъ: Urkunde über die Wahl Michael Romanows zum Czar des russ. Reichs, Leipz. 1819.

странныхъ дѣлъ, а въ 1767 г. въ его завѣдываніе были переданы и другіе тамошніе архивы—прежній Разрядный и Сибирскаго приказа. Наконецъ, ему поручено было собраніе трактатовъ Россіи съ иностранными державами, по образцу Дюмонова дипломатическаго корпуса, начало котораго онъ представилъ императрицѣ въ 1780 г. (*сношен. съ австр. дворомъ 1486—1519 г.*; затѣмъ онъ составилъ собраніе *сношеній Россіи* съ *Пруссіей 1517—1700 г. и между Россіей и Даніей 1493—1562 г.*); но окончанію этого труда помѣшала смерть неутомимаго труженика науки (1783 г.). Бумаги и библіотека Миллера были пріобрѣтены еще прежде Екатериною II за 20,000 р. съ тѣмъ, чтобы оставались въ его распоряженіи до конца жизни; а потомъ онѣ были переданы въ библіотеку архива иностранныхъ дѣлъ (бумаги эти составляютъ такъ наз. портфели Миллера); только въ 1831 г. часть ихъ, относящаяся къ исторіи Академіи Наукъ и ученому путешествію по Сибири, была передана въ эту послѣднюю [1]). Ближайшему участію Миллера обязаны важнѣйшія историческія предпріятія XVIII вѣка. „Я долженъ признаться, говоритъ кн. Щербатовъ, что онъ не токмо вложилъ *мнѣ* охоту къ познанію исторіи отечества моего; но, увидя мое прилежаніе, и побудилъ меня къ сочиненію оной" (предисл. къ I тому). Н. И. Новикову, издателю Древн. Рос. Вивл. (предисл. ко 2-му изд.), Миллеръ сообщилъ множество матеріаловъ изъ своего собранія и архива кол. иностр. дѣлъ; Голикову—множество актовъ и писемъ, вошедшихъ въ его „Дѣянія Петра В." („до 500 пьесъ"), Вольтеру—бумаги, относящіяся къ царствованію Петра В. Въ 1774 г. онъ издалъ „Письма Петра В. къ фельдмарш. графу Б. П. Шереметеву" (М.), на счетъ его сына. Онъ спасъ отъ уничтоженія массу документовъ, такъ какъ многіе сибирскіе архивы, по словамъ Словцова, послѣ него сгорѣли. Еще въ 1867 г. Археографическая коммиссія издала X-й томъ „Дополненій къ актамъ", наполненный документами изъ портфелей Миллера, изъ которыхъ болѣе 30 фоліантовъ, касающихся исторіи Сибири, хранится въ библіотекѣ Ак. Наукъ, а нѣсколько въ Арх. мин. ин. дѣлъ; но, кромѣ того, они вошли

[1]) Пекарскій, Ист. Ак. Наукъ, т. I, 401—402; Матер. для исторіи библіотеки Моск. арх. мин. ин. дѣлъ (Зап. Ак. Наукъ, т. XII, 92—98); Гр. Н. П. Румянцовъ, Е. В. Барсова (Древ. и Нов. Рос. 1877, т. I, стр. 7); Каталогъ библіотеки Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, И. Ѳ. Токмакова, М. 1879. Для проф. Гаттерера Миллеръ составлялъ отвѣты о древнихъ рус. грамотахъ, ихъ письмѣ, бумагѣ и печатяхъ, но онъ не воспользовался ими. Означенные отвѣты сохранились въ архивѣ (Пекарскій, I, 128; Евгеній, II, 86).

также въ II—VIII, XI и XII томы того же изданія, а въ 1882—85 гг. вышли 2 тома „Памятниковъ Сибирской исторіи XVIII в. (551+LVI; XXIV +541, за 1700—1724 гг.), составленные изъ актовъ, собран. Миллеромъ. Его портфелями пользовались по исторіи Россіи и Сибири: Фишеръ, Щербатовъ, Карамзинъ, Соловьевъ; для исторіи Академіи Наукъ: Пекарскій, Куникъ, Билярскій и др., но и до сихъ поръ портфели эти остаются далеко неисчерпанными. Не менѣе важную услугу оказалъ Миллеръ собственно архиву. Подъ его руководствомъ образовался такой замѣчательный архивистъ, какъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, котораго онъ рекомендовалъ гр. Н. И. Панину въ свои преемники [1]).

Бантышъ-Каменскій, сынъ выходца изъ Молдавіи, родился въ Нѣжинѣ (1737 г.), и учился въ тамошней греч. школѣ, въ Кіевской и Московской дух. академіяхъ и Московскомъ университетѣ. Поступивъ въ архивъ, онъ до конца жизни (1814) оставался на службѣ въ архивѣ (съ 1783—вторымъ управляющимъ, съ 1800—управл.). Еще въ 1770 г., по порученію Миллера, для импер. Екатерины II, онъ составилъ *выписку изъ всѣхъ дѣлъ, происходившихъ между Россійскою и Турецкою имперіями съ 1512—1700 годъ;* въ 1780—84 гг.—*дипломатическую выписку о сношеніяхъ россійскаго двора съ польскимъ*, въ 5 томахъ, для которой прочелъ 255 книгъ, отъ Ивана III по 1700 годъ [2]); въ 1792 г.—*дипломатическую выписку о сношеніяхъ россійскаго двора съ китайскимъ* (1619—1792 [3]). Въ 1795 г., по порученію Екатерины II, составилъ извѣстіе о польскихъ уніатахъ [4]); въ 1800—804 гг.—*сокращенное дипломатическое извѣстіе о взаимныхъ перепискахъ россійскаго двора съ иностранными, расположенное въ IV частяхъ.* Оно обнимаетъ сношенія отъ самыхъ отдаленныхъ временъ по 1800 годъ. Кромѣ того, онъ приводилъ въ порядокъ и занимался изданіемъ I тома Собр. госуд. грам. и договоровъ и сообщалъ матеріалы: Новикову, м. Ев-

[1]) Отзывъ М. О. Кояловича о Миллерѣ и Шлецерѣ (въ его исторіографіи) лишенъ всякаго основанія; защита Миллера и Шлецера въ рец. Бестужева-Рюмина (Ж. М. Н. Пр., ч. CCXXXVII, 110—112).

[2]) Чт. М. О. И. 1860, кн IV; 1861, I; 1862, IV (1487—1645 гг.); ср. ib. 1847—48, кн. I (отрывокъ объ избр. на цар. кор. Владислава—тоже въ 1861).

[3]) Дипломатич. собр. дѣлъ между Рос. и Кит. государствами съ 1619 по 1792 г., Казань 1882, изд. въ память 300-лѣт. юбилея Сибири В. М. Флоринскимъ, съ прибавл.

[4]) Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, М. 1805; 2-е изд., Вильна 1864 г.; Выписка изъ М. арх. объ избр. на польскій престолъ Августа III напеч. въ Рус. Вѣст. 1841, т. IV, на 200 стр.

генію, Голикову, Туманскому, Рубану, арх. Амвросію (по ист. іерархіи). Какъ собраніе дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами, такъ и его реестры и описи разныхъ дѣлъ, составленныя имъ, по отзыву русскихъ изыскателей, принадлежатъ къ образцовымъ трудамъ въ этомъ родѣ [1]).

Сводъ Татищева показываетъ, что онъ стоялъ въ уровень съ тогдашними потребностями науки. Въ послѣдствіи Шлецеръ настаивалъ на необходимости лѣтописнаго свода, но ограничился лишь древнѣйшей лѣтописью. Академія наукъ, которая, по мысли Петра В., назначена была науки въ Россіи производить и совершать,—должна была взять на себя и обработку русской исторіи. Между тѣмъ, послѣдующее время далеко не было благопріятно этому дѣлу. Трудъ Татищева не могъ быть изданъ при жизни автора, между прочимъ по образу мыслей автора, которыя приходилось исключать даже потомъ Миллеру. Мы видѣли, какъ враждебно было встрѣчено изданіе лѣтописей въ царствованіе Анны Ивановны со стороны духовенства. Напрасно настаивалъ и Миллеръ на изданіи русскихъ лѣтописей въ 1755 [2]); только въ 1758 президентъ Академіи, гр. Разумовскій, по настоянію начальника академической канцеляріи Тауберта, воспользовавшись занятіемъ русскими войсками Кёнигсберга, вытребовалъ оттуда *Радзивиловскій списокъ лѣтописи*, копія съ котораго была снята при Петрѣ В., и который считался важнымъ по своимъ рисункамъ. Не смотря, однако, на крайне неблагопріятный отзывъ объ этомъ изданіи (Баркова) Шлецера, оно все таки вышло въ свѣтъ въ 1767 г. (Библіотека Рос. Историч., ч. I [3]). Въ томъ-же году издана I-ая часть *Русской лѣтописи, по Никоновскому списку*, приготовленная къ печати Шлецеромъ и Башиловымъ, съ строгимъ соблюденіемъ подлинника, за исключеніемъ нѣкоторыхъ буквъ и знаковъ, не достававшихъ въ гражданской азбукѣ, и дополненія сокращеній и титловъ. Этими двумя изданіями начался рядъ печатныхъ лѣтописей; но въ дальнѣйшемъ изданіи Никоновской лѣто-

---

[1]) Карамзинъ (Рус. Стар., III, 526); Мартенсъ (Тракт. Рос., т. I, предисл.); Калачовъ (Сборн. Госуд. Зн., т. IV); Карповъ (Источники Малорос. исторіи, стр. 10). Подробности о его трудахъ въ біогр., М. 1818; также въ Словарѣ достопам. людей рус. земли, его сына (1836, ч. I; 1847, ч. I).

[2]) Ежемѣсяч. Соч. 1755, апр., 276.

[3]) Въ предисловіи, принадлежащемъ Шлецеру, изложены критическіе пріемы и представленъ перечень изданій памятниковъ въ XVI—XVIII вв., въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Ср. Обозр. Д. Полѣнова, с. 26.

писи, Шлецеръ не принималъ уже участія [1]), а затѣмъ (1769) онъ уѣхалъ изъ Россіи, послѣ чего изданіе лѣтописей на долго прекратилось, хотя многія изъ нихъ находились даже въ библіотекѣ Академіи Наукъ, и только послѣ пожара 1777 г., истребившаго въ Кіевѣ множество драгоцѣнныхъ памятниковъ письменности, принадлежавшихъ академической библіотекѣ, состоялось извѣстное уже намъ повелѣніе императрицы о снятіи копій съ лѣтописей, хранившихся въ московской Синодальной и Типографской библіотекахъ и о напечатаніи ихъ по мѣрѣ важности. Такъ, появились въ свѣтъ слѣдующія изданія: *Новгородскій* (1017—1352) и *Архангелогородскій* (852—1598) *лѣтописцы* (оба 1781 г., 2-е изд. 1819), издатели которыхъ руководствовались правилами, указанными Шлецеромъ, и *Типографскій* (1206—1534 г.), въ 1784 г., изданный значительно хуже. Всѣ они вышли въ Москвѣ, подъ наблюденіемъ митр. Платона. Кромѣ того, были изданы Глѣбовскимъ и Козицкимъ *Древній лѣтописецъ* (1254—1424, Спб., 2 ч., 1774—75 гг.) и Синодальной типографіей (1790 г.): *Русскій временникъ* (862—1681 г., 2 ч. М.), называемый Карамзинымъ Костромскою лѣтописью, и *Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря*, А. Палицына (М. 1784 г.). Львовъ издалъ *Лѣтописецъ русскій* до цар. Ивана Васильевича (5 чч., Спб. 1792г.), но крайне небрежно и безъ всякихъ научныхъ правилъ. Академія Наукъ напечатала: *Рус. лѣтопись по Воскрес. сп.* (1793--94 г., 2 чч.) и *Россійскую лѣтопись по Софійскому списку* (1795 г.), остальныя шесть частей *Никоновской лѣтописи* (1786—92 г.), *Новгородскій лѣтописецъ* (въ Продолж. къ Рос. Вивл., ч. II, 1786, съ 946—1441 г.) и *Исторію о Казанскомъ царствѣ*, неизвѣстнаго сочинителя XVI в. (1791 г.), изд. Стриттера; Миллеръ издалъ—*Степенную книгу* (2 ч. М. 1775). Съ 1767—92 гг. не разъ печатались *Русская Правда* (Шлецеромъ, Мусинымъ-Пушкинымъ и Болтинымъ, а также въ продолж. Рос. Вивл.) и *Судебникъ ц. Ивана IV* (Башиловымъ [2]), Миллеромъ, Новиковымъ). Для продолж. Рос. Вивліоѳики, изд. Академіей Наукъ (1786—801, 11 кн.), сообщалъ матеріалы изъ Моск. арх. ин. кол. І. Г. Стриттеръ.

[1]) II-я ч. изд. въ 1768 г. С. Башиловымъ и А. Полѣновымъ, по тѣмъ же правиламъ.

[2]) Письма его къ Шлецеру объ изд. Судебника 1767—68 (Вѣст. Евр. 1812, № 4). Ученые нач. XIX в. были недовольны уже способомъ изданія лѣт. въ XVIII стол. Въ нихъ дѣлались даже умышленные пропуски (Труды М. Общ. ист. т. III, кн. II, 130—136, зап. П. Строева; Ж. М. Н. Пр., т. LXV, 11—20, зап. Круга; Карамзинъ, I, с. XVI).

Подобно Петру В., Екатерина II сама любила заниматься русской исторіею. Она составила „*Записки касательно Россійской исторіи*" (6 ч. 1787-1794, по 1276 годъ), не имѣющія впрочемъ строго научнаго характера; она написала замѣчанія на „Русскую исторію" Стриттера и составила „планъ къ сочиненію рос. исторіи для народныхъ училищъ въ Рос. имперіи". Масса замѣтокъ и указаній, разсѣянныхъ въ перепискѣ ея статсъ-секретарей и въ запискахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, показываетъ, что она интересовалась часто даже мелочными, спеціальными вопросами. Профессорамъ Московскаго университета, Барсову и Чеботареву, она поручила сдѣлать для нея сводъ русскихъ лѣтописныхъ извѣстій, который и сохранялся въ ея кабинетѣ; кн. Щербатовъ и Мусинъ-Пушкинъ занимались по ея порученію въ архивахъ; о темныхъ мѣстахъ русской исторіи она бесѣдовала съ Болтинымъ, считавшимся лучшимъ критикомъ своего времени, или обращалась за разъясненіями къ Мусину-Пушкину и митр. Платону; она имѣла терпѣніе давать наставленія, какъ писать русскую исторію,—французу Сенакъ де-Мельяну, нарочно для того выписанному, но искавшему при дворѣ только почестей и выгодъ [1]).

Любопытны въ этомъ отношеніи описи Кабинета зимняго дворца Екатерины II, составленныя ея статсъ-секретарями (Храповицкимъ и Поповымъ) въ то время, когда она, будучи вызвана на сочиненіе записокъ по русской исторіи французскими исторіями Россіи—Леклерка и Левека (1783 г.), взялась за это дѣло съ добросовѣстностью кропотливаго ученаго. Матеріалы, собранные въ ея кабинетѣ, были доставлены изъ кабинета Петра В., куда они поступили изъ монастырей, послѣ указа 1722 г., а также отъ оберъ-прокурора Синода А. И. Мусина-Пушкина, отъ гр. А. С. Строганова, и, какъ полагаютъ, отъ И. И. Бецкаго. По своему времени, это собраніе лѣтописей и матеріаловъ обнимало всю древнюю исторію Россіи, а по своему содержанію замѣчательно тѣмъ, что нѣкоторыя лѣтописи, бывшія въ ея рукахъ, остались неизвѣстными вовсе Карамзину и другимъ изслѣдователямъ. Уже потомъ она пріобрѣла для своего кабинета историческія собранія Щербатова и Болтина. Это личное увлеченіе императрицы русскою стариною дѣлаетъ понятнымъ и то вниманіе, съ какимъ относилась она къ другимъ предпріятіямъ подобнаго рода [2]).

---

[1]) Сенакъ де-Мельянъ, кн. М. А. Оболенскаго, Рус. Арх. 1866, 421—59.

[2]) Кабинетъ зимн. дворца Екатерины II, Мурзакевича, Ж. М. Н. Пр. 1872, № 8; Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсуковымъ, Спб. 1874, passim;

Еще въ 1768 г. она поручила разобрать архивъ Петра В. кн. М. М. Щербатову, а затѣмъ, узнавъ о его занятіяхъ рускою исторіею, велѣла открыть для него всѣ государственные архивы и библіотеки. Благодаря этому, при содѣйствіи Миллера, кн. Щербатовъ издалъ съ 1770 г. по 1791—15 книгъ „*Россійской исторіи*", въ которую внесъ массу новыхъ документовъ, присоединивъ къ тексту обширныя выписки изъ архивныхъ матеріаловъ, чему слѣдовалъ потомъ и Карамзинъ. Поэтому, не смотря даже на позднѣйшія изданія, исторія Щербатова до сихъ поръ не потеряла своего значенія. Кн. Щербатову принадлежатъ слѣд. изданія: *Царственная книга* (Спб. 1769, 1534—1553), *Царственный лѣтописецъ* (Спб. 1772, 1114-1472 г.), *Журналъ или поденная записка Г. И. Петра I* (Спб. 1770—1772, 3 ч.), *Лѣтопись о многихъ мятежахъ въ Россіи* (Спб. 1773, 2-е изд. М. 1788), *Записныя тетради письмамъ и дѣламъ Петра В. 1704—1706 г.* (Спб. 1774), *Житіе Петра В.*, съ подлин., напечат. въ Венеціи (Феодози), исправлен. и дополн. кн. Щ—мъ (2-е изд. 2 т., Спб. 1774); *Краткая пов. о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ* (Спб. 1774). Библіотека Щербатова состояла изъ 15,000 том. книгъ и большаго собр. отечественныхъ рѣдкостей. Екатерина II почтила его званіемъ *исторіографа*.

Съ такимъ же сочувствіемъ отнеслась Екатерина и къ другому собирателю матеріаловъ по русской исторіи—И. И. Голикову. Онъ былъ родомъ изъ Курска (р. 1735), долго занимался торговлею и потому въ своихъ странствованіяхъ въ разныя мѣста Россіи много слышалъ о Петрѣ В. отъ такихъ лицъ, какъ Неплюевъ, Крекшинъ и др. Многіе матеріалы онъ получилъ отъ П. И. Рычкова и Миллера. Такъ, онъ сталъ записывать разсказы о Петрѣ; а, будучи выбранъ въ коммиссію составленія Уложенія, Голиковъ могъ войти еще въ болѣе близкія отношенія съ знатоками недавней старины. Печальный оборотъ дѣлъ (въ слѣдствіе суда по винному откупу), повлекшій за собою приговоръ о ссылкѣ его въ Сибирь, послужилъ поводомъ къ литературной извѣстности Голикова. По случаю открытія памятника Петру В. въ 1782 г., онъ получилъ въ числѣ другихъ помилованіе и у самаго памятника далъ обѣщаніе собрать и привести въ порядокъ все, что сохранилось о жизни Петра. Екатерина, узнавъ объ этомъ, повелѣла открыть и Голикову архивы и библіотеки. При содѣйствіи Демидова, Голиковъ издалъ съ 1788—90 гг. 12 томовъ „*Дѣяній Петра В. мудраго преобразова-*

Объ археографич. собр. при Екатеринѣ II, 1783, зап. Ст. Руссова (Сборн. Ак. Наукъ, I, с. IX—XI).

теля Россіи," а затѣмъ (1790—98 г.) издалъ еще 18 томовъ *дополненій*. Второе изданіе, 1837—43, въ 15 т. (приведенное въ систему К. А. Полевымъ), вышло съ общимъ указателемъ, но съ нѣкоторыми пропусками [1]).

Впрочемъ, по широтѣ частной издательской дѣятельности и по историческому значенію предпріятія, слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ всѣми другими неутомимому труженику на этомъ поприщѣ, извѣстному масону, Н. И. Новикову, завѣдывавшему типографіей Московскаго университета. Въ 1773 году Миллеръ получилъ отъ императрицы разрѣшеніе открыть Новикову доступъ въ московскіе архивы. Плодомъ его дѣятельности были: 1) съ 1773—75 г.—*Древняя Россійская Вивліоѳика*, 10 частей и 2-ое изданіе, съ 1788—91 г.,—20 чч., [2]) куда вошли: лѣтописи, грамоты, посольства, статейные списки, разряды, родословныя, письма, царскіе и церковные чины, титулярники, свадьбы, древнія путешествія, житія, описанія мѣстъ и т. п.; 2) *Повѣствователь древностей Россійскихъ или собраніе достопамятныхъ записокъ по исторіи и географіи*, Спб. 1776 г. [3]); 3) *Исторія о невинномъ заточеніи боярина А. С. Матвѣева* (челобитныя и письма), М. 1776 и 2-е изд. 1795 г.; 4) *Древн. Рос. Идрографія*,—описаніе Москов. государства, составленное при Ѳедорѣ Ал., т. I, 1773 г. [4]); 5) *Скиѳская исторія, стольника Андрея Лызлова*, Спб. 1776, 2-е изд. М. 1787 г.

---

[1]) Критика этого собранія помѣщена въ Отеч Зап. 1841 г., № 4 и 5.

[2]) Въ „Спб. Ученыхъ Вѣдомостяхъ" на 1777 годъ, представляющихъ опытъ научной библіографіи, Новиковъ высказываетъ вполнѣ ученый взглядъ на изданіе историческихъ памятниковъ: онъ требуетъ палеографической точности, свода разнорѣчій, составленія алфавитныхъ указателей и т. п. Онъ самъ прилагаетъ иногда эти пріемы при пользованіи нѣсколькими списками (напр. Идрографіи); но его изданіе актовъ, напечат. въ Вивліоѳикѣ, признавалось и тогда неисправнымъ (Собр. госуд. грам. и договор. I, введ.). Тѣмъ не менѣе это изданіе такъ цѣнилось, что и гр. Н. П. Румянцовъ хотѣлъ предринять продолженіе его. Переписка гр. Н. П. Румянцова, Чтен. М. О. И. 1882, I, 205.

[3]) Матеріалы изъ него (грамоты, разряды и пр.) вошли потомъ во 2-е изд. Вивліоѳики.

[4]) Отношеніе его къ другимъ подобнымъ описаніямъ см. у Спасскаго: Большой Чертежъ, М. 1846, стр. IX.

Изъ другихъ издателей въ царствованіе Екатерины II назовемъ: Ѳ. О. Туманскаго (*Собраніе записокъ и сочиненій о Петрѣ В.* 10 ч. Спб. 1787—88); В. Г. Рубана (*Походъ бояр. А. С. Шеина къ Азову*, Спб. 1773 г.; *Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ*, переведенный при В. Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳед., Спб. 1777—81; *Краткая лѣтопись Малыя Россіи*, 1506—1776 г. Спб. 1777; *Описанія: Петербурга*, А. Богданова, *Москвы, Малой Рос*); М. Д. Чулкова (собиратель и издатель русскихъ *пѣсенъ, сказокъ* и *суевѣрій*. Въ его „*Историч. описаніи Россійской коммерціи,* Спб. 1781—86, 21 кн., изд. по высоч. повел., помѣщено много матеріаловъ, какъ и въ *Словарѣ юридическомъ*, отъ Уложенія по 1793 г., М. 1793—95 г., 5 кн.); наконецъ собирателей *мѣстныхъ матеріаловъ* (по исторіи сѣвернаго края—Крестинина и Ѳомина; по исторіи казанской, астраханской и оренбургской губ.—П. И. Рычкова).

Между тѣмъ, въ интересахъ разработки русской исторіи, было учреждено тогда и первое ученое общество въ Россіи, при Московскомъ университетѣ—это „*Вольное россійское собраніе*“ (1771 г.), которое, въ теченіе 1774—83 гг., издало въ своихъ „Трудахъ“ (6 т.) *Двинскую лѣтопись* (ч. I, 1774 г.), *послужные* и *статейные* списки, разные *чины* (поставл. на царство, свадьбы), *грамоты* и т. п. Заслуживаетъ также вниманія, что въ это время могло возникнуть уже частное историческое общество—въ Архангельскѣ, главными дѣятелями котораго являются два мѣстныхъ купца —Крестининъ и Ѳоминъ, вступившіе въ сношенія съ Академіей Наукъ. Значительную услугу оказалъ при Екатеринѣ II, по части собиранія матеріаловъ, А. И. Мусинъ-Пушкинъ, которому, кромѣ того, принадлежатъ: открытіе (1795) и изданіе „*Слова о Полку Игоревѣ*“ (М. 1800); изданія: „*Духовной Владиміра Мономаха* (Спб. 1793); *Книги Большому Чертежу 1627 г.* (1792); *Русской Правды* съ примѣч. (Спб. 1792 и М. 1799); *Лексикона Россійск. историч., географич., политич. и гражд.*, Татищева (Спб. 1793); изслѣдованія: *о мѣстоположеніи Тмутараканскаго княженія,* съ изображен. тмутар. камня, найд. въ 1793 г., карты древ. Россіи и географич. словаря (1794, Спб.) и *о мѣстоположеніи древняго Россійскаго (на р. Мологѣ) Холопья городка* (М. 1810). Впрочемъ, его изданіе памятниковъ не отличалось строгою точностью, при всемъ стараніи издателей. Драгоцѣнное собраніе рукописей Мусина-Пушкина погибло, къ сожалѣнію, въ пожарѣ 1812 года, причемъ были уничтожены многія рукописи, доставшіяся ему отъ Барсова, Болтина, кн. Щербатова, Екатерины II и нѣкоторыя рукописи, доставленныя, по распоря-

женію императрицы, изъ разныхъ мѣстъ Россіи и оставшіяся въ его рукахъ. Мусинъ-Пушкинъ владѣлъ также замѣчательнымъ собраніемъ древностей и нумизматическихъ рѣдкостей, часть которыхъ перешла въ Академію Наукъ (древ. рубль), Эрмитажъ (золот. гривна) и Оружейную палату.

Уже Петръ В. обратилъ вниманіе на памятники древностей въ Россіи и въ частности на древности Болгаръ (на Волгѣ) и Сибири (с. 112). Отправляя въ 1716 г. въ Сибирь ученаго доктора Д. Г. Мессершмидта (изъ Данцига), Петръ, въ числѣ другихъ порученій, обязалъ его заниматься описаніемъ сибирскихъ народовъ и филологіею; памятниками, древностями и вообще всѣмъ достопримѣчательнымъ. Нѣкоторыя изъ наблюденій его стали потомъ извѣстны ученымъ [1]). Еще болѣе сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Миллеръ, благодаря своему участію въ ученой экспедиціи. Плодомъ его новыхъ занятій были: историческій очеркъ о странахъ лежащихъ по р. Амуру, описаніе морскихъ путешествій русскихъ по Ледовитому и Восточному морямъ; о постройкѣ крѣпостей и о торгахъ въ Сибири; о древностяхъ, найденныхъ въ Сибири; Сибирская исторія; описаніе трехъ языческихъ народовъ, обитающихъ въ Казанской губ. (чувашъ, черемисъ и вотяковъ); о тангутскихъ рукописяхъ, найденныхъ въ Сибири,—статьи, печатавшіяся, по возвращеніи Миллера, въ изданіяхъ Академіи Наукъ (Комментаріяхъ, Сборникѣ, Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ); но другія остались и до сихъ поръ въ рукописяхъ (какъ его географическія, этнографическія и историческія наблюденія и описаніе городовъ, селъ, деревень и пр., составленныя на пути, по Волгѣ [2]). Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ изданіи *Описанія Камчатки*, С. П. Крашенинникова (1755, 2 ч.) и *Географическаго Лексикона Рос. государства*, Ѳ. Полунина (М. 1773), снабдивъ ихъ своими примѣчаніями и статьями. Много статей сообщилъ онъ для *Географическаго Словаря Рос. госуд.* А. Щекатова и Л. Максимовича (1-е изд. 1788—89, 6 чч.; 2-е изд. 1801—1809, 7 чч.); а также принималъ участіе въ составленіи картъ отдѣльныхъ частей и общей карты Россіи и сообщалъ замѣчанія о Россіи для изданія Бюшинга: *Neue Erdbeschreibung* (1756 и 1758 гг.) и матеріалы для его „Магазина“ [3]).

---

[1]) Пекарскій, Наука и литер., I, 350—354. Дневникъ его 1722—26 г. напеч. въ изд. Археолог. ком. „Сибирскія древности“, В. Радлова, Спб. 1888.

[2]) Его опис. путеш. въ Коломну, къ Троиц. мон., въ Можайскъ, Рузу, Звенигородъ напеч. въ Нов. Еж. Сочин.

[3]) Пекарскій, Евгеній, Старчевскій, Неустроевъ и др.

Наконецъ, при Екатеринѣ II былъ сдѣланъ весьма богатый и цѣнный вкладъ въ область матеріаловъ русской исторіи *учеными экспедиціями Академіи Наукъ* (Палласа, Лепехина, Фалька, Георги, С. Г. Гмелина, Гильденштедта и др.), отправленными въ разныя провинціи Россіи и собравшими массу свѣдѣній и снимковъ, важныхъ для географіи, этнографіи и археологіи, какъ напр. извѣстія о зырянской азбукѣ, болгарскихъ древностяхъ, каменныхъ бабахъ, древнихъ надписяхъ, письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи; о правахъ, обычаяхъ, одеждѣ и др. особенностяхъ народовъ, населяющихъ Россію. Благодаря этимъ даннымъ, І. Г. Георги могъ издать свой трудъ: *„Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ,“* со множествомъ рисунковъ и изображеній (болѣе 100, Спб. 1776, Лейпц. 1782, 3 ч.; Спб. 1799 г., съ дополн. 4 ч.). Труды академиковъ вышли на иностранныхъ и русскомъ языкахъ. Въ Архангельскѣ много свѣдѣній о тамошнихъ древностяхъ было сообщено Лепехину А. И. Ѳоминымъ и В. Крестининымъ.

Научныя стремленія времени Екатерины II не остались безъ вліянія и на администрацію. Такъ, въ управленіе Новороссійскимъ краемъ просвѣщеннаго А. П. Мельгунова разрыты были курганы на западномъ берегу Днѣпра и найденныя въ нихъ золотыя, серебряныя и др. металлическія вещи доставлены имъ въ Академію Наукъ[1]); а во время своего намѣстничества въ Вологдѣ (1780—88г.), онъ собралъ остатки зырянскихъ памятниковъ письменности и, говорятъ, отправилъ ихъ въ Эрмитажную библіотеку. Архангельскій намѣстникъ (1784—90) Т. И. Тутолминъ и рус. послан. въ Константинополѣ Я. И. Булгаковъ собирали, по желанію Екатерины II, матеріалы для ея сравнительнаго словаря и т. п. Наконецъ, не менѣе существенная услуга была оказана въ этомъ отношеніи описаніями намѣстничествъ [2]). Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ

---

[1]) Сообщеніе Миллера о древностяхъ, найд. въ могилахъ, напеч. было въ Ежемѣс. Соч. 1764 (декабрь, 483—515). Большая часть ихъ составляла остатки оружія, сосудовъ, украшенія, камен. бабы. Еще прежде акад. Юнкеръ снялъ рисунки съ камен. бабъ, встрѣчающихся на югѣ Россіи, и приложилъ ихъ къ опис. Украины (ibid.; ср. Пекарскій, I, 490).

[2]) О статистич. работахъ межев. чиновъ въ цар. имп. Екатерины II (Жур. М. Вн. дѣлъ 1848, т. XXI; опис. Твер. губ., ib., 1849, тт. XXVI и XXVII); Опис. Черниг. намѣст., сост. А. Шафонскимъ, изд. М. Судіенкомъ, съ 4 кар., К. 1851; Первая статист. попытка въ Оренб. краѣ въ XVIII ст., сообщ. Ефимовскимъ-Мировицкимъ (Справ. кн. Оренб. губ. на 1872). Сомнѣнія о доставкѣ зырян. древностей Мельгуновымъ въ Эрмитажъ, приведены въ ст. Л. Н. Трефолева (Р. Арх. 1865, с. 939—942).

(опис. нам. Тульскаго, Калужскаго, Курскаго, Харьковскаго, Вологодскаго—см. дополн. къ стр. 572—575) были тогда же напечатаны.

Библіографія: см. выше, стр. 107—108; Словари митр. Евгенія и Д. Н. Бантыша-Каменскаго; В. Н. Татищевъ и его время, Попова, М. 1861; Новыя извѣстія о Татищевѣ, П. Пекарскаго, Спб. 1864; Академики Миллеръ и Фишеръ и описаніе Сибири (Чт. въ Общ. ист. и древн. 1866, III, 15—30); Наука и литер. при Петрѣ В. и Ист. Ак. Наукъ, П. Пекарскаго, Спб. 1870, I, 308—430 и др.; Библіографич. описаніе рус. лѣтописей, Д. Полѣнова, Спб. 1850 (изъ Журн. Мин. Нар. Пр.); О лѣтописяхъ, изд. отъ св. Синода, сост. по подлин. бумагамъ, его же (Зап. Ак. Н., т. IV и отд.); Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археогр. ком., Спб. 1860 (Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи, А. Ѳ. Бычкова, 65—80); Очеркъ литерат. рус. исторіи, А. Старчевскаго, Спб. 1845 (Екатерина II, М-нъ Пушкинъ и др.); Кабин. зимн. дворца Екат. II, Н. Н. Мурзакевича (Ж. М. Н. Пр. 1872, № 8); Запис. и труды Общ. ист. и древн. Рос. 1824, ч. II: Біографич. свѣд. о жизни и трудахъ гр. А. И. М-на Пушкина, К. Ѳ. Калайдовича; Запис. о жизни Б.-Каменскаго, К. Калайдовича (Вѣстн. Евр. 1814, ч. 74, № 6); Жизнь Н. Н. Б.-Каменскаго, составл. сыномъ его, Д. Б-мъ-Каменскимъ, М. 1818 г. и Biographie de M. Bantysch-Kamensky, avec portait, M. 1830, chez Auguste Semen.; Д. Н. Бантышъ-Каменскій, соч. Б. М. Ѳедорова. Спб. 1850 (изъ Сѣв. Пчелы); Словарь С. Венгерова, т. II; Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ, А. Незеленова, Спб. 1875 г.; Историческое разысканіе о рус. повремен. изд. и сборникахъ 1703—1802, сост. А. Н. Неустроевымъ, Спб. 1874 г.; Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, т. II, 1875 (біогр. И. И. Лепехина и Н. Я. Озерецковскаго, его спутника); т. V, 1880 (біогр. И. И. Болтина и Т. С. Мальгина, спутника Лепехина); Палласъ въ Крыму, А. А. Сонцова (Древ. и Нов. Рос. 1876, т. I, 279—89); Акад. Зуевъ и его путеш. по Рос. (сотрудникъ Палласа), Сухомлинова (Древ. и Нов. Рос. 1879, I, 96—111); труды Сопикова и Губерти (см. ниже, стр. 359); Жизнь и литер. переписка П. И. Рычкова, П. Пекарскаго, Спб. 1867.

V.

Находки и изданія матеріаловъ въ первой четверти XIX вѣка.— Дѣятельность гр. Н. П. Румянцева и его сотрудниковъ.—Археографическая экспедиція.—Описанія архивовъ и библіотекъ.

Великіе труды французскихъ бенедиктинцевъ и отдѣльныхъ ученыхъ XVII и XVIII вв., по справедливому замѣчанію Грановскаго, блѣднѣютъ передъ подобными предпріятіями нашего времени [1]). Уже въ самомъ началѣ XIX в. многія правительства европейскихъ государствъ обратили вниманіе на приведеніе въ извѣстность историческихъ матеріаловъ, на устройство архивовъ и на изданіе находящихся въ нихъ памятниковъ. Первымъ государственнымъ учрежденіемъ, образованымъ съ этою цѣлью, считается *англійская коммиссія архивовъ*, основанная въ 1800 г.; но она съ 1800—1830 г. стоила правительству значительныхъ средствъ, не принеся существенной пользы, въ слѣдствіе чего были составлены новыя коммиссіи, на другихъ основаніяхъ [2]). Первая англійская ком. послужила образцомъ для *французской исторической коммиссіи*, которая, находясь подъ руководствомъ историка Гизо, вела свое дѣло болѣе успѣшно [3]). Въ Германіи, подъ ред. Г. Пертца, появляются Monumenta Germaniae historica, въ Туринѣ—Monumenta historiae patriae. Историкъ Ранке предпринимаетъ обозрѣніе архивовъ

[1]) Сочиненія, I, 9. Свѣдѣнія о сборникахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ матеріаловъ въ XVI—XIX стол. см. въ трудахъ А. Поттгаста, В. Ваттенбаха, Ф. Дальмана (Вайца), Макса Шиллинга (Quellenbuch zur Gesch. der Neuzeit, B. 1884) и др.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1837 г., ч. XIII, № 1; Отеч. Зап. 1858, № 4, с. 77.

[3]) Le comité des travaux historiques et scientifiques, Ѳ. Я. Фортинскаго (Унив. Изв. 1887, № 6).

Италіи, Германіи, Англіи и Бельгіи и возбуждаетъ въ тамошнихъ ученыхъ интересъ къ изученію отечественныхъ матеріаловъ [1]). Въ Германіи начало ихъ изученія совпадаетъ съ общимъ національнымъ движеніемъ, возникшимъ вслѣдъ за войнами за независимость.

Въ Россіи, интересъ къ историческимъ матеріаламъ, возбужденный еще въ царствованіе Екатерины II, нашелъ не менѣе ревностныхъ поборниковъ. Московскій архивъ мин. иност. дѣлъ имѣлъ уже такого опытнаго архивиста, какъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій; а собираніе матеріаловъ и изданіе ихъ пріобрѣли просвѣщенныхъ покровителей въ лицѣ гр. А. И. Мусина-Пушкина и М. Н. Муравьева, состоявшаго кураторомъ Моск. университета и членомъ историческаго общества при университетѣ, и сотрудниковъ—митр. Евгенія, археолога А. Н. Оленина и художника-археолога А. И. Ермолаева, служившаго конференцъ-секретаремъ при Академіи художествъ [2]). Между тѣмъ, въ 1809 г. была назначена особая коммиссія, состоявшая изъ попечителя спб. учебнаго округа К. М. Бороздина и Ермолаева, которая совершила учено-историческое путешествіе въ Ладогу, Бѣлозерскъ, Вологду, Владиміръ, Ростовъ, Кіевъ и Черниговъ и составила альбомъ древностей (4 тома), хранящійся въ Имп. Публичной библіотекѣ, весьма важный для русской археологіи [3]). Та-же коммиссія собрала свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ и пріобрѣла нѣкоторыя изъ нихъ въ спискахъ, другія въ оригиналѣ [4]), а нѣсколько позже Оленинъ и Ермолаевъ предложили

[1]) Такъ, подъ вліяніемъ Ранке, появились: Relazioni degli ambacsiatori Veneti al senato raccolte, annotate et edite da Eugenie Atteri (съ 1839), Archivo Storico 1842 и сочиненіе итальянскаго ученаго де-Ремона: Beiträge zur Ital. Gesch. 1853 (Берлинъ), посвященное Ранке.

[2]) Рус. ист. литер. въ 1-й пол. XIX в. М. Н. Муравьевъ. Карамз. періодъ. Старчев. Б. д. Чт. 1852, т. CXI и CXII; Біогр. свѣд. о жизни и учен. трудахъ гр. А. И. Мус. Пушкина, Зап. и Тр. М. О. И, II, и Запис. для біогр. А. И. Мус. Пушкина, „Вѣстникъ Европы", 1813, ч. LXXII, № 21.

[3]) Описаніе Бороздинскаго собранія рисунковъ къ его археологическому путешествію по Россіи, совершенному съ Ермолаевымъ и Ивановымъ, въ 1809—10 гг., см. въ Трудахъ I Археологич. съѣзда, т. I, 63—74.

[4]) Ж. М. Н. Пр., LI; переписка Евгенія въ Сборн. Ак. Н., V, стр. 238—246 и переписка Востокова, ib. V, 404.

планъ полнаго изданія русскихъ лѣтописей съ соблюденіемъ строгой точности текста [1]).

Въ такое время какъ нельзя болѣе было кстати появленіе *Мецената* русской науки: это былъ гр. Н. П. Румянцовъ, время котораго его современники, какъ въ Россіи, такъ и за границею, называли „Румянцовскою эпохою".

„Люблю ихъ душевно, писалъ Карамзинъ о братьяхъ Румянцовыхъ Дмитріеву. Это остатки стараго, лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего піитическаго, ни историческаго. Кто изъ нихъ могъ бы запѣть: o Richard, o mon Roi! Нѣтъ ни чувства, ни голоса!" [2]). Какъ по своимъ сред-

---

[1]) Краткое разсужд. объ изданіи полн. собр. рус. дѣеписателей, Сынъ Отеч. 1814, № 7.

По поводу этого плана Калайдовичъ замѣчаетъ: „Желая общей пользы въ изданіи Нестора и другихъ историческихъ источниковъ, они бросаются въ большія крайности. Къ чему ведетъ соблюденіе точности въ препинаніяхъ, когда мы знаемъ, что оно въ рукописяхъ служило только произвольнымъ отдѣленіемъ словъ и рѣченій? Къ чему послужатъ сокращенія, для которыхъ совсѣмъ не предписаны правила въ древнихъ нашихъ рукописяхъ? Они собьютъ читателя и сдѣлаютъ пестроту большую той, какая замѣчена г-ми Оленинымъ и Ермолаевымъ въ Чеботаревскомъ Несторѣ; напротивъ, искусная разстановка словъ будетъ вести точно къ тому труду, какой назначилъ для себя проф. Тимковскій въ теперешнемъ при обществѣ изданіи древнѣйшаго лѣтописателя. Итакъ, вмѣсто двухъ трудовъ, буквальнаго Нестора съ сохраненіемъ препинаній и сокращеній подлинника и объясненнаго Нестора, они за первымъ должны будутъ издать очищенный Несторовъ списокъ помощію варіантовъ и искусно поставленныхъ препинаній. Безъ сего труда къ чему послужитъ ихъ буквальный? онъ собьетъ съ пути и грамотныхъ, и неграмотныхъ".

„Оленинъ и Ермолаевъ, если хотятъ соблюсти всю точность въ рукописи (въ пространнѣйшемъ смыслѣ), то они должны будутъ издать Нестора точно такъ, какъ англичане, по роскоши и прихотливости, напечатали много древнихъ своихъ памятниковъ, т. е. выгравировать. Но такое изданіе не есть ученое". Записки Калайдовича, Лѣт. рус. лит. Тихонравова III, 95—96. Собственный планъ изданія рус. лѣтописей Калайдовичъ предложилъ въ 1817 г. См. біогр. его въ Рус. Бес. 1860, II, 34—35.

Профес. Чеботаревъ, съ помощью Черепанова, съ 1804—11 г., напеч. 10 лист. Лаврент. списка. Труды Общ. ист. II, 13—14.

[2]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, изд. Гротомъ и Пекарскимъ, стр. 336.

ствамъ [1]), такъ и по своей „жаждѣ" [2]) къ научнымъ изслѣдованіямъ, гр. Румянцовъ могъ стать главнымъ двигателемъ на поприщѣ разысканій и изданія историческихъ матеріаловъ и покровителемъ цѣлой плеяды молодыхъ тружениковъ, которые безъ него должны были бы ограничиться слишкомъ скромнымъ кругомъ дѣятельности въ какомъ нибудь государственномъ архивѣ, или остаться авторами нѣсколькихъ, быть можетъ, цѣнныхъ изслѣдованій, но которыя не всегда нашли бы себѣ даже мѣсто въ литературѣ. Самая возможность появленія въ это время труда Карамзина, въ значительной степени, объясняется дѣятельностію того же Румянцовскаго кружка.

Въ виду такой важности этого послѣдняго, мы считаемъ необходимымъ остановиться на дѣятельности Румянцова нѣсколько подробнѣе.

Родъ Румянцовыхъ происходитъ отъ нижегородскихъ бояръ, упоминаемыхъ еще въ XIII вѣкѣ. Дѣдъ его былъ близкимъ лицомъ къ Петру В., отецъ—извѣстнымъ полководцемъ временъ Екатерины II [3]). Графъ Н. П. Румянцовъ родился въ 1754 г. и первоначальное воспитаніе получилъ вмѣстѣ съ братомъ, Сергѣемъ Петровичемъ, въ Москвѣ, подъ надзоромъ матери, которое, при всей ея заботливости,

---

[1]) Онъ владѣлъ 30,000 душъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ до 20,000 принадлежало мѣст. Гомелю (нынѣ г-дъ Могил. губ.), гдѣ часто жилъ Румянцовъ, по выходѣ въ отставку (Терещенко, II, 268). Остальныя его имѣнія находились въ Моск., Тамбов., Рязан. и Калуж. губ. (Переписка м. Евген. съ Рум. и др. 33). Его подмосковное имѣніе было извѣстно образцовымъ хозяйствомъ. (Арх. кн. Воронцова, VIII, 303).

[2]) Переписка гр. Румянцова съ московс. учен. въ Чтен. М. О. И. 1882, кн. I, 23, 83, 103.

[3]) Кромѣ множества документовъ, вошедшихъ въ „Архивъ походной канцеляріи гр. П. А. Румянцова" (изд. Бодянскимъ въ Чтен. Моск. общ. ист. съ 1865 по 1876 г.) и важныхъ для исторіи его дѣятельности въ царств. Екатерины II, ему принадлежитъ такъ называемая „Генеральная опись Малороссіи", краткое обозрѣніе части которой недавно издано Черниговскимъ Статистическимъ комитетомъ (3 книги, 1866—75 гг.). Она разсѣяна въ разныхъ мѣстахъ: въ Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и др.

по словамъ послѣдняго, было „довольно плохо“ [1]). Въ 1772—73 гг. оба брата были приняты ко двору Екатерины и, въ числѣ немногихъ, постоянно появляются въ ея собраніяхъ, происходившихъ въ Эрмитажѣ. Здѣсь же познакомились они съ извѣстнымъ барономъ Гриммомъ, который вызвался отвезти ихъ въ Голландію, для изученія наукъ въ Лейденскомъ университетѣ [2]), а изъ позднѣйшихъ справокъ видно, что Румянцовы слушали тамъ (въ 1774 г.) политическія науки (право и исторію [3]). Затѣмъ они отправились въ Парижъ, а оттуда, вмѣстѣ съ Гриммомъ, черезъ Женеву (причемъ посѣтили Вольтера) въ Италію [4]). Посѣтивъ на обратномъ пути Венецію и Берлинъ, Румянцовы возвратились въ 1776 г. въ Петербургъ [5]). Тогда отецъ ихъ просилъ Екатерину назначить старшаго сына по дипломатической части: въ 1776 году онъ былъ посланъ въ Вѣну съ извѣстіемъ о второмъ бракѣ вел. кн. Павла Петровича, а въ 1779 году онъ былъ уже назначенъ (25-ти лѣтъ) чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ при германскомъ сеймѣ [6]). Въ этой должности Н. П. Румянцовъ усердно

---

[1]) Авторъ записокъ, С. П. Румянцовъ, упоминаетъ только о французскихъ учителяхъ. (Рус. Арх. 1869, 841—42). Въ годѣ рожд. Н. П. Р. мы слѣдуемъ запискамъ, съ которыми согласно и его собственное показаніе. (Арх. кн. Воронц., т. XXVII, 111).

Третій братъ—Михаилъ Петр. умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Терещенко, Жизнь сановниковъ, управл. иностр. дѣлами въ Россіи, II, 268.

[2]) Рус. Арх. 1869, 843—844. Голландія считалась тогда центромъ умственнаго движенія. Древ. и Нов. Рос. 1879, I, 100.

[3]) Пекарскій, Матер. для исторіи журн. дѣят. Екатерины II, 33—34.

[4]) Вольтеръ писалъ г-жѣ Епиналь, 8 іюля 1774 г.: „Не знаю, гдѣ теперь Гриммъ; говорятъ, что онъ путешествуетъ съ графами Румянцовыми; ему слѣдовало бы привести ихъ въ Женеву; тѣмъ, кои рождены для того, чтобы служить опорою власти неограниченной, не мѣшаетъ взглянуть на республику“ (Р. Арх. 1869, 844). Съ Гриммомъ Н. П. Румянцовъ поддерживалъ переписку (849) и служилъ посредникомъ въ перепискѣ его съ Екатериною II (Сборн. Рус. ист. общ., т. XXIII; ср. Воронц. Арх., т. XX, 325, 389, 396).

[5]) Автобіографія С. П. Румянцова, Рус. Арх. 1869, 843—846.

[6]) Въ автобіографіи С. П. Румянцова (стр. 850) есть указаніе, что онъ сообщалъ (въ 1783 г.) свои замѣчанія на Записки о Рос. исторіи Екатерины II, помѣщенныя въ Собесѣдникѣ. Статья о Петрѣ В., присланная въ редакцію и слишкомъ восхваляющая его, не понравилась императрицѣ

хлопоталъ о вліяніи Россіи на нѣмецкія дѣла, будучи полнымъ выразителемъ тогдашней политики Екатерины II. Многочисленныя донесенія его, хранящіяся въ Мос. арх. мин. ин. дѣлъ, даютъ незамѣнимый матеріалъ для оцѣнки русской политики въ этотъ періодъ [1]).

„Уже въ описываемое время видно было, что это развитый человѣкъ, замѣчаетъ авторъ, близко познакомившійся съ ними. Его депеши написаны живо, съ участіемъ къ предмету; онѣ изобилуютъ мѣткими наблюденіями и характеристиками. На основаніи нхъ можно отчетливо обрисовать типъ фюрста и имперскіе порядки, а также печальную роль посланника великой державы въ нѣмецкой имперіи. Румянцовъ вѣрно цѣнилъ среду, въ которой ему предназначено было

и Дашковой. Возражая „знатному автору" этихъ статей, критикъ замѣчаетъ, что „писавъ по русски, онъ думалъ на иностранномъ языкѣ" (Пекарскій, ibid. 28—34). Пекарскій, не зная еще означенной біографіи, ошибочно полагалъ, что статьи въ „Собесѣдникѣ" писаны гр. Николаемъ Петровичемъ. Но и Я. К. Гротъ дважды повторилъ это мнѣніе (Сбор. Рус. ист. общ., т. XX, и Біогр. Державина, 333). Гр. Н. П. также любилъ преимущественно употреблять французскій языкъ. Въ воспоминаніяхъ миссъ Вильмотъ говорится о гр. Румянцовѣ, когда онъ управлялъ при Александрѣ I иностранными дѣлами: „Этотъ министръ совершенно офранцузился, такъ что всѣ свои дѣловыя распоряженія писалъ на французскомъ языкѣ, а потомъ ихъ переводили на русскій его секретари". Въ то время онъ не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія, что́ не мѣшало ему однако понимать русскіе интересы лучше другихъ. Въ отзывѣ м. Вильмотъ отразились политическія антипатіи автора. См. о ней Рус. Арх. 1880, III, 150—185.

[1]) Этими матеріалами недавно воспользовался проф. Трачевскій въ своей монографіи: „Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II, 1780—1786" („Вѣст. Европы" 1876 г. и отдѣльно). По поводу ихъ авторъ говоритъ: „Его обильныя депеши проливаютъ свѣтъ даже на будничныя мелочи изъ жизни нѣмецкой имперіи и ея князей. Нѣмецкіе ученые не могли и подозрѣвать такого значенія русскаго архива для ихъ внутренней исторіи". Послѣ того Румянцовъ состоялъ нѣкоторое время посланникомъ при французскомъ дворѣ, въ самый критическій моментъ для королевской власти, но, не будучи въ состояніи продолжать свою миссію, испросилъ въ пол. 1795 г. разрѣшеніе возвратиться въ Россію (Терещенко, т. II, 229—31). Въ 1796 г. онъ былъ назначенъ управляющ. госуд. заемн банкомъ и членомъ финансовой коммиссіи (Соч. Держ., т., VI. 35, 37; Сборн. Р. ист. общ., т. XXIX, 319, 541).

дѣйствовать". Онъ любилъ много писать и не скупился на образы и идеи. Поставленный весьма рано въ круговоротъ политической жизни, онъ пришелъ однако къ заключенію, что ее необходимо изучать „и въ книгахъ." Получивъ французское воспитаніе, онъ рано сталъ цѣнителемъ „нѣмецкаго прилежанія и обдуманной настойчивости" [1]). Въ то время, какъ младшій братъ его такъ охотно предавался развлеченіямъ свѣта и скучалъ по придворной сферѣ, Н. П. Румянцовъ болѣе склоненъ былъ къ уединенію, избѣгалъ женщинъ и усвоилъ себѣ „твердыя правила", которымъ и оставался вѣренъ. Екатерина II и Гриммъ, въ своихъ письмахъ, называютъ его St. Nicolas [2]); отецъ, вообще весьма требовательный къ своимъ дѣтямъ, возлагалъ на него всѣ свои надежды (по словамъ Сиверса). Въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ и націямъ Румянцовъ отличался терпимостью и гуманностью; но это не препятствовало ему строго держаться извѣстныхъ политическихъ взглядовъ. Вотъ почему онъ былъ такъ непріятенъ теперь Фридриху II, а въ восточномъ вопросѣ остался вѣренъ традиціи Петра В. и Екатерины II, присоединивъ лишь къ ней не менѣе дѣйствительную научную основу, къ которой онъ уже привыкъ обращаться.

Въ теченіе пятнадцатилѣтняго своего пребыванія на дипломатическомъ поприщѣ, гр. Румянцовъ посвящалъ свободное время изученію французской, нѣмецкой и англійской литературъ, наукамъ политическимъ, историческимъ и библіографіи. По своему воспитанію, Румянцовъ былъ близко знакомъ съ французскою литературою; въ нѣмецкой литературѣ дѣйствовали тогда такъ наз. „просвѣтители". Въ Россіи—это было время возбужденныхъ занятій и разысканій въ области русской исторіи Екатерины II и ея кружка. И Румянцовъ вполнѣ проникся этимъ духомъ. Онъ высоко ставитъ интересы народнаго образованія и науки [3]). Современники отдавали дань уваженія этимъ его качествамъ. Образованный и опытный французскій дипломатъ цѣнитъ въ немъ живой умъ; а Гриммъ съ восторгомъ говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ II [4]). Живя во Франкфуртѣ на Майнѣ, Румянцовъ успѣлъ близко познакомиться съ тамошнею библіотекою [5])

[1]) Союзъ князей, Трачевскаго, глава V.

[2]) Сборн. Рус. ист. общ., т. XXIII и Русскій Архивъ 1878, III, 1—240.

[3]) Арх. кн. Воронцова, т. XXVII, 134, 146—149.

[4]) Ségur, Mémoires, II, 103, 112; Сборн. XXXIII, 106, 247, 252, 260, 272.

[5]) Терещенко, II, 272.

и уже тогда сталъ собирать (не смотря на небольшія средства) еще цѣнные предметы и сочиненія, относящіеся къ сѣверной и славянской исторіи. Уже тогда (1791 г.) онъ интересовался специальными вопросами по русской и славянской исторіи (объ Одѣ, супругѣ русскаго князя, объ источникахъ древней померанской исторіи), по поводу которыхъ вступалъ въ сношенія съ нѣмецкими учеными. Онъ пишетъ краткій очеркъ русской исторіи (на франц. яз. 1793 г.), въ которомъ сближаетъ варяговъ съ норманнами; сѣтуетъ на краткость Нестора; говоритъ о необходимости сличенія его извѣстій съ рукописями и архивными матеріалами; а по поводу извѣстія лѣтописи о бѣгствѣ Изяслава (1073), онъ обращается къ Ламберту Ашафенбургскому, Сигберту (мон. Gembloux) и грамотѣ папы Григорія VII [1]). Отъ бѣгства Изяслава онъ обращается къ другому, болѣе общему вопросу: о сношеніяхъ между Россіею и Германіею въ XI вѣкѣ. Его занимали посольства (Бруно) и брачныя связи ихъ правителей, и онъ думалъ найти о нихъ извѣстія въ церк. архивахъ Германіи (въ Майнцѣ). Въ это время было пріобрѣтено имъ нѣсколько сочиненій въ Вѣнѣ, въ числѣ которыхъ упоминаются, сохранившееся до сихъ поръ въ музеѣ, произведеніе Assemani, Kalendaria ecclesiae universae, 6 vol., и нѣсколько грамматикъ нарѣчій, употребительныхъ въ Венгріи, а затѣмъ эта коллекція была умножена пріобрѣтеніемъ книгъ на разныхъ славянскихъ языкахъ, такъ что ихъ было собрано тогда до 80-ти [2]).

---

[1]) Изъ сохранившейся въ музеѣ записочки Левека (7 янв. 1791 г.) видно, что Румянцовъ старался дополнить темныя, мѣстами, извѣстія русскихъ лѣтописей подробностями, сохранившимися у иностранныхъ писателей. Опытъ нравствен. характерист. Румянцова, Корша, 38.

Въ 1754 г. Миллеръ напеч. на нѣмец. яз. свое разсужд. „О двухъ брачныхъ сочетаніяхъ“ (рус. пер. въ Ежем. Сочин. 1755, февр.), въ которомъ опровергаетъ извѣстія нѣмец. ученыхъ Реннике и Трейера о женитьбѣ вел. княз. Святослава и Всеволода Ярославичей на нѣмец. графиняхъ Кунигундѣ и Одѣ. Иначе объясняетъ Карамзинъ, II, 20, 47. пр. 40, 48, 128.

Екатерина знала о занятіяхъ Румянцова и отвѣчала на нѣкоторые его вопросы по русской исторіи (1792—95 гг.). Сборн. Р. И. О., т. XXIII, 569, 636.

[2]) Матер. для историч. опис. Румянц. музеума, соч. К. И. Кестнера, М. 1882, 1—6 (по докум. музея). Въ 1876 г. въ Москов. главн. арх. мин. ин. дѣлъ поступила собственноручная тетрадь гр. Н. П. Румянцова, заключающая его замѣтки на сочин. Неккера о финансахъ. Очеркъ дѣят. коммис. печат. грам. и догов., М. 1877, 122—123. Въ 1786 г. онъ интере-

Въ послѣдствіи Румянцовъ сожалѣлъ, что онъ могъ вполнѣ отдаться русской исторіи и древностямъ такъ поздно. „Жаль, что мой жаркій и неутомимый духъ дѣйствуетъ такъ поздно; но повсюду, не давая покоя, не безъ пользы же моя къ древностямъ отечественныхъ алчность“, писалъ онъ митр. Евгенію [1]).

При Павлѣ I гр. Румянцовъ былъ возведенъ въ званіе сенатора; при Александрѣ I въ министры коммерціи, въ званіи котораго онъ заботился о развитіи водяныхъ сообщеній въ Россіи, отечественной промышленности и торговли въ Азіи [2]); затѣмъ въ министры иностранныхъ дѣлъ (съ 1807) и канцлеры (1809). Во время пребыванія своего въ Парижѣ, въ 1809 г., по дипломатическому порученію, онъ произвелъ на Наполеона I впечатлѣніе человѣка, болѣе другихъ изъ русскихъ знакомаго съ исторіей и дипломатіей, а на его государственнаго казначея, извѣстнаго финансиста Молліэна—впечатлѣніе человѣка въ высшей степени просвѣщеннаго и прекрасно понимавшаго политическія отношенія [3]). До окончанія войны съ Франціей (1814) Румянцовъ состоялъ предсѣдателемъ госуд. совѣта и мин. ин. дѣлъ. По отзывамъ современниковъ, въ дѣлахъ высшаго управленія онъ отличался спокойствіемъ, сдержанностію и благородною откровенностью [4]).

совался оффиціальными данными (для „*сравненія*“) о внѣшней торговлѣ Россіи *за нѣсколько лѣтъ* (Арх. Воронц., т. XXVII, 133). Гр. А. Р. Воронцову онъ предложилъ принять въ коммерцъ-коллегію молодаго Шторха, получившаго образованіе въ нѣмец. университетахъ, извѣстнаго потомъ трудами по статистикѣ Россіи (Ib. 147).

[1]) Переписка м. Евгенія съ гр. Румянцовымъ и др. Воронежъ, 1868, 46.

[2]) Такъ, онъ содѣйствовалъ учрежденію Бѣломорской рыболовной компаніи, основанію русской коммерческой газеты, увеличенію таможеннаго дохода и первой рус. кругосвѣтной экспедиціи (подъ начальствомъ Крузенштерна, предложившаго ее еще въ 1799 г.), которая должна была показать, что удобнѣе и дешевле спабжать Камчатку и русскія американскія колоніи морскимъ путемъ, нежели якутскимъ и охотскимъ и т. п. Подробнѣе о его дѣятельности въ званіи министра коммерціи у Терещенка, 231—236.

[3]) Записки Молліэна, изд. въ 1845 г. Е. Ѳ. Коршъ, Сборн. матеріал. для ист. Румянц. муз. В. I, 1882, 30—31.

[4]) „Одаренный голосомъ благозвучнымъ, онъ говорилъ плавно, не ища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностію; противурѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостью, даже и тому, кто въ выраженіяхъ иногда былъ колокъ.“ Записки, И. И. Дмитріева, 182—183.

Стоя за сохраненіе „мира“ съ Наполеономъ и настаивая на выполненіи обоюдныхъ условій [1]), гр. Румянцовъ вовсе не былъ слѣпымъ орудіемъ политики послѣдняго, какимъ прославили его тогда великосвѣтскіе англоманы. Интересы Россіи онъ понималъ не хуже ихъ, какъ видно изъ польскаго и восточнаго вопросовъ (Молдавія), снова поднятыхъ въ это время, а также изъ нерасположенія къ нему такихъ двухъ антиподовъ нѣмецкой политики, какъ Меттернихъ и Штейнъ, отразившагося и въ мнѣніяхъ нѣмецкихъ историковъ (Бернгарди, Пертцъ). Эта чистота намѣреній и была причиною, что вступленіе Наполеона въ Россію такъ потрясло Румянцова, что онъ подвергся апоплексическому удару и навсегда потерялъ слухъ. Но едва ли не лучшею нравственною оцѣнкою его могутъ служить слова Александра I, сказанныя въ отвѣтъ на назойливыя требованія объ удаленіи Румянцова. „Онъ почти одинъ, который никогда ничего не просилъ у меня для себя, тогда какъ другіе просятъ почестей, денегъ то для себя, то для родныхъ.“ Тѣмъ не менѣе, императоръ и канцлеръ должны были разстаться въ это трудное время [2]).

По окончаніи войны съ Наполеономъ, Румянцовъ отправилъ на свой счетъ экспедицію вокругъ свѣта на кораблѣ „Рюрикъ“, подъ начальствомъ капитана Коцебу (1815—18), для отысканія сѣверо-восточнаго морскаго прохода, описаніе которой, съ географическими картами и рисунками, было напечатано на его счетъ въ 1821—23 г. (Путешествіе въ Южный океанъ и Берингов проливъ для открытія etc. Спб. 3 ч.). Она доставила много данныхъ по естественной исторіи, физикѣ, этнографіи и географіи [3]). Кромѣ того, гр. Румянцовъ принималъ постоянное участіе и въ другихъ подобныхъ предпріятіяхъ

Мнѣнія Румянцова см. въ Соч. Держав., т. VI, 772, 782—83, 812; т. VIII, 786—87, 846—47, 819; Чтен. М. О. И. 1860, кн. I—IV.

[1]) Гр. Н. С. Мордвиновъ, Спб. 1873, 107; Рус. Арх. 1869, 609—614.

[2]) Соловьевъ, Императоръ Александръ I, 51, 243—246.

Передъ вторженіемъ Наполеона въ Россію гр. Румянцовъ пожертвовалъ 20,000 ружей, привезенныхъ на кораблѣ въ Ригу. Чт. М. О. И. 1882, I, 148.

[3]) Въ ней принимали участіе извѣстный естествоиспытатель Шамиссо и искусный рисовальщикъ Хорисъ. Главная задача ея только въ послѣднее время была рѣшена вполнѣ Норденшильдомъ; но, благодаря этой экспедиціи, пріобрѣтено замѣчательное собраніе этнографическихъ матеріаловъ, вошедшее въ составъ музея. Сборникъ матеріал. для ист. Рум. муз. В. I, 108—117.

(экспедиціи Геденстрома, Рикорда, Гагемейстера, Корсаковскаго, Устюгова, американской компаніи). При этомъ онъ дѣлалъ порученія о разысканіяхъ и пріобрѣтеніи рѣдкостей въ Сибири, Камчаткѣ и Сѣверной Америкѣ, нашедшихъ потомъ мѣсто въ его музеѣ [1]).

Увлекаясь примѣромъ брата, и С. П. Румянцовъ сталъ близко интересоваться русскою исторіею и слѣдить за ея успѣхами [2]). Оба они состояли членами литературнаго общества, извѣстнаго подъ именемъ „Арзамасъ" [3]). Не любя разсѣяній и выѣзжая только по необходимости ко двору, Н. П. Румянцовъ посвящалъ весь свой досугъ серьезному чтенію, какъ видно изъ его замѣтокъ, выписокъ и вопросовъ, обращенныхъ къ разнымъ ученымъ. Иногда онъ спѣшилъ добыть поскорѣе книгу или рукопись, чтобы тотчасъ прочесть ее [4]). Онъ любилъ собирать у себя небольшое, но избранное общество образованныхъ людей [5]). Въ его домѣ обыкновенно собирались русскіе ученые; а его возвращенія въ Петербургъ ожидали съ нетерпѣніемъ [6]).

Между тѣмъ, библіотека канцлера значительно пополнилась и обогатилась въ этотъ промежутокъ.

Время Павла I, вообще неблагопріятное для литературы, оставило свой слѣдъ и на библіотекѣ Румянцова. Такъ, при покупкѣ французскихъ книгъ съ обозначеніемъ года республики, необходимо было вытравлять даты на заглавномъ листкѣ, и въ библіотекѣ Румянцова находится не мало такихъ книгъ. Точно также, въ его собраніи много капитальныхъ и дорогихъ изданій по части торговли и устройства водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и лучшихъ пособій по международному праву и политикѣ, свидѣтельствующихъ, что служебная дѣятельность Румянцова много вліяла на характеръ его

[1]) Терещенко, II, 251—252; Матер. для ист. муз., в. I, 108—117.

[2]) Записки Калайдовича, Лѣтоп. рус. литер., изд. Тихонравовымъ, III, 81.

[3]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, 93.

[4]) Переписка съ московскими учен., Чтен. М. О. ист. 1882, кн. I, 88, 230, 244, 275, 303.

[5]) Кестнеръ, стр. 6.

[6]) Письма Карамзина къ Малиновскому, 12, 18, 36, 44, 67. „Всего чаще вижусь съ канцлеромъ", пишетъ Карамзинъ (1816); но „ѣзжу къ нему болѣе съ грустью, нежели съ удовольствіемъ. Онъ видитъ мое лицо и только; надобно въ разговорѣ прибѣгать къ перу" (1818). „Румянцовы рады ежедневно быть со мною", пишетъ онъ женѣ Неизд. соч. Карамзина, 147.

собранія въ началѣ цар. Александра I. Но и усиленная дѣятельность по двумъ министерствамъ, и грозныя политическія событія не отвлекали вполнѣ вниманія канцлера отъ научныхъ интересовъ. Въ августѣ 1812 года онъ писалъ въ Лондонъ о пріобрѣтеніи для него рукописнаго перевода сочиненій Платона и нѣсколькихъ книгъ, касающихся исторіи прошедшаго столѣтія; а въ ноябрѣ того же года онъ послалъ Лербергу сочиненіе Вилькена о Комненахъ и просилъ его дать отзывъ о немъ [1]). Лербергъ, отдавая справедливость заслугамъ автора, указываетъ на недостатки его труда, и между прочимъ на неточность его разсказа о первомъ появленіи русскихъ. Замѣчаніе это живо заинтересовало канцлера. Въ своемъ отвѣтѣ (сохранившемся въ двухъ видахъ), сличивъ первое упоминаніе о русскихъ на Черномъ морѣ въ 839 г. съ позднѣйшимъ основаніемъ государства и сказавши, что ученый вопросъ о происхожденіи Руси съ сѣвера онъ не считаетъ рѣшеннымъ, Румянцовъ приводитъ одно мѣсто изъ Шлецера, который въ своемъ Несторѣ употребляетъ названіе „Понтійскихъ Руссовъ." Это совпадало съ любимой тогда мыслію его о древнѣйшей южной Руси, задолго предшествующей основанію варяго-русскаго государства. Въ особенности онъ радуется тому, что, при ссылкѣ на Константина Багрянороднаго, Шлецеръ сохранилъ въ точности выраженіе „внѣшняя Русь", по непростительному недосмотру, замѣчаетъ онъ, опущенное Стриттеромъ. „Внѣшняя Русь предполагаетъ вѣдь другую"—внутреннюю. И, слѣдуя Моисею Хоренскому (V в.), онъ склоняется признать начало Руси подъ этимъ именемъ до того времени, предоставляя рѣшеніе самаго вопроса на усмотрѣніе Лерберга. Во всякомъ случѣ это мнѣніе предупредило извѣстную гипотезу Эверса.

Библіотека Лерберга, пріобрѣтенная по его смерти канцлеромъ (1813 г.), послужила важнымъ вкладомъ для дальнѣйшаго распространенія ученаго отдѣла будущаго Румянцовскаго музея. Но его собраніе обогащалось и другими путями. Въ Лондонѣ канцлеръ имѣлъ постояннаго корреспондента въ лицѣ, состоявшаго тамъ при русскомъ посольствѣ, князя Петра Козловскаго, который (въ 1813) высылалъ ему оттуда эстампы, книги и разныя библіографическія свѣдѣнія, а русскій повѣрен-

---

[1]) Rerum ab Alexio I, Ioanne Manuele et Alexio II Byzant. imperatoribus gestarum. Lib. IV commentatio, Гейдельбергъ, 1811.

Въ Лондонѣ пріобрѣталъ для него книги Борель.

ный въ дѣлахъ при датскомъ дворѣ, Лизакевичъ, высылалъ ему изъ Копенгагена каталоги антиквирныхъ изданій и новостей и содѣйствовалъ въ пріобрѣтеніи большей части книгъ по богатому отдѣлу исторіи и географіи Сѣвера. По просьбѣ же канцлера въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе и ученый библіографъ Трескоу, составившій списокъ лучшихъ писателей по исторіи и географіи сѣверныхъ странъ и выславшій для его соображеній каталогъ извѣстной библіотеки барона Тотта, уже тогда составлявшій библіографическую рѣдкость. При содѣйствіи Трескоу, графъ Румянцовъ успѣлъ пріобрѣсть много книгъ по сѣверной исторіи (на 1058 датскихъ талеровъ), въ числѣ которыхъ были сочиненія Зума, Лангебека и др. Извѣстный библіофилъ Вихманъ содѣйствовалъ ему въ пріобрѣтеніи сочиненій и матеріаловъ по исторіи Швеціи и прибалтійскаго края (какъ соч. Пуффендорфа, „Diarium der curländischen Landtage), сообщалъ ему каталоги отобранныхъ книгъ по русской исторіи, доставилъ каталогъ библіотеки покойнаго Шлецера и покупалъ книги на большія суммы. Въ Ригѣ была пріобрѣтена Румянцовымъ цѣлая библіотека, преимущественно богословскаго характера, Hallander'a [1]). Отзывъ знатока въ этомъ дѣлѣ, относящійся къ 1814 году, свидѣтельствуетъ, что уже тогда собраніе графа Румянцова могло назваться замѣчательнымъ [2]). Библіотекаремъ ея въ это время состоялъ тотъ же Вихманъ, изъ одного письма котораго видно что уже тогда у Румянцова возникла мысль основать большую, „національную библіотеку“ которая, быть можетъ, явилась не безъ участія самого Вихмана, судя по напечатанному имъ потомъ обширному плану „Русскаго національнаго музея“ [3]). Но, только по удаленіи отъ дѣлъ, Румянцовъ могъ вполнѣ предаться своимъ научнымъ планамъ и занятіямъ.

---

[1]) Кестнеръ, 5—8, 25; Коршъ, 70—75. Аделунгъ купилъ для него соч. Тулонжона, Лакретеля и Бюллета (Mém. sur la langue celtique, 1754, 3 v., за 100 р.). Ему присылали книги изъ Ольденбурга, Праги, Альтоны и др.

[2]) „Библіотека его сіят., писалъ Калайдовичъ, безспорно превзойдетъ *древностью и важностью* собраніе гр. Толстого: одна составилась *настоящимъ знатокомъ*, другая отъ случая, отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ, и я не почелъ бы за грѣхъ сотни двѣ рукописей совершенно изъ послѣдней выкинуть“. Переписка Востокова, Сборн. Ак. Н., т. V, 89.

[3]) Коршъ, 75. Russlands National-Museum, Riga, 1820, 28 стр.

Вступивъ въ управленіе иностранными дѣлами, гр. Румянцовъ, не могъ не обратить вниманія на архивъ ин. дѣлъ и изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи, предпринятое еще при Екатеринѣ II, а въ своихъ письмахъ онъ съ благоговѣніемъ относится къ памяти исторіографа Миллера. Такимъ образомъ между ними установилась какъ бы научная связь, своего рода преданіе.

Извѣстно, что Миллеру было поручено составленіе дипломатическаго сборника, по образцу Дюмона [1]), и что часть этого труда была выполнена, но смерть помѣшала ему окончить это дѣло. Миллеръ просилъ назначить ему въ преемники его учениковъ—Б. Каменскаго, Стриттера и Соколовскаго: эта просьба была уважена Екатериною. Продолженіе труда Миллера, въ обширныхъ фоліантахъ, попрежнему отсылалось въ коллегію иностр. дѣлъ, но они оставались тамъ нетронутыми, пока не обратилъ на нихъ своего вниманія гр. Румянцовъ. Здѣсь впервые получаютъ практическое примѣненіе и его прежняя дѣятельность, и его научныя занятія. Такимъ образомъ, въ декабрѣ 1810 г., онъ поручаетъ Бантышу-Каменскому составить планъ изданія, по образцу Дюмона, полнаго собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ съ иностранными державами, съ цѣлью подготовленія опытныхъ архивистовъ, развитія политическихъ знаній и распространенія общеполезныхъ свѣдѣній въ Россіи. Планъ этотъ былъ выработанъ въ концѣ того же года, а въ маѣ 1811 г. уже составилась коммиссія по изданію означенныхъ матеріаловъ, на которое гр. Румянцовъ назначилъ собственныя средства [2]). Наука обязана

---

[1]) Corps universel diplomatique du droit des Gens, 8 томовъ, Амстердамъ, 1726—1731 г.

Другія собранія актовъ и договоровъ въ XVIII столѣтіи были изданы Римеромъ (1704—1726, Лондонъ), Барбейракомъ (1739) и Мартенсомъ (1795).

[2]) Расходъ на первый томъ былъ вычисленъ въ 25,000 р. Въ своемъ докладѣ императору Александру I, онъ писалъ: „Уважая правила строгой бережливости, необходимо нужныя въ расходахъ государственныхъ, я не почитаю себя въ правѣ утруждать в. и. в. ходатайствомъ, чтобы издержки для изданія оной книги были приняты на счетъ казны (Собр. госуд. грам., I, предисл., стр. IV). *Коммиссія печатанія госуд. грамотъ и договоровъ* существуетъ до сихъ поръ при архивѣ. Очеркъ ея дѣятельности изд. барон. Ѳ. А. Бюлеромъ, М. 1877.

Бант. Каменскому, какъ сохраненіемъ архива ин. дѣлъ, такъ и сбереженіемъ печатныхъ листовъ I-го тома грамотъ во время нашествія французовъ на Москву [1]). Онъ изъявилъ готовность выполнить желаніе гр. Румянцова, не страшась никакой работы; но болѣзнь (въ 1813 г.) не позволила ему довести это предпріятіе до конца. Подобно Миллеру, и Б. Каменскій рекомендовалъ въ преемники себѣ—своего помощника А. Ѳ. Малиновскаго, а въ сотрудники ему—молодого ученаго—Калайдовича, обратившаго на себя вниманіе Румянцова своими трудами. Впрочемъ, по причинѣ болѣзни и временнаго заключенія К. Ѳ. Калайдовича въ Пѣсношскомъ монастырѣ, о которомъ онъ успѣлъ собрать на мѣстѣ историческія свѣдѣнія (напеч. въ М. 1837 г.), это дѣло затянулось до 1817 г., когда онъ представилъ Румянцову свои описанія рукописей Новоспасскаго и Данилова монастырей. Вмѣстѣ съ нимъ является на томъ же поприщѣ и П. М. Строевъ [2]), также извѣстный уже

---

[1]) Москов. архивъ коллегіи иностр. дѣлъ въ 1812 году. Переписка Н. Н. Б. Каменскаго съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ, съ предисл. бар. Ѳ. А. Бюлера. Рус. Архивъ, 1875, III, 289—296.

Воспитанникъ нѣжинской греческой школы, кіевской и московской академій, онъ цѣлыхъ 52 года провелъ въ Московскомъ архивѣ ин. дѣлъ, непрестанно пребывая въ археографическихъ работахъ. Плодомъ этихъ занятій было многотомное извлеченіе изъ архивныхъ дѣлъ матеріаловъ о сношеніяхъ Россіи съ иностранными, европейскими и азіатскими державами, отчасти изданныхъ только въ послѣднее время (Бодянскимъ въ Чт. М. О. И., а сношенія съ Китаемъ, въ Казани, въ 1882 г.) и обстоятельныя описи архива. Объ этихъ трудахъ съ большою похвалою отзываются и прежніе (напр. Карамзинъ), и нынѣшніе изслѣдователи (Мартенсъ, Карповъ и др.). О немъ: Жизнь Н. Н. Б. Каменскаго, М. 1818 (тоже и на франц. яз.) и Слов. достопам. людей, Д. Н. Б. Каменскаго (сына), т. I.

[2]) Барсуковъ, Жизнь П. М. Строева, Спб. 1878, 16—17. Калайдовичъ род. въ 1792 г.; Строевъ въ 1796 г. Оба они были воспитанники Моск. унив. и состояли членами Общ. исторіи и древностей при Моск. унив. Первый изъ нихъ говоритъ, что на него оказали большое вліяніе посѣщенія имъ проф. Р. Ѳ. Тимковскаго: „Отъ Р. Ѳ. Т. я всегда возвращался съ новыми силами, съ новымъ стремленіемъ къ русскимъ древностямъ". (Записки въ Лѣт. русс. лит. III, 89). Калайдовичъ считаетъ его своимъ учителемъ въ исторической критикѣ (95). Другимъ своимъ наставникомъ въ этомъ дѣлѣ онъ признаетъ Шлецера, котораго называетъ даже „вели-

Румянцову. Первая часть Собр. госуд. грам. и договоровъ была издана подъ наблюденіемъ Б. Каменскаго (М. 1813); II-я (1819), III-я (1822) и IV-я (1828) подъ наблюденіемъ Малиновскаго. Въ I-й части этого собранія помѣщены важнѣйшіе документы, имѣющіе значеніе для внутренней исторіи Россіи съ 1265—1613 г. (актъ объ избр. ц.

кимъ" (Біогр. Калайдовича, Рус. Бесѣда 1860, II, 9). Бесѣды съ Карамзинымъ вполнѣ утвердили его на исторической почвѣ. „Я скажу публикѣ, чѣмъ обязана вамъ исторія", писалъ ему исторіографъ (Ч. М. О. И. 1862, III, 112). Строевъ съ уваженіемъ вспоминаетъ Тимковскаго и Каченовскаго. О вліяніи на труды Строева Калайдовича см. записку о Строевѣ (Сбор. Ак. Н., т. XVII, с. LXII). Оба они были извѣстны уже въ литературѣ. Строевъ обратилъ на себя вниманіе Малиновскаго и Румянцова своими генеалогическими трудами (Барсуковъ, 1—20). Калайдовичъ въ это время занимался исторіей рус. языка, археологіей и литературой русской исторіи. Такъ, между прочимъ, онъ напечаталъ: „Извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игнатіѣ Θерапонтовичѣ Θерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ", М. 1811; „Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ новгородскихъ", „Вѣст. Евр", 1812 г., (ч. 61); „Объ ученыхъ трудахъ м. Кипріана и о томъ, справедливо ли приписывается ему и м. Макарію составленіе Степ. книгъ", „Вѣст. Евр". 1813 (ч. 72, № 23). „Записки о жизни графа А. А. Мусина-Пушкина" (ib. ч. 72, № 21); „Записки о жизни Б. Каменскаго", (ib., 1814, ч. 74); „Іоаннъ Θедоровъ, первый москов. типографщикъ" (ч. 71 и 123); „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражд. и церк. рос. исторію", соч. Ад. Селіемъ, переведъ. въ Волог... семин., печ. по поруч. м. Евгенія, М. 1815". Онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ, путешествовалъ по древней Владимірской и Суздальской области, гдѣ собиралъ историческія и археологическія свѣдѣнія, а также древнія книги и монеты. Въ 1815 г. онъ издалъ 1-ю книгу Рус. достопам. Моск. общ. ист. и древ. Россійскихъ. Въ послѣдствіи Калайдовичъ почтилъ память Тимковскаго статьей: „О трудахъ Тимковскаго", („Вѣст. Евр.", 1820 г., ч. 110) и болѣе другихъ содѣйствовалъ появленію въ свѣтъ труда послѣдняго по древней лѣтописи. Матер. для жизнеоп. Калайд. Чт. М. О. И. 1862, III, 17—18.

Тимковскій учился въ Москов. университетѣ, подъ руководствомъ Маттеи, Буле и Баузе, и въ Геттингенѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго филолога Гейне. Онъ старался приложить критику классическихъ писателей къ русскимъ памятникамъ: древней лѣтописи, Патерику, Слову о полку Игоревѣ. Погодинъ, Судьбы археологіи въ Россіи, Труды I Археолог. съѣзда, т. I, 6; Біографич. Словарь професс. Моск. унив., т. II.

М. Ѳед. на престолъ). II-я часть заключаетъ въ себѣ грамоты рус. князей, царей и ханскіе ярлыки 1229—1612 г. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: договоръ смол. князя Мстислава; сношенія съ сибирскимъ царемъ Кучумомъ, грамота объ учрежденіи патріаршества, слѣдственное дѣло объ убіеніи ц-ча Дмитрія, акты царств. Д. Самозванца, сношенія самозванцевъ и короля Сигизмунда III и воззваніе о всеобщемъ вооруженіи противъ поляковъ. III-я часть состоитъ изъ актовъ 1613—1655 гг. IV-я заключаетъ въ себѣ акты 1656—1696; пятая часть не была окончена и состоитъ изъ договоровъ съ иностр. державами, Крымомъ, нагаями и западными государствами 1474—1584 г. (188 стр. [1]). Особенно дорожилъ Румянцовъ матеріалами 2-й части, такъ какъ въ нее должны были войти акты смутнаго времени, отысканные Миллеромъ въ отдаленныхъ архивахъ Россіи. „Да не устрашаетъ васъ,—писалъ онъ Малиновскому,—обширное поприще въ собраніи актовъ для сей II-й части: чѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ собраніе, тѣмъ болѣе принесетъ вамъ чести, а мнѣ удовольствія". „Благословеніе памяти Миллера!—восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ,—за столь полезное для отечественной исторіи нашей изъ сибирскихъ архивовъ пріобрѣтеніе". Румянцовъ увлекался новыми пріобрѣтеніями, о которыхъ сообщалъ ему Малиновскій, и писалъ послѣднему: „Я человѣкъ ненасытный, а вы трудолюбивы, любите, что̀ послужить можетъ къ расширенію нашей словесности" [2]). Самъ Румянцовъ тща-

---

[1]) По первоначальному плану предполагалось во 2-й и 3-й частяхъ помѣстить, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ договоры между Россіею и европейскими, а также азіатскими государями, по 1826 годъ, съ текстомъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ они писаны и съ русскимъ переводомъ (предисл. къ I т., стр. III). Потомъ было оказано предпочтеніе актамъ „внутренней исторіи" (т. III, предисл. и Чтен. М. О. ист. 1882. кн. I, переписка съ Малиновскимъ, 168—169). Слѣдуя Дюмону, всѣ подлинныя грамоты и старинные списки положено было издавать со всевозможною *точностью* (II, предисл.). „Для палеографіи, науки еще новой въ отечествѣ нашемъ", къ IV т. присоединено 5 таблицъ, изображающихъ почерки съ XIII—XVIII вѣкъ (т. IV, предисл.). Требованія Румянцова о слѣдованіи Дюмону см. Чт. М. О. И. 1882, I, 2—4, 302; а также Буке, ib. 110.

[2]) Чтен. М. О. ист. 1882 I, 11—36 и др., причемъ онъ заботился о составленіи обстоятельныхъ указателей.

тельно прочитывалъ печатные листы актовъ, отмѣчалъ недосмотры, указывалъ необходимыя улучшенія для изданія, поспѣшалъ съ печатаніемъ, когда оно замедлялось. При этомъ необходимо помнить, что въ этомъ изданіи мы находимъ множество снимковъ съ печатей и почерковъ древняго письма (XIII—XVII вв.), а также алфавитные указатели личныхъ и географическихъ именъ, не всегда встрѣчающіеся въ другихъ, даже позднѣйшихъ изданіяхъ. Изданіе четырехъ частей столь богатаго собранія матеріаловъ обошлось Румянцову въ 66,852 р.; выручка же отъ продажи, вопреки ожиданіямъ, была весьма незначительна.

Между тѣмъ къ преданіямъ Екатерининской и Миллеровской школы вскорѣ присоединились не менѣе сильныя политическія побужденія. Какъ и въ Германіи, пробужденіе національнаго духа отразилось на изученіи и изданіи отечественныхъ памятниковъ, такъ и въ Россіи отечественная война не осталась безъ вліянія на изученіе русской старины. Уже 14-го ноября 1813 г. гр. Румянцовъ представилъ въ Академію Наукъ 25,000 р. для изданія русскихъ лѣтописей [1]); а

[1]) Сначала древней *лѣтописи по Кенигсбергскому списку*, хранившейся въ библ. Ак. Наукъ, но изданной весьма неисправно, въ 1767 г. Въ 1813 г. было предложено изданіе лѣтописей Кругу, но онъ отклонилъ отъ себя этотъ трудъ. Онъ совѣтовалъ поручить его Эверсу, или печатать извѣстія иностранцевъ о Россіи. А. Н. Оленинъ, получившій изъ этой суммы (въ 1815 г.) 3,000 р., обѣщалъ приготовить для изданія критическое сравненіе текста; но печатаніе его не начиналось, хотя трудъ его, состоявшій въ собраніи варіантовъ, пригодился въ послѣдствіи.

Не дождавшись выполненія своего желанія, Румянцовъ поручилъ (въ 1818 г.) изданіе *Ипатьевскаго списка* лѣтописи, выбраннаго Карамзинымъ и Кругомъ, со внесеніемъ всѣхъ варіантовъ изъ Хлѣбниковскаго (Полторацкаго) и Ермолаевскаго списковъ,— В. Г. Анастасевичу, но это предпріятіе, стоившее ему многихъ хлопотъ (онъ прибѣгалъ и къ посредничеству м. Евгенія), также ни къ чему не привело (Переписка съ Евгеніемъ, 116 и др.), хотя копія основнаго списка была сдѣлана вѣрно, а также было подобрано множество варіантовъ (Журн. Мин. Нар. Просв., т LXV, отд. V, 25—26). Румянцовъ хотѣлъ издать и *Лаврентьевскій списокъ*, неоконченный Тимковскимъ (Матер. для жизнеопис. Калайдовича, Чтен. М. О. ист. 1862, III, 18); но, въ виду труда Оленина, отложилъ это. Вообще, онъ постоянно интересовался лѣтописями (Чт. М. О. И. 1882, кн. I, 62, 265, 268, 347—349).

въ своемъ письмѣ къ мин. нар. просв., вспоминая труды Шлецера на этомъ поприщѣ и его упреки русскимъ за пренебреженіе ихъ къ историческимъ матеріаламъ, онъ говоритъ: „Можно ли повѣрить, чтобы одна изъ величайшихъ націй просвѣщеннаго свѣта и единственная обладательница сокровища, столь важнаго не только для нея, но и для всей занимающейся исторіей публики, которымъ она можетъ и должна гордиться, чтобы эта нація не поспѣшила возвѣстить о томъ свѣту и обработать оное. Симъ укоризнамъ уже минуло 11 лѣтъ, но онѣ до сихъ поръ не имѣли еще никакого дѣйствія". Побуждая къ изданію древнихъ памятниковъ, Румянцовъ указывалъ на многіе случаи истребленія ихъ пожарами и въ особенности печальный примѣръ 1812 года. Тѣмъ не менѣе, Ак. Наукъ вовсе не думала объ изданіи лѣтописей, такъ что и сумма, назначенная на этотъ предметъ Румянцовымъ, поступила потомъ на другое ученое предпріятіе [1]).

Такимъ образомъ, графъ Румянцовъ все болѣе втягивался въ интересъ начатаго имъ дѣла. „Чувствую,—писалъ онъ Малиновскому,—что страсть къ древностямъ меня совершенно охватила и въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ всѣ прочія страсти замѣняетъ; къ счастью волненья ея не очень опасны" [2]). Не разъ онъ заявляетъ о своей „жадности" къ памятникамъ письменности и старается первымъ завладѣть тою или другою новостью, или узнать о томъ, что открыто при его содѣйствіи. Вотъ почему Малиновскій дѣлалъ иногда такія распоряженія: „Никакой любопытной бумаги никому не передавать, кромѣ государственнаго канцлера" [3]). Возлѣ него группируется тѣсный кругъ ученыхъ, проникнутыхъ общею идеею, и ревностныхъ исполнителей его воли: П. М. Строевъ, К. Ѳ. Калайдовичъ, П. И. Кеппенъ, Кругъ, Лербергъ, Френъ, Берхъ, Востоковъ, протоіер. Григоровичъ. Аделунгъ, А. И. Тургеневъ, Ермолаевъ, Саларевъ, Арцыбашевъ, Гамель, Анастасевичъ, Розенкампфъ, Моргенштернъ (дерпт. профес.) и др. Онъ вступаетъ въ ближайшія сношенія съ представителями

[1]) Въ послѣдствіи Румянцовскій капиталъ, вмѣстѣ съ процентами (40,000 р.), былъ переданъ на учрежденіе Археогр. коммиссіи и изъ него же покрыты были издержки по изданію актовъ археогр. экспедиціи. Записка Круга, Журн. Мин. нар. Просв., т. LXV, отд. V, 11—31.

[2]) Е. Барсовъ, гр. Н. П. Румянцовъ, „Древн. Рос." 1877, № 5 стр. 10. Ср. Чт. М. О. И. 1882, кн. I.

[3]) Жизнь и труды Строева, Барсукова, 28, 31, 35, 36.

русской исторической науки, каковы митр. Евгеній, Карамзинъ, съ польскими (Бандтке, Даниловичъ, Лелевель, Линде), славянскими (Караджичъ, Копитаръ, Добровскій) и иностранными учеными (Газе, С. Мартенъ, С. де Саси, Гаммеръ, Тихсенъ). Переписка и сношенія его съ этими лицами въ высшей степени поучительны и важны, какъ для вѣрнаго и всесторонняго представленія о ходѣ открытій важнѣйшихъ памятниковъ русской исторіи и письменности и изслѣдованія множества, возникавшихъ при этомъ, вопросовъ, такъ и для характеристики тогдашнихъ научныхъ воззрѣній и пріемовъ въ области изысканія древностей и исторіи.

Въ ряду ученыхъ сношеній Румянцова на первомъ планѣ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ поставить его отношенія къ м. Евгенію [1]). Они возникли еще въ 1804 г. Евгеній, тогда епископъ старорусскій, прислалъ графу Румянцову рисунокъ корсунскихъ (новгород.) вратъ, а затѣмъ Румянцовъ переслалъ ему рѣзной деревянный образъ, для опредѣленія вѣка и мѣста его происхожденія. Въ новгородской епархіи (до 1808 г.), Евгеній производилъ на мѣстѣ изслѣдованія о Вревскомъ погостѣ, сообщалъ ихъ Румянцову и писалъ, по его вызову, о богослужебныхъ книгахъ греко-россійской церкви [2]). Въ бытность свою, съ 1804 г., въ разныхъ епархіяхъ (въ Новгородѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Кіевѣ), Евгеній ознакомился со многими сокровищами и памятниками древности, съ новгородскою Соф. библіотекою, Кіево-софійскою библіотекою и архивомъ [3]), съ монастырскими, епархіальными и губерски-

---

[1]) Онъ род. въ 1767 г., воспитывался въ ворон. семинаріи, москов. дух. академіи и университетѣ и рано выступилъ на литературное поприще, состоя преподав. въ той же семин. Къ 1796—800 гг. относятся его историч. труды: Рос. исторія (не напеч.) и Ист., геогр. и экономич. описаніе Ворон. губ. (по архивн. и печат. матер., изд. 1800).

[2]) Кестнеръ, 11—12. Разсужд. о нихъ напеч. въ 1805 г., Спб. Тамъ же изданы его Историч. изображ. Грузіи, 1802, и Изслѣд. о соборахъ Рос. церкви 1803. Въ 1805 г. онъ печаталъ уже Словарь рус. писателей. Сборн. Ак. Н. т. V, 1—25. О переводахъ м. Евгенія—Словарь Геннади, т. I.

[3]) Здѣсь, какъ и въ библіотекахъ—Кіево-печерской лавры и Михайловскаго мон. митр. Евгеній нашелъ много рѣдкостей. Переписка съ Рум., 62.

ми архивами. Благодаря этому, у него собрался значительный запасъ матеріаловъ, которыми онъ отчасти воспользовался для своихъ трудовъ, какъ исторія Рос. іерархіи Амвросія, въ которой онъ принималъ самое дѣятельное участіе, историч. разговоры о древностяхъ Новгорода, ист. Псковскаго княжества, описаніе псков. монастырей, ист. Кіево-соф. собора и кіев. іерархіи и ист. Кіево-печерской лавры. Онъ обратилъ вниманіе на письменные и вещественные памятники (зырянскіе идолы и надписи, древнія монеты, псковскія и новгородскія древности) и занимался палеографическимъ изученіемъ ихъ: таковы замѣчанія его на открытую и изданную имъ грамоту вел. кн. Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Мстиславича, новгородскаго князя, пожалованную Юрьевскому монастырю, какъ древнѣйшую изъ русскихъ грамотъ, уцѣлѣвшихъ въ подлинникѣ, а потому и заслуживавшую особеннаго вниманія. При изданіи этого памятника Евгеній желалъ дать краткое начертаніе русской дипломатики, примѣняясь къ Гаттереровой [1]). Эта мысль не оставляла его и потомъ. Понятно, что его дѣятельность не могла остаться не замѣченной Румянцовымъ, какъ постоянно слѣдившимъ за иностранною и русскою литературою въ сферѣ знаній, его интересовавшихъ;

[1]) „Вѣстн. Евр." 1818 г., части 100 и 101, № 15—16 и 20 и Труды Общ. ист. и древн., т. III, кн. 1, 1826 г. Переписка Евгенія съ Румянц., 4.

Такимъ образомъ, за текстомъ самой грамоты слѣдуетъ опредѣленіе ея времени по содержанію; объяснены неясныя выраженія текста, значеніе и происхожденіе словъ: вира, дань, продажа; описывается матеріалъ (пергаменъ) и чернила этой грамоты; говорится о бумагахъ, какія употреблялись для рукописныхъ книгъ и грамотъ въ древнія времена и вообще о внѣшней формѣ старинныхъ русскихъ грамотъ; о правописаніи и почеркѣ буквъ, о строчныхъ и надстрочныхъ знакахъ; въ статьѣ же о признакахъ удостовѣренія грамоты подробно описаны заглавныя надписи, кресты, рукоприкладства и печати. Тутъ помѣщено хронологическое описаніе 23 русскихъ великокняжескихъ и царскихъ печатей, начиная съ серебряной печати вел. кн. Михаила Ярославича Тверскаго до государственной печати Петра В.; потомъ описаны печати духовныхъ лицъ; а въ концѣ изслѣдованія (Вѣст. Евр.) приложенъ точный снимокъ самой грамоты.

Вновь она издана съ филологическими замѣчаніями И. И. Срезневскимъ въ „Извѣстіяхъ Ак. Наукъ", т. VIII, 337—353.

Румянцовъ очень интересовался этимъ открытіемъ, соперничалъ съ Евгеніемъ въ объясненіи трудныхъ мѣстъ и приглашалъ другихъ принять участіе въ немъ. Соч. Держ., т. VI, 263—64.

но вскорѣ Евгеній дѣлается уже незамѣнимымъ для него „совѣтникомъ“. Такъ смотрѣлъ на Евгенія самъ Румянцовъ. Онъ уважалъ въ немъ „мужа ученаго, духомъ истинной критики преисполненнаго“, „учителя и наставника“. Отправляя къ нему первый экземпляръ изданной имъ книги: „Іоаннъ, экзархъ Болгарскій“, Румянцовъ замѣчаетъ: „Кому же первому сдѣлать мнѣ таковое приношеніе? Я въ васъ имѣю себѣ друга и вы у насъ лучшій судья въ семъ дѣлѣ“ [1]). Румянцовъ сообщалъ Евгенію первые листы своихъ изданій; *новые матеріалы*, каковы: кенигсбергскіе акты, акты арх. мин. ин. дѣлъ (для исторіи кіевской іерархіи), эрмитажный списокъ псков. лѣт., выписки изъ польск. и литов. метрики, рижскія грамоты, выписки изъ грузин. и армян. лѣт., сдѣланныя С. Мартеномъ, рукопись о Лжедимитріѣ, рисунки рязан. древностей и др.; *книги*, напр. зырян. грамматику Флерова [2]), о черниговскихъ городахъ, опытъ историч. опис. г. Смоленска, іером. Іоас. Шупинскаго, 1780, Рус. древности, Успенскаго, Свитригайло, соч. Коцебу, ист. ересей аббата Грегуара, исторію рязан. епархіи, соч. Френа о восточ. монетахъ, соч. Фатера: Analekten der Sprachenkunde, о татарахъ Клапрота, о вліяніи татаръ на Россію Наумова, соч. Броневскаго о Кавказѣ, армян. грамматику Цирбита, изслѣд. Келлера и Рауль-Рошетта, соч. Міоне, монг. грамоты, изд. Шмидтомъ, соч. о пчеловодствѣ на жмудскомъ язык. и жмудскій букварь. Онъ разыскивалъ для Евгенія необходимыя *рукописи* (напр. Кормчія), выписывалъ рѣдкія книги (хронику Луки Давида, извѣстное соч. Кониского о правахъ и вольностяхъ правосл. насел. въ Польшѣ, которое онъ велѣлъ списать, опис. цареград. соборн. церкви на греч. яз. [3]); снабжалъ Евгенія нѣмецкими и французскими *журналами* (Вѣнск. Jahrb. d. Liter., Journal des Savants, Journal Asiatique, Nou-

---

[1]) Переписка, стр. 6, 7, 10, 19, 28, 110.

[2]) По указанію м. Евгенія, она принадлежитъ ученику вологодской семинаріи, зырянину Мезенскому. Переписка Евг. съ Румянц., стр. 5.

[3]) Переписка Евг. съ Рум., 40, 41, 51. При его посредствѣ Кругъ сообщилъ Евгенію выписки изъ иностр. писателей о цареградскомъ Софійскомъ соборѣ. Ib. 77. Евгеній иногда охлаждалъ горячность Румянцова. „Нѣмцы великіе мастера распространить и малое на большую книгу“, писалъ онъ, а по поводу соч. Аделунга о Корсунскихъ вратахъ выразился, что въ немъ много лишняго, но мало выясненно происхожденіе и появленіе ихъ въ Новгородѣ. Переписка Рум. съ Евген., Ворон., стр. 80, 94.

velles Annales M. Брюна); сообщалъ ему *свѣдѣнія* о новыхъ открытіяхъ и разысканіяхъ по части древностей; дѣлился съ нимъ своею ученою *перепиской* (рисунки рязан. древн., о Рогволодовой надписи, о древностяхъ, найденныхъ при устьѣ Дона, объ изборникѣ Святослава 1073 г., о находкахъ Газе въ Венеціи и Миланѣ; письмо М. Брюна о славянахъ, письмо Френа о донскихъ древностяхъ, объ изслѣдованіяхъ Кеппена за границею, письма Арцыбашева и др.). Для Евгенія Румянцовъ разыскивалъ иконы св. Софіи по всей Россіи и въ Сибири. Онъ совѣтовалъ Евгенію выждать съ печатаніемъ исторіи Пскова до изданія псков. лѣтописи, приготовлявшейся моск. ист. обществомъ и до полученія актовъ кенигсбергскаго архива, „чтобы, усиливъ себя дипломатическими документами, оставить потомству сіе твореніе вѣчнымъ образцомъ, какъ писать и обработывать лѣтописи“ [1]), и Евгеній охотно подчинился этому требованію.

Съ своей стороны Евгеній служилъ для Румянцова усерднымъ корреспондентомъ. Онъ сообщалъ ему свои замѣчанія о зырянской надписи, о Никонѣ Черногорцѣ и его твореніи „Тактиконъ“, о цифровыхъ знакахъ въ рукописяхъ, о древнемъ счисленіи, о „складныхъ грамотахъ“, о шестникахъ псковской лѣтописи и псковскихъ уставныхъ грамотахъ, объ устройствѣ Пскова, о Кормчихъ, о древнихъ гривнахъ и черниговской медали, о Россахъ, упоминаемыхъ у арабскихъ писателей (Табари), объ употребленіи въ древнихъ рукописяхъ буквъ *шт* вмѣсто *щ* и *юсовъ*. и т. п.

По указанію Евгенія, Румянцовъ дѣлалъ разысканія въ новгород. Соф. библіотекѣ [2]), въ холмогорскомъ, архангельскихъ и вологодскихъ монастырскихъ архивахъ [3]), а въ могилевскомъ, полоцкихъ и мстиславскихъ гражданскихъ и духовныхъ архивахъ занимался съ этою цѣлью воспитанникъ Румянцова, протоіерей І. І. Григоровичъ, причемъ м. Евгеній настаивалъ на осмотрѣ всѣхъ бѣлорусскихъ *архивовъ* (въ Витебскѣ, Оршѣ и др.), тогда почти еще не тронутыхъ [4]). Румянцову Евгеній служилъ посредникомъ въ пріобрѣтеніи кіевскихъ древностей

---

[1]) Переписка Евгенія, 111—114, и Востокова, 223. Ср. Чтен. М. О. исторіи 1882, I, 269, 281.

[2]) О письмахъ патр. Никона къ ц. Алексѣю Михайловичу и др., 21, 30, 62, и Чтен. М. О. И., ib. 239.

[3]) Письма архангельскаго епископа Неофита о древностяхъ и рукопис. матеріалахъ въ перепискѣ гр. Румянцова съ м. Евгеніемъ, 75, 81, 122.

[4]) Ibid. 61, 102, 108, 110.

(при открытіи Десятинной церкви и находкахъ Лохвицкаго), хотя не всегда успѣшно; сообщалъ ему свои археологическія замѣтки о путешествіи по кіевской епархіи и, по его желанію, поручалъ переводъ кенигсбергскихъ актовъ студентамъ Кіевской академіи. Наконецъ, тому же Евгенію Румянцовъ обязанъ былъ пріобрѣтеніемъ для описанія своихъ рукописей такого знатока дѣла, какъ Востоковъ. Вмѣстѣ съ Евгеніемъ Румянцовъ мечталъ (еще въ 1817 году) о составленіи русской палеографіи [1]). М. Евгеній считалъ Востокова единственнымъ настоящимъ знатокомъ послѣдней и настаивалъ передъ Румянцовымъ на приглашеніи его къ этому труду, прибавляя, что помощникомъ его можетъ быть лишь одинъ Ермолаевъ [2]). Въ слѣдствіе его настояній начались переговоры между гр. Румянцовымъ и Востоковымъ. И вотъ въ 1824 году Румянцовъ уже извѣщаетъ своего ученаго друга, что Востоковъ оставитъ департаментъ духовныхъ дѣлъ и, за приличное вознагражденіе (3,000 р. въ годъ), займется сначала ученымъ разборомъ его рукописей, а потомъ палеографіей. „О, коль счастливъ буду, прибавляетъ онъ, если прежде смерти своей увижу появленіе хотя перваго тома сего сочиненія и свой успѣхъ къ достиженію той цѣли, о которой неусыпно домогался уже нѣсколько лѣтъ" [3]).

---

[1]) „Я съ вашимъ преосвященствомъ въ полной мѣрѣ дѣлю желаніе видѣть россійскую палеографію и заготовилъ уже нѣсколько матеріаловъ для сочинителей оной; но гдѣ сіи сочинители? Укажите мнѣ особъ, на то способныхъ и притомъ готовыхъ трудъ понести" (отъ 13-го сентября 1817 г. Переписка, стр. 8). Евгеній писалъ ему: „Отвѣтствую на сіе, что нужны матеріалы, которые когда появятся, то и у насъ появятся мастера Монфоконы. Такимъ путемъ шли иностранцы и къ своей дипломатикѣ, коей до исхода XVII в. на свѣтѣ не было. Какъ скоро вездѣ уже много издано было дипломовъ, то явился Пенброкъ, отецъ сей науки, за нимъ Мабиліонъ, за нимъ Бенедиктинцы Тустейнъ и Тассинъ и потомъ многіе". Ib. 9.

[2]) У Кеппена м. Евгеній не признавалъ основательныхъ свѣдѣній по части палеографіи. Ibid. 61.

[3]) Переписка стр. 58, 61, 93, 95, 105. Свою пріязнь къ м. Евгенію гр. Румянцовъ выразилъ однажды тѣмъ, что купилъ для него на ярмаркѣ „бархата неразрѣзнаго на рясу". Переписка, 108. Въ 1823 г. они видѣлись въ Кіевѣ, а въ 1825 г.—въ Петербургѣ, причемъ Евгеній проводилъ съ Румянцовымъ по нѣсколько часовъ въ его библіотекѣ. Ч.М.О.И. 1864, кн. II, 60.

Однако Румянцову не пришлось дождаться описанія своихъ рукописей: оно вышло въ свѣтъ только въ 1842 г. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ описаніи, и въ другихъ своихъ трудахъ, Востоковъ положилъ въ Россіи прочное основаніе палеографіи какъ науки [1]).

Близкое участіе въ судьбѣ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ и изданіе при немъ государственныхъ грамотъ и договоровъ поставили Румянцова въ дружескія отношенія къ А. Ѳ. Малиновскому (род. 1762). Воспитанникъ Московскаго университета, свидѣтель дѣятельности Миллера, Стриттера и Б. Каменскаго, онъ сдѣлался лучшимъ и ближайшимъ исполнителемъ воли канцлера. Черезъ него дѣлались важнѣйшія сношенія съ московскими учеными и хозяйственныя распоряженія по изданію и пріобрѣтенію памятниковъ. Впервые графъ Румянцовъ обратилъ на него вниманіе еще въ 1809 г., когда Малиновскій представилъ ему свой трудъ о сношеніяхъ Россіи съ Индіей. Значительную долю успѣха въ своихъ предпріятіяхъ канцлеръ приписывалъ ему. „Я только тогда богатымъ себѣ кажусь, писалъ онъ Малиновскому, когда вы хвалите то, что я пріобрѣтаю, я люблю у васъ учиться. Я точно тужу, что вы отъ меня никакого рода услуги не требуете" [2]). Какъ канцлеръ, Румянцовъ весьма интересовался сношеніями Россіи съ иностранными державами, и Малиновскій доставляетъ ему реестры и выписки изъ архива, составленные Б. Каменскимъ; собираетъ свѣдѣнія объ иностранныхъ послахъ и посланникахъ, бывшихъ въ Россіи; дѣлаетъ выписки и справки о пребываніи въ Россіи иностранцевъ, оставившихъ описанія или извѣстія о ней (какъ Паерле, Флетчеръ, Олеарій, Карлейль, Беръ (Буссовъ), Мейербергъ, Вимена да-Ченеда [3]). Занимаясь въ это время разысканіями въ иностранныхъ архивахъ, Румянцовъ хотѣлъ дополнить матеріалы московскаго архива коллекціей этихъ актовъ и пересылалъ нѣкоторые изъ

---

[1]) Востоковъ своимъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ называетъ извѣстнаго Добровскаго. Переписка Востокова, Сборн, Ак. Н., т. V, в. 2, стр. 100.

[2]) Переписка гр. Румянцова съ москов. учеными (преимущественно Малиновскимъ), изд. Е. В. Барсовымъ, Чтен. М. О. И. 1882, I, стр. VI—VII.

[3]) Чтен. М. О. И. 1882, I, стр. 8, 30, 55, 81—82, 115, 117, 127, 129, 138, 150, 152, 156, 178, 281; 60, 84, 107, 128, 154, 181, 183, 189, 213, 221, 223, 319, 327.

нихъ Малиновскому для сличенія и снятія копій [1]). Съ такою же заботливостью относился Румянцовъ и къ пополненію библіотеки архива, снабжая ее дублетами изъ собственнаго собранія, или нарочно выписывая для нея важнѣйшія сочиненія на иностранныхъ языкахъ [2]). Еще въ 1814 г. А. И. Тургеневъ предлагалъ канцлеру издать рукопись Альбертранди, составленную изъ матеріаловъ Ватиканской библіотеки, касающихся Россіи, и хотя изданіе ея не состоялось, но это навело Румянцова на мысль снять въ Римѣ рукописи, относящіяся къ Россіи, выполненную нѣсколько позже. Отдѣльныя изданія въ этомъ родѣ не удовлетворяли Румянцова, а потому онъ предполагалъ (въ 1822 г.) составить обширное собраніе иностранныхъ источниковъ о Россіи, подъ заглавіемъ: *„Россійская дипломатика. Иностранные источники"*, куда должны были войти не только акты (напр. изъ польской метрики и т. п.), но и записки иностранныхъ дипломатовъ (напр. Мейерберга, лучшій списокъ котораго онъ старался добыть [3]). Можно думать, что въ связи съ этимъ планомъ находится проектъ изданія иностранныхъ писателей о Россіи вообще (Scriptores rerum Rossicarum exotici, in corpus pro cujusque idiomate congesti et ad annorum ordinem redacti), исполненіе котораго бралъ на себя, вѣроятно, Аделунгъ, тогда же подготовлявшій нѣкоторыхъ изъ нихъ къ печати [4]). И въ то время, какъ Малиновскій занимался разысканіемъ извѣстій объ иностранныхъ писателяхъ въ московскомъ архивѣ, Румянцовъ обращаетъ его вниманіе на соч. Буле, посвященное обозрѣнію иностранныхъ сочиненій о Россіи [5]).

Будучи защитникомъ документальнаго и критическаго метода въ изученіи историческихъ памятниковъ, Румянцовъ любилъ постоянно обращаться къ непосредственнымъ источникамъ, преимущественно *актамъ*. Со всею ясностью этотъ взглядъ на источники былъ высказанъ въ предисловіи къ его изданію грамотъ и договоровъ [6]). И въ своихъ

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 127, 150, 222, 280.

[2]) Ib. 70, 77—78, 165, 199, 281, 305.

[3]) Ib. 223.

[4]) Кестнеръ, 20. Тутъ исчислено 57 писателей: древнѣйшій Барбаро (1436), позднѣйшій Перри (1716).

[5]) Чтен. М. О. И. 1882, I, 246, 250. Румянцовъ заявлялъ Малиновскому желаніе заказать переводъ соч. Маржерета и др. Ib. 134, 157.

[6]) Т. II, стр. I—II.

вопросахъ Румянцовъ обращаетъ вниманіе на сличеніе различныхъ списковъ лѣтописей, печатной Степенной книги съ рукописными; интересуется лучшими списками повѣстей и сказаній (пов. объ Александрѣ макед., путеш. Аѳанасія Никитина въ библ. Троиц. лавры и т. п.); для него списывается сказаніе Курбскаго; высылаются матеріалы о Д. Самозванцѣ и смутной эпохѣ; разыскивается дѣло о Кульманѣ; собираются свѣдѣнія о евреяхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ [1]), объ объявленіи ц-ча Ѳеодора Алексѣевича [2]). По поводу сомнѣній, возбужденныхъ въ Англіи о Беринговомъ проливѣ, онъ старается о разысканіи архивныхъ матеріаловъ о Дежневѣ, чтобы познакомить съ его путешествіемъ англичанъ, и радуется открытію грамотъ о судоходствѣ по Ледовитому морю при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ [3]). Онъ хлопоталъ о составленіи отдѣльныхъ сборниковъ—документовъ, относящихся къ судопроизводству въ Россіи до Судебниковъ, и актовъ, которые не могли войти въ Собраніе государственныхъ грамотъ [4]); обращалъ вниманіе на родословныя, о которыхъ дѣлались разысканія и наводились справки въ архивѣ [5]); на чины и титулы („правитель“ о Годуновѣ); интересовался судьбою библіотеки Меншикова [6]). При этомъ онъ постоянно требовалъ, чтобы архивныя разысканія и изданія сопровождались палеографическими снимками подписей и важнѣйшихъ документовъ [7]), а иногда самъ указывалъ на дипломатическіе и палеографическіе признаки матеріа-

---

[1]) Чт. М. О. И., 1882, I, 113; 139, 275, 359; 23, 74, 83, 87; 156, 157, 169, 171, 189, 199, 222, 305, 306.

Прочитавъ дѣло Кульмана, Румянцовъ замѣчаетъ: „Оно вновь свидѣтельствуетъ, что міръ такъ течетъ, что новаго въ немъ нѣтъ“. Ibid. 78, 84, 88.

[2]) Ibid. 366—368.

[3]) Ibid. 68—69, 75, 270.

[4]) Ibid. 33, 100, 121, 124—126, 139, 173.

[5]) Ibid. 22 (о Голтяевой), 28 (о Симонѣ Африкановичѣ и Воронцовыхъ), 26—29 (о Годуновѣ), 132 (о Коловратахъ); 208 (о кн. Холмскихъ); 240 (о кн. Микулинскихъ); 297 (о Матвѣевѣ—предкѣ канцлера по женской линіи). Румянцовъ самъ дѣлалъ справки о Маріи Голтяевой въ лѣтописяхъ, а Строевъ составилъ для него записку о ней, причемъ оба они пришли къ одному выводу.

[6]) Ibid. 61, 304, 315.

[7]) Ibid. 20, 32, 36, 56, 76, 155, 159—161, 167, 218, 280, 304, 323.

ловъ (даты, клейма бумаги и т. п. [1]), какъ русскихъ, такъ и восточныхъ. Онъ признавалъ важность изученія ханскихъ ярлыковъ [2]), для объясненія которыхъ и извлеченія документовъ, касающихся сношеній Россіи съ Азіею, былъ отправленъ въ москов. архивъ молодой оріенталистъ Я. О. Ярцовъ, воспитанникъ Казанскаго университета, причисленный, по рекомендаціи Френа, къ Академіи Наукъ, а Румянцовъ, съ своей стороны, предлагалъ произвести разысканія о ханскихъ ярлыкахъ и въ Синодальной библіотекѣ [3]). Для изданія этихъ матеріаловъ онъ хотѣлъ привлечь также двухъ молодыхъ оріенталистовъ, выписанныхъ изъ Парижа въ Петербургъ. При содѣйствіи Малиновскаго, онъ старался дополнить свое собраніе матеріалами, извлеченными въ архивахъ иностр. и старыхъ дѣлъ. Онъ радовался, когда являлись русскіе ученые, желавшіе познакомиться съ московскимъ архивомъ и поручалъ ихъ покровительству того же Малиновскаго (напр. Френа, проф. Цеплина, Саларева, Гамеля и др. [4]). Черезъ руки послѣдняго прошло множество матеріаловъ, доставшихся Румянцову изъ разныхъ архивовъ и памятниковъ письменности, пріобрѣтенныхъ по его порученію. Румянцовъ любилъ тотчасъ отвѣчать на его

---

[1]) Ibid. 56, 60. Онъ собиралъ матеріалы для пополненія труда Лаптева, представляющаго образцы русской дипломатики. Чтен. М. О. И. 1882, I, 305. Опытъ въ старин. рус. дипломатикѣ, Лаптева, изд. въ 1824 г. (Спб.).

[2]) Ibid. 30. Румянцовъ задумывалъ даже издать два тома татарскихъ грамотъ съ двумя текстами—татарскимъ и русскимъ. Ib. 110—111.

[3]) Ibid. 81, 85, 101, 111, 112, 116, 118, 119 и др. Ярцовъ указалъ на лучшій списокъ Абулъ-гази (на турец. яз.) съ примѣчаніями ученаго Кера, (ib. 108) и по его же указанію Румянцовъ хотѣлъ издать записки извѣстнаго Бабура (XVI в.), напис. на джагатайскомъ нар. (стр. 118). Подлинникъ ихъ изданъ Ильминскимъ, въ Казани, въ 1857 г.; есть англ. переводъ съ персид. Memoirs of Baber, Lond. 1830. Изданіемъ соч. Абулъ-гази Румянцовъ думалъ замѣнить въ школахъ чтеніе религіоз. магомет. книгъ—историческими. Ср. Кестнеръ, 21—22. и Опис. Рум. муз. стр. 804.

Г. Я. Керъ, извѣстный оріенталистъ и переводчикъ на нѣм. яз. соч. Абулъ-гази Багадуръ-хана, былъ въ Россіи въ цар. Анны Ивановны. Онъ (вмѣстѣ съ Лоттеромъ) объяснилъ куфич. письмена на плащѣ Карла В. и составилъ проектъ акад. восточн. языковъ въ Россіи. Пекарскій, Ист. Ак. Н. I, 313—14, 536, 617. Богатая его коллекція въ библіот. Моск. арх. ин. дѣлъ.

[4]) Ч. М. О. И. 110—111, 5, 33, 119, 218, 327. Профес. Казан. унив. Цеплинъ считался знатокомъ въ иностран. дипломатикѣ. Записки Калайдовича, 99.

письма и сожалѣлъ, если не могъ писать собственноручно. Малиновскому принадлежатъ слѣд. соч.: подробное „Обозрѣніе Москвы" [1]), „Біографическія свѣдѣнія о кн. Пожарскомъ", составленныя по матеріаламъ (М. 1817), „Историческое описаніе Оружейной палаты" (М. 1807, съ изображ.) и нѣсколько ученыхъ статей въ „Трудахъ Московскаго общества исторіи" [2]).

При посредствѣ Малиновскаго Румянцовъ поручалъ К. Ѳ. Калайдовичу изслѣдованіе памятниковъ древней письменности (о Прологѣ, Діоптрѣ, о Стефанѣ Пермскомъ, о Епифаніѣ, авторѣ житія Сергія, сказаніе о взятіи Казани, сравненіе лѣтописей и т. п. [3]); пріобрѣтеніе и описаніе памятниковъ древности въ древнемъ Микулинѣ, Рязани и др.; Калайдовичу и Строеву—описанія рукописей Синодальной и Троицкой (лаврской) библіотекъ [4]).

Около того же времени гр. Румянцовъ познакомился съ извѣстнымъ изслѣдователемъ въ области древнѣйшей русской исторіи и географіи—А. Х. Лербергомъ. Уроженецъ Дерпта, онъ получилъ университетское образованіе въ Геттингенѣ и Іенѣ, гдѣ вращался въ кругу Шиллера, а потомъ посѣтилъ Англію. Сочиненіе его о мѣстоположеніи Саркела обратило на него вниманіе Шлецера и петербургской Академіи Наукъ, которая избрала его въ 1807 г. своимъ членомъ. Дѣятельность Лерберга продолжалась по 1813 г., когда тяжкая болѣзнь свела его въ могилу. „Пріятно было видѣть у постели нашего друга, говоритъ біографъ Лерберга,—канцлера, не обнаруживающаго ничего, кромѣ своихъ познаній, кромѣ прекраснаго чувства дружбы

---

[1]) Ч. М. О. И. 231, 265 и др. Оно хранится въ библ. Моск. арх. ин. дѣлъ.

[2]) Историч. доказательства о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи; свѣдѣнія объ увезенной поляками изъ Москвы (въ 1612 г.) царской коронѣ, собранныя по желанію Румянцова (Переписка въ Чт. М. О. И 1882, I, стр. 143—144, 151, 170); біографич. свѣдѣнія объ Ординѣ-Нащокинѣ; А. С. Матвѣевѣ; кн. В. В. Голицынѣ—начальникахъ посольск. приказа; извѣстіе объ отправленныхъ въ Индію рос. посланникахъ и купцахъ и о пріѣздѣ въ Россію индійцевъ, 1469—1751 г. (Ч. VI и VII). О его литературн. произведеніяхъ—Словарь Геннади, т. II.

Въ Сборн. Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ (М. В. I, 1880) напечатанъ одинъ изъ каталоговъ архива, составленныхъ при немъ.

[3]) Чт. М. О. ист. 1882, I, 104—106, 194, 196, 259, 305—306, 318—322, 340.

[4]) Ibid. 228—238; 176—177, 305; 293, 298.

ко вновь пріобрѣтенному другу, котораго онъ и свѣтъ должны были скоро лишиться. Это превосходное чувство не изсякло въ душѣ графа Румянцова и по смерти Лерберга. Онъ купилъ Лербергову библіотеку; онъ хотѣлъ обратить отеческое попеченіе на его дочь; онъ препоручилъ славному русскому ваятелю Мартосу сдѣлать изъ мрамора бюстъ его, поставилъ его въ своемъ кабинетѣ и слѣпки съ него раздалъ друзьямъ Лерберга" [1]). Смерть Лерберга, изданіе сочиненій котораго было поручено І. Ф. Кругу, сблизила Румянцова съ послѣднимъ. Однимъ изъ первыхъ предпріятій, внушенныхъ канцлеру Кругомъ, было изданіе византійскихъ источниковъ русской исторіи, Георгія Амартола и Льва Діакона. По порученію канцлера, Кругъ обратился въ мартѣ 1813 г. и вторично въ 1814 г. къ эллинисту Газе, который уже нѣсколько лѣтъ трудился надъ послѣднимъ изъ нихъ, съ предложеніемъ необходимой суммы для его изданія. Когда же Газе намѣревался напечатать нѣсколько дополнительныхъ томовъ къ парижскому изданію византійцевъ, и канцлеръ согласился принять на себя расходы на него, то, по предложенію Круга, было прибавлено условіе, чтобы въ число ихъ вошло также изданіе лѣтописи Г. Амартола, находившейся въ Парижѣ въ нѣсколькихъ спискахъ. Кромѣ того, гр. Румянцовъ хотѣлъ устроить поиски о византійскихъ писателяхъ въ Англіи и въ монастыряхъ Малой Азіи, а также собрать свѣдѣнія о рукописяхъ, хранящихся въ Римѣ и Испаніи, позднѣйшіе разысканія въ которой убѣдили въ вѣрности его предположеній на этотъ счетъ [2]). По этому поводу Кругъ вступилъ въ сношенія съ разными учеными въ Европѣ и духовными лицами въ Константинополѣ; но смерть Румянцова остановила задуманное имъ предпріятіе.

Весьма интересуясь вопросомъ о началѣ Руси и отношеніями ея къ Византіи, Румянцовъ въ особенности цѣнилъ указанія и совѣты Круга. „Признаюсь, я безконечно дорожу тѣмъ, чтобы начать *второе собраніе Византійцевъ* и идти въ этомъ по Кольберовымъ стопамъ", писалъ онъ Кругу въ 1820 г. Съ искреннимъ восторгомъ отзывается онъ о богатомъ нумизматическомъ собраніи братьевъ Зосимъ въ

---

[1]) Сочин. Лерберга, стр. XLI—XLII. Они были переведены, по желанію канцлера, на рус. яз. Д. И. Языковымъ и изд. на его счетъ, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія, служащія къ объясн. древ. рус. исторіи". Спб. 1819.

[2]) Ж. М. Н. Пр. LXIII, отд. VII, 23 и Mélanges Russes, T. I, Sptb. 1850. Analectes historiques № 6.

Москвѣ, но сожалѣетъ, что они, при всемъ своемъ богатствѣ, отказались отъ предпринятаго описанія его, устрашившись большихъ издержекъ на рисунки. Съ такимъ же неподдѣльнымъ чувствомъ радости говоритъ онъ и о собраніи рукописей и старопечатныхъ книгъ гр. Ѳ. А. Толстого; а не дождавшись во время своихъ экземпляровъ изданія Газе Льва Діакона, отправленныхъ моремъ, Румянцовъ восклицаетъ: „Варръ, отдай мнѣ мои легіоны"! [1]). Въ письмахъ къ Кругу, Румянцовъ указываетъ на вышедшее недавно разсужденіе Востокова о древнемъ славянскомъ языкѣ, высказывая твердую надежду, что этотъ трудъ окажетъ свое вліяніе на иностранныхъ славистовъ. Онъ спѣшитъ отправить изданіе Газе—м. Евгенію, сочиненіе Востокова—ученому Линде, а снимки (алебастровый и оловянный) съ извѣстной Черниговской гривны—Кругу. Онъ дѣлится съ послѣднимъ своими первыми впечатлѣніями по поводу статьи Каченовскаго о той же гривнѣ. Получивъ же въ февр. 1821 г., послѣ многихъ хлопотъ и промедленій (изъ Копенгагена), отъ архиваріуса Бермана, рукописную скру съ нѣмецкимъ переводомъ и примѣчаніями, для изданія на его счетъ, онъ пишетъ по этому поводу Кругу: „Моя дѣятельная ревность все же остается не безъ награды, хоть по временамъ, но я вѣдь такъ старъ, такъ хилъ, что едва переношу всѣ тѣ замедленія, которымъ меня часто подвергаютъ. Право я только и нахожу спокойствіе, что въ васъ и у васъ" [2]). Восхищаясь трудомъ Абель-

[1]) За этотъ трудъ Газе, по ходатайству Румянцова, получилъ орденъ Владиміра 4 ст. и сталъ просить о томъ же для своего сотрудника Рауль-Рошетта. Но канцлеръ написалъ по этому поводу Кругу слѣд. замѣчательныя слова: „Небо не только спасло меня отъ страсти къ иноземнымъ орденамъ и академическимъ дипломамъ, но и вселило мнѣ даже сильную антипатію размножать ихъ". Коршъ, 62—65; Переписка Евгенія, 23.

Еще въ 1785 г. Румянцовъ выражался, что онъ цѣнитъ дружбу гораздо болѣе „qu'aux décorations, qui n'ont de prix que pour des têtes allemandes". Арх. Воронц. IX, 44.

—Исторія Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія визант. писателей, изд. Газе, были переведены, по волѣ канцлера, на рус. яз. профес. Д. Поповымъ и напеч. въ 1820 г., Спб. Отзывъ Евгенія, Переписка, 38.

[2]) Сочиненіе Генриха Бермана De Scra van Nougarden, вышло въ Копенгагенѣ въ 1828 г., а Славянскій воспользовался имъ въ своей монографіи: „Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ", Спб. 1847.

Ремюза о татарахъ, онъ проситъ Круга откровенно сообщить ему свое мнѣніе объ этой книгѣ; а не получая долго (въ 1822 г.) извѣстій отъ него, гр. Румянцовъ, хотя и высказываетъ сожалѣніе о томъ, но не считаетъ себя въ правѣ пенять на него, потому что такой человѣкъ какъ Кругъ долженъ писать для потомства, а не для удовольствія друзей, и проситъ его лишь черезъ другихъ сообщить о своемъ здоровьѣ. Во время своихъ поѣздокъ по Россіи, Румянцовъ сообщаетъ Кругу о всѣхъ своихъ пріобрѣтеніяхъ, планахъ и неудачахъ. Онъ предлагалъ взять на свой счетъ изданіе *на русскомъ языкѣ* изслѣдованій Круга, *нѣмецкое* изданіе которыхъ приготовляла Академія Наукъ [1]).

Въ послѣдніе годы жизни Румянцовъ обращалъ свои взоры на всѣ народы, жившіе нѣкогда въ Россіи. Его интересовали какъ памятники греческаго и римскаго происхожденія, такъ и древнія извѣстія о южной Россіи. Во время своихъ ученыхъ путешествій на Кавказъ и въ Крымъ (въ 1823 г.), онъ осматривалъ и памятники, заказывалъ рисунки съ нихъ, тщательно собиралъ босфорскія монеты и другія древности того края; но о своихъ пріобрѣтеніяхъ по этой части онъ обыкновенно обращался къ Кругу, желая предварительно знать его мнѣніе [2]). „Quel riche théâtre pour la science, писалъ Румянцовъ къ Кругу 18-го іюня 1823 г., съ кавказскихъ минеральныхъ водъ, et quelle terre vierge pour les recherches que celles de ce pays-ci! La Société Asiatique qui c'est fondée à Paris devrait avoir une commandite au Caucase“ [3]). И по возвращеніи съ Кавказа, узнавъ объ открытіи армянскаго перевода лѣтописи Евсевія, онъ пожелалъ получить свѣдѣнія объ ея содержаніи и предполагалъ начать разысканія о древнихъ писателяхъ въ армянской литературѣ и сдѣлать съ нихъ переводы и извлеченія, причемъ опять обращался за совѣтомъ къ Кругу. Послѣдній указалъ ему на славянскія рукописи въ париж-

---

[1]) Послѣднее вышло въ 1848 г, подъ ред. Куника, сообщившаго въ предисловіи свѣдѣнія объ отношеніяхъ Круга къ гр. Румянцову.

[2]) Переписка Евгенія, 82, 83, 89; Чтен. М. О. И. 1882, I, 264—65. Такъ, Кругъ доказалъ подложность медалей, купленныхъ Румянцовымъ въ Крыму и на Кавказѣ. Переписка м. Евгенія, съ Рум. и др. 84.

Въ другой разъ Кругъ доставилъ изслѣдованіе о такъ наз. Матронинской монетѣ; къ нему же посылались рус. монеты, переводъ Мейерберга, рижскіе акты (Чт. М. О. И. 1882, I, 30, 102, 235, 254, 258).

[3]) Forschungen in der älteren Gesch. Russlands, v. Ph. Krug, I, S. CLXVIII.

скихъ библіотекахъ, а Румянцовъ просилъ его освѣдомиться о рукописяхъ, хранящихся въ Генуѣ. Къ нему же обращался Румянцовъ и за разъясненіемъ о лѣтописи Далмаціи.

Въ званіи министра торговли, гр. Румянцовъ хотѣлъ, чтобы кто нибудь взялся обработать исторію древней русской торговли, и, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, хлопоталъ о собираніи извѣстій по этому предмету. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе занималъ его, что мысль о торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей черезъ Россію, задолго до нашествія монголовъ, была оспариваема многими учеными, и между прочимъ Шлецеромъ. Но она получила иное направленіе, когда обратили особенное вниманіе на восточныя монеты, находимыя въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцовъ хлопоталъ о собираніи и изученіи матеріаловъ по исторіи генуэзскихъ колоній въ Крыму. Вообще, онъ думалъ найти необходимые матеріалы по исторіи торговли въ нѣмецкихъ архивахъ и библіотекахъ и посредникомъ ему въ этихъ сношеніяхъ служилъ Кругъ, хотя на этотъ разъ безъ особенныхъ послѣдствій. Задумавъ составить собраніе восточныхъ извѣстій о норманнахъ, болгарахъ, хозарахъ, монголахъ, татарахъ, грузинахъ и другихъ народахъ Кавказа, въ нѣсколькихъ томахъ (in- 4°), по образцу извѣстнаго труда Стриттера по византійскимъ писателямъ, гр. Румянцовъ возложилъ главное распоряженіе по этому предпріятію на Круга [1]). Послѣдній же обратился къ извѣстному парижскому оріенталисту Сенъ-Мартену, и вошелъ въ сношенія съ оріенталистами въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Лейденѣ, Копенгагенѣ и въ другихъ мѣстахъ. Онъ хлопоталъ, чтобы по крайней мѣрѣ хотя одинъ томъ этого изданія вышелъ при жизни Румянцова, для чего Сенъ-Мартену была выслана впередъ необходимая сумма, но гр. Румянцову не пришлось дождаться осуществленія этого плана [2]).

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Румянцовъ поручалъ Кругу освѣдомиться о содержаніи арабскихъ и татарскихъ рукописей въ Генуѣ. По связи же съ исторіей черноморской торговли,

---

[1]) „Чтобы дать любителямъ отечественной исторіи новый источникъ объ ней", писалъ онъ Евгенію.

[2]) Нѣсколько матеріаловъ, собранныхъ Сенъ-Мартеномъ для Румянцова, было сообщено Дефремери въ Journal Asiatique 1849.

его весьма занимала исторія крымскихъ татаръ. Кругъ служилъ Румянцову посредникомъ и въ сношеніяхъ съ знатоками исландскихъ сагъ и извѣстными финнологами. По желанію канцлера; онъ занялся изслѣдованіемъ объ Евпраксіи, дочери Всеволода Ярославича, супругѣ маркграфа штадтскаго, а потомъ импер. Генриха IV, разведшейся съ нимъ. Разысканія о ней въ разныхъ иностранныхъ библіотекахъ, порученныя Румянцовымъ, были дополнены Кругомъ (въ Forschungen, т. II). Уже по смерти Румянцова, когда братъ его предложилъ Кругу принять на себя завѣдываніе музеемъ, онъ отказался и рекомендовалъ на это мѣсто Востокова; а потомъ (въ 1828 г.) онъ содѣйствовалъ назначенію Строева въ археографическую экспедицію отъ Академіи Наукъ [1]). Вообще, Кругъ оказывалъ возможную поддержку молодымъ русскимъ ученымъ.

Благодаря Кругу, Румянцовъ близко сошелся съ Х. М. Френомъ. Воспитанникъ Ростокскаго, Гёттингенскаго и Тюбингенскаго университетовъ (1800—1804), ученикъ извѣстнаго оріенталиста О. Г. Тихсена (въ Ростокѣ), первый профессоръ восточныхъ языковъ въ новомъ русскомъ университетѣ—Казани (1807—1817), потомъ академикъ и хранитель Азіатскаго музея при Академіи Наукъ, Френъ оказалъ весьма важныя услуги наукѣ своими многочисленными трудами по восточной нумизматикѣ (доставившими ему отъ ея представителей почетный титулъ „князя восточной нумизматики"), по исторіи Золотой Орды и древнихъ волжскихъ булгаръ, ученымъ изданіемъ восточныхъ писателей (Ибнъ-Фодланъ, съ дополненіями къ нему) и организаціей музея. Его палеографическія, филологическія и историческія примѣчанія (рецензіи) на тысячи монетъ составили бы нѣсколько томовъ диссертацій, при точности и экзегетической отчетливости Френа; не менѣе обширны его ученая переписка и комментаріи на разныя изданія. Въ особенности важны его изслѣдованія о монетахъ въ отношеніи къ древней торговлѣ Россіи съ Востокомъ. Въ 1816 г. Френъ посѣтилъ, вмѣстѣ съ гр. Румянцовымъ, остатки знаменитаго нѣкогда Булгара на Волгѣ, а теперь небольшаго села въ 120 верстахъ отъ Казани. Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Френомъ, Румянцовъ близко заинтересовался из-

[1]) Содѣйствіе Круга гр. Румянцову въ пользу рус. исторіи, А. А. Куника, Ж. М. Н. Пр., т. LXV, отд. V, 1—37; Forschungen in der älteren Gesch. Russlands, 2 B. Spt. 1848 и реценз. ихъ въ Собр. сочин. Кавелина, III, 69—138.

вѣстіями восточныхъ писателей по исторіи и этнографіи древней Россіи, началъ самъ собирать восточныя монеты, покупать арабскія, грузинскія, армянскія, китайскія, монгольскія, татарскія и другія восточныя рукописи, изъявивъ при этомъ готовность печатать нѣкоторыя изъ нихъ вполнѣ, а другія въ извлеченіяхъ. Френу обязанъ ученый міръ изданіемъ въ свѣтъ рукописи „Книги древа турецкаго" или татарской исторіи Абулъ-гази, съ латинскимъ предисловіемъ, напечатанной на счетъ Румянцова, и на него же было возложено изданіе „извлеченій изъ восточныхъ писателей, касающихся Руссовъ", Гаммера (1827), впрочемъ значительно поколебавшихъ, авторитетъ послѣдняго [1]). Къ Френу обращался Румянцовъ за объясненіемъ своихъ недоразумѣній о восточныхъ писателяхъ (по поводу соч. Козегартена объ Ибнъ-Батутѣ [2]); вещественныхъ памятниковъ (арабскихъ металлическихъ зеркалъ [3]); восточныхъ словъ въ русскихъ источникахъ [4]); восточныхъ и русскихъ монетъ [5]); а въ бумагахъ канцлера сохранилось много замѣтокъ руки Френа [6]).

Еще въ XVIII стол. Тихсенъ обратилъ вниманіе на существованіе кладовъ съ арабскими монетами IX и X вв., на берегахъ Балтики и въ Россіи. Узнавъ о его изслѣдованіяхъ по этому предмету, гр. Румянцовъ вступилъ съ нимъ (въ 1815 г.) въ сношенія и хотя Тихсенъ тогда настаивалъ на необходимости подобныхъ разысканій въ Россіи, но канцлеръ долго ограничивалъ свои пріобрѣтенія письменными памятниками и даже отказывался отъ монетъ, предлагаемыхъ ему въ даръ. „Вы меня премного одолжили, пишетъ Румянцовъ Малиновскому (14 февр. 1819), подаря меня прекраснымъ рисункомъ съ вырытой въ лѣсу Тверской губерніи монеты, но сего подарка съ меня довольно: *монетъ я никакихъ не собираю* и потому не достоинъ пользоваться пожертвованіемъ, которое вы столь благосклонно мнѣ сдѣ-

---

1) П. С. Савельевъ, жизни и ученыхъ трудахъ Френа, съ портрет., Зап. Археол. общ., т. VI, 339—405.

2) Чтен. М. О. ист. 1882, кн. I, 92, 95.

3) Ibid. 296. См. объ этомъ въ статьѣ Савельева, стр. 361.

4) Чт. М. О. И., ibid 105.

5) Ibid. 253, 261.

6) Кестнеръ, 13.

лать готовы“ [1]). Но монета эта, по опредѣленію Френа, оказалась куфическою начала X вѣка, и вотъ Румянцовъ увидѣлъ въ ея находкѣ подтвержденіе мнѣнія о стародавнемъ торгѣ восточныхъ отдаленныхъ странъ, проложенномъ черезъ Россію, принялъ монету въ даръ и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ отдался еще новой, совершенно неизвѣстной тогда области [2])—восточной и русской нумизматикѣ, и скорѣе всего подъ вліяніемъ близкихъ отношеній къ Френу. А вслѣдъ затѣмъ мы встрѣчаемъ уже рядъ его писемъ къ м. Евгенію и Малиновскому о вогульскомъ идолѣ и восточныхъ (VIII в.) монетахъ, найденныхъ близъ Кунгура, и о древнихъ рубляхъ, случайно открытыхъ въ Новгородѣ, съ подробными замѣчаніями о древней монетной системѣ [3]). Вниманіе канцлера еще болѣе было привлечено къ этой области, когда въ 1822 г., въ его имѣніи м. Гомелѣ (Могилев. губ.), былъ найденъ кладъ съ 82 куфическими монетами Сассанидской династіи (896—943 гг.), описаніе котораго было составлено тогда же Френомъ. Но м. Евгеній ограничивалъ слишкомъ обширныя заключенія относительно восточной торговли и приписывалъ появленіе восточной монеты татарскому періоду [4]). Въ послѣдствіи Румянцовъ пріобрѣлъ, при посредствѣ Малиновскаго, Калайдовича, м. Евгенія и во время своихъ поѣздокъ, много монетъ въ Микулинѣ, Рязани, Москвѣ, Кіевѣ, въ Крыму (Керчи и др.), на Кавказѣ, на ос. Тендрѣ и др. Теперь онъ пишетъ уже Малиновскому, чтобы онъ „не упускалъ изъ виду пристрастія его къ древнимъ монетамъ и рукописямъ“ [5]) и сообщаетъ другимъ объ открытіяхъ древнихъ западныхъ монетъ (Англіи, Германіи, Чехіи, Венгріи, съ 950 г.), близъ Плоцка въ Мазовіи, опредѣленныхъ Лелевелемъ [6]).

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, стр. 103.

[2]) Ibid. 104, 107, 112, 175.

[3]) Ibid. 186; Переписка Евгенія съ Рум. 26, 46—48, 64—65.

[4]) Ibid. 66—70.

[5]) Чт. М. О. И. 1882, I, 279 и др.

[6]) Переписка Евгенія съ Румянц., 121. Въ 1825 г. каталогъ восточн. монетъ былъ составленъ Френомъ. Сборн. для ист. Рум. м. 61, 171—182. Hartmann's O. G. Tychsen oder Wanderungen durch die mannigfaltigsten Gebiete der biblisch-asiatischen Literatur, Bremen, 1818—20, 2 B.; Мухаммед. Нумизм. Савельева, стр. 25, гдѣ помѣщено изслѣд. Френа о кладахъ, найден. въ Россіи; Журн. Мин. Н. Пр., т. XLIX, дополн. къ ст. Старчевскаго о Румянцовѣ.

Въ ряду своихъ нумизматическихъ пріобрѣтеній Румянцовъ въ особенности дорожилъ единственнымъ экземпляромъ медали воспорскаго ц. Спартака IV, купленной въ Крыму, на важность которой указали ему въ Одессѣ Бларамбергъ и Стемпковскій. Изслѣдованіе о ней было тогда же написано, на франц. яз., Келлеромъ и издано на счетъ канцлера (Спб. 1824 [1]).

Мы упоминали уже о планѣ Ф. Аделунга предпринять систематическое изданіе иностранныхъ писателей о Россіи [2]. Но ему удалось издать только двѣ монографіи—о Герберштейнѣ (1818) и Мейербергѣ (1827), на нѣмец. языкѣ (послѣдняя была переведена и на рус. яз.). Тѣмъ не менѣе, онъ обязанъ тому же Румянцову содѣйствіемъ при собираніи матеріаловъ для вышедшаго уже по смерти ихъ обоихъ сочиненія, подъ заглавіемъ: „Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700“ (Spt. u. Leipz. 1846, рус. переводъ напеч. въ Чт. М. О. Ист. г. III, № 9; г. IV, № 1, 1848, 1863—64 гг.). Основаніемъ для этого труда послужили бумаги Буле, отысканныя Аделунгомъ въ Брауншвейгѣ и составлявшія почти обработанную 2-ю часть и отчасти 3-ю извѣстнаго сочиненія Буле: „Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte“ (Moskwa, 1810 [3]). Другіе труды Аделунга, посвященные вопросамъ русской исторіи, также издавались на счетъ Румянцова.

Въ то же время трудолюбивый П. И. Кеппенъ путешествовалъ по Россіи и за границею, отыскивалъ древніе памятники (онъ снялъ копію съ договора смоленскаго князя Мстислава съ Ригою въ 1229

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 288—89.

[2]) Кестнеръ, 20. Заботы о переводѣ соч. Маржерета, Бера (Буссова), Юстена и др., о которыхъ говорится въ перепискѣ Румянцова съ Малиновскимъ, указываютъ на начало этого предпріятія. Въ Рум. музеѣ хранится переводъ соч. Юстена (опис. швед. посольст. къ ц. Ивану Вас.) на 33 лист. и Таннера (опис. пос. 1678) на 72 лист. Въ томъ же собраніи находится коллекція переводовъ, извлеченій и перечней изъ западныхъ, визант. и восточныхъ лѣтопис., житій, актовъ и изслѣдованій, касающихся Россіи и С[illegible]ра вообще (Опис. Рум. муз. 799—804; перечень Турец. ист. Табари составленъ Ярцовымъ).

[3]) Предисл. къ обозрѣнію путешественниковъ. Ср. Чт. М. О. И. 1882, I, 72, 75, 90. Дополн. къ обозр. Аделунга—Геннади. Времен. М. О. И., т. XXIII; о писател. XVI в. Козубскаго, Ж. М. Н. П. 1878, № 5.

Сочин. Буле не было окончено вслѣдствіе строгой критики Рюса.

г., переданную канцлеромъ въ москов. архивъ), познакомилъ съ древностями Босфора и собиралъ свѣдѣнія о славянскихъ памятникахъ, находившихся внѣ Россіи [1]). Каченовскаго и Тимковскаго Румянцовъ хотѣлъ ввести въ коммиссію, какъ опытныхъ совѣтниковъ по археографіи, а Саларева [2]) и Шлецера—сына привлечь для изданія грамотъ и иностранныхъ актовъ о Россіи [3]). Къ П. П. Бекетову (предсѣд. истор. общ.) онъ обращался за разъясненіемъ своихъ сомнѣній относительно вещественныхъ памятниковъ, такъ какъ видѣлъ въ немъ ученаго, „очень свѣдущаго въ нашихъ древностяхъ" [4]). Критическія статьи Арцыбашева привлекли вниманіе канцлера и потому онъ считалъ долгомъ отправлять къ нему первые экземпляры своихъ изданій [5]). Содѣйствуя Карамзину доставленіемъ документовъ (преимущественно изъ иностр. архивовъ), Румянцовъ, въ свою очередь, дѣлалъ разысканія о новыхъ матеріалахъ, указанныхъ Карамзинымъ, подвергалъ изслѣдованію сомнитель-

---

[1]) Кестнеръ, 13.

[2]) Чтен. М. О. И. 1882, I, 17, 65, 115, 119. Саларевъ--авторъ статей: „Описаніе разнаго рода россійскихъ грамотъ", помѣщен. въ Вѣст. Евр. 1819, ч. 103 и 104, № 4 и 5. Салареву же принадлежитъ біогр. очеркъ объ А. С. Матвѣевѣ, ib. ч. 106, № 15, перепеч. изъ Труд. общ. люб. Рос. словесн., ч. XIV.

[3]) Для переводовъ съ латинскаго и нижне-нѣмецкаго. Малиновскій велъ съ нимъ длинные переговоры объ этомъ, окончившіеся отказомъ, причемъ Хр. Шлецеръ высказалъ горькія истины по поводу прежнихъ своихъ отношеній къ русскимъ вельможамъ, не умѣвшимъ цѣнить умственнаго труда (напр. по поводу изд. соч. М. Н. Муравьева и др.). Чт. М. О. И. 1882, I. № 8, 9, 10, 15, 313 и стр. 347–361. Издатель переписки Румянцова напрасно думаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о приглашеніи „знаменитаго Шлецера" (стр. 347). Сношенія по этому поводу возникли въ 1814 г., а Шлецеръ—отецъ умеръ въ 1809 г., и въ послѣднемъ письмѣ (№ 313) младшій Шлецеръ ясно говоритъ о себѣ. Онъ былъ первымъ преподавателемъ полит. экон въ Моск. ун (съ 1801). Въ 1805 г. онъ напечаталъ „Начальн. основанія госуд. хозяйства", первое въ Россіи сочиненіе, дающее понятіе о госуд. хозяйствѣ, по отзыву гр. Н. П. Румянцова. О немъ см. Біогр. слов. проф Моск ун., II, 627–630 и нашу замѣтку, Энц Слов. Березина, Отд. IV, т. IV, 243. Онъ составилъ біогр. своего отца: A. L. Schlözers öffentl. und Privatleben, Leipz. 1828, 2 B.

[4]) Чт. М. О. И. 1882, I, стр. 51, 57, 65, 168, 185, 188.

[5]) Ib. 220, 252, 262, 292,

ные вопросы и сообщалъ свои замѣчанія на трудъ исторіографа [1]). Многочисленныя выписки Румянцова изъ разныхъ мѣстъ текста и примѣчаній, сохранившіяся въ его бумагахъ,—свидѣтельствуютъ, что онъ читалъ этотъ трудъ съ большимъ вниманіемъ [2]). Но онъ не былъ слѣпымъ поклонникомъ исторіи Карамзина. Критикою его онъ остался не совсѣмъ доволенъ. А прочитавъ въ Сѣверномъ Архивѣ (1823—24 гг.) статью молодаго Лелевеля о Карамзинѣ, онъ пишетъ м. Евгенію слѣдующее: „Мнѣ какъ и вамъ тягостно было прочитать плодовитое и пустословное сравненіе Карамзина съ Нарушевичемъ. Лелевель могъ бы написать сіе короче, сказавъ, что тотъ и другой за свою отчизну—*самохвалъ*" [3]).

Высоко ставя документальные источники, разыскивая, по возможности, подлинные матеріалы или снимая съ нихъ точные списки для архива и своей библіотеки [4]), Румянцовъ въ особенности цѣнилъ такіе памятники, какъ Русская Правда, Судебники и юридическіе акты вообще. Вотъ почему и сочиненіе Саларева о грамотахъ, въ которомъ авторъ раздѣляетъ ихъ на разряды и указываетъ значеніе каждаго изъ нихъ, вызывало неоднократныя замѣчанія Румянцова [5]). Но, дорожа „Русскою Правдою", онъ однако замѣчаетъ: „Мнѣ кажутся очень любопытными статьи о тѣхъ ростахъ, которые были положены съ овецъ, свиней, лошадей и пчелъ, также и съ разнаго жита, хотя кажется должно по справедливости почесть ихъ принадлежащими не къ тому

[1]) Ibid. passim.

[2]) Кестнеръ, 12—13.

[3]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 93 и 95. И гр. С. П. Румянцовъ желалъ, чтобы прежде чѣмъ будущій русскій историкъ приступитъ къ гражданской исторіи, онъ описалъ бы естественное состояніе государства. „Оно покажетъ различія народовъ отъ климатовъ и ослабитъ патріотическую мысль возносить государство при Рюрикѣ и Олегѣ на степень нынѣшняго благосостоянія и просвѣщенія". Подъ вліяніемъ брата, онъ получилъ даже пристрастіе къ спеціальнымъ вопросамъ русской исторіи. Записки Калайдовича 1814 г. Лѣт. рус. лит. Тихонравова, т. III, 81—84 и д. „Онъ показывалъ мнѣ Кенигсбергскаго Нестора, исписаннаго собственными примѣчаніями", замѣчаетъ Калайдовичъ.

М. Евгеній и гр Румянцовъ съ большими похвалами отзывались о трудахъ тогдашнихъ польскихъ писателей. Переписка, 91.

[4]) Чт. М. О. И. 1882. I, 124—125.

[5]) Чт. М. О. И. 1882, I, 115, 119 и др.

періоду, когда писана была „Правда“ съ ея добавленіемъ“. Въ этомъ отзывѣ видно уже вліяніе скептической школы, господствовавшей тогда [1]). Вотъ почему Румянцовъ питалъ особенное уваженіе къ Каченовскому и считалъ его лучшимъ критикомъ своего времени по части источниковъ и изслѣдованій въ области русской исторіи; а журналъ его ставилъ выше всякаго сравненія со всѣми другими изданіями [2]). Къ нему отсылаетъ Румянцовъ диссертацію Козегартена съ дополненіями на поляхъ, желая, чтобы въ Вѣстникѣ Европы появилась рецензія на нее съ этими послѣдними [3]); изслѣдованіе Круга о Матронинской монетѣ [4]); статью о Святополкѣ Фіолѣ, краковскомъ типографщикѣ, извлеченную изъ исторіи Краковскихъ типографій Бандтке (напис. въ защиту его какъ перваго издателя церковно-слав. книгъ [5]); выписки изъ иностранныхъ

---

[1]) Ibid., 92, 139. Братъ его, Сергѣй Петровичъ, сомнѣвался въ подлинности Слова о полку Игоревѣ; въ личности лѣтописца Нестора и т. п., по поводу чего Калайдовичъ замѣчаетъ: „Вообще графъ имѣетъ сильные предразсудки въ опасеніи въ подделкѣ древнихъ рукописей и къ нѣкоторымъ историческимъ случаямъ, предразсудки, *кои желательно, чтобы были чаще у нашихъ мнимыхъ историковъ*“. Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова, III, 82.

[2]) Чт. М. О. И. 1882, I, 75, 92, 142. Какъ „особый почитатель талантовъ Каченовскаго“, онъ поручаетъ передать ему Слово о полку Игоревѣ съ объясн. Пожарскаго. Ib. 123.

[3]) Ibid. 92, 95.

[4]) „Мнѣ кажется, писалъ онъ Малиновскому, очень бы полезно было положить пустому объ ней заключенію конецъ... Я здѣсь его (изслѣд. Круга) могъ бы легко въ одномъ изъ журналовъ помѣстить; *но особенное мое уваженіе и пристрастіе къ Вѣстнику Европы нудить меня желать*, чтобы сіе изслѣдованіе въ немъ явилось“. Ibid. 102—103. Оно было помѣщено въ Вѣст. Евр. 1819, г. ч. 103, № 3, стр. 195. Монета эта принадлежала Матронин. мон-рю и была будто бы съ изображеніемъ княг. Матроны, отъ которой, по словамъ Ист. Рос. іер., монастырь и получилъ свое названіе; между тѣмъ, по разысканію Круга, на монетѣ находится изображеніе импер. Юстиніана.

[5]) Напеч. въ Вѣст. Евр. 1819, ч. 106, № 14, и дополн. къ ней Калайдовича, ib. ч. 107, № 18 (въ подтвержденіе мнѣнія Бандтке). Распоряж. Румянцова о напечатаніи у Каченовскаго (Чт. М. О. И. 1882, I, 106—107) и сообщеніе ему благодарности отъ Бандтке (ib. 138). О принадлежности дополненія Калайдовичу, ib. 138—139. По поводу Фіоля см. также, 106, 127, 138, 359—60. Ср. замѣч. Румянцова о королѣ Казимирѣ—Андреѣ, 166—17[illegible].

журналовъ [1]); неоднократно выражаетъ желаніе, чтобы въ Вѣстникѣ Европѣ было помѣщено самимъ Каченовскимъ ученое описаніе Черниговской золотой гривны, вызвавшей тогда живое вниманіе въ средѣ русскихъ ученыхъ [2]); сообщаетъ ему письмо Газе и предлагаетъ переслать послѣднему статью Каченовскаго о золотой гривнѣ, причемъ заботится, чтобы она была переведена на франц. языкъ возможно лучше [3]); спѣшитъ доставить Каченовскому замѣтку Френа объ одной азіатской вещи, найденной близъ Дона (арабское зеркало) и описанной въ Вѣстникѣ Европы (съ гравир. изображ. [4]). Къ его поправкамъ Румянцовъ относился съ „душевнымъ уваженіемъ" [5]) и просилъ поскорѣе доставлять ему новыя книжки Вѣстника Европы [6]). „Дай Богъ, чтобы его пророчество сбылось, писалъ онъ по поводу отзыва послѣдняго объ изданіи Льва Діакона, и чтобы я до такой степени порадѣлъ и старался о всемъ томъ, что прибавить можетъ большое богатство къ свѣдѣніямъ о россійскихъ древностяхъ, чтобы время сіе прослыло на всегда *Румянцовскою эпохою*, что свыше сего воздаянія? лишь бы его по истинѣ заслужить" [7]).

Въ „Вѣстникѣ Европы" помѣщались сообщенія о пожертвованіяхъ и изданіяхъ Румянцова и статьи, посвященныя его имени [8]).

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 151.

[2]) Оно было написано Каченовскимъ и напеч. (съ рисункомъ) въ В. Евр. 1822, ч. 121, № 4, ч. 122, № 5 и 6, ч. 124, № 15 (авторъ считаетъ эту гривну талисманомъ, сдѣланнымъ виз импер. Василіемъ Македоняниномъ). Переписка о ней Румянцова, Чт. М. О. И. 1882, I, 191—96, 201—203, 205, 211, 219. Ему былъ доставленъ гипсовый снимокъ, а подлинникъ поступилъ въ Эрмитажъ. Ср. Сборн. матеріал. для ист. Рум. муз., в. I, 177—178. Профес. Моргенштернъ также написалъ изслѣд. объ этой гривнѣ.

[3]) Ibid. 259, 359.

[4]) Ibid. 290—296, 303.

[5]) Ibid. 309.

[6]) Ibid. 144, 149, 241, 250. Онъ хлопоталъ объ оттискахъ нѣкоторыхъ статей изъ Вѣст. Евр. и разсылалъ ихъ своимъ друзьямъ.

[7]) Ibid. 144.

[8]) Вѣст. Евр. 1814, ч. 74, № 6 (о пожертв. на изд. лѣт. и госуд. грам.), ч. 87, № 11 (о пожертв. въ пользу Абовскаго унив.); ч. 110, № 7 объ изд. соч Лерберга); ч. 112, № 13 (извлеч. изъ письма Сенъ-Мертена

Таковы были отношенія гр. Румянцова къ современнымъ выдающимся дѣятелямъ русской науки. Между тѣмъ ему предстояло еще обширное поле разысканій въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ и библіотекахъ. Эти разысканія связаны съ именами Строева, Калайдовича, Григоровича, Берха и многихъ другихъ.

Отъ заботъ по архиву мин. ин. дѣлъ и изданія государственныхъ грамотъ и договоровъ былъ прямой переходъ къ архивнымъ разысканіямъ вообще. Такимъ образомъ, въ теченіе 1817—20 гг. Строевъ и Калайдовичъ, на средства Румянцова, осмотрѣли многія монастырскія библіотеки и составили описанія имъ, положивъ послѣдними прочное основаніе трудамъ этого рода въ Россіи [1]). Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя, отысканныя ими, рѣдкости.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ они сдѣлали весьма важную находку, открывъ Сборникъ Святослава 1073 г.; въ Волоколамской библіотекѣ—отыскали законы вел. князя Ив. Васильевича, изданные ими вмѣстѣ съ Судебникомъ Ивана IV (М. 1819); затѣмъ Строевъ—нашелъ похвалу кагану Владиміру, переводъ сочин. І. Дамаскина, совершенный І. экз. Болгарскимъ, сочин. Кирилла Туровскаго и др. памятники литературы. Вообще во время этого обозрѣнія было открыто много матеріаловъ, важныхъ для политической и церк. исторіи Россіи XV и XVI вв. Библіотека Воскресенскаго

къ Румянцову о приготовляемыхъ къ изд. восточн. писателяхъ); ч. III, № 9 (объ открытіи во Флоренціи древнихъ картъ по поруч. Румянцова); ч. 118, № 16 (изъ записокъ Назарова, издан. на счетъ гр. Румянцова); ч. 121, № 1 и 2 (рец. изд. Калайдовича Памят. Рос. Слов. XII в., возраж. въ № 6, ч. 122); ч. 127, № 2 и 3; ч. 128. № 5 и 7; ч. 129, № 9 (о происхожд. рус. языка и бывшихъ съ нимъ перемѣнахъ, переводъ изъ Analekten Фатера, посвященный Румянцову); ч. 145, № 2 (о заслугахъ Румянцова по поводу его кончины).

[1]) Такъ, были осмотрѣны ими монастыри: Волоколамскій, Новоіерусалимскій—Воскресенскій, Звенигородскій—Саввино-Сторожевскій, Пафнутія Боровскаго, Пѣсношскій, Серпуховскій, и другіе.

монастыря представляла богатое собраніе рукописей XIV—XVIII столѣтій: духовныхъ сочиненій, переводовъ, житій, историческихъ матеріаловъ (Соф. лѣтопись, матеріалы о соборѣ 1667 г., о п. Никонѣ и С. Медвѣдевѣ, синодики XVII и XVIII в., космографіи XVII в., переводъ „Аристотеля" 1677 г. и друг. [1]). Подробное описаніе славяно-россійскихъ рукописей Волоколамскаго мон., составленное Строевымъ, признается первымъ ученымъ описаніемъ въ этомъ родѣ [2]). Затѣмъ были составлены имъ описи библіотекъ Сторожевскаго, Воскресенскаго и др. монастырей [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы выписки изъ болѣе важныхъ рукописей и описаны нѣкоторые вещественные памятники [4]). Строевъ справедливо приписывалъ большое значеніе своему путешествію, такъ какъ въ это время онъ узналъ о варварскомъ истребленіи многихъ рукописей по невѣжеству ихъ обладателей. Еще въ XVIII в., часть рукоп. Воскресенскаго монастыря была отослана

---

[1]) Книги распредѣлялись Строевымъ по долямъ, по образцу Монфокона и каталога греческихъ рукописей Синод. библіот., извѣстнаго Маттеи, рекомендованному Малиновскимъ и одобренному Калайдовичемъ. Барсуковъ, 114—115; Чт. М. О. И. 1882, I, 44. О профес. Христ. Фридр. Маттеи см. Слов. профес. и препод. Моск. ун. т. II и Слов. свѣтск. писат. м. Евгенія, т. II. Въ 1805 г. онъ издалъ, по примѣру Монфоконовой „*Описи Кослiанской библiотеки*", въ Лейпцигѣ, новое обстоятельное описаніе греч. рукоп. Синод. и Типогр. библіотекъ, подъ заглавіемъ: „Accurata codicum Graecorum Mss. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio (2 v.)—Своими палеографическими свѣдѣніями Маттеи соперничалъ съ лучшими знатоками этого дѣла на Западѣ.

Востоковъ предпочиталъ алфавитный порядокъ описанія рукописей, на чтó возражалъ ему Калайдовичъ. Переп. Востокова, 178—195.

[2]) Ундольскій, Библ. разыск. М. 1846, 14.

Оно хранится въ библ. гр. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ, а выписки изъ него—въ Рум. музеѣ. Извлеченія изъ него были напеч. Анастасевичемъ въ Отеч. Записк. 1823, № 33, 35 и 39.

[3]) Описаніе послѣдней помѣщено Сахаровымъ въ его рѣдкомъ изданіи: „Русскіе древніе памятники". В. I, 1842, безъ указанія имени Строева. Черновыя описанія были подарены авторомъ Царскому, а потомъ перешли къ гр. Уварову. Барсуковъ, 41. Донес. Строева, Чт. М. О. И. 1882, I, 42, 56 64 и д.

[4]) Барсуковъ, 17—43.

въ Синодъ и досталась гр. Мусину-Пушкину, другая же часть ихъ была умышленно сожжена еписк. Сильвестромъ (1785—88), который считалъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью, и еслибы не остановилъ его архиман. Аполлосъ, то и вся библіотека монастыря подверглась бы подобной же участи. [1]). Такой же случай передаетъ митроп. Евгеній о рукописяхъ новгородскаго Юрьевскаго монастыря. Когда начальство обители узнало о намѣреніи его посѣтить монастырь, то распорядилось весь ненужный хламъ бросить въ Волховъ. Встрѣтивъ возъ съ инокомъ, Евгеній заинтересовался, что̀ онъ могъ везти, и, къ удивленію своему, увидѣлъ порванныя книжки и книжные листы. Тогда онъ возвратилъ этотъ соръ назадъ и принялся въ монастырѣ разсматривать его, причемъ нашелъ не мало кожаныхъ книгъ и тетрадей, въ числѣ которыхъ оказались драгоцѣнные остатки рукописей даже XI в. [2]).

Всѣми этими открытіями гр. Румянцовъ спѣшилъ подѣлиться съ митр. Евгеніемъ, а Строевъ, съ своей стороны, вступилъ въ ближайшія сношенія съ Карамзинымъ, который могъ уже воспользоваться новыми матеріалами XVI—XVII вв. въ своей исторіи [3]). Но Румян-

---

[1]) Барсуковъ, 38. П. И. Савваитовъ съ не меньшимъ ужасомъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ сожженія Евгеніевскихъ и другихъ бумагъ въ вологодскомъ архіер. домѣ, въ 1841 г, часть которыхъ ему удалось спасти: „Морозъ подираетъ по кожѣ, говоритъ онъ, когда вспоминаю объ этомъ варварскомъ сожженіи. Какая глубокая пропасть между этими позднѣйшими иноками, собирателями тлѣнныхъ сокровищъ, и тѣми иноками, которые собирали книги и страшными клятвами грозили въ своихъ припискахъ за прикосновеніе къ нимъ съ святотатственною цѣлью"! Барсуковъ, 44.

[2]) Переписка Евгенія, Сборн. Ак. Н., V, 23 и Чтен. М. О. И. 1882, I, 65.

Въ другомъ письмѣ Строевъ съ грустью говоритъ о церкви Волоколамскаго мон.: „Замѣчательно, что большая часть сей церкви была наполнена гробницами князей, кои митр. Платонъ приказалъ употребить *на монастырскія подѣлки*". Ib. 43.

Такъ разрушались памятники старины по хозяйственнымъ соображеніямъ, а между тѣмъ съ какимъ рвеніемъ, по тѣмъ же соображеніямъ, отстаивалась неприкосновенность монастырскихъ имуществъ!

[3]) Барсуковъ, 43. Сообщенія, сдѣланныя Карамзину гр. Румянцовымъ, Бантышемъ-Каменскимъ, Малиновскимъ, Калайдовичемъ, Строевымъ и др. указаны въъ его примѣчаніяхъ. См. Ключъ къ ист. Карамзина,

цовъ не ограничивался одними порученіями. Не смотря на свою дряхлость, глухоту и болѣзни, онъ самъ предпринималъ путешествія съ цѣлью разысканія и осмотра древностей: въ Новгородъ, Москву, Кіевъ, на ярмарки—Нижегородскую, Гомельскую, Роменскую, по монастырямъ, на поклоненіе Рогволодову камню (XII в.), который составлялъ предметъ вниманія тогдашнихъ ученыхъ [1]). Въ 1822 г. ему сопутствовалъ Калайдовичъ. Румянцовъ посѣтилъ тогда Воскресенскій и Волок. м. м., Микулино, Городище, Старицу, Ржеву Владимірову, село Ярополчъ, гдѣ осматривалъ и пріобрѣлъ нѣкоторыя рукописи, монеты, надгробные камни и т. п. [2]). За нѣкоторыя рукописи гр. Румянцовъ платилъ весьма дорого: 200—1000 р., а за одну изъ нихъ (Кормчую, принадлежавшую патріарху Никону), какъ онъ пишетъ м. Евгенію, отпустилъ на волю сына одного крестьянина, которому принадлежала рукопись [3]). Не менѣе того его интересовали другія рукописныя коллекціи (напр. гр. Толстого) и онъ очень сожалѣлъ, что описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ явились прежде описанія его собранія [4]).

составл. Строевымъ, подъ означенными именами, а также переписку Карамзина съ Малиновскимъ. Подъ вліяніемъ Калайдовича образовались многіе, извѣстные въ то время, собиратели древностей и рукописей. Погодинъ, Судьбы археологіи въ Россіи, стр. 8.

[1]) Онъ находится въ 19 верстахъ отъ Орши и названъ такъ по имени Рогволода Борисовича, князя полоцкаго. О Рогволодовомъ камнѣ и двинскихъ надписяхъ, П. Кеппена. Уч. Зап. Ак. Наукъ, по 1 и 3-му отдѣл., томъ III, 59—70; Mélanges Russes 1855, t. II, 390—397.

[2]) „Въ Микулинѣ, какъ и вездѣ, пишетъ онъ м. Евгенію, за все про все одинъ отвѣтъ: нѣтъ да нѣтъ и никогда ничего не бывало; но мое упрямство и розданные деньги за всякіе ничего не значущіе обманы превозмогли господствующую лѣнь: стали носить, кто что ни имѣлъ давно найденнаго на поляхъ при распашкѣ ихъ.“ Микулино Городище досталось Румянцову, по наслѣдству, отъ тетки. Стр. 61.

[3]) Ibid. 52.

[4]) Барсуковъ, 114—116.

Быть можетъ этимъ объясняется слишкомъ рѣзкій отзывъ его объ Описаніи рук. гр. Толстого. „Строевъ, мнѣ кажется, писалъ онъ Востокову, часто обличаетъ большую самонадѣянность на себя, нежели какія либо нужныя ученыя свѣдѣнія“ (Переписка Востокова, 228). Но м. Евгеній

Вліяющее значеніе Румянцова тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что большинство не могло еще цѣнить тогда подобныхъ стремленій [1]). „Неудивительно, что иностранцы извѣщаютъ насъ о нашихъ древностяхъ, писалъ ему м. Евгеній, какъ напр. о бахмутской надписи. Я въ „Виленскомъ Денникѣ" увидѣлъ, что въ кіевскомъ Николаевскомъ монастырѣ есть Евангеліе письменное на бѣлорусскомъ языкѣ, а здѣсь меня никто о немъ и увѣдомить не умѣлъ. Такъ-то мало у насъ любопытства"! [2]). Но люди, понимавшіе значеніе такой дѣятельности, признавали за Румянцовымъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Предлагая Моск. ист. обществу широкій планъ изслѣдованія памятниковъ рус. исторіи, Строевъ заявлялъ: „Виновникъ сего госуд. канцлеръ, гр. Н. П. Румянцовъ... Безъ его указаній на хранилища хартій, безъ его воли, поощренія и порученныхъ мнѣ изданій, я не имѣлъ бы до-

---

объ этомъ трудѣ такъ писалъ пр. Григоровичу: „полюбопытствуйте и вы прочитать замѣчательное предисловіе Строева" (Переп. Григоровича, 91). Впрочемъ къ мнѣнію гр. Румянцова отчасти склоняются нѣкоторые современные и позднѣйшіе отзывы. Сборн. Ак. Наукъ, т. XVII, стр. LXVI—LXVII; Русскіе Палеологи, Древ. и Н. Рос. 1880 г. т. I, 518—19; ср. Барсуковъ, П. М. Строевъ, 412—13.

Главными поставщиками рукописей и древностей для Румянцова были: Пискаревъ, Шульгинъ, Акимовъ, Аверинъ, Надуевъ и др. Чт. М. О. И. 1882, I, 92, 132, 135, 247, 260, 270, 284. Однажды онъ поручалъ Малиновскому распорядиться „стеречь возвращеніе изъ Ростова Пискарева, дабы онъ не успѣлъ кому либо казать или продавать рукописи" (ib. 260). Впрочемъ, случалось и обманываться канцлеру (ib. 167). Самъ Малиновскій ошибся въ одномъ спискѣ „Слова о Полку Игоревѣ", принявъ, подложный экз. за древній (XIV в.). Москвитян. 1855, № 17—18, с. 12—14.

[1]) Въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывается о такомъ равнодушіи высшаго общества П. П. Свиньинъ, въ письмѣ къ И. М. Снегиреву, по поводу продажи своего русскаго музеума: „Увы! распродажа музеума доказала мнѣ жалкую степень нравственности и образованности *нашихъ бояръ* и всего первокласнаго круга: вообразите, бывали случаи, что богачи приходили въ музеумъ зѣвать или торговаться изъ-за копѣйки, когда за часъ передъ тѣмъ заплатили Смурову 500 или 600 р. за устрицы и шампанское". Евгеніевскій Сборникъ. 1871, в. I, XVI—XVII.

[2]) Переписка, 99—100.

ступа къ многочисленнымъ памятникамъ нашихъ древностей, еще менѣе способенъ дѣлать открытія и никогда не пріобрѣлъ бы необходимыхъ знаній о предметѣ, о которомъ имѣлъ честь бесѣдовать съ вами" [1]). Гр. Румянцовъ не разъ являлся ходатаемъ за ученыхъ, при тогдашнихъ условіяхъ нашей печати и взглядахъ администраціи на науку, во многомъ не отличавшихся отъ знаменитаго мнѣнія св. Синода объ изданіи лѣтописей, въ XVIII вѣкѣ. Когда Магницкій, стоявшій во главѣ обскурантовъ 1820-хъ годовъ, вздумалъ гнать даже „Библіографическіе листы" Кеппена, а послѣдній хотѣлъ прекратить ихъ изданіе въ 1825 г., то Румянцовъ вотъ что писалъ объ этомъ Шишкову: „Защитите, пожалуйста, преполезные Библ. листы, издаваемые Кеппеномъ, отъ того гоненія, которое поднялъ на нихъ Магницкій. Ежели онъ въ своемъ представленіи успѣетъ, какому же осужденью подвергнемся мы непремѣнно за границей, когда ученые свѣдаютъ, что у насъ соч. Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ подъ запрещеніемъ единственно потому, что сей ученый и почтенный мужъ повѣствуетъ обстоятельства жизни ихъ не такъ, какъ описаны они въ нашей Минеи-четьи. Охраните насъ отъ такого стыда"! [2]). Не всегда однако авторитетъ и вліяніе Румянцова могли защитить отъ подобныхъ безобразій. Когда издатели законовъ вел. кн. Ивана III и царя Ивана IV хотѣли присоединить къ нему вновь открытое соборное опредѣленіе 1503 г. (о мздѣ за поставленіе, о вдовыхъ попахъ, о воспрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ), то они встрѣтили противодѣйствіе со стороны архіеп. Августина, увидѣвшаго въ этомъ оскорбленіе духовенства [3]).

По этому поводу Румянцовъ писалъ Строеву: „Я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, еслибъ Малиновскій выходилъ у преосв. Августина дозволеніе издать въ печать въ добавокъ къ законамъ опредѣленіе собора 1503 г." Но это не удалось Малиновскому и оно было напечатано только въ 1836 г., въ „Актахъ археогр. экспедиціи", т. I [4]). Еще въ 1820 г., Румянцовъ писалъ Евгенію, по поводу пе-

---

[1]) Барсуковъ 73—74. Тоже признавали Калайдовичъ, Евгеній, Газе и др.

[2]) Перепис. Востокова, 231.

[3]) Чт. М. О. И. 1882, I, 47, 70.

[4]) Барсуковъ, 44, 124.

revода извѣстнаго сочиненія Коцебу о Свитригайлѣ, слѣдующее: „У насъ медленность и ежедневно новое затрудненіе отымаютъ всякую довѣренность. Свитригайловъ переводъ во время печатанія опять остановленъ потому, что духовная цензура вновь затрудняется допустить появленіе извѣстныхъ вамъ папскихъ буллъ; я всѣ прежнія свои основательныя домогательства возобновилъ и не знаю, чѣмъ кончится" [1]). И не смотря на ходатайство самого гр. Румянцова и мнѣніе объ этой книгѣ даже Карамзина, она появилась, послѣ многихъ мытарствъ, только въ 1835 г. Переводъ московской хроники Бера (Буссова), готовившійся по заказу канцлера, не могъ совсѣмъ появиться [2]); а дѣло съ исторіею о монголахъ и татарахъ Абулъ-гази, вслѣдствіе вмѣшательства Магницкаго, тянулось съ 1820 по 1825 г., когда разрѣшено было выпустить ее самимъ государемъ, по ходатайству Румянцова [3]). Подобныя дѣйствія тогдашнихъ оберегателей русской мысли могли только возмущать людей, серьезно смотрѣвшихъ на дѣло науки. Такъ, по поводу того же Абулъ-гази м. Евгеній писалъ Румянцову: „Жаль, что Абулъ-гази печатается на одномъ арабскомъ безъ перевода, хотя на русскомъ и есть уже онъ (рус. перев. былъ изданъ въ 1768 г.—„плодъ трудовъ знаменитаго Татищева", по выраженію Румянцова, Рус. Арх. 1869 г.). Погасители просвѣщенія (какъ это характеристически вѣрно!) многому мѣшали въ просвѣщеніи. Но теперь имъ самимъ и на нихъ отверзаютъ очи". Евгеній, подобно Румянцову, также не одобрялъ этихъ гоненій. Оба они высоко ставили ученый трудъ. Когда Румянцовъ разыскивалъ изданіе Нѣмцевича, то Евгеній писалъ ему: „Книги Нѣмцевича, думаю, не можно достать ни въ Петербургѣ, ни въ Вильнѣ, а надобно искать въ Варшавѣ, ибо здѣшніе поляки мнѣ сказывали, что изданіе сіе запрещено за нѣкоторыя статьи о Россіи; но тѣмъ оно любо-

---

[1]) Исторія изд. въ рус. перев. соч. Коцебу „Свитригайло", Рус. Арх. 1869, 613—628.

[2]) Чт. М. О. И. 1882, I, 90.

[3]) Переписка Евгенія, 117 и Рус. Арх. 1869, стр. 621—25. Скорбный листъ русской науки и литературы представляетъ поучительную картину, съ тою лишъ разницею, что имена Коцебу, Кеппена и др. смѣняются въ немъ именами Неймана, Финлея, Каррьера, Геттнера (нѣмец. литер., т. II) и т. п., именами, почитаемыми въ западной литературѣ.

пытнѣе; я все оное читалъ" [1]). Объ изданіи же соч. Курбскаго въ то время, по словамъ Евгенія, нельзя было и помышлять [2]). Впрочемъ и самому Евгенію приходилось испытывать тягости цензуры; „но замѣчено вѣками, прибавляетъ онъ по поводу затрудненій для изданія Кеппена, что строгая цензура всегда производитъ больше пасквилей письменныхъ: nitimur in vetitum" (слова Овидія [3]).

При такомъ отношеніи къ дѣлу, много хлопотъ стоило Румянцову добиться описанія церковныхъ и монастырскихъ рукописей. Здѣсь онъ встрѣчалъ затрудненія и препятствія на каждомъ шагу; но онъ не унывалъ. Все таки ему удалось открыть доступъ Калайдовичу и Строеву въ библіотеки патріаршую (Синодальную), Типографскую, Троицкой лавры [4]). Описаніе Синодальной библіотеки, особенно его интересовавшей, было ведено *по направленію* самого канцлера и возложено на Калайдовича, познанія котораго и искусство въ этомъ дѣлѣ онъ ставилъ выше другихъ [5]). По этому онъ желалъ,

---

[1]) Переписка Евгенія, Ворон. 1868, стр. 106, 118, 123—124.

[2]) Переписка Евгенія, Сборн. Ак. Н., т. V, 53. По словамъ Устрялова, изданіе сочин. кн. Курбскаго, предпринятое имъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, казалось даже героическимъ подвигомъ! Воспомин. Устрялова въ Древ. и Нов. Рос. 1880, т. II, 620—623.

[3]) Сборн. Ак. Н. V, в. 1, с. 59—61. „Sapiens nil miratur et odit (мудрецъ не увлечется ни восторгомъ, ни ненавистью), говоритъ Горацій, а мы живемъ уже не въ спорные богословскіе вѣка, когда противникамъ и ротъ зажимали", пишетъ Евгеній Анастасевичу (24 мая 1814 г.). Самъ онъ былъ истинный цѣнитель памятниковъ литературы, вопреки вкусамъ всякихъ „истребителей" и „гасителей". Такъ, получивъ отъ Румянцова „Собр. древ. стихотв.", Евгеній пишетъ ему: „Русскихъ стихотвореній первое изданіе также есть у меня, но послѣ нынѣшняго оно уже не стоитъ вниманія; *а мірское въ нихъ не мѣшаетъ прочимъ красотамъ сей книги для любителей русскаго слова*" (21 марта 1819 г., стр. 18 и Чт. М. О. И. 1882, I, 353—54).

[4]) Чт. М. О. И. 1882, I, 15, 20, 70, 73, 171, 172—173, 293, 298. Переписка Евгенія, 116.

[5]) Чт. М. О. И., 1882, I, 305, 308.

Поручая составленіе описи Троицкой библ., Румянцовъ писалъ Малиновскому: „Я сего лаврскаго каталога только и ожидаю, чтобы, пріобща къ прочимъ монастырскимъ, издать въ печать; но составленіе описи

чтобы послѣдній принималъ участіе и въ остальныхъ описяхъ, которыя, по его взгляду на это дѣло, должны были имѣть не только справочный характеръ, но и ученый [1]). Подобнымъ трудамъ онъ придавалъ весьма большое значеніе. „Взявъ во вниманіе, что каталогъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ гр. Толстого, уже довершенъ, что Востоковъ занятъ описаніемъ мнѣ принадлежащихъ древнихъ рукописей, и что теперь Калайдовичъ готовить будетъ *полное* и *ученое* описаніе русскихъ манускриптовъ, находящихся въ моск. Синод. библіотекѣ, кажется, можно порадоваться сему совсѣмъ новому въ Россіи появленію", писалъ Румянцовъ м. Евгенію [2]). Духъ подозрѣнія и рутины, господствовавшія въ оффиціальныхъ сферахъ относительно науки, проникли даже въ ученыя учрежденія. Поручивъ изданіе Софійскаго временника Строеву, гр. Румянцовъ обратился въ Академію Наукъ съ просьбою—выслать на время списокъ ея въ Московъ. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, но получилъ отказъ. Свое неудовольствіе на подобное отношеніе къ его дѣятельности, Румянцовъ выразилъ въ письмѣ къ м. Евгенію. „Трудно, пишетъ онъ, посреди слабаго здоровья и малой помощи со стороны, продолжать быть неутомимому; однакоже я на то рѣшился, подкрѣпите вы меня милостивымъ одобреніемъ." Точно также онъ рѣшился взять изданіе сочиненія Абулъ-гази вполнѣ на себя съ тѣмъ, чтобы не входить „ни въ какія сношенія съ Академіей". „Съ тѣхъ поръ, что я покинулъ службу, замѣчаетъ онъ по этому поводу, *я пуще всего берегусь имѣть дѣло съ властями*" [3]).

манускриптовъ Троицкаго мон. не поручайте однакожъ одному Строеву: трудъ тогда только совершенъ будетъ, когда въ немъ участіе возьметъ г. Калайдовичъ". Ibid. 172.

[1]) По поводу описанія рукописей той же библіотеки, онъ замѣчалъ: „Опись манускриптовъ—не реестръ имъ, который требуетъ одной только точности; для описи нужны пространныя познанія, навыкъ и особенная догадка, простымъ словомъ можно бы это обозначить—особеннымъ чутьемъ." Ib. 176—177.

[2]) Переписка Евгенія, 116. Неоконченное описаніе этой библіотеки было помѣщено въ отдѣльномъ изданіи кн. М. А. Оболенскаго, не выпущенномъ въ свѣтъ: „Архивъ разнородныхъ и преимущественно историческихъ свѣдѣній", гдѣ заняло 62 стр. (до 101 №). Біогр. Калайдовича, 81. Ср. неточность въ Сборн. Ак. Н., т. V, переписка Востокова, 433.

[3]) Переписка Евгенія, 16—18; письмо къ Кругу, 23 авг. 1819 г.

Независимо отъ разысканій Строева и Калайдовича въ монастыряхъ сѣверной и центральной Россіи, Румянцовъ вступилъ въ сношенія съ В. Н. Берхомъ, извѣстнымъ собирателемъ матеріаловъ въ Пермскомъ краѣ (въ Перми, Чердыни, Верхотурьѣ, Соликамскѣ). Послѣднему онъ поручалъ отыскивать грамоты и лѣтописи; списывать надписи на камняхъ, иконахъ и утесахъ; собирать образцы инородческихъ словъ, богатырскихъ пѣсенъ, преданій, сказокъ, историческія рукописи на татарскомъ языкѣ, монеты [1]). Съ своей стороны Румянцовъ снабжалъ Берха сочиненіями, касающимися исторіи путешествій къ Ледовитому морю [2]).

Желая приготовить молодаго ученаго, вполнѣ способнаго для объясненія русскихъ и византійскихъ лѣтописей, Румянцовъ сосредоточилъ свою заботливость на сынѣ гомельскаго протоіерея Григоровича (І. І.), содержалъ его на свой счетъ въ Петерб. духовной академіи, а потомъ поручалъ ему дѣлать лѣтописныя справки и написать сочиненіе „о новгородскихъ посадникахъ", которое, по исправленіи Калайдовичемъ, было напечатано на счетъ Румянцова. Но послѣдній былъ очень опечаленъ, когда Григоровичъ избралъ для себя духовную карьеру, хотя и потомъ, въ санѣ гомельскаго протоіерея, онъ продолжалъ служить Румянцову: такъ, ему былъ порученъ обзоръ бѣлорусскихъ архивовъ, матеріалы изъ которыхъ отчасти вошли въ его изданіе: „Бѣлорусскій Архивъ", т. I (предполагалось же 3 тома); а потомъ въ „Акты Западной Россіи", изд. Археографическою коммиссіею. Онъ переводилъ для Румянцова съ польскаго языка (соч. Лелевеля о лучанахъ и ляхахъ), составлялъ бѣлорусскій *актовый словарь* и занялся исторіею бѣлорусской іерархіи (трудъ этотъ остался неизданнымъ въ Синодѣ), планъ которой былъ одобренъ м. Евгеніемъ. По поводу этихъ занятій Григоровича, Румянцовъ написалъ ему слѣдующія замѣчательныя строки: „Конечно, духъ папизма, какъ пишете, надобно обнаружить, но безъ всякой желчи, которую часто являли наши духовные особы къ католической религіи. Извѣстная мнѣ кротость духа вашего ручается, что вы напишете

[1]) Письма Румянцова къ Берху, Лѣтоп. занят. Археогр. ком., сообщен. М. И. Семевскимъ, т. VI, стр. 130—164. Ср. Путеш. въ города Чердынь и Соликамскъ для изыск. историч. древностей, В. Берха, Спб. 1821.

[2]) Письма, ib. 156, 157, 162. Берху принадлежитъ: „Хронолог. исторія всѣхъ путешествій въ сѣвер. поляр. страны." Спб. 1821—23, 2 ч.

справедливо и тѣмъ отдалите отъ себя могущія быть укоризны. Можно въ безпристрастномъ изложеніи происшествій вывести, что многіе римскіе папы извѣстны были своимъ властолюбіемъ и прельщались людскою суетливостью, а не святымъ, кроткимъ евангельскимъ ученіемъ" [1]).

Узнавъ о существованіи архивовъ *въ Смоленскѣ* (церковнаго), *Архангельскѣ* (въ архіер. домѣ), *Устюгѣ*, *Великихъ Лукахъ*, *Вильнѣ*, Румянцовъ спѣшилъ навести справки о нихъ и пріобрѣсть новые матеріалы. „Я тѣмъ подамъ доказательство, что и *сибирское* поприще мною воздѣлывается, писалъ онъ Малиновскому, что препровожу къ вамъ реестръ всѣмъ бумагамъ, хранящимся въ *Верхотурскомъ архивѣ*" [2]). Бывшій секретарь Румянцова, К. И. Бусс е, составилъ для него въ Варшавѣ (въ 1821—22 гг.) выборъ достопримѣчательнѣйшихъ

[1]) Переписка Григоровича (Чтен. М. О. И. 1864, II, 34—39 и др. Ср. Чт. М. О. И. 1882, I, 81, 156, 238). Съ указаннымъ изданіемъ Румянцову также было „много хлопотъ" въ цензурномъ отношеніи. Прот. Григоровичъ по этому поводу писалъ Малиновскому: „Я никакъ не воображалъ, чтобы можно было найтись такимъ читателямъ „Архива" моего, которые, будучи православными историками, захотѣли прямо усвоить себѣ заблужденія римской церкви.... Можно ли было заставить римскаго первосвященника мыслить и писать иначе, по нашему? Нужно ли было издателю актовъ историческихъ обнаруживать себя *богословомъ-контроверзистомъ. Видно однако, что я ошибся слишкомъ грубо*" (Чт. М. О. И. 1882, I, 271—72, 273, 274). Все это затруднило выходъ дальнѣйшихъ томовъ „Архива". Упрекъ этотъ касается и Каченовскаго, цензурировавшаго рукопись (ib. 267—68). Не одобренные матеріалы (двѣ буллы папы Климента VIII и дѣяніе собора въ Брестѣ) относятся ко введенію уніи въ Западной Россіи.

[2]) Ibid., стр. 135, 150, 167, 211, 212, 216, 218. Болѣе древніе документы привлекали особенное вниманіе Румянцова: такъ, онъ дорожилъ галицкими грамотами (стр. 83) и древними литовскими грамотами, на пергаменѣ (одна Свидригайла, а двѣ Ягайла, 287). „По неусыпному домогательству, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ, получилъ я изъ Вильны реестръ Радзивиловскаго архива.... Съ какимъ сожалѣніемъ видѣлъ я въ самыхъ древнихъ каталогахъ сего архива, что тогда хранилось въ немъ много древнихъ документовъ *на русскомъ языкѣ даже XI вѣка*" (ibid. 229). И онъ распорядился достать списки съ важнѣйшихъ бумагъ этого архива (ib. 245). А поручая Малиновскому разборъ древнихъ грамотъ, полученныхъ отъ извѣстныхъ архиваріусовъ, Румянцовъ выражаетъ „предчувствіе, что въ сихъ бумагахъ откроются преважные документы" (ib. 83).

актовъ изъ „Литовской метрики", о сношеніяхъ Россіи съ Литвою съ 1393—1506 г. и о внутреннихъ дѣлахъ Литовскаго княжества за тотъ же періодъ (2 части); а въ дополненіе къ нимъ дѣлались извлеченія изъ „Литовской метрики", хранившейся при Сенатѣ въ Петербургѣ [1]). Богатство и важность этихъ матеріаловъ возбуждали въ немъ уже новую мечту—издать особый сборникъ, подъ заглавіемъ: „*Россійская дипломатика, польскіе и литовскіе источники*", присоединивъ къ нимъ договоры Россіи съ Польшею, недавно отысканные и составлявшіе неизданную часть дипломатическаго собранія Догеля [2]). Медленность же, съ какою велось это дѣло въ Петербургѣ, приводила Румянцова даже въ негодованіе. „Въ разсужденіи Литовской метрики, пишетъ онъ Малиновскому, чтó здѣсь находится, она неприступна не для того, чтобы строго возбраненъ былъ до нея доступъ, но *отъ непомѣрной лѣни петербургскихъ жителей и ихъ разсѣянности*, которыя всегда склоняютъ ихъ все откладывать и самой малѣйшій трудъ избѣгать, какъ какое бы на нихъ гоненіе" [3]).

Когда въ Лифляндіи (въ 1814 г.) возникло намѣреніе составить собраніе мѣстныхъ грамотъ „Codex diplomaticus ducatus Livoniae", а баронъ Унгернъ-Штернбергъ взялъ на себя заботы по этому изданію, то Румянцовъ также принялъ участіе въ издержкахъ печатанія [4]). Кромѣ того, для Румянцова снимались точныя копіи съ этихъ грамотъ и гравировались рисунки съ печатей, находившихся при нихъ [5]).

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1846, ч. XLIX, стр. 40; Опис. Рум. муз., с. 127—138; Чт. М. О. ист. 1882, I, 128, 181, 222, 295, 310. Черезъ Буссе канцлеръ пріобрѣлъ и нѣк. литов. грамоты. Онъ просилъ Малиновскаго сличить ихъ съ актами, находящимися въ архивѣ иностр. дѣлъ. Буссе принадлежатъ: изслѣд. о герц. Магнусѣ (см. Дополн., с. xı) и Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Altrussische Heldenlieder, Leipz. 1819. Его разсказъ: „Н. М. Карамзинъ у гр. Н. П. Румянцова", 1824 г., въ Blätter für literar. Unterhaltung 1827, № 144 (Литературный симпозіонъ, въ рус. перев. сообщ. Л. Н. Майковымъ въ Рус. Стар. 1890, т. LXVII, 449—456).

[2]) Чт. М. О. И., ib., 222. Matth. Dogiel: Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae etc., vv. I, IV, V, Vilnae 1758—1764, in fol.

[3]) Ibid. 229. Малиновскій доставилъ Румянцову рус. переводъ латин. каталога Догелевыхъ грамотъ (ib. 177).

[4]) Кестнеръ, 22.

[5]) Первое было поручено Кромбергу, второе академику Скотникову (Чт. М. О. И. 1882, I, 12—13). Послѣднему поручались и другія работы по изданіямъ Румянцова (ib. 28, 32, 33, 35, 139).

Вообще, по исторіи Остзейскаго края въ XVI—XVIII столѣтія гр. Румянцовъ собралъ много актовъ въ Ригѣ и Митавѣ. Изъ Риги ему были доставлены, кромѣ грамотъ о торговлѣ съ Полоцкомъ, старинные акты и большею частью въ старинныхъ спискахъ, содержавшіе королевскія и магистратскія постановленія, городскія распоряженія и т. п., нѣсколько лифляндскихъ хроникъ, отчасти въ выпискахъ, а отчасти съ варіантами противъ изданныхъ. Изъ Митавы были присланы акты разнаго содержанія, преимущественно протоколы тамошнихъ сеймовъ [1]). Въ собраніи Румянцова находятся также *малороссійскія грамоты* 1666—1727 г., извлеченныя изъ книги Стародубскаго магистрата, жалованныя грамоты малороссійскимъ гетманамъ и др. чинамъ, описаніе рады въ Глуховѣ 1669 года и т. п. [2]). Онъ дорожилъ каждымъ новымъ указаніемъ на малоизвѣстные ему матеріалы или изданія и старался восполнить ихъ недостатокъ. Поэтому-то онъ такъ охотно входилъ въ сношенія съ мѣстными знатоками древностей и историческихъ матеріаловъ [3]). Въ Новгородѣ корреспондентомъ Румянцова былъ сначала Евгеній, а потомъ прот. Софійскаго собора Захарій Скородумовъ [4]). Въ Кіевѣ—нѣкто Шираевскій (1814 [5]), а потомъ Берлинскій и Евгеній.

Сношенія, завязавшіяся у гр. Румянцова съ кіевскими археологами, послужили поводомъ къ его перепискѣ съ авторомъ „Историческаго обозрѣнія Малороссіи и города Кіева", написаннаго еще въ началѣ XIX стол., но не вышедшаго въ свѣтъ, и „Краткаго описанія Кіева", напечатаннаго уже въ 1820 г. (Спб). Мы говоримъ о М. Ѳ. Берлинскомъ [6]). Переписка между ними открывается въ началѣ

---

[1]) Кестнеръ, 33.

[2]) Опис. Рум. муз. № LXXVII—VIII.

[3]) Объ И. М. Снегиревѣ, 251, о Полторацкомъ, 15 и др.

[4]) Письма госуд. канцл. гр. Н. П. Румянцова къ протоіер. Скородумову (1816—25) изданы М. Прудниковымъ, Спб. 1859, 57 стр.

Они показываютъ, какимъ богатымъ источникомъ для изданій гр. Румянцова служила новгор. Соф. библіотека.

[5]) Слѣды этой переписки есть въ бумагахъ канцлера, Кестнеръ, 10.

[6]) Онъ былъ ученикъ Кіевской академіи и учительской гимназіи въ Петербургѣ, а потомъ—учителемъ и инспекторомъ гимназіи въ Кіевѣ. Сочиненія его: „Исторія рос. для употребленія юношеству", М. 1800; „Наставл. о собир. и приготов. червеца или русской кошениля въ южн. губ. Рос.

(съ янв.) 1815 г. и прекращается не задолго до кончины канцлера (29 сент. 1825 г. [1]).

Изъ перваго письма видно, что Берлинскій доставилъ передъ тѣмъ гр. Румянцову рукописные матеріалы своихъ изслѣдованій о кіевскихъ древностяхъ. Въ отвѣтъ на это, канцлеръ благодаритъ его „за присланныя прелюбопытныя бумаги" и пишетъ далѣе: „Сей первый вашъ трудъ подаетъ мнѣ много надеждъ, прошу васъ наиубѣдительнѣйше продолжать опыт". „Я съ вами весьма въ томъ согласенъ, что откроется истинная отъ того польза, если сличить планъ существующаго Кіева съ разными первобытными его описаніями. Объясните, гдѣ какое зданіе стояло, какія были между ними улицы, или сообщенія, и старайтесь изслѣдовать, гдѣ могли существовать тѣ монастыри, церкви, терема, дворцы, дома, площади и урочища близъ города, о которыхъ только и памятниковъ осталось, что они въ лѣтописяхъ упомянуты". Румянцовъ просилъ Берлинскаго сдѣлать, на его счетъ, порядочный списокъ съ настоящаго плана Кіева, который безъ сомнѣнія уже находится, прибавляетъ онъ; а узнавъ, что въ лаврской библіотекѣ есть переводы печерскаго Патерика, на польскомъ языкѣ, онъ проситъ Берлинскаго свѣрить его отъ слова до слова съ русскимъ Патерикомъ и сообщить о результатѣ этого сличенія. По тому же поводу Румянцовъ замѣчаетъ: „Изъ предисловія русскаго Патерика можно заключить, что неполный или, лучше сказать, не настоящій трудъ преп. Нестора до насъ дошелъ. Между прочимъ тутъ упомянуты укоризны католиковъ и, кажется мнѣ, оспаривается, будто и Антоній Печерскій былъ сопричастникъ той церкви, которая признавала начальство папы римскаго. Надобно замѣтить, что въ это время хотя и существовало совершенное несогласіе между восточною и западною церковью, но раздоръ между ними еще не былъ силенъ и могъ бы тогда легко допустить, что нынѣ совсѣмъ несовмѣстно бы было. Не находится ли въ польскомъ Патерикѣ какой черты, на которой бы сей мнимый доводъ католиковъ могъ имѣть нѣкоторый видъ основательности". Въ заключеніе своего

имп.", изд. Хоз. Деп. М. В. Д. въ 1804.—„Поминка о М. Ѳ. Берлинскомъ", Максимовича, Времен. М. О. И., кн. V и Словарь писателей, Геннади, I, 81.

[1]) Мы располагали только письмами гр. Румянцова, сообщенными намъ редакціею „Рус. Старины", а ею полученными, въ 1870 г., отъ И. П. Аврамова. Оставляемъ нѣкоторыя частности въ этой перепискѣ, такъ какъ она не напечатана.

письма онъ проситъ корреспондента сообщить, нѣтъ ли у кого либо въ Кіевѣ какой нибудь древней монеты или вещи первобытныхъ нашихъ временъ, а особливо, если сыщется древняя грамота или лѣтопись на пергаменѣ, хотя бы списокъ съ Несторововой или другой лѣтописи, лишь бы онъ былъ „точно временъ древнихъ". Румянцовъ приглашаетъ Берлинскаго „продолжать начатую переписку".

Вскорѣ Берлинскій прислалъ уже Румянцову списки съ разныхъ, относящихся до древностей россійскихъ статей, а главнымъ образомъ къ исторіи Кіева за время владычества Польши; но Румянцовъ продолжалъ настаивать „что либо отыскать, относящееся до временъ Кіева первобытныхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Берлинскій доставилъ гр. Румянцову мѣдную монету, которую считали за Владимірову, а Румянцовъ обѣщалъ узнать о ней мнѣніе знатоковъ. Затѣмъ гр. Румянцовъ получилъ отъ Берлинскаго снимокъ плана г. Кіева „съ прелюбопытнымъ истолкованіемъ тѣхъ мѣстъ, урочищъ и духовныхъ зданій, о которыхъ упоминаютъ древнія наши лѣтописи" [1]). „Сей трудъ, прибавляетъ Румянцовъ, вамъ честь сдѣлаетъ и меня много утѣшитъ;.. но не теряйте изъ виду, что самыя первобытныя времена исторій нашихъ суть тѣ, которыя я бы желалъ видѣть объясненными и дополненными; отыскивайте пожалуйста надгробныя надписи вокругъ и внутри развалинъ уничтоженныхъ самыхъ древнѣйшихъ забытыхъ церквей и монастырей, коихъ вы такъ удачно въ своей запискѣ память возстановляете. Не пренебрегайте также самыхъ древнѣйшихъ диптиковъ и синодиковъ; въ нихъ могутъ находится имена великихъ князей, супругъ, дѣтей и сродниковъ, о которыхъ, статься можетъ, дошедшіе до насъ лѣтописцы и вовсе умолчали. Я васъ премного благодарю за то, что отыскали древній списокъ съ Патерика. Я бы желалъ полную и точную съ него копію имѣть. Поручите сіе исполнить, подъ надзоромъ вашимъ, молодому какому либо семинаристу. Изъ присланныхъ вашихъ изъ Патерика выписокъ раждается для меня неудоборѣшимый вопросъ, что онъ писанъ съ юсами, слѣдовательно письма стариннаго, весь-ли онъ таковъ? Сумнѣваюсь потому, что изъ

---

[1]) Въ Рум. музеѣ хранится рукописное объясненіе Берлинскаго древнихъ мѣстъ и урочищъ, показанныхъ на планѣ Кіева, изданномъ въ 1815 г. Кестнеръ, 11.

другой выписки о разговорѣ князя Изяслава о латыняхъ (видно) слогъ самый новѣйшій, и нимало древнимъ лѣтописямъ не свойственный, какъ напр.: „что съ латынями нелѣпо есть держать компанію". Тутъ же гр. Румянцовъ проситъ прислать ему рисунокъ съ найденныхъ въ пещерахъ лодки и весла, съ обозначеніемъ ихъ мѣры, и принять отъ него препровождаемую при семъ *золотую табакерку*, прибавляя: „Употребляйте ее на память той признательности, которую вы во мнѣ родить изволили любопытною вашею перепискою и впредь меня ею не оставляйте" (письмо 38), а въ слѣдующемъ письмѣ уже благодаритъ Берлинскаго за рисунокъ весла и лодки и за принятіе посланнаго „гостинца". Берлинскому онъ посылалъ отъ времени до времени суммы на разные расходы по своимъ порученіямъ. Такъ, переписка указаннаго Патерика обошлась ему въ 150 р. Вскорѣ онъ былъ обрадованъ новою присылкою отъ Берлинскаго—это были древніе синодики—Межигорскаго и Николаевскаго монастырей и вышгородской Борисоглѣбской церкви, которые, по словамъ Румянцова, содержали въ себѣ „имена особъ, принадлежащихъ великокняжескимъ домамъ, о которыхъ мы не были извѣстны". Поэтому онъ проситъ Берлинскаго разыскать, —„нѣтъ ли въ Софійскомъ соборѣ и Десятинной церкви древнихъ росписей митрополитовъ, а также синодикъ Китаевской пустыни, въ которой, конечно, молились за упокой сродниковъ вел. кн. Андрея Боголюбскаго, ея основателя", и синодикъ соборной церкви древняго города Василька. Здѣсь и въ Вышгородѣ онъ просилъ сдѣлать разысканія о древнихъ надгробныхъ надписяхъ (Гомель, 19 ноября 1815 г.). Разысканія въ Вышгородѣ дѣйствительно были произведены, а расходы на нихъ взяла на себя А. А. Турчанинова, о происхожденіи и семьѣ которой старался узнать гр. Румянцовъ. Берлинскому же онъ писалъ: „Я возобновлю охотно домогательство свое у министра просвѣщенія на пользу вашу" (5 пис.), причемъ сообщилъ ему переводъ надписи, вышитой на омофорѣ и полученной отъ него прежде [1]). Румянцовъ поручалъ Берлинскому порыться въ библіотекахъ Лавры и Братскаго монастыря, не найдется ли въ нихъ древнихъ списковъ „Р. Правды" или другихъ рус. законовъ. Въ апрѣлѣ 1820 года онъ просилъ его

---

[1]) Въ іюнѣ 1817 г. Румянцовъ высказываетъ сожалѣніе по поводу болѣзни Берлинскаго, а затѣмъ поручаетъ брату (С. П. Румянцову) посѣтить его въ Кіевѣ (пис 6 и 7, въ нач. 1818 г.).

пересмотрѣть древніе рукописные прологи и выписать изъ нихъ нѣкоторыя житія, а у Могилянскаго попытаться пріобрѣсть древнія золотыя монеты Ярославовы [1]). Получивъ отъ Берлинскаго мѣдную копію съ золотой медали, Румянцовъ пишетъ: „Ежели переводъ съ греческой надписи вѣренъ, то медаль сія, или гривна, еще и новое имѣетъ историческое достоинство, почти обозначивъ, что предметъ ея есть Владимірово крещеніе; она дастъ поводъ къ заключенію, что и прочія золотыя гривны не пустое были украшеніе, а всегда относились къ воспоминанію и обозначенію какого либо важнаго случая или дѣла. Ваша мысль объ изображенномъ арханг. Михаилѣ достойна замѣчанія. Позвольте мнѣ добавить, что, хотя неизвѣстно—съ какого времени, но гербъ кіевскій состоялъ въ изображеніи того же архангела". Къ этому онъ присоединяетъ просьбу—собрать для него свѣдѣнія о св. Іакинѳѣ, но только не изъ болландистовъ, а по матеріаламъ, находящимся въ католическихъ и уніатскихъ монастыряхъ, въ Гомелѣ и на Волыни, а именно, не хранится ли гдѣ древнихъ жалованныхъ ему грамотъ на рус. языкѣ отъ вел. князей (№ 15).

Черезъ Берлинскаго гр. Румянцовъ вошелъ въ сношенія съ пріоромъ доминиканскаго ордена, у котораго оказалась рукопись о древнемъ бытѣ Кіева. Онъ просилъ, чтобы послѣдній развѣдалъ, нѣтъ ли въ католическихъ монастыряхъ или въ помѣщичьихъ архивахъ Кіевской губерніи очень древнихъ документовъ и рукописныхъ книгъ, особенно на пергаменѣ, до XVI вѣка, касающихся Россіи, на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. „Охотно стану таковыя вещи пріобрѣтать за деньги и не упущу тогда ему заявить благодарность свою", пишетъ гр. Румянцовъ; но тутъ же онъ выражаетъ неудовольствіе по слѣд. случаю. Іеродіаконъ и книгопродавецъ Кіево-печерской лавры прислалъ ему печатныя книги, которыя онъ уже имѣлъ. Возвращая ихъ черезъ Берлинскаго, Румянцовъ проситъ, чтобы лаврскій іеродіаконъ „не скучалъ увѣдомлять, гдѣ продаются какія либо древнія

[1]) О немъ въ Чтен. М. О. И. 1882, I, 191. Въ бытность свою въ Кіевѣ въ 1821 г. Румянцовъ видѣлъ Черниговскую гривну, которую показалъ ему кн. Репнинъ. „Она чрезвычайно любопытна, замѣчаетъ онъ, и мы ничего изъ древностей нашихъ не сохранили, чтобы могло хоть мало съ нею равняться". Тутъ же онъ замѣчаетъ: „Въ Кіевѣ сердце сокрушалось, видя, каковое тамъ господствуетъ нерадѣніе къ древностямъ нашимъ, никто ими не занятъ и всякой почти убѣгаетъ объ нихъ разговора". Ibid.

книги, но самыхъ книгъ не присылалъ"; „тѣмъ болѣе, прибавляетъ онъ, что сей же іеродіаконъ вызываетъ меня на издержку для нѣкаго украшенія въ трапезѣ. Я сужу, замѣчаетъ Румянцовъ, что въ столь знаменитую лавру мелкихъ подаяній, какъ мы дѣлаемъ во многіе монастыри, ей дѣлать непристойно, а большихъ издержекъ часто повторять не можно". Въ другой разъ онъ отказалъ племяннику митр. Серапіона, нѣкоему Александровскому, просившему, чтобы Румянцовъ заплатилъ въ лавкахъ долги за его дядю, простиравшіеся до 5,600 р. (23 янв. 1825 г., № 30). Пріобрѣтеніе двухъ древнихъ пергам. рукописей, Евангелія со вкладной 1376 г. и Апокалипсиса, въ концѣ котораго была приписана молитва Господня, тождественная съ помѣщенною въ означенномъ Евангеліи, побудило Румянцова поручить Берлинскому сдѣлать выписки этой молитвы въ харатейныхъ рукописяхъ въ Кіевѣ, чтобы доискаться, когда вошло въ употребленіе позднѣйшее чтеніе ея, и вообще предпринять разысканія о харатейныхъ евангеліяхъ въ кіевскихъ монастыряхъ и церквахъ. „Всякую издержку за труды гг. списчикамъ я понесу очень охотно", прибавляетъ онъ. Выписки изъ Евангелія вскорѣ были доставлены Берлинскимъ, а затѣмъ Румянцовъ проситъ уже сообщить ему подробныя свѣдѣнія о древнѣйшемъ Евангеліи, находящемся въ кіевской Печерской лаврѣ, относительно буквъ ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, ѡ, нѣкоторыхъ словъ (господина—жениха, пѣтухъ—куръ, алекторъ или пѣтель) и другихъ особенностей, о мѣсяцесловѣ въ концѣ Евангелія: съ какого мѣсяца начинается, есть ли въ немъ праздники Покрова Богородицы, трехъ-святителей, перенесенія мощей св. Николая, праздн. Саввы Сѣвскаго и Ѳеодосія Печерскаго (№ 19, 6 фев. 1822). Румянцовъ завидовалъ Берлинскому, что онъ можетъ часто имѣть доступъ къ митр. Евгенію, котораго онъ называетъ „единственнымъ путеводитеводителемъ" въ области кіевскихъ древностей (№ 20, 30 апр. 1822). Узнавъ, что въ Броварахъ у протопопа есть очень древнее Евангеліе, которое онъ готовъ продать за 300 р., Румянцовъ поручаетъ Берлинскому убѣдиться въ томъ и представить его на заключеніе м. Евгенія (письмо 1823 г., № 21). Въ другой разъ гр. Румянцовъ проситъ Берлинскаго, при содѣйствіи м. Евгенія, разсмотрѣть собраніе медалей Пороховщикова, и увѣдомить его, нѣтъ ли между ними медалей царствъ воспорскихъ и бактріянскихъ и городовъ Ольвіополя и древняго Херсона (№ 22). О всякой новости въ области археологіи они

спѣшили подѣлиться другъ съ другомъ. Вскорѣ послѣ этого Берлинскій послалъ Румянцову рисунки съ кіевскихъ древностей, недавно отысканныхъ (№ 23, 19 іюля 1824), а Румянцовъ увѣдомляетъ его и м. Евгенія, что близь самаго Херсона открытъ надгробный монументъ изъ мрамора, съ барельефнымъ изображеніемъ и латинскою надписью, обозначающею, что онъ поставленъ былъ надъ тѣломъ умершаго тутъ трубача XI клавдіанскаго легіона, который служилъ въ войскѣ 14 лѣтъ и жилъ 36 лѣтъ. Не задолго до своей смерти, гр. Румянцовъ просилъ Берлинскаго прислать ему копію съ каталога документовъ (грамотъ), хранившихся въ кіевской казенной палатѣ, на которые указалъ ему м. Евгеній. Интерессуясь кіевскими древностями, Румянцовъ рекомендовалъ Берлинскому и другихъ лицъ, желавшихъ ознакомиться съ ними по мѣстнымъ изслѣдованіямъ или лично. Въ августѣ 1820 г. онъ писалъ Берлинскому о П. М. Строевѣ, который отправлялся въ Кіевъ, для обозрѣнія древней столицы. Въ другой разъ онъ направилъ къ Берлинскому казанскаго ученаго, Ник. Серг. Арцыбашева, который предлагалъ ему нѣкоторые вопросы о древнихъ урочищахъ Кіева, а отъ себя послалъ Арцыбашеву сочиненіе Берлинскаго о Кіевѣ. Объ Арцыбашевѣ гр. Румянцовъ дѣлаетъ отзывъ какъ „о мужѣ, по нравственнымъ качествамъ и по просвѣщенію, отличнаго достоинства" (№ 22, 22 ян. 1824). Наконецъ Румянцовъ просилъ Берлинскаго посодѣйствовать и П. И. Кеппену своими указаніями о русскихъ древностяхъ, во время пребыванія его въ Кіевѣ (отъ 14 дек. 1824 [1]).

Дѣятельность Румянцова имѣла очевидное нравственное вліяніе на развитіе и успѣхъ мѣстныхъ разысканій и изслѣдованій. По его побужденію было сдѣлано приглашеніе *смоленскимъ* губернаторомъ объ открытіи и сохраненіи древнихъ рукописей и памятниковъ древности [2]). Съ тою же цѣлью онъ списывался съ *новгородскимъ* губер-

[1]) Письма Берлинскаго сохранились въ Рум. музеѣ. Кестнеръ, 11. Сообщенія его: о митр. Никифорѣ, св. Ольгѣ, монетѣ Владиміра, о Хоревицѣ, Вышгородѣ, Межигорьѣ, планъ вышгор. церкви, славян. надпись на молд. антиминсѣ, см. тамъ же и въ Опис. рук. Рум. муз., стр. 150—151, 220.

[2]) Переписка м. Евгенія съ Румянцовымъ, 17—19; Евгеніевскій Сборникъ, I, 102—106.

которомъ, съ *вятским* и *архангельским* архіереями. Онъ разсылалъ подробныя програмы для археологическихъ разысканій. Узнавъ объ открытіи въ колокольнѣ *харьковскаго* собора старинныхъ бумагъ (XVIII в.), онъ настаивалъ передъ Евгеніемъ на подобномъ же осмотрѣ всѣхъ церквей *псковской* епархіи [1]), и на сколько это предположеніе имѣло свое основаніе, лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить находка бумагъ Берхомъ подъ колокольнею въ г. Соликамскѣ [2]). А 20 іюля 1824 г. состоялось высоч. повелѣніе, объявленное черезъ мин. внутрен. дѣлъ начальникамъ губерній, объ отысканіи, раскрытіи и возобновленіи мѣстныхъ древностей. Такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ начались болѣе или менѣе успѣшныя работы по этому дѣлу [3]). Въ Кіевѣ эти разысканія получили надлежащее направленіе со времени переселенія туда м. Евгенія. Въ Берлинскомъ онъ нашелъ дѣятельнаго сотрудника. Тогда же стали извѣстны, какъ любители и изыскатели древностей: К. А. Лохвицкій, Турчаниновъ, А. С. Анненковъ. Въ 1824 г. открыты были стѣны Десятинной церкви, на возобновленіе которой Анненковъ пожертвовалъ 80,000 р. М. Евгеній сообщалъ свѣдѣнія о древностяхъ въ своемъ „Описаніи Кіево-соф. собора и кіевской іерархіи", а также въ статьяхъ, напеч. въ „Трудахъ и запискахъ Общ. ист. и древностей" [4]). Чаяли уже открыть гробы св. Ольги и св. Владиміра; а Лохвицкій пошелъ потомъ еще далѣе. Такъ,

---

[1]) Переписка Евгенія, ib. 21, 75, 102, 122. Епископъ *волынскій* доставилъ ему списки съ литовскихъ грамотъ, хран. въ архивахъ Корец. и Дерманск. монастырей. Опис. Рум. м., с. 121. Донес. смотрит. *полоцкихъ* училищъ о *польскихъ* грамот. XV—XVII в. см. у Евгенія, ib. 102.

[2]) Переписка Берха, 153.

[3]) Указанія на мѣстныя древности въ средней, южной и отчасти западной Россіи (городища, церковныя древности, библіотеки, частныя нумизматическія собранія, мѣстныя названія) сообщилъ П. П. Свиньинъ въ „Извлеченіи изъ археологич. путеш. по Рос. въ 1825 г." См. Труды Общ. ист. и древн. Рос. ч. III, кн. I. 181—200.

Въ томъ же изданіи появился рядъ извѣстій о древностяхъ: владимірскихъ, кіевскихъ, черниговскихъ, новгородскихъ и др., ч. II, III, кн. I, ч. V.

[4]) Ч. III, кн. 1, 1826 г. О древностяхъ, найд. въ Кіевѣ; о серебрян. слиткахъ найд. въ Десят. церкви, Ч. V, 1830 г. Здѣсь же помѣщены и статьи Берлинскаго: „О Десятин. церкви въ Кіевѣ" и „Извѣстіе о Межигор. церкви". Ср. Описаніе Кіева, Н. Закревскаго, М. 1868, т. I, 279—83.

онъ едва не пришелъ къ убѣжденію, что открылъ крестъ апостола Андрея и былъ убѣжденъ, что нашелъ слѣды церкви св. Иліи Игорева времени [1]). Но м. Евгеній, чуждый увлеченій, заботился о собираніи положительныхъ данныхъ и съ осторожностію дѣлалъ свои выводы. Въ 1827 г. м. Евгеній предложилъ студентамъ Кіевской дух. академіи тему по рус. исторіи и археологіи: *„Изслѣдованіе о древнѣйшей въ Кіевѣ церкви св. Иліи, въ которой присягали Игоревы Варягоруссы въ 945 г.“*, удостоенное большой Румянцовой преміи (100 р.) и напеч. въ 1830 г. Оно было написано студ. Остромыслинскимъ по программѣ, данной самимъ Евгеніемъ [2]). Къ капиталу, пожертвованному въ честь м. Евгенія Румянцовымъ (3000 р. ассигн.) на ученыя преміи, м. Евгеній отъ себя присоединилъ 7000 р. ас., а также предлагалъ не разъ темы, касающіяся русской исторіи и древностей („о времени крещенія рос. княг. Ольги“, Н. Соколова; „обращеніе в. кн. Владиміра въ христ. вѣру“, К. Спасскаго; „о духоборцахъ“ О. Новицкаго [3]),—изд. въ 1832 г.; „о первоначальномъ переводѣ свящ. пис. на славян. языкъ“, О. Новицкаго, изд. въ 1837 г.; „кто былъ первый митр. кіевскій“, іером. Евсевія Ильинскаго; „о древнѣйшей кіев. церкви св. Ирины“, К. Каневскаго [4]). Съ 1832 г. въ Кіевѣ были произведены новыя замѣчательныя открытія, какъ-то золотыхъ воротъ Ярослава, церкви св. Ирины и др., въ которыхъ м. Евгеній принималъ самое близкое участіе, а потомъ онъ много содѣйствовалъ образованію мѣстнаго кружка археологовъ и средствъ для дальнѣй-

---

[1]) Лохвицкій передалъ въ Кіевскую Д. академію свои записки, состоящія изъ двухъ отдѣловъ—археологическаго и мистическаго. Содержаніе перваго изложено было Ф. А. Терновскимъ въ „Кіевлянинѣ“ (1865 г. №144—146), а втораго въ „Трудахъ Кіев. академіи“ (1863 г. № 11).

[2]) Въ сочиненіи этомъ рѣшается три вопроса: 1) О подлинности Игорева договора; 2) о мѣстѣ Ильинской церкви и 3) о томъ, какого исповѣданія были христіане этой церкви. Въ немъ доказывается подлинность договоровъ и свидѣтельства Нестора о церкви св. Иліи и опредѣляется мѣстоположеніе послѣдней. Программу и содержаніе соч. см. у И. И. Малышевскаго: „Дѣятельность митр. Евгенія въ званіи предсѣд. конференціи Кіев. Д. ак.“ К. 1868, стр. 31—36.

[3]) 2-е значительно пополн. изданіе вышло въ 1882 г.

[4]) Ibid. 39—41.

нихъ разысканій, вызвавшихъ въ 1836 возникновеніе въ Кіевѣ *временнаго комитета* для изысканія древностей. Въ этомъ отношеніи м. Евгеній былъ прямымъ и истиннымъ продолжателемъ дѣятельности своего ученаго друга—гр. Румянцова [1]).

Сношенія Румянцова не ограничивались русскими учеными, отечественными хранилищами и памятниками. По связи съ русскою исторіею и древностями, онъ признавалъ всю важность славянскихъ источниковъ. Вукъ Караджичъ описывалъ для него грамоты, находящіяся въ Сербіи и сообщалъ свѣдѣнія о сербской литературѣ, а Румянцовъ обращался къ нему съ вопросами, извѣстны ли сербамъ имена лицъ и народовъ, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ и встрѣчающіяся въ нихъ древнія слова, на которые получилъ отъ него отвѣты [2]). Варѳоломей Копитаръ предлагалъ гр. Румянцову отправить молодаго ученаго въ славянскія земли для изученія ихъ нарѣчій [3]). Посылая Малиновско-

---

[1]) Малышевскій, 25—27, 47—48.

[2]) „Въ 1819 г. В. Караджичъ былъ въ Россіи, но труды его были здѣсь меньше замѣчены, чѣмъ въ Германіи", замѣчаетъ Пыпинъ (Ист. слав. литер. I, 270). Но вотъ что писалъ Румянцовъ Малиновскому въ томъ же 1819 году: „Я радуюсь, что вы познакомились съ ученымъ и добрымъ сербомъ; я не знаю, повѣрялъ ли онъ вамъ, что онъ со мною *взялъ обязательство на мой коштъ объѣхать всѣ области Славянскаго поколѣнія*, отыскивая въ каждой древніе сихъ народовъ документы и лѣтописи; кажется мнѣ, взявъ въ уваженіе *всею его къ тому способность*, я въ правѣ ожидать отъ такого предпріятія важныхъ послѣдствій". Чт. М. О. И. 1882, I, 123.

Въ „Опис. рук. Рум. музея" встрѣчаемъ *сербскія грамоты*, въ спискахъ руки В. Караджича, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о сербской словесности, доставленныхъ Караджичемъ и Гагичемъ; выписки изъ рукописей и снимки надписей; отвѣты Караджича на предложенные канцлеромъ вопросы; записку Г. І. Гагича о печатныхъ и рукописныхъ сербскихъ книгахъ; роспись, неизвѣстно кѣмъ составленную, книгъ церк. печати, изд. сербами 1493—1638, и рукописей, находящихся въ Карловачской библіотекѣ. Опис. Рум. муз. Востокова, № LXXIX.

[3]) Кестнеръ, 19. Ср. о Копитарѣ замѣтку Плетнева, Ж. М. Н. Пр., ч. XLV, и ч. LXXIII (изъ Slavische Bibliothek, изд. Миклошича).

му недавно полученную книжку чешскихъ стихотвореній и замѣчая что Добровскій относитъ рукопись ихъ къ XIII—XIV вв., Румянцовъ прибавляетъ: „Мнѣ сіе открытіе кажется важнымъ и надѣюсь, что васъ займетъ пріятнымъ образомъ; оно не чуждо намъ русскимъ не по одному сходству языковъ; пожалуйте, допустите Калайдовича сію книжку прочесть“ [1]). Ту-же книжку и сербскій словарь онъ отправилъ и къ м. Евгенію [2]). И. Н. Лобойко, занимавшійся филологическими изслѣдованіями и собиравшій тексты и замѣчанія для историческаго славянскяго словаря, предложилъ канцлеру планъ обширнаго труда въ этомъ родѣ, а именно: онъ хотѣлъ каждое выраженіе прослѣдить хронологически по всѣмъ извѣстнымъ памятникамъ и показать, какъ постепенно измѣнялось его значеніе [3]). Еще въ 1814 г., извѣстному переводчику Шлецеровскаго „Нестора“, Д. И. Языкову, Румянцовъ поручилъ составленіе словаря *славянскихъ* древностей [4]). А вотъ что писалъ гр. Румянцовъ по поводу новыхъ историческихъ трудовъ въ Польшѣ: „Въ Польшѣ нынѣ ученые очень похвальнымъ образомъ занимаются *очисткою отъ всякихъ бредней и вписокъ своихъ первобытныхъ лѣтописателей*, и, на основаніи правилъ *доброй критики*, сочиненіямъ ихъ опредѣляютъ настоящую цѣну. Линде, собравъ довольное число таковыхъ ученыхъ изслѣдованій, дабы привести ихъ въ извѣстность, перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ и сіе собраніе своего перевода мнѣ посвятилъ; важную часть составляетъ разсужденіе графа Оссолинскаго о Кадлубкѣ и нѣсколько статей Лелевеля, который похвальнымъ образомъ *вновь* вступаетъ на поприще ученыхъ. Подаренный мнѣ экземпляръ г. Линде я уже имѣю, но потребовалъ небольшое число и другихъ въ желаніи посвятить одинъ изъ нихъ библіотекѣ государственнаго архива иностр. дѣлъ: по содержанію своему онъ, конечно, тамъ не лишній будетъ“ [5]). Онъ слѣдилъ за тру-

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 101.

[2]) Ibid. 353. Евгеній о чешскихъ стихотв. выражается осторожно. Рѣчь идетъ о „Краледворской рукописи“, открытой Ганкою въ 1817 и изд. въ 1819 г. Исторію вопроса см. у Пыпина, II, 805—820.

[3]) Кестнеръ, 22. Впрочемъ, м. Евгеній недовѣрчиво относился къ опыту Лобойка, находя его недостаточно подготовленымъ для такого труда. Переписка Евгенія, 95.

[4]) Письма Сопикова къ Калайдовичу, 17.

[5]) Чт. М. О. И. 1882, I, 198—199.

дами Лелевеля и весьма сожалѣлъ, что не былъ знакомъ съ польскимъ языкомъ, а потому заказывалъ переводить и пересылалъ Малиновскому цѣлыя статьи изъ Нѣмцевича [1]). Цѣня въ Каченовскомъ его расположеніе къ занятіямъ польскою литературою, онъ сообщаетъ послѣднему выписку изъ „Revue Encyclopédique" объ успѣхахъ въ польской исторіи. „Статья сія, говоритъ онъ, содержитъ описаніе, какъ благоразумно въ Польшѣ приступаютъ къ составленію отечественной исторіи, всѣ части оной распредѣлены разнымъ ученымъ лицамъ, каждая, какъ принадлежность автора, будетъ издана особо; но всѣ вообще сочтутся за приготовленные элементы и которыя сольются вмѣстѣ для составленія продолженія извѣстной Нарушевича *Исторіи Польскаго государства*" [2]).

Изслѣдованіе вопроса о древнѣйшихъ славянскихъ типографіяхъ и пріобрѣтеніе важнѣйшихъ и рѣдкихъ старопечатныхъ изданій, вышедшихъ изъ нихъ (московскихъ, кіевскихъ, виленскихъ, острожскихъ, львовскихъ, краковскихъ, венеціанскихъ) дополняютъ намъ это всестороннее стремленіе канцлера къ изученію разнообразныхъ судебъ славянскаго міра [3]).

Съ цѣлью обозрѣнія иностранныхъ архивовъ и библіотекъ гр. Румянцовъ отправилъ за границу двухъ молодыхъ людей: Магнуса фонъ-Штрандмана—въ Италію и К. Шульца—въ Германію; для собранія свѣдѣній о французскихъ библіотекахъ, онъ обратился къ библіотекарю Королевской парижской библіотеки—Газе, а за свѣдѣніями объ архивахъ Англіи, Швеціи и Даніи—къ русскимъ посланникамъ. Послѣднихъ онъ просилъ—поручить обозрѣніе *тамошнихъ матеріаловъ чиновникамъ* посольствъ, пригласивъ для списыванія всѣхъ памятниковъ, касающихся Россіи, до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ, опытныхъ людей, и на все это онъ назначилъ собственныя средства. По полученіи этихъ матеріаловъ, графъ Румянцовъ предполагалъ издать полное собраніе иностранныхъ актовъ и извѣстій о Россіи до времени Петра

---

[1]) Ib. 143, 149, 175. Переводами съ латин. и польскаго, по порученію Румянцова, занимались: Анастасевичъ, Григоровичъ, Нестеровичъ, Китовичъ и др. ibid. и Рус. Арх. 1869, стр. 615—28.

[2]) Ч. М. О. И., ib., 149.

[3]) Ibid. 135, 240, 243, 252 и др. Много замѣчаній объ изданіяхъ Святополка Фіоля, ib. 106, 127, 138, 363.

В., подъ заглавіемъ: „Corpus auctorum rerum moscovitarum“, безъ измѣненія ихъ слога и языка, раздѣливъ все изданіе на три періода: отъ Ивана III до ц. Ѳедора Ивановича, время междуцарствія и время Романовыхъ.

Графъ Румянцовъ дорожилъ подлинными грамотами; но такъ какъ пріобрѣтеніе ихъ могло быть только дѣломъ случая, то онъ заботился о снятіи съ нихъ точныхъ списковъ, выборъ же лицъ, которымъ поручалось это дѣло, а нерѣдко и скрѣпа архиваріусовъ—служать ручательствомъ за ихъ вѣрность. Онъ тратилъ значительныя суммы, чтобы собрать важнѣйшія грамоты въ спискахъ, а также обстоятельныя свѣдѣнія объ иностранныхъ источникахъ, касающихся Россіи, въ перечняхъ. Такимъ образомъ въ его собраніи сохранились перечни актовъ: *Мекленбургъ-шверинскаго архива* (на 140 листахъ), *Кенигсберскаго тайнаго архива* (на 38 листахъ); каталогъ рукописямъ *Флорентійской библіотеки* и каталоги рукописей разныхъ другихъ библіотекъ.

Поѣздка Шульца въ Кенигсбергъ ограничилась открытіемъ переписки между в. княз. Василіемъ Ивановичемъ и магистромъ Ливонскаго ордена, бранденбургскимъ маркграфомъ Альбрехтомъ, имѣвшей цѣлью заключеніе общаго союза противъ польскаго короля Сигизмунда (въ ней Альбрехтъ называетъ Василія императоромъ). Грамоты Василія Ивановича писаны на рус. языкѣ съ приложеніемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ латинскаго и нѣмецкаго переводовъ, а грамоты Альбрехта на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [1]). Но, не смотря на ходатайство Румянцова, ему не выдали документовъ, касающихся *сношеній между Пруссіею и Московскимъ государствомъ* въ XVI и XVII вв., заключавшихся въ 5 книгахъ и составлявшихъ интересные дневники бранденбургскихъ посланниковъ и инструкціи, данныя имъ для исполненія порученій въ Россіи [2]). Изъ Кенигсбергскаго архива они были перенесены въ тайный придворный архивъ въ Берлинъ, гдѣ видѣлъ ихъ потомъ извѣстный собиратель матеріаловъ о Россіи, А. И. Тургеневъ [3]). Тѣмъ не менѣе, по поводу актовъ Кенигсбергскаго и нѣко-

1) Письмо Шульца къ редакт. С. Отеч. 1814, № 36.

2) Объ этихъ отношеніяхъ см. изданную недавно интересную монографію Кёне: „Berlin, Moskau, St. Petersburg, 1649—1763“, Berl. 1883.

3) Ж. М. Н. Пр., т. XLIX, 26—30.

торыхъ сѣверныхъ архивовъ, Румянцовъ вступилъ въ сношенія съ Коцебу, который и руководилъ при выпискахъ, сдѣланныхъ для него въ Кенигсбергскомъ архивѣ, а Румянцову, при посредствѣ русскаго правительства, удалось получить обширное собраніе списковъ съ актовъ этого архива, переданныхъ въ Москов. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, гдѣ въ свою очередь, были сдѣланы для него новые списки [1]). Грамотами этими Румянцовъ предоставилъ тогда же воспользоваться Карамзину и Евгенію (для его ист. Псковскаго княж.), а самъ задумалъ издать особый „*Сборникъ актовъ Кенигсбергскаго архива*", *съ переводомъ ихъ на рус. языкъ*, но и эта мысль почему-то осталась невыполненною [2]).

Благодаря тому интересу, какой вообще питалъ канцлеръ къ исторіи сношеній Россіи съ Ганзою и Ливоніей, онъ обратилъ вниманіе и на другіе *сѣверные архивы*. Такимъ образомъ выписки, сдѣланныя для него, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ *Мекленбургъ-шверинскомъ архивѣ*, обнимаютъ 20 томовъ. Онѣ начинаются посланіемъ папы Гонорія III къ Вальдемару II о подчиненности Ливоніи папѣ, затѣмъ слѣдуютъ акты, касающіеся Ливонскаго ордена и ганзейской торговли, но особенно важную часть составляютъ дипломатическія сношенія за 1495—1625 гг., между которыми наиболѣе заслуживаетъ вниманія переписка кабинетовъ по поводу Ливонской войны при Иванѣ IV; наконецъ, въ томъ же собраніи, находятся извѣстія о русскихъ посольствахъ, проѣзжавшихъ черезъ Мекленбургскія владѣнія въ 1600, 1614, 1681, 1687 годахъ [3]).

Кромѣ того, Румянцову были доставлены акты изъ *Любека* (между прочимъ списокъ съ акта о торговлѣ съ Новгородомъ, 1392 г.) и *Бремена* [4]).

---

[1]) Кестнеръ, 32. Коцебу удалось открыть грамоту Вас. Ив. къ франц. королю (отъ 16 апр. 7026 г.), написанную по просьбѣ того же Альбрехта. Ж. М. Н. Пр. XLIX, 28.

Всѣхъ грамотъ было списано въ Кенигсбергѣ 334, XII—XVI вв. Онѣ относятся къ Нѣмецкому ордену, Литвѣ и Московіи. Переводы нѣкоторыхъ изъ нихъ и реестръ см. въ Опис. Рум. муз. Востокова, стр. 799—800. О переводѣ 80 грам. для Румянцова въ Чт. М. О. И. 1882, I, 299.

[2]) Чт. М. О. И. 1882, I, стр. 222, 263, 265, 267, 274, 276, 280, 295, 299, 300.

[3]) Чт. М. О. И. 1882, I, 107—108; Кестнеръ 33.

[4]) Чт. М. О. И. 1882, I, 13, 179 (о подлин. грам. Мих. Ѳед.), 226 (древнія грамоты на перган., относ. къ Новгороду); переписка съ м. Евгеніемъ, 75—76 (о грам. 1392 г.). Изъ Любека было доставлено 11 грам.,

изъ *Копенгагена* („довольно любопытные списки съ русскихъ документовъ, не тѣ которые издалъ Бюшингъ, а всѣ времени предшествующаго", пишетъ Румянцовъ Малиновскому [1]), *Кельна* (черезъ извѣстнаго Сартаріуса [2]), *Бергена* (миръ Новгорода съ Норвегіею, 1326 г.), *Гамбурга* (6 грамотъ, черезъ посредство Струве, и 2 грамоты, черезъ бар. Юлія Врангеля). Эти документы, со многими другими, вошли потомъ въ составъ двухъ изданій: G. F. Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprungs der Deutschen Hanse, herausgegeben v. Lappenberg (Hamb. 1830), и Codex diplomaticus Lubecensis, L. 1843 [3]). Изъ *Вольфенбюттеля* баронъ Врангель прислалъ ему описаніе рукописи Степенной книги съ большими выписками изъ нея; изъ *Стокгольма* ему была прислана рукопись о торговыхъ сношеніяхъ Швеціи съ Россіей въ XVI и XVII вѣкахъ [4]); изъ *Дрездена* онъ получилъ лучшій списокъ путешествія въ Россію Мейерберга, а узнавъ, что въ тамошней королевской библіотекѣ хранится цѣлая коллекція подлинныхъ рисунковъ, относящихся къ его посольству, онъ тогда же распорядился отлитографировать ихъ. Изъ *Яссъ* ему присылали харатейныя рукописи [5]).

Поѣздка Штрандмана (въ нач. 1820-хъ годовъ) въ Италію имѣла весьма важный результатъ. Ему были открыты всѣ важнѣйшія библіотеки Италіи. Выписки изъ матеріаловъ онъ немедленно пересылалъ канцлеру. Главныя находки были сдѣланы имъ въ *Римѣ*, въ Ватиканѣ и частныхъ библіотекахъ: Барберини и Валличелли, и во *Флоренціи* (въ архивѣ). Онѣ обнимаютъ XV вѣкъ (письмо митр.

въ томъ числѣ точный снимокъ на вощеной бумагѣ латинскаго договора Новгорода съ Ганзою, который обратилъ на себя особенное вниманіе Лерберга, Карамзина и Круга. Кестнеръ, 32. О бременск. документахъ, Чт. М. О. И. 1882, I, 55.

[1]) Ibid 127, 135, 138. Изъ Копенгагена были доставлены дипломатическія извѣстія 1553 и 1699 гг. и двѣ сѣверныя саги. Кестнеръ, 33.

[2]) О посольствѣ Ивана IV къ импер. Максимиліану, Чт. М. О. И., ib., 210; о посольствѣ Кобенцеля, 220. Четыре грамоты касательно рус. торговли XV в. Кестнеръ, 32.

[3]) Кестнеръ, 32. Ср. Опис. р. Рум. муз. 799—802.

[4]) Кестнеръ 34. Румянцовъ получилъ также папскія буллы, данныя шведскому духовенству, о славянахъ и русскихъ. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XLIX, 39.

[5]) Чт. М. О. И. 1882, I, 223—24; 99.

Исидора къ флорент. собору изъ Кандіи, 7 іюля 1453 г., актъ собора, записка объ Исидорѣ), XVI и XVII вѣка, заключая въ себѣ донесенія посланниковъ и описанія Москов. государства (между прочимъ Тіеполо, мнимаго Перништейна [1]), Барберини); *сношенія съ папскимъ дворомъ* въ XVI и XVII в. в.; извѣстія о временахъ Самозванца и Россіи до второй половины XVII в. (Альбертъ Вимена да Ченеда [2]). По поводу находокъ Штрандмана, гр. Румянцовъ писалъ Евгенію: „кажется, все предсказываетъ, что мы въ нихъ найдемъ и для поясненія рос. исторіи жатву отличную" [3]). *Въ Парижѣ*, какъ мы видѣли, гр. Румянцовъ преслѣдовалъ другую цѣль: онъ предложилъ значительную сумму денегъ эллинисту К. Б. Газе и оріенталисту С. Мартену, для изданія тѣхъ восточныхъ и византійскихъ писателей, которые еще не были напечатаны. Такимъ образомъ въ 1819 г. Газе издалъ исторію Льва Діакона, въ греческомъ и латинскомъ текстахъ, съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ статей изъ рукописей Парижской библіотеки, въ числѣ которыхъ заслуживаютъ вниманія: записка греческаго топарха о Таврическомъ полуостровѣ въ половинѣ X вѣка [4]) и отрывокъ изъ исторіи Іоанна, архіеп. солунскаго, о чудесахъ св. Димитрія,—важный для исторіи Солуня. Но другихъ византійскихъ писателей (Мих. Пселла, Никифора Григоры и особенно интересовавшаго Румянцова—Г. Амартола ему не пришлось видѣть [5]). Впрочемъ, Газе ѣздилъ осматривать библіотеки:

---

[1]) Объ этомъ вопросѣ см. „Сборникъ соч. студ. унив. св. Владиміра", в. I, 1880 г.

[2]) Штрандманъ же доставилъ описаніе лѣтоп. Манассіи и списокъ Далмат. лѣт., находившихся въ *Ватик.* библіот. (Опис. рук. Рум. м. 382—391; послѣдняя переведена на рус. яз., с. 423—24). Переписка папъ съ рус. госуд. XVI в. по рукоп. *Барберин.* библ. издана прот. Григоровичемъ, Спб. 1834.

[3]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 48—50, 66, 95—97, 100, 117; Чтен. М. О. И. 1882, I, 115 (о посольствѣ Шомберха, 1518), 216, 278, 281 (посольства 1557, 60 и 65 гг.).

[4]) О ней писали: Брунъ, Куникъ, Гедеоновъ, Васильевскій и др.

[5]) Для этой цѣли въ Парижъ было отправлено Румянцовымъ 17,000 руб. ассигн. впередъ. Журн. Мин. Народн. Просв. 1846, ч. XLIX, отд. V., стр. 56. Изданіе Пселла и Амартола Газе возлагалъ на молодаго эллиниста Э. Миллера, ib. и ч. LXV, отд. V, 6; Bullet. hist. phil. III, № 11, 175—176.

Г. Амартолъ изданъ Эд. Муральтомъ въ 1861 г. (Уч. Зап. Ак. Н. по II отд., т. VI). М. Пселлъ—К. Саѳою только въ 1874 г. (Bibliotheca graeca medii aevi, t. IV).

генуэзскую, *миланскую* и *венеціанскую*, съ цѣлью открыть еще неизвѣстныя византійскія рукописи [1]), а Румянцовъ побуждалъ его отправиться и въ *Испанію*, для разысканій въ тамошнихъ монастырскихъ и королевскихъ библіотекахъ [2]). Сенъ-Мартенъ собирался издать исторію Чингисъ-хана, Батыя и нашествія монголовъ, извѣстія о хазарахъ, при посредствѣ Френа и Гаммера, даже грузинскія лѣтописи, но и этотъ планъ не осуществился [3]).

Въ Парижѣ для Румянцова была снята копія путевыхъ записокъ папскихъ миссіонеровъ XIV в.

Англійское правительство съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ предпріятію Румянцова и разрѣшило русскому послу *въ Лондонѣ*, гр. С. Р. Воронцову, извлечь изъ Посольскаго архива—всѣ матеріалы, касающіеся сношеній Россіи съ Англіею съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. Списки эти дѣлались въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ препровожденъ гр. Румянцову (1817 г.), а другой остался у гр. Воронцова, какъ любителя отечественной исторіи. Кромѣ того, для Румянцова были сдѣланы списки и выписки изъ рукописей, хранящихся въ *Коттоніанской* и другихъ *лондонскихъ библіотекахъ* и составленъ обзоръ всѣхъ книгъ и рукописей на славянскомъ языкѣ, находившихся тамъ [4]). Бо́льшая часть бумагъ, извлеченныхъ отсюда, заключаетъ въ себѣ, конечно, извѣстія о торговыхъ сношеніяхъ Англіи съ Россіею въ XVI—XVII вв., но въ числѣ ихъ были также русскія лѣтописи (одна до 1499 г., другая—первая новгородская лѣтопись—по 1443 г. [5]).

---

[1]) Вѣст. Евр. 1821, № 3., с. 238. Ему удалось найти полный списокъ лѣтописи Георгія Акрополита, извѣстной до тѣхъ поръ въ отрывкахъ, и опис. посольства Андроника III въ Требизондъ (1338), въ которомъ есть любопытныя извѣстія объ абазахъ и черкесахъ. Переписка Евгенія, 40.

[2]) Переписка Евгенія, 98; Ж. М. Н. Пр. ч. LXV, 5—6. На Кавказѣ для Румянцова разыскивались грузинскія и армянскія рукописи.

[3]) Вѣст. Евр. 1820, № 13, письмо Сенъ-Мартена къ гр. Румянцову.

Сумма, оставшаяся послѣ него (онъ ум. въ 1832 г.), по желанію Академіи Наукъ, была передана, въ 1845 г., Газе, на изданіе византійскихъ писателей. Жур. Нар. Просв., LXV, отд. V, 5—9.

[4]) Кестнеръ, 34. О бумагахъ *Британскаго* муз. XVI в. Переп. Евгенія, 6.

[5]) Гр. Н. П. Румянцовъ питалъ въ молодости самую близкую дружбу къ братьямъ: А. Р. Воронцову (предсѣд. коммерцъ-коллегіи) и С. Р. Воронцову (посолъ въ Лондонѣ), о которой они не разъ упоминаютъ въ своей перепискѣ (письма братьевъ Румянцовыхъ къ Воронцовымъ съ 1780—1794 г. Арх. кн. Воронц., т. XXVII, стр. 47—160; особенно стр. 122,

П. И. Кеппенъ и С. Бандтке собираютъ для него свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, находящихся внѣ Россіи [1]). Румянцову удалось даже проникнуть въ малодоступную тогда императорскую *Вѣнскую библіотеку*, въ которой оказалось 114 №№ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ Россіи, Польшѣ и Литвѣ, съ XV стол., и онъ „началъ гоняться, чтобы добыть ихъ", причемъ не скрываетъ, что „легче домогаться по такой статьѣ въ чужихъ государствахъ, нежели во отечественныхъ предѣлахъ" [2]). „Вы изволите видѣть, ка-

130, 134; переписка С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ, ibid. т. IX, стр. 31 и 44; т. XII, стр. 11). Но въ царств. Александра I разность политическихъ воззрѣній (относительно Англіи и Франціи), коммерческая и таможенная политика гр. Н. П. Румянцова; наконецъ соперничество, возбужденное между гр. А. Р. Воронцовымъ и гр. Н. П. Румянцовымъ по поводу управленія иностранными дѣлами (Вор. Арх., т. XVIII, 255, 260, 292, 369) произвели полный разрывъ между ними. Послѣ этого братья Воронцовы не находили ни въ его дѣйствіяхъ, ни въ его взглядахъ, ни даже въ его качествахъ прежнихъ хорошихъ свойствъ, и такимъ же нерасположеніемъ къ нему пропитана вся корреспонденція ихъ друзей и сторонниковъ. См. Воронц. Арх. т. X. стр. 179, 184, 203, 220; XII, 283, 309, 310; XV, 193—194; XVII, 63, 183—184, 190, 229, 230, 243—244, 251, 260, 286—87, 346; XIX (письма П. В. Чичагова), 81—82, 117, 136, 216, 290—295, 309—310; т. XXIII (пис. Н. М. Лонгинова), 154—169, 170—185, 189, 191, 195, 201, 213, 228, 231, 235, 239, 261, 264, 268—70, 273—77, 299, 303, 323, 440. О неудав. противъ него въ этой средѣ въ 1812 г., т. XVIII, 424—25; т. XXIII, 110, 117, 145—149. Въ это время его ставили по уму даже ниже его брата (т. X, 184, VIII, 135).

Изъ той же среды вышли, безъ сомнѣнія, и отзывы миссъ Вильмотъ, друга Дашковой. Но, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить ея замѣчанія о французомaніи Румянцова, приведемъ слова С. Р. Воронцова, также любившаго писать по французски, изъ его письма къ брату: „Я надѣюсь, пишетъ онъ (1785), что перестанешь ко мнѣ совсѣмъ писать на природномъ языкѣ, ибо по чести ни двадцатой доли не разбираю". Вор. Арх. т. IX, 31.

[1]) Старчевскій, Жур. Мин. Нар. Просв., 1846, XLIX; переписка Евгенія и Востокова. Трудъ Кеппена озаглавленъ: „Собр. иноземныхъ словенскихъ памятниковъ", Спб. 1827, in fol. Дополн. къ нему: „Опис. памятн. славянорус. литературы, хранящ. въ библ. Франціи и Германіи", С. Строева, М. 1841.

[2]) Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 21. Нѣкоторые документы, касающіеся посольствъ въ Россію, были сняты подъ наблюденіемъ Копитара. Чт. М. О. И. 1882, I, 223.

кой рой надо мною вьется"! писалъ гр. Румянцовъ м. Евгенію, по поводу своихъ разысканій въ иностранныхъ библіотекахъ и архивахъ. „Я ужъ нѣсколько лѣтъ домогаюсь, чтобы отыскивали въ Гентѣ, Брюггѣ, Дортрехтѣ, Иперпѣ и Гронингѣ бумаги, относящіяся къ тѣмъ древнимъ сношеніямъ, которыя имѣли по торговлѣ сіи города съ Россіею" [1]). Узнавъ, что въ одной *шведской* гимназіи хранятся какія-то славянскія рукописи, онъ до тѣхъ поръ не успокоился, пока не удалось ему получить копіи и реестры ихъ [2]). По его соображеніямъ выходило, что древніе Медичи должны были имѣть прекрасную коллекцію картъ Тавриды, Чернаго и Азовскаго морей. Карты эти (числомъ 15) были отысканы во Флоренціи, съ нихъ были сняты копіи, а въ числѣ ихъ оказалась карта Сарматіи и Азіатской Скиѳіи XIII в. „Всѣ любители рос. древностей, заключаетъ онъ свое письмо къ Малиновскому, здѣсь много радуются моему пріобрѣтенію" [3]).

Въ числѣ рукописей гр. Румянцова находится значительное собраніе историческихъ и филологическихъ статей и переводовъ, относящихся преимущественно къ Россіи, какъ напр. „сравнительныя таблицы родовъ письма у различныхъ народовъ" Битнера; выписки изъ западныхъ лѣтописей и житій о руссахъ, славянахъ, норманнахъ, печенѣгахъ, и т. п.; сочин. Лелевеля о лучанахъ и ляхахъ въ переводѣ прот. Григоровича; разсужденіе Портана о Біармаландіи, въ переводѣ съ шведскаго (131 листъ); извлеченіе изъ книги Венгерскаго объ Иванѣ Смерѣ; описаніе императ. посольства Таннера въ Московію (1678), въ переводѣ съ латинскаго (на 72 листахъ); описаніе шведскаго посольства Юстена (при Иванѣ IV, съ латин., на 33 листахъ); опис. путеш. въ Россію датскаго посольства Ульфельда въ 1578 г. (перев. съ латин. XVIII в., на 104 л.); описа-

---

[1]) Вскорѣ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ появилось извѣстіе о находкѣ 57 актовъ, въ *Брюггѣ*, голландскимъ ученымъ Схельтемою, имѣющихъ отношеніе къ средневѣковой торговлѣ съ Россіею, списки съ которыхъ готовились для Румянцова. Свѣдѣнія о другихъ матер. (XIV—XVI вв.) въ Чтен. М. О. И. 1882 I, 215. Изъ-за границы же онъ получилъ рѣдкое венеціанское изданіе славянскаго служебника—1519 г. (Переписка съ Евгеніемъ, 75—76).

[2]) Въ числѣ ихъ была и хроника Ѳ. Сафоновича. Переписка съ Евгеніемъ, 33—37 (объ отношеніи ея къ соч. Гизеля). Ср. Чт. М. О И. 1882, I, 292.

[3]) Переписка м. Евгенія съ Румянцовымъ, 32; Чт. М. О. И. 1882, I, 141, 155. Онъ добивался также отыскать морскія карты XII в.

ніе фрейбургскихъ школъ въ Швейцаріи, въ перев. съ франц., сдѣланномъ вѣроятно для ознакомленія русскихъ съ этими школами [1]); изслѣдованія: Оленина—„О рукописи, найденной въ землѣ Донскаго войска"; Гуммеля о Біарміи; Шлецера объ исторіи Сѣвера; Штрандмана о курганахъ; о торговлѣ Таны, о сношеніяхъ папъ съ русскими государями; „объ извѣстіяхъ арабскихъ историковъ о Россіи", Гаммера; переговоры вестфальскаго мира, рукописные, поясненные современными брошюрами (4 тома in 4°); обширная флорентинская хроника съ XIV в. до 1589 г. (647 листовъ); лѣтопись Гамбурга на старинномъ нѣмец. языкѣ (древнѣйшая для этого города, въ спискѣ), съ объяснительными примѣчаніями Капелла [2]); другая гамбургская хроника (Драйтцейгера),—въ подлинникѣ; нѣсколько разныхъ нѣмецкихъ хроникъ; рѣдкія рукописи и неизданныя сочиненія о Швеціи, Даніи, Пруссіи; пергаменныя рукописи нѣкоторыхъ классиковъ; рукописи на восточныхъ языкахъ (описанныя въ Bullet. Scientif. T. I). По отдѣлу *первопечатныхъ изданій* его собраніе богато многими рѣдкими экземплярами, отъ начала книгопечатанія до половины XVI в., замѣчательными—образцами шрифтовъ, мѣстомъ изданія или рисунками. Заслуживаетъ также вниманія рукописная „Книга о Сивиллахъ" съ картинами, принадлежавшая вѣроятно царю Алексѣю Михайловичу. Въ его библіотекѣ были *болландисты*, не всегда находившіеся даже въ библіотекахъ духовныхъ академій [3]); собраніе французскихъ лѣтописей въ изданіяхъ Буке и Гизо [4]); магазинъ Бюшинга; сборникъ Гаклюйта; сочиненія Фойгта о Пруссіи и Литвѣ и т. п. [5]). „Библіотеку Румянцова можно назвать образцовою не только по малочисленности закравшихся въ нее совсѣмъ безполезныхъ вещей, но и потому положительному достоинству, какое, въ свое по

---

[1]) Опис. рук. Рум. муз. стр. 281, 710, 801—804.

[2]) Въ 1667 г. магистратъ не допустилъ ее къ печатанію.

[3]) Ихъ не было ни въ Александро-Нев., ни въ Кіев. библіотекахъ, по словамъ Евгенія. Сборн. матеріал. для ист. Рум. муз., 76.

[4]) Реестры изданія Буке онъ ставитъ въ примѣръ при печатаніи госуд. грамотъ (index geographicus, index onomasticus, index rerum). „Во всѣхъ изданіяхъ русскихъ книгъ, замѣчаетъ онъ Малиновскому, не достаетъ полнаго и порядочнаго реестра, по которому бы легко можно было отыскать ту статью, какою заняться намѣренъ". Чт. М. О. И. 1882, I, 109.

[5]) Переписка Евгенія и Востокова; Кестнеръ, 30, 34—41.

крайней мѣрѣ время, а большею частью имѣють и до сихъ поръ, всѣ отдѣльныя нарочитыя ея пріобрѣтенія. Всѣ они произведены не иначе какъ по совѣту свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ, каковы Трескоу, Вихманъ, Аделунгъ, Кругъ, Востоковъ, митр. Евгеній. Собраніе Румянцова сравнительно свободнѣе отъ тѣхъ подносныхъ экземпляровъ, которыми обременены библіотеки многихъ высокопоставленныхъ и вліятельныхъ лицъ" [1]). Румянцовъ не любилъ даже посвященій, разсчитанныхъ только на его имя, и старался отдаривать ихъ авторовъ или отклонялъ слишкомъ навязчивыя приношенія [2]).

Но вотъ какъ относился онъ къ истиннымъ друзьямъ науки. Приглашая (уже въ 1820 г.) м. Евгенія въ Петербургъ, онъ соблазняетъ его богатствами своей библіотеки. „Вы бы въ ней нашли, пишетъ онъ, печатныхъ на разныхъ иностранныхъ языкахъ книгъ о Сѣверѣ одномъ 3000, въ числѣ которыхъ о Россіи 1584, о Даніи 418, о Швеціи 380, о Польшѣ 425. Въ рукахъ вашихъ и въ полномъ вашемъ распоряженіи какая бы богатая жатва могла умножить бѣдныя наши до сихъ поръ и неочищенныя критикою объ отечествѣ свѣдѣнія"! [3]). Въ его библіотекѣ находили пріютъ и его ученые друзья, и молодые люди, выступавшіе тогда на литературное поприще: Кругъ, Аделунгъ, Германъ, Тимковскій, Языковъ, Кёлеръ, Френъ, Устряловъ, Губе, Шёгренъ, Сенковскій, Онацевичъ и др. Нерѣдко онъ пріобрѣталъ по нѣсколько экземпляровъ, заказывалъ переписывать болѣе рѣдкія изданія и снабжалъ ими *свой* архивъ и своихъ корреспондентовъ (Евгенія, Малиновскаго, Калайдовича и др.), или молодыхъ ученыхъ, отправлявшихся въ отдаленныя путешествія, какъ Шёгрена, извѣстнаго потомъ финнолога. Впрочемъ, благодаря тому же благодушію собирателя, не считавшаго нужнымъ отмѣчать даже свои выдачи, по смерти его не оказалось многихъ книгъ въ его библіотекѣ [4]).

---

[1]) Описаніе его коллекцій по отдѣламъ см. у Кестнера, стр. 26—44: Сборн. матер. для ист. музея, в. I, статья Корша и др. 70—107.

[2]) Чт. М. О. И. 1882, I, 266, 270.

[3]) Переписка м. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, 37. Библіотекарями его были: Вихманъ, Аделунгъ, Буссе, Мишинъ, Плисовъ, Куницынъ и др. Сборникъ, 76; Евгеній, 113.

[4]) Сборникъ, 72, 76.

Съ большимъ интересомъ слѣдилъ Румянцовъ за составленіемъ описанія рукописей графа Ѳ. А. Толстого (Калайдовичемъ и Строевымъ, М. 1825, съ палеогр. снимками), получалъ его въ листахъ и тотчасъ прочитывалъ ихъ [1]); а заслышавъ о продажѣ этого собранія, онъ спѣшилъ предупредить о своемъ намѣреніи пріобрѣсть послѣднее и о правѣ на него, такъ какъ все его собраніе будетъ предоставлено потомъ на общую пользу; но если рукописи будутъ подарены государству, то чтобы онѣ присоединены были къ архиву мин. ин. дѣлъ въ Москвѣ [2]). Къ описанію своей библіотеки гр. Румянцовъ не разъ приступалъ; но оно не было доведено до конца при его жизни, какъ и описаніе его рукописей, быть можетъ по чрезвычайной строгости Румянцова къ подобнымъ трудамъ. Подъ конецъ же своей дѣятельности онъ съ грустью замѣчалъ, что книжный рынокъ почти былъ истощенъ въ Москвѣ [3]).

Румянцова занимали самые разнообразные вопросы, возникавшіе при чтеніи памятниковъ и новыхъ изслѣдованій, какъ напр. обстоя-

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 51, 81, 87. 92, 176, 209, 303;

[2]) Переписка Евгенія съ Рум., 36; Чт. М. О. И. 1882, I, 92, 209. За собраніе рукоп. и старопечатныхъ изданій гр. Толстого онъ соглашался дать высшую плату. „Мнѣ помнится, писалъ онъ Малиновскому, что вы бесѣдуя со мною о сей библіотекѣ, почитали за оную можно дать 35,000 и даже 40,000 руб. Я васъ уполномочиваю купить ее для меня за 50,000 р... и уплату сію я готовъ произвесть наличными деньгами.“ (Ib. 269). Собраніе гр. Толстого поступило потомъ въ Имп. пуб. библіотеку. Сборн. Ак. Н., т. V, в. 2, с. 442.

Въ собраніи Румянцова находились реестры и описи рукописей какъ XVIII в., такъ и позднѣйшіе. Опис. рук. Рум. муз., № CCXX—CCXXV.

[3]) „Я съ удовольствіемъ вижусь съ Румянцовымъ, писалъ И. И. Дмитріевъ А. И. Тургеневу. Канцлера обступили наши антикваріи и букинисты: сносятъ къ нему кучами все старопечатное и манускрипты“ (1820 г.). Рус. Арх. 1867, стр. 1125.

„Какъ не сожалѣть, пишетъ Румянцовъ Малиновскому въ 1824 г., что въ Москвѣ ослабѣваетъ торгъ древними русскими рукописями. *Но для того* и должно его поддержать новыми и частыми требованіями. Если умерли лучшіе продавцы, то ихъ мѣста заступятъ, безъ сомнѣнія, люди новые. И вы, мнѣ въ одолженіе, познакомьтесь пожалуйста съ одною торговкою книгъ и монетъ, *которую у меня часто видалъ* Калайдовичъ. Она въ таковомъ торгѣ не безъ навыка: давайте ей отъ меня порученія отыскивать рукописи самыя древнія“. Чт. М. О. И. 1882, I, 296—97.

тельства крещенія Ольги [1]); исторія древняго Херсонеса; походъ Улѣба на Желѣзныя ворота; извѣстія о хазарахъ и уграхъ; путь Ольгерда во время похода его на Москву [2]); второй бракъ Витовта съ русской княжной; древность православія на Волыни; судьба Галицкаго княжества; происхожденіе имени Пскова; кто былъ авторъ житія св. Сергія; разность списковъ „Русской Правды"; начертанія нѣкоторыхъ буквъ въ древнихъ рукописяхъ; вопросы по восточной нумизматикѣ; татарскія грамоты; финскій словарь; литовскія древности; свеоготскіе законы, изданные въ Стокгольмѣ, въ отношеніи ихъ къ древнему русскому законодательству (см. переписку Евгенія, Калайдовича, Востокова, Григоровича, Малиновскаго и др.). Онъ перечитываетъ и русскія лѣтописи, и акты, доставлявшіеся ему съ разныхъ сторонъ [3]). Для него дѣлаются переводы изъ польскаго Гербовника, латинскихъ кенигсбергскихъ актовъ, скандинавскихъ сагъ. Читая рукописи, онъ дѣлаетъ палеографическія замѣчанія, а по поводу надписи на колоколѣ въ мон. Саввы Сторожевскаго высказываетъ свои соображенія [4]). При посред-

---

[1]) Сужденія объ этомъ вопросѣ въ „Перепискѣ м. Евгенія съ Румянцовымъ", стр. 48—50. Изслѣд. о времени крещ. Рос. вел. княг. Ольги за награду, уставлен. покойн. гр. Н. П. Румянцовымъ, сочинен. Кіев. дух. акад. студ. Н. Соколовымъ, въ „Опытахъ упраж. воспит. Кіев. Д. акад.", т. I, 1832, стр. 385—417.

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ см. въ Опис. Рум. муз. стр. 221.

[3]) Вопросъ о происхожденіи Руссовъ продолжалъ интересовать Румянцова. Поэтому имъ былъ заказанъ переводъ съ нѣмец. „Рустрингіи" Голлмана (рект. и профес. провинц. школы въ Іеверѣ) Снегиреву (М. 1819 г., посвящ. ему же). Сочиненіе это было написано на основаніи мнѣнія канцлера, о которомъ узналъ авторъ въ 1814 г. Оно направлено противъ мнѣнія Байера, Миллера и Шлецера, стоявшихъ за скандинавское происхожденіе Варяговъ, и въ защиту отечества Варяговъ на берегахъ Нѣмецкаго моря, между Ютландіею, Англіею и Франціею, на мѣстѣ родины автора. Въ письмахъ къ м. Евгенію (с. 24—26) гр. Румянцовъ высказалъ свое мнѣніе о Рюрикѣ и Руссахъ. Онъ обратилъ вниманіе и на раннее упоминаніе имени Руссовъ у одного восточнаго писателя (Табари, 838—922 г.), а по смерти Румянцова Погодинъ издалъ на его счетъ соч. Неймана: „О жилищахъ Руссовъ" (Переписка м. Евгенія, 29—30. О Іеверской династіи, Опис. р. Рум. муз. 802).

Къ Малиновскому обращается онъ съ вопросами о русской миѳологіи и житіяхъ. Чт. М. О. И. 1882, I, 17—18, 23, 31.

[4]) Матер. для біогр. Калайдовича, Безсонова. Чт. М. О. И. 1863, III, 148.

ствѣ м. Евгенія, Анастасевича [1]), Григоровича, Лобойка [2]) онъ знакомится съ польскою археологическою и историческою литературою. Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ замѣчаній Востокова на древнюю славянскую рукопись, найденную въ Барберинской библіотекѣ, и о Супрасльской рук., отъ которыхъ ставилъ въ зависимость изданіе послѣдней. „Всѣ письма ваши отмѣнно меня занимаютъ", писалъ онъ Востокову въ 1825 г. „Вы для меня, *какъ французы говорятъ*, la loi et les prophètes" [3]). Прочитывая рукописи, онъ самъ отмѣчаетъ и проситъ другихъ замѣчать болѣе важные древніе термины, выраженія, восточныя слова и т. п. [4]). Съ Евгеніемъ онъ ведетъ обширную переписку о славянскихъ „Кормчихъ" и „Тактиконѣ"; съ Калайдовичемъ о „Діоптрѣ"; Успенскому возражаетъ на его объясненія древнихъ терминовъ; Карамзину—на его мнѣніе о позднѣйшемъ происхожденіи надгробныхъ надписей [5]). Вмѣстѣ съ Евгеніемъ отъ признаетъ изслѣдованіе Каченовскаго о Черниговской гривнѣ (Вѣст. Евр.) ученымъ и умнымъ [6]). Получивъ увѣдомленіе отъ Кеппена о древнихъ камняхъ съ

[1]) В. Г. Анастасевичъ (изъ валаховъ), воспит. Кіев. Д. ак., служилъ при Чарторижскомъ въ Вилен. учеб. окр., а потомъ при гр. Румянцовѣ и въ коммис. составл. законовъ; занимался библіографіей (для Сопикова и Смирдина) и переводами въ журналахъ; перевелъ экономич. сочиненія гр. Стройновскаго, Статутъ вел. княж. Литов. со ссылк. на конституціи (2 ч. Спб. 1811); издалъ „Обозр. Кормчей", Спб. 1839. Геннади, I, 26.

[2]) И. Н. Лобойко—воспит. Харьк. унив., профес. Вилен. ун., членъ Моск. общ. любит. словесн. Сочин. его: „О важнѣйш. изданіяхъ записокъ Герберштейна о Россіи" (изъ книги Аделунга) въ „Соревнователѣ" и отд. Спб. 1818; „Собр. рос. стихотвореній," Вильно, 1827; „Взглядъ на древн. словесн. скандинавск. сѣвера", Спб. 1821. Геннади, т. II. Письмо къ Румянцову объ успѣхахъ польской историч. литер. въ „Перепискѣ Евгенія", 89—90. „Намъ надобно у нихъ учиться", пишетъ Евгеній о польскихъ ученыхъ и Румянцовъ соглашается съ этимъ мнѣніемъ (ib. 90—91). Рекомендуя же Румянцову „Ист. польск. литер." Бентковскаго (2 ч.), Евгеній прибавляетъ: „Изъ сей книги изволите усмотрѣть, во сколько кратъ польская словесность богаче нашей, еще ребяческой" (66).

[3]) Переписка Востокова, 157—169, 218—219.

[4]) Чтен. М. О. И. 1882, I, 132, 164, 169, 175, 187, 215.

[5]) Переписка Евгенія, 12. Мнѣніе Копитара о Кормчей, ibid. 109.

[6]) Ib. 58. Евгеній напечаталъ свои замѣчанія о ней въ 1833 г. Труды Общ. ист. и древн. Рос. ч. VI, 121—123. Другія статьи о ней, ib. ч. IV и VI.

надписями, въ Островскомъ уѣздѣ, Румянцовъ хлопочетъ о ихъ объясненіи, а по указанію Канкрина разыскиваетъ камни на З. Двинѣ. При посѣщеніи Кіево-печерской лавры онъ обращаетъ вниманіе на рукопись Палинодіи; при проѣздѣ черезъ Москву покупаетъ рукопись о Лжедимитріѣ. „Она тѣмъ любопытна, пишетъ онъ м. Евгенію, что многое *иначе* упоминаетъ, нежели уже принято нами за *истину*". Отправившись на Кавказъ для лѣченія, онъ не преминулъ осмотрѣть древніе памятники въ степяхъ [1]).

Узнавъ о рукописяхъ, принадлежавшихъ Анастасевичу [2]), о богатомъ рукописномъ собраніи Салакадзева, о смерти того или другаго собирателя рукописей или монетъ, Румянцовъ хлопоталъ, не щадя средствъ, пріобрѣсть ихъ для пополненія своего богатаго собранія, и заявляя постоянно, что оно предназначается имъ служить на пользу общую [3]). „Я неусыпно стараюсь, о напечатаніи древнихъ документовъ и рукописей, пишетъ онъ Востокову. Подаютъ мнѣ часто надежду, но вскорѣ опять все забываютъ и донынѣ существующая *лѣнь* и *нерадѣніе* беретъ верхъ по прежнему." Григоровичу онъ пишетъ: „Не упускайте развѣдывать о всѣхъ продажныхъ, очень древнихъ рукописяхъ на пергаменѣ и меня о томъ увѣдомлять" [4]). Съ такой же заботливостію онъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи за границею старинныхъ славянскихъ изданій и рѣдкихъ книгъ [5]). Румянцову принадлежитъ несомнѣнная заслуга въ томъ, что онъ постоянно и настойчиво указывалъ на важность изученія для русской исторіи византійскихъ и славянскихъ источниковъ, исторіи и быта. Извѣстному въ Данцигѣ польскому литератору, лексикографу и грамматику Мронговіусу, онъ поручилъ заняться на мѣстѣ изслѣдованіемъ языка, нравовъ и быта кашубовъ и оказалъ ему пособіе для этой цѣли, при чемъ, для руководства, ему была сообщена „превосходно составленная" Румянцовымъ записка, которою могли пользоваться даже позднѣйшіе филологи, по замѣчанію покойнаго П. И. Прейса [6]). Румянцовъ желалъ

1) Переписка Евгенія, 48, 78. Разысканія о камняхъ, 38, 45, 46, 189—90.

2) Груды его листковъ и замѣтокъ, относящихся къ библіографіи, достались потомъ букинистамъ. Геннади, I, 26.

3) Чт. М. О. Ист. 1882, I, 51, 57, 81; Переписка Востокова, 49, 390—92.

4) Переписка Григоровича, 61; Переписка Востокова, 152.

5) Переписка Востокова, 183.

6) Отчетъ Прейса о занят. его за границею, Ж. М. Н. П. ч. XXVIII, 1—24.

издать сербскую хронику Даніила [1]) и переводъ соч. Раковецкаго (о славянск. и польск. языкахъ; о Рус. Правдѣ). Получивъ отъ Евгенія похвальный отзывъ объ изданіи памятниковъ Нѣмцевича, онъ хотѣлъ видѣть ихъ въ русскомъ переводѣ. Мы упоминали уже, что какъ свои изданія восточныхъ, византійскихъ и западныхъ источниковъ, такъ и изслѣдованія, касающіяся рус. исторіи на иностранныхъ языкахъ, онъ предпочиталъ печатать *на русскомъ языкѣ*, чтобы сдѣлать ихъ болѣе доступными для русскихъ ученыхъ и любителей отечественной исторіи. Поручая Малиновскому пріискать переводчика, для перевода съ франц. языка книжки о жизни и смерти Лжедимитрія въ 1606 и соч. Маржерета, онъ прибавляетъ: „тогда оба сіи повѣствователя дѣла Лжедимитрія могли бы быть приняты *россійскою публикою* съ удовольствіемъ“ [2]).

Столь же ясно понималъ Румянцовъ и важность изученія *областной исторіи* Россіи. Препровождая Евгенію изслѣдованіе о древнихъ черниговскихъ городахъ, онъ замѣчаетъ: „Я желалъ бы, чтобы примѣру сему послѣдовали многіе, описывая и сличая съ лѣтописями каждый свой край“ [3]). А посѣтивъ новгородъ-сѣверскую гимназію, онъ пред-

---

Хр. Кел. Мронговіусу принадлежитъ „Słownik Niemiecko-Polski“, Данцигъ, 1823, 712 стр. in 4°. Въ немъ авторъ воспользовался и своимъ знаніемъ кашубскаго нарѣчія. О его сношеніяхъ съ Румянцовымъ, Переписка Востокова, 228, 447.

[1]) Царственникъ или Родословъ сербскаго архіеп. Даніила списанъ для Румянцова въ Карловачской митр. библіот. Опис. Рум. м. 155—158.

[2]) Переписка Евгенія, 48, 50, 60, 74, 91, 93, 106. Чт. М. О. И. 1882, I, 151—52, 157.

[3]) Переписка Евгенія, 11. Здѣсь идетъ рѣчь о сочиненіи М. Е. Маркова, директ. черниг. училищъ, упоминаемомъ ниже подъ № 6. Сочиненія его описаны въ трудѣ Востокова: „Опис. рук. Румянц. м.“, № CCLXXI.

Большею частью это черновыя тетради, на 664 лист. Онѣ заключаютъ въ себѣ слѣд. статьи: 1) матеріалы для историч., геогр. и топогр. опис. Черниг. губ.; 2) такое же опис. г. Чернигова съ его повѣтами; 3) о достопамятностяхъ Чернигова, 1814—1815 гг.; 4) о памятникахъ древности въ Черниговѣ; 5) исторія Черниг. княж. (на 298 лист.); 6) о город. и селен. Черниг. губ., упомин. въ лѣтоп. по 1206 г. (было напеч. въ 1814 г. 60 стр.; но здѣсь передѣлано и пополн.); 7) о сост. юж. части Рос. госуд. отъ наш. татаръ, подъ владыч. Польши и Литвы, до присоед. къ Рос. съ обозр. древ. княж.; 8) выписки изъ Кромера о кіев., черниг. и сѣверск.

лагалъ ея преподавателямъ заняться составленіемъ исторіи сѣверскаго княжества [1]).

О своей любознательности Румянцовъ писалъ м. Евгенію: „Среди глубокой своей старости, я, какъ нетерпѣливые молодые ученики, надоѣдаю учителю своему всякими вопросами; но мой наставникъ кротокъ духомъ и долготерпѣливъ". Переписка Лейбница съ Петромъ В., помѣщенная въ „Сборникѣ" Эверса, привела Румянцова въ восторгъ [2]). Съ одинаковымъ вниманіемъ относился онъ и къ письменнымъ матеріатамъ, и къ вещественнымъ памятникамъ [3]). Все увлеченіе Румянцова духомъ науки, а не мертвою книжною буквою, прекрасно выразилось въ его дружескомъ письмѣ къ Григоровичу, по поводу продолжительнаго посѣщенія Евгеніемъ его библіотеки въ Петербургѣ: „вотъ какъ надо *любить просвѣщеніе и все то*, гдѣ къ нему путь открытъ" [4]).

Въ его заботѣ объ успѣхахъ отечественной науки не было ничего напускнаго, покровительственнаго или заискивающаго. Онъ дорожилъ не только грубымъ матеріаломъ, какъ остаткомъ старины, передъ которымъ такъ преклоняются иногда любители всякихъ коллекцій, но умѣлъ цѣнить внутреннее значеніе и достоинство памятниковъ.

княж.; 9) о черниг. воеводствѣ; 10) о черниг., нов. сѣв. и переясл. епархіяхъ; 11) о раскольнич. слоб. Черн. губ.; 12) о войнѣ Петра В. съ Карломъ XII въ предѣл. Черн. г.; 13 и 14) переписка Маркова относительно соч. исторіи Малороссіи.; 15) о сочин. ист. Черниг. губ.; 16) три письма Маркова къ гр. Румянцову (1815 г.), по случаю присылки послѣднему сочиненій. Въ томъ же „Описаніи" упоминаются историческія и географич. записки о городахъ и монастыряхъ, доставленныя гр. Румянцову разными лицами (о Вологдѣ, Кіевѣ, Искорестѣ, Кашинѣ, Нижн. Новгородѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ, Перми, Полоцкѣ, Угличѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Ярославлѣ, съ прилож. нѣкот. докум., описан. древностей и т. п.). Стр. 219—224, 393—394.

[1]) Ж. М. Нар. Пр., ч. LXXIV, стр. 50. Такъ, онъ собиралъ матеріалы для ист. древней Псковской области. Ч. М. О. И. 1882, I, 295.

[2]) Переписка, 15, 28. Вопросъ его о составѣ земскаго сбора 1618 г., Ч. М. О. И. 1882, I, 169. Актъ объ этомъ соборѣ въ Собр. госуд. грам. III, № 40.

[3]) Поэтому онъ такъ дорожилъ снимками, рисунками и точными копіями для своихъ изданій и собранія. Ч. М. О. И. 1882, I, 130, 136, 170. О рисункахъ съ вышитыхъ пеленъ, 229, 232, 245, 279. Востокову онъ поручаетъ достать „всю коллекцію печатныхъ изображеній 80-ти церквей при мин-вѣ внутр. дѣлъ". Переписка Востокова, 228.

[4]) Переписка Григоровича, 61.

Вотъ интересный примѣръ, какъ понималъ Румянцовъ историческую критику. Собираясь писать исторію Пскова, м. Евгеній предварительно сообщилъ планъ ея гр. Румянцову, въ который входило, между прочимъ, описаніе чудотворныхъ иконъ. Отвѣчая на письмо Евгенія, съ чувствомъ благодарности за сообщеніе его мыслей, гр. Румянцовъ прибавляетъ: „Но позвольте мнѣ, какъ искреннему слугѣ вашему, чистосердечно васъ спросить: исчисленіе чудотворныхъ иконъ удѣлъ ли исторіи"?—Гр. Румянцовъ истратилъ на ученыя изданія и предпріятія до 300,000 р., за что и за-границею, и въ Россіи называли его „кассиромъ рус. словесности"; но подобное пониманіе его роли огорчало его самого, и онъ по этому поводу писалъ м. Евгенію: „ошибаются эти люди—не этимъ я занятъ", на что Евгеній отвѣчалъ ему такимъ утѣшеніемъ: „Да, мы должны видѣть въ васъ высокопросвѣщеннаго Мецената, не только нашего покровителя, но и руководителя" [1]). При всемъ томъ, ему не нравились пышные отзывы о его покровительствѣ и „пустая вѣжливость величаніемъ его титуловъ" въ предисловіяхъ къ его изданіямъ, и онъ просилъ исключать ихъ при печатаніи [2]). За то онъ самъ старался войти въ сношенія съ людьми, которые могли бы оказать содѣйствіе его цѣлямъ. Съ Востоковымъ онъ сближается за „глубокое познаніе имъ древняго рос. языка"; въ Калайдовичѣ онъ цѣнитъ „необыкновенный даръ изыскивать и объяснять памятники древности" [3]); въ м. Евгеніѣ онъ ищетъ, „какъ любитель россійскихъ древностей, учителя и наставника"; Малиновскому онъ пишетъ: „Я только тогда и богатымъ себѣ кажусь, когда вы хвалите то, что я пріобрѣтаю". Онъ былъ счастливъ уже одною мыслью, что служитъ великому дѣлу науки. „Кажется, я богатѣю на пользу многихъ и сіе заключеніе меня много радуетъ. Я, право, собою не занятъ",—говоритъ онъ въ письмѣ къ тому же Малиновскому, по поводу своихъ рукописныхъ пріобрѣтеній [4]). Митроп. Евгенію, Востокову, Калайдовичу, Берху онъ пересылаетъ необходимыя для нихъ книги или дѣлаетъ справки [5]); Калайдовичу, занимавшемуся со-

[1]) Переписка м. Евгенія, 67, 98.

[2]) Чт. М. О. И. 1882, I, 39, 108.

[3]) Біогр. Калайдовича, 36—37.

[4]) Чт. М. О. И. 1882, I, 81 и др. Ср. 51, 57.

[5]) Переписка Востокова, с. 23—28, 162, 168, 181; Калайдовича, 168 и др., а также м. Евгенія, Григоровича.

чиненіями Кирилла Туровскаго, способствуетъ своими разысканіями о Туровѣ [1]). Для этого онъ сносится съ польскимъ ученымъ Линде, съ уніатскимъ митрополитомъ, съ минскимъ губернаторомъ, съ м. Евгеніемъ, который и облегчаетъ разрѣшеніе означеннаго вопроса. Графъ Румянцовъ входилъ даже въ мелочи своихъ изданій: его печалитъ плохой видъ словаря Евгенія и онъ велитъ уничтожить заглавный листъ съ своимъ именемъ [2]); самъ исправляетъ заглавіе въ книгѣ Кирши Данилова (древнія вм. старинныя стихотворенія); возмущается употребленіемъ иностранныхъ терминовъ (пьесъ, фарсовъ); поправляетъ переводъ книги Добровскаго, сдѣланный Погодинымъ. Онъ приходитъ въ негодованіе, когда Малиновскій хотѣлъ было уменьшить плату за трудъ Калайдовича [3]); печалится, что Кеппенъ предпочелъ придворную службу занятіямъ палеографіей и отказывается самъ поднести

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 41, 42 и д., 192.

[2]) Переписка Евгенія, Сборн. Ак. Н. т. V, в. 1, 228.

[3]) Но Румянцову приходилось пріобрѣтать много и потому онъ дорожилъ деньгами (Переписка Калайдовича, 180—181; Переписка Востокова, 117). „Графъ Румянцовъ не былъ щедръ“, говоритъ Погодинъ (Судьбы археологіи, стр. 11. Ср. замѣчаніе Калайдовича въ его Запискахъ, 112).

Разсчетливость отмѣчаютъ въ немъ и другіе (Коршъ, 61). Онъ старался пріобрѣсть даже рѣдкія рукописи или изданія подешевле (переписка съ Малиновскимъ, 216, 260, 270 и др.). Но въ концѣ концовъ господствующій интересъ бралъ верхъ. Когда въ 1821 г. распустили было слухъ о намѣреніи его обложить часть набережной Васильевскаго острова гранитомъ, то Румянцовъ, замѣчая, что на это понадобилось бы болѣе милліона, прибавляетъ, что онъ „нашелъ бы куда *получше* употребить деньги“, для чего проситъ похлопотать о продажѣ ненужной ему теперь дорогой серебряной посуды. Съ полнымъ спокойствіемъ переноситъ онъ пожаръ винокуреннаго завода въ Гомелѣ, доставлявшаго ему главный источникъ дохода, и потерю отъ наводненія въ Петербургѣ въ 1824 г., простиравшуюся до 200,000 р., замѣчая только Кругу, что „это бѣдствіе гораздо легче перенести ему, нежели другимъ“ и тутъ же хлопочетъ о монетахъ, присланныхъ ему изъ Керчи и съ ос. Тендры (Коршъ 60—61).

При разсчетливости и точности, отъ которыхъ часто зависѣлъ его текущій бюджетъ, Румянцовъ любилъ опредѣлять какъ съ авторами, такъ и съ издателями, условія и обязательства, которыя не всегда нравились имъ, налагая на нихъ опредѣленныя требованія (Чт. М. О. И. 1882, I, 62, 308; Коршъ, 61. О счетахъ по изданіямъ Румянцова, Чтен. М. О. И. 62, 106,

трудъ Калайдовича государю, чтобы „честь этого изданія не была отнесена лично къ нему“; но устраиваетъ это для Калайдовича другимъ путемъ. Дѣлая иногда упреки своимъ сотрудникамъ, онъ щадитъ ихъ самолюбіе, замѣчая не разъ: „ученаго учить только портить“ [1]). Каждое появленіе новаго труда, при его участіи, вызывало въ немъ особенную радость и онъ любилъ сообщать авторамъ лестные отзывы и замѣчанія критиковъ на труды его сотрудниковъ [2]). Калайдовичу онъ писалъ: „Я желалъ, чтобы вы были свидѣтелемъ той радости, которую почувствовалъ я, получивъ первый экземпляръ изслѣдованія вашего объ экзархѣ болгарскомъ“, и спѣшитъ тотчасъ-же послать экземпляры его митр. Евгенію и ученому Добровскому. Благодаря заступничеству Румянцова, профес. Даниловичъ [3]), Плисовъ, бывш. проф. Петерб. унив., а потомъ его библіотекарь [4]), и самъ Калайдовичъ были избавлены отъ постигшихъ ихъ гоненій и получили возможность принести несомнѣнную пользу наукѣ. Центромъ дѣятельности Румянцовскаго кружка до конца его жизни оставался Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ; а гр. Румянцовъ поручалъ Малиновскому озаботиться пріисканіемъ и подготовкою молодыхъ ученыхъ для дальнѣйшей дѣятельности [5]). Онъ обратилъ его вниманіе на изслѣдованіе Саларева о русскихъ грамотахъ, появившееся въ „Вѣстн. Европы“;

108, 119, 133 и др.). Но ему не нравилось, если трудъ, сдѣланный для него, не былъ достаточно оцѣненъ или оставался безъ вознагражденія; а при выходѣ въ свѣтъ своихъ изданій, онъ иногда назначалъ стоимость ихъ ниже расходовъ, чтобы сдѣлать доступнѣе для публики. Ib. 244, 291. Ср. 163, 167 247.

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 99, 165, 303.

[2]) Біогр. Калайдовича, 44, 46.

[3]) На Даниловича онъ возлагалъ изданіе открытой имъ Литовской лѣтописи, притомъ русскими буквами, и Судебника Казимира IV (Переписка съ Востоковымъ, 150—51; Переписка съ Евгеніемъ, 121), старѣйшій и болѣе исправный списокъ котораго былъ открытъ канцлеромъ въ Гомелѣ, въ Кормчей XV в.; но для своего изданія онъ старался разыскать лучшіе списки этого памятника черезъ м. Евгенія и барона Розенкампфа (120—24). По спискамъ Рум. муз. и другимъ Судебникъ напечат. потомъ въ Акт. Зап. Рос. т. I. № 67 и примѣч. 53. Примѣчанія же Даниловича вошли въ Вилен. изд. 1826 г. (Опис. рук. Рум. муз. №№ CCXXX и CCCCXXX, с. 296, 658—661).

[4]) Переписка Востокова, 456.

[5]) Значеніе для Карамзина этого кружка весьма ясно выступаетъ въ его „Письмахъ къ Малиновскому, изд. Общес. любит. Рос. словесн.“ М. 1860 г.

(1819 г.); на сочиненія Арцыбашева, Сенковскаго и А. Буткова (О ханахъ Кипчакской орды, въ Сѣв. Архивѣ 1824, № 12—14 [1]); на Погодина, о которомъ писалъ [illegible] Калайдовичъ. Погодина онъ пригласилъ переводить для своихъ изданій ученые труды, а Малиновскому поручалъ поощрять его въ занятіяхъ „первобытными временами" русской исторіи [2]). По желанію канцлера, баронъ Розенкампфъ занялся изученіемъ происхожденія и состава славянской Кормчей, пользовался для этого рукописями его библіотеки и посвятилъ ему свой трудъ [3]). Вельяминовъ Зерновъ представилъ ему проектъ ученаго изданія „Русской Правды", которое впрочемъ не состоялось [4]). Сочиненіе А. Куницына: „Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи", вышедшее въ 1843 г. (Спб.), написано гораздо прежде и составлено при содѣйствіи и помощи богатаго собранія гр. Румянцова; Гамелю онъ предложилъ составить исторію фабрикъ и промысловъ въ Россіи, на основаніи матеріаловъ Моск. архива ин. дѣлъ, и предполагалъ издать этотъ трудъ съ рисунками [5]). Румянцовъ инте-

---

[1]) Обращая вниманіе Малиновскаго на статью послѣдняго, онъ замѣчаетъ: „Она поселила во мнѣ особенное уваженіе къ сочинителю. Онъ по этой части, много знаетъ и хорошо знаетъ, *что рѣдко можно сказать о большей части нашихъ писателей.* Я очень любопытствую знать, кто онъ таковъ"—и проситъ доставить подробныя свѣдѣнія о немъ, обѣщая не терять его изъ виду. Ч. М. О И. 1882, I, 294, 289, 302. Переписка Евгенія и др.

Для занятій восточными рукописями онъ приглашалъ молодыхъ оріенталистовъ Деманжа и Шармуа, прибывшихъ въ Россію по рекомендаціи С. де-Саси. О жизни и труд. его, Савельева, Ж. М. Н. Пр., ч. XXI, 46.

[2]) Чт. М. О. И. 1882, I, 281. Румянцову такъ понравились его статьи о Несторѣ въ Вѣст. Евр. (1824 г.), что онъ желалъ лично познакомиться съ нимъ (ib. 287). О его переводѣ (въ Вѣст. Евр. 1823 г.) изъ соч. Тунмана о хазарахъ, (ib. 279); о его диссертаціи (314). Румянцовъ снабжалъ его матеріалами о Кириллѣ и Меѳодіѣ (317).

[3]) Предислов. къ Обозр. Кормчей, изд. Моск. общ. ист. 1829; Кестнеръ, 15, 22. 2 е изд. съ дополн. напеч. подъ ред. Анастасевича (Спб. 1839), на счетъ м. Евгенія (Кестнеръ, 12). Румянцовъ первый далъ толчекъ мнѣнію о принесеніи Кормчей при митр. Кириллѣ III изъ Болгаріи.

[4]) Кестнеръ, 15—16, 22. Взглядъ автора на этотъ предметъ изложенъ въ предисловіи къ его „Начерт. гражд. Права".

[5]) Переписка и условія объ этомъ, Чт. М. О. И. 1882, I, 301, 311—315, 325, 327, 332.

ресовался архивными матеріалами о государственныхъ *доходахъ* и *расходахъ* въ древней Россіи и древнею *монетною системою* въ Россіи, сравнительно съ иностранною. „Я давно желаю и проповѣдую, пишетъ онъ Малиновскому, что полезно было бы дѣлать извлеченія частныя и приводить ихъ въ порядокъ, изъ печатныхъ и рукописныхъ лѣтописей, гдѣ они, такъ сказать, взболтаны и смѣшаны. Подобнымъ образомъ можно было бы въ особомъ сочиненіи извлечь *древнюю россійскую статистику*, показавъ въ семъ начертаніи, какія въ разныя эпохи на жизненные припасы существовали цѣны, какіе сохранены памятники цѣнамъ важныхъ по торговлѣ товаровъ, какими податьми въ какое время обложенъ былъ народъ и области въ отношеніи великихъ князей, которымъ онѣ были подчинены; *таковому труду можно дать цѣну важную*, но для этого нужна *голова открытая и уже преисполненная* свѣдѣніями по сей части касающимися“ [1]). Митр. Евгенію онъ сообщалъ, что давно питаетъ мысль важную, которая приготовила бы для *будущаго точнаго сочиненія Россійской исторіи всѣ нужные элементы* [2]). А когда появилось (въ 1818 г.) сочиненіе Н. И. Тургенева: „Опытъ о теоріи налоговъ“, то гр. Румянцовъ открыто выразилъ автору свое вниманіе и восхищался ясностію изложенія его труда [3]). Черезъ Малиновскаго онъ передаетъ поздравленіе Н. Д. Черевину за то, что онъ такъ мастерски началъ свою статью *о крестьянахъ владѣльцахъ* [4]).

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 33, 184, 187.

[2]) Переписка Евгенія, 32—33. Трудъ этотъ долженъ былъ состоять въ выпискахъ изъ лѣтописей всего, относящагося до историческихъ лицъ, народовъ, древней географіи и статистики, народнаго хозяйства и т. п., въ видѣ словаря и въ хронологическомъ порядкѣ.

[3]) La Russie et les Russes, par. N. Tourgueneff, p. I, 75—76.

[4]) Чт. М. О. И. 1882, I, 279—83. Статья напеч. въ Вѣст. Евр. 1823, № 23. О немъ см. ibidem, 1824, № 14. Объясненіе Румянцова пожалованій Екатерины II крестьянами въ покоренныхъ губерніяхъ, Чт. М. О. И. ib. 147.

С. П. Румянцовъ составилъ условія съ крестьянами на льготныхъ началахъ, которыя послужили основаніемъ указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ (20 февр. 1803 г.), вызвавшаго цѣлую бурю противъ него (см. Гр. Н. С. Мордвиновъ, 33—35). Гр. Н. П. сочувствовалъ этому плану (Зап. Держ. 811—12). Съ такимъ же вниманіемъ относился гр Румянцовъ и къ другимъ вопросамъ народной экономіи (о повинностяхъ, о соли и т. п.).

Съ постояннымъ вниманіемъ слѣдилъ Румянцовъ за русскою и иностранною журналистикою, по всѣмъ вопросамъ, занимавшимъ его, и не упускалъ случая дѣлиться новыми свѣдѣніями и впечатлѣніями со своими корреспондентами. Самъ онъ получалъ: Вѣстникъ Европы, Сѣв. Архивъ, Сынъ Отечества, Зап. Моск. универс., изданія Общ. исторіи и древностей, Геттинг. журн., Iahrbücher der Literatur, Revue Encyclop., Journ. Asiatique и др. [1]). Но онъ предпочиталъ отдѣльныя изданія, справедливо полагая, что въ общихъ журналахъ ученыя статьи часто совсѣмъ забываются и теряютъ свое значеніе [2]). Вотъ почему онъ такъ хлопоталъ объ отдѣльныхъ оттискахъ своихъ сообщеній и статей, интересовавшихъ его. Онъ даже опасался, что сотрудничество Калайдовича въ журналахъ можетъ отвлекать его отъ главнаго труда. Дѣятельность Общества исторіи и древностей особенно интересовала его [3]).

Масса вопросовъ, возбуждавшихъ вниманіе Румянцова, показываетъ, съ какою беззавѣтною любовью отдавался онъ дѣлу науки. Откровенно высказываетъ онъ свои мнѣнія и сомнѣнія въ томъ или другомъ случаѣ, считая себя лишь ученикомъ, ищущимъ разрѣшенія недоумѣній. Но вотъ примѣръ, какъ онъ былъ чутокъ и при изслѣдованіи болѣе трудныхъ научныхъ вопросовъ. „Я радуюсь, что Строевъ довелъ до окончанія изданіе Софійской лѣтописи“, писалъ онъ Малиновскому (22 нояб. 1822, изъ Гомеля), но пожалуйте, не допускайте до раздачи ни одного экземпляра, не повѣря, ошибаюсь ли я или нѣтъ,

---

Когда же въ госуд. совѣтѣ (1805) состоялось постановленіе о выдачѣ пособія (въ 3 мил.) на устройство имѣнія кн. Радзивила, обремененнаго долгами, то гр. Н. П. высказался такъ: „Какое подданные сдѣлаютъ заключеніе, свѣдавъ, что совѣтъ нашелъ вдругъ, для облегченія и выручки одного лица, готовыхъ 3 милліона, когда извѣстно имъ, что благотворительные монаршіе виды, на пользу цѣлаго государства идущіе, иногда откладываются за тѣмъ, что на совершеніе оныхъ нѣтъ денегъ“! Чт. М. О. И. 1860, I, 65—100.

1) Чт. М. О. И. 1882, I, 123, 149, 189, 216, 223. Переп. Востокова, 167.

2) Переписка Евгенія съ Рум., 52, 85 и др.

3) Біогр. Калайдовича, 24. Выражая иногда неудовольствіе на его фарсы Румянцовъ замѣчаетъ: „Въ г. Калайдовичѣ пылкость пройдетъ *и останутся свѣдѣнія пространныя о старинѣ нашей и даръ ихъ излагать и объяснять необыкновенно*“. И онъ былъ доволенъ вѣжливымъ тономъ возраженій послѣдняго противъ Каченовскаго. Чт. М. О. И. 1882, I, 95, 215; 35, 309.

когда заключаю, что Строевъ сдѣлалъ большую ошибку, которая подвергнетъ насъ всѣхъ осужденію людей ученыхъ. Онъ въ прибавленіи на первомъ листѣ, въ самомъ концѣ и на слѣдующемъ, беретъ Кедрина и Георгія грѣшнаго мниха за одну и ту-же особу, а я почитаю, что это два писателя совсѣмъ разные; послѣдній извѣстенъ подъ именемъ Георгія Гамартола и изъ него-то, вѣроятно, слово въ слово выбиралъ нѣкоторыя строки Несторъ и вносилъ въ свою лѣтопись; но я, при всемъ своемъ удостовѣреніи, что сіи писатели суть два человѣка разныхъ, не могу того утверждать (за неимѣніемъ здѣсь книгъ) никакою ссылкою на сочиненіе; покорно прошу пересмотрѣть съ большимъ тщаніемъ роспись византійскихъ писателей и точно повѣрить, правъ ли я или Строевъ. Ежели онъ не правъ, то непремѣнно надобно будетъ этотъ листъ, въ которомъ находится такая ошибка, совсѣмъ истребить и съ точностью въ новомъ листѣ опредѣлить, изъ котораго писателя византійскаго Несторъ дѣлалъ выписки; а ежели точно сего опредѣлить нельзя, то пройти молчаніемъ. Вы меня премного одолжите, ежели дадите сему обстоятельству большое вниманіе и насъ всѣхъ спасете отъ неминуемаго нареканія" [1]).

Такимъ образомъ, по настоянію гр. Румянцова, изслѣдованіе этого вопроса было поручено Калайдовичу, который подтвердилъ разность

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, 243—46; Барсуковъ, П. М. Строевъ, 49—50.

Славянскій переводъ Георгія Грѣшнаго, подавшій поводъ къ этимъ объясненіямъ, былъ найденъ Строевымъ въ 1819 г., при описаніи библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого. Извѣстно, что Шлецеръ не рѣшилъ вопроса о византійскомъ источникѣ древняго рус. лѣтописца, называемомъ у послѣдняго Георгіемъ. Но еще Альтеръ указывалъ въ такъ наз. лѣт. Нестора слѣды Г. Амартола (Philol. krit. Miscellen., Wien, 1799, 99—100. Ср. Пыпинъ, Очеркъ литерат. ист. пов. и сказ. русскихъ, въ Уч. Зап. Ак. Н. по II отд., т. IV, 23); а въ 1806 г. на заимствованіе извѣстныхъ мѣстъ древнимъ рус. лѣтописцемъ у Г. Амартола указалъ и Кругъ (Ж. М. Н. Пр. т. XLV, отд. V, с. 24), слѣдовательно ранѣе, чѣмъ приписываетъ это ему г. Сухомлиновъ (О древ. лѣт. какъ памят. литерат., ib. т. III, 105).

Славянскій переводъ Г. Амартола (серб. ред.) фотолитографированъ Обществ. любит. древ. письмен. въ 1878—81 гг.

Румянцовъ же поручилъ Френу разсмотрѣть извѣстное письмо Хисдая (X в.) и отвѣтъ на него хазарскаго хагана; послѣдній былъ признанъ Френомъ подложнымъ. Уч. Зап. Ак. Н. по 3 отд., III, 722.

въ извѣстіяхъ Кедрина и Г. Амартола, но не рѣшился однако сдѣлать дальнѣйшаго вывода, не зная лѣтописи послѣдняго. Строевъ былъ введенъ въ недоразумѣніе Шлецеромъ, который склонялся къ мнѣнію, что греческимъ источникомъ Нестора могъ быть именно Кедринъ. Но, и послѣ разысканій Румянцова, Строевъ не согласился сдѣлать заключенія въ пользу Амартола, а потому совсѣмъ исключилъ весьма цѣнныя прибавленія въ І-й части „Софійскаго Временника", который вышелъ только въ 1823 г. (хотя помѣченъ 1820—21 г. 2 т. М. [1]). Спустя же четыре года Строевъ напечаталъ свою записку о греческомъ источникѣ древней лѣтописи [2]). Впрочемъ и здѣсь онъ сначала не зналъ, кому приписать сходныя мѣста въ греческомъ и русскомъ лѣтописцахъ и только потомъ авторомъ ихъ назвалъ Г. Амартола [3]).

Къ Петербургу и погонѣ тамъ за карьерой Румянцовъ относился крайне скептически: „Здѣсь у насъ въ Петербургѣ, писалъ онъ Малиновскому, всякое дѣло ставятъ ниже своихъ занятій". Можно даже сказать, что Калайдовича, Строева, Востокова, Григоровича—Румянцовъ удержалъ въ той сферѣ, въ которой они принесли неоцѣненную услугу отечественной наукѣ, а между тѣмъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ представлялась иногда болѣе заманчивая перспектива. Новое открытіе или изданіе вскорѣ облетало небольшой кружокъ тогдашнихъ ученыхъ и любителей старины: Карамзина, м. Евгенія, Оленина, Ермолаева, Калайдовича, Круга, Востокова [4]) и др. Исторія Карамзина не только обязана многими матеріалами дѣятельности этихъ, ближайшихъ сотрудниковъ Румянцова, но даже предварительно просматривалась въ архивѣ мин. ин. дѣлъ (Малиновскимъ и Калайдовичамъ [5]). Еще не задолго до своей смерти, Румянцовъ обращался къ Евгенію за разъясненіемъ слова ἕδρα [6]), къ Калайдовичу—о рукописяхъ и монетахъ [7]); распоряжался объ отсылкѣ Добровскому рус. перевода

---

[1]) Барсуковъ, 49—52. Здѣсь разсказъ нѣсколько усиленъ въ пользу Строева.

[2]) Сѣверн. Архивъ 1826, ч. XXI, № 11, стр. 217.

[3]) Ibid. ч. XXIII, № 19 и 20, стр. 274. Обѣ статьи были сведены потомъ вмѣстѣ и перепечатаны въ Труд. и зап. Общ. ист. и древн. т. IV, кн. I.

[4]) Переписка Востокова, 173 и д.

[5]) Древ. и Нов. Рос. 1877, № 5, статья Е. В. Барсова, 21—22.

[6]) Переписка Евгенія, 125.

[7]) Матер. для біогр. Калайдовича, Безсонова, Ч. М. О. И. 1862, III, 200.

его соч. о Кириллѣ и Меѳодіѣ, сдѣланнаго Погодинымъ [1]); а наканунѣ своей смерти выражалъ радость по поводу подаренной ему коллекціи жмудскихъ древностей [2]).

Но при всѣхъ этихъ заботахъ, гр. Румянцовъ никогда не оставлялъ своей главной мысли—приступить, по окончаніи изданія грамотъ, къ печатанію договоровъ; хотя эта мысль вполнѣ не была осуществлена ни при немъ, ни послѣ него [3]). Представимъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ перечень всѣхъ изданій графа Румянцова, сдѣланныхъ на его счетъ и при его ближайшемъ участіи. Вотъ эти труды:

1. Сочиненія Ѳ. П. Аделунга: 1) Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, St. Pet. 1815; 2) Sieg. Freih. v. Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reise in Russland,

---

[1]) Переписка Востокова, 448.

[2]) Сборн. матеріал. для ист. Рум. муз. I, 172.

[3]) Чт. М. О. И. 1882, I, 295. IV-й томъ „Собр. госуд. грамотъ" вышелъ только въ 1828 г. I-е отдѣленіе V-й части, *грамотъ и договоровъ, относящихся до внѣшнихъ древнихъ сношеній Россіи*, было изготовлено въ 1832 и заключало въ себѣ 107 актовъ, а въ 1834 было готово къ печати II-е отдѣленіе ихъ; однако до 1837 г. объ изданіи ихъ не было и рѣчи, пока Рос. Академія не изъявила готовность принять этотъ трудъ на себя; но, за упраздненіемъ ея въ 1842 г., это дѣло опять затянулось на долго. Академія Наукъ отъ продолженія его также отказалась, а переписка по этому предмету между разными учрежденіями и вѣдомствами тянулась до послѣдняго времени. Неоконченные 47 листовъ (140 актовъ, въ томъ числѣ 20 договоровъ, заключенныхъ въ 1326—1531 г. съ западными державами и Турціей, и грамоты за 1474—1584 гг. западныхъ и восточныхъ государствъ и народовъ) были переданы въ Коммиссію печатанія грамотъ и договоровъ при Моск. арх. ин. дѣлъ, которая и выпустила ихъ въ свѣтъ въ томъ же неоконченномъ и неисправномъ видѣ. Исторія этого дѣла изложена въ „Очеркѣ дѣят. коммиссіи печат. грам. и договоровъ", М. 1877, 21—36. Изъ отчета же Архива 1874 г. видно, что въ этотъ томъ предполагалось включить договоры съ 1514 по 1648 годъ, съ котораго началъ въ въ 1874 г. профес. Мартенсъ „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностран. державами".

St. Pet. 1818 [1]); 3) Die Korssunschen Thüren in der Kathedralkirche zur Heil. Sophia in Nowgorod (съ таблиц.). Берл. 1823, рус. перев. М. 1834 г.; 4) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ (на рус. и нѣм.), Спб. 1827.

2. Geschichte der Russen. Учебникъ рус. исторіи Г. Эверса. Ч. I (до единодержавія Петра В.), 1816, Дерптъ, 528 стр.

3. Sammlung Russischer Geschichte, т. X—продолженіе Миллеровскаго Сборника или Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte, Г. Эверса и М. Энгельгардта. Дерптъ, 1816. Въ немъ заключаются иностранныя извѣстія о Россіи (посольство Юстена, 1569—72, на латин. яз.; письмо Таубе и Крузе къ Кеттлеру объ Иванѣ Грозномъ, 1572, на нѣм. яз.; записка о рус. торговлѣ, де-Родеса, 1653 г., на нѣм. яз.); извлеченіе изъ путеш. въ Америку Хвостова и Давыдова, изд. 1810—12., Спб.; о судьбѣ рус. церкви въ Китаѣ, изъ Ист. Рос. іерархіи; объ иностран. колонистахъ въ юж. Россіи, Густава Энгельгардта; о поселеніяхъ ногаевъ въ южной Россіи, по соч. А. А. Дегурова; напеч. въ Харьк. въ 1816 г.; положеніе о крестьянахъ въ Эстоніи; письма Лейбница къ Петру В.; переводы: Рус. Правды, торговаго договора Мстислава Давидовича съ нѣмцами, Судебника Ивана IV; о названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ у Конст. Порфиророднаго; миръ между Псковомъ и Ливоніей 1417 г.; о трудахъ пастора Глюка въ латыш. и рус. литературѣ.

4. Лербергъ: Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи. Спб. 1819 г., съ нѣмец. изд. Академіи Наукъ (1816 г., съ объясненіями Круга). Переводъ сдѣланъ Д. И. Языковымъ, переводчикомъ „Нестора“ Шлецера.

---

[1]) Съ портретомъ и картою Герберштейна, а также съ приложеніями. Въ числѣ ихъ помѣщены: замѣчаніе о Холопьемъ городѣ, по поводу упоминанія о немъ у Герберштейна (въ извлеченіи изъ соч. Мусина-Пушкина о мѣстоположеніи Холопья города, М. 1810) и описаніе мѣдныхъ дверей Софійскаго собора въ Новгородѣ, составленное фонъ-Буссе. Оно было переведено Каченовскимъ и напеч. въ Вѣстн. Европы (1818 г., ч. 38, № 8); Буссе не признаетъ ихъ произведеніемъ греческой работы и привезенными изъ Херсона. Каченовскій раздѣляетъ его мнѣніе и полагаетъ, что подлинныя двери св. Софіи увезены въ Венецію, основываясь на хронографѣ, напеч. въ Венеціи въ 1685 г.

5. Законы вел. князя Іоанна Васильевича и внука его царя Іоанна Васильевича, изд. К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ, М. 1819 (2-е изд. 1878 г.).

6. Древнія русскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. К. Калайдовичемъ, М. 1818 (3-е изд. 1878 г. [1]).

7. Словарь писателей духовнаго чина греко-рос. церкви, м. Евгенія Болховитинова, 2 ч. Спб. 1818. [2]).

8. Рустрингія, первонач. отечество перваго россійскаго в. кн. Рюрика и его братьевъ. Историч. опытъ Г. Ф. Голлмана, перев. Снегирева, М. 1819.

9. О походѣ новгородцевъ въ Финляндію, упоминаемомъ въ русскихъ лѣтописяхъ, Гиппинга (на рус. и нѣмец. яз., Спб. 1820 [3]).

10. Софійскій Временникъ (862—1534 г.), 2 ч., изд. П. Строевымъ, М. 1820—21 гг.

11. Памятники Рос. словесн. XII в. (соч. Кирилла Туровскаго, митр. Никифора, Даніила Заточника, вопросы Кирика), изд. съ объясн., варіантами и образцами. Снимки Сvнод. Кормчей и рукоп. гр. Ѳ. А. Толстого. Изд. К. Ѳ. Калайдовича М. 1821.

12. Опытъ о посадникахъ новгородскихъ. Соч. прот. І. Григоровича, съ дополн. К. Калайдовича. М. 1821.

13. Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ Средней Азіи. Назарова, Спб. 1821.

---

[1]) О происхожденіи этого сборника и ходѣ его изданія см. Сборн. матеріаловъ для ист. Рум. муз. 99—107; Чт. М. О. И. 1882, I, 127 и д.

[2]) „Не смотря на несовершенство его (изданія), я надѣюсь, писалъ Румянцовъ м. Евгенію, что совершенство самаго сочиненія все превозможетъ и что сіе изданіе разойдется, тогда вырученныя деньги употребятся на новое изданіе „Полнаго историч. словаря Россійскихъ писателей“. Сливъ вмѣстѣ духовныхъ и свѣтскихъ подъ одинъ алфавитъ, можно будетъ дать ему форматъ in quarto и передать его печатать въ Москвѣ; тамъ мнѣ кажется исправнѣе здѣшняго занимается всякій своимъ дѣломъ“. Переписка Евгенія, 13.

Ученые встрѣтили этотъ трудъ съ большимъ сочувствіемъ; но въ публикѣ онъ расходился вяло. 2-е исправлен. изд. его вышло въ 1827 въ Спб. Словарь свѣт. писателей появился (А—Г) только въ 1838, въ изданіи Снегирева и затѣмъ вполнѣ въ изданіи Погодина. Сборн. Ак. Н. V, в. I, 225—237.

[3]) А. И. Гиппингъ въ 1822 г. завѣдывалъ библіотекою Румянцова. Переписка Востокова, 24.

14. Древнія госуд. грамоты, наказныя памяти и челобитныя, собран. въ Пермской губ. В. Берхомъ, Спб. 1821.

—15. Путешествіе въ Юж. океанъ и Берингов. проливъ для отысканія сѣверо-восточ. морскаго прохода, предпринятое на кораблѣ „Рюрикъ", подъ нач. лейтен. Коцебу 1815—1818 гг., въ 3 ч., съ атласомъ рисунковъ и картъ. Спб. 1821—23 г. [1]).

16. Сибирская лѣтопись, изд. Спасскимъ, Спб. 1821 [2]).

17. Сибирскія надписи, собран. Спасскимъ, Спб. 1822.

18. Письма къ А. Ѳ. Малиновскому объ археологич. изслѣдованіяхъ въ Рязан. губ., съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 г. древностей. К. Калайдовича, М. 1823.

19. Renvall, Gust. Lexicon linguae Finnicae, Aboae, 1823—26, v. I—II, in 4⁰ [3]).

20. Іоаннъ экз. Болгарскій. Изслѣд., объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X стол. К. Ѳ. Калайдовича, М. 1824.

21. Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ (съ пол. XV в.—1768 г., со снимками подписей). Прот. І. Григоровича, М. 1824. [4]).

22. H. C. Köhler. Description d'une médaille de Spartocus roi du Bosphore-Cimmérien (съ опис. рѣдк. греч. мон. гр. Румянцова). St. Pt. 1824.

23. Кириллъ и Меѳодій. словен. первоучители. Историко-критич. изслѣд. І. Добровскаго. Перев. съ нѣмец. М. Погодина. М. 1825 [5]).

---

[1]) Русское изданіе стоило Румянцову 8,450 р. Атласъ къ нему былъ изданъ въ Парижѣ, по рисункамъ Хориса, съ объясненіями Кювье и Галля, при участіи спутника Коцебу—Шамиссо. Сборн. матер. для ист. муз. 62.

[2]) Древ. и Нов. Рос. 1880, I. Русскіе палеологи, 745.

[3]) Изданіе его обошлось въ 6,500 р. Матер. для ист. Рум. муз. 62.

[4]) Изданіе этого сборника остановилось по причинѣ смерти канцлера. Но въ 1834 г. Григоровичъ напечаталъ „Переписку папъ съ рос. государями въ XVI в." (Спб.), предназначавшуюся для II тома. Матеріалы I и II томовъ „Архива" и другіе, собранные прот. Григоровичемъ, вошли потомъ въ А. Зап. Рос., изд. Арх. коммис. (I—V т., 1846—53), подъ редак. Григоровича. При этомъ послѣдній пользовался Кодексомъ Догеля (8 том.). Румянцовъ особенно дорожилъ II и VII т. его, но отказался отъ мысли издать ихъ, по причинѣ плохой рукописи. Въ 1834 г. полный Кодексъ былъ доставленъ изъ Варшавы въ И. Публ. библ. Книга Посольск. Метр. в. к. Литов., изд. Общ. ист. и др. 1843, I, стр. XIII.

[5]) Изданіе сдѣлано съ дополненіями, о которыхъ хлопоталъ самъ Румянцовъ (Чт. М. О. И. 1882, I, 317); но и съ невольными исключеніями (см. предисл.).

24. Hammer. Sur les origines Russes, extraits des manuscrits orientaux. St. Pét. 1825—27.

25. Татарскій текстъ соч. Абулъ-гази, напеч. въ 1825 г. въ Казани, Френомъ, съ предисл. на латин. яз.: Abulghasi Bahadur Chani Historia Mongolorum et Tartarorum [1]).

Въ связи съ Абулъ-гази стоитъ изданіе другаго восточнаго писателя—Табари. Графъ Румянцовъ поручилъ бывшему іенскому, а потомъ грейфсвальдскому профессору Козегартену изданіе огромнаго творенія Табари (лѣтопись государей) и одинъ томъ этой лѣтописи (отъ сотв. міра до 309 гиджры) вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 30-хъ гг. [2]).

27. Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, собран. Кеппеномъ, Спб. 1827.

Еще въ XVIII в. былъ сдѣланъ переводъ исторіи Геродота съ нѣмецкаго на рус. языкъ (А. Нартовымъ, 3 ч., Спб. 1763—64). Въ 1824 г. предположилъ издать ее въ переводѣ съ греческаго языка, съ греческимъ текстомъ и примѣчаніями, извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ, И. И. Мартыновъ, какъ видно по совѣту м. Евгенія. „Я предлагалъ вамъ Иродота потому, писалъ онъ переводчику, что въ семъ отцѣ исторіи самыя древнѣйшія свѣдѣнія и о нашихъ русскихъ краяхъ. Въ проѣздъ мой къ Кіеву, бывая у канцлера въ Гомелѣ, я видѣлъ у него въ листахъ французскую не допечатанную еще въ Парижѣ книгу, заключающую въ себѣ прелюбопытныя толкованія на Иродотово повѣствованіе о сѣверныхъ краяхъ. Авторъ весьма хорошо доказываетъ, что Иродотъ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ описалъ сіи края; поправляетъ Ивана Потоцкаго и другихъ нашихъ

---

[1]) Абулъ-гази Мухамедъ Багадуръ-ханъ, государь и историкъ хивинскій, написалъ на турец. яз. исторію турковъ. Подлинникъ ея былъ изданъ Румянцовымъ въ Казани, а потомъ въ Петербургѣ Дюмезономъ (1871); переводы существуютъ на франц., нѣмец., англ. и русскомъ яз. Первая часть ея переведена съ подлинника Саблуковымъ и напеч. въ III т. „Библіотеки восточныхъ историковъ“, изд. И. Н. Березинымъ, Каз. 1854.

[2]) Абу-Джафаръ Мухамедъ этъ-Табари (ум. 922—23 г.) одинъ изъ древнѣйшихъ, славнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ магометанскихъ историковъ (Григорьевъ, Россія и Азія, 49). Гр. Румянцовъ подписался на большое число экземпляровъ. Табари интересовалъ его по раннему упоминанію о Руссахъ (643 г.). Каспій, Б. Дорна, 20, 367, 380.

О предполагаемомъ изданіи Табари бар. В. Розена, Ж. М. Н. Пр. т. т. CLXXXVI и CLXXXXIV.

писцовъ, заимствовавшихъ изъ Иродота его свѣдѣнія повѣствованія, но не понявшихъ его текста. Съ такими-то примѣчаніями надобно быть и на русскомъ языкѣ Иродоту. Нартова нѣмецкій Иродотъ никуда негодится.“ Французскій комментаторъ, о которомъ упоминаетъ м. Евгеній, былъ извѣстный эллинистъ Гель (Gail). „Я читалъ эту книгу, говоритъ Мартыновъ, по препорученію графа Н. П. Румянцова, чтобы сказать мнѣніе свое, заслуживаетъ ли она быть переведенною на рус. языкъ. Донынѣ вышло ея двѣ части порядочной величины in octavo. По отзывѣ моемъ, что весьма полезно было бы сіе твореніе на русскомъ языкѣ, его сіятельство предлагалъ мнѣ перевести его, такъ какъ въ ономъ весьма много греческаго текста, но, къ сожалѣнію, я не могъ взять на себя трудъ сей, неся уже на себѣ довольно тяжелое бремя.“ Переводчикъ обѣщалъ только воспользоваться трудомъ Геля въ своихъ примѣчаніяхъ на Геродота, котораго онъ переводилъ съ изданія Швейггейзера, полученнаго имъ отъ Сперанскаго. Государственный канцлеръ, разсказываетъ далѣе (1829) Мартыновъ, и меня не оставлялъ какъ письмами изъ Гомеля, такъ и личною бесѣдою, во время пребыванія своего въ столицѣ, поощрять къ продолженію тяжкаго изданія „Греческихъ классиковъ“. Нерѣдко я жаловался ему на скудное число читателей сихъ стариковъ; но онъ внушалъ мнѣ, что мы должны трудиться не для однихъ современниковъ. Графъ Николай Петровичъ хотѣлъ было на свой счетъ издать мой переводъ исторіи Иродотовой; но я отозвался, что онъ уже печатается по подпискѣ, въ числѣ другихъ классиковъ, послѣ чего онъ ограничился только тѣмъ, чтобъ къ моему переводу приложить карты французскаго издателя сей исторіи г. Геля, которыя хотѣлъ выгравировать съ русскимъ переводомъ географическихъ названій на свой счетъ; но вскорѣ послѣдовавшая за тѣмъ кончина его остановила исполненіе сего благодѣтельнаго намѣренія, и я принужденнымъ нашелся выгравировать на свой счетъ одну только общую карту Иродотовой географіи, заимствованную мною изъ атласа Мальтъ-Брюна“, заключаетъ авторъ воспоминаній [1]).

Въ 1829 г., въ Петербургѣ, вышло сочиненіе, подъ заглавіемъ „О соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней хри-

[1]) Записки И. И. Мартынова, Памятн. нов рус. ист. т. II, 139—140, 165. Біографія автора ихъ въ „Литерат. дѣят. прежн. времени“, Колбасина, Спб. 1859. Его переводъ Геродота вышелъ въ 2 т. т. (Спб. 1826—27).

стіанства до царств. Іоанна IV“, посвященное памяти гр. Румянцова. Авторъ его Н. Т. (Турчаниновъ, учитель 3-й гимназіи) въ предисловіи заявляетъ что эта книга написана имъ по волѣ канцлера и даже по программѣ, данной ему послѣднимъ. Книга эта теперь рѣдка. Извѣстное сочиненіе Н. Руднева (студ. Моск. дух. акад): „Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви“ (М. 1838) также написано „по предложенію“ Румянцова. Кромѣ того, онъ предполагалъ издать „Древнія путешествія россіянъ“ (36 авторовъ [1]); описаніе Московской синод. библіотеки; важную для исторіи Кавказа дербентскую лѣтопись (Дербентъ-Наме), приготовленную къ печати Сенковскимъ [2]); Сборникъ Святослава (1073 г. [3]) и Остроміровo Евангеліе, надъ приготовленіемъ которыхъ къ печати трудился Востоковъ [4]). Предчувствіе близкаго выхода перваго изъ нихъ „вливало радость въ душу“ его, по словамъ Румянцова [5]). Г. И. Спасскому Румянцовъ сообщилъ матеріалы для его труда: „Книга Большой Чертежъ“, изданнаго Общ. ист. и древн. россійскихъ въ 1846 г. [6]). Онъ пріобрѣлъ и замѣчательную „Чертежную книгу Сибири (1701 г., это атласъ С. Ремезова), изданную только недавно Археографическою коммиссіею (Спб. 1882). Когда м. Евгеній отклонилъ отъ себя пріисканіе свѣдущихъ людей въ псковской семинаріи, для составленія справочнаго словаря историческихъ именъ, географическихъ названій и другихъ данныхъ, составленнаго по лѣтописямъ и

---

[1]) Перечень путешественниковъ, предназначившихся для этого изданія у Терещенка, II, 257—261. Онъ гораздо обширнѣе собранія Сахарова. Приготовленіемъ этихъ матеріаловъ занимался Малиновскій. Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 31; К[illegible]тнеръ, 20.

[2]) Ж. М. Н. Пр. ч. X[illegible] отд. V стр. 55.

[3]) Съ 1845 готовилъ изданіе его О. М. Бодянскій, но оно не было доведено до конца. Въ 1880 г. этотъ памятникъ изданъ посредствомъ свѣтописи, съ рисунками, подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова, Общ. любит. древ. письменности, на средства Т. С. Морозова.

[4]) Кругъ содѣйствовалъ потомъ изданію послѣдняго и вознагражденію за него Востокова отъ Акедеміи Наукъ. Ж. М. Н. Пр. LXV, отд. V, 8.

[5]) Древ. и Нов. Рос. 1877, т. № 5, стр. 15. Объ изданіи Сборника см. Переписку Востокова, № 49, 70, 71, 85, 88, 110, 113, 123, 158, 164, 169, 177, 230, 296, 298.

[6]) Книга Б. Чертежъ, М. 1846, стр. xv. Есть указанія на содѣйствіе Румянцова изданіямъ Погодина (О жилищахъ древнѣйш. Руссовъ, Неймана) и Шмидта (о татарскихъ ярлыкахъ). Переписка Востокова, 155.

разнымъ источникамъ, то Строевъ хотѣлъ потомъ взять на себя этотъ трудъ, но и ему не суждено было исполниться [1]). Съ именемъ Румянцова связано и появленіе перваго труда Макарія Булгакова (потомъ митр. москов.), удостоеннаго его преміи за курсовое сочиненіе: „Исторія Кіевской Д. Академіи" (Спб. 1843 [2]). Не желая обременять государственное казначейство, гр. Румянцовъ предлагалъ стороною Карамзину 50,000 р. на вѣчныя времена, для изданія его исторіи, но послѣдній не согласился принять пособіе „отъ партикулярнаго человѣка" [3]).

Содѣйствіе развитію языковѣдѣнія въ Россіи также входило въ планъ гр. Румянцова. Онъ озаботился распространеніемъ *сербскаго* словаря Караджича [4]) и изданіемъ *финскаго* словаря [5]); хлопоталъ о составленіи *грузинскаго* словаря съ объясненіями на русскомъ и латинскомъ языкахъ, чтобы этотъ лексиконъ „непремѣнно извѣстенъ былъ *всѣмъ ученымъ Европы*" [6]). Важность изученія византійской исторіи въ связи съ русскою побудила канцлера поручить составленіе *греческаго* лексикона, согласно съ новѣйшими успѣхами филологіи, С. Ю. Дестунису, но этотъ трудъ остался не изданнымъ [7]). Обширныя области нумизматики, археологіи, этнографіи и исскуства не только не были чужды Румянцову, но нашли въ немъ просвѣщеннаго цѣнителя и ревностнаго покровителя [8]).

---

[1]) Барсуковъ, 99—103 (планъ *Словаря*, составленный Строевымъ).

[2]) Первоначально оно было напечатано въ „Маякѣ". Въ числѣ удостоенныхъ преміи потомъ было соч. К. Божовскаго: „О заслугахъ Кіевопеч. лавры для русской церкви и государства", изд. частями въ Воскресн. чтеніи (Малышевскій, 78). Выдача этихъ премій продолжается до сихъ поръ.

[3]) Н. М. Карамзинъ, Погодина, II, 236.

[4]) Чт. М. О. И. 1882, I, 353.

[5]) По поводу изданія его, м. Евгеній писалъ: „Въ немъ я думаю много открылось словъ сходныхъ съ древнимъ русскимъ" (Переп. Евгенія, 95, напр. *бармы*, 99). „Нужно бы выписку сдѣлать сходныхъ съ нашими словъ и изъ Свеоготскаго словаря, который ближе къ Рюриковымъ временамъ. Нѣкогда, читавши шведскую исторію Локцена и Далина, я выписалъ нѣсколько такихъ шведскихъ словъ" (ibid. 99).

[6]) Чт. М. О. И. 1882, I, 292, 307, 316, 333.

[7]) Кестнеръ, 21. Гр. Румянцовъ отмѣчалъ въ древнихъ рукописяхъ слова чисто *народнаго* происхожденія, древніе обряды и обычаи, и придавалъ такимъ рукописямъ особенную научную цѣну. Сборн. матер. для ист. муз. 94—95.

[8]) Ibid., 77—116, 171—198. Такъ, онъ старался пріобрѣсть обширныя

Графъ Румянцовъ весьма дорожилъ и географическими данными. Онъ считалъ путешествія лучшими комментаріями исторіи и вѣрнымъ средствомъ сближенія народовъ. Въ его библіотекѣ было обширное собраніе путешествій, прекрасно подобранное и составленное; изъ его бумагъ видно, какъ онъ интересовался экспедиціями Сѣверо-Американской компаніи; онъ оказывалъ матеріальное содѣйствіе географическимъ экспедиціямъ; въ его бумагахъ сохранились проекты ученыхъ путешествій,—для изученія славянскихъ нарѣчій, минералогическаго и геологическаго изслѣдованія Финляндіи и пополненія свѣдѣній о турецкой литературѣ [1]). Въ 1826 г. онъ хотѣлъ отправить на свой счетъ Погодина въ Италію, для разысканій по русской и славянской исторіи [2]). Въ планъ этого путешествія входило знакомство съ чужими краями вообще, съ тамошними учеными и библіотеками [3]). Наконецъ онъ оказалъ свою помощь и извѣстному археологу, собирателю бѣлорусскихъ и галицкихъ пѣсенъ, путешественнику по славянскимъ землямъ и Россіи, З. Я. Доленга-Ходаковскому (настоящее имя его Адамъ Чарноцкій [4]).

дополненія (8 т.) къ извѣстному соч. Зульцера по ист. искусства. Переписка Востокова, 167, 169, 174, 186.

[1]) Кестнеръ, 18—19. Мы знаемъ уже, что онъ интересовался исторіею восточной торговли, а въ собраніи его рукописей находимъ слѣдующее сочиненіе: „Изслѣдованіе о азіатской торговлѣ, содержащее описаніе первобытности Россіи, прохожденій и нашествій азіатскихъ народовъ, древнихъ давнихъ торговыхъ путей, начала учрежденія и производства торговли въ Астрахани и Оренбургѣ, главнѣйшихъ причинъ настоящаго ея упадка и достовѣрныхъ средствъ вновь прочно основать и распространить азіатскую торговлю.“ Сочин. Николая Страхова, въ листъ, 486 стр.

Сочиненіе это написано въ 1825 г. и поднесено канцлеру. Въ началѣ его, на 84-хъ стр., находится „Словарь для удобнаго пріисканія всего помѣщеннаго въ сочиненіи“. Опис. рук. Рум. муз., стр. 657.

[2]) Слов. проф. Моск. ун. Автобіогр. Погодина, II, 257.,

[3]) Чт. М. О. И. 1882, I, 307, 314.

[4]) Судьбы археологіи въ Россіи, Погодина стр. 14; Опис. рук. Рум. муз., с. 56. О трудахъ его въ статьѣ Старчевскаго: Карамзинскій періодъ, Библ. для Чтенія, т. CXI—CXII.

Сочиненія его: „Историч. система“ въ Сборн., изд. Общ. ист. и древн. т. I; Отрывки изъ его археологич. путеш., ib. III, VII; Словарь, показывающій одинакія урочища въ цѣломъ пространствѣ Славянъ, ib. VII.; О древн.

Гр. Румянцовъ скончался на 73 году (3-го января 1826 г.), отъ ушиба ноги, и похороненъ въ Гомелѣ. Передъ смертію онъ просилъ брата докончить начатое изданіе „Путешествія Мейерберга по Россіи". Онъ желалъ, чтобы все драгоцѣнное собраніе его рукописей и рѣдкостей было открыто для общаго пользованія. Открытіе его состоялось въ 1831 г., подъ именемъ Румянцовскаго музея, въ Петербургѣ[1]), въ домѣ гр. Румянцова, откуда оно было перенесено въ Москву въ 1861 году и переименовано въ „Московскій публичный и Румянцовскій музей". [2]). Въ составъ его вошли слѣдующія коллекціи: библіотека печатныхъ и рукописныхъ книгъ и ландкартъ, минералогическій кабинетъ, минцъ-кабинетъ и собраніе рѣдкостей. На музеѣ была сдѣлана надпись: „отъ государственнаго канцлера гр. Румянцова на благое просвѣщеніе" [3]). При передачѣ музея въ мин. нар. просв., въ немъ находилось 710

путяхъ водян. сообщ., ib. т. I и др. (въ Вѣстн. Европы, Сынѣ Отеч., Журн. М. Н. Пр., Сѣв. Арх. и польск. журн.). O słowańszczyznie przed Chrześciaństwem (1818 г.), Krak. 1835.

[1]) Впрочемъ м. Евгеній замѣчаетъ: „И такъ намѣреніе канцлера сдѣлать свою библіотеку особою публичною не исполнилось, а подъ вѣдомомъ министерства (нар. просв.) она будетъ не славна". Переписка Востокова, 265.

[2]) Передача Рум. муз. въ Мин. нар. просв. А. Викторова, Сборн. матер. для ист. муз., I, 117—170; О перенес. въ Москву, Отчетъ Моск. публич. муз. до 1864 г. Спб. 1864.

[3]) Извѣстны также пожертвованія гр. Румянцова въ другія ученыя учрежденія: Абовскому университету (Вѣст. Евр. 1816 г., ч. 87, № 11), Ярослав. и Нѣжин. лицеямъ (Барсовъ), Новгородъ-сѣверской гимназіи (пис. канцл. къ директ. ея И. И. Халанскому, Черниг. губ. вѣд. 1852 г. № 12), Импер. публичной библіотекѣ (біогр. Румянцова, Ивановскаго, 31), а въ 1813 г. онъ открылъ на свои средства публичную библіотеку въ Великихъ Лукахъ Псковской губ. (ib. 32—33). Онъ изъявилъ готовность Сперанскому снабдить иркутскую библіотеку книгами по отечественной исторіи (Письма къ Берху). Въ Гомелѣ у него была ланкастерская школа (Переписка Григоровича, 50).

Во время голода, постигшаго въ 1821 г. Бѣлоруссію и Черниг. губ., гр. Румянцовъ издержалъ до 100,000 р. на покупку хлѣба для своихъ крестьянъ (Письма Карамз. къ Дмитріеву, 304). Въ Кіевѣ былъ учрежденъ канцлеромъ инвалидный домъ на 50 воиновъ, на вѣчныя времена (Чт. М. О. И. 1882, I, 148). Въ пользу инвалидовъ онъ отказался отъ всѣхъ своихъ окладовъ (Терещенко, 245). Частная благотворительность и бѣдствія, вызываемыя преступленіями, находили въ немъ также поддержку (269).

рукописей, начиная съ XII вѣка; изъ нихъ иностранныя писаны на разныхъ европ. и азіат. языкахъ. Первыя пріобрѣтены преимущественно изъ иностранныхъ библіотекъ и архивовъ, а послѣднія отъ частныхъ лицъ. Печатныхъ книгъ въ музеѣ было до 28,200, расположенныхъ по отдѣламъ наукъ, изъ нихъ 1,140 названій на рус. языкѣ, въ числѣ которыхъ было много весьма цѣнныхъ пріобрѣтеній церковной печати. Однихъ первоначальныхъ изданій (incunabula), какъ-то: твор. св. отцовъ, лѣтописей, папск. постановленій и пр. около 200. Въ его собраніи находились также великолѣпныя изданія Наполеона I и его второй жены Маріи-Луизы, подаренныя ими Румянцову; монетъ и медалей было 1,465, ландкартъ и чертежей 633 [1]). Благодаря его собранію и участію въ ученыхъ экспедиціяхъ были составлены тогда первыя научныя описи архивовъ и библіотекъ и выписки изъ ихъ матеріаловъ [2]). Описаніе славяно-рус. рукописей Рум. музея было напечатано въ 1842 г. [3]) Право изданія и клише тѣхъ изданій, кото-

---

[1]) Восточныя монеты были описаны Френомъ (941); греко-римскія (524) Кёлеромъ. О нумизм. кабин. К. К. Герца, Матер. для ист. муз. 77—84. Ср. Терещенко, II, 262—64. Музей Румянцова со всѣми его собраніями и принадлежавшими къ нему зданіями (въ Петербургѣ) цѣнили тогда въ 2 мил. руб. ib., 267. Переписка Востокова, 456.

[2]) Таковы: каталоги и описи рукописей: Сторожевскаго мон., Синод., Кирилловской, Софійской (новгор.), Троицкой библіотекъ, Моск. арх. иностр. дѣлъ и разныхъ монастырей; выписки, изъ рукоп. Волокол. мон.: Соф. библ. Спб. дух. акад., Моск. главн. арх. ин. дѣлъ, рязан. дух. консист., нижегород. семин. Старчевскій, Ж. М. Н. Пр. XLIX, отд. V, стр.46; Опис. рук. Рум. м. стр. 37, 43, 54, 65—68, 168, 278—282.

[3]) Объ указателѣ къ нему см. Переп. Востокова, сс. 397 и 478. Каталогъ расположенъ по азбучному порядку заглавій, а не по форматамъ и не по содержанію рукописей. Кромѣ богослужебныхъ и отеческихъ книгъ, въ составъ Румянцовскаго собранія входятъ слѣдующія произведенія: древніе алфавиты (словари); ариѳметика и астрономія (XVII в.); артикулы Петра В.; церковн. лѣтописи Баронія въ старин. переводахъ; Политич. счастія ковачъ Бесселя; географія всеобщая Ботера (перев. съ польск.); бумаги, относящіяся къ самозванцамъ; дневникъ Васильева 1774—77 (о пугачевщинѣ и т. п.); Устюжскій лѣтописецъ; объ основаніи Оренбурга; выписки изъ писцовыхъ книгъ; выписки разнаго содержанія (посланія, житія, грамоты, дѣло Кульмана, дѣло ц. Евдокіи); матеріалы о путеш. Геденштрома; временникъ Г. Амартола по серб. переводу; грамоты новгор., моск., рижск., кенигсберг.,

рыя выходили при содѣйствіи Моск. архива ин. дѣлъ, гр. Румянцовъ передалъ коммиссіи печатанія госуд. грамотъ, состоящей по настоящее время при архивѣ. Въ послѣднее время она приступила къ перепечаткѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Между тѣмъ, изданія Румянцова въ то время расходились въ крайне незначительномъ количествѣ и почти

архангелогород., верхотур., черниговъ., псковск., суздальск. и др. монаст., церквей и архивовъ (XIV—XVII вв.); обширн. коллекція жалован. грам.; грам. частныхъ лицъ имуществ. и судебныя (съ XV в.); грамоты двинскія, польско-русскія и литовскія (XIV—XVII вв.); акты, извлеч. изъ Литов. метрикъ, касающіеся Россіи (XIV—XVI в.) (значительная часть актовъ, извлечен. изъ этого собранія, вошла въ Сборникъ Муханова, см. Опис. Рум. м. 138); грамоты малорос., сербскія, молдавскія; рус. исторія Грибоѣдова; лѣтоп. архіеп. серб. Даніила; хожденіе игум. Даніила; поученія Даніила митр. москов.; писаніе Димитрія Толмача о бѣломъ клобукѣ; Діоптра Филиппа философа; хронографъ м. Дороѳея; духовная царя Ивана IV (1572); дѣла моск. пушкарскаго приказа; обширная коллекція житій (начиная отъ перев. жизни Олафа кор. норвеж. изъ Снорровой исторіи до житій рус. свят. и историч. дѣятелей—Соломоніи вел. княг., патр. Никона—Шушерина, сказачное житіе Александра макед.); опис. городовъ и монастырей; записки о жизни Петра В.; Зерцало великое (сборн. нравоучит. пов. изъ римск. духов. писат.); посланія Игнатія м. тоб.; объ избр. на цар. корол. Владислава; Измарагдъ; Увѣтъ духовный патр. Іоакима; граммат. и филос. І. Дамаскина въ перев. І. экзарха болг. и на польскорус.; Шестодневъ І. экз.; Просвѣт. Іос. Волоцкаго; преніе патр. Іосифа съ датск. корол. Вальдемаромъ; донесенія Кантемира изъ Лондона и Парижа; о величествѣ души Карачіоли, перев. посвящ. Румянцову; книга Больш. чертежу; Книга о сивиллахъ; выборъ изъ законовъ о дворянствѣ, Князева; о хожд. въ Іерусалимъ Триф. Коробейникова; коллекція Кормчихъ (с. 273—331); соч. Курбскаго съ выпискою изъ Гвагнина о жестокостяхъ ц. Ивана IV.; курсъ математ. съ итальянск., к. XVII вѣка; соч. братьевъ Лихудовъ; собраніе лѣтописей (с. 336—364); лѣчебникъ (к. XVII в.); Готская и швед. ист. І. Магнуса въ перев. Кондратовича; соч. Максима Грека; рукоп. соч. Малиновскаго; лѣт. Манассіи; соч. Манкіева (Ядро рос. ист.); опис. Черниг. губ. Маркова; наука о конскомъ заводѣ к. XVII в.; опис. о послѣд. год. правл. кор. швед. Густ. Адольфа, перев. швед. (208 лист.) съ 72 докум. и статьею объ островѣ Готландѣ (стр. 410); опис. Голланд. земли к. XVII в; опис. Сибири въ XVII в; полемич. статьи кн. К. К. Острожскаго; Палея; соч. А. Палицына; Далматская лѣт.; Патерикъ печер. и др.; писц. книги гг. Соликамска и Чердыни (отъ Берха); писц. книги разныхъ городовъ; Космогр. Меркатора

вовсе не покрывали затрать на нихъ [1]); а потому дѣятельность его, какъ покровителя, и сотрудниковъ его, не терявшихъ надежды на плоды своего труда въ будущемъ и безкорыстно служившихъ наукѣ, въ полномъ смыслѣ слова была самоотверженіемъ. Дѣятельность этого ученаго кружка послужила основаніемъ временной археографической экспедиціи и вскорѣ замѣнившей ее постоянной—Археографической коммиссіи, дѣйствующей и до сихъ поръ.

(801 листъ) XVII в.; Рукоп. Филарета; переводъ иностр. соч. и статей (см. выше); почерки разныхъ временъ и лицъ; Прологи; путеш. м. Никона въ Соловец. мон; Разряды; расходныя книги; Атласъ Сибири Сем. Ремезова; родословныя книги; письма А. И. Румянцова къ кн. Меншикову; обрядъ службы гр. П. А. Румянцова; хозяйствен. учрежденія, данныя имъ крестьянамъ въ принадлежащихъ ему вотчинахъ; Сборникъ Святослава 1073 (списокъ съ рисунк.); Сборники XVI—XVIII вв.; Синодики; Синопсисъ исторіи казаковъ; сказанія; собраніе историч. рукоп; собр. стихотвор., воспѣваем. на торжищ слѣпцами, пис. 1790 г.; статейные списки; Статиръ; Статутъ; Степен. книги; Странникъ Стефана Новгород.; Стоглавъ; Судебники Казимира IV и Ивана IV; матеріалы о судоходствѣ по Ледов. морю; руководство для иконографіи; Уложеніе ц. Алексѣя; соч. Ульфельда и др. о Россіи (см. выше); Уставъ акад. изящн. наукъ, исторіи и древн. въ Стокгольмѣ; церк. уставы; хронографы; переводъ соч. Шаума о Дм. Самозванцѣ; проектъ объ устр. евреевъ въ запад. губерн.; Щитъ вѣры; житія нѣк. католич. святыхъ (между прочимъ выписки о св. Гіацинтѣ, интерес. Румянцова въ переепискѣ съ Берлинскимъ); журналъ путеш. по Европѣ въ 1697 г.; извлеченія изъ Собранія историч. запис. среднихъ вѣковъ Эккарда о Россіи и сѣверн. государствъ.

Матеріалы о судоходствѣ по Ледов. морю послужили недавно источникомъ для сочиненія: „Исторія открытія морскаго пути изъ Европы въ Сибирскія рѣки и до Берингова пролива", сост. Ѳ. Студитскимъ, ч. I и II, Спб. 1883.

Дальнѣйшія пріобрѣтенія и исторія Румянц. м. изложены въ Сборн. матеріал для ист. муз. В. I. М. 1882 и отчетахъ Румянцовскаго м. съ 1864 и далѣе.

[1]) Вообще, эти изданія продавались плохо (Чт. М. О. И. 1882, I, 167—174); только 2-я часть Собр. госуд. грам. (о смутн. времени) шла лучше другихъ книгъ (Чт. М. О. И. 1882, I, 122).

На изданіе грамотъ Румянцовъ пожертвовалъ коммиссіи 60,000 р. ассиг., а потомъ изданіями на 40,000 р (30,000 р. сер.), издержанныхъ ею. Очеркъ дѣят. коммиссіи стр. 161.

Какъ покровитель отечественной науки, Румянцовъ прекрасно понялъ свою роль. Онъ не задавался въ своей цѣли какою нибудь узкою областью: въ его собраніе и изданія входили—лѣтописи, акты, житія, литературныя произведенія, письменные и вещественные памятники; русскіе и иностранные матеріалы; онъ цѣнилъ не только древнія рукописи, но и рѣдкія старопечатныя книги; византійскіе, русскіе и славянскіе памятники древности; остатки старины разныхъ народовъ, населявшихъ Россію. Румянцовское собраніе рукописей важно не числомъ ихъ, а ихъ внутренними достоинствами, т. е. древностію, рѣдкостію и отличнымъ выборомъ. Съ этой точки зрѣнія коллекція Румянцова уступаетъ очень немногимъ и, напротивъ, большую часть изъ нихъ превосходитъ. Румянцовское собраніе очень богато памятниками для исторіи церковнаго права: въ немъ отличное собраніе Кормчихъ. Оно обладаетъ большимъ количествомъ рукописей историческаго содержанія: хронографами и сборниками, большею частію историческаго характера. Ему принадлежатъ: одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ печерскаго Патерика; современные или близкіе по времени списки соборныхъ дѣяній и сочиненій, касающихся исторіи ересей и раскола. Въ собраніи Румянцова находилось не мало рукописей съ миніатюрами, важными для исторіи древне-русскаго искусства, и образцовъ старинной каллиграфіи [1]). Весьма большой интересъ представляютъ кабинетные портфели и бумаги гр. Румянцова, составлявшіе его домашній архивъ и въ общемъ количествѣ простирающіеся до 1000 №, относясь главнымъ образомъ къ исторіи фамиліи графовъ Румянцовыхъ и ученой дѣятельности канцлера. Къ послѣднему отдѣлу принадлежатъ черновыя письма гр. Н. П. Румянцова, на французскомъ

---

[1]) Таковы: прописи, писанныя въ Вологдѣ въ 1643 г. на свиткѣ, длиною въ 8 аршинъ.

Чертежная книга Сибири С. Ремезова на 24 листахъ александр. бумаги, большаго формата.

Книга о сивиллахъ 1673 г. съ живописными изображеніями 12-ти сивиллъ, писанными масляными красками на холстѣ.

Церковный уставъ, писанный въ 1608 г., съ раскрашенными изображеніями святыхъ передъ каждымъ числомъ мѣсяца на поляхъ и съ иконописными изображеніями во весь листъ передъ каждымъ мѣсяцемъ и большими праздниками (всѣхъ изображеній болѣе 380).

и русскомъ языкахъ, большею частію собственноручныя, къ разнымъ русскимъ и иностраннымъ ученымъ и письма къ нему ученыхъ и корреспондентовъ [1]); наконецъ огромная коллекція ученыхъ разысканій, справокъ, выписокъ изъ печатныхъ книгъ и рукописей и замѣтокъ по разнымъ ученымъ предметамъ, писанныхъ рукою гр. Румянцова, начиная съ 1791 г., равно какъ и замѣтки, писанныя, по просьбѣ канцлера, его корреспондентами. Большею частію—это изслѣдованія по разнымъ ученымъ вопросамъ, занимавшимъ его, еще не приведенныя къ концу и представляющія сырой матеріалъ, состоящій изъ выписокъ и разысканій, принадлежащихъ часто нѣсколькимъ лицамъ. Всѣхъ изслѣдованій и статей такого рода насчитываютъ до 132 [2]). И почти въ каждомъ изъ этихъ разысканій большею частію встрѣчаются замѣтки и выписки, писанныя собственною рукою Румянцова, но всего чаще встрѣчается почеркъ Григоровича, Строева, Калайдовича, Круга и другихъ ближайшихъ сотрудниковъ канцлера [3]).

Разсматривая эти матеріалы, необходимо вполнѣ согласиться съ Погодинымъ, который о графѣ Румянцовѣ отозвался такъ: „Графъ Румянцовъ былъ истинный, искренній любитель и знатокъ русской исторіи и вообще русской старины; въ знаніи частностей онъ не уступалъ никакому ученому спеціалисту“ [4]). Этой цѣли должны были служить и собранныя имъ рукописныя и книжныя сокровища. „Можно утвердительно сказать, замѣчаетъ другой, близко знакомый съ его коллек-

---

[1]) Кромѣ упомянутыхъ нами ученыхъ и корреспондентовъ, здѣсь встрѣчаются имена: Роджера, Бореля, Гартмана, Сиверса, Гейма, Неймана и др.

[2]) Въ числѣ ихъ находятся: сводъ Волынской лѣт. Анастасевича; о Радзивиловскомъ архивѣ, Лобойка; объ Антоніѣ и Ѳеодосіѣ Печерскихъ—самого Румянцова; о Бовѣ королевичѣ, Григоровича и Строева; о Даніилѣ паломникѣ, Стефанѣ Новгородскомъ и Димитріѣ Солунскомъ Григоровича; о Діоптрѣ—Калайдовича; о богослужебныхъ книгахъ и Діоптрѣ м. Евгенія; о крымскихъ древностяхъ—Круга; о Никонѣ Черногорцѣ—Григоровича и Строева; о камнѣ Рогволода—Канкрина; о Стефанѣ Сурожскомъ—справки, выписки и письма Строева, Калайдовича, Газе, Круга и Григоровича.

[3]) Отчетъ по Моск. публичн. муз. отъ времени основ. его до (1-го янв. 1864. Спб. 1864. стр. 1—27.

[4]) Судьбы археологіи въ Россіи, стр. 7.

ціями свидѣтель [1]), что мысль собрать Музеумъ возникла именно изъ желанія споспѣшествовать отечественной учености накопленіемъ малодоступныхъ матеріаловъ, и поэтому-то большая половина библіотеки посвящена исторіи и именно исторіи Восточной и Сѣверной Европы". Но Румянцовъ не былъ одностороннимъ любителемъ отечественной старины. Въ его собраніи находились рукописныя и печатныя рѣдкости по классической древности, средневѣковой исторіи и новой литературѣ. Его библіотека заключала въ себѣ лучшія и важнѣйшія сочиненія по разнымъ отраслямъ знанія, какъ необходимый вспомогательный матеріалъ для изслѣдователя [2]), а въ своихъ ученыхъ сношеніяхъ онъ постоянно заботился о сближеніи русской и западной науки [3]). Въ этомъ, можно сказать, космополитическомъ стремленіи, вполнѣ выразился его живой и любознательный умъ, о которомъ вотъ что писалъ Н. М. Карамзинъ къ И. И. Дмитріеву въ 1822 году:

„Онъ едва ходитъ и стоитъ отъ слабости въ ногахъ.... Не смотря на то, хочетъ ѣхать въ Москву и еще съ живостью говоритъ о древностяхъ Россіи, о политикѣ и будущей судьбѣ Европы. Грустно, что

---

[1]) Матер. для историч. опис. Рум. муз., бывш. библіотекаря Рум. м. (1844—51 г.) К. И. Кестнера, 16.

[2]) Отчетъ, 29—31.

[3]) „Дабы донести до свѣдѣнія разсѣянныхъ *въ Европѣ* ученѣйшихъ людей сибирскія надписи и что о нихъ собралъ и собиралъ Спасскій, рѣшился я ихъ издать съ латинскимъ объясненіемъ, надъ которыми надзираетъ г. Кругъ", писалъ онъ Евгенію (въ 1822 г., стр. 59), а нѣсколько времени спустя онъ сообщаетъ уже послѣднему, что въ Геттингенскихъ литературн. листахъ указано сходство сибирской надписи, помѣщенной у Спасскаго, съ надписью, вырытою въ Гессенѣ (ib. 83 и 98).

Отдавая должную дань уваженія его дѣятельности, многія русскія и иностранныя общества почтили Румянцова званіемъ своего члена. Такъ, онъ состоялъ членомъ: парижскихъ обществъ—географич. и азіатскаго; филадельфійскаго философскаго, рос. академіи, спб., берлинской и мюнхен. акад. наукъ; московск., виленск., казанскаго и краковск. университ.; варшавскаго общества наукъ, москов. общ. исторіи и древн. рос., общ естествоиспыт.; курлянд. общ. литературы и искусства и мн. др. Нѣкоторыя открытія въ области географіи и естественныхъ наукъ почтены были тогда же его именемъ. Терещенко, II, 255—56.

нельзя говорить съ нимъ" [1]). Благодаря своему вліянію и личному участію, онъ успѣлъ сосредоточить вокругъ себя лучшія научныя силы того времени. Своими изданіями онъ думалъ распространить въ обществѣ научныя свѣдѣнія о Россіи и еще при жизни желалъ сдѣлать свою библіотеку *общедоступною* [2]). Только такая всесторонняя дѣятельность могла надолго возбудить широкій интересъ къ отечественнымъ древностямъ и дать направленіе другимъ дѣятелямъ, съ самоотверженіемъ и энтузіазмомъ принявшимся за ихъ изученіе и разработку.

„Онъ одинъ только изъ нашихъ вельможъ, для котораго подобные труды имѣютъ интересъ и значеніе и которымъ такъ много сдѣлано для исторіи и вспомогательныхъ ея наукъ, писалъ бар. Г. А. Розенкампфъ м. Евгенію 25 апр. 1825 г. Оставивъ важный министерскій постъ, къ крайнему сожалѣнію тѣхъ, которые умѣли его цѣнить, какъ государственнаго сановника и просвѣщеннаго человѣка, онъ желалъ увѣковѣчить свое поприще доставленіемъ средствъ для разработки историческихъ рудниковъ, почти забытыхъ до него. Своими пожертвованіями онъ воздвигнулъ памятникъ прочнѣе бронзовыхъ и Торвальдсенъ или Гете въ лицѣ его изобразятъ благодарному потомству музу исторіи, какъ Канова, по его заказу, воспроизвелъ статую мира" [3]).

Вотъ почему м. Евгеній справедливо предчувствовалъ, что со смертію канцлера, всѣ архивныя разысканія несомнѣнно прекратятся [4]). „Благодаря Провидѣнію, даровавшему отечественному просвѣщенію столь знаменитаго покровителя, обогатившаго Россію новыми источниками славянскихъ древностей, *мы пробуждены отъ усыпленія:* вкусъ

---

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 330.

[2]) Переписка Востокова, 265.

[3]) Ивановскій, 43—44. Канцлеръ, желая ознаменовать три мира, заключенные дѣдомъ, отцемъ и имъ самимъ (абовскій, кайнардж. и фридрихсгамскій), предложилъ знаменитому художнику изваять богиню мира. Статуя ея высѣчена изъ цѣльнаго куска бѣлаго мрамора, выш. 2 арш. и 8 верш. и принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Объ этомъ и др. худож. произвед. въ собр. Румянцова см. у Терещенка, 264—66.

[4]) Переписка Григоровича, Чт. М. О. И. 1864, II, 92.

къ отечественнымъ древностямъ и исторіи сдѣлался господствующимъ" [1]), говоритъ о томъ же времени другой изъ близкихъ сотрудниковъ канцлера. И долго спустя, ученымъ, работавшимъ на поприщѣ, нѣкогда воздѣланномъ Румянцовымъ, приходилось съ грустью сознаваться, что отсутствіе его такъ замѣтно для науки, не смотря на новыя средства и силы, появившіяся на этомъ поприщѣ [2]).

„То былъ кружокъ людей науки на Руси первый по времени или по крайней мѣрѣ по значенію и связности, говоритъ Срезневскій. Преданные наукѣ и отечеству, безпристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и по возрасту, они тѣсно были связаны направленіемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ... Открывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта Русскаго народа: такова была задача кружка... До самой смерти гр. Румянцова онъ все болѣе скрѣплялся. Съ 1826 г. онъ сталъ падать и около времени кончины м. Евгенія (1837) совершенно разстроился. Отдѣльно, безъ взаимной нравственной поддержки, продолжали работать оставшіеся въ живыхъ члены этого кружка.... Остались только плоды его трудовъ, которымъ можетъ позавидовать любое ученое общество" [3]). Такимъ образомъ, сынъ знаменитаго полководца, гр. Румянцовъ, имѣлъ полное право сказать въ девизѣ своего герба, украшающаго его ученыя изданія: „non solum armis"!

Но, почитая память великаго подвига, совершеннаго Румянцовымъ, не забудемъ и его ближайшихъ и наиболѣе преданныхъ сотрудниковъ. „Со временемъ, замѣчалъ еще не такъ давно Срезневскій, изданы будутъ всѣ важныя части переписки членовъ кружка—и тогда научное и нравственное значеніе этого кружка вскроется яснѣе... Почти каждое письмо этого кружка хоть на сколько нибудь есть достояніе исторіи нашей науки, или важное или по крайней мѣрѣ любопытное. Не менѣе важна эта переписка и какъ свидѣтельство о *счастливомъ* времени Русской науки, повтореніе котораго было бы

---

[1]) Чт. М. О. И. 1882, I, стр. x. (слова Лобойка).

[2]) А. Энгельманъ, Объ ученой обработкѣ греко-рим. права. Спб. 1857, стр. 75.

[3]) Переписка Востокова, Сборн. Ак. Н. т. V, в. 2, предисл.

радостно и теперь". Это, такъ сказать, живая лѣтопись русской исторической науки въ первой четверти XIX вѣка. Въ значительной степени переписка эта уже издана теперь и нагляднымъ образомъ можетъ служить доказательствомъ, какой богатый матеріалъ заключается въ ней для исторіи научнаго движенія въ Россіи въ означенный періодъ, всецѣло, какъ мы видѣли, связаннаго съ именемъ графа Н. П. Румянцова.

Библіографія: Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностран. дѣлами въ Россіи, соч. А. Терещенка, ч. II, Спб. 1837, 225—274; Словарь достопамят. людей рус. земли, Д. Н. Б. Каменскаго, ч. IV, 1836, стр. 338—352; Госуд. канцлеръ гр. Н П. Румянцовъ, А. Д. Ивановскаго, Спб. 1871; Гр. Н. П. Румянцовъ (по матер. Рум. муз.), Е. В. Барсова, Древ. и Нов. Рос. 1877., № 5; О заслугахъ Румянцова, оказанныхъ отечествен. исторіи, А. Старчевскаго, Жур. М. Н. Пр. ч. XLIX, и дополн. П. Савельева, ib. Нѣмец. политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II, А. Трачевскаго, Спб. 1876; Ист. царств. импер. Александра I, Богдановича, т. I—VI, Спб., 1869—1871 (особ. т. I прилож., 38—91, и т. III, прил., 40—42); Импер. Александръ I, С. Соловьева, Спб. 1877; Сношенія Рос. съ европ. державами передъ войною 1812 г., А. Н. Попова, Спб. 1876; as Leben des Ministers von Stein, Berl. 1850—55, 6 B.; Aus Stein Leben, 2 B. 1856, v. G. H. Pertz; Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы цар. импер. Александра I до присоединенія Финляндіи къ Россіи, К. К. Злобина, Сборн. Рус. ист. общ., т. II, Спб. 1868; Автобіографія гр. С. П. Румянцова, Рус. Арх. 1869; Дневникъ А. В. Храповицкаго, изд. Н. П. Барсуковымъ, Спб. 1874; Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго, Рус. Арх. 1867; Воспомин. Э. М. Арндта о 1812 г. Рус. Арх. 1871; Записки И. И. Мартынова, Памят. нов. рус. ист., т. II; Записки К. Ѳ. Калайдовича, Лѣтоп. рус. литер., изд. Тихонравовымъ, т. III; Зап. Греча, Рус. Арх. 1871, сс. 305, 318; письма де-Местра, ib. 141—146; Баронъ Штейнъ въ Россіи (изъ книги Силея), ib. 1880, II, 426—466; Воспоминанія Бутенева, ib. 1881, III; Біогр. гр. Завадовскаго, ib. 1883, II; Рус. Стар. 1880, т. XXIX, 817; Сочин. Державина, изд. Ак. Наукъ, т. VI, VIII и IX (см. указатели къ нимъ); Чт. М. общ. ист. 1860, т. I (мнѣнія по разнымъ вопросамъ).

Архивъ кн. Воронцова, томы VIII, IX, XII, XIII, XIV, XV, XVII, XVIII, XIX, XX, XXIII, XXVII (переписка Румянцовыхъ, Воронцовыхъ, Ростопчина, Чичагова, Лонгинова и др.). Отмѣтимъ еще изъ этой переписки слѣдующія не безъинтересныя мѣста. Въ 1786 г., по поводу дѣятельности коммиссіи училищъ, гр. Н. П. Румянцовъ писалъ гр. С. Р. Воронцову: „У насъ занимаются полезнымъ: дороги строятъ, канавы копаютъ *и университеты учреждаютъ. Таковое управленіе всякому иному предпочтительно*“ (т. XXVII, 134). По поводу же вторичнаго посѣщенія своего Швейцаріи, вмѣстѣ съ Гриммомъ (1787 г.), онъ написалъ гр. А. Р. Воронцову слѣдующія, не менѣе замѣчательныя строки: „Je n'ai pas le temps de vous dire combien ce voyage m'a satisfait; je ne connais rien au monde qui vaille le canton de Bern, parce que je n'ai vu nulle part une répartition plus universelle des lumières, de richesse et de bonheur, et la nomination de populace ou de bas peuple sont dans ces pays des mots sans application. Nous causerons de tout cela, mon ami, si nous nous rejoignons“ (ib. 148). Въ томъ же томѣ помѣщены и другіе факты, касающіеся біографіи Румянцова (о его любви къ музыкѣ и уединенію, о дружескихъ отношеніяхъ, страсти къ книгамъ и пр. еще во время пребыванія въ Германіи).

Сборникъ Рус. историч. общества, т. XXIII и XXXIII (переписка Екатерины II съ Гриммомъ); т. XXI (донесенія и письма А. И. Чернышева и кн. А. Б. Куракина импер. Александру I и гр. Н. П. Румянцову въ 1810—12 гг., касающіяся отношеній къ Франціи); Русскій Архивъ 1867 (письма гр. Румянцова къ гр. П. В. Завадовскому (1779 г.); къ отцу 1789 г. (ib. 1874 г.), кор. Людовика XVIII во время пребыванія его въ Митавѣ къ Румянцову (ib. 1872); переписка Тургенева съ И. И. Дмитріевымъ (ib. 1867); Письма Н. М. Карамзина къ Дмитріеву, изд. Пекарскимъ и Гротомъ, Спб. 1866.

Ученая переписка гр. Н. П. Румянцова: Переписка митр. Евгенія съ канцл. Румянцовымъ, изд. Воронеж. Стат. комит. 1868, Ворон., 3 вып. (здѣсь же находятся нѣкоторыя письма Добровскаго, Круга, Френа, Газе, Оленина, Арцыбашева, Аделунга, Шмидта, Даниловича, Мальтбрюна, Малиновскаго, Калайдовича, Востокова, С. де Саси, Лобойка, смол. губернатора, архангельскаго и вятскаго архіереевъ и др.); Переписка гр. Н. П. Румянцова съ московскими учеными (здѣсь помѣщена переписка преимущест-

венно съ Малиновскимъ и письма Б. Каменскаго, Шлецера-сына, Строева, Калайдовича, Качеповскаго, Григоровича и др. свѣтскихъ и духовныхъ лицъ); Содѣйствіе Круга гр. Румянцову въ пользу рус. исторіи, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. LXV, отд. v; Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, von Philipp Krug I—II Th. Spb. 1878 (съ предислов. А. А. Куника); письмо С. Мартена къ гр. Румянцову (Вѣст. Евр. 1820, ч 112, № 13); извѣстіе объ открытіи во Флоренціи нѣк. древнихъ картъ XIII—XIV в. (ib. 1821, № 9); С. де Саси, его жизнь и ученые труды, П. С. Савельева (Ж. М. Н. Пр. 1839, № 1); Біографія Круга, П. Фуса, Ж. М. Н. Пр. ч. XLV, отд. III; Очеркъ біогр. Круга, П. Б., ibid. ч. LXIV, отд. v; о его бумагахъ и сочиненіяхъ, ibid. ч. ч. XLVI и LIX; О жизни и ученымъ трудахъ Френа (съ портретомъ), П. С. Савельева, Зап. Археол. общ., т. VI; Русская историч. литература въ первой половинѣ XIX в. (М. Н. Муравьевъ. Карамзинскій періодъ), А. Старчевскаго, Библ. для Чт. 1852, т. CXI и CXII; О судьбахъ археологіи въ Россіи, М. П. Погодина, съ перечнемъ изданій гр. Румянцова, сост. Барсуковымъ (неполнымъ) въ Трудахъ І-го Археол. съѣзда, М. 1871; Историческій очеркъ мѣръ, принятыхъ въ Россіи для сохраненія и изслѣдованія древностей П. С. Савельева, въ Журн. общеполезн. свѣдѣній 1858 г.; Hartmann, O. G. Tychsen oder Wanderungen durch die mannigfaltigsten Gebiete der biblisch-asiatischen Literatur, Bremen 1818—20, 2. B.; A. L. Schlözer öffentl. und Privatleben, Leipz. 1828, Христ. Шлецера (сына), въ которомъ помѣщена оффиціальная переписка Румянцова съ А. Шлецеромъ (1804—1805 гг.), по поводу выхода въ свѣтъ и поднесенія императору Александру I его „Нестора", проникнутая глубокимъ уваженіемъ къ автору.

Переписка м. Евгенія и Востокова съ разными лицами, Сборн. Акад. Наукъ, т. V, выпуски I и II. Въ первомъ изъ нихъ: воспомин. о научной дѣятельности м. Евгенія, И. И. Срезневскаго, съ дополн. Д. В. Полѣнова и П. И. Савваитова (1—64 стр.); о словаряхъ русскихъ писателей м. Евгенія, А. Ѳ. Бычкова и Я. К. Грота и переписка Евгенія съ Державинымъ, Городчаниновымъ, Анастасевичемъ, гр. Хвостовымъ, Ермолаевымъ. Во второмъ выпускѣ: переписка Востокова съ А. И. Ермолаевымъ, И. А. Ивановымъ, И. И. Дмитріевымъ, съ Обществомъ любителей Рос. словесности, А. С. Шишковымъ, Евгеніемъ, Кеппеномъ, Калайдовичемъ, А. А. Писаревымъ, прот. Григоро-

вичемъ, Румянцовымъ (и письма къ нему Даниловича, Погодина, Лобойка, съ отвѣтами на нихъ), съ Малиновскимъ, Копитаромъ, Клоссіусомъ, Оленинымъ, Розенкампфомъ, Шафарикомъ, Ганкою, Кругомъ, Мацѣевскимъ, Анастасевичемъ и др. болѣе позднія сношенія; переписка сопровождается обширными примѣчаніями. Письма м. Евгенія къ Городчанинову и др., Журн. Мин. Нар. Просв. т. XCIII и Рус. Арх. 1870 и 1875 гг.; разныя письма Евгенія въ Москвитян. 1842 и 1848 гг. и Библ. Зап. 1859; Евгеніевскій Сборникъ, А. Д. Ивановскаго, в. I, Спб. 1871 (съ портрет.); Автобіогр. м. Евгенія, Кіев. Епарх. Вѣд. 1862, № 19 и 20 и Вологод. Епарх. Вѣд. 1868; біографія м. Евгенія при Словарѣ свѣт. писат. и Словарѣ писат. Снегирева; Словарь, достопам. людей, Б. Каменскаго, т. II; Времен. Моск. Общ. ист. кн. 19 (статья кіев. митр. Филарета); о дѣятельности м. Евгенія во Псковѣ, Духов. Бесѣда 1868, № 1; Кіевск. Епарх. Вѣд. 1868, № 3; объ управл. Кіев. епарх., Кіевлянинъ 1867, № 148—153; статья о немъ прот. Н. А. Ѳаворова, въ Кіев. Унив. Изв. и Трудахъ Кіев. Д. акад. 1867; м. Евгеній какъ историкъ, Н. Сѣвернаго, Воскресн. Чт. 1869, № 45; о рукописяхъ м. Евгенія, въ Кіево-Соф. библ., Труды К. Д. акад. 1867, № 12; Дѣятельность м. Евгенія въ званіи предсѣд. конфер. Кіев. Д. акад., И. И. Малышевскаго, К. 1868 (Тр. Кіев. ак. 1867); Историч. зап. о сост. академіи въ минувшее 50-лѣтіе, И. Малышевскаго К. 1869. Словарь свѣт. и дух. писателей м. Евгенія; Матеріалы для біогр. м. Евгенія Пономарева, Труды К. Д. акад. 1867, № 8 (подробная библіографія его сочиненій.); Очеркъ жизни и ученыхъ трудовъ м. Евгенія, А. Данскаго, Воронеж. литер. сборн. 1861 г. О разныхъ статьяхъ по поводу его юбилея— Словарь рус. писателей, Геннади, т. I.

Письма Карамзина къ Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому, 1813—1826 г., изд. Общ. любит. Рос. слов. при Моск. унив., М. 1860; Жизнь и труды П. М. Строева, Н. Барсукова, Спб. 1878 (по фамильнымъ бумагамъ и матеріал. архива Археогр. комм., Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, Румянц. музея, по перепискѣ Сахарова, бумагамъ Ундольскаго и Библіот. Общ. исторіи и древностей); Воспомин. о П. М. Строевѣ, Срезневскаго, въ Сборн. Ак. Н., т. XVII; Переписка гр. Румянцова съ прот. Скородумовымъ, изд. Прудниковымъ, Спб. 1859; К. Ѳ. Калайдовичъ, біогр. очеркъ П. А. Безсонова, Русская Бесѣда, 1860, кн. II; Матеріалы для жизнеописанія Калайдовича,

Безсонова, Чт. М. О. И. 1862, кн. III (ученая переписка съ братомъ, гр. А. И. Пушкинымъ, съ Н. Н. и Д. Н. Бантышъ-Каменскими, м. Евгеніемъ, Карамзинымъ, М. В. Могиляпскимъ, И. Н. Лобойкомъ, гр. Ѳ. А. Толстымъ, А. Ѳ. Малиновскимъ, А. Х. Востоковымъ, гр. Румянцовымъ,—большое собраніе писемъ); Переписка гр. Румянцова съ прот. І. І. Григоровичемъ, Чт. М. О. И. 1864, кн. II (съ письмами С. Бандтке, Лобойка, Калайдовича, м. Евгенія, Востокова); о дѣятельности Григоровича въ Извѣст. Ак. Н. II, 296—97; письма Румянцова къ Берлинскому, сообщенныя намъ ред. „Русской Старины" (отвѣты на нихъ въ Румянц. музеѣ); біогр. свѣдѣнія объ Анастасевичѣ въ Энц. Слов. учен. и литерат. (статья Пекарскаго), т. IV; Юбилей службы П. И. Кеппена, Спб. 1860; Письма гр. Румянцова къ В. Н. Берху, Лѣт. Занят. Археогр. Коммиссіи, т. VI; Путеш. въ гг. Чердынь и Соликамскъ В. Н. Берха, 1821, Спб.; Письма Берха къ Румянцову о путеш. въ Соликамскъ и Чердынь, Сынъ Отеч. 1819, № 18, 241—257 (отъ Берха, между прочимъ, былъ полученъ интересный списокъ съ переписныхъ книгъ Соликамска и Чердыни съ уѣздами, составленныхъ Яхонтовымъ и Кайсаровымъ въ 1579 и 1623—24 гг., на 186 листахъ, Опис. Рум. м. № CCCVIII; извлеченіе напеч. въ Путеш. Берха; грамоты, собр. имъ, напеч. тамъ же, въ Собр. госуд. грам., т. III, въ изд. Румянцова: Древ. госуд. грам., собр. въ Перм. губ, Спб. 1821 г. Ср. Опис. Рум. муз. № XLVII—XLIX, стр. 69—70); Словарь профессоровъ Московскаго университета (біографіи: Тимковскаго, Погодина, Каченовскаго, Х. Шлецера). Письма В. С. Сопикова къ Калайдовичу, прилож. къ XLV т. Запис. Ак. Наукъ, Спб. 1883; Вукъ Стеф. Караджичъ, И. И. Срезневскаго, Москов. Сборн. 1846 г.; В. Копитаръ, Плетнева, Ж. М. Н. Пр. ч. XLV; біогр. очеркъ изъ Slov. Bibliothek, Миклошича, ibid. ч. LXXIII. Историческое изслѣд. о соборахъ, бывшихъ въ Россіи, со времени введенія въ оную христіанской вѣры, до восшествія на престолъ ц. Ивана IV, напис. І. Григоровичемъ въ 1825—26 гг., также по желанію канцлера, издано въ Лѣтоп. занят. Арх. ком. т. II, съ прилож. замѣч. на изданіе Русской Правды Раковецкаго.

Библіологич. опытъ о древн. рус. письменности, А. Котляревскаго, Ворон. 1881; Опис. рук. Рум. музея, Востокова, Спб. 1842; Отчеты о сост. Рум. муз. съ 1864—75 и д. (въ Журн. Мин. Нар. Просв. и отдѣльно); Очеркъ дѣятельн. коммиссіи печат.

грам. и договоровъ, сост. при Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, М. 1877; Матеріалы для ист. опис. Рум. муз., соч. бывш. библіотек. муз. Кестнера (1844—1851), М. 1882; Сборн. матеріал. для ист. Рум. муз., изд. по дню юбилея музея, М. 1882. вып. I. Сюда входятъ слѣд. статьи: очеркъ нравствен. характеристики Румянцова, Е. Θ. Корша; Румянцовъ собиратель книжныхъ пособій, Е. Θ. Корша; нумизмат. кабинетъ гр. Румянцова К. К. Герца; минералогическое собраніе Румянцова Г. А. Траутшольда; о значеніи гр. Румянцова въ этнографической литературѣ, Е. В. Барсова; этнографич. отдѣл. Румянцовскаго музея, К. Н. Ренара; передача Румянцовскаго музеума въ Мин. нар. просв., по оффиц. докум., А. Е. Викторова; Гр. Н. П. Румянцовъ, какъ археологъ-собиратель, Г. Д. Филимонова.

Гр. Н. П. Румянцовъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ импер. Александра I, былъ назначенъ, въ числѣ немногихъ, членомъ госуд. совѣта, состоявшаго при дворѣ и образованнаго 30 марта 1801 г. Съ званіемъ мин. коммерціи онъ соединялъ и завѣдываніе отдѣльнымъ управленіемъ департ. водяныхъ коммуникацій и экспедиціи устроенія дорогъ (Терещенко, II, 231—32).

Внесенная Руменцовымъ сумма въ комитетъ о раненыхъ простиралась до милліона рублей (Ивановскій, 123).

Академикъ Келеръ, съ восторгомъ взявшійся за описаніе монеты Спартока IV, которую онъ цѣнилъ въ 1200 р. (опис. это вошло и въ собр. его сочин., изд. акад. Л. Стефани, 1850), высказалъ однако сомнѣнія въ принадлежности ея послѣднему. Но другой извѣстный нумизматъ баронъ Кене (Опис. муз. кн. В. В. Кочубея, II, 75) и К. К. Герцъ (Сборн. матеріал. для ист. Рум. муз. I, 80) склоняются къ противоположному мнѣнію.

VI.

Археографическая экспедиція и Археографическая коммиссія. Мѣстныя коммиссіи для описанія и изданія актовъ и памятниковъ древности.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ гр. Румянцова, П. М. Строевъ, подъ живымъ еще впечатлѣніемъ недавняго осмотра монастырскихъ библіотекъ, который далъ для описанія болѣе 2,000 рукописей, но который, по его мнѣнію, представлялъ лишь „небольшую частицу огромнаго цѣлаго“; рѣшился осуществить свой обширный планъ „исторической экспедиціи“ и собранія всѣхъ матеріаловъ, безъ чего, по его мнѣнію, нечего было помышлять „объ изданіяхъ критическихъ“. Воспользовавшись своимъ избраніемъ въ члены Московскаго историческаго общества, онъ произнесъ въ собраніи этого общества рѣчь (14 іюня 1823 г.) „о средствахъ, удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ отечественной исторіи и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать ихъ.“ Въ этой рѣчи Строевъ заявляетъ о недостаточности въ такомъ дѣлѣ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и взываетъ къ участію „Академіи Наукъ, историческихъ и всякаго рода ученыхъ обществъ.“ Онъ признавалъ безполезность прежней дѣятельности Московскаго историческаго общества, которая ограничивалась приготовленіемъ къ изданію лѣтописей безъ предварительнаго собранія по возможности большаго количества рукописнаго матеріала. „Не довольно Москвы для поприща нашей дѣятельности, говорилъ онъ, пусть цѣлая Россія превратится въ одну библіотеку, намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей мы должны ограничить наши занятія, но *безчисленнымъ множествомъ* ихъ: въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ, *никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ; въ архивахъ, кои нещадно опустошаетъ время и нерадивое невѣжество;* въ кладовыхъ и подвалахъ,

недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ кажется снесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истребить ихъ удобнѣе и скорѣе. Общество исторіи должно извлечь, привести въ извѣстность и доставить другимъ средства обработывать письменныя памятники нашей исторіи и древней словесности.“ Для такого предпріятія, по его мнѣнію, необходимы были только—трудъ, настойчивость и порядокъ. И такъ, прежде всего слѣдовало образовать *экспедицію*, которая обозрѣла бы, разобрала и съ возможною точностью описала всѣ монастырскія, соборныя, духовно-училищныя и т. п. собранія рукописей. Съ этою цѣлью экспедиція должна была быть раздѣлена на три части, чтобы имѣть возможность сдѣлать обозрѣніе и описаніе постепенно, для чего онъ рекомендовалъ сдѣлать опытъ, начавъ описаніе съ библіотеки новгородскаго Софійскаго собора, заключавшей въ себѣ болѣе 1,000 рукописей и памятниковъ древности всякаго рода, но которая была вовсе неизвѣстна тогдашнимъ ученымъ (Карамзинъ ни разу не указываетъ на нее въ своей исторіи [1]). Затѣмъ коммиссія должна была сдѣлать обозрѣніе *сѣверныхъ губерній*, въ которыхъ наиболѣе сохранилось матеріаловъ подобнаго рода (благодаря отсутствію непріятельскихъ нападеній и покровительству древнимъ рукописямъ со стороны старообрядцевъ), потомъ перейти къ *средней полосѣ Россіи*, наконецъ къ *западной*. Строевъ ссылается на блестящій примѣръ успѣшнаго приведенія въ извѣстность памятниковъ письменности въ Сибири, во время экспедиціи Миллера. При обозрѣніи памятниковъ должны быть составлены *описи*, которыя хранились бы въ монастыряхъ для свѣдѣнія ихъ владѣтелей, при передачѣ имущества одними лицами другимъ, и *общая роспись* всѣхъ разсмотрѣнныхъ документовъ, которая должна быть напечатана для пользованія ученыхъ. Самое изданіе лѣтописей, по его словамъ, не могло идти успѣшно безъ возможно полнаго собранія ихъ, какъ это дѣлалось иностранными критиками при изданіи Библіи, классиковъ и лѣтописей среднихъ вѣковъ. Такого свода домогался и Шлецеръ. Безъ этого условія развѣ наши „правнуки увидятъ изданія критическія, очищенныя“, замѣчаетъ Строевъ, и, напротивъ, имѣя въ виду сотни списковъ лѣтописей, мы будемъ избирать лучшіе и напечатаемъ не два или три изъ нихъ, случайно попавшіеся и плохіе, но цѣлое собраніе лѣто-

---

[1]) Карамзинъ три раза ссылается на ея рукописи, но какъ видно, съ чужихъ словъ (V, пр. 311; VII, пр. 277; VIII, пр. 80).

писцевъ и писателей русской исторіи, обработанное критически. Тогда не одинъ журналъ съ *древними анекдотами* (Уставъ Общ. исторіи § 60) окажется возможнымъ намъ предпринять; но отъ нашей воли будетъ зависѣть составленіе *пособій для древней литературы, дипломатики, исторіи политической и церковной, законовѣдѣнія* и проч. Тогда (а не прежде) составится и *славяно-русская палеографія, еще не существующая.*" Онъ утверждалъ, что напрасно ждать отъ простыхъ иноковъ, чтобы они вдругъ стали Монфоконами и Маттеями и напрасна будетъ дѣятельность самаго историческаго общества безъ этой предварительной работы, безъ которой „многія тысячи книгъ безъ сомнѣнія погибнутъ отъ нерадѣнія и невѣжества". Необходимо спасти и многія драгоцѣнныя вещи, находящіяся въ частныхъ рукахъ, которыя, однако, въ слѣдствіе проявленія интереса къ древностямъ у нѣкоторыхъ вельможъ, сдѣлались уже предметомъ барыша. Такъ весьма рѣдкій Часословъ, изданный въ Краковѣ въ 1491 г., былъ купленъ на ростовской ярмаркѣ за 7 р., но гр. Ѳ. А. Толстому онъ достался уже за 350 р. ассигнаціями.

Свои соображенія Строевъ называетъ плодомъ многолѣтняго опыта и трудовъ, которыми онъ обязанъ канцлеру Румянцову. Но рѣчь его была встрѣчена въ историческомъ обществѣ не вполнѣ сочувственно: одни ссылались на недостатокъ средствъ, другіе увидѣли въ ней просто химеры, а третьи обидѣлись за нравоученіе молодого человѣка, представившаго на первыхъ порахъ невыгодную критику дѣятельности самаго общества, такъ что впервые эта рѣчь появилась въ „Сѣверномъ Архивѣ", откуда, только спустя шесть лѣтъ, она была перепечатана въ „Трудахъ общества" [1]). Тѣмъ не менѣе, тогдашній предсѣдатель общества А. А. Писаревъ и нѣкоторые члены оказали поддержку Строеву, и общество рѣшило доставить ему возможность обозрѣть новг. Софійскую библіотеку. Митр. Евгеній и Карамзинъ „*эти два законодателя* въ дѣлѣ нашей исторіи", какъ выражался Строевъ, вполнѣ одобрили его планъ. Такимъ образомъ, въ концѣ 1823 г., Строевъ осмотрѣлъ уже новгород. Софійскую библіотеку и представилъ о ней записку въ общество. Изъ отчета Строева видно, что въ этой библіотекѣ въ то время было 1089 рукописей

[1]) Сѣверный Архивъ 1823, ч. 8, № 19. Труды Общ. ист. кн. IV, 1829. Примѣры небрежнаго отношенія къ рукописямъ даже богатыхъ монастырей представлены Строевымъ на стр. 283—284 („Труды").

и до 3,000 печатныхъ книгъ, и въ числѣ первыхъ было много рукописей, доставленныхъ изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и др., начиная съ XII до конца XVI вѣка. Разсматривая это собраніе, онъ убѣдился, въ какомъ жалкомъ видѣ находились въ то время свѣдѣнія по исторіи русскаго языка, когда думали, что печатный текстъ Библіи—есть языкъ временъ Владиміра и Ярослава! Вмѣстѣ съ тѣмъ въ библіотекѣ оказалось много отрывковъ разныхъ лѣтописей и сборниковъ (Цвѣтниковъ), въ которые вносились многія интересныя статьи и которымъ Строевъ придавалъ большое значеніе, особенно же лѣтописнымъ отрывкамъ, изъ которыхъ составлялись потомъ полные своды, надѣлавшіе такъ много хлопотъ ученымъ; онъ думалъ сдѣлать изъ нихъ полный сводъ лѣтописныхъ извѣстій [1]). Однако, предложеніе Строева объ изданіи русскихъ хронографовъ и переизданіи въ болѣе исправномъ видѣ нѣкоторыхъ лѣтописей, напечатанныхъ въ XVIII в., не прошло тогда въ историческомъ обществѣ. Между тѣмъ, страсть его къ разысканіямъ и изученію рукописей находила себѣ все болѣе пищи. Въ 1825 г. въ его руки досталось завѣдываніе замѣчательной библіотекой сенатора гр. Ѳед. Андр. **Толстого** (въ Москвѣ), въ составъ которой вошли: извѣстная библіотека кн. Д. М. **Голицына**, собраніе рукописей П. П. **Бекетова** и богатыя пріобрѣтенія, сдѣланныя владѣльцемъ посредствомъ покупокъ и связей съ раскольниками, на дочери одного изъ которыхъ былъ женатъ гр. Толстой [2]). Описаніемъ этой библіотеки съ 1818 г. занимались Строевъ и Калайдовичъ по способу **Монфокона** и **Маттеи**. Оно вышло въ свѣтъ въ 1825 году—это было первое описаніе рукописей въ русской печатной литературѣ. Затѣмъ Строевъ издалъ (первое и второе) прибавленія къ нему и „Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ и Россійскихъ, хранящихся въ библіотекѣ гр. Толстого“ (съ 24 гравир. изобр. шрифтовъ), вышедшее въ 1829 г., въ Москвѣ. Но онъ мечталъ уже объ изданіи извлеченій изъ важнѣйшихъ рукописей этой библіотеки [3]).

---

[1]) Барсуковъ, 64—79.

[2]) Степанидѣ Алексѣевнѣ Дурасовой. Ibid. 113.

[3]) Кромѣ того, Строеву принадлежатъ: „Опис. старопеч. книгъ славянскихъ, находящ. въ библ. И. Н. Царскаго“ (съ 12 гравир. изобр. шриф.); М. 1836; „Дополн. къ опис. старопеч. книгъ гр. Толстого и Царскаго“ (съ 2 рис.), М. 1841; „Ключъ къ исторіи гос. Рос. Карамзина“, Спб. 1844; „Рукописи славян. и рос., принадл. почетн. гражд. Царскому“ М. 1848 и „Библ. Моск. Общ. ист. и древн. рос.“ (М. 1845).

Тѣмъ не менѣе эти работы не отвлекали Строева отъ главной цѣли. По прежнему онъ лелѣялъ мысль „о необходимости археографическаго путешествія по Россіи". Воспользовавшись заявленіемъ въ рѣчи тогдашняго президента (1827 г.) Академіи Наукъ, С. С. Уварова, напомнившаго о знаменитыхъ экспедиціяхъ XVIII в., которыя обогатили науку свѣдѣніями о Россіи въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, и предложившаго возобновить эти экспедиціи теперь, Строевъ обратился съ своимъ проектомъ въ Академію (какъ ея членъ-корреспондентъ) и въ свою очередь напомнилъ, что онъ былъ даже близокъ къ осуществленію своего плана въ 1825 г., но смерть Румянцова помѣшала выполненію его. Въ своемъ планѣ, представленномъ вмѣстѣ съ тѣмъ Уварову, Строевъ говоритъ уже о необходимости снять копіи съ важнѣйшихъ матеріаловъ, сдѣлать извлеченія и критическія обозрѣнія рукописей, а съ тѣхъ изъ нихъ, которыя будутъ важны въ палеографическомъ и автографическомъ отношеніи,—снимать точные снимки (facsimile). Церковная утварь, остатки древняго домашняго и языческаго быта должны быть также сняты и описаны. Вмѣстѣ съ тѣмъ археографъ обязанъ вести записки своего путешествія. Важнѣйшіе же памятники письменности и древности Академія Наукъ должна поручить пріобрѣсть въ свою пользу.

Предложеніе Строева встрѣтило поддержку въ Академіи со стороны Круга, благодаря настояніямъ котораго было назначено на это предпріятіе 10,000 р. асс., причемъ отъ правительства было сдѣлано распоряженіе губернаторамъ объ оказаніи Строеву всевозможнаго содѣйствія и помощи (въ августѣ 1828 г.). Отъ историческаго общества Строевъ просилъ назначить ему въ помощь *трехъ студентовъ* Московскаго университета „съ цѣлью развитія и усовершенствованія историко-археологическихъ талантовъ"; но его предложеніе не состоялось и Строевъ отправился въ путешествіе съ двумя *чиновниками* Московскаго архива. Академикъ Френъ къ прежней инструкціи добавилъ условіе, чтобы онъ обратилъ вниманіе на монеты, памятники и надписи восточныхъ древностей, древнія рукописи и предметы древностей (арабскія, татарскія, а также финскія).

Археографическая экспедиція отправилась изъ Москвы въ путь 15 марта 1829 г., и съ этого момента начинается новый періодъ въ дѣлѣ изслѣдованія и изданія матеріаловъ русской исторіи. Всѣ вѣдомства, за исключеніемъ Синода, снабдили Строева открытыми листами, въ слѣдствіе чего ему приходилось встрѣчать не малыя за-

трудненія въ монастырскихъ библіотекахъ и церковныхъ архивахъ [1]).
Тогдашніе канцелярскіе порядки, пути сообщенія и равнодушное отношеніе къ научнымъ интересамъ много вредили успѣху столь важнаго предпріятія; но въ духовномъ вѣдомствѣ подобное отношеніе къ нему превосходило уже всякую мѣру [2]). „И теперь еще мерещатся мнѣ, писалъ Строевъ уже въ 1868 г., упрямые Евтихіаны, Августины, отцы Жаворонковы и пр., съ которыми предстояло хлопотать и терять дорогое время" [3]). Впрочемъ, нѣкоторыя лица изъ духовенства оказали свое содѣйствіе Строеву. Но онъ настаивалъ на общемъ осмотрѣ и извлеченіи матеріаловъ и библіотекъ духовнаго вѣдомства: синодальной, академической, семинарскихъ, консисторскихъ, монастырскихъ, соборныхъ, „гдѣ лежатъ тысячи славянскихъ рукописей, хартій и старинныхъ книгъ. Ихъ было еще болѣе, по *нерадѣніе* и *невѣжество* въ разныхъ видахъ постоянно содѣйствуютъ ихъ уменьшенію" [4]).

Въ 1829 г. археогр. экспедиція объѣхала *Архангельскую* и *Вологодскую* губерніи, причемъ были осмотрѣны архивы города Архангельска, его монастырей и соборовъ [5]); въ Вологодской губ.—архивы Вологды, Тотьмы, Устюга, Сольвычегодска, Яренска, нѣкоторыхъ волостныхъ правленій и монастырей [6]). Съ 1830—34 г., вмѣстѣ съ Строевымъ раздѣлялъ труды Я. И. Бередниковъ, состоявшій потомъ членомъ Археогр. коммиссіи. Въ это время экспедиція объѣхала губерніи: *Оло-*

---

[1]) Барсуковъ, 176—199.

[2]) Такъ, въ этотъ самый періодъ, вслѣдствіе предписанія начальства о составленіи описи монастырскихъ архивовъ и разысканій замѣчательныхъ письменныхъ памятниковъ, монастырскія власти Горійскаго мон-ря, возлѣ Переяслава Залѣсскаго, заблагоразсудили всѣ рукописи и книги заложить въ дымовыя трубы и печи пустыхъ строеній и тѣмъ избавиться отъ напраснаго труда (Лѣт. зап. Археогр. ком. IV, 41). Вспоминая подобныя отношенія, Строевъ говорилъ въ послѣдствіи: „Теперь для занятій въ архивахъ наступило лучшее время сравнительно съ 1830-ми годами, когда въ бытность нашу въ вологодскихъ и бѣлозерскихъ краяхъ хранители древностей поступали такъ: едва заслышатъ за нѣсколько верстъ о нашемъ приближеніи, какъ все стараются спрятать и иногда совершенно *истребить*"... Барсуковъ, 668.

[3]) Ibidem, 206.

[4]) Ibidem, 256.

[5]) Отчеты Археогр. ком. 6.

[6]) Ibid.

нецкую, Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Московскую, Ярославскую, Костромскую, Владимірскую, Нижегородскую, Казанскую и *Вятскую*. Бумаги Чердынскаго и Соликамскаго уѣздныхъ судовъ *Пермской губ.* высланы были Строеву въ Москву. Затѣмъ были осмотрѣны: 1) Строевымъ—а) библіотеки: *московская Синодальная, Троицко-Сергіевской лавры, Московской духовной академіи, новгородскаго Софійскаго собора*, монастырей—*Кирилло-Бѣлозерскаго* и *Іосифо-Волоколамскаго;* б) архивы: *Троицко-Сергіевской лавры*, монастырей—*Симонова, Саввино-Сторожевскаго, Ипатьевскаго, Кирилло-Бѣлозерскаго, Толгскаго, Макарьево-Унженскаго*, суздальскихъ—*Покровскаго* и *Спасо-Евѳиміевскаго*, а также архивъ бывшаго *Пушкарскаго приказа* (при москов. артиллер. депо); 2) Бередниковымъ—архивы монастырей: *Соловецкаго, Валдайско-Иверскаго, Богородицко-Свіяжскаго, Макарьевско-Колязинскаго, Нило-Столобенскаго, Александро-Свирскаго, Тихвино-Успенскаго, Новоторжско-Ефремовскаго, Желтоводскаго* и *Флорищевской* пустыни.

Всего обоими путешественниками осмотрѣно было *200 архивовъ и библіотекъ*. Богаче всѣхъ оказались собранія духовнаго вѣдомства, а именно библіотеки: Синодальная въ Москвѣ, Софійская—въ Новгородѣ, Троицко-Сергіевской лавры и монастырей: Соловецкаго, Кирилло-Бѣлозерскаго и Іосифа Волоколамскаго. Много актовъ было извлечено изъ архивовъ—*Псковскаго* и *Нижегородскаго губернскихъ правленій, Бѣлозерскаго* и *Соликамскаго уѣздныхъ судовъ*. Но самые древніе акты уцѣлѣли собственно въ монастыряхъ, между тѣмъ какъ въ архивахъ гражданскаго вѣдомства экспедиція почти не нашла бумагъ древнѣе XVII ст. При этомъ экспедиція составила собраніе историко-юридическихъ матеріаловъ и каталоги манускриптамъ и старопечатнымъ книгамъ, хранящимся въ монастырскихъ библіотекахъ, расположенные по алфавиту съ выписками и рецензіями рукописей. Такъ образовались „*матеріалы для исторіи славяно-русской литературы*" Строева [1]). При списываніи актовъ строго сохранялись древнія формы языка, а также присовокуплялись палеографическія описанія ихъ (легенды). Но Строевъ долженъ былъ постоянно ощущать недостатокъ писцовъ, способныхъ пра-

[1]) Обозрѣніе ихъ напечатано въ Ж. М. Н. Пр. 1834 г. ч. I. О притязаніяхъ Бередникова на этотъ трудъ и замѣчанія Строева у Барсукова, 518.

вильно копировать рукописи. „Сколько времени на сіе потеряно", говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ, представленномъ Академіи Наукъ [1]). Экспедиція могла на мѣстѣ убѣдиться въ печальномъ положеніи древнихъ памятниковъ: многіе изъ нихъ погибли безвозвратно, другіе погибали еще въ сырыхъ подвалахъ, забытые всѣми; нѣкоторые были извлечены на свѣтъ, благодаря ученой экспедиціи, и такимъ образомъ были спасены отъ истребленія [2]). Изъ болѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній можно указать на слѣдующія находки: въ Холмогорскомъ соборѣ былъ найденъ хорошій списокъ Псковской лѣтописи; въ Сійскомъ монастырѣ—прекрасное Евангеліе на пергаменѣ 1339 г. и неизвѣстное до того времени путешествіе въ Царьградъ новгородскаго архіеп. Антонія, XIII в., изданное въ 1872 г. П. И. Савваитовымъ; въ Шенкурскѣ—греческая рукопись твореній Григорія Богослова, XIV в. (на пергам.); переводъ 8-ми книгъ Библіи съ Вульгаты на литовско-русское нарѣчіе, доктора Фр. Скорины, напечатанный въ 1518 г. въ Прагѣ; Номоканонъ на грузинскомъ языкѣ 1350 г.; въ другихъ мѣстахъ: уставныя грамоты (двѣ) 1551 и 1552 гг., считавшіяся потерянными; нѣсколько актовъ смутнаго времени (о самозванцѣ Илейкѣ, о боярскомъ правленіи); въ Бѣлозерскомъ монастырѣ—болѣе 140 грамотъ XV—XVII вв.; въ разныхъ мѣстахъ: нѣсколько грамотъ смутнаго времени; наказъ архіеп. Гурію (1555 г.); уставныя, губныя, таможенныя грамоты, изъ которыхъ образовались Судебникъ царя Ивана IV и Уложеніе ц. Алексѣя; тарханныя и несудимыя грамоты, ставшія источникомъ крѣпостнаго права; дополнительные указы къ Судебнику; списокъ указовъ (нач. XVII в.) 1597, 1601, 1607 гг. о правѣ *перехода крестьянъ,* которые Карамзинъ (X, 120, пр. 349, 352; XI, 51, пр. 120, 371) такъ рѣшительно считалъ подложными [3]); множество судебныхъ актовъ XV—XVII вв.; жалованныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ привилегіи монастырей и духовенства; въ Устюжнѣ были найдены: несудимыя грамоты ц. ц. Василія Ив. Шуйскаго и Ми-

---

[1]) Отч. Археогр. ком. стр. 8.

[2]) Барсуковъ, 184, 206, 211, 242, 259 и др. Многіе матеріалы погибли въ присутственныхъ мѣстахъ, часто терпѣвшихъ отъ пожаровъ.

[3]) См. объ этомъ вопросѣ: Ист. критич. отрывки Погодина, II, 197—274; Историч. моногр. Костомарова, I, 391—428; Бѣляевъ, законы и акты, установл. въ древ. Руси крѣпост. сост. Арх. ист. практ. свѣд. Калачова, 1859, кн. II; Владимірскій-Будановъ, Ист. рус. права (лит.), II, 49.

хаила Ѳед. церковному причту; въ тихвинскомъ Успенскомъ монастырѣ—коллекція документовъ, относящихся къ исторіи стрѣлецкихъ бунтовъ; дѣло о присоединеніи къ московскому патріаршеству кіевской митрополіи; въ валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ—переписка п. Никона; въ Синодальной библіотекѣ—дѣло патр. Никона, приготовляемое теперь къ изданію въ полномъ видѣ Археографич. коммиссіею; въ Соловецкомъ мон-рѣ: свѣдѣнія объ извѣстномъ Авр. Палицынѣ; прекрасная коллекція актовъ XVI и XVII вв.; соборныя опредѣленія 1554 г. о ереси Артемія и Башкина, дѣло дьяка Висковатова, дѣло о соловецкомъ мятежѣ; документы о раскольникахъ; богатая библіотека (болѣе 1,000 рукописей и 2,532 печатн. книги), въ собраніи которой оказались старопечатныя книги и историческіе матеріалы [1]).

На основаніи имѣвшихся въ рукахъ многочисленныхъ актовъ и литературныхъ памятниковъ, Строевъ могъ заняться систематическимъ собраніемъ свѣдѣній о нихъ, біографическихъ данныхъ о лицахъ, упоминаемыхъ въ матеріалахъ, и критико-историческими замѣчаніями. Такимъ образомъ Строевъ въ 1834 г. напечаталъ: „Хронологическій указатель матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и правовѣдѣнія" [2]), мнѣнія о которыхъ нерѣдко проникнуты скептическимъ характеромъ, свойственнымъ школѣ, изъ которой вышелъ Строевъ [3]). Дальнѣйшею разработкою и пополненіемъ этого труда Строевъ продолжалъ заниматься, результатомъ чего былъ *Библіологическій словарь*, приготовленный къ изданію А. Ѳ. Бычковымъ [4]). Кромѣ того, онъ составилъ „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей", изданные Археогр. коммиссіею въ 1877 г., и заключающіе въ себѣ собраніе свѣдѣній о монастыряхъ, церквахъ и епархіяхъ. Они пополняютъ извѣстную „Исторію россійской іерархіи," уже устарѣвшую и ставшую библіографическою рѣдкостью [5]). Строевъ настаивалъ также на спеціальномъ изученіи матеріаловъ, относящихся къ экономическому быту церкви, а потому предлагалъ заняться особо разсмотрѣніемъ монастырскихъ, архіерейскихъ и консисторскихъ архивовъ, въ которыхъ эти документы

---

[1]) Барсуковъ, 184, 197—198, 207, 222—229, 241, 258, 270—272.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1831, ч. I.

[3]) Замѣч. о немъ Срезневскаго, Сборн. Ак. Н. т. XVII., стр. LXXIII.

[4]) Онъ изданъ Академіею Наукъ въ 1882 г.

[5]) Впрочемъ и въ трудѣ Строева встрѣчаются нерѣдко пробѣлы.

безполезно хранятся со времени введенія штатовъ (1764), а также архивовъ разныхъ палатъ, куда поступили дѣла бывшихъ коллегіи экономіи и экономическихъ управленій [1]).

Матеріалы, собранные экспедиціею, были представлены Строевымъ въ Академію Наукъ, въ четырехъ томахъ, въ началѣ 1832 г., а президентъ академіи, С. С. Уваровъ, поднесъ ихъ на предварительное одобреніе импер. Николая I, который такъ заинтересовался ими, что прочелъ отъ начала до конца [2]). Это обстоятельство значительно способствовало учрежденію сперва небольшой коммиссіи (24 дек. 1834 г.) для изданія актовъ, собранныхъ археографической экспедиціей, а потомъ постоянной Археографической коммиссіи. Она должна была состоять при Мин. нар. просв.; на изданіе же матеріаловъ назначенъ былъ капиталъ (40,000 р.), пожертвованный въ Академію Наукъ еще гр. Румянцевымъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе 1835—1836 гг., коммиссія издала *четыре тома актовъ* (съ позднѣйшими дополненіями и указателемъ къ нимъ, 1838), подъ редакціей Устрялова, Бередникова, Сербиновича и Краевскаго, содержащихъ въ себѣ весьма важные матеріалы XIV—XVII вв., въ количествѣ 1296 актовъ. Кромѣ того, изъ числа ихъ былъ сдѣланъ выборъ собственно *юридическихъ актовъ* (428), которые составили особый томъ, изданный въ 1838 г. съ указателемъ (1840). На основаніи правилъ этой коммиссіи, на нее возлагалось также исполненіе всѣхъ обязанностей по предметамъ, относящимися вообще до русской исторіи и древностей; но С. С. Уваровъ, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, еще въ докладѣ о ней выразился, что, по исполненіи возложеннаго на нее порученія, онъ предполагаетъ расширить и преобразовать ее, возложивъ на коммиссію *систематическое и полное собраніе источниковъ отечественной исторіи*. Въ скоромъ времени это намѣреніе было приведено въ исполненіе.

---

[1]) Барсуковъ, 230. Строевъ неоднократно занимался въ моск. архивахъ: ин. дѣлъ (по исторіи донскихъ казаковъ) и сенатскихъ. Въ 20-хъ годахъ надъ разборомъ мѣстныхъ матеріаловъ по исторіи Донскаго войска трудился В. Д. Сухороковъ, а разборъ ихъ въ Архивѣ ин. дѣлъ возложенъ былъ на Строева. Въ послѣдствіи этими выписками воспользовался Броневскій въ своей „Ист. Донскаго войска“ (Спб. 1844, 3 т.) и мѣстный Статист. комитетъ, издав. въ 1869 г. „Опис. земли В. Донскаго“, въ 2-хъ томахъ (Новочеркаскъ). Барсуковъ, 79—95.

[2]) Барсуковъ, 231. О важности ихъ для древняго судопроизводства и каноническаго права, см. ibid. стр. 229—230.

Въ такомъ видѣ коммиссія стала дѣйствовать съ 22 февр. 1837 г., подъ именемъ Археографической коммиссіи [1]). Правилами объ ея учрежденіи на нее возлагалось изданіе *сочиненій, составляющихъ славяно-русскую литературу, собственно историческаго содержанія* (лѣтописи, хронографы, степенныя книги, сказанія и др. рукописи) и *актовъ государственно-юридическихъ* до начала XVIII вѣка. Коммиссія должна также заботиться объ усовершенствованіи отечественной *нумизматики*, издавать снимки и составлять описанія русскихъ монетъ и медалей, а затѣмъ (1839 г.) ей же было поручено и изданіе актовъ на иностранныхъ языкахъ, относящихся къ Россіи.

Археографическая коммиссія продолжала дѣло, начатое гр. Румянцовымъ и археографическою экспедиціею. Между тѣмъ, еще бывшая коммиссія по изданію актовъ экспедиціи распорядилась разсмотрѣть архивы и библіотеки въ Петербургѣ, которые не были осмотрѣны экспедиціею и поручила это дѣло Бередникову (1835). Въ его обозрѣніе вошли *Импер. публичная библіотека, Румянцовскій музей, библіотеки—Академіи Наукъ и Эрмитажная*. Матеріалы, извлеченные изъ этихъ хранилищъ, значительно пополнили собраніе актовъ экспедиціи. Затѣмъ она вытребовала въ Петербургъ документы тѣхъ *провинціальныхъ архивовъ*, которые или вовсе не были осмотрѣны, или были осмотрѣны только отчасти. Въ запискѣ Бередникова, представленной въ коммиссію, было указано на необходимость собрать грамоты и столбцы, хранящіеся въ архивахъ губернскихъ правленій, казенныхъ и гражданскихъ палатъ, уѣздныхъ судовъ, магистратовъ, ратушъ и нѣкоторыхъ удѣльныхъ конторъ и волостныхъ правленій; такъ какъ при преобразованіи управленія въ XVIII и нач. XIX в. и при учрежденіи губерній—въ означенныя мѣста поступили дѣла бывшихъ воеводскихъ канцелярій, а въ казенныя палаты—вотчинные документы и грамоты монастырей, находившіяся въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи и экономическихъ управленій монастырскими имѣніями. Кромѣ того, экспедиціей совсѣмъ не были осмотрѣны губерніи: Петербургская, Смоленская, Калужская, Орловская, Курская, Тульская, Рязанская,

[1]) Предсѣдатель коммиссіи утверждается государемъ, а члены—министромъ народ. просвѣщ. Средства на содержаніе ея были назначены изъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 4—5,000 р. Въ 1841 г. къ нимъ присоединился Ларинскій капиталъ—18,000 р. Кромѣ того, въ нее поступаютъ особыя назначенія и пожертвованія.

Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Земля Войска Донскаго, западныя губерніи, а въ Сибири—библіотеки и архивы духовнаго вѣдомства, не осмотрѣнныя и Миллеромъ.

Такимъ образомъ, на основаніи послѣдовавшаго повелѣнія, разныя *присутственныя мѣста и управленія* (при содѣйствіи мин. народ. просв., внутреннихъ дѣлъ и финансовъ) выслали массу новыхъ матеріаловъ, относящихся по времени до начала XVIII в., а нѣкоторымъ лицамъ поручено было обозрѣніе историческихъ актовъ на мѣстѣ, какъ *въ Россіи*, такъ и *за границей* [1]).

П. М. Строевъ, съ 1837 г., осматривалъ *Архивъ старыхъ дѣлъ*, находившійся при Сенатѣ въ Москвѣ; извлекъ изъ него около 800 подлинныхъ актовъ и указалъ до 10,000 актовъ, не описанныхъ еще Археогр. коммиссіею; разсматривалъ и сообщалъ матеріалы изъ другихъ *сенатскихъ архивовъ* въ Москвѣ, архива *Московской дворцовой конторы*, преимущественно столбцы, поступившіе туда изъ Оружейной палаты. Матеріалы эти онъ доставлялъ въ Археогр. коммиссію, которая печатала ихъ въ актахъ историческихъ и дополненіяхъ къ нимъ. Князь М. А. Оболенскій сообщалъ акты, извлеченные изъ *Московскаго главнаго архива мин. иностр. дѣлъ* и *Погодинскаго древлехранилища*; Н. В. Калачовъ, находясь въ Москвѣ до 1853 г., доставлялъ списки съ актовъ, хранящихся въ *Архивѣ мин. иностран. дѣлъ* и *Синодальной библіотекѣ;* а въ 1853 и 54 гг. онъ совершилъ археогр. путешествіе по губерніямъ *Владимірской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тверской, Ярославской*, въ которыхъ осмотрѣлъ какъ архивы присутственныхъ мѣстъ, такъ и фамильныя собранія [2]). Изъ этихъ послѣднихъ особенное вниманіе обратили на себя архивы: Шеншина и полковника Головина (въ Москвѣ), матеріалы котораго относились къ XIV—XVII в.; нѣкоторые изъ нихъ дополняли свѣдѣнія о жизни кн. Пожарскаго, кн. Трубецкаго, Авр. Палицына и вообще представляли весьма рѣдкое собраніе документовъ. Въ Курмышскомъ уѣздномъ судѣ Н. В. Калачовъ нашелъ весьма важные акты, доставленные имъ въ Москов. архивъ мин. юстиціи. По порученію коммиссіи, Опацевичъ разсматривалъ

---

[1]) Списокъ архивовъ въ Отч. о занят. Арх. ком. Спб. 1860, стр. 14, 19—22.

[2]) Ibid. 17—18. Историч. замѣтки, собран. въ Орлѣ и Мценскѣ, Калачова; біогр. его въ Словарѣ профес. Моск. ун. I, 366—374.

рукописи *Импер. публичной библіотеки и Румянцовскаго музея*. Коммиссія обратила вниманіе на извлеченіе матеріаловъ изъ бывшаго *Архива уніатскихъ митрополитовъ*, находящагося при св. Синодѣ [1]); изъ Литовской метрики, хранящейся при III-мъ департаментѣ сената въ Петербургѣ; изъ дипломатическаго кодекса матеріаловъ о Россіи и Польшѣ Догеля, принадлежавшаго прежде Виленскому университету (10 т. [2]). Документы изъ нихъ вошли въ собраніе „Актовъ Запад. Россіи". Вскорѣ по учрежденіи Археогр. коммиссіи занялся разборомъ *Архива губернскаго правленія въ Астрахани*—Терещенко и, главнымъ образомъ, учитель астраханской гимназіи Матвѣевъ, доставившій оттуда большое собраніе (до 140) актовъ преимущественно XVII в., въ числѣ которыхъ заслуживали вниманія столбцы о пребываніи въ Астрахани Марины Мнишекъ и Заруцкаго, новыя свѣдѣнія о бунтѣ Стеньки Разина и т. п.; имъ же была доставлена опись этого архива и осмотрѣны архивы приказа общественнаго призрѣнія и соборной ризницы въ Астрахани. Въ *Архивѣ новгородской казенной палаты* оказались весьма важные матеріалы, начиная съ XIV в. (купчія и др. грамоты), большею частью относящіеся къ управленію монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ; сборникъ грамотъ новгородскихъ владыкъ XVI стол. (189 актовъ [3]); писцовыя книги, доставленныя черезъ мин. финансовъ. *Акты кіевской казенной палаты* (XV—XVIII в.), также касавшіеся церковнаго управленія и вотчинъ, были сообщены изъ библіотеки Кіевской духовной академіи, куда они были переданы по желанію митр. Евгенія [4]). Изъ другихъ присутственныхъ мѣстъ были сообщены слѣдующія коллекціи актовъ: столбцы и книги съ царскими указами изъ *Иркутскаго губерн. архива* (всѣ—конца XVII и XVIII ст.); старинные

---

[1]) Отчетъ прот. I. I. Григоровича, Ж. М. Н. Пр. ч. XLIV, 5—12, 71—76; ч. XXXVI, с. 2.

[2]) Записка о нихъ ib. 1842, ч. XXXVI, № 11, сс. 4—5, 16—18. 1843, № 6, с. 79. Въ собраніи Догеля II-й томъ посвященъ отношеніямъ Польши къ Московіи, III-й т.—къ казакамъ, Крыму и Турціи; VI—къ Литвѣ и Руси, VIII—къ Ливоніи и Эстоніи; прочіе—къ западнымъ державамъ. Догель намѣревался издать первые 8 томовъ.

[3]) Зап. о нихъ Бередникова, Ж. М. Н. Пр. 1837, ч. XIII, № 1, с. 88—90. Списки ихъ въ Арх. ком. Новгород. соф. казна, изслѣд. Прилежаева, ib. 1875, чч. CLXXX—CLXXXI и отд.

[4]) Опис. актовъ, принадл. К. Д. ак. Ж. М. Н. Пр. ч. XX, 384—388.

столбцы *Рязанскаго губерн. архива* (преимущественно касающіеся касимовскихъ мурзъ и татаръ); столбцы и тетради *Нерчинскихъ архивовъ*, касающіеся Сибири; 1379 столбцовъ архива *Бѣжецкаго уѣзднаго суда*, относящихся, главнымъ образомъ, къ помѣстнымъ дѣламъ (съ 1630 г.); до 5,000 актовъ *Верхотурскаго уѣзднаго суда*, разсмотрѣнныхъ Строевымъ; около 250 актовъ *Соликамскаго архива* (часть которыхъ была прежде напечатана въ Собр. госуд. грам. и Акт. Экспед.); 300 столбцовъ *Кунгурскаго уѣзднаго суда* (изъ нихъ только часть была признана годною); до 300 старинныхъ столбцовъ *Якутскаго областнаго архива;* 78 столбцовъ *Великолуцкаго уѣзд. суда*, относящихся къ ц. Михаила Ѳед.; 258 грам. *Новгород. губернскаго правленія* XVI в. Въ 1842 г. П. И. Мельниковъ († 1883 г.) осматривалъ архивы *Нижегородскихъ присутственныхъ мѣстъ;* въ архивѣ нижегородскаго губерн. правленія было найдено до 1,100 дѣлъ, преимущественно XVII г. [1]).Въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ *Симбирской губ.* оказались важныя старинныя рукописи; въ архивѣ присутственныхъ мѣстъ *Воронежской губ.*—бумаги, относящіяся къ царствованію Петра В. Военное министерство доставило *изъ Кіева* 38 привилегій польскихъ королей кіевскимъ монастырямъ, XVI—XVIII ст., 117 универсаловъ малоросійскихъ гетмановъ XVII и XVIII ст., 39 жалованныхъ грамотъ и юридич. актовъ русскихъ царей и императоровъ XVI—XVIII ст.; между рукописями *генеральнаго штаба* найдены были отписки *оршинскаго* старосты о событіяхъ, касающихся Россіи и Польши въ XVII ст.

Одновременно съ разысканіями коммиссіи къ ней стали поступать матеріалы отъ частныхъ лицъ. Такъ, были сообщены женою Н. М. Карамзина рукописи, принадлежавшія исторіографу (лѣтописи, житія, сборники, акты, иностранные матеріалы [2]); Н. В. Калачовъ, Н. В. Варадиновъ, С. В. Пахманъ—сообщили юридическіе акты XVI—XVII вв., собранные ими; св. І. С. Белюстинъ—значительное собраніе актовъ разнаго содержанія (купчихъ, мѣновыхъ, жалованныхъ и проч.), начиная съ XV в.; Н. А. Абрамовъ—грамоты, относящіяся къ царствованію Бориса Годунова; В. А. Бибиковъ, А. С. Танѣевъ, В. И Панаевъ—матеріалы изъ фамильныхъ архивовъ; Глѣбовъ-Стрѣшневъ—

[1]) Въ 1849 г. въ коммиссію были отправлены акты, найденные архіеп. Іаковомъ въ подвалахъ нижегор. Печерскаго мон-ря. Нижегор. Сборн. VI, 279.

[2]) Подробная опись ихъ въ Ж. М. Н. Пр. ч. XX, 158—164.

собраніе писемъ Петра В. и Екатерины II; ст. сов. Ивановъ—фамильные матеріалы, принадлежавшіе прежнимъ тобольскимъ воеводамъ; чистопольскій купецъ С. Мельниковъ—списки жалованныхъ грамотъ Строгановымъ XVI—XVIII вв. и др. матеріалы, извлеченные изъ архивовъ Нижегородской губ.; П. И. Савваитовъ 1,315 актовъ (XVI—XVIII в.) церковно-юридическаго содержанія, собранныхъ въ вологодскомъ краѣ; купецъ Берсеневъ—пергаменный Печерскій патерикъ 1406 г., царскій сборникъ грамотъ XVI в. и др. матеріалы. Изъ другихъ лицъ, сообщившихъ матеріалы коммиссіи, упомянемъ: В. А. Борисова, П. Г. Буткова, И. Д. Б[illegible]за, А. Ѳ. Бычкова, Н. В. Елагина, П. И. Иванова, К. Д. [illegible]лина, гр. Мусина-Пушкина, Ѳ. П. Молдинскаго (а[illegible], собранные въ Тверской губ.), Н. И. Надеждина, С. П. Побѣдоносцева, П. С. Савельева, И. М. Снегирева, с. с. Талызина, гр. Уваровыхъ, В. М. Ундольскаго, Д. И. Филимонова, А. Д. Черткова, проф. Д. И. Мейера (завѣщанные имъ Спб. университету—293 акта XVII и XVIII вв.) и проч. Разысканія Археографической коммиссіи доставили свѣдѣнія о многихъ архивахъ и собраніяхъ рукописей, значительно потерпѣвшихъ отъ времени и не представлявшихъ болѣе исторической важности. Такъ въ Архангельской казенной палатѣ, въ губерніяхъ Смоленской, Калужской, Тамбовской, Владимірской, Орловской, Курской, Рязанской, Пензенской, Оренбургской и нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ вовсе не оказалось древнихъ актовъ и столбцовъ, заслуживающихъ вниманія [1]); въ архивахъ Войска Донскаго нашлись только позднѣйшія дѣла; въ Харьковскомъ губерн. правленіи весьма мало старинныхъ актовъ [2]). Впрочемъ, многія изъ мѣстныхъ грамотъ были находимы потомъ въ частныхъ рукахъ (см. предисл. къ актамъ Казанскаго края, Мельникова), а другіе, при болѣе тщательныхъ поискахъ, были разысканы и изданы въ свѣтъ, какъ было напр. въ архивахъ Воронежской губ. [3]).

Уже въ началѣ своей дѣятельности коммиссія обратила вниманіе (1836—1838) на *архивы западной и юго-западной Россіи*. Въ 1837 г. были доставлены ей гродненскимъ вице-губернаторомъ древніе доку-

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1838, ч. XVIII, 524; 1837, ч. XV, № 9, 568; 1839, ч. XXII, № 6, 114; 1840, ч. XXVII, № 7, с. 4.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1838, ч. XIX, 645; 1841, XXXII, 13.

[3]) См. Воронеж. акты, изд. Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ 2-е изд., 1850—1853 г., 3 т., и Петровскіе акты, В. 1872.

менты на русскомъ, польскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, найденные въ конфискованномъ имѣніи кн. Сапѣги—Деречинѣ [1]), заключающіе въ себѣ весьма важные матеріалы для исторіи Ливонскаго ордена съ 1227—1576 г. и акты 1646—1760 гг., относящіеся къ исторіи Россіи и Польши, вслѣдъ за чѣмъ приступлено было къ разбору архивовъ присутственныхъ мѣстъ Гродненской губ., ковенскаго магистрата, архивовъ присутственныхъ мѣстъ Бѣлостокской области; бѣльской, могилевской и кіевской городскихъ думъ (въ послѣдней найдено было до 100 грамотъ и универсаловъ); архивовъ подольскаго губерн. правленія и др. присутственныхъ мѣстъ, каменецкаго магистрата [2]), витебской казенной палаты. Д. с. с. Карлгофъ сообщилъ коммиссіи о гродскихъ и земскихъ книгахъ, хранящихся въ луцкомъ архивѣ (это были акты и грамоты времени Сигизмунда III и Владислава IV, между прочимъ *на русскомъ языкѣ*, западно-русскій синодикъ, посланія П. Могилы и т. п.) и значительное собраніе старинныхъ бумагъ въ Луцкѣ, Кременцѣ, Млыновѣ, Жидячинѣ и Вишневцѣ —у кн. Мнишка [3]). Въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губ. былъ открытъ архивъ Плоцинскихъ [4]). Рукописи историческаго содержанія, принадлежавшія прежде Виленскому университету, были переданы въ археогр. коммиссію [5]). Въ 1840 г. былъ разсмотрѣнъ архивъ Виленскаго трибунала [6]), а въ концѣ 1842 г. учреждена „Временная коммиссія“ въ Вильнѣ, при тамошнемъ Статистическомъ комитетѣ, на обязанности которой лежало разсмотрѣніе мѣстныхъ матеріаловъ и пересылка ихъ въ Археографич. коммиссію. Такимъ образомъ были сообщены ей акты бывшей скарбовой коммиссіи, вошедшіе въ составъ Актовъ Запад. Россіи [7]), а въ 1843 г. эта коммиссія издала уже собственный сборникъ мѣстныхъ матеріаловъ, о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Прот. Григоровичъ пожертвовалъ Арх. ком. матеріалы западно-русскаго края, предназначавшіеся для II и др. томовъ „Бѣлорусскаго архива“ и вошедшіе потомъ въ собраніе „Актовъ Запад. Россіи.“

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1837, ч. XIII, № 3, стр. 620.

[2]) Ibid. 1837, ч. XV и XVI, № 6, 9, 10.

[3]) Ibid. 1839, ч. XXIII, с. 12—13 и 1839, ч. XXIV, № 11, с. 42.

[4]) Ibid. 1839, ч. XXII, № 5, с. 67.

[5]) Ibid. 1839, ч. XXI, № 3, 138.

[6]) Ibid. 1841, ч. XXXII, 22.

[7]) Ibid. 1844, ч. XLIII, 5.

Не менѣе важные матеріалы были почерпнуты коммиссіей изъ *архивовъ прибалтійскаго края*. Учителемъ Закревскимъ были ей доставлены копіи съ коллекціи актовъ, хранящихся въ Ревельскомъ архивѣ и у частныхъ лицъ (съ нач. XV в. до XVI), заключавшія въ себѣ новгородскія и другія грамоты [1]), а извѣстнымъ ученымъ К. Э. Напіерскимъ было представлено собраніе грамотъ Рижскаго, Ревельскаго и Кенигсбергскаго архивовъ (всего 392 грам., послѣднія въ копіяхъ, снятыхъ для лифлянд. дворянства и хранившихся въ Ригѣ). Онѣ относятся къ XII—XVI вв., писаны на нижне-нѣмецкомъ, русскомъ и латинскомъ языкахъ и касаются Риги, Полоцка, Пскова, Новгорода, Литвы и ихъ сношеній съ Ганзою [2]). Кромѣ того, онъ же доставилъ, при посредствѣ бар. Мейендорфа, роспись документовъ Мергентгеймскаго архива, относящихся къ ливонскимъ дѣламъ 1710—1758 гг. и связку дѣлъ о посольствѣ Ливонскаго ордена въ 1560 г. на Шпейерскій сеймъ, по случаю войны съ Москвою [3]), а также реестры документовъ Штутгардтскаго архива [4]), относящихся къ русской исторіи, Виртембергскаго дворцоваго и государственнаго архивовъ, пріобрѣтенныхъ лифляндскимъ дворянствомъ [5]).

Между тѣмъ продолжался осмотръ *иностранныхъ архивовъ и библіотекъ*. Такъ, были разсмотрѣны архивы: въ Гамбургѣ, при содѣйствіи извѣстнаго ученаго Лаппенберга, и въ Берлинѣ (гдѣ оказалась лишь одна грамота вел. кн. Василія Ив., 1518 г., на пергаменѣ)—Я. М. Невѣровымъ, но ему не удалось проникнуть въ Любекскій архивъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что все, что относилось къ Россіи, было уже сообщено гр. Румянцову [6]). Иностранныя библіотеки были разсмотрѣны С. М. Строевымъ, издавшимъ въ 1841 г. „Описаніе памятн. слав. рус. литературы, хранящихся въ публичныхъ

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1846, LII, 35—37.

[2]) Ib. т. 1852, LXXVI, 37.

[3]) Ib. т. XXIII, 11.

[4]) Ib. т, XX, 372—76, ч. XXI, № 3, 141.

[5]) Ib. 1843, XXXVIII, 33. Ср. Ж. М. Н. Пр. 1839, № 6, стр. 113.

[6]) Сообщеніе Невѣрова въ Ж. М. Н. Пр. 1837, № 9 и 10. Впрочемъ нѣсколько позже, по матеріаламъ, находящимся въ Любекѣ, составилъ статью русскій консулъ Несторъ фонъ-Шлецеръ, сынъ Авг. Шлецера, ib. т. XXII с. 1—16; Ср. Urkundenbuch der Stadt Lübeck, ч. I, 1843, ib. XLV (реценз. его же), стр. 123—142.

библіотекахъ Германіи и Франціи" [1]).—Профессоръ Гельсингфорскаго Александровскаго университета, М. С. Соловьевъ, обозрѣлъ въ 1838—39 гг., при содѣйствіи рус. правительства, въ Стокгольмѣ—королевскій тайный архивъ съ помощію профес. Магнусена, государственный архивъ и библіотеки—королевскую, шведской академіи наукъ, академіи словесности, исторіи и древностей; въ провинціяхъ: Лундскую университетскую и частныя собранія: Скуклестерскую гр. Браге, съ архивомъ, Упсальскую университетскую, Тидескую бар. Риддерстолпе, Готтенбургскія—соборную и городской ратуши, Линчепингскую, Векшёсскую и Кольмарскую—гимназическія, въ Скопіи—архивъ и библіотеку гр. Делагарди. Находки Соловьева заслуживаютъ особеннаго вниманія: онъ открылъ тамъ уставную грамоту XII в.; въ государственномъ стокгольмскомъ архивѣ—Делагардіевское собраніе актовъ, вывезенныхъ изъ Новгорода въ началѣ XVII ст., въ Упсалѣ нашелъ и списалъ сочиненіе Котошихина. Вообще, въ Швеціи имъ найдена масса документовъ, относящихся къ юго-западной и сѣверо-восточной Россіи въ XVI—XVIII в., на латинскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ: изъ нихъ въ особенности важны,—относящіеся къ исторіи смутнаго времени (между прочимъ столбцы Смоленскаго приказа и бумаги лагеря Сапѣги и Тушинскаго самозванца, захваченныя шведами). Дипломатическіе акты шведскаго архива были извлечены за время 1340—1780 г. (донесенія шведскихъ пословъ, переговоры и описанія Россіи).

Въ Копенгагенѣ Соловьевымъ были осмотрѣны: большая королевская библіотека, тайный архивъ (въ которомъ хранится дипломатическое собраніе актовъ о сношеніяхъ Россіи съ Даніей на рус., латин., датск. и франц. языкахъ), библіотеки—университетская и Классенская. Матеріалы, извлеченные Соловьевымъ въ Швеціи и Даніи, составляли до 1,000 листовъ мелкаго письма [2]). Д. Зубрицкій и В. А. Мацѣевскій до-

---

[1]) Кромѣ церковныхъ книгъ въ нихъ были отысканы: Русская лѣтопись XVI в. (сходная съ Синод. списк.), принадлежавшая стольнику Щербатову (съ 1354—1541 г.). Разрядная книга 1543—79, Степенная книга въ спискѣ XVIII в. (довед. до 1563 г.), хронографы, космографіи, сборники и т. п. Дополненіе къ соч. Строева напечаталъ от. Мартыновъ: Les Manuscrits slaves de la Bibliothèque Impériale de Paris avec un calque. P. 1858.

[2]) Изъ шведскихъ и датскихъ реляцій заслуживаютъ вниманія: извѣстія Юстена о дѣлахъ ц. Ивана IV (было издано еще Эверсомъ въ Sam-

ставили собраніе западно-русскихъ актовъ и свѣдѣнія о *галицко-польскихъ* архивахъ и библіотекахъ. А. И. Тургеневъ пріобрѣлъ экземпляръ выписокъ, сдѣланныхъ ученымъ аббатомъ Альбертранди въ *Ватиканскомъ архивѣ* и *римскихъ библіотекахъ*, на латинскомъ, италіанскомъ и польскомъ языкахъ для историка Нарушевича, по желанію польскаго короля Ст. Августа, который подарилъ подлинную рукопись русскому посланнику въ Варшавѣ Я. И. Булгакову, а отъ него она досталась Тургеневу; но послѣдній извлекъ также много другихъ актовъ изъ различныхъ библіотекъ—въ *Италіи, Германіи, Франціи, Англіи, Даніи и Швеціи*. Документы эти обнимаютъ время 1075—1719 гг. [1]). Въ 1844 г. гр. С. С. Уваровъ пріобрѣлъ въ Римѣ списки съ дипломатическихъ бумагъ Поссевина, хранящихся въ Ватиканскомъ архивѣ [2]). Были доставлены также акты, касающіеся Литвы, Польши, Ливонскаго ордена и ганзейской торговли изъ архивовъ Торнскаго, Висмарскаго (два докумен. 1422 г. о сношеніяхъ русскихъ городовъ съ Ганзою [3]), Бременскаго и тайнаго Кенигсбергскаго [4]), Львовскаго городскаго, Львовской греко-уніатской капитулы и Ставропигіальнаго института; библіотеки гр. Оссолинскихъ во Львовѣ, Перемышльскаго епархіальнаго архива; изъ архивовъ частныхъ лицъ въ Галиціи: гр. Александра Пршездѣцкаго, гр. Фел. Тарнов-

---

mlung'ѣ), путешествія датскихъ принцовъ Іоанна и Вальдемара въ Россію, реляціи о новгородскомъ и псковскомъ бунтѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ, донес. датск. послан. Габеля 1676 г., сказаніе Бутенанта о стрѣлецкомъ бунтѣ и сочиненіе Мальма о Россіи въ цар. Петра В.

Описаніе разысканій и коллекціи Соловьева, см. Ж. М. Н. Пр. ч. XVI, № 12, 649—361; ч. XX, 572—576, 378; ч. XXI, № 3, 106—128; ч. XXV, 53; 1840; XXVI, 15—22; 1849 LXIII, 32—35.

[1]) Перечень документовъ Тургенева Ж. М. Н. Пр. 1839, № 11, 48—49 и Акты иностр., изд. Археогр. ком. т. I и II и дополн.

Выписки его же, извлеч. изъ Парижск. архива и представляющія извѣстія о Россіи въ цар. Петра В. и Екатерины I, напеч. въ Ж. М. Н. Пр. ч. XXXVII и XLI.

[2]) Коллекція кард. Марино-Марини, ib. 1844, ч. XLIII, 6—12.

[3]) Ж. М. Н. Пр. ч. XX, 383.

[4]) Копіи съ документовъ Кенигсбер. архива, снятыя для лифлянд. дворянства, находились въ Рижскомъ архивѣ, а снятыя для курляндскаго дворянства, заявившаго о своей несостоятельности уплатить за нихъ, были отданы импер. Александромъ I въ Моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ (Ж. М. Н. Пр. 1839, № 3, 135). Перечень ихъ ib. ч. XX, 372—376, ч. XXI, № 3, 133.

скаго въ Диковѣ, гр. Дѣдушицкихъ, Сѣнявскихъ [1]). Вообще, въ коммиссію были доставлены матеріалы многими частными лицами [2]).

Уже въ 1859 г. количество столбцовъ, находившихся въ распоряженіи коммиссіи, доходило до 15000. Число лѣтописей, бывшихъ въ ея распоряженіи и оказавшихся годными къ употребленію, простиралось до 168. Но съ тѣхъ поръ дѣятельность коммиссіи значительно расширилась: она увеличилась наличными силами; средства ея умножились частными пожертвованіями; сношенія съ русскими и иностранными учеными и разысканія въ архивахъ и библіотекахъ, преимущественно русскихъ, а также и иностранныхъ, получили дальнѣйшее развитіе. Такъ, Я. Ѳ. Головацкій сообщилъ въ коммиссію собраніе грамотъ XV—XVI вв., писанныхъ на русск. языкѣ въ Буковинѣ [3]) и *молдаво-влахійскія грамоты XV—XVI вв.* [4]), важныя для оцѣнки русскаго элемента въ тамошнемъ краѣ въ этотъ періодъ; Ю. В. Толстой доставилъ свѣдѣнія о грамотахъ XVI в., находящихся въ *лондонскихъ* архивахъ и библіотекахъ [5]); секретарь Сѣвернаго общества антикваріевъ К. Х. Рафнъ предложилъ напечатать собраніе актовъ, извлеченныхъ имъ и ученымъ финномъ Магнусеномъ изъ *шведскихъ архивовъ*, важное для исторіи русской торговли въ XVI в. [6]);

[1]) Донесенія Мацѣевскаго о галицкихъ архивахъ и библіотекахъ (Ж. М. Н. Пр., ч. XX, 389—391); о документахъ Диковскаго архива, доставленныхъ въ копіи Шафарикомъ, съ письмомъ о нихъ Головацкаго (ib. XL, 68; XLIII, 17); о документахъ Диковскаго, Сѣнявскаго (кн. Чарторижскихъ) и др. архивовъ, записка Мацѣевскаго (ib. LII, 17—27, 40—42); о сообщеніяхъ Зубрицкаго съ 1843—46 г. (болѣе 100 актовъ на рус., польск. и латин. яз., XIV—XVII в., въ подлинникахъ и спискахъ, изъ разныхъ библіотекъ и архивовъ, ib. LII, 33—34); позднѣйшія сообщенія (чч. LV, LX, LXVI). Свѣд. о нѣмец. библіотекахъ, правительственныхъ и церковныхъ, преимущественно о церков. книгахъ (ч. XX, 391—398). Въ 1838 г. въ Вѣнск. госуд. архивѣ списывались дѣла о снош. Россіи съ Австріею (ib. 393).

[2]) Перечень архивовъ, библіотекъ и частныхъ лицъ, доставившихъ матеріалы, см. въ Отчетахъ коммиссіи за 1834—1859 гг., 19—24, и Лѣт. занят. Археогр. ком. I, стр. 7—8 (протоколы). Дальнѣйшія пріобрѣтенія указаны въ протоколахъ коммиссіи (Лѣт. занят. Арх. ком., вв. III—VIII).

[3]) Лѣт. занят. Арх. ком., III, 26—27.

[4]) Ibidem IV, 26.

[5]) Ibidem VI, 33—35.

[6]) Ibidem I, 30.

Р. И. Минцлофъ указалъ на акты *Данцигскаго* городскаго архива, относящіеся къ Россіи съ XIV—XVII в., въ числѣ которыхъ находятся интересные матеріалы о времени Д. Самозванца и акты, относящіеся къ исторіи Ковенской конторы въ XIV—XVI ст., регесты и списки которыхъ хранятся въ Археогр. коммиссіи [1]). Коммиссія входила въ сношенія съ *Гамбургскою* городскою библіотекою о рукописи, касающейся Отрепьева [2]); П. А. Мухановымъ были сообщены депеши д'Арпажу изъ *Архива иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ* [3]). Гораздо обширнѣе были, конечно, дѣйствія коммиссіи внутри Россіи. Такъ, при участіи завѣдывавшаго *Архивомъ мин. юстиціи* П. И. Иванова, Н. В. Калачова и Н. И. Костомарова были разсмотрѣны и издаваемы постепенно столбцы Устюжской воеводской канцеляріи XVII в., предположенные было къ уничтоженію [4]); юридическіе акты южной и западной Россіи [5]); акты о городахъ и писцовыя книги [6]); приказныя книги XVII в. [7]); записныя книги [8]) и переписная книга москов. соборной церкви Успенія [9]). Завѣдывавшій моск. архивомъ иностранныхъ дѣлъ, кн. М. А. Оболенскій, Калачовъ, Костомаровъ и Карповъ занимались въ *Арх. мин. ин. дѣлъ* и *юстиціи* извлеченіемъ малороссійскихъ и польскихъ дѣлъ [10]); актовъ южной и западной Россіи [11]); приказныхъ дѣлъ и боярскихъ книгъ XVII в. [12]); Тимоѳеевъ—актовъ о выѣздѣ въ Россію иностранцевъ, въ XVII в., приказныхъ дѣлъ XVI и XVII вв., монастырскихъ актовъ XVI и XVII вв., о сношеніяхъ Россіи съ Персіею въ XVII в., крымскихъ дѣлъ XV и XVI вв., ногайскихъ дѣлъ XV—XVI в. [13]). Изъ *Государственнаго архива*, состоящаго въ вѣдѣніи мин. ин. дѣлъ и находящагося въ Петербургѣ, извлекались: переписка ц. Алексѣя Михайловича (изъ приказа тайныхъ дѣлъ) и дѣло патр. Никона (съ дополн. изъ библіот. Троицко-Сергіев. ризницы) Ю. Ѳ. Штендманомъ [14]); изъ архива *Оружейной палаты* —дѣло Шакловитаго [15]), съ дополн. изъ фамильнаго арх. фельдмар. кн. А. И. Барятинскаго [16]). Разсматривались: *сенатскія* дѣла, предназначенныя было къ уничтоженію [17]); тарханныя и несудимыя гра-

[1]) Лѣт. зан. Арх. ком. I, 16—17. [2]) Ibid. V, 106. [3]) VI, 21.
[4]) Ibid. I, 11 и 17—352 столбца. [5]) II, 3. [6]) III, 18.
[7]) Ibid. VI, 129—133. [8]) II, 9. [9]) VI, 66. [10]) I, 18—19, 31.
[11]) Ibid. III, 3. [12]) III и IV. [13]) VI, 121—129.
[14]) Ibid. VI, 106, 115. [15]) III, 3—4.
[16]) Ibid. VI, 62. [17]) V, 2.

моты съ XV в., хранящіяся въ Москов. сенатскомъ архивѣ (т. е. *мин. юстиціи* [1]); дѣла *Синодальнаго* архива [2]); документы *черниговскихъ* и *полтавскихъ* архивовъ, извлеченные А. М. Лазаревскимъ [3]); матеріалы по исторіи юго-западнаго края и литературы въ періодъ владычества Польши изъ библіотекъ: *Синодальной, Импер. публичной, Академіи Наукъ* (изданы: Дневники Люблинскаго сейма и осады Пскова, матеріалы по исторіи сѣверо-западн. края въ XVI—XVIII вв.)—Кояловичемъ, Костомаровымъ и Гильтебрандтомъ [4]); архивъ *Департамента иностранныхъ исповѣданій* мин. внутр. дѣлъ [5]); библіотека *Кіев. духовной академіи*; *варшавскія*—королевская и частныя библіотеки и архивы тамошнихъ монастырей, преимущественно по исторіи самозванцевъ, Костомаровымъ [6]); доставлены акты монастырей Переславля Залѣсскаго [7]) и ризницы Троицко-Сергіевской лавры [8]). Коммиссія продолжала командировать для осмотра нѣкоторыхъ архивовъ своихъ членовъ: такъ, Н. И. Костомаровъ осматривалъ архивы юго-западной Россіи и извѣстный *Несвижскій архивъ*; А. Ѳ. Бычковъ—архивы центральныхъ губерній, преимущественно *монастырскіе* [9]); Е. Е. Замысловскій—архивъ *Флорищевой пустыни* [10]). Въ коммиссію сообщены свѣдѣнія о *Виленскомъ* архивѣ Н. И. Горбачевскимъ [11]); объ архивахъ *екатеринбургскихъ*—Н. К. Чупинымъ [12]); о важныхъ въ юридическомъ отношеніи актахъ *Палеостровскаго* монастыря, съ XIV в.—проф. А. В. Лохвицкимъ [13]); о рукописяхъ *Данилово-Лексинскихъ* монастырей и хранилища при архіер. домѣ въ въ Петрозаводскѣ В. Н. Майковымъ [14]). Коммиссія обратила также вниманіе на *судебные архивы*, предназначенные къ разбору по случаю упраздненія старыхъ судебныхъ мѣстъ [15]).

---

1) Лѣт. зан. Арх. ком., IV, 66, 121, 133. 2) Ibid. V, 171. 3) VI, 77.

4) Ibid. VI, 72; V, 113, 129.

5) Архивъ Бочарелли по исторіи Ливоніи въ XIII и XIV вв. Минцлофомъ (I, 18).

6) Ibid. II, 2; IV, 11.

7) Собр. свящ. Свирѣлинымъ и сообщ. еп. влад. Антоніемъ, V, 15.

8) Копіи Диттеля, ib. V, 55, 61.

9) Ibid. V, 15, 19, 21. Подробное описаніе Несвижскаго архива напеч. тамъ же (в. V, 1—80).

10) Ibid. V, 35—38, 52—54. 11) V, 51, 64—74. 12) Ibid. 106—107.

13) Ibid. IV, 43—45. 14) Ibid. VI, 99. 15) IV, 4, 36.

Частныя сообщенія актовъ и свѣдѣній объ архивахъ, вызванныя пробудившимся интересомъ къ изученію старины, получили болѣе широкое значеніе. Такъ, коммиссія пріобрѣла: коллекцію западно-русскихъ актовъ сенатора А. Я. Стороженка, курмышскіе акты XVII в. (отъ А. К. Толстого), акты по управленію имѣніями князей Черкаскихъ, XVII—XVIII вв., акты и лѣтописи южно-русскія (отъ П. А. Кулиша [1]); фотографическіе снимки русскихъ грамотъ XVII в. и славянскихъ XIII в., съ Аѳона, отъ П. И. Севастьянова; акты Чугуевской приказной избы 1692 г.; сборникъ грамотъ удѣльныхъ князей XIV—XV в., найденный въ бумагахъ т. с. К. М. Бороздина, собранныхъ имъ во время археогр. поѣздки въ началѣ XIX в.; акты Вологодскаго края (XVII—XVIII в.), собранные Н. И. Суворовымъ [2]) и опись вологод. актовъ изъ рукоп. архіеп. Иннокентія; акты XVII и XVIII в., отъ В. В. Вельяминова-Зернова и Якутскаго острога XVII в., отъ В. В. Яковлева [3]); акты юридическіе, сообщенные разными лицами, въ томъ числѣ книгу *о горномъ дѣлѣ* начала XVIII в. [4]) и большое собраніе такихъ же актовъ, XVI—XVIII в., отъ М. И. Семевскаго [5]); церковные уставы древнихъ князей, лѣтописи—Новгородскую и Нижегородскую, Нижегородскую писцовую книгу и грамоты; копіи съ карты Ремезова [6]); описи городовъ Торжка и Бѣлозерска [7]); коллекцію сибирскихъ актовъ Г. С. Батенкова [8]); дѣла о бѣглыхъ, окладные листы Курмышскаго уѣзда, извлеченные изъ тамбовской писцовой книги XVII в., отъ Н. Я. Аристова [9]); коллекцію актовъ П. А. Якубовича, относящихся къ западному краю XVI—XVII в. (жалован. грам., судн. списки, приходо-расходн. книги, переписка); владѣльческіе акты съ начала XVIII в., отъ А. И. Артемьева [10]); коллекцію А. В. Терещенка, изъ Варшавскаго короннаго архива, библіотекъ—гр. Сѣраковскаго въ Варшавѣ и гр. Оссолинскихъ во Львовѣ, въ числѣ которыхъ много матеріаловъ о смутномъ времени и списки съ подлинныхъ грамотъ Д. Самозванца [11]); коллекцію актовъ псковскаго края XVII в. А. Ѳ. Бычкова (свыше 600 актовъ [12]); акты о заселеніи Сибири въ XVIII в., собранные въ сибирскихъ архивахъ и переданные въ Москов. историч. общество; переписку

[1]) Лѣт. зан. Арх. ком. I, 24—25. [2]) I, 25—35.
[3]) Ibid. I, 27—28, 38—42; III, 3—8; 29, 30.
[4]) Ibid. I, 15, 19, 34, 37, 42; II, 1—4. [5]) Ibid. IV, 32.
[6]) Ibid. I, 37, 43, 44. [7]) I, 15; II, 4. [8]) II, 6—8.
[9]) Ibid. III, 24. [10]) Ibid. IV, 7, 27. [11]) Ibid. III, 4—19.
[12]) Ibid. V, 133—136 и др.

гетмана Яна Сапѣги (1609—27 гг. [1]); коллекцію западно-русскихъ актовъ Ходоровича [2]); акты XVII—XVIII в. и описную книгу Мстеры, по вотчин. управлен. гр. Головкиныхъ, сообщенные И. А. Голышевымъ [3]); вѣдомость о нерчинскихъ заводахъ въ началѣ XVIII в., сообщ. В. П. Титовымъ [4]); фамильные документы о служиломъ человѣкѣ Даудовѣ, Н. Н. Селифонтова [5]); приходо-расходную книгу Корниліевскаго-комельскаго монастыря; акты семейнаго архива В. П. Юрлова, Симбирской губ., всего 379 актовъ, XVII—XVIII в., преимущественно вотчинныхъ [6]); акты Архангельскаго края XVII—XVIII в., сообщенные П. Ефименкомъ; акты Клименцкаго монастыря [7]); акты Рязанскаго края церковно-историческаго содержанія, собранные свящ. И. М. Сладкопѣвцевымъ и сообщенные архіеп. Алексіемъ, XIV—XIX в. [8]); интересную челобитную расколоучителя Авраамія; коллекцію актовъ Вологодскаго края (до 3000 столбцовъ) купца Ѳ. Михайлова; церковные и монастырскіе акты, сообщенные свящ. М. И. Горчаковымъ [9]); приходо-расходныя книги домовой казны холмог. архіеп. Аѳанасія за 1687—1696 г.—отъ П. С. Ефименка [10]); докум., собран. въ иностр. библіотекахъ и архивахъ—Ѳ. И. Успенскимъ [11]); свыше 425 старин. актовъ коряжем. Николаев. мон. XVI—XVIII в., пріобр. отъ Н. Г. Ордина [12]) и др. Открыта новая лѣтопись западно-русская —Авраамки [13]), представленная въ ком. М. О. Кояловичемъ, и сообщены—лѣтопись Нижегородская и сказанія (сборн.) о томъ же краѣ—К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ [14]).

Со времени своего открытія коммиссія должна была издавать матеріалы, относящіеся къ Россіи. Главными редакторами по изданію лѣтописей были сначала—Я. И. Бередниковъ, съ 1854 года—А. Ѳ. Бычковъ; для историко-юридическихъ актовъ—М. А. Коркуновъ и пр. І. Григоровичъ, съ 1858—Н. В. Калачовъ и А. И. Тимоѳеевъ; для иностранныхъ—А. Х. Востоковъ, съ 1845 г. В. Д. Комовскій, съ 1849 г.—А. А. Куникъ. По настоящее время коммиссія издала:

Полное собр. лѣтописей (Лаврентьев. списокъ древн. лѣтописи съ продолженіемъ его, Троицкая лѣт., Ипатьевскій списокъ: лѣт. Кіев. и Волынская; Густин. лѣт., четыре Новгородскихъ, двѣ Псковскихъ, двѣ Софій-

---

1) Лѣт. зан. Арх. ком. IV, 47—48. 2) V, 3—4. 3) V, 5, 38. 4) V, 30. 5) V, 76.
6) Ibid. V, 80—83, 159. 7) VI, 43, 79. 8) 437 документовъ (VI, 84).
9) Ibid. VI, 96—98, 100—101. 10) Ibid. в. VII, 32—33.
11) Ibid. VIII, 19—21 (напеч. въ VIII т. Рус. ист. Библ)..
12) Ibid. VIII, 32—33, 44.
13) IV, 35; ср. 37. 14) V, 33.

скихъ, Рус. лѣт. по Воскресенскому списку, Тверская, лѣт. Авраамки, два тома Никоновской), Спб. 1841—1889 г.—12 томовъ. Общій указатель именъ (къ I—VIII тт. А—I). Съ 1871 г. вновь были изданы: Лавр., Ипат., 1-я, 2-я и 3-я Новгор. лѣт., подъ ред. А. Ѳ. Бычкова, С. Н. Палаузова и П. И. Савваитова, съ дополн. и указат., и фотографическимъ способомъ списки: Лаврент., Ипат., Синод.—Новгородской.

Акты историческіе, 5 томовъ (1841—42 г., подъ ред. С. Строева, прот. Григоровича и Коркунова), съ 1334—1700 годъ, важнѣйшихъ матеріаловъ для внутренней исторіи Россіи (съ указателемъ).

Дополненія къ актамъ историческимъ (съ 1846—72 г., ред. Бередникова, Коркунова, Калачова и Тимоѳеева), 12 тт., начиная съ X в. до царств. Петра Вел. (по 1700 г.), съ указателемъ.

Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи (со включеніемъ полемическихъ сочиненій XVI в., 1846—53 г., 1-е четыре ред. І. Григоровичъ, 5-й—И. Тарнава-Боричевскій), 1340—1699 г.

Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, 14 томовъ, 1361—1678 гг. (1863—89, ред. Н. И. Костомарова и Г. Ѳ. Карпова).

Акты историческіе, относящіеся до Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ А. И. Тургеневымъ, 2 т. (ред. Востоковъ).

Дополненія къ нимъ—акты, пріобрѣтенные С. С. Уваровымъ и др. (ред. І. Григоровичъ и В. Д. Комовскій). Всѣ три—1841, 1842, 1848 гг.

Акты юридическіе—собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства съ XIV в. по 1706 г., 1838 (ред. Бередникова), съ указателемъ.

Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи съ полов. XIII в.—1700 г., 3 тома, 1857—1888 гг. (ред. Калачова).

Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи (т. I—хроники Буссова и Петрея; т. II—соч. Геркмана и Массы, ред. Куника и Минцлофа),—важны для исторіи смутнаго времени. Послѣднія два изданы и въ рус. переводѣ (съ планомъ Москвы) подъ ред. Замысловскаго.

Грамоты, касающіяся до сношеній Россіи съ Ригою и ганзейскими городами, въ XII—XIV в. (1857, найден. въ Риж. арх. К. Э. Напіерскимъ и изд. Куникомъ и Коркуновымъ), съ 8 литогр. снимк.

Русско-ливонскіе акты. Акты XII—XVII в., собр. имъ же (на рус., латин. и нѣм. яз.), 1868, изд. подъ ред. А. А. Куника.

Письма русскихъ государей, 1526—1658 гг. (ред. кн. М. А. Оболенскаго, Москва, 1848 г.).

Новгородскія писцовыя книги, XV—XVI вв.,—статистико-экономическое описаніе новгородскихъ пятинъ—Деревской, Вотской и Ше-

лонской (изд. П. И. Савваитовымъ и А. Н. Тимоѳеевымъ), 4 тома, Спб. 1859, 1862, 1868, 1886.

Писцовыя книги Ижорской земли, на шведскомъ языкѣ, съ шведскою картою XVII в. (А. А. Куникомъ), Спб. 1862.

Документы, объясняющіе исторію Западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ, XVI—XVIII в., съ переводомъ на франц. языкъ и 3-мя картами. Спб. 1865 (ред. М. О. Кояловичемъ).

Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г. Соединеніе вел. кн. Литовскаго съ корол. Польскимъ, по рукописи Импер. публичной библіотеки, сличенной съ рук. Ген. штаба и варіантами по изд. Дзялынскаго (польскій текстъ съ переводомъ на рус. яз. М. О. Кояловича).

Путешествіе игумена Даніила по Святой землѣ, въ началѣ XII вѣка (ред. А. С. Норова, Спб. 1864).

Путешествіе новгород. архіеп. Антонія въ Царьградъ, въ к. XII стол. (ред. П. И. Савваитова, Спб. 1872).

О Россіи въ царствованіе Алексѣя Мих. Котошихина, 1-е изд. 1841, ред. Бередникова; 2-е 1859, ред. Коркунова и Калачова; 3-е 1884, ред. А. И. Тимоѳеева.

Выходы царей Мих. Ѳед., Алексѣя Мих. и Ѳед. Ал., изд. на счетъ Царскаго, въ пользу Археографич. ком. П. М. Строевымъ, 1844 г., съ весьма важными указателемъ и объясненіями—историческими, топографическими, реальными и филологическими.

Великія Минеи-Четіи, 6 вып., 1862—80 (сент. и окт.), подъ ред. Савваитова, Палаузова и Кояловича (Сказанія о русскихъ и славянскихъ святыхъ—извлеченія изъ нихъ, 2 вв.).

Собраніе русскихъ медалей (1840—46 г.), бывшихъ до времени Петра В. и далѣе до царствованія импер. Николая I включительно, въ 5 вып.

Матеріалы для историко-географическаго атласа Россіи (2 карты Европы XV в.), Спб. 1871.

Русская историческая Библіотека 1872—89 г., 11 тт. (матеріалы для исторіи смутн. времени—польскіе дневники и рус. акты; русскіе акты XIV—XVII вѣковъ; акты Иверскаго валдайскаго мон. 1582—1706, относящіеся между прочимъ къ патр. Никону; церковные уставы и описи; Александроневская лѣтопись, важная для времени Ивана Грознаго; памятники русскаго каноническаго права—сборникъ документовъ съ XI по XV вѣкъ; памятники полемической литературы въ Западной Россіи; докум. о выѣзжихъ въ Россію иностранцахъ; акты, относ. до Сибири; посольство Ив. Желябужскаго къ седмиград. воев. Ракочію и

литовск. полк. Ждановичу 1657; акты изъ иностр. арх. XI—XVI стол.; приходо-расход. книги Казен. приказа; записныя книги Моск. стола). Редакція ея принадлежитъ: М. О. Кояловичу, А. И. Тимоѳееву, П. А. Гильтебрандту, А. Н. Труворову, А. С. Павлову.

Розыскныя дѣла о Ѳед. Шакловитомъ и его сообщникахъ, ред. А. Труворовымъ, 3 тт., 1884—1888, предполагается еще 4-й т.).

Рейнгольда Гейденштейна Записки о Московской войнѣ 1578—1582. Перев. съ латин. Спб. 1888.

Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. церкви, составл. П. Строевымъ, Спб. 1877.; *Указатель къ Степен. книгѣ*, сост. Л. Н. Автократовъ, съ родосл. росписями рус. князей. Спб. 1883.

Чертежная книга Сибири 1701 г. (атласъ С. Ремезова, съ прилож.), изд. посредствомъ фотолитографіи, Спб. 1882.

При содѣйствіи же коммиссіи, на частныя средства, изданы были: *Краткая сибирская лѣтопись* (кунгурская) facsimile, съ 154 рис., ред. А. И. Тимоѳеевымъ (Спб. 1882 [1]); *Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка*, ред. имъ же (2 тт., 1700—1824), Спб. 1883 — 1885; *Кунгурскіе акты XVII вѣка* (1668—99), ред. А. А. Титовымъ 1888.

Описанія библіотекъ и рукописей, небольшія коллекціи актовъ и отдѣльные памятники, а также сообщенія о нихъ и свѣдѣнія о дѣятельности Арх. коммиссіи печатались въ Журн. Мин. Нар. Пр. (полнѣе изданы въ *Прот. засѣд. Арх. к.* 1835—1849 г., 2 в., 1885—86) и *Лѣтописи занятій Археогр. коммиссіи* (1862—1888 г., 8 вып.).

Разсматривая дѣятельность коммиссіи въ научномъ отношеніи, слѣдуетъ признать за нею весьма важное значеніе въ дѣлѣ обнародованія матеріаловъ, какъ издаваемыхъ систематически. При этомъ нельзя однако не замѣтить, что болѣе успѣшно шло изданіе актовъ, чѣмъ лѣтописей, безъ сомнѣнія въ слѣдствіе большей легкости обращаться съ подобнаго рода матеріалами, не требующими утомительнаго сличенія по нѣсколькимъ спискамъ, а также возможности пользоваться бо́льшимъ количествомъ ихъ въ данномъ случаѣ. Лѣтописи, изданныя въ XVIII стол. и требующія переизданія, далеко не всѣ еще напечатаны; предположенное изданіе Казанскаго лѣт. по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, пока не осуществилось. Еще Соловьевъ указалъ на весьма важный сборникъ актовъ, извѣстный подъ именемъ „Иконы патріаршихъ дѣлъ“ (Син. библ.); обращено было также вниманіе на Синодальную лѣт., которою пользовались Карамзинъ и Соловьевъ; равнымъ образомъ давно обѣщаны лѣт. западно-русскія и сибирскія, но всѣ эти матеріалы остаются

[1]) Переведена на нѣм. яз. Фр. Бёнкеномъ (Спб. 1883).

неизданными. Коммиссія мало касалась вещественныхъ памятниковъ [1]), а предложеніе Бередникова объ изданіи палеографическихъ таблицъ почерковъ XIV—XVIII в. [2]) осталось вовсе не выполненнымъ. Еще въ 1862 г. коммиссія приступила къ описанію собранія своихъ рукописей (четыре сборника; описаніе кунгурскихъ актовъ съ 1668—1735 г.; опись польскимъ и латинскимъ актамъ 1499—1789 г.; Алатыр. крѣпостн. книги 1737—44 г.; описанія городовъ, извлеч. изъ писцовыхъ книгъ [3]), но только въ 1882 г. появилось общее описаніе рукописей (русскихъ), составленное Н. П. Барсуковымъ.

Въ то время какъ Археографическая экспедиція, сначала подъ покровительствомъ Румянцова, а потомъ какъ правительственное учрежденіе, производила свои изысканія въ сѣверо-восточной полосѣ Россіи [4]), возникла мысль о такомъ же изслѣдованіи южной и юго-западной Россіи. Еще при Екатеринѣ II было обращено вниманіе на кіевскія древности [5]). Въ 1803 г. М. Берлинскій приступилъ къ описанію Кіева (изд. 1820 г.), а въ 1833 г. Н. Закревскій издалъ очеркъ ис-

---

[1]) См. напр. о кіевскихъ древностяхъ; о надгробномъ памятникѣ въ Путивлѣ, Ж. М. Н. Пр. 1837, ч. XV, 117—118; 1836, ч. XII, 493—95.

[2]) Ibidem, ч. XIX, 363.

[3]) Лѣтоп. зан. Арх. ком., в. I—IV.

[4]) Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1850 г. была учреждена Временная археогр. коммиссія для разбора древнихъ актовъ, результаты существованія которой выразились въ томъ, что она привела въ извѣстность мѣстные акты и документы и предположила издать ихъ въ пяти томахъ, до половины XVIII в., а въ особомъ томѣ помѣстить нижегородскій лѣтописецъ, сошныя грамоты городовъ губерніи, разныя описи и выписки. Былъ даже распредѣленъ и самый трудъ изданія (въ числѣ членовъ коммиссіи были: П. И. Мельниковъ, П. И. Пискаревъ, іером. Макарій, и др., извѣстные своими трудами по изданію матеріаловъ), но дальнѣйшей дѣятельности этой коммиссіи не видно. Въ послѣдствіи (1868 г.) оказалось, что часть актовъ была отправлена въ Археол. общ. и Общ. ист. и древн., а частію они помѣщались въ Нижегор. Губ. Вѣд. (1848 г.). Ими же пользовался пр. Макарій въ своемъ соч. „Памятники церк. древн. въ Нижегород. губерніи,“ напечат. въ VIII т. Зап. Археолог. общ. 1857 г. Объ этой коммиссіи см. въ Зап. Археолог. общ. т. III, стр. 156—158 (проток.) и Сборн. Нижегород. Стат. комитета, т. V, 236—238 (протоколы 1867 г.); VI, 279—82.

[5]) Достопамятнѣйшія древности въ Кіевѣ, К. 1791 г.

торіи Кіева, послужившей основаніемъ для двухъ дальнѣйшихъ, болѣе полныхъ его изданій [1]). Съ 1822 г. начинаетъ работать надъ кіевскими древностями и матеріалами митр. Евгеній [2]); производятся разысканія на мѣстѣ Десятинной церкви при участіи м. Евгенія, Лохвицкаго и др. [3]). Одновременно съ тѣмъ предпринимаются археологическія раскопки въ Кіевѣ и его окрестностяхъ (Андреевской горы, Ирининской церкви и с. Вышгорода).—Съ 1835 г. при университетѣ св. Владиміра существовалъ временный комитетъ для изысканія древностей въ Кіевѣ изъ профессоровъ университета, при которомъ въ 1837 г. возникаетъ и *музей древностей;* первымъ хранителемъ его былъ тотъ же Лохвицкій, принесшій въ даръ университету свою коллекцію древностей. Впрочемъ, противъ его археологическихъ увлеченій (какъ мечты о крестѣ ап. Андрея, могила Дира и т. п.) приходилось уже ратовать м. Евгенію, проф. И. Н. Даниловичу и др. Съ такимъ же рвеніемъ велись работы по части разысканія древностей на югѣ. Французскій дворянинъ Павелъ Дюбрюксъ, перешедшій на русскую службу въ Керчь, благодаря правительственной и частной поддержкѣ (между прочимъ гр. Румянцова) положилъ начало (1809—1829) открытію достопримѣчательностей древняго Воспора и образованію *Керченскаго музея*; а И. П. Бларамбергъ и И. Стемпковскій стали извѣстны тогда въ Европѣ своими трудами о древностяхъ Новороссійскаго края [4]).

Между тѣмъ злоупотребленія въ актовыхъ книгахъ юго-западнаго края заставили правительство обратить вниманіе на книги, хранившіяся въ присутственныхъ мѣстахъ—въ Кіевѣ и Вильнѣ (временныя коммиссіи 1830, 1840 и 1844 гг. [5]). Въ средѣ ученыхъ, возникаетъ стремленіе къ научному изслѣдованію мѣстныхъ матеріаловъ (Запорожская Старина Срезневскаго въ Харьковѣ, 1833—38, 6 ч., Кіевлянинъ Максимовича

---

[1]) Чт. М. О. И. 1859 г. и изд. Моск. Арх. общ. 1868 г., въ 2-хъ томахъ, съ атлас. Въ 1834 г. въ Москвѣ напеч. соч. Н. Самойлова: „Кіевъ въ началѣ своего существованія, блескѣ, славѣ, величіи, разрушеніи и возобновленіи", съ историч. опис. двухъ первыхъ церквей, сооруж. равноап. кн. Владиміромъ, съ планами и видами ихъ (72 стр.).

[2]) Опис. кіев. Соф. собора и кіев. іерар., К. 1825 г.; Опис Кіево-Печер. лавры, 1826, 1831, 1837 гг.

[3]) См. Опис. Кіева, Закревскаго; письма м. Евгенія къ Румянцеву, в. III.

[4]) И. П. Бларамбергъ и П. Дюбрюксъ, Зап. Одес. общ. ист. II, 220—231. Въ 1811 г. положено начало Θеодосійскому музею древностей; въ 1825 г.—Одесскому.

[5]) Сборн. Археологич. Института, кн. I, 27—29.

1840, 1841, 1850 гг.), которое встрѣтило себѣ поддержку въ тогдашнемъ кіев. генер.-губернаторѣ Д. Г. Бибиковѣ. При его канцеляріи была учреждена Временная археогр. коммиссія. Въ это время появились такіе труды, какъ „Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ" (1847, съ рис.) и „Обозрѣніе валовъ, могилъ и городищъ Кіевской губерніи" (1848, съ рис.), изданныя И. И. Фундуклеемъ. Правитель дѣлъ канцеляріи Бибикова (Писаревъ) пріобрѣтаетъ у Погодина извѣстную лѣтопись Величка. Мѣстные ученые и помѣщики разыскиваютъ акты въ фамильныхъ архивахъ (гр. Олизаръ у кн. Чарторижскаго, проф. Даниловичъ; черниг. помѣщики Ханенко и Судіенко приносятъ въ даръ свои рукописи; извлекаются матеріалы въ Яготинскомъ архивѣ кн. Репнина; волын. помѣщикъ Піотровскій—занимается изысканіемъ древностей Волынскаго края); разсылаются нарочныя лица для осмотра и собранія рукописей въ разныхъ мѣстахъ края. А въ 1843 г. были выработаны бар. Шодуаромъ и профессорами: Максимовичемъ, Иванишевымъ и Домбровскимъ правила объ учрежденіи въ Кіевѣ археогр. коммиссіи. Сюда стали доставляться акты изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, монастырей, архива бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ въ Радомыслѣ—Шодуаромъ, Свидзинскомъ, Ханенкомъ. Первыми усердными дѣятелями коммиссіи были профес. Иванишевъ и Максимовичъ и въ скоромъ времени по ея открытіи появился уже I-й томъ „Памятниковъ" (вышло 4 т. 1845—1859 г.). Проф Н. Д. Иванишеву было поручено осмотрѣть мѣстные монастырскіе, а также правительственные и частные архивы (1843, 1845, 1850 гг.); въ числѣ послѣднихъ было—богатое собраніе рукописей въ Тульчинѣ (болѣе 200 актовъ, гр. Потоцкаго) и въ Заславѣ (153 акта, Сангушка); а въ 1860 г. онъ занимался въ Варшавѣ, въ тамошнемъ Главномъ архивѣ. Тому же Иванишеву принадлежитъ изслѣдованіе Перепетова кургана, важнаго въ археологич. отношеніи, великой могилы и др., вошедшихъ въ I-ю тетрадь изданныхъ въ 1846 г. „Древностей". Въ 1852 г. закрыты были коммиссіи для повѣрки актовъ въ югозападномъ краѣ и учреждаются центральные архивы—въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ, на основаніи правилъ, выработанныхъ коммиссіею въ 1843 г.

Кіевская коммиссія по настоящее время издала: 4 т. Памятниковъ, Лѣтопись Величка, 2 т. Жизни Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, Лѣтопись Грабянки, Лѣтопись Самовидца въ болѣе исправномъ видѣ противъ напечатаннаго списка въ Чт. М. О. И. и Архивъ Ю. З. Россіи, съ 1859—1877 г., 11 томовъ (акты о крестьянахъ, горо-

дахъ, казачествѣ, шляхетствѣ, церковно-историческіе и историко-юридическіе) XVI—XVIII вв.; Указатель личныхъ именъ ко всѣмъ изданіямъ коммиссіи [1]). Коммиссія для описанія губ. Кіевскаго учеб. округа, существовавшая съ 1851—64 г., издавала свои „Труды" (I—IV т.), въ которыхъ были помѣщены статьи по этнографіи и нумизматикѣ означеннаго края.

Виленская археографическая коммиссія сначала была учреждена при губернскомъ Статистическомъ комитетѣ, въ видѣ временной коммиссіи, которая и издала: „Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковно, Трокъ, православныхъ монастырей и церквей и по разнымъ предметамъ" (В. 1843, 2 т., 194 и 208), XIV—XVIII в., 191 актъ (рус., лат., польск.), на иждивеніе виленскаго губернатора А. В. Семенова, съ соблюденіемъ правописанія и языка подлинниковъ, съ историческимъ введеніемъ и изслѣдованіями по нѣкоторымъ вопросамъ—въ приложеніяхъ. По переходѣ же губерн. Семенова въ Минскъ, по его ходатайству, была также учреждена Временная коммиссія въ Минскѣ (въ 1845 г.), для собранія актовъ и грамотъ, хранившихся въ городскихъ архивахъ и православныхъ монастыряхъ Минской губ. Собранные коммиссіею памятники были отпечатаны въ 1848 г. (402 стр.), какъ и предъидущіе, подъ русскимъ и польскимъ заглавіемъ: „Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ., православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ", (Sbiór dawnych dyplomatow и aktow miast Mińskey gubernii etc.), XV—XVIII ст., въ числѣ 171 акта, на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, важныхъ, какъ и названныя выше изданія, преимущественно для исторіи русской народности въ западномъ краѣ [2]). Въ послѣдствіи въ Вильнѣ возникло Археологическое общество (1856) съ музеемъ древностей и наконецъ Археографическая коммиссія (1864 г. [3]). Съ 1865 г. по настоящее время коммиссія издала 12 томовъ „Актовъ" (XVII—XVIII вв.); Писцовую книгу бывшаго Пинскаго староства, составленную въ 1561—66 г. (въ 2-хъ томахъ), а завѣдывающимъ архи-

[1]) Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, Романовича-Славатинскаго, Спб. 1876, 203—267. Мѣстные архивы, разсмотрѣнные Иванишевымъ, Ж. М. Н. Пр. 1853, № 10, стр. 12—13; Кіев. Стар. 1882, т. IV.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1849, ч. LXIII; Ж. М. Вн. дѣлъ, 1849, № 1.

[3]) Ж. М. Н. Пр. 1843, ч. XXXIX, реценз. Собр. древн. грам., И. Елагина, с. 1—19, и Сборн. Арх. инстит. кн. I, отд. I, 22—38.

вомъ Н. Горбачевскимъ изданы: „Ревизія пущъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ“ (1867 г.); „Собраніе привилегій пинскаго повѣта“ (1867); Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ“ (1872) и „Словарь древняго актоваго языка“ (1874). При Виленскомъ же учебномъ округѣ изданъ былъ „Археографическій Сборникъ“, на основаніи мѣстныхъ архивовъ, въ 10 тт. (съ 1867—74), начиная съ XV в. Витебскій архивъ издалъ 12 томовъ актовъ, историко-юридическаго содержанія, относящихся къ XVII и XVIII вѣкамъ (1871—81). Возникшая одновременно съ Виленскою—Кавказская археографическая коммиссія (1864 г.), издала по настоящее время до десяти громадныхъ томовъ „Актовъ“ (съ портр., in fol.), заключающихъ въ себѣ документы мѣстныхъ архивовъ, отчасти древнихъ, но преимущественно за время подчиненія этого края Россіи, по намѣстничествамъ. Изданіе ведется роскошно, но далеко еще не окончено и, по своей дороговизнѣ, мало доступно [1]).

Въ послѣднее время высказана была мысль о подчиненіи мѣстныхъ коммиссій Спб. археогр. коммиссіи, чтобы такимъ образомъ объединить ихъ труды и придать занятіямъ мѣстныхъ ученыхъ общее направленіе; но, по обсужденіи означеннаго вопроса въ Археогр. коммиссіи, эта мысль была оставлена [2]).

Въ связи съ дѣятельностію мѣстныхъ коммиссій необходимо упомянуть о трудахъ статистическихъ комитетовъ, при которыхъ иногда учреждались даже временныя *археографическія* (напр. въ Вильнѣ) и *археологическія коммиссіи* (напр. во Псковѣ, издающая свои протоколы и отдѣльныя сочиненія, относящіяся къ мѣстнымъ древностямъ).

Центральное *статистическое отдѣленіе* появляется въ Россіи въ 1806 г., при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ 1853 г. оно было преобразовано въ комитетъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ *Центральнаго статистическаго комитета*. Съ 1834 г. статистическіе комитеты стали учреждаться и въ *губерніяхъ* (въ 1854 г. ихъ было 33, а въ настоящее время они существуютъ во всѣхъ губерніяхъ [3]). Хотя эти комитеты не имѣли въ виду спеціальной цѣли—историческаго и археологическаго описанія отдѣльныхъ частей Россіи; но, тѣмъ не

[1]) Рус. Стар. 1872, № 7; 1874, № 12; 1881, № 10. Подъ ред. А. П. Берже.

[2]) Труды III-го Арх. съѣзда I, 49—51 (зап. М. В. Юзефовича) и Лѣт. зап. Арх. ком. VI, 111—114.

[3]) Свѣдѣнія о. дѣят. губерн. комитетовъ, Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1854, № 24; Журн. Мин. Нар. Пр. 1854, ч. LXXXII, отд. смѣси, чч. LXXXV, CXVI,

менѣе, нѣкоторые изъ нихъ значительно расширили свою программу и внесли въ науку весьма цѣнные матеріалы для историко-археологическаго изученія Россіи. Центральный статистическій комитетъ издалъ „Матеріалы для статистики Россійской имперіи" (1839 и 1841 г. 2 т. [1]) и „Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи", расположенные *по губерніямъ* и сопровождающіеся, основанными на этихъ данныхъ и другихъ источникахъ, обстоятельными введеніями, въ которыхъ разсматриваются этнографическій составъ населенія, колонизація края и исторія населенныхъ мѣстъ. Описанія сопровождаются картами. Съ 1861 г. по настоящее время описано до 40 губерній. Въ этихъ трудахъ принимали участіе: А. И. Артемьевъ, Е. Огородниковъ, М. Раевскій, Н. Штиглицъ, И. Вильсонъ, Р. Маакъ, В. Звѣринскій, А. Добровольскій, Л. Майковъ и др. Губернскіе статистическіе комитеты издавали, „Матеріалы", „Труды", „Памятныя книжки", „Ежегодники" „Сборники", „Записки", въ которыхъ, кромѣ историко-статистическихъ очерковъ и описанія городовъ и населенныхъ мѣстъ, помѣщались нерѣдко архивные матеріалы, этнографическіе очерки (описаніе быта и домашней жизни, суевѣрія, пѣсни, преданія и т. п.), а также описанія или матеріалы, касающіеся мѣстныхъ древностей. Въ ряду означенныхъ изданій особенно заслуживаютъ вниманія труды комитетовъ: Владимірскаго, Воронежскаго, Новгородскаго, Псковскаго, Витебскаго, Курскаго, Черниговскаго, Орловскаго, Казанскаго, Пермскаго, Симбирскаго, Вятскаго, Ярославскаго, Войска Донскаго, Тифлисскаго. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и нѣкоторые *церковно-статистическіе комитеты* (петербургскій, каменецъ-подольскій [2]). Наконецъ, не менѣе того заслуживаютъ вниманія, относительно историко-статистическаго описанія, этнографіи и отчасти

---

[1]) Въ нихъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Историко-статистическія описанія—Заволжскаго края Саратовской губ. (А. Леопольдова); Харьковской губ. (В. Пассека), Херсонской губ. (М. Киріакова), Пермской губ. (И. Р.), Калужской губ. (И. Линка), Рязанской губ. (Е. Кайпша), Кавказской области (А. Семенова), съ картами, планами и гербами; Объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до исхода XVIII стол. (К. Арсеньева); Краткое обозрѣніе древнихъ русскихъ зданій и другихъ отечественныхъ памятниковъ (двѣ статьи А. Глаголева).

[2]) Перечень трудовъ стат. комитетовъ историческаго содержанія—въ концѣ главы, въ библіографіи.

археологіи: „Матеріалы для исторіи и географіи Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба" (Спб. Съ 1858 г. вышло до 25 губерній, нѣкоторыя въ 2—4 томахъ).

Дѣятельность статистическихъ комитетовъ и изданіе матеріаловъ по части историко-статистическаго и этнографическаго описанія Россіи и отдѣльныхъ частей ея особенно расширяются въ послѣднее 25-лѣтіе [1]). Въ 1867 г. статистическимъ комитетамъ было предложено принять участіе въ разборѣ судебными мѣстами ихъ архивовъ, по случаю упраздненія старыхъ судебныхъ мѣстъ, причемъ въ предложеніи мин. юстиціи и внутрен. дѣлъ было указано, что въ архивахъ судебныхъ мѣстъ могутъ быть весьма интересные дѣла и документы, относящіеся до исторіи археологіи, статистики и т. п. предметовъ. Въ нѣкоторыхъ статистическихъ комитетахъ постановлено было просить судебныя мѣста обратить полное вниманіе на возможно тщательное составленіе описей архивныхъ дѣлъ судебныхъ мѣстъ и сообщить эти описи въ статистическіе комитеты. Такимъ образомъ въ комитеты стали поступать описи дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, и въ числѣ ихъ оказалось не мало дѣлъ, весьма важныхъ для исторіи нравовъ, крѣпостнаго права, возмущеній крестьянъ, раскола и ересей, распространенія болѣзней, мѣстныхъ обычаевъ, преимущественно въ XIX вѣкѣ [2]). Въ томъ же 1867 г. Импереторская Археологическая коммиссія съ своей стороны пригласила статистическіе комитеты къ участію въ открытіи и сообщеніи ей мѣстныхъ древностей, на что нѣкоторые изъ нихъ также отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ этому дѣлу и содѣйствовали ему своимъ посредничествомъ между частными лицами и коммиссіей [3]). Комитеты же сообщали иногда означенной коммиссіи

---

[1]) См. нашъ очеркъ: Двадцатипятилѣтіе русской исторіи 1855—80 гг. Рус. Стар. 1880 года.

[2]) Нижегород. Сборникъ, т. V, 191—192. См. перечень этихъ дѣлъ, 222—229, VI, 314.

Ср. Памятная книжку Архива Казан. окруж. суда. Отдѣл. упраздн. судеб. учр. Каз. губ. сост. Н. Тихменевъ. Каз. 1876. Прилож. I-е: свѣд. о колич. докум., выпут. изъ предназнач. къ уничт. дѣлъ Арх. упраздн. суд. учр. Каз. губ. и 2-е—вѣдомость дѣламъ и док. XVIII в., хран. въ Арх. упраздн. судеб. учр. Каз. губ., предназнач. къ отправкѣ въ Моск. ахр. мин. юст. Каз. 1876.

[3]) Нижегор. Сборн. V, 193—194, 211—212 (о золотоордынскихъ монетахъ XIV в., найден. крестьян. въ р. Алатырѣ), 239 и др.

свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ [1]). На I-мъ археологическомъ съѣздѣ, въ Москвѣ (въ 1869 г.) былъ поднятъ вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе статистическихъ комитетовъ губернскихъ архивовъ [2]); а на IV-мъ археологическомъ съѣздѣ, въ Казани, возникъ вопросъ о привлеченіи статистическихъ комитетовъ къ постоянному участію въ сохраненіи и собираніи архивныхъ матеріаловъ, памятниковъ письменности и мѣстныхъ древностей [3]). При нѣкоторыхъ изъ комитетовъ существуютъ свои архивы и историческіе или археологическіе музеи [4]).

Библіографія. 1) Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археографической коммиссіи за 25-лѣтнее ея существованіе 1834—59 г. Спб. 1860 и въ Ж. М. Н. Пр. т. CIV. Проток. ком. въ Лѣт. зан. археогр. ком. I—VI т. Дѣятельн. Археогр. ком. въ царств. импер. Александра II, Спб. 1880; 2) Воспомин. о П. М. Строевѣ, записка И. И. Срезневскаго, Сборн. Ак. Н. т. XVII; Зап. Ак. Н. т. VI, в. 1, 1877; 3) Жизнь и труды П. М. Строева, Н. Барсукова, Спб. 1878, 668 стр.; 4) Предисл. къ I т. Акт. экспедиціи; Отчеты Строева и Бередникова и сообщенія ихъ за время Археогр. экспедиціи—въ Ж. М. Н. Пр. съ I т. (1834). 5) Свѣдѣнія объ Археогр. коммиссіи находятся также въ Ж. М. Н. Пр.: отчетъ объ успѣхахъ экспедиціи—1834—35, чч. I, XIII; о портфеляхъ Строева, 1834, ч. I, № 2; таблица библіотекъ и архивовъ, изъ которыхъ извлечены акты Археогр. экспедиціи 1837, № 2; 1839, т. XII; объ указѣ ц. Бориса Годунова 1602 г., о крестьянахъ, въ Ж. М. Н. Пр. 1834, IV; описаніе рукоп. Бередниковымъ во время археол. путеш. съ 1830—34 г., 1853, №6; о дѣйств. Археогр. ком. по 1836 г.—т. XII; объ изданіи лѣтоп.

---

[1]) Ibid. 219—221. Обширная записка о древностяхъ Нижегор губ. ib. VI, 314—329; ср. 407—10.

[2]) Ibid. VI, 328.

[3]) Извѣстія IV-го Арх. съѣзда, Казань, 1877.

[4]) Нижегород. Сборникъ, V, 212, 239; Ежегодникъ Владим. стат. комит., т. I, в. 2, 13; Тверской музей, Твер. губ. Вѣд. 1882 г. №№ 82, 91; Олонец. музей, естественно-промышлен. и ист. этнографич., основан. въ 1871 г., А. Иванова, Петрозаводскъ, 1876 г.; въ Новгородѣ и др.

ч. XII; выписки изъ протоколовъ; свѣд. объ издан. ком. и нов. пріобрѣт. изъ правит. и частныхъ архивовъ; свѣд. объ архив. и библіотекахъ въ Ж. М. Н. Пр. 1837—1862 Акты, собранные археогр. экспед. С. Скромненка (Строева), Сынъ Отеч. 1837, тт. CLXXXIII, CLXXXIV. Отчеты Строева см. также въ Recueil des actes des séances de l'Acad. Impér. des Siences de Spt. за 1834 и 1839 г. г. Акад. Бередниковъ, П. А. Плетнева, Изв. Ак. Н. 1854 и Ж. М. Н. Пр. 1855 ч. LXXXVI; Отеч. Зап. тт. XCVII и CX (Я. И. Буткова); Записка отрудахъ Коркунова,И.И. Давыдова, Уч. Зап. Ак. Н. кн. V; М. А. Коркуновъ, Спб. Вѣд. 1858, № 15, 21, 25; Археогр. находка, Ж. М. Н. Пр. ч. LXXXIII. Опись польск. и латин. актовъ, наход. въ Археогр. ком. Лѣт. запят. Арх. Ком. II, 22—46 и проток. 1—31. Двадцатипятилѣтіе русской исторіи (1855—80 гг.), въ Русской Старинѣ 1880 г., № 2 и 3. Зап. Арх общ. т. VIII; Обз. хроногр. Н. Иванова, Каз. 1843, 309—373; Н. Д. Иванишевъ, А. В. Романовича—Славатинскаго; о кіевскихъ раскопкахъ и древностяхъ, Ж. М. Н. Пр. 1836, № 11; 1838, № 4; 1839, № 3; 1840, № 4; Зап. Одес. общ. ист. I—XIII.

Изданія статистическихъ комитетовъ. 1) Пам. книжка *Арх. губ.* 1861: ист. стат. обозр. Архангельска, К. Пилацкаго; id. на 1864 г.—памятники языка и народной словесн., запис. въ Арх. губ. (заговоры, загадки, пословицы, провинціализмы, южнорус. элементъ въ нарѣчіи Арх. губ., П. С. Ефименка); демонологія жителей Арх. г., его же; Икота и икотница, его же; Арханг. Сборн. или матеріалы, извлеч. изъ Арх. губ. вѣд., кн. 1—2, 1863 и 1865 (опис. городовъ, уѣздовъ и губ., между прочимъ опис. г. Холмогоръ съ очерк. древ. исторіи Двинскаго края); Труды Арханг. стат. ком кн. I, 1866: акты и матеріалы, собр. въ Холмогор. Спасо-Преобр. соборѣ, Ф. Харевича; собр. заклинаній, П. Ефименка и С. Огородникова; провинціализмы Арх. губ., Р. Комновскаго; пословицы и пр. А. К. Шешенина; стат. этногр. оч. Корелы, П. Чубинскаго. Вып. Ш: Сборн. народ. юрид. обыч. Арх. губ. П. С. Ефименка. 2) Труды *Астрах. губ. стат. к.* В. I. А. 1869: истор. и ист. стат. свѣд. объ Астр. казач. войскѣ, Л. Ершова; о моздок. калмык. К. Костенкова; В. IV 1875: матер. для ист. просв. Астр. края (учил. и гимн.). Н. Лопатина; винодѣліе въ историч. отнош.; земляныя насыпи и городища въ Астр. г. А. Головашенка; приход. лѣтоп. С. Пришиба; оглавл. статей неоффиц. отд. Астр. г. вѣд. съ 1838—73. 3) Записки *Бессарабской области*, подъ ред. А. Н. Егунова

1864: стат. свѣд. о Бессараб. нѣмец. колон. И. Ф. Лагоріо; т. III, 1868: Молдав. грамоты; матер. для ист. Молд. и Бессар. съ 1806—1812 г. И. Т.; матер. для новѣйш. ист. Бессарабіи; Румын. княж. около полов. XVIII ст. Ф. Бруна. 4) Памят. книж. *Вилен. губ.* на 1850 и 1851 гг: ист. стат. свѣд. и примѣчат. древн. въ Вилен губ.; id. на 1852 г. главноначал., правосл митр. и р. кат. еписк. Вилен. губ.; очерки городовъ Вилен. губ. А. Киркора; id. на 1853 годъ: ист. управл. и законодат. Литвы, П. Кукольника; id. на 1860 г.: историч. воспом. о р. Нѣманѣ, П В. Кукольника; пребыв. Петра В. въ Вильнѣ и въ Лидскомъ уѣздѣ, Ю. О. Шрейера; id. на 1861 г.: крат. истор. взглядъ на судьбы крестьян сосл. въ Литвѣ, Ю. Шрейера; развалины Кревскаго замка, А. Корева; Александръ I въ Вильнѣ (съ польск. рук.); Караимы въ Вилен. губ., А. Корева; Сборникъ ист. стат. матеріал. по Вилен. губ., В. 1863 г.: извлеч. изъ соч.: Вилія и ея берега въ топогр., историч., археологич. и этногр. отнош., гр. К. Тышкевича (съ польск.); Виленскій Сборникъ, изд. В. Кулинъ, В. 1869 г.: изъ запис. Добрынина (вполнѣ напеч. въ Рус. Стар.); воспом. сельск. свящ. о послѣдн. польск мят. К. В. М—го и М. И—го; о правосл. церквахъ въ г. Кобринѣ (ист. оч.), И. Котовича; очерки быта зап. рус. крестьянина, Ю. Крачковскаго; замѣтки о латышахъ трехъ инфлянд. уѣздовъ Вил. г., А—ра; Вильна въ нач. XVI в. (по Брауну и др. источ.), С. Преображенскаго 5) Памят. кн *Витеб. губ.* на 1864 г., подъ ред. А. М. Сементовскаго: Витебскъ, ист. оч., его же; ист. стат. свѣд. объ уѣзд. город. Вит. губ., его же; id. на 1865 г.: опис. Маркова мон., іер. Сергія; обыч. и обряды крест. Себеж. уѣзда при крест., свадьб. и похор., Ф. Серебренникова; id. на 1856 г.: ист. судьбы Витеб. губ., П. Дружиловскаго; полоц. Борисоглѣб. мон., А. Сементовскаго; Тадулинскій Успен. мон. его же; велиж. благочиніе (ист. стат. опис.); о волн. помѣщ. крест. Витеб. г. въ 1847, Ф. Слупскаго; id. на 1867 г.: ист. судьбы Витеб. г. съ к. XII до нач. XVI в., П. Дружиловскаго; опись церков. и монаст. имѣній Полот. воеводства, отдан. кор. Ст. Баторіемъ Полот. іез. коллегіи, Скумина-Тышкевича, (съ польск); памят. старины Витеб. губ., А. Сементовскаго; о народ праздн. Себеж. у. Ф. Серебренникова; Памят. кн. Вил. ген. губ. на 1868 г., подъ ред. А. Сементовскаго, изд. Витеб. ст. ком.: ист. зап. о панцырн. боярахъ Вит. губ, А. С.; свадеб. обр. и пѣсни въ Пинск. у. Мин. губ, В. Быковскаго; о праздникѣ Купалы,

его же; праздникъ куста, его же; опис. похоронъ и дзядовъ въ въ Новогруд. у. Мин. г., Дмитріева; Сборн. въ пам. перв. рус. стат. съѣзда, А. М. Сементовскаго, изд. Вит стат. ком., Спб. 1872: этногр. обз. Витеб. губ., А. Сементовскаго, съ картою и рисунк.; Витеб. Старина, сборн. Вит. ст ком., сост. изд. А. Сапуновымъ, В. 1883 г.: изв. рус. и литов. лѣт. о Витебскѣ; грамоты, акты, рескрипты и пр съ 1229 г. по 1858 г.; докум., касающ. I. Кунцевича, Маркова (в. Троиц. мон., еврейск. насел. Витебска, 1812 г., витеб. мыто 1605 г., инвентари и вѣдомости 1552—1883 г.; лѣтоп. г. Витебска 1760 г., П. Панцырнаго и Ст. Аверки; родосл., списки и пр.; ист. стат. оч. г. Витебска. 6) Пам. кн. *Влад. г.* на 1862 г.: письма вел. княжны Маргариты Алексѣевны къ ц-нѣ Тат. Алекс., Нат. Алекс. и ц. Петру Алекс. (сообщ. К. Тихонравовымъ); княгин. Успен. дѣв. мон., его же; опись того же мон. 1665 г., его же; замѣтки на пути отъ Влад. до гран. Моск. губ., его же; Труды *Влад. губ. стат. ком.*, подъ ред. К. Тихонравова. В. I, 1863 г.: очеркъ развитія льняной промышл. въ быв. Сузд. области и наст. сост. ея въ Шуйской мѣст., Я. П. Гарелина; памятн. церк. и гражд. зодч. во Владим. губ. XII в. (Спасо-преобр. соб. въ Переясл. Залѣсск.), К. Тихонравова; древніе фрески, откр. въ этомъ соб. Н. А. Артлебена; городъ Киржачъ, ист. его, древности и статистика (съ рисунк.), К. Тихонравова; В. II, 1864 г.: древ. Сузд. обл. и обитав. въ ней народы, Я. П. Гарелина; археол. изслѣд. во Владимір. губ. съ прилож. журналовъ разрытій, К. Тихонравова; В. III, 1864 г: памятн. церк. и гражд. зодч. XII в, его же (Борисоглѣб. церк. въ с. Кидекшѣ); свадеб. обр. въ Мордвиновской вол., Гороховец. уѣзда, К. Беселовскаго; церк. Рожд. Богор. во Владимір. архіер. домѣ, К. Тихонравова; Вознесен. посадъ въ ист. и стат. отнош., Я П. Гарелина; Влад. Алекс. Борисовъ (съ портр), его же; складная книга Владим. Рожд. мон. его же; В. IV, 1865 г: слобода Мстера, Вязник. у., И. А. Голышова; историч свѣд. о нач. заводовъ и фабрикъ въ г. Шуѣ и его у. В. А. Борисова; в. V 1866: влад. намѣст., ген губ. и губ. съ учр. губ.; В. VI, 1867 г.: этнографич. оч. обычаевъ жит. Шуйск. у., Я. П. Гарелина; мѣстныя народныя суевѣрія въ Ш. у., его же; народн. календарь и повѣрья по разн. случаямъ въ теченіе года, въ Ш. у., его же; изслѣд. кургановъ близъ Вознесен. посада въ Ш у. К. Тихонравова (съ рис.); В. VII, 1868: хронол. спис:

архіер., управл. Сузд. и Влад. еп. отъ водвор. христ. до наст. времени., М. М. Ранга; Вязников. у. этногр. оч. Н. Г. Добрынкина; Виселковскіе курганы въ Сузд. у., К. Тихонравова; В. VIII, 1870: село Якушево (ист., стат., этн.), К. А. Веселовскаго; лубочн. картинки (съ рис.), Голышова; о посѣщ. имп. Павломъ I г. Владиміра, Ранга; В. IX, о намѣстн., правителяхъ, предсѣд. пал., предвод. двор. 1778—96, кн. Туркестанова; г. Владиміръ въ нач. XVIII в.; золотыя ворота (XII в.); о многоч. изображ. 12 лихорад.; д. Корниловка Мур. у. и г. Вязники (ист., стат., этн.); „Ежегодникъ" Влад. г. ст. ком. Т. I, в. 1 и 2; т. II, ред. К. Тихонравова 1876, 1877 и 1878 гг.: опис. церк. древн., акты XVII и XVIII в.; церк. синодики; древнія пѣсни и преданія; лубочныя картинки; образцы старин. рѣзьбы на деревѣ· указатель статей Влад. губ. вѣд. 1868—1879 гг.; древности Сузд. Влад. области. В. I-й: XII вѣкъ. В. 1880. 7) Пам. кн. *Волог. губ.* на 1860.: о неурож. XVII стол.; о сост. В. края въ 1613 г.; о ссылкѣ кн. Голицыныхъ въ Яренскъ въ 1690 г.; о посѣщ. г. Вологды Петр. В.; спис. волог. воеводъ съ 1608—1697, Н. И. Суворова; матер. для ист. волог. дир. училищъ, А. Л.; Пам. кн. на 1861: ист. зап. о г. Вологдѣ; Вологда въ нач. XVIII стол., Н. И. Суворова; колонизація русскими Вологод. губ., В. А. Попова; П. кн. на 1862 и 1863 гг.: о цѣнахъ на разныя жизненныя потребности въ г. Вологдѣ въ XVII и XVIII ст., Н. И. Суворова; половинки, ист. изслѣд., К. А. Попова; П. кн. на 1864 г.: статист. и истор. матер; Устюгъ Великій въ к. XVII ст. Н. И. Суворова; П. кн. на 1865—66 гг.; списокъ замѣч. стат. Волог. губ. вѣд.: нов. матер. кас. образов. въ Волог. краѣ; П. кн. на 1867—68 гг.: Зыряне (ист. опытъ). 8) Труды *Волын. ст. ком.* Ж. 1867: ист. оч. Волыни, Л. Крушинскаго. 9) Пам. кн. *Ворон. губ.* на 1856 г. подъ ред. Н. П. Второва, и на 1861 г.: о ворон. воеводахъ, намѣст., ген. губерн., губерн. и архіереяхъ; оч. ист. судоход. по р. Дону до Петра В., И. П. Малышева; ист. стат. оч. Вор. губ М. М. Скіада; воронеж. лѣтоп. (1177—1861); П. к. на 1863—64 г.: стат. табл. о народ. образ. 1800—1862, Г. Веселовскаго; П. кн. на 1870—71 г.: старые и нов. торгов. пути сообщ. въ Ворон. краѣ, М. Скіада и П. Шапошникова; бытъ и хоз. малороссовъ въ Вор. губ., Ф. Никонова; обычаи, повѣр. и предразсуд. крест. с. Верхотишанки; А. Ф. Кремера; Воронежъ въ ист. и современно-стат. отнош. съ планомъ, Г. М. Веселов-

скаго, В. 1866; Воронежскіе Петровскіе акты, хранящ. въ Арх. вор. губ. стат. ком., перепеч. изъ Вор. губ. вѣд. В. I, 1872 г. (1700—1722 г.). 10) Пам. кн. *Вят. губ.* на 1857 и 1860 г.: достовѣр. изв. о древней Вяткѣ; воев., намѣстн., губерн., архіер.; о древн. памятн. Вят. губ.; вотяки и черемисы; пам. кн. на 1866 и 67 г.: высоч. рескрипты; происхожд. вят. городовъ; id. на 1870 г.: матер. для біогр. воеводъ, правит. и архіер.; Столѣтіе Вятской губ. Сборн. матер. для ист. Вят. края. I—II т. 1880—81 гг. (вят. лѣтоп. и хроника, исторія, опис. городовъ и церквей; волнен. крест. въ XIX в., картоф. бунты и пр., съ план., карт., видами, герб.); т. III: древніе акты, относ. къ ист. Вят. края. В. 1881 (собр. изд. и неизд актовъ 1428—1698 годовъ). 11) Пам. кн. *Гродн. губ.* на 1866 г.: матер. для ист. прав. церквей въ Гроднѣ; оч. внутр. и внѣш. торг. древ. Литвы; іез. въ Литвѣ; уніат. церк. братства; пам. кн. на 1869 г.: оч. домаш. жиз. и прав. высш. сосл. въ Литвѣ въ XVI и XVIII ст.; Гродно во 2-й пол. XVIII ст.; обряды и обычаи западнорус. крест., М. Дмитріева. 12) Труды *Дон. В. стат. ком.* В. I, Н. 1867: ист. свѣд. о засел. Дон. края; ист. оч. горн. промысла; дон. крестьяне, А. А. Карасева; оч. образованія; матер. для ист. Дон В. (пересел., устр. станицъ, о денеж. жалов., землевлад., о разн. промысл., объ атам. Ефремовѣ и пр. 1681—1798 гг. (большая часть актовъ выписана *изъ станичныхъ архивовъ*); В. II, 1874 г.: очеркъ поземельн. влад. на Дону въ связи съ развит. межев., В. Н. Ветчинкина; статист. опис. кочевья калмыковъ; акты о татарск. набѣг. на З. В. Д. (XVIII в.); о войск. атам. Степ. Ефремовѣ. Трехсотлѣтіе В. Донскаго (1570—1870). Очерки изъ ист. Д. казаковъ, А. Савельева, Спб. 1870; Историч. опис. земли В. Донскаго, Т. I—II, 1869, 1872. Новоч. (до к. XVIII в. 598 стр.). 13) Пам. кн. *Ирк. губ.* на 1865 г.: покор. Иркут. губ.; матер. для сибир. библіогр. Н Щукина. Зап. и труды Ирк. г. ст. ком., ред. Д. Д. Ларіонова. 1869. В. IV: нижнеуд. карагасы; ист. стат. обз. главн. отраслей горнозавод. пром.; о церквахъ и башняхъ г. Илимска; цифры инородч. насел. 14) Сборн. стат. свѣд. *о Кавказѣ*. Т. I, 1871: ист. оч. торг. путей сообщ. въ древ. Закавк. А. Ерицова; о древн. сооруж. на Кавк. (съ рис.), ф. Байерна; грузин., арм., татар. послов.; т. II, 1872: этнологич. изслѣд. объ осетин. и народ. право осетинъ, Пфаффа; крѣп. право въ Грузіи въ нач. XIX в. Г. А Калантарова; т. IV, 1878; т. VII, 1880: статист.

матер. для изслѣд. быта Терск. казач. войска (свѣд. о сектантахъ). 15) Пам. кн. *Казан губ.* на 1861—62 г.—акты башк. бунта въ цар. Анны Ив.; изъ цивильск. старины; П. кн. на 1863: вѣров. горн. черем.; П. к. на 1864—65 г.: свадеб. обр. у горн. черем.; П. кн. на 1868—69 г.: свадеб. обр. рус. крест. Царевококш. у.; обычаи горн. черем., Л. Износкова; *архив. дѣла*, Ф. Я. Колосова. Труды Каз. стат. ком. ред. Н. Н. Вечеслава. Т. I, 1869: горночерем. приходы и обыч., Л. Износкова; народ. юрид. обыч. въ Царевококш. у. Ф. К—ва; замѣтки по ист. и древност. Каз. губ; т. II, 1870: замѣч. историч. мѣстн. горно-черемис. края; матер. для этногр. Каз. губ.: лѣтоп. богоявл. церк. въ Каз. 16) Пам. кн. *Калишск. губ.* 1871 г: докум. и акты, относ. къ ист. городовъ въ Кальш. губ. 17) Пам. кн. *Калуж. губ.* 1861—63 гг.: ист. свѣд. о монаст. и город.; опис. крестьян свадьбъ. 18) Пам. кн. *Кіев. губ.*, ред. Н. Чернышева, на 1856 г.: о погребен. въ Кіевѣ владѣт. княз.; о дворц. княж., упом. въ лѣтоп.; оч. ист. и лѣт. кіевск.; на 1857 г.: о древн. мѣст. и уроч., упом. въ лѣт.; пребыв. въ Кіевѣ Петра В. и Екат. II; біогр. Дим. Ростов. и др.; на 1858 г.: дневникъ пребыв. Ек. II въ Кіевѣ въ 1787 г., вед. Андр. Полетикою; о древн. урочищахъ; Сборн. стат. свѣд. о Кіев. губ. 1864 г.: бытъ крестьянъ., Н. А. Чернышева. 19) *Ковен.* пам. кн. на 1861 г.: бытовые оттѣнки между русин., литвин. и жмуд. А. Михневича; ист. зам. о составѣ насел. Ковен. г.; М. И. Прекера; устава земли жомойтское; П. кн. на 1863 г: о раскольник. въ Ковен. губ. П. И. Корецкаго; id. на 1864 г.: ист. зам. о караимахъ, А. И. Прекера. 20) Пам. кн. *Костр. губ.* 1857 г: ист. свѣд. о засел. края; о намѣст.; и всев., управл. К. провинц. 1375—1778 г., и съ 1778—1797 г.; костр. еписк. 1744—1861. 21) Пам. кн. *Курск. губ.* 1860 г.: древности; ист. Знам. мон; оч. Молч. Софр. пуст.; владѣнія гетм. Мазепы и переходъ ихъ въ родъ княз. Барятинскихъ; Труды К. стат. ком. I, 1863 г.: старин. акты Оскольск. края, Н. Н. Голицына; обычаи и обряды г. Обояни; городища и курганы въ Суджанск и Рыльск. уу.; объ особен. обоян. говора; сказки, запис. въ Тим. у.; Чортовъ курганъ; жалов. грам. Рыльск. Молч. мон.; домикъ Петра В. въ слоб. Борисовкѣ. 22) Пам. кн. *Мин. губ.* 1861 г.: замѣт. о племен Мин. губ. 23) Пам. кн. *Могил. губ.* 1861 г.: могил. намѣст., губерн., архіер.; ист. стат. свѣд. о гор. и мѣст.; id. 1863 г.: родъ князей Мстиславскихъ. 24) Пам. кн. *Нижегор.*

губ. 1864: свѣд. о намѣст. и губернат. съ 1775 г.; опис нижегор. епар. 1672—1865; Нижегор. сборн. I—VI тт., 1867—1877, ред. А. С. Гацисскаго: обычаи, суевѣрія, пословицы, говоры, увесел.; свадеб. обряды; оч. ист. городовъ и пр. Въ журн. стат. комит. много свѣдѣній о мѣстн. памятникахъ (архив. и древностяхъ); Сборн. въ пам. I-го рус. стат. съѣзда, 1875: оп. объясн. назв. рус. город. А. Н. Сергѣева; о назван. населен. мѣстъ, Л. А. Износкова. 25) Пам. кн. *Новгор. губ.* 1860: Яросл. дворище въ Новгор., находящ. въ немъ церкви и ихъ достопримѣчат. И. Купріянова; Новгор. Сборн. В. I—V, ред. Н. Богословскаго, 1865—66: оч. жизни и характ. жит. Н. губ.; матер. для ист. воен. посел. (5 статей); Бѣлозер. писц. книги 1677 г.; матер. для ист., стат. и этн. Н. губ. (5 статей); судное дѣло врем. ц. Ал. Мих. 26) Пам. кн. Олонец. губ. на 1858 г.: Петръ В. въ Олонцѣ; Каргополь, ист. оч.; обѣльные вотчинники и обѣльн. крестьяне; Ѳаддей блажен. (по старин. рукоп.); карта дороги Петра В.; Петрозаводскъ при Петрѣ В.; П. кн. на 1860: чарка Петра В. и разск. о немъ., планъ заводовъ и Петрозаводска при Петрѣ В.; очеркъ олонец. заводовъ въ историч. отнош.; id. на 1864 г.: старин. акты о рудокопн. дѣлѣ; объ устр. Олонца; спис. нач. Ол. губ. 1784—1863 г.; о началѣ града Москвы и о в. кн. Дан. Алекс. (съ рукоп. Новгор. лѣт.), П. Н. Рыбникова; народ. повѣрья и суев.; id. на 1866 г.: этногр. зам. о заонежанахъ; былины: Илья муромецъ, Иванъ гостин. сынъ; наѣзды литовцевъ.; id. на 1867.: Ив. Филипповъ, выгов. историкъ и настоятель, Е. Барсова; хронол. спис. управит. Каргополя; чудск. памят. и пред. о мадапахъ и панахъ (Литва); изъ обыч. обонеж. нар. (праздн. Ильина дня, рожд. Богор., Власія, Троиц. дня, Купала); id. на 1868-69 г.: прел. обонеж. пустын. (матер. для ист. колониз. и культ. края), Е. Барсова; ист. оч. Важеоз. пуст., его же; соборн. грам. ц. I. Вас. Вапен. Задненикиф. пуст. на земли, 1557 г.; улож. брат. Денисовыхъ, матер. для ист. поморск. раскола, Е. Барсова; писцов. книга 1622 г. Устьмошск. стана Каргоп. у.; разсказъ о томъ, какъ писецъ Панинъ давалъ имена заонеж. деревн. въ 1628 г.; самосожигательства раск. въ Олон. губ.; матер. для біогр. Державина (изъ архив. дѣлъ намѣстнич. правл. 1785 г.); спис. нач. Олон. губ. и іерарховъ 1784—1869 г.; Олонецкій сборникъ, матер. для ист., геогр., стат. и этн. Олон. края. В. I, подъ ред. А. Иванова. Петр. 1875—76 г: писц. книга Обонеж. пятины

(рук. XVII в.); къ ист. культуры олонец. корелы, А. Соборнова. путев. зам. по Кореліи; свадеб. причитанья, А. Некрасова; Рахта Рагнозерскій и Микула Селяниновичъ; заговоры и слова по рукоп. XVIII в.; свадеб. обыч. и народ. повѣрья Каргоп. и Вытегр. уу.; указ. статей въ пам книж. Олоп. губ. стат. ком. 1858—69 г. 27) Пам. кн. *Оренб губ.* на 1865 г.: Троицкъ, Уфа, Мензелинскъ, Челябинскъ, Верхнеуральскъ; религ. вѣров. некрещ. черем.; Справ. кн. Ор. г. на 1869 г.: переч прав. церк. Ор. губ. въ хрон. порядкѣ и выводы изъ того.; id. на 1870 г.: пугачев. бунтъ по записк. современ., А. А. Середы; оч. ист. Неплюев. воен. учил; Исет. пров. во время пугач. б. и ген пор. Декалонгъ, Середы; свадеб. обр. Челяб. у; объ учен. труд. Рычкова Ф. Г. Игнатьева: вотчина митр. тоб. и сибир. въ Челяб. у.; id. на 1871 г.: ист. матер.; насел. Ор. въ 1797; id. на 1872 г.: библ. указ. соч. и стат., помѣщ. въ разн. період. изд., кас. нын. Ор. губ. 28) Пам. кн. *Орл. губ.* на 1864 г.: матер. для ист. торг. и промышл. въ Орл. губ., А. Тарачкова; Матер. для ист. и стат. Орлов. губ. т. I, О. 1877, ред. А. Пупарева: ист. оч. г. Орла до обращ. его въ губ. городъ, съ чертеж. его слободъ въ 1741 г.; г. Елецъ въ нач. нын. стол.; древ. городища и курганы въ Орл. г.; матер. для ист. воспит.; указат. стат. неоф. части Орл. г. вѣд. 1839—75 г. 29) Пам. кн. *Пенз. губ.* на 1864 г.: источники для изуч. края; Сборн. ист., геогр. статист. матеріал. о Пензен. губ. П. 1870 г.: пугач. бунтъ въ Краснослоб. у. св Бѣляева. 30) Этнографич. свѣд. о *Подольск. губ.* (юрид. обыч., вѣров., суевѣр., матер. устной словесн.), Н. Данильченка, К. Под В. I. 1869; Сборн. свѣд. о Под. губ. В. I. К II. 1880, В. II, 1882 г.: ист. геогр. и этногр. оч. Подоліи, М. Симашкевича; ист. г. Каменца-Подольскаго. 31) Пам. кн. *Полт. губ.* на 1865 г.: ист. пам. и сохран. древности П. губ.; біогр. указ. урож. П. губ, изв. своею служ. или литер.; дѣят. 32) Пам. кн. *Псков. губ.* на 1860 г.: опис. монаст.; объ эстахъ или полувѣрц. Псков губ.; id. на 1869 г.: главное народ. учил. въ г. Псковѣ и Псков. гимн. И. И. Васильева; археол. зап. о Поганкиныхъ, К. Г. Евлентьева; Псков. стат. сборн. 1871 г.: этн. оч. изъ быта крест. Пск у. св. Синречанскаго. 33) Пам. кн. *Ряз. губ.* 1868 г.: о Мамаев. побоищѣ (изъ древ. рукоп.). 34) Пам. кн. *Сарат. губ.* на 1858 г.: оч. ист. Саратов. края отъ присоед. его къ Рос. держ. до вступленія на прест. им. Николая I, Н. Костомарова.; id. на 1872 г.: малорос. пѣсни,

запис. въ Баландѣ Аткарскаго у.; слоб. Самойловка, этн. оч. 35) Матер. для ист. и стат. *Симб. губ.* I—IV вв. т. 1866—67 г.: ист. и бытов. матеріалы (17 в.), собр. М. В. Арнольдовымъ; осада Симбирска Ст. Разинымъ, его же; ист. оч. г. Курмыша, его же; чуваш. повѣрья въ Курмыш. у. А. Пантусова; симб. запись о кладахъ, В. Юрлова; о свадеб. обряд. въ Симб. губ., его же; чуваш. праздн. Учюкъ, М. Арнольдова; этногр. матер., В, Юрлова; Сборн. ист. и стат. матер. о симб. губ. 1868 г.: ист. оч. постеп. покорен. и администр. дѣлен. Симб. края; Симб. губ. въ послѣд. пол. XVIII стол. и наст. время; списки воевод., намѣст, губер, предвод. двор. и архіер.; пребыв. царств. особъ; біогр. замѣч. дѣят. (Карамзинъ, Мертваго, Бекетовъ, Твердышевъ, Языковъ и др.); алф. спис. древн. симб. двор. фам.; грамоты, дан. разн. лиц.; осада Симб. Ст. Разин.; дѣйствія Пугачева; Симб. сборн. т. II, 1870 г.: симбирское городище, К. Невоструева; г. Курмышъ, Ауновскаго; село Промзино въ 1739 г. и нынѣ; свѣд. о бывш. монаст.; Буртасы, ист. оч. и поземель. докум. о нихъ; память 1704 г. на Алатырь объ изъятіи новопосел. отъ мѣстн. бурм. и подъячихъ; инородч. насел. мѣста Симб. г.; свадеб. пѣсни и гаданья въ приволж. сел. С. губ.; указ. стат. Сим. губ. вѣд. за 1865—69 г. 36) Пам. кн. *Смолен. губ.* за 1858 г.: первое 50-лѣтіе Смол. гимн., П. Шестакова; старина г. Бѣлаго Смол. губ. Н. Елнова; ист. стат. опис. г. Рославля и его у. Ф. Никифорова и В. Невѣровича; id. на 1860 г.: ист. опис. г. Дорогобужа и его у., ихъ же.; id. на 1861 г.: изъ запис. ген. майора М. Елчанинова о соб. 1812 г.; ист. стат. опис. г. Елни и у. его; id. на 1862 г.: ист. стат. опис. г. Порѣчья и его у.; id. на 1863 г.: ист. стат. опис. г. Бѣлаго и его у.; id. на 1864—65 г.: ист. изв. о сопрот. смольнянъ поляк. въ смут. времена; видъ Смол. въ 1611 г.; осады Смол. въ 1609, 1610 и 1617 гг. 37) Сборн. стат. свѣд. о *Ставроп. губ.* В. I—IV, 1868—71: жилища, пища и одежда калмыковъ; женщина калмычка, въ физіологич., религіоз. и соціальн. отнош. I. Бентковскаго; ист. стат. обз. дух. уч., завед. сѣверн. Кавк. Н. А. Цареградскаго; ист. стат. свѣд. о гг. Ставрополѣ и Моздокѣ, I. Бентковскаго; оч. засел. своб. земель Пятигор. у.; осѣдл. посел. инород. Ставроп. у; матер. къ ист. сѣв. Кавказа; о поимкѣ и бѣгствѣ Пугачева; библіогр. указат. книгъ, сочин. и стат., относ. къ стат., ист. и этногр. сѣв. Кавк. 38) Пам. кн. *Таврич. губ.* 1864 г: занятіе Крыма,

А. А. Скальковскаго; христіан. въ Крыму, К. Хартахая; матер. для ист. Крым. полуос.; ист. стат. обозр. Тавр. губ.; ист. стат. опис. городовъ; ногайск. колоніи, А. А. Скальковскаго; болгаро-слав. колоніи. 39) Пам. кн. *Таганрог. градонач.* на 1865 г.: ист. оч. Таганрога; пересел грек въ Таганрогъ. 40) Пам. кн. *Тамб. губ.* на 1862 г.: опис. монаст.; списокъ селеній Тамб. губ., назв. коихъ фин. происх.; id. на 1866 г.: преданія о давности засел. края разбойниками; курганы и находки. 41) Пам. кн. *Твер. губ.* на 1861 г.: пѣсни, собр. въ г. Зубцовѣ и въ Новоторж. у.; собр. жалов. грамотъ Клобукову монаст. на земли и угодья 1511, 1513, 1622 гг.; id. на 1863 г.: сошная съ писц. книгъ г. Бѣжецка 1627 г.; древн. твер. Троиц. церкви; id. на 1865 г.: очеркъ Торжка; спис. архіер., управл. епар. со врем. ея. учр; писц. книга Торжка и посада 1625 г.; id. на 1868 г.: опис. Н. Столоб. пуст, Селижар. мон., г. Кашина. 42) Ежегодникъ. Матер. для стат. *Туркест. края*, ред. Маева, 1872—73 гг.: составъ насел., колониз. края; о числѣ кочев. насел.; крестьян. посел.; о числѣ раскольник. разн. сектъ; очеркъ ист. киргизск. нар. съ 1732—1868 г.; Рус. Туркестанъ. Сборн., изд. по пов. политехнич. выставки. Спб. 1872 г.: этн. оч. киргизск. народа; пѣсни. 43) Сборн. стат., ист. и археол. свѣд. по быв. *Оренб.* и нын. *Уфим. губ.* Уфа. 1868: Чортово городище въ окрестн. Уфы, Р. Игнатьева; о древн. памятн. въ Уф. у., А. Игнатовича; археол. находи въ курганахъ, въ земляхъ Міас. золот. пріисковъ, Р. Игнатьева; оч. Гурьева городка, В. Фосса; Пам. кн. Уфим. губ. на 1873 г.: свѣд. для ист. Уф. края, г. Уфы, башкир. населенія и пугачевщины. 44) Пам. кн. *Харьк. губ.* на 1865 г.: ист. стат. замѣтки о город. Харьк. губ.; id. на 1866 г.: о лѣсахъ Украйны, В. Черняева; id. на 1868 г.: опис. челов. черен., доставл. въ Харьк. стат. ком. 45) Пам. кн. *Черниг. губ.* Ч. 1862 г.: опис. нач. лицъ въ Черниг. съ 1660 по 1785 г.; бѣловѣжск. нѣмец. колон.; ист. стат. оч. г. Кролевца, М. Любарскаго; конотоп. старина, А Лазаревскаго; сравнит. табл. цѣнъ нѣк. предметовъ 1750—1753 и 1754 г. съ цѣн. 1861 г., А. Ханенка; Зап. Черниг. стат. ком. кн. I, 1866 г.: малорос. попол. крест. 1648—1785 г., А. Лазаревскаго; актъ 1619 г. о Черниговѣ; о насел. ю. в. части Черн. губ. въ перв. пол. XVII в.; матер. для ист. позем соб. съ пол. XVII в.; свѣдѣнія объ омбышскомъ мон. въ пол. XVII в.; id. кн. II, 1868 г.: опис. рѣкъ Черниг. намѣстнич. 1785 г.: оч. старѣйш.

дворян. родовъ Черниг. губ, А. Лазаревскаго; опис. Черниг. намѣстн. 1781 г., Д Мащенка; С. Попова гора, эти. оч; о труд. архіеп. Филарета по опис. Черниг. г., П. Константиновича; черты быта и правовъ XVII—XVIII стол, А. Лазаревскаго; списокъ водян. мельн. Черниг. полка, его же.; Обозр. Румянц. описи Малороссіи, А. Лазаревскаго и Н. Константиновича, вв. 1—3, 1866—68. 46) *Эстляндскій* сборникъ, Ревель, 1870 г.: указы императрицы Елисаветы; письма къ губерн. Лангелю по случаю путеш. импер. Павла I; къ ист. Балт. порта; безпоповцы въ Эстл. губ. 47) Пам. кн. *Якут. обл.* на 1863 г.: воев. и начальн. г. Якутска и ихъ дѣйствія; id. на 1867 г: матер для медиц. ист. Якут. края. 48) Пам. кн. *Яросл. губ.* на 1862 г.: о врем. основ. г. Ярославля; ист. Мологской страны, княжествъ въ ней бывшихъ и г. Мологи; о началѣ Яросл. губ — Труды Яр. губ. стат. к. В. I, 1866: странники, эпиз изъ ист. раск., Л. Н. Трефолева.; В. V, 1868 г.: зап. о древн. княж. монет. Ростова, Углича, Ярославля, Е. Е. Люценка (съ 4 таблиц); опис. кургановъ Мологск. у., Л. Н. Сабанѣева (съ 17 чертеж.); свадьбы, сказки, молитвы и заговоры въ Пошехон. у. С. Я. Дерунова и Е И. Якушкина; лѣтописецъ о ростов. архіер. съ предисл. Е. Якушкина и портр. Арсенія Мацѣевича. 49) Пам. кн. *Кубанской обл.*, Екатеринодаръ, 1881 г., изд. Е. Д. Фелицынъ. Матер. для ист. засел. сѣв. Кавказа: заселеніе Черноморья съ 1792—1825 г. І. Бентковскаго; наказные атам. быв. Кавк. лин. войска.

1) Историко-статист. свѣд. о *С.-Петербургской епархіи*, изд. С.-пб. епарх. ист. стат. комитета, В. I—VII, 1875—83; 2) Ист. стат. опис. *Смол. епархіи*, Спб. 1864 г.; 3) Труды комитета для ист. статист. опис. *Подольск. епар.* В. I, 1876—77 гг.: программа для собир. ист. арх. свѣдѣній о Подоліи; ист. геогр. и этн. оч. Подоліи, М. Симашкевича; ист. стат. описанія церквей и приходовъ; 4) Ист. статистич. матер. о Екатеринослав. епархіи въ Епарх. вѣд. 1880-хъ гг. и др. подоб. труды.

Сообщеніе профес. С. Шевырева Арх. ком. о Ватиканскомъ архивѣ, напеч. въ Ж. М. Н. Пр. 1839, № 5, 103—120; опись сербск. грамотъ, сообщ. Ващенкомъ, ib. 1838, № 10, 143—144; сообщ. Менцова о библіотекахъ Мюнхена, Рима и Неаполя (здѣсь найдена была грам. Петра В. 1707 г. къ папѣ Клименту XI съ отвѣтомъ на нее, а въ другой неапол. библ.—итальян. рук. о Россіи XV—XVI в.), ib. 1842, № 10.

VII.

Ученыя общества въ Россіи; иностранныя ученыя общества, касающіяся Россіи; періодическія изданія и сборники матеріаловъ.

Первымъ ученымъ обществомъ въ Россіи, въ истинномъ значеніи этого слова, была собственно Академія Наукъ, обязанная, по проекту Петра В., науки производить и совершать. Она была открыта въ первый же годъ царствованія Екатерины I, въ концѣ 1725 г. Мы не имѣемъ въ виду касаться здѣсь дѣятельности Академіи Наукъ по разработкѣ русской исторіи и древностей, о которой скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы разсмотримъ только ея дѣятельность по части собиранія и изданія матеріаловъ Поэтому прежде всего намъ необходимо напомнить о путешествіяхъ Г. Ф. Миллера въ Сибирь; о собираніи имъ историческихъ матеріаловъ; о его дѣятельности въ званіи директора Москов. архива иностран. дѣлъ и объ его содѣйствіи въ изданіи матеріаловъ кн. Щербатову, Новикову, Голикову и др

Но Миллеръ понималъ уже всю важность спеціальнаго учрежденія для разработки исторіи. Съ этою цѣлью, спустя годъ по своемъ возвращеніи изъ путешествія (1744 г.), онъ представилъ „предложеніе объ учрежденіи при Академіи Наукъ историческаго департамента для сочиненія исторіи и географіи Россійской имперіи". Во главѣ послѣдняго, по его мысли, слѣдовало поставить исторіографа, въ помощники къ которому были бы назначены—адъюнктъ, переводчикъ и два студента, которые могли бы потомъ занять мѣста адъюнктовъ. Департаментъ долженъ былъ составлять часть Академіи, но находиться въ Москвѣ, какъ болѣе богатой архивными матеріалами. Въ дѣятельность его входили бы изслѣдованіе какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ архивовъ и собираніе матеріаловъ, находящихся у частныхъ лицъ. Самые матеріалы, исчисленные Миллеромъ, обнимаютъ всѣ роды исто-

рическихъ источниковъ (лѣтописи, хронографы, житія, архивныя дѣла, родословныя книги, надписи, древности и преданія, иностранныя сочиненія). Въ планъ департмента входили также путешествія съ цѣлью открытія матеріаловъ и обозрѣнія архивовъ. Такимъ образомъ, уже въ этотъ планъ внесены были такія ученыя предпріятія, которыя потомъ приняла на себя Археографическая коммиссія и ученыя общества. Но этому плану, вслѣдствіе бюрократическихъ взглядовъ на науку, господствовавшихъ тогда, не суждено было сбыться. Академическая администрація (съ 1746 г. президентъ Разумовскій и всевластный тогда Шумахеръ) увидѣла въ немъ намѣреніе Миллера освободиться отъ Академіи Наукъ, излишніе расходы и убытки для казны и потому отклонила его. Бюрократіи мало было дѣла то того, что подобныя неудачи вызывали въ ученомъ только „ипохондрическую болѣзнь", происходящую „отъ многихъ трудовъ, досады и печали", и которыя онъ долженъ былъ въ добавокъ подавлять въ себѣ. Миллера тяготила мысль, что и его труды можетъ постигнуть участь трудовъ Мессершмидта, которые оставались не изданными [1]). Впрочемъ, въ 1748 г. состоялось учрежденіе при Академіи историческаго департамента, но совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ. Всѣ занятія этого департамента заключались лишь въ обработкѣ Миллеромъ, вмѣстѣ съ академикомъ Фишеромъ, матеріаловъ, собранныхъ во время сибирскаго путешествія, а потому онъ и не принесъ особенной пользы наукѣ. Настоянія Миллера о пріобрѣтеніи историческихъ матеріаловъ Татищева заблаговременно, до его кончины, не имѣли успѣха, и бумаги эти погибли нѣсколько лѣтъ спустя въ пожарѣ, случившемся въ его имѣніи. Точно также осталось не уваженнымъ и заявленіе Миллера о сохраненіи бумагъ Петра В., на которыя обратила потомъ вниманіе Екатерина II, благодаря чему онѣ донынѣ сохранились въ цѣлости [2]).

По мысли того же Миллера, въ 1755—64 гг. стали издаваться при Академіи (20 т.) *„Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія"* (1758—62—Сочиненія и переводы и пр., въ 1763—64—Ежемѣсячн. сочин. и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ). Въ нихъ помѣщались сочиненія по разнымъ наукамъ, между прочимъ по исторіи и этнографіи

[1]) Пекарскій, Ист. Академіи Наукъ, I, 338—343; 617—636.

[2]) Ibid. 346—359. Ср. Исторіогр. Миллеръ въ Томскѣ, Рус. Вѣст. 1881, № 11.

(Байера, Миллера, Фишера, Рычкова, Соймонова, Сумарокова, Мельгунова и мн. др.). Въ числѣ статей, помѣщенныхъ здѣсь, находимъ: извѣстія о городахъ; о народахъ, обитающихъ въ Россіи; о казакахъ; выписки изъ хронографовъ; свѣдѣнія по древней географіи Россіи; о путеш. въ Китай; описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточному морямъ; свѣдѣнія о сѣверовосточныхъ странахъ Россіи и Сибири; о древностяхъ, найденныхъ въ могилахъ. Нѣкоторые томы этого журнала вышли вторымъ изданіемъ. Въ 1786—1796 при Академіи издавались „*Новыя ежемѣсячныя сочиненія*“ (20 тт., 121 чч.), въ которыхъ находимъ: выписки изъ тамбовскаго лѣтописца; описанія городовъ и монастырей; этнографическіе очерки; списки древнихъ словъ; приговоръ духов. собора о бракахъ ц. Ивана IV; опис. осады Чигирина турками въ 1678 г.; письма; путешествія по Россіи и въ Персію (Лерха, 1733—35 г., 1745—47); древнія азовскія и крымскія происшествія (Миллера); извлеченія изъ Витзена (о калмыкахъ); описаніе древностей; извлеченіе изъ записокъ Гордона. Въ 1758 г., по мысли Миллера, была предпринята „*Библіотека Россійская историческая*“, въ которой предполагалось издавать лѣтописи и записки о Россіи; но только въ 1767 г. появился I-й томъ ея, содержащій въ себѣ очеркъ жизни Нестора и древнюю лѣтопись съ продолжателями ея до 1206 г., по Кенигсбергскому списку; но Миллеръ и Шлецеръ были недовольны этимъ изданіемъ, исполненнымъ, при участіи Тауберта, Барковымъ.

Въ 1786—81 г. Академія Наукъ издавала „*Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики*“, 11 томовъ. Въ это изданіе вошли: Русская Правда и Судебникъ ц. Ивана Вас. съ дополнительными указами и примѣчаніями Татищева (ч. 1); Новгородскій лѣтописецъ 946—1441 г. (ч. 2), по рукописи Ак. Н., доставшейся ей отъ Татищева. Въ остальныхъ частяхъ были помѣщены: кратк. лѣтописецъ; выписки изъ лѣтописей и Кормчей книги; грамоты: духовныя, межевыя, договорныя, жалованныя, великихъ и удѣльныхъ князей, поручныя записи, докладныя грамоты, крѣпости, мѣновыя, приговоры духовныхъ и земскихъ соборовъ, сношенія ц. Ивана Вас. съ нагайскими мурзами (чч. VII—XI). Эти матеріалы заимствованы были изъ *Архива мин. иностр. дѣлъ* (бывшей коллегіи).

Между тѣмъ Шлецеръ возъимѣлъ мысль издать, на счетъ Академіи Наукъ, извлеченія изъ византійскихъ писателей о Россіи, которую поддерживалъ и Фишеръ. Порученіе это было возложено на Стриттера.

Онъ составилъ выписки изъ 40 фоліантовъ византійцевъ [1]), которыя вышли въ латинскомъ (Memoriae populorum etc., I—IV, 1771—1779, съ указателемъ) и русскомъ изданіяхъ (Изв. визант. историковъ, объясняющія Рос. ист. древн. временъ и переселеніе народовъ, 1770—1775), но ими (особенно русскимъ) необходимо пользоваться осторожно, хотя первое изъ нихъ и до сихъ поръ не потеряло своей цѣны.

Явленія научной и литературной дѣятельности въ Россіи въ царствованіе Екатерины II, за 1770—1787 гг., нашли мѣсто въ изданіи Люд. Бакмейстера, который былъ рекомендованъ Шлецеромъ и участвовалъ въ издававшемся Миллеромъ историческомъ сборникѣ (Sammlung Russischer Gesch. 1732—64 г., 9 т.). Это его—Russische Bibliothek, въ которую вошли рецензіи и извѣстія о сочиненіяхъ, выходившихъ въ Россіи въ этотъ періодъ (1772—1789, 11 т.).

Съ другой стороны, рядъ ученыхъ экспедицій академиковъ и другихъ лицъ, совершившихъ ихъ по распоряженію Академіи въ XVIII в., какъ то: Миллера, Лепехина, Зуева, Фалька, обоихъ Гмелиновъ, Гильденштедта, Палласа и прочихъ, оставившихъ обстоятельныя описанія этихъ путешествій, расширилъ этнографическія свѣдѣнія о Россіи и доставилъ богатый матеріалъ (особенно Лепехинъ и Палласъ) для археологіи [2]). Въ XIX в. къ нимъ присоединяются труды Шёгрена, Клапрота (его Архивъ азіатской литер., исторіи и языкознанія, Спб., 1810 г. и др.), Кастрена, Веніаминова, Алквиста, Радлова, Видемана и многихъ другихъ. Труды ученыхъ въ XIX в. появлялись въ слѣдующихъ академическихъ изданіяхъ: *Чтенія Импер. Акад. Наукъ въ Спб-гѣ, за 1829 и 1830 г.*, отдѣленіе наукъ историческихъ, филологич. и политическихъ, Спб. 1831 г.; *Мемуары Акад. Наукъ* (на иностран. яз. съ 1809—1830, 11 тт., съ 1832 по 1859 г. 9 тт., съ 1859—1883—31 тт. и далѣе [3]); 6-ая серія между прочимъ заключаетъ Шармуа: Массуди и др. вост. писателей (и отд.); Ибнъ-Фоцлана и др.

[1]) Стриттеръ пользовался для своего труда парижскимъ изданіемъ византійцевъ (1645—1672, 32 т. въ листъ, на греч. и латин. яз.) и отчасти венеціанскимъ (съ 1729 перепечатали тамъ париж. изд. съ дополненіемъ писателей, остававшихся въ рукописяхъ).

[2]) Сводъ этнографич. данныхъ о Россіи въ то время представляетъ соч. Георги, о которомъ мы упоминали.

[3]) Мемуары служатъ продолженіемъ „Комментаріевъ" и „Актовъ", выходившихъ въ XVIII в.

Френа, изслѣдованія Шёгрена и т. п.); *Бюллетени Академіи Наукъ* (съ 1844 г. по 1859 г.—16 т., 1860—1884, 29 тт. и далѣе [1]); *Beiträge zur Kentniss des Russisches Reiches*, Бера и Гельмерсена, съ 1839—1871 г. 26 томовъ. Въ этихъ изданіяхъ помѣщены труды, посвященные исторіи, этнографіи и географіи Россіи: Круга, Кёлера, Куника, Моргенштерна, Бера, В. Бетлинга, Шифнера, Боннеля, Бруна, Муральта, Напіерскаго, Кеппена, Аделунга, Даниловича, Погодина, Бередникова и др. Не менѣе важны для исторіи:

Ученыя записки Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, 3 т. 1853—55 гг. Здѣсь помѣщены матеріалы преимущественно историко-этнографическаго содержанія (труды О. Бетлинга, Шифнера, Кастрена, Куника, Кеппена), выписки изъ Генр. Латыша, Ибнъ-эль-Атира, о нашествіи монголовъ на кавказскія и черноморскія страны—и другіе, относящіеся къ Россіи матеріалы (о шведской войнѣ при Елисаветѣ Петровнѣ, по исторіи Академіи Наукъ). *Ученыя записки II отдѣленія Ак. Наукъ*, I—VII т. 1854—1863 г. Въ нихъ напечатаны памятники древней русской письменности, лѣтописи (литовская), древнія повѣсти, описанія рукописей, историческіе матеріалы и нѣк. византійскіе писатели (Прискъ, перев. и комментар. Г. С. Дестуниса, и Амартолъ—въ греч. текстѣ, приготовленный къ изданію Э. Муральтомъ). *Извѣстія Ак. Наукъ по отдѣлу русскаго языка и словесности* 1852—1863 г. 10 томовъ. Они заключаютъ въ себѣ памятники древней письменности и комментаріи къ нимъ, матеріалы для исторіи церковно-славянскаго и русскаго языковъ, словари восточныхъ и другихъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, словарь церковно-славянскаго языка Востокова и т. п.; свѣдѣнія о древнихъ библіотекахъ, описанія рукописей, палеографическіе матеріалы [2]). *Записки Ак. Наукъ* 1862—83 г., до 50 томовъ—заключаютъ въ себѣ, кромѣ цѣлаго ряда историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ по исторіи Ак. Наукъ, ученую переписку Востокова, м. Евгенія, Румянцова, Погодина, Сопикова и др., матеріалы о Татищевѣ, Ломоносовѣ, Екатеринѣ II, о пугачевскомъ бунтѣ, автобіографію Шлецера, переписку современниковъ отече-

---

[1]) Извлеченія изъ Бюллетеней по исторіи, этнографіи, лингвистикѣ и статистикѣ Россіи—составляютъ: 1) *Mélanges russes*, I—IV т. и д. 1851—72 гг.; 2) *Mélanges asiatiques*, 1852—81 г., I—VIII т. и д.—статьи о народахъ, живущихъ на Кавказѣ, и др. обитателяхъ Россіи, причисляемыхъ къ разряду азіатскихъ.

[2]) Извлеченіе изъ нихъ: Чтен. о языкѣ и словесности, 3 кн. 1855—57 гг.

ственной войны и др. Извлеченіе болѣе важныхъ сочиненій и матеріаловъ 2-ое отдѣленіе (до 1841 г. бывшая Рос. Ак.) печатаетъ особымъ изданіемъ: *Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ.* До сихъ поръ вышло болѣе 30 томовъ. Томы 27—31 заключаютъ въ себѣ изслѣдованіе Д. Ровинскаго о народныхъ русскихъ картинкахъ (въ отдѣльн. изданіи 5 тт. и 3 тт. атласа).

Въ послѣднихъ трехъ изданіяхъ принимали постоянное участіе: И. И. Срезневскій, Я. К. Гротъ, А. Ѳ. Бычковъ, П. П. Пекарскій, М. И. Сухомлиновъ, м. Макарій, архіеп. Филаретъ, Я. И. Бередниковъ, К. А. Неволинъ А. Н. Пыпинъ, Д. В. Полѣновъ, В. И. Григоровичъ, П. А. Лавровскій, В. В. Макушевъ, А. Н. Веселовскій и др.

Независимо отъ того, Академія и члены ея издаютъ отдѣльные труды и матеріалы. Изъ послѣднихъ назовемъ: Матеріалы для исторіи Акад. Наукъ Куника, 1865, 2 ч.; Матеріалы о Ломоносовѣ (1865), важные также для ея исторіи, издан. П. С. Билярскимъ; Письма Вольфа, относящіяся къ первоначальной исторіи Спб. Акад. Наукъ, 1860 г.; Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру В. (1873), В. И. Герье; Письма Карамзина къ Дмитріеву, 1866 г., изданныя Я. К. Гротомъ и П. П. Пекарскимъ; Сочин. Державина, изд. Гротомъ (9 т.); Матеріалы для новой исторіи Кавказа (1722—1803), 3 ч. 1869 г., издан. П. Г. Бутковымъ; Матеріалы для исторіи крымскаго ханства, 1864 (изъ Моск. арх. ин. дѣлъ) и о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, 1863—66, Вельяминова-Зернова; Дневникъ похода С. Баторія на Россію (осада Пскова), подъ ред. Кояловича; Переписка грузинскихъ царей съ русскими государями на иностранныхъ языкахъ 1639—1770 г. (1861); Монеты хановъ Золотой Орды—Френа 1832 г.; Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ съ 621 рис., И. И. Ворсо и предисл. Бэра, 1861; Описаніе восточныхъ монетъ музея Ак. Наукъ Френа; Опытъ визант. хронографіи, Э. Муральта (на франц. яз. 2 т.); историческіе и филологическіе труды по языкамъ финскихъ и монгольскихъ племенъ, населяющихъ Россію, — Шёгрена, Кастрена, Алквиста, Видемана и др. Въ 1883 г. Академія издала Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, а ко дню юбилея историка В. Н. Татищева (1886)—готовитъ изданіе всѣхъ его трудовъ. Въ „отчетахъ“ же ея о присужденіи наградъ Демидова (съ 1832 г.) и графа Уварова (съ 1857 г.) помѣщено множество рецензій, касающихся источниковъ русской исторіи и ихъ разработки.

Такимъ образомъ, въ XIX столѣтіи Академія Наукъ преимущественно издавала матеріалы, имѣющіе интересъ для исторіи науки въ Россіи; затѣмъ разработывался ею этнографическій матеріалъ и въ связи съ нимъ матеріалы филологическіе; труды ея по археологіи были посвящены собственно нумизматикѣ, а 2-ое отдѣленіе Академіи главнымъ образомъ сосредоточивало свое вниманіе на памятникахъ историко-литературныхъ.

Первое ученое общество, въ тѣсномъ смыслѣ слова, возникло при другомъ высшемъ ученомъ и учебномъ учрежденіи,—Московскомъ университетѣ. Это—Вольное россійское собраніе, открывшееся въ августѣ 1771 г., по иниціативѣ куратора Московскаго университета Ив. Ив. Мелиссино, человѣка образованнаго, послѣдователя современнаго философскаго движенія. Образцомъ для этого Общества послужила Французская Академія, а цѣлью его было поставлено—усовершенствованіе русскаго языка и разработка наукъ вообще. Для содѣйствія образованію такого Общества университетъ обратился съ воззваніемъ къ *любителямъ россійской словесности;* онъ указывалъ на *публичныя и приватныя хранилища книгъ и писемъ*, которыя могутъ быть издаваемы въ свѣтъ, *для удовольствія общенароднаго* и *для приведенія въ совершенство россійской исторіи*; на *судебные архивы*, ознакомленіе съ которыми можетъ способствовать *развитію исторіи россійскаго законодательства*. Въ числѣ первыхъ членовъ этого собранія были профессоры Москов. университета—изъ русскихъ: Барсовъ, Десницкій, Третьяковъ, Чеботаревъ, Аничковъ и др.; изъ иностранцевъ: Рейхель, Шаденъ, Маттеи и др., а также извѣстные писатели и ученые того времени: Рычковъ, Нартовъ, Новиковъ, Веревкинъ, Рубанъ, прот. Алексѣевъ, Миллеръ, Бакмейстеръ, княг. Дашкова. Затѣмъ появляются въ немъ Домашневъ, Херасковъ, Ф. Визинъ, Муравьевъ, Сумароковъ и др. Засѣданія Общества бывали еженедѣльныя. Но на первыхъ же порахъ Обществу помѣшала московская чума. Вообще, дѣятельность Общества, какъ ученаго учрежденія, не могла быть обширна въ слѣдствіе того, что писатели-поэты имѣли совсѣмъ иную задачу; притомъ многіе изъ членовъ не жили въ Москвѣ, а другіе, какъ напр. иностранцы, не владѣли достаточно русскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, на первыхъ порахъ Общество приступило къ составленію „Россійскаго словаря." Оно обращалось для этого къ своимъ членамъ и къ епархіальнымъ архіереямъ, прося ихъ сообщить мѣстныя рѣдкія слова, но трудъ этотъ не осуществился и Общество успѣло

разсмотрѣть только „Церковный словарь" протоіерея Алексѣева (3 ч. 1773—76 г.) и „Введеніе въ Астраханскую топографію" П. Рычкова, уже извѣстнаго намъ по своимъ сношеніямъ съ Акад. Наукъ; наконецъ, оно занялось пополненіемъ „Географич. лексикона Рос. государства", собр. Ѳ. Полунинымъ и изданнаго въ 1773 г. Г. Миллеромъ, который съ этою цѣлью былъ разосланъ къ архіереямъ и губернаторамъ, для пересмотра и исправленія, но и это предпріятіе не было приведено въ исполненіе.

При всемъ томъ, Общество, въ теченіе одиннадцати лѣтъ своего существованія, издало 6 томовъ *Опыта Трудовъ Вольн. Рос. Собр. при Импер. Москов. университетѣ* (1774—1783), въ которыхъ, кромѣ литературныхъ и переводныхъ статей, было помѣщено значительное количество историческихъ матеріаловъ: лѣтописей (Двинской лѣтописецъ, сведенный по двумъ спискамъ Миллеромъ, доходящій до 1705 г.), послужной списокъ бояръ, окольничихъ и другихъ придворныхъ чиновъ (1462—1676), сообщенный М. П. Шереметевой; чинъ поставленія на царство ц. Ѳедора Алексѣевича (сообщен. пр. Алексѣевымъ); о вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (Миллера); о древнихъ чинахъ, бывшихъ въ Россіи (кн. Щербатова); грамоты (избраніе на царство Бориса Годунова и духовная патр. Іова); посольскій наказъ къ персидскому шаху; отпускъ и поѣздка вел. княжны Елены Ивановны въ супружество за вел. кн. литовскаго Александра; краткое описаніе о Камчаткѣ, капитана Шмалева (сообщ. Миллеромъ); свадьбы вел. кн. Василія Ивановича и кн. И. Д. Бѣльскаго; переводъ правъ мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ [1]); о началѣ гвардіи (Преображенскаго и Семеновскаго полковъ) и журналѣ Гордона (Миллера); рожденіе, воспитаніе и воцареніе Петра В. по разряднымъ спискамъ (Миллера); копія статейнаго списка Племянникова и Истомы къ Максимиліану цезарю римскому; о Китаѣ, извѣстіе Братищева; извѣстія о первой печатной Библіи на славянскомъ языкѣ (Стриттера) и объ Апостолѣ, исправленномъ Скориною (Алексѣева). Въ 1783 г. Общество совсѣмъ прекратило свою дѣятельность.

Только въ началѣ 1804 г. вновь возникаетъ при Москов. университетѣ ученое Общество исторіи и древностей россійскихъ, по

[1]) Недавно появились спеціальные труды объ этомъ кодексѣ, пр. Леонтовича и Голстунскаго (рецензіи ихъ пр. Кистяковскаго и Владимірскаго-Буданова).

инициативѣ знаменитаго Шлецера, издавшаго не задолго до того первыя двѣ части своего „Нестора“, и при содѣйствіи тогдашняго попечителя Моск. университета М. Н. Муравьева [1]). Въ началѣ единственною цѣлью новаго Общества было поставлено—изданіе рус. лѣтописей; но оно не имѣло даже устава до января 1811 г. Первымъ предсѣдателемъ Общества былъ ректоръ университета и проф. рус. исторіи Х. А. Чеботаревъ, а съ 1811 г. П. П. Бекетовъ [2]). Впрочемъ, въ теченіе этого промежутка, Общество всего имѣло нѣсколько засѣданій и напечатало лишь нѣсколько листовъ Несторовой лѣтописи, которые до насъ не дошли. Уставъ Общества 1811 г. ограничилъ число членовъ (30) и потребовалъ почти постояннаго пребыванія ихъ въ Москвѣ. Въ числѣ первыхъ членовъ и сотрудниковъ Общества мы встрѣчаемъ имена: Р. Ѳ. Тимковскаго, принявшаго на себя изданіе своднаго текста древней лѣтописи по Лаврентьевскому списку, К. Ѳ. Калайдовича, гр. А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, Н. М. Карамзина, М. Т. Каченовскаго, Д. Н. Дубенскаго. Затѣмъ въ немъ участвовали: митр. Евгеній, Н. С. Арцыбашевъ, А. А. Писаревъ, Д. И. Языковъ, В. М. Ундольскій, М. П. Погодинъ, И. В. Васильевъ, И. М. Снегиревъ, П. М. Строевъ, П. А. Мухановъ, Н. И. Надеждинъ, П. И. Кеппенъ, М. Н. Макаровъ, А. Ѳ. Малиновскій, А. Д. Чертковъ, П. П. Свиньинъ, В. А. Борисовъ, кн. М. А. Оболенскій, М. П. Полуденскій, А. М. Кубаревъ, С. К. Сабининъ и др.

Но и на этотъ разъ дѣятельность Общества была прервана въ самомъ началѣ. Пожаръ 1812 г. истребилъ зданіе университета, библіотеку и имущество Общества; уцѣлѣли лишь одни листы его изданій, отпечатанные до тѣхъ поръ; такимъ образомъ только въ началѣ 1815 г. опять возобновились засѣданія Общества. Только теперь была выпущена въ свѣтъ 1-я часть *Русскихъ достопамятностей*, печатаніе которой начато было прежде Калайдовичемъ; приступлено къ изданію *Записокъ и трудовъ общества* (съ 1815), а также издана древняя лѣтопись по Лаврентьев. списку, редактированная Тимковскимъ (1824). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Общество стали поступать древнія рукописи (лѣтописи, хро-

[1]) Записки и труды Общ. ист. и древн. рос. ч. I (уставъ и ист. открытія общества).

[2]) Кто былъ первымъ предсѣд. Общ. ист. и древн. Н. А. Попова, Чтен. М. О. И. 1878, кн. I; Записка объ И. О. ист. и древн., Бодянскаго, ib. 1877, III.

нографы, акты, записки), монеты, медали, книги; такъ что въ теченіе перваго же года существованія Общества, по возобновленіи его, въ библіотеку его поступило: книгъ и рукописей 439, монетъ и медалей 283 [1]).

Не смотря, однако, на наступившее болѣе благопріятное время для ученой дѣятельности Общества и приращенія его средствъ, мы не видимъ его трудовъ до 1824 г., такъ что Строевъ былъ правъ, обратившись къ Обществу съ извѣстною рѣчью, въ которой указывалъ на необходимость изданія матеріаловъ по русской исторіи и ихъ обработки [2]), предлагая Обществу взять это дѣло на себя, не ограничиваясь предѣлами одной Москвы по части археологіи или двухъ-трехъ лѣтописей, находящихся подъ руками. Только библіотека Общества и собраніе монетъ значительно расширились въ слѣдствіе новыхъ приношеній [3]).

Съ избраніемъ въ 1836 г. въ президенты Общества гр. Строганова, сдѣланы были измѣненія въ его уставѣ и на изданія Общества назначено было 5,000 р. ассигнаціями изъ государственнаго казначейства.

Въ теченіе означеннаго времени Общество издало слѣдующіе труды:

1) *Русскія достопамятности*, I—III чч. 1815, 1843, 1844 гг. Въ этомъ сборникѣ было помѣщено нѣсколько весьма важныхъ памятниковъ, историческихъ и литературныхъ, преимущественно древнихъ: Рус. Правда и уставъ о мостахъ Ярослава; уставъ новгород. кн. Святосл. Ольг. 1137 г.; грамота новгород. кн. Всеволода Мстиславича; Двинскія уставныя грамоты ц. Ив. Васильевича; губная грамота Бѣлозерская, его же; договоръ в. к. Мстислава съ Ригою и готскимъ берегомъ; посланія митр. Никифора и Іоанна—XII в.; правило Кирилла митр. XIII в.; окончаніе Степенной книги; доношеніе Посошкова; Слово о Полку Игоревѣ и др. памятники, съ объяснен. Р. Ѳ. Тимковскаго и Д. Н. Дубенскаго.

2) *Записки и труды*, I—VIII чч. 1815—1837 г.—были посвящены преимущественно изслѣдованіямъ по древней географіи и исторіи Рос-

[1]) Зап. и труды, II, проток. 59.

[2]) Труды, т. IV.

[3]) Предсѣдателями общества въ это время были: съ 1823—30 г. А. А. Писаревъ; съ 1830—36—А. Ѳ. Малиновскій, съ 1836г.—гр. С. Г. Строгановъ, съ 1849 г.—А. Д. Чертковъ, съ 1857 по 1875 г. снова гр. Строгановъ. Далѣе слѣдовали: М. П. Погодинъ, гр. Д. Н. Толстой-Знаменскій, С. М Соловьевъ и И. Е. Забѣлинъ; секретарями: П. А. Сохацкій, И. А. Двигубскій, И. М. Снегиревъ, С. П. Шевыревъ; съ 1837—45—Погодинъ, затѣмъ О. М. Бодянскій съ перерывомъ въ 1848—57 гг. (И. Д. Бѣляевъ), съ 1877 г А. Н. Поповъ, а съ 1882 г.—Е. В. Барсовъ.

сіи и описанію монетъ и древностей, найденныхъ тогда (въ Кіевѣ, Черниговѣ, Владимірѣ, Зарайскѣ, въ Новорос. краѣ и др.), Калайдовича, м. Евгенія, Арцыбашева, Снегирева, А. Писарева, Кеппена.

3) *Русскій историческій Сборникъ*, 1838—44 г. I—VII т., изд. Погодинымъ.

Въ немъ помѣщались географическія изслѣдованія и описаніе городищъ путешествовавшаго по Россіи З. Ходаковскаго; описанія древностей и кургановъ; мѣстническія дѣла XVI и XVII в., сообщенныя завѣдывавшимъ сенатскимъ архивомъ П. И. Ивановымъ.

Кромѣ того, Обществомъ были напечатаны слѣдующія отдѣльныя изданія: „Предварительныя критическія изслѣдованія", Эверса, перев. Погодина, 1829 г.; „Обзоръ Кормчей книги", Розенкампфа, 1834 г.; „Корсунскія врата", Аделунга, съ рисунками, 1834; „Супрсльская рукопись" (Кіев. и Новгород. лѣт.) 1836; Псковская лѣтопись, изд. Погодинымъ, 1837; Повѣствованіе о Россіи, Арцыбашева, 1838—43, 3 тт.; „Книга посольская метрики Вел. кн. литовскаго въ государствованіе кор. Сигизмунда Августа и Баторія", ред. Погодина, Дубенскаго, Даниловича и кн. Оболенскаго, 1843, 2 тт.; Критико-историч. повѣствованіе о Галицкой Руси, Зубрицаго, перев. Бодянскаго, 1845; Книга большой чертежъ, Г. Спасскаго, 1846; О рус. войскѣ, Бѣляева, 1846; Изслѣдов. и лекціи Погодина 1—3 т. 1846; Библіотека И. М. О. ист. 1845 г., П. М. Строева.

Гораздо шире представляется научная дѣятельность Общества со времени редакціи его трудовъ О. М. Бодянскимъ. Въ 1846—48 г. онъ издалъ 23 книжки *Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ*, въ которыхъ были помѣщены: исторія Руссовъ мнимаго Конисскаго, лѣтописи малороссійскія и извѣстія о казакахъ малороссійскихъ и донскихъ (Симоновскаго, Ригельмана, Миллера и др.); V-й т. Рос. исторіи Татищева, шуйскіе акты, фамильные акты Голохвастовыхъ и др.; акты моск. соборовъ о еретикахъ и церковно-историческіе матеріалы XV—XVI вв.; переписка за время сѣверной войны; малорос. дѣла XVII—XVIII в.; иностранныя извѣстія XVI—XVII в. (Барецко, Бѣльскій, Шаумъ, Коллинсъ и т. п.).

Но изданіе сочиненія Флетчера „о Московскомъ государствѣ въ XVI в." было роковымъ для Общества и редактора. По этому поводу онъ былъ перемѣщенъ профессоромъ изъ Москвы въ Казань, но отказался отправиться туда. Чтенія М. О. И. прекратились и были за-

мѣнены *„Временникомъ“*, который издавался проф. И. Бѣляевымъ, (25 книгъ 1849—57) и имѣлъ преимущественно историко-юридическій характеръ. Въ это изданіе вошли: Домострой, лѣтописи (Новый лѣтописецъ, лѣтопись Нормантскаго, Переяславля-Суздальскаго, сказанія (о самозванцахъ и др.), разрядныя и писцовыя книги, статейные списки, торговыя и таможенныя книги, мѣстническія дѣла, родословныя, окладныя, расходныя, приправочныя книги, уставныя грамоты и др. акты, описи древнихъ имуществъ и библіотекъ, Литовскіе статуты (по тремъ редакціямъ), экономич. записки Татищева, описи городовъ, книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя, „Пчела“ и т. п. Новый, лучшій періодъ наступилъ для Общества съ царствованіемъ императора Александра II, со вступленіемъ Бодянскаго вновь въ должность секретаря Общества и возобновленіемъ *Чтеній* по ихъ прежней программѣ, которыя стали выходить теперь по четыре книги въ годъ; Бодянскій редактировалъ ихъ до своей смерти въ 1877 г., когда изданіе это перешло въ руки А. Н. Попова. Новою катастрофою, чуть было не сокрушившею, но по крайней мѣрѣ нарушившею дѣятельность Общества, было напечатаніе знаменитой „Трилогіи на трилогію“ (1873, кн. I). Облегченіе для исторической литературы, наступившее въ 60-хъ годахъ, значительно способствовало оживленію этого изданія. Такимъ образомъ здѣсь мы снова встрѣчаемъ цѣлый рядъ иностранныхъ извѣстій о Россіи (XVI—XVIII в.) и множество матеріаловъ по новой исторіи ея, до того времени мало доступной для нашей печати и науки. Такъ, въ „Чтеніяхъ“ появились матеріалы: о ц. Алексѣѣ Петровичѣ, Артеміѣ Волынскомъ, Салникѣевѣ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Биронѣ; о Брауншвейской фамиліи, Арсеніѣ Мацѣевичѣ, Новиковѣ, Радищевѣ; о Пугачовѣ и княж. Таракановой; о Державинѣ и Бецкомъ; по исторіи раскола и ересей; о Сибири и Малороссіи; о коммиссіи Уложенія и Ак. Наукъ; о москов. и казан. университ.; о паденіи Польши; по крестьянскому вопросу; дѣло петербургскаго университета при Александрѣ I; переписка временъ Екатерины II и Александра I; рядъ записокъ: Храповицкаго, Лопухина, Стурдзы, Толя, Шишкова, Ермолова, мнѣнія Мордвинова, Шишкова, и др.; обширный Архивъ гр. А. П. Румянцова; переписка между Россіей и Польшею по 1700 г., Бантыша-Каменскаго; сочиненія историка Щербатова; записки иностранцевъ: Де-Брюина, Фоккеродта, Прейса, Плейера, Перри, Корба, Рондо, Бродовича; обширное собраніе пѣсенъ, Шейна, пословицъ—Даля, пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, Головацкаго и др.; ученая переписка Калайдовича,

прот. Григоровича и др.; къ древнему періоду относятся: житія (Өеодосія, Бориса и Глѣба, матеріалы о Кириллѣ и Меѳодіѣ); большое собраніе царскихъ грамотъ на Корочу; описанія церковныхъ древностей и свѣдѣнія о епархіяхъ и монастыряхъ; матеріалы по исторіи уніи; синодики ц. Ивана Грознаго и т. п.; описанія рукописныхъ собраній; извѣстія иностранцевъ о Россіи (Марка Поло, Бухау, Горсея, Шиля, Варкоча, Мильтона, Олеарія, Петрея, Павла Алеппскаго, Главнича, Мейерберга).

Подъ редакціей А. Н. Попова въ „Чтеніяхъ" было помѣщено много древнихъ памятниковъ и произведеній церковно-полемической литературы XII—XVII в.; а въ послѣднее время изданы: ученая переписка гр. Румянцова, соч. Ульфельда о Россіи (XVI в.), дополненія къ Разрядамъ и т. п. До появленія періодическихъ изданій по новому періоду русской исторіи, какъ „Русскій Архивъ" и „Русская Старина", „Чтенія М. О. исторіи" были единственнымъ въ этомъ родѣ изданіемъ и прежде другихъ проложили путь къ изслѣдованію и обнародованію матеріаловъ по новой рус. исторіи [1]).

Весьма широкую программу дѣйствія, по своимъ занятіямъ, имѣло Казанское общество любителей отечественной словесности (лѣтописи, археологія, славянская филологія, восточныя древности), существовавшее при университетѣ съ 1805—1834 г. и издававшее свои „Труды", но оно далеко не выполнило этой задачи [2]). Харьковское общество наукъ, образовавшееся при университетѣ, издавало также „Труды" (1817 г. не важны) и „Сочиненія студентовъ", въ которыхъ помѣщались иногда ученыя изслѣдованія историко-юридическаго характера" (Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ, Нестеровскаго и др.).

Роль археографической коммиссіи, въ широкомъ смыслѣ, относительно Новороссійскаго края взяло на себя Одесское общество исторіи и древностей, основанное 25 марта 1839 г.; но оно не ограничиваетъ своей дѣятельности этою мѣстностью, а касается и другихъ, сосѣднихъ губерній. При Обществѣ существуетъ музей, въ которомъ хранятся письменые акты и предметы древностей, открытые въ означенномъ районѣ: греческіе, византійскіе, турецкіе, татарскіе, молдавскія, малороссійскіе и запорожскіе, много плановъ, картъ и др. матеріаловъ, отно-

---

[1]) О Бодянскомъ см. Рус. Стар. 1879, т. XXV и XXVI; Сборн. Ак. Н. т. XVIII; Чтен. въ общ. Нест. лѣт., кн. I, Древ. и Нов. Рос. 1880, I; ср. 550—551. Въ перепискѣ Кубарева (ib.) много рѣзкихъ выходокъ противъ него какъ издателя.

[2]) О немъ см. статью Н. А. Попова въ Рус. Вѣст. 1859, т. XXIII.

ся въ исторіи края. Президентами Общества (потомъ Императорскаго) состояли кн. М. С. Воронцовъ, А. С. Строгановъ и др.; секретарями—Н. Н. Мурзакевичъ, В. Н. Юргевичъ и др. Для изслѣдованія кургановъ, древнихъ надписей и мѣстныхъ архивовъ Общество командировало своихъ членовъ. Такъ, имъ были разсмотрѣны архивы: Елисаветградскій, Рѣшетиловскій, банка св. Георгія въ Генуѣ; древности: въ Херсонской губ., въ Крыму, на Кавказѣ; сняты многія надписи, изслѣдованы монеты. Кромѣ своего музея, Общество завѣдываетъ съ 1851 г. музеемъ древностей въ Ѳеодосіи и состоитъ въ сношеніяхъ съ Керченскимъ музеемъ. Въ дѣятельности Общества принимали участіе преимущественно мѣстные ученые: Фабръ, В. Григорьевъ, Стемпковскій, Беккеръ, Ашикъ, Брунъ, Мурзакевичъ, Юргевичъ, А. А. Скальковскій, а также Надеждинъ, Кёпе, Г. Спасскій и др. Труды ихъ были посвящены древней географіи, исторіи церкви, древнихъ греческихъ и генуэзскихъ колоній въ южной Россіи, крымскихъ татаръ, исторіи края подъ турецкимъ владычествомъ, а также въ XVIII и XIX вв. (о славян. поселеніяхъ въ Новорос. краѣ, войны Миниха, турецкія войны при Екатеринѣ II и устройство городовъ въ Новорос. краѣ при Екатеринѣ II и Александрѣ I; дѣятельность Потемкина, Ришелье и др). Съ основанія Общество издало 13 томовъ *Записокъ* (1844—83 гг.) и нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, какъ-то: „Воспорское царство", Ашика (1848, 3 ч.), „Опис. куфич. монетъ X в., найденныхъ въ Рязанской губ." (1841), В. Григорьева, „Ист. о казакахъ запорожскихъ", кн. Мышецкаго (1851), „Восточн. монеты музея древностей" (на нѣм. яз.), Блау (1876). Въ музеѣ Общ. хранится: рукописей—102, грамотъ и документовъ—140, чертежей, рисунковъ и т. п. 270, картъ и плановъ—246 (новый каталогъ изданъ въ 1881), старинныхъ предметовъ—60. Впрочемъ въ послѣднее время музей потерпѣлъ дважды значительныя потери отъ грабежа (см. „Отчеты" и „Записки" общества).

Въ 1866 г. было учреждено въ Петербургѣ Русское ист. общество, состоявшее съ самаго начала подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Императора. Назначеніе этого Общества въ уставѣ выражено такъ: „Русское историческое Общество имѣетъ цѣлью собирать, обработывать и распространять въ Россіи матеріалы и документы, до отечественной исторіи относящіеся, какъ хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ и библіотекахъ, такъ равно и находящіеся у частныхъ людей". Но вскорѣ за тѣмъ Общество еще болѣе расширило свою задачу: оно озаботи-

лось извлеченіемъ матеріаловъ о Россіи, хранящихся въ иностранныхъ архивахъ и, при содѣйствіи мин. ин. дѣлъ и русскихъ миссій въ Лондонѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Парижѣ и Вѣнѣ, успѣло собрать обширный запасъ матеріаловъ, состоящихъ изъ донесеній иностранныхъ пословъ, бывшихъ въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Съ 1867 г. по настоящее время Общество издало до 40 томовъ *Сборника*, въ который вошли матеріалы, съ конца XV вѣка до царств. Александра II (въ 30 и 31 тт.— годы его ученія), извлечен. изъ архивовъ: Государственнаго въ Петербургѣ, Моск. ин. дѣлъ, II-го отдѣленія соб. Е. В. канц., Сенатскаго, дворцоваго въ Павловскѣ, Академіи Наукъ; семейныхъ: кн. Орлова, Репнина, гр. Панина, Шереметевыхъ, бар. Будберга; изъ иностран. архивовъ: донесенія голланд. посланниковъ, относящіяся къ началу цар. Мих. Θед.; иностранныя извѣстія за время отъ Петра В. до царствованія Екатерины II включительно (Дрезденскаго, Берлин., Вѣнск., Парижскаго и Лондонск. архивовъ). Особенно богато собраніе бумагъ Екатерининскаго царствованія, извлеченное изъ русскихъ государственныхъ архивовъ (Екатерин. ком. Уложенія, Пугачев. бунтъ, дѣло Таракановой, переписка Екатерины съ Даламберомъ, Вольтеромъ, Жоффренъ, Гриммомъ, Фридрихомъ II, дѣла польскія и турецкія, семейная переписка, финансовыя дѣла). Бумаги за время цар. Александра I касаются отношеній его къ Лагарпу и Наполеону I, шведскихъ дѣлъ, турецкой войны и иностранной политики вообще. Матеріалы историческаго Общества тѣмъ болѣе важны, что они издаются по подлиннымъ документамъ и полными серіями, посвященными данному вопросу. Въ изданіи ихъ участвовали: кн. П. А. Вяземскій, К К. Злобинъ, А. Х. Бекъ, Д. В. Полѣновъ, П. П. Пекарскій, А. Θ. Бычковъ, Я. К. Гротъ, А. Н. Поповъ, А. Н. Куломзинъ, Н. И. Костомаровъ, Г. Θ. Штендманъ, В. И. Сергѣевичъ, А. А. Половцевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Э. Германъ и др. Въ послѣднее время Общество приняло на себя изданіе дипломатическихъ памятниковъ древняго періода (сношенія Московск. госуд. съ Литовско-польскимъ съ 1487 г.; снош. Рос. съ Англіею въ к. XVI в.), которые слѣдовало бы предоставить Археографической коммиссіи, а ограничиться или матеріалами со времени Петра В., или за время царствованія дома Романовыхъ. Кромѣ того Общество предприняло изданіе полнаго біографическаго словаря русскихъ историческихъ дѣятелей.

Изъ мѣстныхъ историческихъ обществъ назовемъ: Кіевское историческое общество Нестора лѣтописца, состоящее при университетѣ

св. Владиміра и открытое въ 1873 г. Дѣятельность его по изученію матеріаловъ до сихъ поръ состояла въ собираніи свѣдѣній о нѣкоторыхъ мѣстныхъ архивахъ и библіотекахъ; въ сообщеніи матеріаловъ извлеченныхъ изъ нихъ (какъ арх. центр., казен. палаты, губерн. правл., библіот. Кіев. дух. ак., монастыр. архивы); въ изслѣдованіи мѣстныхъ древностей (каковы раскопки въ Кіевской губ. въ 1875 и 1876 гг. и др. мѣстахъ, описаніе бѣлогородской гривны и остатковъ старины). На Обществѣ лежало устройство III-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ и изданіе его „Трудовъ." Общество печатало „Чтенія" (кн. I, 1879), „протоколы" и „отчеты" (въ Унив. Изв., Кіев. Старинѣ и мѣстн. газетахъ).

Бывшій (въ 1877 г.) археологическій съѣздъ въ Казани подалъ мысль объ учрежденіи при Казанскомъ университетѣ Общества археологіи, исторіи и этнографіи, открывшагося 18 марта 1878 г. Оно имѣетъ своею задачею изученіе прошедшаго и настоящаго русскаго и инородческаго населенія въ предѣлахъ территоріи бывшихъ Булгарско-Хозарскаго и Казанско-Астраханскаго царствъ, съ прилежащими къ ней мѣстностями. Съ этою цѣлью оно приводитъ въ извѣстность матеріалы, хранящіеся въ мѣстныхъ и частныхъ собраніяхъ и разсматриваетъ ихъ; производитъ изслѣдованія; устраиваетъ ученыя экспедиціи и выставки; заботится объ устройствѣ архива и музея древностей. „Извѣстія" о своей дѣятельности оно печатаетъ въ „Ученыхъ запискахъ Казан. университета" (съ 1878 г.).

При Харьковскомъ университетѣ существуетъ историко-филологическое общество, но о дѣятельности его мало извѣстно. Въ вѣдѣніи же Общества находится *архивъ малороссійской коллегіи* [1]).

Но историческій матеріалъ не исчерпывается письменными историческими памятниками. Въ область его входятъ также данныя этнографіи, географіи и археологіи, которыя дали въ послѣднее время важное пособіе для изученія народнаго быта и древнѣйшаго историческаго періода. Къ дѣятельности нѣкоторыхъ изъ означенныхъ обществъ, какъ мы видѣли, относится и область археологіи, но кромѣ того существуютъ спеціальныя общества, посвящающія свои труды этой отрасли знанія, а другія—исторической географіи и этнографіи.

Съ расширеніемъ круга историческихъ свѣдѣній, благодаря многочисленнымъ открытіямъ, сдѣланнымъ изслѣдователями древностей въ

[1]) Кіев. Старина 1883, № 11, стр. 497 и д.; замѣтка объ архивѣ, Д. Багалѣя, Унив. Изв. 1882, № 9.

XIX в., какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи возникаютъ археологическія общества. Въ Германіи они открываются съ 1819 г. и извѣстны подъ именемъ союзовъ и обществъ для исторіи и древностей. Они издаютъ свои труды подъ разными названіями: „Jahrbücher, Mittheilungen, Archiv" и пр. Во Франціи эти общества болѣе или менѣе зависятъ отъ центральнаго общества въ Парижѣ, извѣстнаго подъ именемъ Французскаго археологическаго общества и имѣющаго спеціальныя изданія (Journal archéologique и Revue archéologique); подобныя археологическія общества находятся почти во всѣхъ департаментахъ, имѣютъ свои музеи, открываютъ выставки и печатаютъ „мемуары" или „бюллетени." Въ Англіи извѣстенъ Британскій археологическій институтъ, издававшій „Археологическій журналъ." Италія богата археологическими обществами, важнѣйшее изъ которыхъ Археологическій институтъ въ Римѣ (съ 1829 г.), имѣющій свои отдѣлы въ другихъ государствахъ и издающій труды подъ именемъ „Анналовъ" и „Бюллетеней." Въ другихъ государствахъ (Бельгія, Греція, Швеція) существуютъ подобныя же общества, изъ которыхъ болѣе важно для насъ Общество сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

Первое Русское археологическое общество возникло въ Петербургѣ, въ маѣ 1846 г., благодаря почину нѣсколькихъ любителей и поддержкѣ покойнаго герц. Максимиліана Лейхтенбергскаго, много интересовавшагося археологіею и бывшаго первымъ предсѣдателемъ Общества. При учрежденіи Рус. археол. общества, ему было ассигновано 3,000 р. изъ государственнаго казначейства. По смерти герц. Лейхтенбергскаго, предсѣдателемъ Общества до сихъ поръ состоялъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Первоначальною задачею Общества было изученіе классической, западной и восточной археологіи. Съ 1849 г. Общество стало именоваться Императорскимъ археологическимъ обществомъ и на первомъ планѣ его дѣятельности было поставлено занятіе русскою археологіею. Въ началѣ Общество издавало мемуары на иностран. яз. (Mémoires de la Société d'archéologie, 6 тт.), въ которые входили изслѣдованія и описанія монетъ и предметовъ древностей, найденныхъ въ Россіи и хранящихся въ разныхъ музеяхъ (Эрмитажѣ, Павловскѣ, Царскомъ селѣ и др.— русскихъ, польскихъ, татарскихъ, греческихъ, восточныхъ и т. п.)— это труды: Кёне, Савельева, Муральта, Григорьева, Рейхеля, Сабатье, Березина, Ашика, Беккера, Г. И. Спас-

скаго, Черткова, Снегирева, кн. Сибирскаго, Банзарова (родомъ бурята) и др. Независимо отъ того, въ 1848 г. Общество издало: „Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Херсонеса Таврическаго", Б. Кёне (Спб.). Въ 1851 г. герц. Лейхтенбергскій предложилъ составить въ Обществѣ три отдѣленія: *русской и славянской археологіи*, *восточное отдѣленіе* и *классической и западной археологіи*, изъ которыхъ послѣднее, за неимѣніемъ матеріаловъ, долгое время существовать почти номинально. Другіе же отдѣлы продолжали свою дѣятельность по настоящее время. Съ 1849 г. Общество издало: *Записки Спб. Археол. общества* (два тома) и *Записки Импер. Археол. общ.* (III—XIV тт.), изъ которыхъ въ особое изданіе выдѣляются *Труды восточнаго отдѣленія Археол. общ.* (т. XV, 1881 г.). Въ нихъ принимали участіе русскіе ученые и оріенталисты: Бартоломей, Березинъ, Броссе, Васильевъ, Вельяминовъ-Зерновъ, Григорьевъ, Тизенгаузенъ, Паткановъ, Гаркави и др. [1]). Много принесъ пользы Обществу своею дѣятельностью секретарь его—П. С. Савельевъ, помѣстившій въ „Запискахъ" Общества капитальное сочиненіе „О монетахъ, обращавшихся въ Золотой ордѣ въ эпоху Тохтамыша" („Жизнь и труды Савельева" разсмотрѣны въ сочиненіи Григорьева, Спб. 1861 г.).

Вообще, въ „Запискахъ" были переведены нѣкоторые восточные писатели, относящіеся къ исторіи монголовъ (Березинымъ и др.); помѣщены изслѣдованія и описанія по исторіи русской нумизматики, геральдики (Казанскаго, Прозоровскаго, Бѣляева, Лакіера и др.), оружія, металлическихъ издѣлій, финифтянаго производства, иконописанія, утвари и одеждъ (Савваитова, Банзарова, Бычкова, Савельева, Забѣлина, Ровинскаго); описанія множества кладовъ и предметовъ древности (каменныхъ бабъ, статуй, серегъ, печатей, надписей); церковныхъ предметовъ: изъ послѣднихъ особенно подробны описанія новгород. Софійскаго собора—П. И. Соловьева и нижегородскихъ церквей и монастырей, арх. Макарія. Съ 1859 года Общество издаетъ вмѣсто „Записокъ"—*Извѣстія* (XI т.), въ которыя входятъ матеріалы (описи древнихъ вещей, имуществъ), изслѣдованія, сопровождающіяся рисунками, и библіографія. Отдѣльно Общество напечатало: „Керчь и Воспоръ, замѣчанія о керчен. древностяхъ и опытъ хронологіи царства Воспорскаго", Сабатье, съ 8-ю хромолитографирован. рисунками (1851).

---

[1]) Т. 12—14 составляютъ изслѣд. о касимов. ханахъ Вельяминова-Зернова.

Русское отдѣленіе археологическаго общества издало 3 тома *Записокъ*, въ которыхъ были помѣщены описанія памятниковъ мѣстныхъ древностей (деньги москов. удѣльн. князей, И. П. Сахарова; археологич. замѣтки о гг. Суздалѣ и Шуѣ, К. Н. Тихонравова, памятники древности Нижегор. и Тульск. губ., Оруж. палата Кирилло-Бѣлозер. мон.; древности Костром., Саратов., С.-Петерб., Тверской, Москов., Ярослав., Новгородской, Владимірской, Калуж. губ., сибирскія древности и т. п); весьма важные матеріалы для исторіи (напр. документы по дѣлу Никона и вообще о времени Алексѣя Мих.; о вѣнчаніи Владиміра Мономаха; объясн. Слова о полку Игоревѣ); атласъ плановъ древней Москвы и Пскова (XVII в.), и отдѣльно: „Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ", подъ редакціей И И. Срезневскаго (Сильвестр. списокъ XIV в. facsimile); древніе памятники рус. искусства фрески кіев. Соф. собора (1873) и Кирил. церкви; каталогъ русскихъ монетъ и медалей, хранящихся въ музеѣ Археол. общ., Д. И. Прозоровскаго; а въ послѣднее время—описаніе древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Импер. рус. археол. общ., составленное Д. И. Прозоровскимъ (1879 г.).

Желая содѣйствовать развитію и разработкѣ археологіи въ Россіи, Археол. общество поручило своему члену И. П. Сахарову составить инструкцію для описанія древностей въ Россіи. Такимъ образомъ, въ 1851 г. была напечатана „записка для обозрѣнія рус. древностей", обнимающая всѣ роды послѣднихъ, сообщающая необходимыя свѣдѣнія о предметахъ, наиболѣе заслуживающихъ вниманія, и указывающая на вопросы, которые желательно было бы разрѣшить въ научномъ отношеніи. Это была попытка собрать, по возможности, полныя свѣдѣнія о памятникахъ древностей въ Россіи, подобно задачѣ археографическихъ коммиссій—изслѣдовать на мѣстѣ памятники письменности [1]). Съ своей стороны въ 1850 г. правительство образовало спеціальную коммиссію для изслѣдованія древностей въ Россіи, состоявшую въ началѣ въ вѣдѣніи гр. Перовскаго (сюда относится экспедиція гр. А. С. Уварова и П. С. Савельева во Владимірскую губ. въ 1853 г.), а потомъ (въ 1859 г.) получившую правильную организацію подъ именемъ Императорской Археологической коммиссіи и находившуюся въ вѣдомствѣ мин. двора, подъ предсѣдательствомъ гр. С. Г. Строганова. († 1882 г.). Археологич. коммиссія до сихъ поръ издала на рус. и франц. языкахъ: 1) *Отчеты* съ приложеніями и роскошными

[1]) Мнѣнія объ археологич. программѣ помѣщены тамъ же, стр. 26—37.

атласами (1859—1881 г.) и 2) *Древности Геродотовой Скиѳіи*, 1866—73 г., 2 вв. Раскопки, выполненныя по порученію Археологич. коммиссіи (между прочимъ И. Е. Забѣлинымъ, которому принадлежитъ разрытіе Чертомлыцкаго кургана возлѣ м. Никополя, Екатеринос. губ.), главнымъ образомъ производились на Таманскомъ полуостровѣ, въ Крыму и въ низовьяхъ Дона и Днѣпра. Ежегодный расходъ на эту коммиссію достигалъ иногда 20—30,000 р., включая сюда и *Керченскій музей*, подчиненный ей.

Между тѣмъ, еще въ апрѣлѣ 1855 г. было основано въ Вильнѣ Археологическое общество (коммиссія), состоявшее подъ покровительствомъ Наслѣдника Цесаревича и подъ предсѣдательствомъ гр. Евст. Тышкевича, пожертвовавшаго, для образовавшагося при ней (въ зданіи бывш. университета) музея древностей свою коллекцію. Виленская коммиссія поставила себѣ цѣлью составить собраніе древнихъ книгъ, актовъ, рукописей, монетъ, медалей, оружія, надписей и снимковъ съ нихъ, картинъ, статуй и прочихъ предметовъ, относящихся къ исторіи западнаго края Россіи; способствовать сохраненію памятниковъ древности; доставить возможность пользоваться ими для изученія края, не только въ историческомъ, но въ экономическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Она имѣла право требовать историческіе акты и рукописи упраздненныхъ въ краѣ католическихъ монастырей. И вскорѣ уже по открытіи своихъ дѣйствій (съ 1856—60 гг.) она обладала около 15,000 книгъ (въ числѣ которыхъ 3,000 книгъ, посвященныхъ древностямъ, исторіи и библіографіи, принесенныхъ въ даръ гр. Тышкевичемъ, и 7,000 томовъ, доставленныхъ изъ разныхъ монастырей); нумизматическою коллекціей въ 4,700 экземпляровъ; коллекціей гравюръ, политипажей, географическихъ картъ, атласовъ и т. п. болѣе 4,000 экземпляровъ; отдѣленіемъ бюстовъ, картинъ и портретовъ; собраніемъ старинныхъ рукописей (528), дипломовъ, актовъ и автографовъ, начиная съ XV в. Замѣчательна была также коллекція печатей (462) и археологическихъ предметовъ (3,412), какъ-то: орудій каменнаго вѣка, предметовъ, относящихся къ языческому быту древнихъ славянъ и литовцевъ, скандинавскихъ и т. п. На первыхъ же порахъ коммиссія приступила къ изданію „Записокъ“, вышедшихъ подъ редакціей Н. Малиновскаго и А. Киркора (В. 1858 г.). Въ 1860—62 гг. коммиссія издала Skarbiec dyplomatów, пр. Даниловича; но въ 1865 г. музей ея подвергся пересмотру и тщательному разбору: часть коллекціи была передана вмѣстѣ съ открывшеюся Публичною библіотекою въ вѣдѣніе учебнаго округа, а другая,

не соотвѣтствовавшая политическому положенію края, предназначена была къ передачѣ въ Румянцовскій музей [1]).

Все болѣе расширяющееся поле археологическихъ изслѣдованій вызвало необходимость учрежденія новаго археологическаго общества въ Москвѣ (17 февр. 1865 г.). Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ гр. А. С. Уварову, такъ много сдѣлавшему на поприщѣ разработки археологіи въ Россіи. Общество имѣетъ коллекцію древностей и археологическую библіотеку. Въ теченіе 1867—68 гг. оно издавало — *Археологическій Вѣстникъ* (6 в.), редактированный А. А. Котляревскимъ, а съ 1867—82 года—*Труды Моск. Археологич. общества* (по 3 в. въ годъ, всего по 1883 г. 9 томовъ), редактированные секретарями Общества: В. Е. Румянцовымъ и И. Д. Мансветовымъ. Въ этихъ изданіяхъ появилось множество матеріаловъ, изслѣдованій и замѣтокъ по русской, византійской и славянской археологіи, а также по древностямъ народовъ, населяющихъ Россію (финновъ, татаръ, кавказскихъ племенъ и др.); представлены были результаты раскопокъ и изслѣдованій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи въ означенный періодъ; печатались объясненія мѣстныхъ географическихъ названій, *археологическій словарь*, рецензіи археологическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи и за границею; велась археологическая библіографія. Въ трудахъ Общества принимали участіе: гр. А. С. Уваровъ, К. К. Герцъ, П. С. Казанскій, И. И. Срезневскій, Д. О. Шеппингъ, Д. П. Сонцевъ, Э. И. Эйхвальдъ, А. Н. Аѳанасьевъ, В. Г. Тизенгаузенъ, П. И. Лерхъ, гр. К. П. Тышкевичъ, А. В. Терещенко, К. И. Невоструевъ, А. А. Потебня, Д. В. Разумовскій, И. С. Некрасовъ, В. Ѳ. Миллеръ, К. П. Тышкевичъ, Д. Я. Самоквасовъ, А. И. Гатцукъ, Ѳ. А. Струве, архим. Амфилохій, Р. Г. Игнатьевъ, Л. В. Даль, А. К. Жизневскій, Н. А. Артлебенъ, П. С. Ефименко, А. Киркора, Н. В. Калачовъ, Н. Я. Аристовъ, П. И. Саввантовъ, Д. И. Иловайскій, архим. Леонидъ, Е. В. Барсовъ, В. А. Самаряновъ, В. Б. Антоновичъ, Н. П. Кондаковъ, Н. В. Закревскій, И. Е. Забѣлинъ, Л. К. Ивановскій и др.

Труды Общества сопровождаются множествомъ палеографическихъ и фотолитографическихъ снимковъ, планами и картами. Въ историче-

[1]) Дневникъ засѣданій коммис. для разбора предметовъ etc. В. 1865.

скомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія, помѣщенная въ числѣ приложеній (т. IV, в. 3), картина пріема польскихъ пословъ Дм. Самозванцемъ въ 1606 г., подтверждающаяся современными извѣстіями. Московское археологическое Общество издало: *Описаніе Кіева*, Н. В. Закревскаго, въ 2 т., съ атласомъ. Но обществу принадлежитъ и другая весьма важная заслуга—это собраніе *археологическихъ съѣздовъ*, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ гр. А. С. Уварову; разработка программъ и подготовленіе трудовъ этихъ съѣздовъ. Такъ, были устроены съѣзды: въ Москвѣ (1869 г.), Петербургѣ (1871 г.), Кіевѣ (1874), Казани (1877 г.) и Тифлисѣ (1881 г.); предстоитъ въ 1884 г. 6-ой съѣздъ въ Одессѣ. Труды съѣздовъ были сосредоточены преимущественно на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ и памятникахъ древностей: въ Москвѣ—предметовъ, касающихся средней Россіи, въ Кіевѣ—южно-русскихъ, въ Казани—татарскихъ, булгарскихъ, отчасти сибирскихъ, въ Тифлисѣ—грузинскихъ и армянскихъ древностей, не исключая, конечно, общихъ вопросовъ. На съѣздахъ были обсуждаемы и получили дальнѣйшую разработку вопросы о сохраненіи древнихъ памятниковъ и устройствѣ мѣстныхъ архивовъ [1]). Труды съѣздовъ вышли особыми изданіями: Московскаго съѣзда—2 тома, С.-Петербургскаго—2 тома, Кіевскаго—2 тома, Казанскаго—краткія извѣстія (труды съѣзда печатаются). Изданія съѣздовъ сопровождаются отдѣльными рисунками и обширными атласами.

Ученая дѣятельность на Кавказѣ, давно заявившая себя на поприщѣ географіи и этнографіи, въ послѣднее время также обратила вниманіе на изученіе мѣстныхъ древностей, благодаря учрежденію въ 1873 г. Общества любителей кавказской археологіи [2]). Археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ въ свою очередь много способствовалъ

---

[1]) Такъ, въ 1877 г. былъ разработанъ особою коммиссіею въ Петербургѣ проектъ правилъ о сохраненіи историч. памятниковъ (письменныхъ и вещественныхъ) и предложена для того постоянная коммиссія при Мин. Нар. Пр. Записка ея была тогда же напечатана.

[2]) Бакрадзе: Кавказъ въ археологич. отношеніи, Тифлисъ, 1874 г.; О доисторич. археологіи вообще и кавказской въ особенности, Тифлисъ, 1877 г. (изъ газеты „Кавказъ" 1877); Очеркъ ученой дѣятельности за Кавказомъ, Н. Ханыкова—„Кавказъ" 1851, № 25—29; Сборникъ газеты „Кавказъ", изданный О. И. Константиновымъ, Тифлисъ, 1846—49 гг.; Пятый арх. съѣздъ въ Тифлисѣ, Л. Н. Майкова, Ж. М. Н. Пр. 1882, № 2 и 3.

возбужденію вниманія къ разработкѣ и открытію мѣстныхъ древностей. Такимъ образомъ, предварительный комитетъ издалъ цѣлый томъ своихъ протоколовъ (М. 1879, подъ ред. Мансветова); отчеты о засѣданіяхъ съѣзда печатались одновременно въ газетѣ „Кавказъ" и отдѣльно, а труды, по примѣру другихъ съѣздовъ, выйдутъ особымъ изданіемъ [1]). Вскорѣ за тѣмъ мѣстное Общество было преобразовано подъ именемъ Кавказскаго общества исторіи и археологіи [2]).

Въ связи съ археологическими обществами необходимо сказать объ Обществѣ древне-русскаго искусства (съ 1864 г.), существующемъ въ Москвѣ, при Румянцовскомъ музеѣ. Оно издавало матеріалы и изслѣдованія по исторіи древне-русскаго искусства въ „Сборникѣ древне-русскаго искусства" (2 т.) и „Вѣстникѣ древне-русскаго искусства" (1874—77 гг. 12 вв.), подъ редакціей Д. И. Филимонова. Въ послѣднее время осуществилась мысль объ изданіи памятниковъ древней русской письменности въ точной ихъ передачѣ, фотографическимъ способомъ, съ сохраненіемъ всѣхъ рисунковъ и другихъ особенностей оригинала. Эту задачу взяло на себя Общество любителей древней письменности, основанное въ Петербургѣ (1878). Общество печатаетъ также обыкновеннымъ способомъ (съ присоединеніемъ образцовъ рукописей или безъ нихъ) замѣчательные памятники письменности, не ограничиваясь въ выборѣ памятниковъ по содержанію. Кромѣ рукописей не изданныхъ, оно имѣетъ въ виду издавать и рукописи, неисправно напечатанныя или составляющія библіографическую рѣдкость, и рѣдкія церковно-славянскія книги. Въ планъ его изданій входятъ духовно-нравственныя сочиненія, грамматическіе сборники, старинные философскіе трактаты, календари, книги медицинскія, естественно-историческія, космографіи, путешествія, житія, хронографы: славянскіе, греческіе, польскіе (между прочимъ Стрыйковскій), роскошные памятники facsimile (Супрасльская рукопись, Остромирово евангеліе, Кенигсбергская лѣтоп. съ рисунками, Царственный лѣтописецъ съ живописн. изображ.). До сихъ поръ Общество издало рядъ житій (печер., Нифонта, Варлаама хут., житія митр. Алексѣя, Дим. царевича, патр. Іоакима);

[1]) Изъ мѣстныхъ дѣятелей изученію кавказскихъ древностей много способствовали: Бакрадзе, Байернъ, Ерицовъ, Комаровъ и др.

[2]) Съ 1882 г. оно издаетъ „Извѣстія", подъ ред. Бакрадзе и Вайденбаума, Журн. Мин. Нар. Пр. 1884, № 1.

сборникъ сказаній о чудотворныхъ иконахъ Богородицы; древнія литературныя произведенія: судъ Шемяки, Стефанитъ и Ихнилатъ, Римскія дѣянія и т. п.; старин. русскія азбуки, гражданскую азбуку Петра В. съ собственноручными его поправками; челобитную Всполохова ц. Алексѣю Михайловичу, весьма интересную въ бытовомъ отношеніи; древній синодикъ, съ изображеніями мытарствъ и т. п.; записки Леонтія Магницкаго о ереси Тверетинова; сборникъ Святослава 1073 г.; славян. переводъ (серб. ред.) хронографа Г. Амартола; вымышленные статейные списки Ищеина и кн. Сугорскаго (1570, 1576 гг.), космографію XVII в., Россійскую ученую исторію, С. Руднева и др. Въ протоколахъ Общество печатаетъ свѣдѣнія о библіотекахъ и рѣдкихъ книгахъ. При немъ состоятъ библіотека старин. рукописей и книгъ и музей древностей. (иконы и т. п. [1]).

При Кіевской духовной академіи съ 1872 г. возникло Церковно-археологическое общество, имѣющее спеціальный церковно-археологическій музей, въ которомъ хранится значительное собраніе *рукописей* и *вещественныхъ памятниковъ*. О нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Общество издаетъ также *Извѣстія* и „отчеты“ (въ Трудахъ Кіев. дух. академіи съ 1872 г.).

Переходимъ къ обществамъ, имѣющимъ своею задачею, главнымъ образомъ, изслѣдованіе *географіи* и *этнографіи* Россіи.

Одновременно съ русскимъ Археологическимъ обществомъ въ Петербургѣ возникло Императорское Русское географическое общество (1846 г.). Въ дѣятельность этого общества входитъ собираніе и разработка матеріаловъ—историко-географическихъ, этнографическихъ и статистическихъ. Изданія его составляютъ:

1) *Записки И. Р. Географическаго общества* съ 1846 г. по 1859 г. 13 т.; съ 1861—64—ежегодно(по 4 кн.); съ 1867—76 г.—7 т., по общей географіи; 2) *Географическія извѣстія* 1848—1850 гг. (3 т.); 3) *Вѣстникъ Географическаго общества* 1851—60 гг. (по 6 кн.); 4) *Извѣстія Географическаго общества*, съ 1865 г.—ежегодно по одному тому; 5) *Этнографическій сборникъ*, 6 томовъ (1853—64 гг.). 6) *Записки И. Р. географическаго общества по отдѣлу этнографіи* (съ 1867 г. 9 т.).

Общество состоитъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича; а въ его трудахъ принимали участіе: П. П. Семеновъ, К. А. Неволинъ, Н. И. Надеждинъ, И. Д.

---

[1]) Члены Общества вносятъ 200 р.; число подписчиковъ не превышаетъ 70; исключеніе допускается для учебныхъ заведеній.

Бѣляевъ, В. И. Даль, П. И. Ивановъ, П. С. Савельевъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, М. А. Коркуновъ, Н. С. Щукинъ, А. И. Артемьевъ, В. Н. Калачовъ, К. Д. Кавелинъ, И. И. Срезневскій, Н. Н. Галкинъ, Л. Н. Майковъ, Г. Н. Потанинъ, Д. А. Милютинъ, Н. В. Ханыковъ, И. К. Купріяновъ, А. А. Куникъ, В. И. Ламанскій, Г. И. Спасскій, В. А. Милютинъ, В. И. Ивановъ, П. И. Кеппенъ, К. И. Арсеньевъ, П. И. Мельниковъ, А. Н. Поповъ, М. И. Иванинъ, П. П. Саввантовъ, Н. А. Абрамовъ, В. В. Григорьевъ, Э. И. Эйхвальдъ, И. И Носовичъ, П. А. Мулловъ, П. С. Ефименко, П. А. Матвѣевъ, В. Н. Майновъ, П. И. Небольсинъ, И. С. Поляковъ, Е. В. Барсовъ, С. П. Микуцкій, Е. К. Огородниковъ, А. Н. Веселовскій, О. Ѳ. Миллеръ, П. А. Гильтебрандтъ, Я. Ѳ. Головацкій, И. А. Худяковъ, П. Н. Рыбниковъ, А. Киркоръ, В. А. Борисовъ и мн. др. Общество располагаетъ значительнымъ числомъ мѣстныхъ корреспондентовъ, имѣетъ *библіотеку* и *ученый архивъ*, описаніе котораго помѣщено въ „Извѣстіяхъ географическаго общества.“ Въ изданіяхъ же общества помѣщались библіографическіе указатели текущей литературы, географіи, этнографіи и статистики (въ Этнографич. Сборн. и Изв. географич. общ. съ 1855 г.—В. И. Межова), систематическій указатель къ губернскимъ вѣдомостямъ (А. Пискарева) и др. библіографическіе труды (списокъ книгъ о русскихъ монастыряхъ и церквахъ, погодные указатели къ губернскихъ вѣдом. и т. п., Г. Геннади, въ Вѣстн. Геогр. общ.).

Этнографическій матеріалъ [1]), изданный Обществомъ, обнимаетъ всѣ части Россіи, какъ русское, такъ и инородческое населеніе, и представляетъ собою—описанія нравовъ и обычаевъ, собраніе былинъ, пѣсенъ, религіозныя повѣрья и миѳы (согласно программѣ, разосланной Географич. обществомъ), историческіе памятники, имѣющіе этнографическій интересъ; а въ послѣднее время Общество обратило вниманіе на собраніе народныхъ юридическихъ обычаевъ, для чего издало также программу. Въ интересѣ возможно большаго расширенія круга дѣятельности Общества, ему было разрѣшено открыть въ 1850 г.—Кавказскій отдѣлъ, а въ 1851 г.—Сибирскій, которымъ предоставлено собраніе свѣдѣній о мѣстныхъ архивахъ и этнографическихъ данныхъ, образо-

[1]) Первымъ предсѣдателемъ Этнографич. отд. Общества былъ К. М. Бэръ, а потомъ Н. И. Надеждинъ, И. И. Срезневскій.

ваніе музеевъ и изданіе записокъ. Такъ, были ими изданы: *Извѣстія Кавказскаго отдѣла*, по 1882 г. 6 кн., *Записки*, 1852—82 г.—11 кн., съ 2 атлас., *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ* т. I, 1869 г.; а Сибирскій отдѣлъ издавалъ: *Извѣстія* съ 1871 г.—8 томовъ; *Записки*, 1856—74 г.—11 кн., печатавшіяся отчасти въ Петербургѣ, отчасти въ Иркутскѣ; путешествіе на Амуръ по распоряженію Сибирскаго отдѣла, совершенное въ 1855 г. Р. Маакомъ (1859 г. [1]), и по долинѣ р. Уссури, его же, (2 т. 1861 г.). Затѣмъ были открыты: Оренбургскій отдѣлъ (1870), назначенный для изслѣдованій въ Средней Азіи и издавшій въ 1870—75 гг. 3 кн. *Записокъ*, отчасти въ Казани, а отчасти въ Оренбургѣ; Сѣверо-западный (въ Вильнѣ) и Юго-западный (въ Кіевѣ), закрытый въ 1874 г. Всѣ эти отдѣлы издавали свои *Записки*. Кромѣ того общество снаряжаетъ отдѣльныя экспедиціи, для *географическихъ*, физическихъ и *этнографическихъ* изслѣдованій, каковы были— *сибирскія*, въ *сѣверо-западный* и *юго-западный край*. Свѣдѣнія о нихъ помѣщались въ изданіяхъ Общества, а труды послѣдней вышли въ 7 тт.

Отдѣльно общество напечатало: *Карманную книжку для любителей землевѣдѣнія* 1848 г. (2-ое изд. 1849 г.); *Землевѣдѣніе Азіи*, Риттера, съ обширными и важными историко-этнографическими дополненіями, 1856—1879 гг., 9 тт., въ переводѣ П. П. Семенова, В. В. Григорьева, Н. В. Ханыкова и Г. Н. Потанина [2]); *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи*, 3 т.; *Географич.-статистическій словарь Россійской имперіи* (5 т.), подъ редакціей П. П. Семенова; *Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины* (т. I, 1880 г.). Еще въ 1853 в. Общество напечатало весьма важный трудъ К. А. Неволина: *„О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ“* (Записки, т. VIII), составленный на основаніи матеріаловъ Московск. главнаго архива мин. иностр. дѣлъ и Архива вотчиннаго департамента, состоящаго при московскихъ департаментахъ правитель-

[1]) Въ Кавказскомъ отдѣлѣ принимали участіе: Л. П. Загурскій, Г. И. Радде (для этногр. важно его путеш.), П. К. Усларъ, Л. Я. Люлье, Н. Г. Петрусевичъ, Е. Г. Вайденбаумъ. Въ Сибирскомъ отдѣлѣ: Н. А. Абрамовъ, Н. Н. Щукинъ, Г. Н. Потанинъ, А. Щаповъ и др. Записки Западно-Сибир. отд. выходятъ въ Омскѣ (2 т. по 1880).

[2]) На сумму (20,000 р.), пожертвованную для этой цѣли П. В. Голубковымъ, посвятившимъ много заботъ и собственныхъ средствъ на разработку и изданіе сочиненій по Средней Азіи.

ствующаго Сената (236 стр. текста, 414 стр. приложеній, представлена опись писцовыхъ книгъ, съ картою древнихъ пятинъ). Въ засѣданіяхъ Общества не разъ поднимался вопросъ объ изданіи и разработкѣ писцовыхъ книгъ въ полномъ объемѣ ихъ или печатались и обсуждались отдѣльные матеріалы (таблицы сошнаго письма XVII в., выписки изъ актовъ XIV—XVIII стол., касающіяся географіи и статистики Новгородской области, сообщ. И. И. Купріяновымъ; копія съ писцовой книги г. Казани и его уѣзда, XVI в., сообщ. П. И. Ивановымъ). Наконецъ въ 1869 г., по предложенію Н. В. Калачова, Общество приступило къ печатанію, по особой программѣ, предложенной имъ же и отличной отъ пріемовъ Археогр. коммиссіи, собранія *писцовыхъ книгъ Московскаго государства* (вышелъ т. I, полов. 2-ая въ 1877 г.), съ XVI—XVIII вв, за исключеніемъ новгородскихъ, въ 4-хъ томахъ, на основаніи рукописей московскихъ архивовъ: мин. юстиціи и иностр. дѣлъ, Румянцовскаго музея, библіотекъ: Импер. публичной и Акад. Наукъ и архива Департамента герольдіи. Еще по предложенію Н. И. Надеждина положено было составить обстоятельный историко-географическій комментарій къ „*Книгѣ большому чертежу*" и расположить матеріалъ ея на картѣ. Но только въ 1868 г. было представлено начало подобнаго труда, принадлежащаго Е. К. Огородникову (онъ печат. въ Записк. по отд. этногр. т. II, VII и IX [1]). Въ трудахъ Общества сообщено было множество свѣдѣній по древней русской географіи (И. Д. Бѣляева, П. С. Савельева, К. М. Бэра); по исторіи колонизаціи (Германова, Иванина); по этнографіи вообще и отдѣльныхъ племенъ (о путеш. Шёгрена для изслѣд. остатковъ Ливовъ, о Югрѣ А. Б. Бушена, по другимъ вопросамъ: М. А. Стаховича, Н. Ѳ. Бутенева, И. И. Срезневскаго); о городищахъ, городахъ и др. памятникахъ древности (кн. Н. А. Кострова, Н. А. Абрамова, архим. Макарія, А. И. Дмитрюкова, М. И. Семевскаго); по картографіи (М. Н. Полуденскаго и др.); по исторіи путешествій (И. И. Срезневскаго, П. С. Савельева, В. В. Григорьева, А. Н. Веселовскаго). Общество издало также въ своихъ трудахъ (Извѣстіяхъ и отдѣльно) два старинныхъ путешествія—Ник. Радзивила (въ Св. землю) и Николая Спафарія въ Китай [2]).

[1]) Оцѣнку этихъ трудовъ Геогр. общ. см. въ книгѣ А. И. Артемьева: „Обозрѣніе трудовъ Имп. Геогр. общ. по историч. географіи", Спб. 1873 г., с. 11—76.

[2]) О дѣятельн. общ. см. Записки (кн. 1, 2, 3, 5); Вѣсти. и Извѣст. общ. (протоколы); отчеты Геогр. общ. (ежегодно), изд. на рус. и франц. яз.; Двад-

При Московскомъ универ. состоитъ Импер: Общество естествознанія, антропологіи и этнографіи, издающее *Извѣстія* (съ 1864 г.) съ раздѣленіемъ на „Труды этногр. отдѣла" и „Труды антропилог. отдѣла", заключающіе въ себѣ матеріалы по естествознанію, путешествія членовъ Общества, описаніе музеевъ и протоколы засѣданій общества. Всего по настоящее время вышло болѣе 40 томовъ.

Не касаясь собственно сочиненій по естествознанію, какъ не относящихся къ намъ, обратимъ вниманіе на труды Общества по этнографіи и антропологіи. Такъ, въ нихъ были помѣщены: обширный трудъ „о курганномъ періодѣ въ Россіи" и рядъ краніологическихъ и антропологическихъ изслѣдованій о жителяхъ древнихъ Болгаръ, мерянахъ, курганныхъ обитателяхъ Кіевской, Черниговской, Полтавской, Смоленской, Тверской губ., финнахъ и сибирскихъ инородцахъ, преимущественно А. П. Богданова, „Сборникъ статей по этнографіи Россіи" (2 т.); этнографическія описанія отдѣльныхъ губерній (Сборн. матер. объ Архангельской губ., собран. П. Ефименкомъ 2 т.); сборники народныхъ пѣсенъ; наконецъ множество отдѣльныхъ сообщеній въ протоколахъ Общества.

При Обществѣ существуетъ *музей прикладныхъ знаній* и *антропологическая коллекція.* Общество принимало дѣятельное участіе въ устройствѣ этнографической выставки въ 1867 г. и антропологической выставки въ 1879 г., описаніе которой составляетъ нѣсколько томовъ [1]).

Подобное же Общество существуетъ при Казанскомъ университетѣ. Его „труды" посвящены изслѣдованіямъ инородцевъ сѣверовосточн. Россіи—вотяковъ, башкиръ, вогуловъ, (Д. Островскаго, Н. Маліева, Н. Сорокина, отчетъ о раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ въ Казан. губ., А. Стоянова); а нѣсколько лѣтъ назадъ было заявлено

цатипятилѣтіе Рус. геогр. общ. 1872 г.; Ж. М. Н. Пр. passim. Объ основан. Кавказ. и Сибирск. отдѣловъ, id. 1851 г., чч. LXVIII LXXI; о сибирск. экспедиц. Вѣстн. геогр. общ. т. XVII, XXVI и XXVIII; отчетъ объ экспед., Кавказъ 1859, № 82, 84; Зап. Оренб. отд. геогр. общ. В. I и II, Казань 1870 и 1872 г.; програмы экспед. въ Изв. Геогр. общ.; проектъ *этногр. музея* Геогр. общ., Отеч. Зап. 1858, т. CXVIII; объ *архивѣ* Кавказ. отд. Геогр. общ. въ Зап. Кавказ. отд. т. II; Вѣстн. геогр. общ, т. X; *ученый архивъ* Рус. геогр. общ. въ Извѣст. геогр. общ. 1876 г. и д. Объ ученыхъ трудахъ Н. И. Надеждина, И. И. Срезневскаго, въ Вѣстн. Геогр. общ. т. XVI; А. И. Артемьевъ, Майкова, Ж. М. Н. Пр. т. CLXXVI.

[1]) Объ антропологич. выстав. въ Москвѣ въ 1879 г., Ж. М. Н. Пр. 1879, №5.

о проектѣ азіатскаго общества исторіи, археологіи и этнографіи въ Петербургѣ, съ отдѣленіями въ Москвѣ и Ташкентѣ (Рус. Правда 1878 г., 3 дек.). Открытіе Сибирскаго университета, безъ сомнѣнія, окажетъ существенное вліяніе и въ этомъ отношеніи.

Изъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ намъ остается указать на рядъ обществъ въ прибалтійскомъ краѣ (издавна существующихъ) и Финляндіи.

Къ первымъ относятся: Общество исторіи и древностей въ Ригѣ (съ 1834 г.); Эстское ученое общество въ Дерптѣ (1838); Эстляндское литературное общество въ Ревелѣ (1842); Курляндское общество словесности и искусствъ—въ Митавѣ (1817); Нарвское общество древностей (1864). Эти Общества издавали: Рижское историч.—*Mittheilungen aus dem Gebiete der Gesch. Liv-Ehst-und Kurlands* (1840—76—XII тт., продолж. Sitzungsberichte, съ 1874 г.); Дерптское ученое —*Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft* (1840—1876, VIII тт. и д.) *Sitzungsberichte*, (1861—75, 15 тетр.) и *Schriften der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft*, съ 1863; Курляндское—*Arbeiten der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst* (10 тетр. съ 1847—1851), *Sendungen der Kurländishen Gesellschaft für Literatur und Kunst* (выпусками съ 1840—47) и *Sitzungsberichte* (съ 1850 г.); Эстляндское—*Archiv für die Geschichte Liv-Ehst-und Kurlands* съ 1842 г.—томами, а съ 1868 г.—*Beiträge zur Kunde Ehst-Liv-und Kurlands*;—Нарвское—*Schriften* и *Sitzungsberichte*, съ 1864 г.

Дѣятельность прибалтійскихъ обществъ была посвящена разработкѣ мѣстной исторіи, этнографіи, преимущественно же исторіи Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ и изученію быта финскихъ племенъ, причемъ были изслѣдуемы также мѣстные и шведскіе архивы. Изъ ученыхъ въ дѣятельности ихъ принимали участіе: Напіерскій, Крузе, Паукеръ, Пабстъ, Ф. Г. Бунге, Видеманъ, Фриксель (швед. ученый), Ширренъ, Бухгольцъ, Лённротъ (извѣстный собиратель пѣсенъ и преданій), П. С. Савельевъ и др. [1]).

---

[1]) Свѣдѣнія о нихъ см. Ж. М. Н. Пр. 1834—1863, чч. IV, LV, LXII, LXVI, LXVII, LXXIV, LXXXIX, CXVI; M. Paucker, Gesch. der Kurländischen Gessellschaft, in Sendungen, Bd. I; Müller, Die ersten 50 Jahre der let. liter. Ges. Balt. Monatsschr. V; Ивановъ, Обзоръ хронографовъ, стр. 378—380; Winkelmann, Bibliotheca Livoniae Historica, Berl. 1878, стр. 10—11.

Ученое Финляндское общество возникло 14 апр. 1838 г. и обнимаетъ всѣ отрасли наукъ, въ томъ числѣ исторію, этнографію и филологію. По своей дѣятельности оно имѣетъ характеръ ученой академіи. Со времени своего открытія Общество издавало труды, подъ именемъ „*Обозрѣнія*", „*Актовъ*" и „*Мемуаровъ*" [1]). **Финляндское литературное общество**, основанное въ 1831 г., издавало сначала „*Труды*", а потомъ „*Мемуары*" и „*Историческій архивъ*" (съ 1866 г.); **Финляндское общество археологіи**, существующее съ 1870 г., издаетъ съ 1874 г. „*Обозрѣніе*"; **Финляндское историческое общество**, возникшее въ 1875 г., издаетъ „*Историческій архивъ*" (съ 1877). Всѣ эти Общества находятся въ Гельсингфорсѣ.

Изъ **иностранныхъ** ученыхъ Обществъ заслуживаютъ вниманія:

1) **Королевское общество сѣверныхъ антикваріевъ, въ Копенгагенѣ.** Оно было основано 30 янв. 1825 г. и съ самаго начала поставило главною цѣлью своей дѣятельности—изученіе сѣверной исторіи, древностей и языкознанія. Въ виду этого въ немъ образовалось 9 отдѣленій: *датское, исландское, шведское, норвежское, нѣмецкое, французское, англійское, гренландское* и *американское*. Но, заботясь объ изданіи древнихъ памятниковъ письменности, Общество старалось также ознакомить съ ними ученыхъ разныхъ странъ. Поэтому въ его изданіяхъ, кромѣ датскихъ переводовъ, прилагались латинскій, а иногда и французскій переводы. На первыхъ же порахъ Общество предприняло изданіе „Журнала для разысканій сѣверныхъ древностей", въ которомъ сообщало о разысканіяхъ какъ въ области древностей вообще, такъ и въ особенности сѣверной археологіи. Благодаря своей неутомимой дѣятельности, Общество въ скоромъ времени могло уже представить рядъ весьма цѣнныхъ изданій, каковы: сѣверныя саги (12 тт.), историки Исландіи, Гренландіи, американскія древности и т. д. Саги, собранныя Обществомъ, имѣютъ значеніе и для русской исторіи, и когда одна изъ нихъ (Эймундова) была издана (въ 1833 г.) сначала для образца, то обратила на себя вниманіе русскихъ ученыхъ. Переводъ ея съ учеными примѣчаніями и введеніемъ о значеніи сагъ былъ сдѣланъ тогда же О. И. **Сенковскимъ** (Библ. для Чтен. 1834, I и II), а въ 1843 г. при Обществѣ возникло *русское отдѣленіе* и *комитетъ для изученія древне-русской исторіи*, предпринявшіе изданіе въ свѣтъ „Русскихъ древностей, содержащихся въ историческихъ памятникахъ исландцевъ и скандинавовъ относительно древней исторіи Россіи", и въ скоромъ

[1]) Ж. М. Н. Пр., чч. XXXVI и LXXXVI.

времени это отдѣленіе насчитывало уже до 240 именъ членовъ, въ числѣ которыхъ были: датскій ученый Рафнъ, финнъ Магнусенъ, акад. Шёгренъ, протоіер. Сабининъ, проф. Погодинъ и Крузе, составившіе первый комитетъ. Въ составъ русскихъ древностей должны были войти саги, историческія извѣстія, акты, касающіеся сношеній Россіи съ скандинавскимъ сѣверомъ, и снимки руническихъ надписей, брактеатовъ, монетъ, предметовъ древности. Въ 1850 и 52 гг. появилось два тома этого изданія, подъ заглавіемъ *Antiqutés russes* d'aprés les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves (I, xxxii+491; II, xvi+496, in fol.), представляющіе богатый матеріалъ по сѣверой миѳологіи и исторіи, съ рисунками, латин. и французскимъ переводами, примѣчаніями, введеніями и снимками текстовъ [1]). Въ позднѣйшее время извѣстный проф. Копенгагенскаго университета И. И. А. Ворсо издалъ описаніе Королевскаго музея древностей, со множествомъ рисунковъ (621), напечатанное также Спб. Академіей Наукъ, съ предисловіемъ (Бэра и Шифнера) на русскомъ языкѣ (Спб. 1861).

2) Азіатскія и географическія общества въ Парижѣ и Лондонѣ, имѣющія значеніе для исторіи и этнографіи вообще и инородцевъ Россіи въ частности [2]); Лондонское Гаклюйтовское общество (Hacluyt Society съ 1846), издавшее рядъ путешественниковъ, въ томъ числѣ и бывшихъ въ Россіи [3]); Историческое общество, недавно образовавшееся въ Стокгольмѣ и издающее „Историческій Журналъ", въ которомъ были помѣщены новыя біографическія свѣдѣнія о Котошихинѣ и т. п. [4]).

3) По отношенію къ исторіи Россіи заслуживаютъ вниманія польскія ученыя Общества, каковы: Краковское ученое общество (съ 25 февр. 1816 г.), преобразованное въ 1872 г. въ академію, дѣятель-

---

[1]) Ibid., чч. V, XXXI, XLIX; ст. И. Срезневскаго (Б. для Чт., т. XCVIII).

[2]) О париж. и лонд. азіат. и геогр. общ. см. Вѣстн. и Изв. Геогр. общ. Въ „Journal Asiatique" 1849—51 (тт. XIII—XVII) помѣщены были извлеченія изъ восточн. писателей, относящіяся къ Кавказу и Россіи, изд. Ш. Дефремери; въ 1865 г. (т. V) напеч. „Книга путей" Ибнъ Хордадбе (X в.), въ которой есть любопытныя свѣдѣнія о торговлѣ славянъ.

[3]) Ж. М. Н. Пр., чч. XXXVIII, LXVI, LXXVII. Ср. Аделунгъ, Обозр. путеш. по Россіи, I, 8—12. Обществу принадлежитъ лучшее изданіе Горсея и Флетчера, 1856; англ. переводъ Герберштейна (1851—52) съ предисл. и т. п.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1881, ч. CCXVII, замѣтка Я. К. Грота.

ность которой, между прочимъ, посвящается библіографіи, археографіи (палеографія, изданіе актовъ), исторіи и археологіи. Первоначально общество издавало записки (Roczniki, по 1872 г. 44 тома) по разнымъ отраслямъ знанія, а съ 1873 г. оно печатаетъ „Памятникъ" и особый сборникъ съ лѣтописью засѣданій подъ заглавіемъ „Rozprawy и sprawozdania z posiedzeń." Такъ называемая „Историческая коммиссія" (археографическая) издала рядъ матеріаловъ (хроникъ, актовъ и записокъ), важныхъ для исторіи Польши до XVII в. включительно, въ числѣ которыхъ есть и матеріалы, относящіеся къ Россіи. Въ такомъ же духѣ идетъ и дѣятельность Института Оссолинскихъ въ Львовѣ (съ 1818 г.). При немъ выходили: „Czasopism naukowy" (1828—41 г. по 4 в. ежегодно), „Библіотека" (1842—48 г.—15 томовъ), съ 1850 г. по 1869 г., подъ редакціей Бѣлёвскаго (вышло 12 томовъ) и отчеты (Sprawozdania) съ приложеніемъ матеріаловъ; наконецъ Познанское ученое общество, существующее съ 1856 г. и издающее свои „Записки" [1]).

Галицко-русская Матица издавала *Галицкій историческій сборникъ* (1854—1860, 3 вып.) и *Литературный сборникъ* (1872—73), въ которыхъ, между прочимъ, печатались труды Я. Головацкаго, А. Петрушевича и др. по мѣстной исторіи [2]).

Библіографія. 1) О дѣятельности Ак. Наукъ см. отчеты и проток. въ изд. Ак. Наукъ (мемуарахъ и запискахъ) и отд.; 2) свѣдѣнія о ней сообщались также въ Журн. Мин. Нар. Пр. ежегодно по настоящее время (съ 1837—46 г. Аделунгомъ); 3) Объ изданіяхъ Ак. Наукъ 1726—1852—статья А. А. Куника въ Уч. Зап. по 1 и 3 отд., т. I, стр. I—CLX; 4) Историч. изысканіе о повремен. изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. Неустроева, Спб. 1874 г., 878 стр; указат. къ нему въ Древ. и Нов. Рос. 1880—81 гг. (не оконч.); 5) Tableau Général méthodique et alphabétique des

---

[1]) О Краков. акад. и Инст. Оссолинскихъ во Львовѣ, А. Киркора, Славян. Сборн. 1876 г., т. III, 1—44; о дѣятельности польскихъ обществъ и изданіяхъ Бѣлёвскаго: А. Старчевскій въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. LIII, отд. v; отчеты Ѳ. Вержбовскаго, въ Изв. Варшав. унив. 1876—83 гг.; Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CXCIV (ст. Пташицкаго); Чт. М. О. ист. 1865, кн. III.

Въ изданіяхъ Крак. ак. и Инст. Оссол. сосредоточивалась дѣятельность: Шуйскаго, Бѣлёвскаго, Шарапевича, Реппеля, Стадницкаго, Борбжинскаго и др.

Литовск. литер. общ. въ Тильзитѣ. Ж. М. Н. Пр. 1880, № 9.

[2]) Историч. оч. основ. Галиц. рус. матицы, Я. Головацкаго, Львовъ 1850

matières cont. dans les publications de l' Acad. Impér. des Sciences de St. Pét. I-re partie (изд. на иностр. яз.), St. Pt. 1872, 488 стр.; 6) Систематич. и алф. указат. статей, помѣщ. въ періодич. изд. и сборн. Имп. Ак. Н. съ основ. ея по 1872, ч. II, соч. на рус. яз., Спб. 1875, 402 стр.; 7) Каталогъ изданій Имп. Ак. Н., вышедшихъ на рус. и иностран. языкахъ, 2 вып. Спб 1876 г.; 8) Опытъ исторіи Рос. Ак. отъ основанія ея по 1840 г. Красовскаго, Ж. М. Н. Пр. ч. LX; Обзоръ труд. Рос. Ак. со времени ея учрежденія по 1833, ib.. ч. II; Рукописная истор. Ак. Н., id. LXV; 9) позднѣйшія: Исторія Ак. Н. Пекарскаго, 2 т.; Истор. Рос. Ак. Сухомлинова, 6 т., обѣ не оконченныя; 10) соотвѣтственныя статьи въ Словаряхъ Евгенія, Геннади, Энциклопедич., изд. учен. и литер., Березина и др.

Извѣстія о Хозарахъ Табари переведены Б. Дорномъ въ Mém. de l'Ac. des Sc., VI серія, т. VI; извѣстія вост. писат. о Руссахъ въ его соч. „Каспій", Спб. 1875. Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авт. о Руси и Славянахъ, А. Куника и бар. В.Розена, въ Зап. Ак. Н., т. XXXII и отд. 1878. Въ изданіяхъ Ак. Наукъ помѣщались также свѣдѣнія объ архивахъ: см. Schirren, Nachricht von Quellen zur Gesch. Russlands, vornehmlich aus schwed. Archiven und Bibliotheken, Bullet. de l'Acad. II, 446—5601; отд. 1860, 80 стр.; отчеты о разыск. въ Риж. и Ревельск. архив. по рус. ист., Г. Гильдебранда, Зап. Ак. Н. т. XXIX, Спб. 1877, 95 стр.

Труды Вольнаго Рос. Собранія, рец. В. Стоюнина, Ж. М. Н. Пр. 1854 г., ч. LXXXIV, 1—42; Историч. разысканіе о рус. повремен. изданіяхъ и сборникахъ, А. Н. Неустроева, 208—212. Уставъ, перечень членовъ и исторія Импер. Общества ист. и древн. Рос. въ Запискахъ и трудахъ общ. ч. I, ч. II, кн. 1; ч. III, кн. 2; ч. IV кн. 2, ч. VIII (обз. дѣятельн. за 1828—36 г.); протоколы М. О. Ист. въ прочихъ изданіяхъ Общества; записка Бодянскаго объ ист. общ. въ Чтен. М. О. И. 1877, кн. 3; Кто былъ первымъ предсѣдателемъ М. О. ист., Н. А. Попова, ib. 1878 г., кн. 1; Жизнь и труды П. М. Строева, Барсукова, 65—79, 105, 110, 158, 406—416—434. Рецензіи на изданія Общества, см. Отеч. Зап. тт. LIV, LV, LXII, LXIII, (Лакіера и Кавелина; см. соч. Кавелина, т. II); Зап. Департ. Мин. Нар. Пр. ч. II и Ж. М. Н. Пр. чч. LVIII, LXXVII; LI, LVI, LIX, LXIII, LXVIII, LXXXIII, CXIV; указатель ко всѣмъ періодич. изданіямъ Общ. ист. и древн. Россійскихъ, 1815—1883, М. 1883, сост. С. Бѣлокуровъ.

О дѣятельности Казан. общ. любит. слов. Ж. М. Н. Пр. чч LV, LVI, LVIII, LX, LXII, LXIV, LXVI, LXVIII, LXX, LXXII, LXXIII, LXXVI, LXXVIII; статья Н. А. Попова въ Рус. Вѣстникѣ, 1859, т. XXIII.

Отчеты Одес. общ., издаваемые ежегодно; Одесск. общ. ист. и древн., его записки и археологич. собранія, Ф. Бруна, Труды Одес. статист. ком. В. IV, 1870; Истор. оч. Одес. общ. ист. Ж. М. Н. Пр. ч. LXXVIII; Зап. Одес. общ. ист. I—XIII т., 1844—1883 (лѣтопись общества); рец. въ Ж. М. Н. Пр. XLVIII, LVIII, LXXV, CXIII; Одес. общ. ист. въ 1882 г., ib. 1883, № 6; Некрологъ Н. Н. Мурзакевича, ib.; Очеркъ заслугъ, сдѣлан. наукамъ свѣтл. кн. М. С. Воронцовымъ, Н. Мурзакевича, Од. 1860; Кратк. указ. муз. И. О. общ. его же, Од. 1873; Notice sur la Soc. Odess. d' Histoire et d' Antiq. et sur ses Mémoires, Ph. Brunn. Од. 1875.

Импер. Руск. истор. Общ. Уставъ общ. въ I т. „Сборника"; отчеты и перечень изданій въ прочихъ томахъ; рецензіи въ Журн. Мин. Нар. Пр., Древ. и Нов. Рос., Рус. Стар., Ист. Вѣстн., Вѣстн. Европы, Рус. Вѣстн., Рус. Мысли; о поздн. дѣят. Общ. Ж. М. Н. Пр. 1880, № 4 (за 1879 г.) 1882, № 5 (за 1880—81 гг.); 1883, № 6 (за 1882 г.).

О Кіев. историч. общ. Нестора Лѣт., статья И. П. Хрущова, Ж. М. Н. Пр. ч. CLXVI; отчеты и проток. Общ. въ Универ. Изв. 1875—78 гг.; свѣд. о засѣданіяхъ Общ. въ I т. Чтен. ист. общ. Нестора лѣт. К. 1879 г.; въ Кіев. Старинѣ; Историко-статистич. зап. объ учрежд. при унив. св. Владиміра, К. 1884.

Уставъ и протоколы Казан. общ. археологіи, исторіи и этногр. въ Изв. Казан. универ. съ 1878 г. и д. Отдѣльно вышли: т. I (1879), II (1880); отчеты 1880—81, 1881—82 гг. и Каталогъ музея, К. 1882; Ж. М. Н. Пр. 1879, № 11; 1881, № 7 и д.

О дѣятельности Импер. Рус. археологич. общества см. отчеты Общества въ его „Запискахъ" и „Извѣстіяхъ;" Отчетъ Общ. за первое 25-лѣтіе и обзоръ трудовъ Общ. Д. В. Полѣнова, Спб. 1871.; о занят. въ Ж. М. Н. Пр. чч. LIII—CXIII и д.; Труды восточн. отд. П. С. Савельева, Москвитянинъ 1855, № 17 и 18; Ж. М. Н. Пр. 1857, ч. XCVII; извлеченія изъ проток. восточн. отд. Ж. М. Н. Пр. 1855, LXXXVII; 1857, XCV, 1858, XCIX; о трудахъ Археол. общ. въ 1846 г., Ж. М. Н. Пр. ч. LIII, LIV; 1846—49 гг., LXIII; 1846—52, LXXVI; Фин. Вѣстн. 1847, № 10; Сѣвер. Обозр. 1849, № 5 и 6; предполож. объ изд. собранія древн. рус.

надписей, Ж. М. Н. Пр. CXVI и Сынъ Отеч. 1850, VII; о дѣятельн. Археолог. общ. въ 1876 г. Ж. М. Н. Пр. 1877 гг. № 5; въ 1877 г., ч. CLXXXXVII; въ 1878, ib. 1879, № 5 и д. 1882, № 5. Энциклопедич. словарь, изд. учен. и литер., т. V; Энциклопед. словарь Березина, отд. I, т. 2. Жизнь и труды П. С. Савельева, В. В. Григорьева, Спб. 1861; Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова, Хрущова, Спб. 1879.

Объ учрежденіи Археол. ком, Ж. М. Н. Пр. 1859, CII, смѣсь. Отчетъ за 1859—60 гг. Зап. Ак. Н. I, кн. 2. Археол. ком. въ 1850—Отеч. Зап. 1851, LXXVII; археол. находки въ 1849, LXVI; 1853, LXXXVII; арх. открытія въ Керчен. курганѣ 1851—ib. LXXV; арх. открытія въ 1852 г., т. LXXXIII. Свѣдѣнія о дѣят. ком., Извѣст. Арх. общ., т. VI и д.; Археол. разыск. въ южн. Рос. по отчет. Археол. ком., А. Струве, Зап. Одес. общ. т. VI. Отчеты Археол. коммиссіи. Вообще, сообщенія объ археологич. разысканіяхъ въ Россіи въ прежнее время печатались въ Журн. Мин. Нар. Просв., отд. VII (новости и смѣсь).

Виленская археологич. коммиссія, Ж. М. Н. Пр. ч. XCI; записки ея, ib. XCIII; засѣданія, ib. XCV—CX; отчеты CV и CIX; музей древн. ib. LXXXIX; опис. Вилен. губ. Корева, Спб. 1861, 588--593; Дневникъ засѣд. коммиссіи для разбора предметовъ, находящихся въ Вилен. муз. древн. В. 1865, 74 стр. объ отправкѣ нѣкот. вещей въ Моск. Рум. музей, Вѣст. Зап. Рос. 1865 г. и Вилен. Вѣст. 1869, № 45. Объ Археографич. Сборникѣ и др. западно-рус. археографич. изд. М. Кояловича, Ж. М. Н. Пр. ч. CXL, CLII, CLIX, CLXIV; также ч. CXXXIX, Объ Архивѣ Ю. Зап. Рос. Г. Карпова, ib. ч. CLXXI; Центр. арх. и археографич. коммис. въ Кіевѣ, Родохлиба, ib. CLXV; замѣч. на статью, К. Царевскаго, ib. ч. CLXIX.

Вѣстн. и труды Моск. арх. общ.; Труды арх. съѣздовъ; Протоколы и извѣстія Общ. естествозн., антроп. и этн. при Моск унив.; свѣдѣнія о дѣят. этихъ обществъ въ Ж. М. Н. Пр. ежегодно; объ антроп. выставкѣ, 1879 г. ib. 1879, № 5; отчетъ этногр. отд. Импер общ. естествозн., антропол. и этн. за 1867—73 гг.; Н. А. Попова, Изв. общ., т. XIV: Зап. общ. любит. Кавк. археол. кн. I, т. 1875; Ж. М. Н. Пр. 1887 № 1; Вѣстникъ древ. рус. искусства; Протоколы и отчеты Общ. древн. письмен.; Общ. любит. древ. письмен., Л. Н. Майкова, Ж. М. Н. Пр. ч. 1878—1883 гг. Объ археол. съѣздахъ Ж М. Н. Пр. CLIX, CLX, CXCVI и д.

О дѣят. Рус. Геогр. общ. въ Запискахъ, Извѣстіяхъ и отчетахъ Общества; Двадцатипятилѣтіе Р. Г. О. Спб. 1872; Обозр. трудовъ Геогр. общ. по историч. геогр. А. И. Артемьева. Спб. 1873; объ учр. общ. Ж. М. Н. Пр. ч. XLVII и XLVIII; объ основ. Кавк. и отд. ч. LXVIII и LXXI; Сибир. отд. ч. LXXI; уставъ и протоколы, ч. LII—LVI, LXIV, LXVIII, LXIX—LXXXIV, XCIV, XCVI; собранія Общ. ч. LXXXI—CXIII (въ разн. книгахъ); о трудахъ ib. чч. LIX, LXIII, LXIV, LXVI, XCV, XCVIII; о собр. мѣстн. геогр. словъ, LIV; о дѣят. Кавк. отд. LXXIII—LXXV, XCVII; о дѣят. Сибир. отд. LXXVI, LXXXIV, LXXXVII, XC, XCIII—XCIX; о записк. Кавк. отд. Современникъ, XXXV, LVI; о сибир. отд. id. LIX, Вѣст. геогр. об. 1852, № 5 (ст. В. Милютина). О поздн. дѣят. Ж. М. Н. Пр. 1880, № 7; 1881, № 3; 1882, № 4.

Извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ обществъ въ Ж. М. Н. Пр. тт. CXLI—CLVIII и далѣе; И. А. Ивановъ, Уч. Зап. Казан. ун. 1843, кн. II и III (обз. хроногр.), 373—396.

О прибалтійскихъ обществахъ, Ж. М Н. Пр. чч. IV, XXXVI, LV, LXII, LXVI, LXVII, LXXIV, LXXXVI, LXXXIX, CXVI. Ученое Эстонское общество въ Дерптѣ (съ музеемъ при немъ), ib. 1883, № 12; Bibliotheca Livoniae Historica. System. Verzeichniss der Quellen und Hülfsmittel zur Gesch. Ehstlands, Livlands und Kurlands, von Ed. Winkelmann, Berl. 1878, 608 (см. с. 10—11); о польск. учен. общ. и изд. Ж. М. Н. Пр. ч. LIII (А. Старчевскаго); Литер. и ученая дѣят. Авг. Бѣлевскаго, С. Птатшицкаго, ib. ч. CXCIV; объ ученой дѣят. въ Польшѣ, его же, pas.; о Monum. Pol., А. Бѣлевскаго, Чт. М. О. И., 1865, кн. III; Славянскій сборникъ, т. III (ст. А. Киркора). Объ Общ. сѣверныхъ антикваріевъ, Записки и труды Моск. общ. ист. т. IV, кн. 2, с. 53; объ изд. сагъ, Гейтлинга, ib. 54—62; о томъ же Общ. Ж. М. Н. Пр. чч. III, V, XXXI, XLIX, LXXIV; Библіотека для Чтенія, 1849, т. XCVIII; Лонд. Гакл. общество, Ж. М. Н. Пр. чч. XXXVIII, LXVI, LXXVII; о Лонд. азіат. общ., Вѣстн. Геогр. общ. 1853, № 2 и 3; объ историч. общ. въ Стокгольмѣ, Ж. М. Н. Пр. 1881, № 10, совр. лѣт., 68 и д.; Литов. литер. общ. въ Тильзитѣ, Ж. М. Н. Пр. 1880, № 9. Мелкія статьи объ историч. общ см. въ указателяхъ Ламбиныхъ 1855—63; Рус. историч. библіогр. В. И. Межова т. I, 1865—76, Спб. 1882, стр. 210—211; III, 1883, с. 259—275; Ист. рус. и всеоб. словесн., библіогр. указ. Межова, Спб. 1872, 229—239.

Любопытное сообщеніе Екатерины II о памятникахъ и могилахъ на Волгѣ и въ Сибири, разрытыхъ въ к. XVII и XVIII вв. (письмо къ Гримму, 7 дек. 1779, въ Сборн. Рус. ист. общ. т. XXIII). Нѣкоторыя свѣдѣнія объ археол. дѣятельности въ XIX стол. въ запискахъ акад. Ѳ. Г. Солнцева: „Моя жизнь и художественно-археологич. труды“ (Рус. Стар. 1876, тт. XV, XVI и д.); объ археографич. дѣят. въ перепискѣ Кубарева и Сахарова, съ примѣч. Н. Барсукова, подъ заглавіемъ: „Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ“ (Древ. и Нов. Рос. 1880 г., ч. I).

Правительственной иниціативѣ принадлежитъ изданіе нѣсколькихъ весьма важныхъ и обширныхъ сборниковъ государственныхъ актовъ, каковы: 1) *Полное собраніе законовъ Россійской имперіи* (первое, 1828—1830 г., 45 томовъ, въ 48 частяхъ, съ указателями и приложеніями, in 4°, заключающее въ себѣ законодательные акты отъ уложенія царя Алексѣя Михайловича до царств. импер. Николая I (продолженіе его составляетъ второе собраніе), собранные изъ разныхъ архивовъ и присутственныхъ мѣстъ, но впрочемъ, не вполнѣ исчерпывающее законодательную дѣятельность правительства, при множествѣ излишняго матеріала [1]); 2) *Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи* (тт. I—X: сношенія съ Австріей, Италіей и папами съ XV в. до конца XVII в., 1851—1871), изданные по Высочайшему повелѣнію [2]); 3) *Дворцовые разряды*, 1612—1700 г., (1850—1855, 4 тт.); 4) *Книги разрядныя по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ* (2 т. 1853—55), по документамъ, хранящимся въ Московскихъ архивахъ мин. иностран. дѣлъ и мин. юстиціи. Всѣ эти труды были исполнены при участіи II-го отдѣленія собств. е. и. в. канцеляріи [3]).

---

[1]) См. объ этомъ: Архивъ правит. Сената. Опись имен. высоч. указ. и повел. отъ Петра В. до Екатерины II, тт. I, II и III, 1872—78, составлен. П. Барановымъ; Собраніе трактатовъ Россіи, Мартенса, ч. I, 1874 и д.

[2]) Продолженіе этого собранія составляетъ дипломатическія сношенія (съ Литвою), помѣщенныя въ XXXV т. Сборн. Рус. ист. общества.

[3]) Краткій очеркъ дѣят. 2-го отдѣл. соб. Е. И. В. канцеляріи, 1826—1876, Спб. 90—88.

Дополненіемъ ко второму изъ названныхъ изданій служитъ: *Собраніе трактатовъ и конвенцій России съ иностранными державами* (съ Австріею съ 1648—1878, 4 т. 1874—1878, съ Германіей съ 1656—1808, 2 т. 1880—83, рус. и иностран. тексты), составленное, по порученію Мин. иностр. дѣлъ, проф. Ф. Мартенсомъ. Тѣмъ же министерствомъ изданы: *Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній России съ западными державами европейскими, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г.* (Спб. 1823—25, 2 тт.). Коммиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящая при Моск. арх. ин. дѣлъ, напечатала матеріалы *О вооруженномъ нейтралитетѣ*, извлеченные изъ архива (Спб. 1859 [1]); *Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства* (4 в. 1861—62), относящіяся къ первой половинѣ XVIII в.; *Книгу въ лицахъ объ избраніи на царство вел. гос. царя и вел. кн. Михаила Θеодоровича* (М. 1856). Это изданіе состоитъ изъ трехъ частей: книги in fol., въ которой воспроизведена полууставомъ XVII столѣтія рукопись, составленная изъ дѣлъ Посольскаго приказа, объ избраніи на престолъ Михаила Θедоровича съ историческимъ введеніемъ и хромолитографированнымъ портретомъ, заимствованнымъ изъ Архивской рукописи „Титулярникъ"; альбома изъ 20 рисунковъ (in fol.), гравированныхъ на мѣди (за исключеніемъ одного хромолитографированнаго) и французскаго объяснительнаго текста [2]); *Сборникъ Московскаго главнаго архива мин. ин. дѣлъ* (1—4 в., 1880—1883), куда вошли извлеченія изъ матеріаловъ того же архива, касающіяся дипломатическихъ отношеній и восточнаго вопроса, преимущественно въ XVIII вѣкѣ.

Первое отдѣленіе собств. е. и. в. канцеляріи издало *Сборникъ историческихъ матеріаловъ,* извлеченныхъ изъ его архива (Спб. 1876,

---

Въ „Чтеніяхъ Москов. общ. ист. и древностей" 1882—1883 напечатаны дополненія къ „Дворцовымъ разрядамъ," собран. по поруч. гр. Д. Н. Блудова изъ книгъ и столбцовъ прежде бывшихъ Дворц. приказовъ Арх. оруж. палаты, И. Е. Забѣлинымъ (ч. I).

[1]) Напечат. первоначально въ „Морск. Сборникѣ" 1859, № 9—12, а потомъ вышли отд. книгою, 189 стр.

[2]) Современное описаніе рисунковъ см. въ „Очеркѣ дѣят. ком. печат. грам. и договоровъ", М. 1877, стр. 10—15.

Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ принималъ участіе кн. М. А. Оболенскій, управляв. тогда коммис. печат. грамотъ.

т. I) и касающихся главнымъ образомъ отечественной войны, дѣятельности Сперанскаго (1818—1819 г.) и переписки Аракчеева; Московскій архивъ мин. юстиціи печатаетъ матеріалы, относящіеся къ кратковременному правленію Брауншвейской фамиліи: *Внутренній бытъ рус. государства съ 17 окт. 1740—25 ноября 1741* (кн. I, М. 1880); *Доклады и приговоры Правит. Сената въ царств. Петра В.* (Спб. 1880—1883, 3 тт., за 1711—12 гг., издав. Академіею Наукъ), подъ ред. Н. В. Калачова; Военно-ученый архивъ главнаго штаба издалъ *матеріалы*, относ. къ цар. Петра В. (Спб 1871), подъ ред. А. Ѳ. Бычкова; Министерство народнаго просвѣщенія напечатало: *Сборникъ постановленій* (т. I—IV, 1864—1867, за 1802—1864 гг.), *Сборникъ распоряженій* по министерству (т. I—III, 1866—1867, за 1802—1864 гг., оба съ алфавит. указателями) и *Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ* (Спб. 1862, 2 т.), важные для исторіи образованія въ Россіи съ начала XIX столѣтія; Св. синодъ—*Полное собраніе постановленій* и *распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Рос. имперіи* (1869—81, съ 1721—27 гг., 5 т.); Морское министерство—*Матеріалы для исторіи флота* (1702—1762, 10 томовъ[1]), 1865 — 1883; журн. врем. Петра В. и Екатерины I, Спб. 1866); медицинскій департаментъ Мин. внутрен. дѣлъ—*Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи* (2 в. 1883, XVII в.). Московская городская Дума напечатала *Переписныя книги Москвы* 1638, 1739—1745, 1738—1742 гг. (5 книгъ, М. 1881); Импер. Публ. библіотека—*письма и бумаги Петра В.* (1872), *Екатерины II* (1873) и *сборникъ матеріаловъ о гр. Сперанскомъ* (1872),—подъ ред. А. Ѳ. Бычкова. Военное горское управленіе на Кавказѣ издало 10 томовъ *Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ* (1868—1881), посвященныхъ преимущественно этнографіи Кавказа и юридическому быту племенъ, населяющихъ его, а весь 10-й томъ этого „Сборника" занятъ трудомъ бар. П. К. Услара: „Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ;" при канцел. тифл. губ. изданъ *Сборникъ матеріаловъ для описанія Тифлис. губ.*, подъ ред. К. Л. Зиссермана, т. I, в. 1 и 2, 1870—71 (матер. о крестьян. рефор., списки населен. мѣстъ, учебн. дѣло, этн. матер.).

[1]) Первые четыре тома изданы подъ ред. С. Елагина, V—IX подъ ред. Ѳ. Веселаго. Томы I—IV, VI—IX посвящены балт. флоту, V-й—воронежской, азовской и черноморской флотиліямъ; журналы изд. подъ ред. С. Елагина. Кромѣ того, въ прилож. къ „Ист. рус. флота—азов. періодъ" С. Елагина, напеч. два тома приложеній (Спб. 1864).

Съ 1834 г. сталъ выходить ежемѣсячно *Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*[1]), представляющій весьма богатый запасъ свѣдѣній историческаго и археологическаго содержанія; извѣстія о дѣятельности Академіи Наукъ и Археографической коммиссіи, о раскопкахъ, произведенныхъ въ Россіи, о дѣятельности разныхъ коммиссій и ученыхъ Обществъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею; наконецъ множество рецензій на ученые труды и изданія. Рядомъ съ нимъ слѣдуетъ поставить *Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ* (1829—1861), заключающій въ себѣ много матеріаловъ по исторіи городовъ; свѣдѣнія по этнографія племенъ, населяющихъ Россію; данныя объ археологическихъ разысканіяхъ въ Россіи (курганы, городища, описаніе монетъ и т. п.). Въ *Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Минист. Финансовъ* (1865—1867 гг.) печатались матеріалы по исторіи финансовъ въ царств. Екатерины II, Александра I и Николая I; въ *Журналѣ Мин. Юстиціи* съ 1859—1868—статьи по исторіи права, объ источникахъ права, рецензіи. Упомянемъ также о *Запискахъ адмиралт. департ.* (1807—27, 13 т.), и *военнотопографич. депо* (съ 1837 отдѣльн. частями); о *Военномъ Журналѣ* (съ 1810 г.), *Военномъ* (съ 1858) и *Морскомъ Сборникахъ* (съ 1848 г.), объ *Артиллерійскомъ* (съ 1839 г.) и *Инженерномъ журналахъ* (съ 1826 г.), въ которыхъ находятся матеріалы по исторіи военнаго дѣла и инженернаго искусства въ Россіи, воспоминанія и записки о военныхъ дѣйствіяхъ и т. п., какъ равно и въ другихъ спеціальныхъ изданіяхъ (см. библіогр.).

Не мало историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ и данныхъ можно найти въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, каковы: *Губернскія* (съ 1838 г.) и *Епархіальныя* вѣдомости (съ 1861 г.). Нѣкоторые изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ губерн. вѣд., перепечатывались потомъ въ отдѣльныхъ сборникахъ („Владимірскій сборникъ“ 1857 и „Ежегодникъ“ Владим. стат. комит. 1876—1880, 4 в.; Сборникъ газеты „Кавказъ“ 1846—1849; „Петровскіе акты,“ изд. Воронеж. стат. ком. 1872; „Орловская старина“ Пупарева 1875 г.; „Арханг. сборникъ“ 1863 и 1865 гг.; „Историч. матер. изъ арх. Кіев. губ. правл.“, в. 1—7, 1882—1884, „Витеб. сборникъ“ 1883 г., „Прибалтійскій сборникъ“ и т. п.). Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ находится много

[1]) До того времени издавались: Періодич. сочин. объ успѣхахъ народн. Просв. 1803—1817 (44 нумера); Журналъ Департ. Нар. Просв. ч. I - IX, 1821—23 г., и Зап. Деп. Нар. Пр. 1825—28 гг. (3 книги).

матеріаловъ церковно-историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ (особенно въ Вологодскихъ, подъ ред. Н. Суворова, Казанскихъ, Кіевскихъ; въ „Холмскомъ Вѣстникѣ" (1878 г.) было помѣщено препіе ц. Ивана IV съ пасторомъ богемскихъ братьевъ Ян. Рокитою и др. [1]).

Сюда же слѣдуетъ отнести изданія учебныхъ округовъ: *Археографическій Сборникъ* въ Вильнѣ (10 т. 1867—1874); *Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа*, Тифл. 4 в. 1881—84 (въ IV вып. напеч. извѣстія греч. и римск. писателей о Кавказѣ въ рус. переводѣ); *Памят. книжка Кавк. учеб. округа*, Т. 1880 г. (ходъ учебнаго дѣла на Кавказѣ съ 1802 — 1880); высшихъ учебныхъ заведеній Мин. народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства, а именно: *Ученыя записки* (съ 1833—36) и *Извѣстія Московскаго университета* (1866—72 гг. [2]); *Ученыя записки и извѣстія Казанскаго университета* (съ 1834 г. [3]); *Университетскія Извѣстія*, изд. въ Кіевѣ (съ 1861 г. [4]); *Записки Новороссійскаго университета* (съ 1867 г. 40 томовъ [5]); *Варшавскія университет-*

---

[1]) Указатели къ губерн. вѣд. печатались въ Ж. М. Н. Пр. (съ изложеніемъ содержанія статей), Вѣстн. Геогр. общ., Москвитян., Времен. Моск. общ. ист., въ библіогр. трудахъ Ламбиныхъ, Межова и др. (см. ниже)

Въ газетѣ „День" (1861—65) помѣщены были матеріалы объ Арсеніѣ Мацѣевичѣ (1861 г.), статьи объ улож. 1551 г. или Стоглавѣ (1863), о земск. соборѣ (ib.), воспомин. студентства 1832—1835 г.—К. С. Аксакова (1862) и др.

[2]) Статьи о лѣтописяхъ и др. древнихъ памятникахъ; по нумизматикѣ.

[3]) Сказаніе Пересвѣтова и др.; посланіе Ю. Крижанича ц. Ѳедору Алекс.; вып. изъ Нижегородскою лѣтоп.; о „Прологѣ," о Кормчей ин. Вассіана; о хронографахъ, проф. Иванова, о соч. Курбскаго; объ ист. Карамзина; о договор. Рос. съ Швец. въ XIV в.; о снош. папъ; о мѣстѣ г. Сарая; о взятіи Астр. 1660 г.; пѣсни; о дѣят. общ. ист., археол. и этнографіи; древніе лѣчебники, о чумѣ 1654—55 гг. и т. п.

Въ 1811—20 г. Общество любит. словесн. при Казан. унив. издавало „Казанскія Извѣстія", а съ 1821—32 г. „Казанскій Вѣстникъ", въ прибавленіяхъ къ которому печатались грамоты XVII в., относящіяся къ Казанскому краю.

[4]) Сборникъ грамотъ литов. князей (1868); переводы древнихъ путешествій и извѣстій о Россіи; Сборникъ малорос правъ XVIII в.; матер. изъ Кіев.центр. арх. XVI—XVII в.; статьи объ источникахъ рус. и польской исторіи, по ист. права; о дѣят. общ. Нестора лѣт.; библіографія.

[5]) Славянскій Номоканонъ, А. Павлова; матеріалы по исторіи благоустр. въ цар. Екатерины II; по ист. славян. права; изслѣд. по историч. географіи южной Россіи и древніе путешественники (Шильдбергеръ съ коммент.), Ф.К. Бруна.

скія извѣстія (съ 1870 по 6 кн.); *Записки* (и проток.) *Харьковскаго университета* (съ 1863 г.); *Записки историко-филологическаго факультета С.-петербургскаго университета* (съ 1875—1884 гг. 12 тт.); *Временникъ Демидовскаго лицея* (съ 1871 г. 30 тт. [1]); *Извѣстія историко-археологическаго института кн. Безбородка* (съ 1877 г. 8 т.). Духовныя академіи издаютъ: *Христіанское Чтеніе*—въ Петербургѣ (съ 1821 г.); *Творенія св. отцовъ* съ прибавленіями (важны послѣднія)—въ Москвѣ (съ 1843—1864 г., возобн. въ 1871 г.); *Православный Собесѣдникъ*—въ Казани (съ 1855 [2]); *Труды Кіевской дух. академіи* (съ 1860 [3]). Вообще, какъ въ университетскихъ, такъ и въ академическихъ изданіяхъ помѣщались: отчеты объ ученыхъ обществахъ, существующихъ при нихъ; о занятіяхъ ученыхъ въ русскихъ и иностран. архивахъ и библіотекахъ; критическія и библіографич. статьи, изслѣдованія объ источникахъ и т. п. [4]).

---

[1]) Христоматія по ист. рус. права, проф. Владимірскаго-Буданова; 2-е изд. въ Унив. Изв., выход. въ Кіевѣ; Ист. визант. права, Д. Азаревича. и др.

[2]) Памятники церковно-историч. и канонич. литерат. съ XI вѣка; сочин. м. Фотія, старца Филоѳея, архіеп. Геннадія, м. Макарія, Д. Герасимова, Максима Грека. Зиновія Отенскаго, Курбскаго, Іосифа Волоцкаго, Вассіана Патрикѣева, Игнатія митр. тобольскаго, патр. Іоакима (Остенъ), братьевъ Лихудовъ (Мечецъ духовный), Платона Любарскаго (Сборникъ древностей Казан. епар.), Стоглавъ, Проскинитарій Арсенія Суханова, записки прот. Верховскаго (Стародубье); древнія житія; описанія древнихъ монастырскихъ библіотекъ (подробное опис. рукоп. Соловец. библіотеки и др.); изслѣдов. о тѣхъ же памятникахъ, о расколѣ, о просвѣщеніи и духовенствѣ въ Россіи.

Въ „Христ. Чт." и прибавл. къ „Тв. св. отц."—древ. поуч., матер. для ист. патріаршества въ Рос., духовн. школъ и т. п.

[3]) Изслѣд. о церковно-ист. и литер. памятникахъ (о составѣ Пролога и др.); объ иностранц., бывшихъ въ Россіи (Поссевинъ, Павелъ Алеппскій и др.); свѣдѣнія о мѣстныхъ церковныхъ и монаст. архивахъ и библіотекахъ; извѣстія о дѣят. церковно-археологич. Общ. и его музеѣ; опис. рукоп. Общества; о рус. историкахъ XVIII вѣка съ церковно-исторической точки зрѣнія; изслѣд. по церков. археол. и исторіи преимущественно древняго періода (исторія раскола, церковная полемика, секты, унія, отношенія къ католицизму); исторія и статистика монастырей; исторія школъ; письма Ѳеофана Прокоповича, Стефана Яворскаго и т. п.

[4]) Въ „Кіевскихъ Унив. Изв.": отчеты Н. Любовича и Д. Багалѣя о западнорусскихъ и малорусскихъ архивахъ; въ „Изв. Варшав. унив."—общир-

Рядомъ съ трудами по изданію матеріаловъ, веденными правительственными коммиссіями и учрежденіями, а также учеными обществами, въ XVIII и XIX столѣтіяхъ существовали не менѣе ихъ заслуживающія вниманія частныя предпріятія, въ видѣ періодическихъ изданій и отдѣльныхъ сборниковъ. Съ другой стороны, историческіе матеріалы нерѣдко появлялись въ общихъ сборникахъ, которые, въ особенности же въ прежнее время, за отсутствіемъ спеціальныхъ изданій по разнымъ отраслямъ исторіи и археологіи, служили весьма важнымъ подспорьемъ для обнародованія этихъ матеріаловъ. Въ XVIII вѣкѣ такими изданіями были: 1) *Старина и Новизна*, издав. въ 1772—73 г. В. Г. Рубановъ (2 ч. [1]); 2) *Открываемая Россія*, или собраніе одеждъ всѣхъ народовъ въ Рос. имперіи обрѣтающихся 1774—76 (съ изображеніями типовъ и одеждъ разныхъ племенъ [2]); 3) *С.-петербургскій Вѣстникъ* 1778—81 (7 ч. [3]); 4) *Россійскій магазинъ*, Ѳ. Туманскаго, 1792—94, 3 ч. [4]) и нѣкоторые другіе.

ные отчеты Ѳ. Вержбовскаго о заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ, важныхъ для польской и отчасти русской исторіи; въ „Казанскихъ"—о занятіяхъ въ арх. и библ. Петерб. и Москвы, Д. А. Корсакова и Н. П. Загоскина; въ „Труд. К. Д. ак." отчеты С. Т. Голубева о занятіяхъ въ западно-рус. и польск. архивахъ и библіотекахъ.

¹) Извлеченія изъ записокъ одного Рос. путешественника изъ Балт. въ Средизем. море 1769—70 гг.; историч. извѣстія о первыхъ славяно-греко-лат. (кіевскомъ и москов.) училищахъ; списокъ чиновъ съ 1548—1707, изъ библіот. кн. П. Н. Трубецкаго; рѣчи на разные случаи и т. п.

²) Рисунки этого изданія вошли также въ соч. Георги (Неустроевъ, 201). Въ „Новомъ Спб. Вѣстникѣ" (1886) есть статьи о рос. старовѣрцахъ (кн. II), П. Богдановича; въ „Ежемѣсяч. сочин.", издававшемся въ Ярославлѣ (1787), помѣщено описаніе казанскаго похода Ивана Грознаго (ч. II, 449—557).

³) Переписка Петра В.; о народахъ, жив. въ Россіи; исторія рус. театра; о началѣ англ. торговли въ Рос., Бакмейстера; о происхожденіи и разныхъ перемѣнахъ рос. законовъ, Шлецера и т. п.

⁴) О пермскихъ вогуличахъ; оч. исторіи Петербурга; выписки изъ разметной книги 1700 г. (о расходахъ на кушанье при царскомъ столѣ); выписка 1719, о выборахъ въ Запорожьѣ; о Манштейнѣ; родосл. Долгоруковыхъ; списокъ чертежа сибир. земли при думн. дьякѣ Виніусѣ, о происхожденіи Строгановыхъ; Лѣтописецъ малыя Россіи; о родословной матери ц. Алексѣя Мих.; дворц. записки 1696—1700 гг.; записки Гордона; опис. персид. похода Петра В.

Съ начала XIX в. журнальная дѣятельность въ Россіи значительно расширяется. Уже въ 1802 г. появляется *Вѣстникъ Европы*, который издавался послѣдовательно—Карамзинымъ, Каченовскимъ, Жуковскимъ, Измайловымъ и снова Каченовскимъ (по 1830). За нимъ слѣдуютъ: *Сѣверный Вѣстникъ* И. И. Мартынова (1804—1805); *Періодическое изданіе* (1804) и *С. Петербургскій Вѣстникъ*, изд. Общ. люб. словесн., наукъ и худож. (1812); *Историческій, географич. и статистич. журналъ* (М. 1815—20 г.); *Сынъ Отечества*, Н. Греча (съ 1812) и *Сѣверный Архивъ*, Ѳ. В. Булгарина (1822—28), соединенные потомъ въ одинъ журналъ (1829—1852); *Сибирскій Вѣстникъ* (Спб. 1818—25), Гр. Спасскаго; *Московскій Телеграфъ* (1825—34), Н. А. Полевого; *Московскій Вѣстникъ* Погодина (1827—31 [1]); *Русскій Зритель*, журналъ ист., археол., словесн.и сравнит. костюмовъ (М. 1828—30), К. Ѳ. Калайдовича; *Отечественныя Записки*, начатыя П. П. Свиньинымъ (1818—30) и возобновленныя потомъ А. А. Краевскимъ (съ 1839); *Телескопъ*, Н. И. Надеждина (М. 1830—37); *Воспоминанія* С. А. Руссова (1832 [2]); *Заволжскій муравей* (Каз. 1832—34); *Московскій Наблюдатель* (1835—39) и мн. др.

Изъ названныхъ журналовъ въ „Вѣстникѣ Европы", „Отеч. Запискахъ", „Сѣверномъ Архивѣ", „Сынѣ Отечества" помѣщались преимущественно свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ и археологическихъ разысканіяхъ въ Россіи; статьи по археологіи и нумизматикѣ; иностранныя извѣстія о Россіи (акты, письма, путешествія), статейные списки и записки русскихъ людей, XVI—XVIII ст.; критическія статьи. Въ „Сибирскомъ" и „Азіатскомъ" (того же Г. Спасскаго, съ 1825—28) „Вѣстникахъ" печатались свѣдѣнія о чудскихъ и сибирскихъ древностяхъ; объ инородцахъ, населяющихъ Россію и т. п., съ рисунками предметовъ (такъ, при Сибир. Вѣст. изданъ былъ отдѣльный атласъ сибирскихъ древностей). Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" и „Отечественныхъ Запискахъ" находимъ *сибирскія лѣтописи*, изданныя Г. Спасскимъ и П. Небольсинымъ [3]).

---

[1]) Есть переводы иностр. писателей о Россіи XVI и XVII стол.; зап. Сем. Шаховскаго (1601—1649); записки о путеш. Петра В. за границу въ 1697—98 гг.; зап. Ѳеофана Прокоповича о восш. на престолъ Анны Ивановны, рядъ статей по поводу исторіи Карамзина.

[2]) Въ нихъ былъ помѣщенъ переводъ соч. Герберштейна о Московіи.

[3]) Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" помѣщены слѣд. статьи: „Извѣстія о найденной лѣтоп. Сибирской" (1821, ч. XIII); „Лѣтопись Сибирская, най-

Вскорѣ за тѣмъ появляются новые журналы и сборники: *Библіотека для Чтенія* (1834—1862 и снова въ 1864—1865 гг.), *Москвитянинъ* (1841—1856), подъ ред. Погодина [1]), *Маякъ* (1840—45), *Русскій Вѣстникъ* С. Глинки (1841—42 [2]) и снова подъ ред. М. Каткова, съ 1856), *Современникъ*, редактир. А. Пушкинымъ, П. Плетневымъ, И. Панаевымъ и Некрасовымъ (1836—66 [3]), *Финскій Вѣстникъ*, замѣненный вскорѣ *Сѣвернымъ Обозрѣніемъ* (1845—50), *Кіевлянинъ*, А. М. Максимовича (3 кн. К. 1840—1841 и 1850), *Архангельскій историко-литературный сборникъ*, изд. Ф. Вальневымъ (Спб. 1844 г., грамоты и акты XVII в.), *Московскій Сборникъ* (1846, 1847, 1850), *Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій*, Н. Фролова (М. 1852—60, 6 кн., перев. путеш. Кастрена, соч. Родеса о моск. торговлѣ въ XVII в.), *Утро*, Погодина (3 тт., 1859, 1866, 1868 гг. [4]), *Русская Бесѣда* [5]) (1856—60, 20 тт.), *Атеней* [6]) (1858—59), *Русское*

менованная въ XI т. Ист. Госуд. Рос. Строгановскою." (ib. ч. XIV); Извѣстіе о новѣйш. лѣтоп. Сибирской, сочин. Ильею Черепановымъ (ib. ч. XIV); Сибирская лѣтоп. Саввы Есипова (ib. 1824, ч. I); Исторія плаванія Россіянъ изъ рѣкъ сибирскихъ въ Ледов. м. (1821, ч. XV); Любопыт. вооруж. г. Тобольска противъ нашест. Калмыковъ въ 1646 г. (ib. ч. XIV), Повѣств. о Сибири, перевед. съ латин. рук. XVII в. (1822, ч. XVII и XVIII).

[1]) Здѣсь были напечатаны многіе акты, записки, письма, сочиненія преимущественно XVI—XVIII вв., анекдоты А. Нартова о Петрѣ В., рядъ рецензій на историческія сочин. и изданія (на соч. Палицына и Котошихина, ист. Устрялова, Соловьева и др.), этнографическіе матеріалы.

[2]) Въ немъ помѣщены записки и письма нѣк. рус. дѣят. XVIII в. (между прочимъ журналъ о пребыв. Петра В. въ Парижѣ 1717 г.).

[3]) Въ „Современникѣ" 1855 г. помѣщенъ рядъ критическихъ статей Пекарскаго о русскихъ мемуарахъ XVIII вѣка, о посол. А. Матвѣева и т. п.

[4]) Двѣ записки Татищева (о верховникахъ и о госуд. правленіи); записки Штелина о Петрѣ III; матеріалы о Карамзинѣ.

[5]) Матер. о Ст. Разинѣ; о Рус. госуд. Крижанича; переписка и матер. XVIII вѣка (преимущественно за время Анны Ив., Елисаветы и Екатерины II), изслѣд. о ц. Алексѣѣ Петровичѣ, Погодина; о Стоглавѣ; 1-е изд. записокъ Державина съ примѣч. Бартенева; рядъ воспоминаній и извлеченій изъ записокъ; рецензіи по рус. исторіи К. Аксакова (на Соловьева), Бѣляева, споры о Шлецерѣ и др.

[6]) Изъ записокъ П. И. Сафонова (XVII в.), 1858, ч. III; о путеш. П. А. Толстаго въ Италію (1697—98), 1859, по рукоп., ч. III; о записк. Курбскаго (о біогр. и уголов. элементѣ въ ист.), 1858, ч. VII и др. (обѣ—Н. А. Попова).

Слово (1859—66 и д.), *Московское Обозрѣніе* (1859); *Лѣтописи русской литературы*, изд. Н. С. Тихонравовымъ (М. 5 т. 1859—63), *Библіографическія Записки*, изд. М. П. Полуденскимъ (М. 3 т. 1858, 1859, 1861 гг), *Филологическія Записки*, изд. въ Воронежѣ А. Хованскимъ (съ 1860 г. по 6 книгъ, критика текста, литература и библіографія); *Воронежскій литературный сборникъ*, Ворон. 1861 и *Воронежская Бесѣда* (Спб. 1861 [1]), *Сборникъ студентовъ Петербургскаго университета* (Спб. 1857—60, 2 т.—переводъ Герберштейна; изслѣд. о юридич. памятникахъ); *Основа* (1861—62), *Вѣстникъ Юго-западной Россіи*, изд. въ Кіевѣ и Вильнѣ (1862—1871); *Вѣстникъ Европы* (1866—67, по 4 кн., съ 1868 по 12 кн.), *Заря* (Спб. 1869—72) *Бесѣда* (1871—1872 г.), *Русская Рѣчь* (1879—1881), *Историческая Библіотека* (1878—1880 [3]); *Бесѣды въ Общ. любителей Рос. словесности* (*при Моск. унив.* 1867—71, 3 кн.), *Славянскій Сборникъ* (3 т. 1875—76 [2]), *Украинская Старина*, Г. П. Данилевскаго (Харьк. 1866—матер. для ист. образованія въ краѣ и др.), *Сборникъ государственныхъ знаній*, В. П. Безобразова, 1875—1880 г., 8 тт., заключающій въ себѣ множество историческихъ рецензій; *Знаніе* (1871—1877) и *Слово* (1878—81), *Русская Мысль* (съ 1880) и др.

Въ изданіяхъ 30-хъ—50-хъ годовъ преобладаютъ матеріалы по древней исторіи и археологіи Россіи; съ конца 50-хъ годовъ все чаще стали появляться матеріалы по новой русской исторіи и литературѣ, а многіе, прежде изданные, перепечатываются вновь въ лучшемъ и болѣе полномъ видѣ. Такимъ образомъ, редакція журнала „Заря“ помѣстила отчасти на своихъ страницахъ, а потомъ издала отдѣльно 3 тома „Памятниковъ новой русской исторіи“, относящихся преимущественно къ исторіи 2-й половины XVIII и XIX стол.; въ „Вѣстникѣ Европы“ печаталось большое собраніе матеріаловъ о масонствѣ; записки и переписка по исторіи царств. Екатерины II, Александра I и д. (зап. о пугачевщинѣ; воспомин Панаева; изъ записокъ Сушкова, рукоп. Чаадаева и др.); въ „Рус.

[1]) Въ первомъ помѣщены матер. по этнографіи (обычаи, обряды, повѣрья), о м. Евгеніѣ; во второй—матер. для ист. колониз. края, ист. замѣтки о г. Ворон., о Ворон. гимн., матер. о пугачевщ., о духоборц, о пыткахъ при Екат. II, о ханѣ Шагинъ-Гиреѣ. и т. п., пѣсни, обряды и др.

[2]) О славян. житіяхъ и лѣтоп., славян. библіографія и этнографія.

[3]) Въ ней напечатанъ былъ переводъ реляцій Карлейля, матеріалы по ист. театра въ XVIII в., о масонствѣ въ XIX в.

Вѣстникѣ", „Отечественныхъ Запискахъ" и др. печатались мемуары XVIII и XIX стол. (въ первыхъ—зап. Энгельгардта, частію Порошина, Вильсона, Нессельрода, Глинки, Греча, Лажечникова, Вигеля, Карлгофъ, матеріалы о Ермоловѣ;—во вторыхъ—записки декабриста барона Розена и т. п. [1]); въ „Вѣстникѣ Юго-западной Россіи"—мѣстные матеріалы (акты съ древн. временъ, опис. монастырей, унія, отношенія къ Литвѣ и Польшѣ); въ „Лѣтописяхъ Рус. литературы"—историческіе и литературные памятники древняго и новаго періодовъ (матеріалы о расколѣ, и масонствѣ, о Карамзинѣ, повѣсти, сказанія, апокрифы и т. п.); въ „Библіографическихъ Запискахъ"—критическія изслѣдованія въ области историко-литературной библіографіи и мелкіе матеріалы, преимущественно XVIII в. (о Радищевѣ, Новиковѣ, Щербатовѣ, о масонствѣ и пр.).

Увеличилось и количество духовныхъ журналовъ; такъ, въ Москвѣ появляется—*Правосл. Обозрѣніе* (съ 1860), *Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія* (съ 1863 г.); въ Петербургѣ—*Странникъ* (съ 1860), въ Харьковѣ — *Духовный Вѣстникъ* (съ 1862 г. во Псковѣ—*Истина* (съ 1869), въ которыхъ печатались церковно-историческіе матеріалы (акты, записки, относящіяся къ церковному управленію—Измайлова и др.), переписка духовныхъ лицъ: м. м. Платона, Филарета и др., литерат. памятники древняго періода, житія, матеріалы по расколу, по исторіи епархіальн. управленія и пр.).

Изслѣдованія объ историко-юридическихъ памятникахъ, историческіе и юридическіе акты находили себѣ мѣсто въ *Юридическихъ Запискахъ*, издан. П. Рѣдкинымъ (2 т. 1841—42, о Судебникѣ 1550 г.), въ *Юридическомъ сборникѣ* Д. Мейера (Казань, 1855); въ *Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи* (1850—61, 4 книги—извлеченія изъ хронографовъ, нов. матеріалы объ Уложеніи, боярская книга 1556 г., списки служилыхъ людей, юридическіе акты, этногр. матеріалы и т. п.) и *Архивъ историч. и практическихъ свѣдѣній о Россіи* (1859—64, 12 книгъ—краткая редак. Стоглава, акты о крестьянахъ,

---

[1] Въ „Отеч. Зап." (въ 50—60-хъ гг.) помѣщенъ былъ рядъ извѣстій иностран. писателей о Россіи (Геогр. изв. о Рос. въ XII—XVII в., Соловьева; о древн. путешествен.; иностран. летучіе листки, рѣдк. иностр. соч. о Петрѣ В.); частію извлеченія и переводы (Горсей, Мильтонъ, Карлейль и др.); объ иностр. изд. „Наказа" Екатерины II; челобитныя XVII в. (изъ новгород. арх.); обширныя рецензіи историч. трудовъ: Карамзина (Соловьева), Соловьева, Кавелина, Неволина, славянофиловъ (Бестужева-Рюмина, Т. Ш—на) и др.

описанія городовъ, иностран. матер. о смутномъ времени, записка о Запорожьѣ и т. п.), издававшихся Н. В. Калачовымъ; въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* (М. съ 1860), Н. Калачова и В. Лешкова, издаваемомъ нынѣ Моск. юридич. обществомъ; *Юридическомъ Журналѣ* (1860—62); *Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права* (Спб., съ 1873 [1]).

Одновременно съ общими изданіями появляется рядъ спеціальныхъ сборниковъ историческихъ матеріаловъ. Важнѣйшіе изъ нихъ были: *Указатель россійскихъ законовъ, временныхъ учрежденій, суда и расправы*, изд.съ высоч. соизв. Льв. Максимовичемъ (съ древнѣйш. памятниковъ до нач. XIX в., М. и Спб. 1803—1812, 14 т. [2]). *Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи*, П. Кеппена (3 ч. Спб. 1819—27); *Русская Старина*, изд. А. Корниловичемъ (Спб. 1825); *Русская Вивліоѳика*, Н. Полевого (т. I, 1833 [3]); *Запорожская Старина* И. И. Срезневскаго (7 в. 1833—38, X. [4]); *Сборникъ* П. А. Муханова (1836, 2-е изд. 1866, акты XIV—XVIII в., въ томъ числѣ много актовъ по ист. Запад. Россіи, такъ наз. Рукопись Филарета и т. п.); *Памятники XVII вѣка*, изд. П. А. Мухановымъ (М. 1834, о взаимн. отнош. Рос. и Польши, преимущ. во время Самозванцевъ [5]); *Россійскій родословный Сборникъ* кн. П. Долгорукова (Спб. 1840—41 г. 4 т.); *Сборники* кн. М. А. Оболенскаго (1 отдѣльно и 12 вып. 1838—59 [6]); *Симбирскій Сборникъ*, Д. А. Валуева (1845,

[1]) Вообще, въ прежнихъ періодическихъ и спеціальныхъ журналахъ помѣщено множество рецензій на изданія памятниковъ и ученые труды.

[2]) Собраніе узаконеній Русскаго государства, издан. Е. Н. Карповичемъ, т. I., царств. Алексѣя Мих., Спб. 1874,—есть перепечатка I т. Полн. собр. закон.

[3]) Въ ней напечатаны: акты съ полов. XV до к. XVII в., между прочимъ о самозв., Козьмѣ Мининѣ; грамоты и акты литовск. XIV—XVI вв.

[4]) Сюда вошли: лѣтописныя извѣстія, сказанія, думы, пѣсни, преданія.

[5]) Муханову принадлежитъ также изданіе записокъ Жолкевскаго (1-е изд. М. 1835; 2-е Спб. 1871 съ важн. дополненіями). Въ 1869—1871 гг. онъ состоялъ предсѣд. Археогр. ком. въ Петербургѣ. О дѣятельности Муханова см. Рус. Стар. 1872 г. т. V, 335—345.

[6]) Въ первомъ изъ нихъ напеч. ханскіе ярлыки и грамоты XIV—XVI вв.; акты Моск. арх. ин. дѣлъ, собран. Малиновскимъ, 1399—1676 г. разнаго рода; опись дѣлъ разряд. прик. 1626 г.; стат. списокъ о снош. Ивана III съ княз. Мазовец. Конрадомъ 1493 г.; стат. списокъ пос. въ Англію дворян. Микулина 1600—601 гг; стат. спис. посольства въ Бухарію двор. Ив. Хохлова, 1620—22 г.

разряд. книга и т. п. [1]); *Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ*, его же (М. 1846); *Древніе грамоты и др. письменные памятники, касающіеся Воронежской губ. и частію Азова*, Н. Второва и К. Александрова-Дольника (Ворон. 1850—53, преимущ. о заселеніи края, о служилыхъ людяхъ и городахъ XVII—XVIII стол.); *Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губ.*, М. Де-Пуле (В. 1861, акты XVII и XVIII столѣт. [2]); *Старинные акты г. Шуи и его окрест-*

Въ остальныхъ 12 вып. напеч.: посольск. книга Литвы 1506 г., розыскъ о побѣгѣ рязан. князя 1521; дѣло Максима Грека 1521; дѣло о неплодіи вел. кн. Соломоніи; дневн. литов. пословъ 1556; посольск. донес. Льва Буховецкаго 1576; наказъ Сигизмунда III посламъ къ Б. Годунову; грам. ц. Бориса 1605 г. о самозванцѣ; грам. 2-го самозванца 1608 г., отвѣты лит. пословъ моск. думнымъ боярамъ 1608—1615 г.; замѣч. для издателей рус. лѣтописей; проектъ И. Елагина о надѣлѣ землею дворцов. и казен. крестьянъ 1766. Матеріалы эти принадлежатъ частью арх. ин. дѣлъ въ Москвѣ, а частью кн. Оболенскимъ, но которые также поступили въ архивъ.

Дѣятельность кн. М. А. Оболенскаго, какъ издателя, была чрезвычайно разнообразна: онъ издавалъ лѣтописи (Лѣт. Переясл. суздальскаго во Времен. Моск. общ. ист. № 9; Нов. лѣтопис., ib. кн. 17; Супрасльск. лѣт., изд. М. О. ист. 1837), акты (уголов. законы ц. Іоанна IV, книга посольск. метр. литовск., новгород. оклад. книга и др., Соборн. грам. Конст. патр. о царск. титулѣ, Вѣнч. на царств. Мих. Ѳедор., акты о Никонѣ), письма (рус. госуд. XVIII в.), иностран. извѣстія о Рос., записки о 1812 г., статист. матер. о прежнемъ бытѣ крестьянъ, матер. о писателяхъ рус. истор. (кн Курбскомъ, Манкіевѣ, о гр. Локателли—авторѣ Lettres Mascovites). Трудами своими онъ участвовалъ въ изданіяхъ Моск. общ. ист., Архивѣ Калачова, Библіогр. Зап., Журн. Землевлад., Арх. общ. Рус. Архивѣ и др. Съ 1840 г. кн. Оболенскій управлялъ Моск. главн. мин. ин. дѣлъ, а съ 1853—Государств. Древлехранилищ. при Моск. оруж. палатѣ. Кн. Оболенскому принадлежатъ также: „Изслѣдов. о рус. лѣт.“ (М. 1870), „Изслѣд. и замѣтки по рус. и славян. древностямъ.“ (Спб. 1875) и много мелкихъ статей. Біогр. очеркъ его напечат. Н. И. Костомаровымъ въ Рус. Арх. 1873 г. и отд.

[1]) Онъ изданъ при участіи П. А. и Н. Языковыхъ, которые болѣе другихъ содѣйствовали Пушкину въ доставленіи матеріаловъ о пугачевщинѣ (Ист. Вѣст. 1883, № 12, стр. 539—40).

[2]) Обстоятельная статья по поводу этихъ рѣдкихъ теперь изданій были напечатаны Н. Второвымъ въ „Воронежской Бесѣдѣ“ 1861, с. 246—272: „О заселеніи Воронеж. губерніи;“ ср. Отеч. Зап., Современ. и др.

ностей, собр. В. Борисовымъ (изд. Я. Гарелинымъ, М. 1853; 1600—1720 гг.); *Древнія грамоты и акты Рязанскаго края*, собр. А. Пискаревымъ (XIV—XVII в., Спб. 1854); *Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи*, собр. и издан. профес. А. А. Өедотовымъ-Чеховскимъ (XV—XVIII в. К. 1860—63, 2 т.). *Матеріалы для отечественной исторіи*, М. Судіенка (2 т. Кіевъ, 1853—54 [1]); *Бѣлевская Вивліоѳика*, изд. Н. Елагинымъ (М. 2 т. 1858—писц. книги XVII в.); *Пермскій Сборникъ*, изд. Д. Смышляевымъ (М. 1859—60, 2 т., матер. о пермск. древностяхъ, этногр., библіогр., историч.—пугачевскій бунтъ и пр.); *Акты историческіе и юридическіе, древнія царскія грамоты Казанской и др. сосѣдственныхъ губерній* (съ пол. XVI до пол. XVIII в.), собран. С. Мельниковымъ (Каз. 1859); *Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана* (Спб. 4 т. 1861); *Договоры Россіи съ Востокомъ политическіе и торговые*. Собр. и изд. Т. Юзефовичъ (XVII—XIX в. Спб. 1869); *Древнія церковныя грамоты восточно-сибирскаго края* (1653—1726) *и свѣдѣнія о Даурской миссіи*, собран. архим. Мелетіемъ (Каз. 1875); *Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской народности къ русской вѣрѣ и народности* (В. I и II, Вильно, 1866—67 [2]); *Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края* (4 т. Рига, 1876—82.)—собраніе лѣтописей и записокъ въ переводѣ на рус. яз., а также актовъ, относящихся до исторіи этого края съ древнѣйшихъ до позднѣйшихъ временъ; *Россія и Англія*, Ю. Толстого (Спб. 1875, рус. и англ. акты о сношеніяхъ обоихъ государствъ въ XVI в.); *Сборникъ* кн. Хилкова (Спб. 1879, акты 1493—1698 гг.); *Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ В.* (М. 1872, 2 т.); *Севастопольскій Сборникъ*—записки и воспоминанія о событіяхъ восточной войны 1853—1856 гг. (4 т. 1874, Спб.); *Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія*, изд. ред. Братскаго Слова и Братствомъ св. митр. Петра, М. 1875—1881 6 т.; *Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Спб. академіи художествъ*

---

[1]) Содержаніе: краткій журналъ о поѣздкѣ въ Москву гетм. Даніила Апостола; универсалы гетмана Апостола; описаніе имѣній гетм. Апостола: письма кіев. губерн. кн Д. М. Голицына къ гетману И. Скоропадскому, письма канцлера Г. И. Головкина и кн. Меншикова къ Скоропадскому; письма бар. Шафирова, фельдм. Шереметева, и др. лицъ къ гетм. Скоропадскому.

[2]) Изъ Вѣст. Зап. Рос. 1865—66 гг.

за сто лѣтъ ея существованія, изд. подъ ред. П. П. Петрова, (Спб. 1864, 3 т.). Вмѣстѣ съ тѣмъ упомянемъ о болѣе важныхъ сборникахъ писемъ (какъ *письма Петра В. къ Апраксинымъ*, 2 ч. М. 1811; *собраніе писемъ Петра В. къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя*, В. Берха, Спб. 1829—30, 4 т.; письма царевича *Алексѣя Петровича* къ Петру В. и др. лицамъ, изд. Н. Н. Мурзакевичемъ, Од. 1849); *собр. писемъ ц. Алексѣя Мих.*, изд. П. И. Бартеневымъ, М. 1856); письма кн. Ант. *Кантемира* (въ собр. сочин., т. 2.), извѣстнаго по своей дипломатической дѣятельности; *Екатерины II* (въ собр. сочин. и другихъ изданіяхъ.), *Державина* (въ собр. сочин., издан. Я. К. Гротомъ). Много этого рода матеріаловъ разсѣяно въ прежнихъ и новыхъ историческихъ изданіяхъ (Новикова, Голикова, Туманскаго, Устрялова и т. п.), историческихъ и другихъ журналахъ; но собраніе ихъ далеко еще не приведено къ концу [1]). Обширная коллекція бумагъ и писемъ Петра В. приготовляется къ изданію особою коммиссіею [2]); а другая подобная коллекція бумагъ Петра В. и Екатерины II печатается въ „Сборникѣ Рус. ист. общества.“

Попытку представить *сводъ лѣтописей* по изданнымъ спискамъ даетъ трудъ Л. И. Лейбовича (Спб. 1876), но изданіе ограничелось пока „Повѣстью временныхъ лѣтъ.“ Весьма цѣнный вкладъ въ литературу историческихъ матеріаловъ находимъ въ *Изборникѣ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи*, издан. А. Н. Поповымъ (Спб. 1869). Не можемъ пройти молчаніемъ и нѣкоторыхъ *сборниковъ памятниковъ*, изданныхъ съ практическою цѣлью, но важныхъ по своимъ комментаріямъ или критическимъ указаніямъ какъ напр. „Историч. христоматія“, Ѳ. Буслаева, М. 1861; „Христом. по рус. исторіи для изуч. древне-рус. жизни, письмен. и литер.“ (до XVI в.), Варш. 1870; „Собр. важн. памятниковъ по ист. древ. рус. права,“ И. Лазаревскаго и Я. Утина, Спб. 1859 (до

---

[1]) Подробное указаніе важнѣйшихъ изъ этихъ матеріаловъ найдетъ мѣсто въ обзорѣ источниковъ.

[2]) Редакція этого изданія возложена на акад. А. Ѳ. Бычкова. Въ настоящее время собрано уже нѣсколько тысячъ документовъ, частію въ русскихъ, а частію въ иностран. архивахъ (въ Берлин. и Вѣнск. архив. получены копіи съ весьма важныхъ матеріаловъ, относящихся къ сѣв. войнѣ и дѣлу ц-ча Алексѣя), а также доставленныхъ частными лицами. Нѣкоторые, притомъ важнѣйшіе акты, писаны рукою самого Петра В. (см. Отчетъ по II отд. И. Ак Наукъ за 1880, стр. 10—17).

Судебниковъ); „Христом. по ист. рус. права," состав. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. I., изд. 2, К. 1876; вып. 2, изд. 2, К. 1880, В. 3, изд. 1-е, Яр. 1875 (до XVII в.); „Сборн. матеріал. для историч. топографіи Кіева и его окрестностей" (извлеч. изъ лѣтоп., рус. и иностран. записокъ, грамоты до XVIII в. включ.), изд. подъ ред. В. Антоновича и Ф. Терновскаго, Кіев. археогр. ком., К. 1874.

Коллекція *записокъ русскихъ людей* была издана: И. П. Сахаровымъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, Спб. 1841 (событія времени Петра В.,—описан. Медвѣдевымъ, А. А. Матвѣевымъ, Желябужскимъ, изд. прежде Туманскимъ, зап. Крекшина, ч. I); Д. И. Языковымъ: зап. Желябужскаго, Спб. 1840; Нащокина, Спб. 1842; Ѳеофана Прокоповича—о восш. на прест. Анны Ивановны, вошедшія въ его же изд. записокъ дюка Лирійскаго, Спб. 1845. Редакціи „Русской Старины" принадлежитъ переизданіе прежде вышедшихъ, а также вовсе не напечатанныхъ весьма важныхъ записокъ по исторіи XVIII вѣка—кн. Шаховскаго, Манштейна, Болотова (первоначально въ неполномъ и неисправномъ видѣ онѣ были напечатаны въ Отеч. Зап. и Библ. для Чтенія), Добрынина, Порошина, Хвостовой.

Были изданы также и отдѣльные сборники иностранныхъ писателей о Россіи, каковы: *Собраніе путешествій къ татарамъ* (XIII в.), тѣмъ же Д. И. Языковымъ (Спб. 1825); *Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи* (XV—XVI в.), изд. В. Семеновымъ и М. Калистратовымъ (Спб. 1836 г. т. I); *Сказанія иностранцевъ о Россіи* (XVI—XVII вв.), перевед. В. И. Любичъ-Романовичемъ (Спб. 1843 [1]); *Сказанія современниковъ о Д. Самозванцѣ*, Н. Устрялова (2 т. 3-е изд. 1859); *Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи*, собран. кн. М. А. Оболенскимъ (М. 1847), 4 вып. (XVI—XVII вв., извлечен. изъ Чтен. М. О. ист. 1847—48 гг., подлин. и рус. тексты [2]); *Бумаги Флорентинскаго центральнаго архива*, издан. гр. М. Д. Бутурлинымъ (М. 1871, итальян. и латин. подлин. съ русскимъ переводомъ), заключающія въ себѣ дипломатическія сношенія съ московскимъ правительствомъ и другія извѣстія о Россіи въ XV—XVIII стол., преимущ. же въ царств. Алексѣя Михайловича. Въ 1874 г. въ Петербургѣ предпринято было изданіе *„Записокъ иностранныхъ писателей о Россіи въ XVIII столѣтіи"*, подъ ред. и съ примѣч.

---

[1]) Отд. изданіе изъ „Сына Отечества."

[2]) Кромѣ того, кн. М. А. Оболенскому принадлежатъ слѣд. изданія иностранныхъ записокъ о Россіи: *La legende de la vie et de la mort de Deme-*

С. Н. Шубинскаго, куда вошли: письма леди Рондо (есть неполный переводъ 1835, Спб., М. Касторскаго), переведенныя съ оригинала, записка резидента Рондо о нѣкоторыхъ русскихъ вельможахъ 1730 года (была напеч. въ Чтен. Моск. общ. ист.) и записки фельдмаршала Миниха, съ копенгаген. изданія 1774 г. а при журналѣ „Древняя и Новая Россія" были напечатаны: *Достопамятный годъ моей жизни*, въ 2 ч., Авг. Коцебу (о времени Павла), 1879, *и Воспоминанія графини Шуазель-Гуфье*, 1879 (воспом. объ импер. Александрѣ I и Наполеонѣ I). Въ послѣднее время вышелъ *Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды*, изд. В. Тизенгаузеномъ (Спб. 1884), т. I—извлеченія изъ арабскихъ сочиненій.

Уже въ XVIII в. появляются весьма обширные сборники историко-литературнаго содержанія, каковы: *Собраніе разныхъ пѣсенъ* (Спб. 1770—74, 4 ч.) и *Рус. сказки* (М. 1780—83, 10 ч.), М. Чулкова; *Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ* (М. 1780—81, 6 ч.), Новикова; *Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя* и пр., 10 ч. М. 1783 (2-е изд. 1807), Г. Левшина. Въ началѣ XIX в. былъ изданъ извѣстный сборникъ Кирши Данилова: *Древнія русскія стихотворенія* (1-е, М. 1804 [1]); изъ другихъ сборниковъ заслуживаютъ вниманія: *Сказанія русскаго народа*, И. П. Сахарова, 2 т. 1841—46 (сюда вошли: *древнія путешествія* русскихъ людей, Спб. 1839, 2 ч., съ дополн.; *пѣсни рус. на-*

---

trius l'imposteur, connu sous les noms de Grichka Otrepief, Samozvanetz, Rastriga ou Ljedimitri, impr. á Amsterd. en 1606, Mascou, 1839; 2) *О государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны*. Сочин. Флетчера (перев. съ изд. 1591 г., помѣщен. въ Чтен. моск. общ. ист. 1848, кн. I, но уничтоженный и вышедшій въ Базелѣ въ 1867 г.); *Histoire des Guerres de la Moscovie* (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, publié par. M. le Prince Mich. Obolensky et M. le Dr. A. van der Linde, 2 t. Brux. 1866 (перев. съ голланд. изд. Археогр. ком. въ 1874). Кн. Оболенскій принималъ также участіе въ изданіи Поссельта: *Tagebuch des Generals Patrick Gordon*, Mosk. Spt. 1849—1852, 3 т.

[1]) А. Ѳ. Якубовичемъ (о 2-мъ и 3-мъ изд. см. стр. 222). Полагаютъ, что этотъ сборникъ былъ уже извѣстенъ Екатеринѣ II. Ист. Вѣст. 1884, № 7, стр. 19.

5 ч., Спб. 1838—39 [1]); *Русскія народныя сказки*, его же, ч. I, Спб. 1841; *Русскіе простонародные праздники* (4 в. М. 1837), *Русскія народныя пословицы*, (М. 1848 [2]), *Новый сборникъ русскихъ пословицъ*, (М. 1857), И. М. Снегирева; *Бытъ русскаго народа*, А. С. Терещенка, Спб. 1848, 7 т. (въ значительной степени представляетъ лишь матеріалъ [3]); *Народныя русскія сказки* М. 1855—1863, 8 вып., 2-е изд. М. 1873, 4 т. и *Народныя русскія легенды* (М. 1860), А. Н. Аѳанасьева [4]); *Великорусскія сказки*, 3 в. М и Спб. 1860—63, и *Великорусскія загадки* Худякова (М. 1861); *пѣсни*, собран. П. В. Кирѣевскимъ и изд. П. А. Безсоновымъ, М. 1860—1874, 10 вып.; *Калѣки перехожіе* Безсонова, 5 в. М. 1861—63; *Пѣсни* собран. П. Н. Рыбниковымъ М. 1861—67., 4 в. [5]); *Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ*, составлен. В. Варенцовымъ (Спб. 1860); *Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края*, составлен. В. Варенцовымъ (Спб. 1862); *Сборникъ донскихъ пѣсенъ*, составлен. А. Савельевымъ (Спб.

---

[1]) Разныя части I т. выходили отдѣльно подъ тѣмъ же или другими заглавіями. Въ это собраніе вошли: Слово о полку Игоревѣ, Слово Дан. Заточника, отдѣльныя сказанія (о наш. Батыя, сказ. о Мам. побоищѣ); древніе словари; документы о царск. свадьбахъ и свадеб. чины, съ описаніемъ свадьбъ по русск. и иностр. источникамъ, рядныя записи; выписки изъ Домостроя и „Вождя по жизни", 15 путеш. рус. людей въ чужія страны XII—XVII вв. (8 въ Палестину, 3 въ Царьградъ, 2 въ Китай, 1 въ Италію и 1 въ Индію); матеріалы для изученія чернокнижія; народные праздники, пѣсни и т. п.

Рецензіи этого изданія были напечатаны въ „Отеч. Зап." 1849 (т. LXIII) и 1850 гг. (т. LXVI) и „Библ. для Чт." (т. XCIV, стр. 1—80; 81—118; XCV, 1—36). Ср. Отеч. Зап. т. IV, XIV, XVI, XVIII, XIX, XXV. О записках русскихъ людей—т. XX.

[2]) Изслѣдованіе означеннаго матеріала у того же автора: „Русскіе въ своихъ пословицахъ" (4 ч. М. 1831—34). Ср. Ист. Вѣст. 1884, ст. И. Д. Бѣлова: „Рус. исторія въ народн. поговоркахъ и сказаніяхъ" (№ 8).

[3]) Обширная рец. этого собранія въ сочин. Кавелина т. IV, стр. 3—200 (первонач. въ „Современ." т. XI и XII).

[4]) Рец. сборниковъ Аѳанасьева—статьи А. Н. Пыпина, Отеч. Зап. 1856, т. CV и CVI (№ 4 и 5); Современ. 1860, № 3; Буслаева, Рус. Вѣст. 1856, № 2; Котляревскаго, Спб. Вѣд. 1864, № 94, 100 и 108.

[5]) Рец. сборниковъ Рыбникова и Кирѣевскаго принадлежитъ Ѳ. И. Буслаеву: „Русскій богатырскій эпосъ" (Рус. Вѣст. т. XXVIII, стр. 1—64; XLI, 1—102; 523—571).

1866); *Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго*, Чебоксарскаго уѣзда Казанской губ., В. Магнитскаго (Каз. 1877); *сборники малороссійскихъ пѣсенъ:* кн. Цертелева (Спб. 1819), М. А. Максимовича (М. 1827, 1834, К. 1849), А. Метлинскаго (К. 1854), Н. В. Закревскаго (М. 1861) и др.; *Памятники старинной литературы* (отречен. книги, повѣсти, житія и т. п.), изд. подъ ред. Н. Костомарова и А. Пыпина (4 в. 1860—62 [1]), *Памятники отреченной литературы*, изданные Н. С. Тихонравовымъ (М. 1863 2 тт.); *Русскія драматическія произведенія* 1672—1725 гг., Н. С. Тихонравова, Спб. 1874, 2 т. [2]). Въ спеціальныхъ и общихъ изданіяхъ появлялись нерѣдко болѣе или менѣе обширныя собранія этого рода матеріаловъ, какъ-то: въ „Отеч. Запискахъ“ (собраніе рус. пѣсенъ П. И. Якушкина, 1860); въ „Чтеніяхъ Московскаго общ. исторіи и древностей“ (обширное собраніе народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси—Я. Ѳ. Головацкаго, великорус. пѣс.—Шейна, пословицъ—Даля, духовныхъ стиховъ—Кирѣевскаго), „Этнографическомъ сборникѣ“ и „Зап. Геогр. общ.“ (разныхъ губерній), „Извѣстіяхъ 2-го отд. И. Ак. Наукъ“ и „Сборникѣ 2-го отд. Ак. Наукъ“ (повѣсти, былины, великорус. и литовскія пѣсни, бѣлорус. послов.), „Архивахъ“ Калачова, „Трудахъ Общества антроп., этн. и естествозн.“ (Арханг. губ., латышскія и т. п.), „Лѣтописяхъ рус. литературы“ (апокрифы, повѣсти, пѣсни), „Русской Старинѣ“ (пѣсни объ Иванѣ Грозномъ) и т. п.

Археологическая литература имѣетъ рядъ спеціальныхъ сборниковъ, относящихся къ разнымъ ея отдѣламъ. Изъ нихъ упомянемъ здѣсь: *Крымскій сборникъ*, П. Кеппена (о древностяхъ южнаго берега Крыма и горъ Таврическихъ, Спб. 1837, съ атласомъ); *Археолого-нумизматическій сборникъ*, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерійскаго въ частности, Г. Спасскаго (М. 1850); *Древности Россійскаго государства* (6 отд. М. 1849—1853; съ дополн. М. 1865); *Памятники древн. русск. зодчества*, изд. Ѳ. Рихтера,

---

[1]) Ложныя и отречен. книги. Объясн. къ Памят. рус. литер., Пыпина. (Рус. Слово 1862, № 1 и 2, стр. 42—80); Рус. Вѣст. 1862, № 1 (стр. 415—427), ст. Н. Тихонравова. Ср. Лѣт. зан. Арх. ком. т. I, с. 1—55 (ст. Пыпина); Отеч. Зап. 1857, т. CXV (объ апокр.), 1858, т. CXVI (народ. стихи и пѣсни), Учен. зап. 2-го отд. Ак. Н., IV (о повѣстяхъ), А. Пыпина.

[2]) См. Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. Рѣчь Н. С. Тихонравова, М. 1873; Театръ до-Петровской Руси, А. Архангельскаго, Каз. 1884.

текстъ Д. Дубенскаго и И. Забѣлина (М. 1851—56, 5 в.); *Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества*, И. Снегирева и А. Мартынова (М. 1851—57, 16 тетр., 2 изд. 6 т.); *Памятники русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи*, издан. П. Н. Батюшковымъ (6 вып., съ рисунк.); *Христіанскія древности и археологія* и *Русскія древности* изд. В. Прохоровымъ (Спб. 1863—1872 г.); *Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи*, текстъ В. Е. Румянцова, изд. Моск. синод. тип. (М 1872); *Памятники старины Владимірской губ.*, И. Голышева (Мст. 1870—1882, 5 в.) и т. п. *Сборникъ Археологическаго института* (съ 1878 г. 5 т.), издаваемый Н. В. Калачовымъ, посвященъ вопросамъ археологіи, изученію и описанію архивовъ, а также критикѣ источниковъ. Впрочемъ въ немъ издавались и матеріалы по новой русской исторіи (царств. Александра I).

Но для разработки этой послѣдней въ особенности много сдѣлали спеціальныя періодическія изданія, появившіяся въ послѣднее двадцатилѣтіе: *Русскій Архивъ* (съ 1863 по 1871 по одному тому, съ 1872—1874 г. по два тома, а съ 1875 г. по три тома въ годъ), издаваемый П. И. Бартеневымъ, при которомъ, кромѣ того, издано было два сборника: *XVIII вѣкъ* (4 тома) и *XIX вѣкъ* (2 тома); *Русская Старина*, выходящая подъ ред. М. И. Семевскаго (съ 1870, ежемѣсячное изд., достигшее по 1884 годъ 44 томовъ, съ портретами); *Древняя и Новая Россія* (съ 1875—80—18 тт.), подъ ред. С. Н. Шубинскаго, а потомъ П. Гильтебрандта; *Историческій Вѣстникъ* (ежемѣсячно съ 1880 г.), подъ ред. С. Н. Шубинскаго. Въ этихъ изданіяхъ помѣщено множество бумагъ и документовъ, заимствованныхъ изъ частыхъ и правительственныхъ архивовъ, а именно мемуаровъ, писемъ и документовъ XVIII и XIX вв., а также изслѣдованій, очерковъ и монографій. Въ послѣднее время къ нимъ присоединилась *Кіевская Старина* (съ 1882 г., ежемѣсячное изд.), посвященная изученію юго-западной Россіи [1]). При этомъ нельзя пройти молчаніемъ еще одно обширное частное изданіе, представляющее богатое собраніе матеріаловъ по исторіи Россіи, начиная отъ Петра В. до позднѣйшаго вре-

[1]) Во всѣхъ этихъ изданіяхъ помѣщено множество портретовъ русскихъ дѣятелей и другихъ рисунковъ.

Подробныя указанія о содержаніи означенныхъ изданій см. въ нашемъ очеркѣ: „Русская исторія въ 25-лѣтіе 1855—1880 гг." (Рус. Стар. 1880 г.).

мени, по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики за этотъ періодъ, въ видѣ оффиціальныхъ бумагъ, переписки, автобіографій и мемуаровъ (здѣсь же впервые изданы въ Россіи, въ полномъ видѣ, записки Дашковой)—это *Архивъ кн. Воронцова*, достигшій теперь 30 томовъ (Москва, 1868—1884). Матеріалы этого богатаго сборника напечатаны въ подлинникахъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ (причемъ переводы съ послѣдняго помѣщались иногда въ Русскомъ Архивѣ). Какъ въ Россіи такъ и за границею уже пользуются новыми данными, добытыми изъ этого важнаго собранія. О другихъ сборникахъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ частныхъ архивовъ, мы скажемъ при обзорѣ этихъ послѣднихъ (акты кн. Баюшева, архивъ кн. Вяземскаго и т. п.). Нѣкоторыя русскіе матеріалы (переписка, мемуары, оффиціальныя свѣдѣнія и т. п.) печатались также въ заграничныхъ сборникахъ и изданіяхъ [1]).

Еще съ конца XV в. стали появляться изданія на иностранныхъ языкахъ, въ которыхъ встрѣчаются извѣстія о Россіи и описанія государства и племенъ, населяющихъ ея территорію. Таковы: *Speculum historiale* монаха **Винцента Бовезскаго** (1473), куда вошли часть сочиненія Плано Карпини и нѣкоторыя другія путевыя записки о татарахъ; *Orbis novus*, 1532 г. (соч. Павла Венеціанца, Гайтона Армянина, Матвѣя изъ Мѣхова, Іовія—о татарахъ, Московіи и Польшѣ); *Collection* Рич. **Гаклюйта**, 1589 (путешествія англичанъ въ сѣверныя и сѣверо-восточныя страны и позднѣйшія значительно дополн. изданія, съ присоединеніемъ писемъ, привилегій и др. матеріаловъ [2]); *Rerum Muscoviticarum auctores varii,* 1600 in fol. Francof.

[1]) Сюда относятся слѣдующія изданія: Стоглавъ (Лонд. 1860); записки Дашковой, Екатерины II, кн. Щербатова (О поврежденіи нравовъ, совмѣстно съ путеш. Радищева), Лопухина, М. Фон-Визина и нѣк. декабристовъ; Сборникъ постановленій по части раскола (т. I и II, 1863) и Сборникъ правительствен. свѣд. о расколѣ (т. I — IV, 1860 — 62)—перепечатка матеріал., собран. А. Артемьевымъ и П. Мельниковымъ; матер. для ист. упраздненія крѣпост. сост. (1860) и матер. для ист. крѣпост. права въ Россіи (1873); Крестьянское дѣло въ царств. импер. Александра II по оффиціальнымъ источникамъ, изд. А. Скребицкимъ (Боннъ 1862—68), 5 т.; письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу (1826—1828 гг.), 1872, а также мелкія изданія (о Таракановой, Арсеніѣ Мацѣевичѣ, духовная Татищева и т. п.).

[2]) 1-е изд. Лондонъ 1589, 3 vls. fol.; 2-е изд. 3 vls., 1600 fol.; 3-е 1809—1812, 5 vls. in 4-°.

(Герберштейнъ, Іовій, Фабръ, Климентъ Адамъ, Матвѣй изъ Мѣхова); *Thesaurus Politicus*, Francof. 1617 г. (извѣстія о Московіи и татарахъ); *Russia seu Moscovia* Elzevier, 1630, въ Лейденѣ (сочиненія о Россіи и Татаріи, извлеченія изъ разныхъ писателей о Россіи и т. п. [1]); Respublica Moscoviae auct. Boxhornio, 1630 (Гваннинъ, Поссевинъ, англ. путеш., Михалонъ Литвинъ и др. соч.), а также позднѣйшія собранія путешествій и извѣстій о Россіи и народахъ, населяющихъ ея (Бержерона, 1634, Черчилля 1704, Гарриса 1705 и т. д. [2]).

Со времени Михаила Θеодоровича извѣстія о Россіи печатаются уже въ знаменитомъ сборникѣ того времени: *Theatrum Europaeum*, предпринятомъ Абелиномъ (извѣстнымъ подъ псевдонимомъ Годофреда † 1649), вышедшемъ въ 21 т. (1617—1718) и имѣвшемъ два изданія. Издатели его пользовались какъ донесеніями пословъ, такъ и частною перепискою, и современными брошюрами, относящимися къ Россіи. Въ XVIII в. извѣстія о Россіи появляются въ *Europäische Fama*, *Mercure historique et politique* и др. *Neue Nachrichten zur Geschichte dieses Zeit*, Spt. 1862—касаются исключительно Россіи.

Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали о сборникѣ Г. Ф. Миллера, выходившемъ подъ заглавіемъ: *Sammlung Russicher Geschichste* (9 т. Spt. 1732—1764). Это изданіе, можно сказать, впервые распространило въ Европѣ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о Россіи. Въ послѣднихъ томахъ его встрѣчаются статьи Миллера, изданныя имъ также на русскомъ языкѣ въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ [3]). Въ послѣдствіи, въ видѣ допол-

---

[1]) Въ позднѣйшее время подъ тою же фирмою печатались и др. соч., относящіяся къ Россіи, напр. франц. переводъ реляцій Карлейля (Пар. 1857).

[2]) Библіографическій перечень ихъ можно найти въ „Обозр. путеш.“ Аделунга, 26—48; см. также въ дополн. къ нему: „Замѣтки о нѣкоторыхъ иностран. писател. о Россіи въ XVI в.“ Е. Козубскаго (Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, № 5). Ср. „Иностранцы, писавшіе о Рос. въ XVI и XVII стол.“ (Сынъ Отеч. 1832, т. CL—CLIII). Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ главѣ объ иностран. писателяхъ о Россіи.

По историч. географіи см. Adelung: Ueber die ältern ausländischen Karten von Russland, Spt. 1840; Die ältesten Karten von Russland. Ein Beitrag z. hist. Geogr., v. H. Michow, Hamb. 1884, съ литер. предисл.; Е. Е. Замысловскій: Герберштейнъ и его ист. географ. изв. о Россіи, 1884, съ картами; Старин. рус. карты, В. И. Ламанскаго (Вѣстн. Геогр. общ. ч. XXVII).

[3]) Статьи, вошедшія въ оба изданія, отмѣчены Пекарскимъ. Ист. Ак. Наукъ, I, 409—414; ср. ст. В. Милютина о „Ежемѣсяч. сочиненіяхъ“ въ Современникѣ, т. XXV—VI.

ненія къ нему былъ изданъ (10-й, т. 1816, Spt.) сборникъ Г. Эверса и М. Энгельгардта, носящій также другое заглавіе: *Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte* (т. I, 1818, Dorpat), о содержаніи котораго намъ приходилось уже говорить выше (стр. 221). Миллеръ же сообщилъ нѣкоторые, весьма интересные и важные матеріалы о Россіи извѣстному А. Ф. Бюшингу, издававшему *Magazin für die neue Historie und Geographie* (1767—1788, 22 тт., съ указат. [1]); но въ этомъ обширномъ, а нынѣ рѣдкомъ и дорогомъ изданіи помѣщено, кромѣ того, не мало и другихъ важныхъ свѣдѣній о Россіи [2]). А Л. Шлецеръ (подъ псевд. Haigold'a, издавалъ сборникъ о Россіи, подъ заглавіемъ: *Neuverändertes Russland* (Riga изд. Leipz. 2 т. съ прилож. въ 2 т., 1767—72), посвященный главнымъ образомъ дѣятельности Екатерины II и важный по участію въ немъ Миллера, Штелина, Струбе и др. Историкъ Россіи не можетъ не пользоваться также журналами и перепискою Шлецера [3]). Къ тому же времени относится еще изданія Шмидта-Физельдека: *Materialen zu der russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen* (Bd. I—III, Frankf. und Leipz. 1777—1784) и *Denkwürdigkeiten der Regierung Catharina II* (Riga und Mit., 1780 [4]). Съ 1794—96 г. лютер.

[1]) Миллеръ передалъ ему извѣстія о москов. торговлѣ Кильбургера 1674 г., помѣщен. въ III т. и изданныя въ 1820 г. Д. Языковымъ на рус. языкѣ; жизнь Миниха (т. III) и др. матер. Въ изданіи же Бюшинга помѣщены были слѣдующія статьи Миллера: „объ избр. на царство Мих. Өедоровича" (II); подлин. статьи „о народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ" (XVI); „о супругѣ ц-ча Алексѣя Петровича" (XV); „о письмѣ Людовика XIV къ ц. Мих. Өед." (XVI) и др.

[2]) О пребываніи въ Москвѣ датск. принца Іоанна при Б. Годуновѣ (т. VII); о пріѣздѣ датскаго принца Вольдемара при Мих. Өедоровичѣ (т. X), оба перевед. въ Чтен. М. О. ист. 1867; записка Бассевича (т. IX, перев. въ Рус. Арх. 1865); путеш. фонъ-Гавена (т. X); посольст. I. Скультета (IX); дневникъ Берхгольца 1721—25 г. (тт. XIX—XXII), перев. Аммономъ (Моск. 1858, 4 т.); оправдат. зап. Бирона (т. IX), перевед. Хмыровымъ (Сочин. Спб. 311—338) и отвѣтъ на нее (ib. т. IX); біогр. импер. Ивана Ант. (т. VI); записка 1762 г. о коммерц. Россіи (т. XI), принадлеж. Одару (Ист. Вѣст. 1884, № 4, стр. 109). Вообще это изданіе важно для ист. XVII и XVIII вв.

[3]) Staats-Anzeigen, Göttingen, 1782—1793 г., 18 тт. 72 тетр.; Briefwechsel, meist histor. und polit. Inhalts, Göttingen, 1776—82, 10 т. т. въ 60 тетр.

[4]) Въ первомъ издатель пользовался и рус. архивн. матеріал.; второе - переводъ актовъ объ учрежденіяхъ Екатерины II.

пасторъ I. I. Буссе издавалъ въ Петербургѣ *Journal von Russland*, въ 5 т., посвященный исторіи, литературѣ, статистикѣ и библіографіи. Академикъ Г. Шторхъ въ началѣ XIX столѣтія предпринялъ изданіе историческаго журнала, подъ заглавіемъ *Russland unter Alexander dem Ersten* (Spt. und Leipz. 1804—1810, IX т., въ 27 книжкахъ). Часть послѣдняго, тома составленная при участіи Ф. Аделунга, издана была и на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи" (1801—806, ч. I—II, Спб. 1810—11). Въ планъ изданія Шторха входили: государственное правленіе, промышленность, торговля, искусства, науки, воспитаніе, успѣхи цивилизаціи, характеристическія черты нравовъ, литература и библіографія. Извѣстный библіофилъ Б. Вихманъ напечаталъ сборникъ матеріаловъ, относящихся къ древнему періоду русской исторіи (*Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntniss des Russischen Reichs*, B. I, Berl. 1820). Въ немъ помѣщены: записки и реляціи Кобенцеля, Арсенія Элассонскаго, Варкоча, Главинича, Мейерберга, Кальвуччи и нѣсколькихъ другихъ о Московіи въ XVI и XVII стол. [1]). При франц. переводѣ древней рус. лѣтописи Луи Пари: *La chronique de Nestor* (P. 1834, 2 v.) изданы матеріалы (преимущественно по рукоп. париж. націон. библ.), относящіеся къ древнѣйшимъ сношеніямъ Россіи съ Франціей, въ числѣ которыхъ находятся: описаніе путешествія въ Россію Іоанна Соважа изъ Діеппа, 1586 г.; описаніе событій, случившихся въ Московіи съ цар. Ивана Вас. до Вас. Ивановича Шуйскаго, Петра де-Лавилля изъ Домбаля; письма ц. Өедора Иван., Д. Самозванца, нѣсколько актовъ, касающихся сношеній Россіи съ Франціей въ цар. Михаила Өедоровича и записка Левека о древнѣйш. сношеніяхъ Россіи съ этою страною. Въ 1841 г. было предпринято А. Старчевскимъ систематическое изданіе иностранныхъ писателей о Россіи XVI и XVII столѣтій: *Historiae Ruthenicae scriptores exteri* (Берл. и Спб. 2 тт., на латин. яз.), но оно ограничилось лишь XVI в. Здѣсь помѣщены: Герберштейнъ, Іовій, Фабръ, Гвизанъ, Левенклавій, Климентъ Адамъ, Гваниинъ, Матв. Мѣховита, Бреденбахъ, и Ольменъ, Ульфельдъ, кард. Морони, Кобенцель, Буховъ, Одерборнъ Гейденштейнъ, Поссевинъ, дипломатич. переговоры между Россіею и Польшею 1581—82 гг., Арсеній Элассонскій. Въ 1850—60-хъ годахъ въ Парижѣ было предпринято книжною фирмою А. Франка отдѣльное

[1]) Нѣкоторыя изъ нихъ были переведены и напеч. въ Чтен. М. О. исторіи.

изданіе на франц. языкѣ, подъ заглавіемъ: *Bibliothèque russe et polonaise*, въ которой напечатаны записки: Фабра, Горсея, Флетчера, де-Лавилля, Мейерберга, Корба (извлеч.), Манштейна, Дашковой, Чичагова, исторія Евдокіи Ѳедоровны и импер. Ивана Антоновича. Поль Лакруа (Bibliophile Jacob) съ 1872 г. издавалъ въ Парижѣ *рѣдкія соч. о Россіи*: отрывокъ изъ космографіи Мюнстера; журналъ о пріемѣ стольника Потемкина во Франціи въ 1668 (Сенъ-Лорапа); письма Екатерины II (1762) и т. п. Въ Берлинѣ было напечатано (1-е изд. 1858, 3-е 1860) собраніе донесеній французскихъ и англійскихъ, посланниковъ, бывшихъ въ Россіи съ 1725—1783, на франц. языкѣ: *La cour de Russie il y a cent ans*. Нѣмецкій историкъ Россіи, профес. Э. Германъ, постоянно занимавшійся въ иностранныхъ архивахъ, извлеченія изъ которыхъ вошли въ его *Geschichte des Russischen Staats* (всего 6 т. съ дополнит., до царств. Екатерины II включит. (1791) т. 3—6, Гота, 1846—1866, первые два—Штраля [1]), издалъ также: *Beiträge zur Gesch. des Russischen Reiches*, Leipz. 1843 (здѣсь между прочимъ помѣщенъ военный дневникъ Миниха 1735—36 гг., составлен. сопутствовавшимъ ему акад. Юнкеромъ, стр. 117—244) и *Diplomatische Beiträge zur russischen Gesch.* aus dem Königlich-Sächsischen Hauptsstaatsarchiv zu Dresden, Spt. 1868 (ср. Сборн. Русск. истор. общ. т. III) и сообщилъ много другихъ матеріаловъ изъ иностран. архивовъ, извлеченныхъ имъ спеціально для „Сборника Рус. ист. общества." Кромѣ того, въ 1872 г., по случаю 200-лѣтняго юбилея Петра В., онъ напечаталъ I-й томъ сборника: *Zeitgenössische Berichte zur Gesch. Russlands*—извѣстія Фокеродта и Плейера—по рукописямъ Берлинскаго архива, а въ 1880 г. II-й томъ —донесенія Ф. Х. Вебера—по рук. Ганноверскаго арх., относящіяся ко времени Петра В. Отъ времени до времени издавались сборники и по отдѣльнымъ текущимъ вопросамъ, какъ *Portfolio* (5 т. Paris, 1836—1837), *Le nouvau portfolio* (докум. по восточному вопросу, *Berl.* 1854) и др.

По связи исторіи Россіи съ исторіею Литвы и Польши заслуживаютъ вниманія слѣдующіе сборники матеріаловъ: *Volumina legum* (съ 1347 г., Varszaw. 1732—1782, 6 v. fol., перепеч. въ 8 т., Petersb. 1859—1860, in 4-°, съ инвентар. въ 2 т. 1860)—собраніе польскихъ законовъ, между которыми есть относящіеся къ Литвѣ, Русскимъ провинціямъ и Украинѣ; *Codex diplomaticus Regni Poloniae et M. D.*

[1]) Трудъ этотъ изданъ въ извѣстномъ сборникѣ Геерена и Укерта: „Gesch. der Europäischen Staaten."

Lithuaniae, М. Догеля (Vilnae, 1758—64, 3 v., см. выше, стр. 184, 223, 256). Ему же принадлежитъ другой сборникъ документовъ, подъ заглавіемъ: *Limites regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae* (Vil. 1758). Упомянемъ еще: *Tractaty, konwencye handlove y graniczne wszelkie publiczne umowj między Rzeczą Pospolitą Polską y obcemi poselstwami od roku* 1764—do r. 1791, Warsz. 1791, и *Zbiór dziejopisów polskich*, т. I—IV, 1764—1768, Warsz., in fol. (хрон. Бѣльскаго, Стрыйк., Кромера, Гваннна). Въ XVIII же вѣкѣ, на основаніи матеріаловъ библіотеки Залусскихъ, была издана: *Collectio historiarum Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae scriptorum*, v. I—IV, Warsz. 1761—1769, in fol., а въ не менѣе извѣстномъ фамильномъ собраніи бумагъ еп. А. Х. Залусскаго: *Epistolae historico-familiares* (Brunsbergae, 1709—1711, 4 v.) находится много важныхъ матеріаловъ и документовъ о Малороссіи, Польшѣ и Россіи (XVII и XVIII в.). Къ XIX вѣку относится рядъ подобныхъ же изданій, заключающихъ въ себѣ собраніе лѣтописей, записокъ, историко-юридическихъ актовъ и дипломатическихъ памятниковъ. Важнѣйшія изъ нихъ по отношенію къ нашему предмету слѣдующія: 1) *Zbiór pamiętników historycznych o dawney Polsce*, zebrane przez I. U. Niemcewicza, (6 tomów, Warsz. Lipsk. 1822); 2) *Dzieje panowania Zygmunta* III, его же, 3 т. 1836 (въ прилож. помѣщены современ. акты); *Pamiętniki o dziejach, pismiennictwie i prawodawstwie Słowian.* Wyd. W. A. Maciejowski, 2 t. Petersb.—Lipsk, 1839; *Antiquissima monumenta juris Slovenici*, ed. Andr. Kucharski, Vars. 1838; *Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kaziemierza.* Z rękopis. wydał K. Wl. Wojcicki, 2 t., Warsz. 1846; *Rozbiory dzieł obejm. dzieje polskie*, Lelewel'я, Pozn. 1844 [1]); *Pomniki do dziejów litewskich*, T. Narbutta, Wilno 1846; *Starożytności Polskie* (Krak. 1840, 2 т.) *i Ojczyste spominki*, изд. А. Грабовскимъ, Крак., 1845, 2 т. (дневники, реляціи, письма и т. п.). Въ послѣднихъ изданіяхъ находятся документы, относящіеся къ исторіи юго-западной Руси и отчасти къ Кіеву. Собраніе польскихъ мемуаровъ, писемъ и другихъ матеріаловъ XVIII вѣка издано было Э. Рачинскимъ, подъ заглавіемъ: 1) *Obraz polaków i Polski w XVIII stól.*, Pozn. 1840—1844 г. (21 т.), 2) *Pamiętniki z XVIII w.*, Pozn. 1866 и 3) *Materiały do historyi Stanisł. Leszczynskiego*, 1841 г.; *Zbiór*

[1]) Здѣсь напечатаны записки (1413—1421) Гильб. де-Ланнуа (франц. и польск. тексты). Лучшее изданіе ихъ въ Oeuvres de Ghil. de Lannoy, par. Ch. Potvin et J. Houzeau, Louv. 1878.

pamiętników do dziejów polskich, pr. Broel-Platera, Warsz. 1858—59, 4 т. [1]); *Monumenta Poloniae historica* (лѣтописи и др. памятники), изд. Авг. Бѣлевскаго и прод. Льв., 1864—84, 4 v.; *Scriptores rerum polonicarum*. T. I—III, Crac. Sumtibus Commis. histor. c. r. Soc. lit. Crac. 1872—75; *Zbiór praw litewskich od r.* 1389—1563, pr. T. Działyńskiego, Pozn. 1841; *Codex diplomaticus Poloniae* etc., изд. Ржичевскимъ, Мучковскимъ и Бартошевичемъ (a. 1145—1506), Warsz. I—III, 1847—1858; *Codex diplomaticus Majoris Poloniae* (1136—1597), Pozn. 1840, собр. К. Рачинскимъ, и *Codex diplomaticus Lithuaniae* (важенъ по отношеніямъ Литвы къ Лифляндіи, 1253—1434), Wratisl. 1845, in 4-°, изд. (оба) Э. Рачинскимъ; *Scarbiec dyplomatów* papieżskich, cesarskich, królewwskich, książęcych..., posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów, проф. Даниловича, Вильна, 1860—1862, 2 т. in 4°.; *Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques, concernant la Pologne 1762—1862*, par D. Angenberg, Paris, 1863; *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczzy-pospolitei Polskiej* z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie, p. A. Stadnickiego (при близкомъ участіи X. Liske), t. I—X, 1868—1884, Lw.; *Starodawne prawa polskiego pomniki*, изд. А. Г. Гельцелемъ, Крак. 1857—70, 2 т.; *Zbiór korrespondencyi dyplomatycznych i akt autentyczn. dworów Petersburg., Berlińsk. i Wiedeńskiego względem podziału Polski 1772*, Warsz. 1831.

Весьма важные матеріалы и данныя для ист. сношеній Италіи и папъ съ Россіею, Польшею и другими сѣверными странами заключаютъ въ себѣ сборники Себастіана Чіампи: *Notice dei secoli XV et XVI sulla Italia, Polonia et Russia* (Fir. 1833) и *Bibliographia critica* (съ пол. XVI в. и XVII вѣкъ, Fir. 1834, 1839, 1842, I—III v.); *Acta Tomiciana* (Pozn. 1852—1876 г. 9 т. изд., Т. Дзялынскимъ [2]); А. Тейнера: *Vetera monumenta Poloniae et Lithuniae*, 1217—1775 гг. (по Ватиканск. арх., Romae, 1860—1864, 4 v.) и *Monuments historiques relatifs aux regnes d'Alexis Michaélowitsch, Fédor III et Pierre le Grand* (1652—1725), *extraits des archives du Vatican et de Naples* (Rome 1859, оба изд. in fol.); *Monumenta spectantia ad unionem ecclesiorum graecae et romanae, edita ab* Aug. Theiner et Franc. Miklosch. Cum tabula. Wien, 1872 (1124—

[1]) Здѣсь между прочимъ можно найти подробности о глуховской осадѣ и походѣ Я. Казимира (частныя письма).

[2]) По имени Краковскаго еп. Томицкаго (1464—1535), извѣстнаго дипломата своего времени; обнимаютъ 1507—1527 гг. (посольст., письма и пр.).

1582 а.); *Relacye nuncyuszów Apostolskich i innych osób o Polsce* (Берл. Позн. 1864, 2 т.); *Monuments historiques des slaves meridionaux et de leur voisins* (т. I, Прага 1875, т. II, Belgrade, 1882)—акты, собран. въ итальян. архивахъ В. Макушевымъ (въ этомъ изданіи есть документы, кас. взаимныхъ отношеній Польши и Москов. государства, особенно же любопытна грамота царя Бориса Годунова о вызовѣ итальянскихъ художниковъ и ученыхъ); *Secrets d' état de Venise. Documents, extraits, notices et etudes, servants à eclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle*, par V. Lamansky, Spt. 1884; *Monumenta saeculi XVI historiam illustrantia, edid.* Petrus Balan prael. Vol. I, Oeniponte, 1885 (есть папскія грам. о снош. съ Москвою, Польшею и др., по подлин. итальян. архивовъ); *Zbiór wiadomości histor. aktów dotycz. 10-n koscieln. na Rusi*, pr. I. Pocieja, W. 1845; *Zbiór wiadomości o kościele i religii katolickiey w cesarstwie Rossyjskiem* (Pozn. 1823); *Les jesuites de Russie 1772—85* (записки неизвѣстнаго и Аркетти), изд. кн. И. Гагарина, Paris, 1872, 2 т.

Не менѣе цѣнное собраніе памятниковъ для исторіи Литвы, Ливоніи и ганзейскихъ отношеній представляется въ сборникахъ: *Scriptores rerum Prussicarum*, herausgegeb. v. Th. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke, v. I—V, Leipz. 1861—74 (ливонскіе и прус. хроники и акты); *Codex diplomaticus prussicus*, von. Ioh. Voigt. Urkunden-Sammlung zur älteren Geschichte Preussens aus dem Kgl. Geheimen Archive zu Königsberg. Königsb. 1836—1861, I—VI (in 4°, 1217—1404 а.)—въ этомъ изданіи встрѣчаются грамоты галицко-волынскихъ и литовскихъ князей; *Monumenta Livoniae antiquae*. Sammlung v. Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftl. Denkm. Riga, Dorp., Leipz. 1835—1847, 5 v.; *Scriptores rerum Livonicarum*. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-Ehst und Kurland, 2 v. R. u. Leipz. 1848—1853, 4°; *Liv, Est und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten*, v. F. G. Bunge, v. I—VI, Rev. Riga, 1853—1873, 4° (a. 1093—1423); а также въ сборникахъ по исторіи ганзейскихъ отношеній, имѣющихъ значеніе для исторіи торговли и городовъ сѣверной и сѣверо-западной Руси. Сюда принадлежатъ: *Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hansa*, 1830, Hamb.—Сарторіуса-Лаппенберга (2-й томъ—сборникъ документовъ 1154—1370 г. съ примѣчаніями); *Codex diplomaticus Lubecensis*, 4 v. съ прибавленіями,

Lub. et Oldenb. 1843—1873 (1139—1400), — значительно пополнившій предъидущее изданіе новыми матеріалами по исторіи Новгорода и Балтійскаго побережья; рецессы (постановленія ганзейскихъ собраній съ перепискою, относящеюся къ нимъ), изданіе которыхъ было начато Мюнхенскою историческою коммиссіею (B. I—V, 1870—80, a. 1256 —1430), подъ ред. Коппмана и продолжено Ганзейскимъ историческимъ обществомъ (B. I—IV, 1876—1883, a. 1431 — 1476), подъ ред. Ф. Роппа, въ собраніи которыхъ находятся новые матеріалы, относящіеся къ исторіи Новгорода. Тому же Обществу принадлежитъ изданіе отдѣльнаго сборника: Hansisches Urkundenbuch, подъ ред. К. Гельбаума (Halle 1876 [1]) и спеціальнаго журнала по ганзейской исторіи (Hansische Geschichtsblätter съ 1873 г.).

Къ болѣе позднему времени относятся сборники Ширрена: *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit* (1557—1561 и д.), издан. на основаніи шведск. госуд. архива, при содѣйствіи Эстлянд. литер. общества (I—VIII B., Rev. 1861—81—продолженіе „Архива" Бунге); тоже изъ копенг. тайн. архива, Rev. 2 т. 1883—84 гг. и Бинемана: *Briefe und Urkunden* zur Gesch. Livlands in den Jahren 1558—1562, по мѣстнымъ архивамъ, B. I—V, R. 1865—76.

Въ обширномъ сборникѣ историческихъ памятниковъ Г. Пертца помѣщены лѣтописи и матеріалы, имѣющіе важное значеніе для древнѣйшей исторіи Славянъ и Руси (Видукиндъ, Ліутпрандъ, Титмаръ, Адамъ Бременскій, Ламбертъ, Гельмольдъ и др., Monumenta Germaniae historica, т. I—III, V, VII, IX, XII, XX; т. XIX Annales Poloniae, изд. Арндтомъ и Рёпеллемъ); заслуживаютъ также упоминанія сборники: Буке (Script. rer. Gallicar. т. II) и Мураторя (Scripx. rer. Ital. т. I—о славянахъ), Швандтнера (Scriptor. rer. Hung. 1746, т. I) и Зомерберга (Scriptores rerum Siles., Lipz. 1730, т. II—оба важны для исторіи Галицкой и южной Руси [2]).

Неоднократно издавались сборники *Византійскихъ писателей*, а именно: въ Парижѣ (1645—1711, 38 т.), Венеціи (1722—1733) и Боннѣ (1828

---

[1]) I-й томъ его посвященъ исторіи ганзейскаго союза до 1300 г. и заключаетъ въ себѣ 1376 актовъ, въ числѣ которыхъ собраны всѣ договоры съ Россіей и Новгородомъ, для чего было осмотрѣно до 30 архивовъ отъ Кельна до Ревеля.

[2]) О польскихъ изданіяхъ см. еще у Zeissberg'a: Die Polnische Geschichtschreibung des Mittealters, Leipz. 1873; у Estreicher'a: Bibliogr. polska XIX stól. (гдѣ обозначается иногда и содержаніе сборниковъ); о венгерскихъ— Ungarns Geschichtsquellen, von Heinr. Marczali, Berl. 1882.

55 г., Б. Нибуромъ и др., 48 т.). Въ послѣднее время предпринято новое обширное изданіе византійскихъ хроникъ, актовъ и памятниковъ К. Саѳою, подъ заглавіемъ: *Bibliotheca graeca medii aevi* (1872 — 1877, 6 том.). Рядомъ же съ нимъ слѣдуетъ поставить не менѣе цѣнный трудъ Ф. Миклошича и І. Миллера: *Acta patriarchatus Constantinopolitani* (1315—1402, 2 v. Вѣна, 1862): матеріалы его касаются церковныхъ и политическихъ отношеній Руси къ Византіи въ періодъ церковной зависимости первой отъ послѣдней [1]). У насъ въ 1860—63 гг. были предприняты изданія *Византійскихъ историковъ* при Спб. духовной академіи и Г. С. Дестунисомъ но, къ сожалѣнію не были доведены до конца [2]).

По исторіи XVIII и XIX столѣтій заслуживаютъ вниманія: собраніе французскихъ *мемуаровъ* (Сенъ-Симона, Сегюра, де-Линя, Тьебо, Массона и др.), въ изданіи Барріера, и весьма обширная *переписка* разныхъ лицъ, изданная на основаніи общественныхъ и частныхъ архивовъ, какъ корреспонденція Фридриха II (и сочин. его, въ старыхъ и новыхъ изданіяхъ); Людовика XV, изд. Бутарикомъ (1866) и Броли (1879); Бернсторфа (1751—1770, Копенгаг. 1871 и 1884); Жоффренъ (изъ архива Понятовскихъ, важна для исторіи 1-го раздѣла Польши), изд. Муи; Маріи Терезіи, Іосифа II и Екатерины II въ изданіяхъ Арнета, Вивено и Беера; Веллингтона, изд. его сыномъ [3]); Меттерниха, изд. его сыномъ; переписка Талейрана, изд. Палленомъ, дипломатич. Ж. де-Местра, Спренгпортена, изд. Коскиненомъ (1882) и др. Переписка Екатерины II съ Вольтеромъ и Циммерманомъ издавалась въ XVIII и XIX стол. въ рус. переводѣ.

---

[1]) Часть ихъ въ свое время была перевед. въ Зап. Одес. общ. ист., т. V и VI. Акты, относящіеся къ Россіи, дополненные другими матеріалами, напеч. вполнѣ, съ переводомъ на рус. яз., въ Ист. Библ. Археогр. ком. т. VI, подъ ред. А. С. Павлова (Памятн. древне-рус. канонич. права XI—XV в.).

[2]) О сборникахъ извѣстій восточныхъ писателей, см. въ извлеченіяхъ изъ нихъ (VII—X вв.), изданныхъ съ комментаріями Д. А. Хвольсономъ (Спб. 1869) и А. Я. Гаркави (Спб. 1870); Сказ. евр. писат. о хазар. Гаркави, Спб. 1874 г.; Три еврейск. путешеств. XI—XII в. (Эльдадъ, Веніам. Туд. и Петахія), изд. Марголина, Спб. 1881. Собраніе ханскихъ ярлыковъ съ комент. издавалось В. Григорьевымъ, М. 1842 (Россія и Азія, 1876) и И. Березинымъ, К. 1850—52, 4 в. (ср. Зап. Одес. общ. ист. т. I, II, VIII).

[3]) Въ дополнительномъ томѣ ея помѣщена обширная записка, представленная въ 1818 г. Меттерниху объ импер. Александрѣ I, посвященная его характеристикѣ и оцѣнкѣ внѣшней и внутренней политики Россіи.

Необходимо упомянуть также объ общихъ сборникахъ международныхъ договоровъ, какъ Дюмона и Руссе (1726—1731, 8 т., съ дополн. 5 т.), Венка (1781—1795), Г. Ф. Мартенса (1791—1801, съ продолж.), Ш. Мартенса (1846—1857) и др. [1]). Изъ новѣйшихъ частныхъ сборниковъ укажемъ на болѣе близкія къ нашему предмету: *La Russie et la Turquie depuis le commencement de leurs relations politiques jusqu'à nos jours*, par D. de Bukharow, Paris, 1877 (съ извлеч. изъ договоровъ XVIII и XIX стол. [2]); *Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères, depuis 1763 jusqu'à nos jours*, par L. Neumann, 15 т. Leipz. Wien, 1855—77, и предпринятое въ Стокгольмѣ Рюдбергомъ изданіе *трактатовъ Швеціи съ иностранными державами* (Swerges Traktater), между прочимъ на основаніи русскихъ архивовъ, 1-й томъ котораго обнимаетъ время съ 822—1335, причемъ цѣлое изслѣдованіе посвящено найденному издателемъ договору Швеціи съ Россіею 1323 г. (такъ наз. Орѣховецкому [3]). Другіе договоры между обѣими державами относятся къ 1189—1326 гг. Въ послѣднее время французское правительство предприняло сборникъ дипломатическихъ сношеній Франціи съ иностранными державами съ 1648—1789 г., на основаніи архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ—*Fonds de France et mémoires divers,*—въ которомъ изданіе документовъ о Россіи и Польшѣ возложено на Альфреда Рамбо.

Наконецъ, въ сборникахъ и журналахъ, выходящихъ за границею или посвященныхъ иностранной исторіи и литературѣ, какъ *Архивъ* Гормайра (Вѣна 1810), *Frankfurtisches Archiv* (1811—1813, 3 т. [4]); *Hist. Taschenbuch* (съ 1830 г.) *и Beiträge zur neuern Geschichte* (5 тт. 1836—

[1]) Перечень ихъ см. у гр. Комаровскаго, въ прилож. къ перев. соч. Блюнчли: „Соврем. международное право цивилизов. госуд.", М. 1876—77, стр. 3—11. По исторіи дипломатіи можно найти необходимыя свѣдѣнія въ Genealogisch-historische Nachrichten, Leipz. 1739—1750, 145 тт.; продолж. 1750—1778, 328 чч., въ Hist. génér. de la diplomatie française, par Flassan, P. 1811, 7 v. съ дополн. о вѣнск. конгр. 1829, 3 т. и въ примѣч. къ Собр. трактатовъ, Мартенса.

[2]) Переводъ его былъ помѣщенъ въ журн. „Историч. Библіотека."

[3]) Въ изданіи помѣщенъ русскій текстъ договора 1323 найден. въ швед. госуд. архивѣ. См. о немъ статью Я. К. Грота въ Зап. Ак. Н. т. XXXI.

[4]) Въ первомъ изъ нихъ: путешествіе Сам. Кихеля по Польшѣ, Литвѣ, Ливоніи и Россіи 1585—89 и путеш. по Россіи Стеф. Какаша изъ Залокемены; во второмъ: путеш. въ Рос., Данію и Швецію Іоанна Давида Вундерера въ 1589—90 гг. (т. II).

1839) Ф. Раумера, *Historisches Zeitschrift* Г. Зибеля (съ 1859), *Roczniki towarzystwa Krol. Warszawskiego przyjac. nauk* (1802—30, 21 т.), *Варшавская Библіотека* (съ 1841), *Atheneum* (Варш. 1841—50 и возобн. въ 1876), *Przegląd* (Львов. съ 1871, Крак. ист. и этн. съ 1875, Варш. 1840—42) *Галицкій науковый Сборникъ* (съ 1865 г.) и т. п., помѣщались матеріалы и изслѣдованія объ источникахъ и событіяхъ, касающихся русской исторіи, а также отношеній къ иностраннымъ державамъ. Съ 1841 по 1868 г. въ Берлинѣ издавался: *Archiv für wissensshaftliche Kunde von Russland*, v. A. Erman (25 том.), въ которомъ печатались матеріалы и статьи, отчасти оригинальныя, а отчасти переводныя, по географіи, исторіи, литературѣ и статистикѣ. Такой же характеръ имѣетъ выходящій нынѣ въ Петербургѣ (съ 1872) ежемѣсячный журн. *Russische Revue*, въ которомъ помѣщено множество статей по русской исторіи и литературѣ съ древнѣйшихъ временъ, но преимущественно въ XVIII в.

Въ представленномъ обзорѣ сборниковъ и періодоческихъ изданій мы не имѣли въ виду исчерпать вполнѣ ихъ содержаніе, но желали только указать на важнѣйшіе изъ нихъ и напомнить о томъ, какого рода матеріалы сообщались въ этихъ изданіяхъ, чтобы читатель, который пожелаетъ ближе ознакомиться съ ними, могъ имѣть необходимыя предварительныя свѣдѣнія о матеріалахъ, находящихся часто въ изданіяхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ спеціальной цѣли изслѣдованія.

Примѣчаніе. Въ изданіяхъ Фр. Раумера были напечатаны иностранныя донесенія о Россіи въ XVIII в.; въ журналѣ Зибеля—изслѣдованія о завѣщаніи Петра В., о запискахъ Екатерины II, рядъ рецензій о новыхъ изданіяхъ, выходившихъ за границею и въ Россіи, и статей преимущественно по исторіи XVIII в. (о 7-лѣтней войнѣ, турец. и польскихъ дѣлахъ и т. п.). Подобныя же статьи встрѣчаются въ Preuss. Jahrb., Deutsche Rundschau и др. Статьи, касающіяся древняго періода, а именно южной Руси, Галицкаго княж. и Литвы появлялись въ Altpreuss. Monatsschr., Haus. Geschichtsblätter, Archiv. f. österreich. Gesch.; по этнографіи—въ R. de Philol. et d'Ethnogr., Quarterly Review и др.

Матеріалы по русской исторіи находятся также въ Bullet. du Bibliophile 1859 (докум., кас. сношеній Петра В. съ Париж. акад., найден. кн. А. Голицынымъ, и отд. на рус. яз.); въ R. Contemporaine 1855, Foreign. quarterly Rev. 1841, Athen. Franç. 1855 (записки Чичагова), Frazer's Magazine 1865 и R. Moderne 1866 (зап. Саблукова о времени Павла); Блеквудовомъ Магазинѣ 1874 (разск. о Сперанскомъ), The Academy 1875 (изъ бумагъ Ѳед. фонъ-Лидерса, дипломатич. представителя Россіи при англ. дворѣ

въ цар. Петра III и нач. цар. Екатерины II, съ запискою на испанск. яз. о событіяхъ 1762 г.; ср. Др. и Нов. Рос. 1877, т. I); въ Russ. Revue (1875—переписка Хисдаи о Хазаріи; 1883—депеши голланд. резид. Мейнерцгагена о событіяхъ 1762—64, извлеченіе въ Ист. Вѣст. 1884, т. XVIII), St. James Magazine 1876 (текстъ догов. Екатерины II съ Іосифомъ II о раздѣлѣ герман. зем. и занятіи части франц. территоріи), Jahrb. f. die deutsche Armee et Marine 1883 (извлеч. изъ бумагъ Кнезебека, важныхъ для ист. похода 1815 г. и вѣнск. конгресса); въ R. des deux Mondes (о снош. Англ. съ Рос. въ XVI в., Жюрьенъ де-ла Гравьера, 1876; объ учрежд. въ Рос. патріарш. по источн., Вогюэ, 1879; о тайн. снош. Людовика XV съ Польшею противъ рус. политики, герц. Альб. де Брольи, 1870 и др., многочислен. статьи А. Рамбо, по пов. изд. Воронц. Арх. и Сборн. Рус. историч. общ.—о Екатеринѣ II, гр. С. Р. Воронцовѣ, Растопчинѣ, тамъ же и въ R. polit. et littér.) и мн. др.

Въ „Галицкомъ науковомъ Сборн.", изд. Матицею, печатались древнія мѣстныя грамоты и акты, Львов. лѣтоп., вновь изд. А. С. Петрушевичемъ (за 1866 г.); памятники дипломатич. и судебно-дѣловаго языка русскаго въ древн. Галицко-Владимір. княж. и смежн. рус. областяхъ со 2-й половины XIV в. (по печат. и рукоп. матер.), сообщ. Я. Θ. Головацкимъ (1865); о русскихъ монастыряхъ въ Галиціи; статьи по историч. географіи (было ли два Галича княжескіе города, одинъ въ угорско-словацкой области, а другой по сю сторону Карпатъ надъ Днѣстромъ или нѣтъ? о мѣстоположеніи старин. города Щекотова и т. п.), рядъ статей Петрушевича: разсужденіе о важности историческихъ записокъ и надписей, какъ источникѣ для нашей исторіи; о паннонскихъ ругахъ или псевдоруссахъ и др.; русская библіографія Я. Θ. Головацкаго, статьи по этнографіи и т. п.

Въ польскихъ изданіяхъ: какъ „Rocznik" (съ 1866 г.) Париж. польскаго историко-литерат. общ. (письма Стан. Августа 1784—92 г.; переписка Лелевеля; объ общ. филаретовъ и филоматовъ, Игн. Домейки, Позн. 1870—72 гг.); „Przewodnik naukowy i literacki" (съ 1873); „Przegląd archeologiczny, organ c. k. Konserwatoryum pomników, oraz towarzystwa archeol. krajow. we Lwowie", съ 1882 г. (веществен. памятники, описи архивовъ, акты XIV—XVIII в., сообщен. больш. частію Шараневичемъ и Петрушевичемъ, между прочимъ письма Ф. Орлика, обращенныя къ генеральн. ассист. іез. въ Римѣ 1727, къ папѣ и др., съ цѣлью осуществленія его замысловъ; отрывки изъ дневника Важинскаго, относ. къ возстанію Костюшки и т. п. [1]); въ Варшав. Библіот.—разн. историч. памятники, записки, переписка (Лелевеля съ Булгаринымъ—1877 г.), рец. и библіографія.

---

[1]) См. обстоятельную замѣтку объ этомъ изданіи Н. П. Дашкевича въ Кіев. Стар. 1885 (т. XI, сс. 167—173—разборъ 1—3 выпусковъ).

Библіографія изданій: 1) Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напеч. кирилловск. буквами. 1491—1730. В. I. Сост. И. Каратаевъ, 1491—1600. Съ 1491—1652 г. Сборн. Втор. отд. Импер. Ак. Н., т. XXXIV и отд. 1884; Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ съ 1491—1864 г. В. М. Ундольскаго, М. 1871. 2) Опытъ россійской библіографіи или полный словарь сочиненій и переводовъ, напеч. на славянск. и рос. языкахъ отъ начала заведенія типографій до 1813 г,, собран. Вас. Сопиковымъ, ч. I—V, Спб. 1813—1821; Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ, издателей и др. лицъ, упоминаемыхъ въ „Опытѣ" В. Сопикова. Сост. П. О. Морозовъ. Прилож. къ XXVIII т. Зап. Ак. Н. Спб. 1876. (и отд.[1]); 3) Матеріалы для русской библіографіи. Хронологич. обозр. рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ XVIII стол., напеч. въ Рос. гражд. шрифтомъ 1725—1800 г. Сост. Н. В. Губерти (Чт. М. общ. ист. 1878—1881) и отд.). 4) Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова, систематическимъ порядкомъ расположенная въ 3-хъ частяхъ, съ прибавлен. и указателемъ, В. Анастасевича, Спб. 1820—26; Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина[2]), Спб. 1828; перв. прибавл. 1829, втор. прибавл. 1832, трет. прибавл. 1852, четв. прибавл. 1856; 5) Систематическій реэстръ русскимъ книгамъ съ 1831 — 1846 г., изд. М. Д. Ольхина, Спб. 1846; 6) Систематич. каталогъ русскимъ книгамъ 1825 — 1869 гг. А. Ѳ. Базунова, сост. В. И. Межовъ, Спб. 1869; перв. прибавл. за 1867 — 1870, Спб. 1870; втор. прибавл. Спб. 1871; 3-е и 4-ое приб. (1871 и 1872 г.), Спб. 1873; 5-ое и 6-ое прибавл. (1873 и 1874 гг.), Спб. 1875; 7) Систематич. каталогъ русскихъ книгъ за 1875—1876 гг. книжн. магаз. Я. А. Исакова, сост. В. И. Межовъ, Спб. 1877 г; 8) тоже за 1877 и 1878, Спб. 1880; 9) Третье прибавл. къ систем. росписи книгамъ кн. магаз. И. И. Глазунова 1873 — 1881. Сост. В. И. Межовъ. Спб. 1882 (всѣ каталоги г. Межова съ указаніемъ критич. и библіо-

---

[1]) О трудѣ Сопикова см. статьи: С. Б. Линде (Pamiętnik Warsz. 1815 и Вѣстн. Евр. 1826 г, ч. XC, № 21 и 23); М. И. Сухомлинова въ Древн. и Нов. Рос. 1876 г. т. I, стр. 61—69; Письма Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу въ Зап. Ак. Н. т. XLV, стр. 1—28; Замѣтки и разъясненія къ „Опыту Рос. Библ. В. Сопикова" (по поводу алфав. указат., составл Морозовымъ), В. Сантова (Ж. М. Н. Пр. 1878 № 6, 247—291, дополн. и поправки). Спб. 1878.

[2]) О немъ см. въ „Сборникѣ въ память А. Смирдина", Спб. 1858, т. I. Роспись составлена Анастасевичемъ.

графич. статей и замѣтокъ). 10) Всеобщая библіотека Россіи или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ, собран. А. Д. Чертковымъ, М. 1863—1864, 2 книги. 11) Новая русская библіотека, заключающая въ себѣ до 15,000 названій книгъ, вышедшихъ съ 1850—1877 годъ. Энциклопедическій (предметный) указатель. А. Ивкина, Спб. 1877. 12) Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie Impér. de Sciences de St.-Pétersb. I-re partie. Publications en langues étrangères. Spt. 1872; 13) Систематич. и алфавитный указатель статей, помѣщен. въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Император. Академ. Наукъ, а также сочин., издан. Академ. отдѣльно, со времени ея основанія по 1872 г. Ч. II, на рус. яз. Спб. 1875; 14) Каталогъ изданій Императ. Академ. Наукъ, I—на русск. яз., Спб. 1876; II—на иностран. языкахъ. Спб. 1877. 15) Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологич. порядкѣ описан. А. Н. Неустроевымъ, Спб. 1874 г. [1]). 16) Краткое извѣстіе о всѣхъ съ 1703—1823 г. выходившихъ въ Россіи повременныхъ изданіяхъ и вѣдомостяхъ, В. Г. Анастасевича (прибавл. къ Рус. Инв. и Новостямъ литерат., изд. К. Воейковымъ и В. Козловымъ, 1822, кн. 3, № 23—24, кн. 4, № 17); Указатель къ рус. періодич. изд. 1703—1769, Е. Огородникова (Ж. М. Вн. дѣлъ, 1859, № 5 и 8). 17) Bibliotèque Impériale publique de St. Pétersbourg. Catalogue de la Section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères, Spt. 1873, 2 тома; 18) Pierre le Grand dans la littérature étrangère, par. R. Minzloff. Spt. 1872.

---

[1]) Нѣсколько данныхъ для исторіи рус. журналистики. Библіографич. примѣч. на книгу: „Историч. розыск." и т. д. Л. Майкова. Ж. М. Н. Пр. 1876, № 7 и отд.

Попытку воспользоваться періодич. изд. XVIII в., какъ историческимъ матеріаломъ, представляютъ статьи: И. Е. Забѣлина: „Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ полов. XVIII в." (Опыты изуч. русск. древн. и исторіи, II, 351—506); А. Г. Брикнера: „С. Петербург. Вѣдомости во время французъ. революціи" (Древ. и Нов. Рос. 1876, т. I, 71—87, 158—173); В. О. Михневича: „Старина XVIII стол. по газетамъ и журналамъ того времени" 1730—1740 г. (Ист. Вѣст. 1884, т. XVII, 624—633 и д.); А. И. Кирпичникова: „Москов. Вѣдомости въ 1789 г. и начало франц. революціи" (Ист Вѣст. 1882, т. IX) В. Корша: „Столѣтіе Москов. Вѣдом." (1756—1856), М. 1857 (изъ Моск. Вѣд. 1856), съ извлеч. изъ М. В. 1756—62 гг.; „Первыя рус. вѣдом., печат. въ Москвѣ въ 1703", изд. Имп. пуб. библ., Спб. 1855; Сто лѣтъ назадъ. Г. К—ва (Древ. и Нов. Рос. 1880, I, 175—183); Новости, объявл. и распор. правит. въ цар. Павла I, перепеч. въ Рус. Стар. съ 1874 г. и д.

Не разъ перепечатывались сатирич. и др. небольшіе журн. XVIII вѣка.

II. 1) Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland v. H. L. C. Backmeister. Pet. Riga u. Leipz. 1772—87, 11 v. in 8-°; 2) Систематич. обозрѣнie литер. въ Рос. въ теченie 1801—1806 г., соч. А. Шторхомъ и Ф. Аделунгомъ, 2 ч. Спб., 1810—1811; 3) Библiографич. листы, П. Кеппена, 1825 г. Спб. [1]) 4) Библiографич. листки. Систематич. списки книгъ, поступивш. въ Император. публ. библiотеку, Д. Межова (Отеч. Зап. 1856—57. стр. 312 + 314); 5) Библiогр. отрывки. Спб. 1854 — 1858 (статьи отъ И. П. Библ., помѣщ. въ Отеч. Зап. объ иностр. и рѣдкихъ соч. о Россiи); Библiографич. записки и рѣдкости, М. Лонгинова (Современникъ 1856—57) и кн. Н. Голицына (Молва 1857, № 25—35). 6) Указатель книгъ по русск. исторiи, географiи, статист. и рус. праву за 1848 г., сост. М. Капустинымъ (Арх. ист. юрид. свѣд. о Россiи, Калачова, кн. I); тоже за 1849 г. (ib. кн. II, ч. 1); тоже за 1850 и 1851 гг. (ib. кн. 3); 7) Списокъ книгъ и статей по русской исторiи, вышедшихъ въ 1853 г. Гр. Геннади (Времен. М. О. ист. кн. 22); 8) Указатель книгъ и статей, вышедшихъ въ теченie 1854 г. (при Отеч. Зап.). Спб. 1855; 9) Библiографiя (книгъ и статей) за 1855—9 годы, (частiю при Рус. Бес., частiю отд. В. И. Межова); 10) Книжный Вѣстникъ 1860—1866, Спб.; 11) Указатель по дѣламъ печати, изд. Ф. Солярскаго, Спб. 1872—1878; 12) Россiйская библiографiя, Э. Гартье, Спб. 1879 — 1881 гг. Перечень выходящихъ книгъ помѣщается въ Правит. Вѣстн., а также въ Рус. Вѣстникѣ (съ 1882 г.).

III. 1) Указатель статей по рус. истор., географ., статистикѣ, русскому праву и библiографiи, помѣщенныхъ въ „Вѣстн. Европы“ (1802—1830). Составилъ М. Полуденскiй (въ Чтен. Моск. общ. ист. и древн. Рос. 1860, кн. IV и отд. LVI+268 стр.); 2) Указатель статей по рус. ист., геогр., статист. и рус. праву, помѣщен. въ „Сѣверн. Архивѣ“ (1822—1828), составлен. А. Аѳанасьевымъ (Архив. истор. юридич. свѣд., относ. до Россiи, издав. Н. Калачовымъ, кн. I, 1850); 3) Указат. стат. по рус. исторiи, геогр., стат. и рус. праву, помѣщен. въ „Отеч. Зап.“, издан. П. Свиньинымъ (1818—1830), составл. А. Аѳанасьевымъ (Арх. ист. юрид. свѣд., относ. до Россiи, изд. Н. Калачовымъ, кн. II, ч. I и кн. III, 1854—1861); 4) Алфав. указат. къ „Отеч. Запискамъ“, изд. А. Краевскимъ (1839—1843; 1844—1848; 1849—1853; 1854—1858, изданы въ теченie 1844—1860 гг.); тоже

[1]) Библ. листы напеч. во 2 и 3 кн. Матер. для ист. просв. въ Рос. Спб. 1826—27.

за 1868—1877 г. въ „Отечест. Зап." 1878 № 8—12; 5) Указатель статей серьезнаго содержанія, помѣщен. въ рус. журналахъ прежнихъ лѣтъ. Спб. 1858. Изданіе Н. Бенардаки и Ю. Богушевича: I. Сынъ Отечества 1812—1852; II, Библіотека для Чтенія 1834—1854; III, Финскій Вѣстникъ и Сѣверное Обозрѣніе 1845—1850; IV, Репертуаръ и пантеонъ 1839—1856; V, Московскій Телеграфъ 1825—1834; 6) Опытъ алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ. Ивана Быстрова. Часть историческая. Вып. I. Спб. 1841., А—С; 7) Азбучный указатель русской повременной словесности съ 1735—по 1857, сост. ак. Всеволодовымъ (буквы А—Б). Спб. 1857; 8) Указатель статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ, русскому праву и библіографіи, помѣщен. въ „Москов. Вѣстникѣ" (изд. М. П. Погодинымъ 1828—1831), состав. М. Полуденскій (Времен. Моск. Общ. ист. кн. 19); 9) Рус. Зритель, журн. ист., археологіи, словесности и сравнительныхъ костюмовъ, изд. К. Калайдовичемъ (1828—1830), 10 книжекъ, Ив. Калугина (ibid. кн. 24); 10) Указатель статей и матеріаловъ по исторіи, словесн., статист. и этн. Россіи, помѣщ. въ „Москвитянинѣ" 1841—1853 (изд. М. П. Погодинымъ), сост. П. Бартеневымъ (ibid. кн. 21); 11) Алфав. указатель статей, напеч. въ „Трудахъ" (съ 1765) и др. період. изданіяхъ И. Вольн. Экономич. общ., сост. В. Всеволодовымъ. Спб. 1849, 432 стр.; съ 1850—1855, сост. Ф. Гросманъ, Спб. 1855; съ 1855—1875, сост. А. Теодоровичъ Спб. 1876; 12) Указат. статей, помѣщ. въ „Маякѣ" (1840—1844, Спб. 108 стр.); 13) Полный азбучный указатель къ „Русской Бесѣдѣ" 1856—1860 гг. (ред. А. И. Кошелевъ, 20 книгъ) и къ „Московскимъ Сборникамъ" 1846, 1847 и 1852 г., сост. П. Бартеневымъ (Рус. Арх. 1863); 14) Азбучный указатель къ „Русск. Вѣстнику", замѣч. статьи по рус. ист., этн., ист. словесн., археол. и пр. за 1856—1864 (Рус. Арх. 1864 [1]); 15) Указатель содержанія „Современника" съ 1836—1845, Спб. 1846 (для Соврем. А. Пушкина и П. Плетнева); Алфавитный указатель къ „Современнику" (1847—1856, за время ред. И. Панаева и Н. Некрасова), составл. О. Ч., Спб. 1857; 16) Указатель къ „Учен. записк. Казан. университета" 1834—1878 (Уч. Зап. К. У. 1879, янв.—февр.); 17) Указатель къ „Кіевск. Унив. Изв." 1861—1884 (Ист. стат. записки объ учеп. и учебно-вспомог. учр. унив. св. Владиміра, К.

[1]) Полный указатель статей къ Рус. Вѣст. съ 1856 по 1884 составленъ С. И. Пономаревымъ и будетъ вскорѣ напечатанъ.

1884 и Унив. Изв. 1884, № 8); 18) Филологическія Записки 1873—1880 (ib. 1880 № 6); 19) Библіографич. указ. статей, помѣщ. въ період. изд. за 1869, В. Межова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1871 № 6—11, 1872, № 1—4, 1873, № 7—11). 20) Указатель статей, помѣщен. въ разн. журн. съ 1834—1868, имѣющ. въ Вят. публ. библіот., Н. А. Рукавишникова. Вятка 1870; Каталогъ книгъ и періодическихъ изданій съ указателемъ журнальныхъ статей, находящихся въ библ. для чтенія Л. В. Ильницкаго, Кіевъ, 1876. 21) Русская библіографія, составили А. Г. и Н. С. Годъ 1-й, Спб. 1878. (періодич. изд. [1]); 22) Списокъ період. изданій съ 1856—1880 г. (Ист. Вѣст. 1880, I, 897—904).

IV. 1) Указатель сочиненій, содержащихся во всѣхъ 88 частяхъ „Христ. Чт.," вышедшихъ съ 1821—1842 г. включительно, 138 стр. Спб. 1842.; Систимат. указ. къ „Христіанскому Чтен." за 1821—70 годы, Состав. Н. Б. (Христ. Чтеніе 1871, № 7—12; 1872, № 1 и отд.); за 1871—1880, сост. А. Родосскій, (іб. 1881, № 9—12), отд. Спб. 1881; 2) Указатель къ „Твор. св. отцевъ съ прибавл. къ нимъ" 1843—1862, М. 1863; 3) Указатель къ „Православному Собесѣднику" за 1855—1876, Казань 1877; 4) Указатель къ „Православному Обозрѣнію" 1860—1870, М. 1872, сост. П. А. Ефремовъ; 5) Указатель къ „Душеполезному Чтенію" 1860—1869 и 1870—1879 г. (ib.); 6) Указатель къ „Духовн. Вѣстнику", Харьк.; 7) Указатель къ „Страннику" за 1860—1869 и за 1870—1874, въ „Странникѣ" и отд.); 8) Указатель статей въ первыхъ 30 книжкахъ журн. „Истина" (ib. 1874, № 1); 9) Пособіе для преподавателей церковной исторіи. Указат. статей по церк. ист., помѣщен. въ духовн. журналахъ. Сост. С. Терновскій, Кіевъ 1871 (литографир.); 10) Двадцатилѣтіе журнала „Труды Кіевской духовной академіи" (1860—1879 гг.). Съ подробнымъ обозрѣніемъ статей, посвящен. современ. вопрос., систематич. перечнемъ ученыхъ статей и алфавит. указателемъ авторовъ, переводчиковъ и рецензентовъ. Сост. И. Н. Корольковъ. К. 1883, стр. 320; 11) Систематическій параллель-

[1]) По исторіи рус. журналистики см. статьи П. Пекарскаго: Матер. для ист. журн. и литер. дѣят. Екатерины II; Редакт., сотрудники и ценз. въ рус. журн. (Зап. Ак. Н. 1863 и 1867); Милютина: „Ежемѣсач. сочин." (Современ. 1851); А. Пятковскаго: Изъ ист. нашего литер. и умствен. развитія, 1876, т. II (1703—1830-е гг.); Веснина: Очерки ист. русской журналистики, Спб. 1881 (20 и 30-е года); А. Н. Пыпина: Характ. литер. мнѣн. отъ 20 до 50-хъ гг. Спб. 1873 и др. статьи; М. Лонгинова (Рус. Вѣст. и Современ.), А. Аѳанасьева (Сатирич. журн., М. 1859); „Уедин. Пашехонецъ", журн. изд. въ Ярославлѣ, 1786—87, Л. Трефолева (Рус. Арх. 1880); Повременныя изд. въ Россіи въ 1860—1864 г., В. И, Межова, Спб. 1861—64.

ный указатель ко всѣмъ духовн. журналамъ и епархіальн. вѣдомостямъ съ 1-го года ихъ изданія (съ рец.) по 1871 г. А. Николаева. Воронежъ 1871; 12) Библіографическія извѣстія о духовныхъ журналахъ (Правосл. Собесѣд. съ 1875 г.).

V. 1) Указатель къ повремен. изданіямъ (см. стр. 329) Мин. Нар. Пр. съ 1803 – 1864 г. (части оффиц. и неоффиц.), Спб. 1864; тоже къ неоф. ч. Журн. Мин. Нар. Просв. съ 1866—1872 (Ж. М. Н. Пр. 1873, № 5 и 6); тоже съ 1873—1875 (ib. 1876, № 7); тоже съ 1876—1878 г. включительно (ib. 1881, № 2); 2) Указат. алфавитный и систем. къ изданіямъ Мин. Внутрен. дѣлъ (Спб. Журналу, Спб. Газетѣ и Журналу Мин. Вн. Дѣлъ) 1802—1852 (въ Журн. Мин. Вн. Д. 1856, прибавл. 85+45+138); Тридцатилѣтіе Журн. Мин. Вн. Д., Н. Варадинова, ibid. 1859, № 9, стр. 1—104; 3) Алф. указ. къ Журн. Мин. Госуд. Имущ. (1841—1856), составл. А. Заблоцкимъ, Спб. 1858; за 1857—1868, Спб. 1869; 4) Систематич. указат. къ „Воен. Сборн." (1858—1867; 1867—1874—въ Воен. Сборн. № 12—1874 г.); 5) Указатель статей „Морскаго Сборника". Сост. И. Петровъ, Спб. 1875 (1848—1872), XLIV + 767 + 108; Содержаніе Записокъ Гидрографическаго Департ. 1842 — 1852 (прилож. къ X т., 1852); 6) Указат. статей, помѣщ. въ Инжен. Журн. 1857—1862 (Инж. Журн. 1863, прилож.); 1863—1867 (ib. 1867); Системат. указ. къ Журн. Путей Сообщенія 1826—1865, Спб. 1866; 1865—1875, Спб. 1877; 7) Указатель статей къ Горному Журналу 1825—1849, Спб. 1850 (сост. Ром. Кемпинскій); 1849 — 1860 (Ив. Штальке), Спб. 1861; тоже 1860—1869 (Д. Планеръ). Указатель статей „Лѣснаго Журнала" (1833—51), имѣющихъ значеніе по настоящее время. А. Рудзскаго (Газ. лѣсовод. и охоты 1859, № 11, 15, 17, 18).

VI. 1) Рус. историч. библіографія, П. и Б. Ламбиныхъ, изд. Ак. Наукъ, за 1855—1864, Спб. 1861—1884, 10 том.; 2) Рус. историч. библіографія (продолженіе предъид. изданія) 1865—1876. Сост. В. И. Межовъ, Спб. 1882—1884 г. (4 т., все изд. составитъ 7 томовъ). Т. I: источники и матеріалы, исторія Россіи вообще; т. II—біографіи рус. дѣятелей; т. III—исторія церкви, цивилизаціи, народнаго просвѣщенія, правовѣдѣнія, экономическихъ наукъ; т. IV—ист. рус. словесн. и языка; т. V—исторія военная, дипломатическая, права, искусствъ и т. п.; т. VI—вспомогательныя науки: археологія, нумизматика, хронологія,

генеалогія, геральдика, палеографія, всеобщ. исторія; т. VII—общій указатель [1]); 3) Литерарура русской исторіи за 1859—1864 г. В. И. Межова, Спб. 1865 [2]). 4) Указатель къ „Библіографическимъ Запискамъ“ 1858, 1859, 1861 гг. (Русскій Архивъ 1864); 4) Указатель къ повременнымъ изданіямъ Общ. исторіи и древностей россійскихъ при Импер. Моск. унив. за пятьдесятъ лѣтъ (1815—1865), изд. при Чертков. библіот. (прилож. къ Рус. Арх. 1866 и отд.), 134 стр.; 5) Указатель по всѣмъ періодическимъ изданіямъ Общ. ист. и древн. Рос. при И. Моск. унив. (1815—1883), М. 1883. Сост. С. Бѣлокуровъ, 197 стр.; 6) Русскій Архивъ 1863—1882. Роспись содерж. Рус. Арх. за 20 лѣтъ, (прилож. къ Рус. Арх. 1884, М. 1884, 120 стр.); 7) Указатель къ „Записк. Одес. общ. ист. и древ. Рос.“ съ 1846—1883 (Зап. Одес. общ. ист. и древ. т. XIII, Од. 1883 г.). 8) Реестръ книгамъ и періодич. изданіямъ, въ которыхъ заключаются грам., акты и др. историч. докум., относ. до Россіи, Спб. 1859 (изд. Арх. ком.); Указатель актовъ и докум., помѣщен. въ періодич. изд. съ 1860 (Лѣт. зан. Арх. ком. в. I, 40—64); за 1861 (II 47—88 [1]). 9) Библіографическое обозр. русскихъ лѣтописей Д. В. Полѣнова (Ж. Мин. Нар. Пр. 1850 ч. LXIV и отд.). 10) Записки рус. людей. Библіогр. указ. Г. Геннади (Чт. М. о. и. 1861, кн. IV).—О текущей истор. литературѣ (русской и иностран.) см. „Библіографич. Записки;“ „Вѣстникъ Европы“ 1866—1867 гг., „Русскій Архивъ“ (съ 1863 г.), „Русская Старина“ (съ 1870), „Древняя и Новая Россія“ (съ 1875—1880), „Историч. Вѣстникъ“ (съ 1880 г.), „Кіевская Старина“ (съ 1882 г.), „Заря“ Спб. 1871 г., Журн. Мин. Нар. Пр.; обзоры литер. рус. ист. (рус. и иностр.) за 1874—76 (книжной), Унив. Изв. 1875—77; періодич. изд. ib. 1879—80 гг.

VII. 1) Истор. рус. и всеобщей словесности. Библіог. матер., сост. В. И. Межовъ. Спб. 1872 (1855—1870); 2) Указатель книгъ и статей по географіи, статист. и этнографіи (Г. Геннади, П. П. Дубровскаго и Е. И. Ламанскаго): за 1851 г. (Вѣстн. Геогр. об. 1852, чч. IV и V), за 1852 г. (ib. 1853, ч. VII, VIII и IX), за 1853 (ib. 1854 и 1855); за 1854 (ib. 1855—1856); за 1855

[1]) Юбилейная литература и статьи о Петрѣ В. 1865—76 г., Спб. 1881—извлеч. изъ I тома.

[2]) Въ библіографич. указат. Ламбиныхъ и Межова можно найти содержаніе нѣкоторыхъ сборниковъ и собраній сочиненій, а также указанія на рецензіи книгъ.

[1]) Въ этихъ указателяхъ показаны періодич. изд., губерн. и епарх. вѣд., опис. городовъ, монастырей и церквей, въ которыя вошли акты, грамоты, письма и т. п. матеріалы. См. также „Указатель актовъ“ (къ Арх. экспед., Арх. ком. и разн. сборникамъ. Спб., in. 4-o. А. А. Куника?).

(ib. 1856 и 1857); за 1856 (ib. 1858); за 1858 (ib. 1859); за 1859 (ib. 1859, № 10 и 11); 2) Литература географіи, статистики и этнографіи Россіи, В. И. Межова, 1859—1879 г., 9 томовъ (Вѣстн. Геогр. общ., Изв. Геогр. общ. и отд., продолжается); 3) Библіографическія монографіи. В. Межова, т. I: труды центр. и губернск. статистич. комитетовъ и др. спец. указатели. Спб. 1873.

VIII. 1) Библіографическій указатель русской археологической литературы за 1850 годъ (Зап. Арх. общ. т. III, 159—164); 2) Библіографическій указатель археологической литературы за 1857 годъ, Г. Геннади (Изв. Арх. общ. т. III); за 1858—62, В. Межова, (ib. т. IV); за 1863 (ib. т. V), за 1865 (т. VI) и д., отдѣльно: Библіографія рус. археологич. литературы, В. Межова, Спб. 1862—1872 (за 1859—1868 г.), 8 книж. 3) Общее оглавл. и указат. къ „Труд. М. Арх. Общ.", М. 1876; 4) Библіогр. указат. къ „Записк. Импер. Арх. об.", сост. Д. В. Полѣновымъ, Спб. 1870; 5) Обзоръ археологич. извѣстій, сообщ. провинц. органами печати за 1873 годъ (Вѣст. Общ. рус. искус. 1874); 6) текущая археол. литер. иностр. и русская (Труды Моск. Арх. общ. съ 1865 и д.); 7) Сборникъ матеріаловъ для археологич. библіографіи, изд. Археологич. коммис., Спб. 1869, 14 стр.

IX. 1) Систематическій указатель сочиненій юридическаго содержанія, изданныхъ въ Россіи съ 1830—1852 годъ. А. Станиславскаго (Библіогр. прибавл. къ Журн. Мин. Нар. Просв. 1853); 2) Указатель по исторіи русскаго права (книжный и періодич., съ обознач. рецензій) съ XVII вѣка по 1860 годъ. Составили П. А. Мулловъ, И. И. Пискаревъ, И. Е. Андреевскій и А. Н. Горбуновъ (Арх. ист. практич. свѣд. о Рос. Калачова, 1859, кн. VI, стр. 1—158; 1869, VI, стр. 1—128); 3) Систематическій указатель книгъ и журнальныхъ статей по части юридическихъ и административныхъ наукъ за 1859 г. Сост. И. Верещагинъ (Юрид. Журн. 1860, № 4, дек.); 4) Систематическій каталогъ книгъ на русск. яз. Импер. Публ. библ., по части правовѣдѣнія, политич. и статист. наукъ. Сост. В. Пфаффомъ, Спб. 1863; 5) Библіографическій указатель, книгъ и статей по части правовѣдѣнія, вышедшихъ въ Россіи въ 1859—1864 г., В. И. Межова (Журн. Мин. Юст. 1864, т. XX, с. 255—360); за 1865, (ib. 1866, т. XXIX, 1—73); за 1866 г., (ib. 1867, т. XXXIII, № 8 и д.); 6) Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Полное собр. матеріаловъ для ист. крестьян. вопр. на языкахъ русск. и иностр., напечатан. въ Россіи и за

границею (1764—1864), В. И. Межова, Спб. 1865, 421 стран. 7) Обычное право. Матер. для библіогр. обычнаго права. Е. Якушкина. Яросл. 1875 (систем. указат. книгъ, журн. и газетн. статей; въ немъ собрано много историч. и этнографич. данныхъ).

X. 1) Указатель источниковъ исторіи и географіи Москвы съ древнимъ ея уѣздомъ, П. Хавскаго, М. 1839 г.; 2) Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этногр. и статистики Москвы съ ея достопримѣч., сост. И. Ѳ. Токмаковъ, М. 1880. I—VIII вып.; 3) Библіографич. указатель книгъ и брошюръ, кас. Архангельск. губ. П. Ефименка (Арх. Губ. Вѣд. 1868, № 29, 30 и 72; 4) Обозр. актовъ Арх. ком., относ. къ Вят. ист., А. Тянгинскаго (Вят. Губ. Вѣд. 1853, № 37—39); 5) Указатель матеріаловъ для изученія ист. и статист. Вят. губ. В. I, сост. И. Токмаковъ. В. 1882; 6) Указатель статей, имѣющихъ отнош. къ Астрах. краю, помѣщенныхъ въ еженедѣльной газетѣ „Казанскія Извѣстія", изд. съ 1811—1820. Астраханецъ (въ газетѣ „Востокъ" 1867, № 45); 7) Витебск. Старина, А. Сапунова (Витеб. 1883); 8) Обозрѣніе книгъ и журнальныхъ статей о Казан. губ. Н. Чупина (Каз. Губ. Вѣд. 1851, № 10, 13—14, 18, 23, 27; дополн. И. Н. Березина, 39, 51—52); 9) Библіогр. указат. казанскихъ древностей 1832—1877 (по мѣстнымъ изданіямъ), Е. Соловьева. Каз. 1877 (255 №) изд. Стат. ком., съ 2 картами; 10) Источники для описанія Калуж. губ. (Калуж. Губ. Вѣд. 1849, № 13—25); 11) Указатель къ памятн. книж. Олонецк. губ. 1858—1869 (Олонец. Губ. Вѣд. 1870 г. № 53); 12) Указатель къ Акт. ист., относ. къ Олонец. губ. по изд. Арх. ком. и труд. Карамз., Солов., Устрял., Голикова, К. М. Петрова, Петрозавод. 1877; 13) Источн. для изучен. Пензен. края, М. С. Кіевскаго (Памят. кн. Пенз. губ. на 1864 стр. 62—81, переч. всего, что было написано объ этомъ краѣ въ мѣстн. вѣдом., період. изд. и др. сочин.); 14) Матер. для указат. сочин. и статей, въ котор. заключаются геогр., этногр., и статист. свѣд. о Перм. губ. (Перм. Губ. Вѣд. 1874, № 2, 14—18, 21, 22, 24, 28, 29—32); 15) Источн. и пособія для изуч. Перм. края — перечень книгъ и статей съ указан. содержанія и замѣчан. на нѣк. изъ нихъ (прилож. къ Сборн. Перм. зем., Пермь 1876), Д. Смышляева; Указатель матеріаловъ для изуч. исторіи и статист. Пермской губ. Сост. И. Токмаковъ. Пермь, 1882; ср. Географич. и статистич. слов. Перм. губ., составлен. Н. Чупинымъ (съ библіогр. указан.) т. I и II, А—Н., 1873—1880 (прилож. къ Сборн. Перм.

земства.) 16) Полѣсье. Библіограф. матер. по истор., стат., этногр. и экономич. сост. (сѣв. запад. и югозапад. край и губ. Мин., Гродн., Вилен., Кіев. и Могилев.). Сост. З. Пенкина. Спб. 1883.; 17) Обозрѣніе рязанской письменности (актовъ 1334—1693 г. и книгъ съ 1799, Ряз. Губ. В. 1846, № 32 и д.). 18) Матер. для библіогр. Спб. губ. (оттискъ изъ Спб. Вѣд. 1865, перечень 150 кн. и статей); 19) Указат. матер. для изуч. ист. и стат. Тамб. губ. В. I. Сост. И. Токмаковъ. Тамб. 1882; 20) Указат. матер. для изученія ист. и стат. Яросл. губ. Сост. И. Токмаковъ. Яр. 1883. 21) Указатель матеріаловъ для изученія сѣв. запад. края въ археол. и этн. отнош., П. О. Черневскаго, Спб. 1882. 22) Указат. источн. для изученія Малор. края. А. Лазаревскаго. В. I, Спб. 1858 (книги, журн. и газеты); Обозр. книгъ и статей періодич. изд., относ. къ ист. и геогр. Малорос. края. А. Лазаревскаго (Черниг. Губ. Вѣд. 1853, № 45), за 1854 (ib. 1855, № 3 и 9); за 1856 г. (ib. 12, 19, 38, 49, 51, 1857, № 7 и 8); 23) Указатель источниковъ для изуч. Малорос. края, П. Ефименка (Черн. Губ. Вѣд. 1860, № 9 и 20); 24) Литерат. лѣт., П. Ефименка (Полтав. Губ. Вѣд. 1861 г., № 3—8, продолж. предъид. указат); 25) Библіогр. указ. книгъ и статей, относ. до южно-рус. края, В. Межова (Основа, 1861 г., № 8, 11 и 12 и отд. Спб. 1862 г.); 26) Иностр. соч. о Малорос. (библ. указ.), Гр. Милорадовича (Черн. Губ. Вѣд. 1859, № 24—27); 27) О замѣч. людяхъ Малорос., его же (№ 20 и 21); 28) тоже, Г. Геннади (ib. 1855, № 8, 1856, № 16); 29) Библіографія галицко-русская 1772—1848 г., Я Головацкаго (Галичанинъ 1863, в. III—IV); Библіогр. указ. галицко-рус. литер. В. Межова, Спб. 1862 (и Основа № 6, дополн. въ Кіев. Телеграфѣ 1862, № 14); 30) Списокъ иноязыч. соч. о Крымѣ, Г. Геннади (Вѣстн. Геогр. общ. 1855, кн. 6 и 1856, кн. 1.); 31) Списокъ соч. о Крымѣ на рус. и иностр. яз., Г. Геннади (Зап. Одес. общ. ист., т. VI, 1867).

XI. 1) Библ. указ. книгъ, соч. и стат., относящихся къ статист., исторіи и этногр. сѣверн. Кавказа (Сборн. стат. свѣд. о Ставроп. губ. вып. III, 119—150); 2) Библ. указ. по геогр. и ист. Кавказа за 1852—1861—62 г. (Зап. Кавказ. отд. Геогр. общ. т. II и VI); 3) Библ. указ. книгъ и статей, относ. до Кавказ. и Закавказск. края, К. Компанскаго (Кавказ. календ. 1867, стр. 231—255); 4) Библ. замѣтки о статьяхъ, относ. до Кавк. (Кавк. 1867, № 42, 43, 51—52, 56, 58); 5) Объ источн. для позн. Кавказа. Гр. В. Соллогуба (Кавк. 1852, № 48—49); 6) Объ источникахъ свѣд. о Кавк. Г. Токарева (Кавк. 1847, № 27 и 28; 1848,

№ 5 и 6 и Сборн. газеты Кавказъ, изд. О. И. Константиновымъ, 1847, кн. II, 1—19; 1848, 39—67, 209—247: древніе, средневѣковые и новые писатели) 7) Указатель соч. о Кавказ. краѣ (Зап. Кавк. отд. Геогр. общ. 1877, кн. IX); 8) Bibliographia caucasica et transcaucasica. Опытъ справочн. систем. катал. печатн. сочин. о Кавк., Закавк. и племенахъ, эти края населяющихъ. Сост. М. Міансаровъ, Спб. 1874—1876, т. I, стр. 804. 9) Объ источн. и пособіяхъ для изуч. Оренб. края и Сред. Азіи, В. В. Завьялова (Оренб. Губ. Вѣд. 1852, № 33 и 34; 1853, № 2; 1854, № 1—51: обозр. законод. и диплом. памятн. XVI—XVIII стол., по акт. Арх. ком. и П. С. Зак., продолж. въ 1855 г.; о друг. источн. для изуч. края, въ 1852—1853 гг.); 10) Библ. указ. соч. и статей, помѣщ. въ разн. період. изд., кас. Оренб. края (въ Списк. населен. мѣстъ Оренб. губ. 1870 и Справоч. кн. Оренб. губ. на 1872); 11) Матер. для Сибир. библіогр., Н. Щукина (Памятн. кн. Иркут. губ. 1865); 12) Оч. 25-лѣтія дѣят. Сибир. отд. Геогр. общ. 1876, Ирк., 205 стр.; 13) Библ. указ. сочин. и статей о Тобольск. губ. (Списки насел. мѣстъ Тоб. губ. стр. ссLXIII—ссLXXII); 14) Библ. указ. соч. и статей о Томск. губ. (Списки насел. мѣстъ Томск. губ. стр. CXIX—CXXII); 15) Сборн. ист. стат. свѣд. о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ, изд. Б. Милютинымъ, Спб. 1876 (перечень источн. по ист., этн., стат. и геогр. Сибири съ древнихъ временъ, неоконч. [1]); 16) Библ. указ. соч. о Средней Азіи, напеч. въ Россіи на рус. яз. съ 1692 г. Н. В. Дмитровскаго (Матер. для статист. Туркестан. края въ Ежегодн., кн. III, 1874, Спб.); 17) Туркестан. сборникъ сочин. и статей, относ. до Средней Азіи вообще и Туркестан. края въ особенности, В. Межова. Сист. и азбучн. указат. соч. и статей на рус. и иностр. языкахъ. 18) Указатель литер. объ Амур. краѣ, Ѳ. Буссе (Изв. Рус. геогр. общ. 1874, т. X, прилож.).

XII. 1) Обозрѣніе рус. газетъ и журналовъ съ самаго начала ихъ до 1828 (Москов. Телегр. 1828, ч. XVIII, XXII, XXIII, XXIV); за 1829, 1830 и 1831 (ib. и далѣе); 2) Алфавит. систематич. указат. свѣдѣній о Россіи, заключающихся въ неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“ съ 1838—1851 г. А. Пискарева (Вѣстн. Геогр. общ. 1857, кн. 3 и 4, А—М; 1860, № 6 и 7, Н—Ѳ); 3) Обозрѣніе рус. газетъ и журналовъ (съ 1834—1860 г.), Я. Невѣрова, Ѳ. Чижова, А. Краевскаго, С. Строева, А. Тимоѳеева, А. Д. Старчевскаго, И. Галанина, И.

[1]) Въ этомъ сборникѣ заслуживаетъ вниманія статья кн. Н. Кострова: „Женщина у инородцевъ Томской губерніи“.

Боричевскаго, Ѳ. Менцова, П. Билярскаго и др. (Жур. Мин. Нар. Прос. ч. I—CX [1]); 4) Обозр. Губ. Вѣд. за 1849—1852 г. (Современ. 1850—51 гг., статьи А. Орлова и др.); за 1855 г., А. Егунова (Рус. Вѣстн. 1856), за 1856 (Отеч. Зап., т. CVIII и CIX), за 1857 (ib. CXI); 5) Списокъ статей, помѣщ. въ Архан. Губ. Вѣд. по части исторіи, географіи и статистики губерніи 1838—1864 (Архан. Губ. Вѣд. 1865, № 9 и 10 и оглавл. ежегодно); Указатель къ Арх. Губ. Вѣд. за 1865—1866 (ib. 1868), за 1867 и 1868 (ib. 1869 г.); 6) Указат. статей неоффиц. части мѣстн. губ. вѣд. Астр. 1838—1873, Н. Леонтьева и В. Добронравова (а также Труды Астрах. губ. Стат. ком., в. IV, 1875); 7) Списокъ книгъ, брошюръ и періодич. изд., печатавш. въ астрахан. изданіяхъ съ 1797—1868 (Труды Стат. ком. 1869, в. I); Указатель оригин. статей Астрах. справоч. листка, имѣющ. отнош. къ Астрах. краю (Астрах. справоч. листокъ 1869, № 45, 46, 49, 55); 8) Обозр. Влад. Губ. Вѣд. за 1838—1874 (Ежегодн. Владим. Стат. ком., изд. подъ ред. К. Тихонравова, т. I, в. I, 1876); 9) Указ. мѣстн. статей, помѣщен. въ неоффиц. части Влад. Губ. Вѣд. 1838—1867, прилож. къ Губ. Вѣд. 1867; съ 1868—77, въ Ежегодн., т. II, 1878; за 1878 и 1879, ib. т. III, 1880; 10) Списокъ болѣе замѣч. статей о Вологод. губ. (Памятн. книж. Вол. губ. на 1865—66 г.); 11) Обозр. Вологод. Губ. Вѣд. 1838—1853, В. Ардашева (Библ. д. Чт. 1854, № 7; рец. Отеч. Зап. 1854, ч. XCV); 12) Систем. указат. къ неоффиц. части Ворон. Губ. Вѣд. 1838—1867 г. П. Исаева (Воронеж. Губ. Вѣд. 1865—1869 гг., и отд.) 13) Обзоръ статей, помѣщен. въ газетѣ Кавказъ 1846—49 гг. (Кавк. 1849 № 48—52); Газета „Кавказъ" за 1863—1865 и Тифл. и Кавказ. календ. 1863—1866, Н. Воронова (Зап. Кавк. отд. Геогр. общ. ч. VII, в. I); Указ. географич. матеріала, заключ. въ Кубан. Губ. Вѣд. за 1863, 1866 и 1874 гг. (Извѣст. Кавк. отд. Геогр. общ. т. III, прилож., Тифл. 1874, 68 стр.); 14) Системат. указат. стат., помѣщен. въ „Казан. Извѣст." 1811—21 г., П. Пономарева (Уч. Зап. Каз. унив. 1880, № 9 и 10); 15) Указ. статей неоф. части Могил. Губ. Вѣд. 1839—66 (Мог. Г. В. 1865 и отд.); 16) Новгор. Губ. Вѣд. въ 1852 г., Ив. Купріянова (Москвит. 1853, № 7); 17) Указат. статей неоф. части Орлов. Губ. Вѣд. 1839—1875 (Матер.

---

[1]) Губ. Вѣд. разсмотрѣны И. Боричевскимъ за 1842—1850 г. (Ж. М. Н. Пр. 1848—1855) по слѣдующимъ статьямъ: 1) свѣд. для ист. епархій и іерарховъ; 2) опис. монаст.; 3) матер. для церковн. ист.; 4) древности; 5) языкознаніе; 6) исторія; 7) біогр. и акты; 8) ист. геогр. свѣд., геогр. и статист.; 9) этнографія.

для истор. и статист. Орлов. губ. т. I. О. 1877, ред. Пупарева); 18) Указатель статей, помѣщен. въ неоффиц. части Псков. Губ. Вѣд. съ 1838—1877 г., К. Г. Евлентьева съ дополн. Буцевича (изъ Псков. Губ. Вѣд. 1870—72 и д. по 1880); 19) Указат. къ Олонец. Губ. Вѣд. за 1838—1870. Сост. К. М. Петровъ, Петрозавод. 1871, за 1871—1875, Петрозав. 1876 (изъ Олонец. Губ. Вѣдом.); 20) Указ. къ неоф. ч. Оренб. Губ. В., В. Шевича (Ор. Г. В. 1865, № 15—24); Указат. стат., напеч. въ Симб. Губ. Вѣд. за 1865—1869. В. Луновскаго (Симбир. Сборн., 1870, т. II); 21) Указат. сочин. и статей о Перм. губ. въ „Казанск. Извѣст." и „Перм. Губ. Вѣд." 1838—1858, Н. Чупина (Перм. Сборн. т. II); 22) Библіографія сочиненій, касающихся Саратовскаго края и библіографич. указат. мѣстныхъ изданій (Очерки по ист. Саратова и Саратовской губ. Н. Ф. Хованскаго. В. I, Сарат. 1884); 23) Указат. геогр., стат., ист. и этногр. матер. въ Ставроп. Губ. Вѣд. за 1850—1859, изд. Кавк. Стат. ком., подъ ред. Д. А. Кобякова (въ систематич. порядкѣ, съ изложен. содержанія и прилож. матеріаловъ, 374 стран.); 24) Указат. Тобольск. Губ. Вѣд. 1857—1871 (ib. 1871, № 5—19); 25) Уральск. Войск. Вѣд. въ 1-е 12-лѣтіе ихъ изд., В. Витевскаго (Оренб. Лист., 1880 № 30); 26) Указат. къ газетѣ „Востокъ" (есть статьи по археолог. и истор.) за 1866—1877 гг., Астрахань (Труды Астр. стат. комит., в. V, 1877); 27) Обзоръ этногр. данныхъ, помѣщ. въ разныхъ губ. вѣд. за 1873. Е. В. Барсова (Изв. Общ. любит. естествозн. т. XIII, 1874, ч. I); 28) Указат. историч. статей и матер., помѣщ. въ губ. вѣд. Г. Н. Геннади за 1853 (Времен. Моск. общ. ист. кн. 20), за 1854 (ib. кн. 23), за 1855 (кн. 25 [1]);

[1]) Перечень содержанія документовъ, напечат. въ Вѣст. Зап. Рос., Вилен. Вѣст., губ. и епарх. вѣдом. съ 1865—1876 г. см. въ Рус. ист. библіогр. Межова, т. I, стр. 3—63.

Отдѣльные оттиски: 1) Историч. матер., извлеч. изъ Кіев. Губ. Вѣдом., А. Андреевскаго, 8 вып. К. 1881—85; 2) Орловская старина, А. Пупарева (перепеч. матеріал. изъ Орл. Губ. Вѣд. 1872 г.); 3) Отд. оттиски статей по ист. Перм. губ. изъ Перм. Губ. Вѣд. 1882—84, А. А. Дмитріева; 4) Петровскіе акты. Ворон. 1872 (изъ Ворон. Губ. Вѣд.); Воронеж. акты, изд. Н. Второвымъ (см. выше въ сборникахъ); губ. вѣд.); 5) Сборн. стат. кас. Перм. губ. и помѣщ. въ неоф. ч. губ. вѣд. 1842—81 (съ указат.). П. 1882. В. I (статьи Н. К. Чупина); 6) Разсказы о Пугачевѣ по преданіямъ и мѣстнымъ извѣстіямъ, Н. Д. Добротворскаго (по статьямъ Перм. и Вят. Губ. Вѣд. и предан., Ист. Вѣст. 1884, т. XVIII, с. 719—753) и др.

При газетѣ „Сибирь" былъ изданъ „Сборникъ", т. I, Спб. 1876, въ которомъ, напечатаны: пространное донесеніе иркут. воен. губ. Леццано 1802 г. по дѣлу о купцахъ Сибиряковѣ и Мыльниковѣ съ поздн. замѣтками ген. губ. Пестеля; замѣтки о забайкальск. старообрядцахъ; остатки язычества у якутовъ; матер. для исторіи киргизской степи и т. п.

29) Замѣтки и новости П. А. Гильтебрандта—о провинц. изданіяхъ (Др. и Нов. Рос. съ 1876—80 г.).

XIII. 1) Списокъ книгъ о рус. монастыряхъ и церквахъ. Сост. Г. Геннади, Спб. 1854 (Вѣстн. Геогр. общ. т. X); 2) Указат. книгъ на рус. яз. по предметамъ, относящ. до горной части съ 1705—1873, Спб. 1874; 3) О воен. библіогр. источникахъ, Я. Турунова (Воен. Журн. 1856, VI); 4) Обозр. рукоп. и печатн. источн., относящ. къ ист. воен. искусства въ Россіи по 1725, Обручева, Спб. 1853, 150 стр.; 5) Указат. источн. и сочин. для ист. войны 1799. Д. А. Милютина (Ист. войны Рос. съ Франц. въ 1799 г., 2-е [illegible], т. III); Списокъ иностран. соч. о Суворовѣ, Г. Геннади ([illegible] Журн. 1857, № 1); сочин. А. Петрушевскаго (Суворовъ, Спб. 1884, т. III); Каталогъ сочин. о войнѣ 1812 г. И. П. Липранди (съ 1812—1872 г., въ Чтен. Моск. общ. ист. 1874, III и 1875, кн. III) и дополн. въ сборникѣ матеріаловъ Н. Дубровина: „Переписка дѣятелей отечествен. войны" (Записк. Ак. Наукъ, т. XLIII); 6) Библіогр. финансовъ, промышлен. и торговли со времени Петра В. по наст. время (1714—1879), сост. С. Каратаевъ, Спб. 1880 (съ указат. реценз. и замѣтокъ на книги); 7) Указат. матеріал. для ист. торгов., промышлен. и финансовъ Россійск. Имп. съ древн. врем. до к. XVIII в. П. О. Черневскаго, Спб. 1882; 8) Раскольн. библіогр. Павла Любопытнаго

Вообще изъ губ. вѣд. заслуживаютъ особеннаго вниманія по матеріаламъ, помѣщеннымъ въ нихъ: Арханг., Владимір., Вологод., Волынск., Воронеж., Вятск., Донск., Казанск., Кіевск., Нижегород., Перм., Полтавскія, Псковск., Тверск., Тамбов., Черниговск. и др.

Въ „Волынскихъ Г. В." помѣщались историч. очерки городовъ Волын. губ. (В. И. Пероговскаго и Н. Трипольскаго); о масонахъ въ Житомірѣ (Пероговскаго, ib. 1879); въ Нижегород.—историч. очерки, акты и опис. древн. Нижегород. губ. (П. И. Мельникова и П. И. Пискарева); въ Томск.—статьи по этногр., обычн. праву и историч. матер. (сообщ. кн. Н. Костровымъ); Уфимск.—статьи и матер. по ист. края (Р. Игнатьева); Уральск. Войск. Вѣд.—обширн. моногр. В. Н. Витевскаго: И. И. Неплюевъ и Оренбургъ, по архивн. и мѣстн. матеріал., напеч. въ Оренб. и Уральск. Вѣд. (отд. 1875) и много другихъ матеріаловъ; въ Ярослав. (богаты археологич. матеріал.), Казанск. (акты и этногр. данныя), Черниговс. (статьи А. М. Лазаревскаго), Арханг.—матер. по ист. и этн. края (П. С. Ефименка, П. П. Чубинскаго). Въ мѣстныхъ же губ. вѣд. и изданіяхъ находится много данныхъ и извѣстій о пугачевщинѣ (перечень въ соч. Дубровина „Пугачевъ", т. III). Брошюры газеты „Кавказъ" 1866, 2 ч. Тифл. 1866, 977+902 (истор., геогр., этн. и литер. статьи).

Въ „Черниговскихъ Епарх. Вѣд." 1861—64 г. помѣщено обширное собраніе *писемъ архіеп. Лазаря Барановича* 1657—1692 г., изд. отдѣльно (съ примѣчаніями, 1865).

Ср. статью Н. Сумцова: „Губ. Вѣд. какъ пособіе при изученіи рус. исторіи и этнографіи" (Кіев. Стар. 1885, № 2, с. 391—393). Къ сожалѣнію авторъ коснулся этого вопроса въ самыхъ общихъ чертахъ и совершенно не обратилъ вниманія на библіографію.

(Библ. Зап., кн. III и Чт. М. О. И. 1863, кн. I); 9) Библ. указат. литер. по шелковод. 1703—1883. Сост. И. Токмаковъ М. 1882 и 1883 (2 вып.); 10) Библ. указат. литер. по пчеловодству 1703—1883. Сост. И. Токмаковъ, Тамб. 1883; 11) Указат. матер. по ист. почтъ въ Россіи, сост. В. Д. Левинскій и И. Ѳ. Токмаковъ М. 1881; 12) Указат. матер. по ист. промышлен. и развитія прикладн. знаній въ Россіи. Сост. И Ѳ. Токмаковъ, М. 1882.

XIV. 1) Библіогр. розысканія В. Ундольскаго (здѣсь говорится о древнихъ рукописн. описяхъ, печатн. каталогахъ и описяхъ библіотекъ. Москвитян. 1846, т. II, III, XI и XII и оуд. М. 1846); 2) Литерат. и наука при Петрѣ В. П. Пекарскаго, т. II, 1862 (опис. слав. рус. книгъ и типогр. 1698—1725); 3) Обозр. книгъ, гравюръ и портр. врем. цар. Петра В. и Екат. I. Я. Березина-Ширяева, Спб. 1872. 4) Литература рус. библіогр. книгъ и статей, издан. въ Россіи. Сост. Г. Геннади Спб. 1858; 5) Библіологич. опытъ о древн. рук. письмен., А. Котляревскаго, Воронеж. 1881; 6) Библіографъ Полторацкій (Ист. Вѣст. 1884, № 5); 7) Русскія книжныя рѣдкости. Г. Геннади Спб. 1872; 8) Матер. для библіогр. (обозр. рус. и иностр. книгъ въ библіот. любителя съ XVI—XIX в.), Я. Березина-Шираева, Спб. 8 кн 1868—70, дополн. 1876—84; 9) О руск. библіогр. трудахъ. С. А. Соболевскаго (Рус. Арх. 1870). Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX стол. и списокъ русскихъ книгъ съ 1725—1825 г. Сост. Г. Геннади т. I и II, Берл. 1876—80. А.—М., съ дополн. Собко (нов. допол. въ Древ. и Н. Рос. 1877 г. П. М. и П. Быкова и Библіогр. Гартье 1880, Саитова); Словари Евгенія, Филарета, Строева и др.

XV. 1) Die Geschichtliche Literatur der deutsch. Ostseepronivzien Russlands seit den Jahre 1836. Von Pauker, Dorp. 1848 (212 стр.)—здѣсь помѣщено полное обозрѣніе всего, что сдѣлано для разработки. Остз. исторіи съ 1836 г.; 2) Verzeichniss der neuerschienenen Schriften zur Gesch. Liv.-Ehst-und Kurlands, von Dr. C. Napiersky, I, 1847—1855 (изъ Mittheil. aus der Livl. Gesch. B. III, H. 3), 1857 Riga; 4) Bibliotheka Livoniae historica von. Winkelmann (систем. указ. источн. и пособій на рус. и иностр. яз. 2-е изд. Berl. 1878, 608 стр.); Хронолог. указат. матер. для ист. инородцевъ Европ. Россіи, сост. подъ руковод. П. Кеппена. Спб. 1861; 5) Versuch eines Quellen-Anzeigers alter und neuer Zeit für das Studium der Geographie, Topographie, Ethnographie und Statistik des Russisch. Reiches, v. J. Stuckenberg. Spt., 2 B.

1849—1852 (указатель рус. и иностр. книгъ и журнальн. статей); 6) Obraz bibliograficzno-historiczny literatury i nauk w Polsce, pr. A. Iochera, Warsz. 1840; Bibliographia polska, Lwów, 1850—1854, I—III; Bibl. krajowa. Warsz. 1856—57; Bibl. polska od 1800—1862 r. Warsz. 1863; Bibl. polska, wyd. F. A. Brockhaus, Lipsk. 1861—65; Ioach. Lelewel: Bibliograficznych xiąg dwoie, vol. I—II, Wilno, 1823—26; Notice d'une collection d'anciens livres, la plupart rares et relatifs à l'histoire de Pologne et de Russie. Paris, 1831; Bibliographia Polska XV—XVI stólecia, K. Estreichera, Kraków, 1875; тоже XIX стол. 5 томовъ, 2 т. дополн. и 1 томъ прибавл. (1870—1882). Перечни текущей польск. литер. въ „Варшавск. Библіотекѣ", въ Славян. Сборн. (т. III) и Ж. М. Н. Пр. (Старчевскаго, Пташицкаго, Макушева и др.). 7) Catalogue d'une collection précieuse des livres rares et curieuses concernants la Polôgne, la Russie et autres pays Slaves, par Asher, Berl. 1858 (зам. о немъ въ Библ. Зап; т. I 60—62); La Russie anecdotique, bibliographique, biographique, géographique, historique, littéraire, statistique et, contrairement á l'ordinaire, véridique. Par. A. Rostopchine, Brux. 1875 (415 стр.); 8) обзоры и библ. указатели, помѣщ. въ Zeitschr. Зибеля (указат. къ этому изд. 1859—1878), Russ. Revue, Athenaeum'ѣ, Polybiblion'ѣ (статьи о. Мартынова); Bibliograph. Uebersicht der Erscheinungen aus dem Gebiete der slavischen Philologie und Alterthumskunde seit dem Jahre 1870—1875 zussammengestellt, v. Prof. Jagič (Archiv. f. Slav. Liter.—обстоятельный систематич. обзоръ и рус. изд.); обзоръ рус. литер. съ 1860 по 1872 г. по вопросамъ историч., этн., филол., относ. къ славянск. міру, А. А. Котляревскаго въ Časopis. mus. cral. Česk. 1874 и отд. 53 стр. (прод. обзор. по 1860—П. А. Лавровскаго); La littérature slave depuis dix ans, par le p. Martinow de la comp. Jésus, Paris 1879—обзоръ славянскихъ литературъ за послѣднее десятилѣтіе, преимущественно же русской, по книгамъ и періодическимъ изданіямъ. 9) Bibliographie des bibliographies par Léon Vallée, Paris 1883—полезная справочная книга по французской библіографіи (подобные же указатели принадлежатъ: французскій—Сабену 1872 г. и нѣмецкій Пецгольду—1866); An Index Periodical Literature. By W. Fr. Poole. 3-d ed., L. 1883. Указатель доведенъ до 1882 г. и расположенъ по предметамъ. 10) Српска библиjографиjа 1741—1867. Сост. Стоjан Новаковичъ. У Билограду. 1869.